

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

2023 № 3

Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)

12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России
№ 21-р «Вестник Антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М. Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С. В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю. Д., Бондаренко Д. М., Боруцкая С. Б., Буганов А. В., Бутовская М. Л.,
Герасимова М. М., Дубова Н. А., Казьмина О. Е., Каландаров Т. С., Канукова З. В., Крадин Н. Н.,
Мажиа А. (Итальянская Республика), Пушкарева Н. Л., Радойичич Д. (Республика Сербия),
Харламова Н. В., Халид А. (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Григорьева О. М. (физическая антропология), Зыкина О. А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В. А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И. Э. (Итальянская Республика),
Васильев С. В. (РФ), Веселовская Е. В. (РФ), Головнев А. В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х. А.
(Испания), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М. Ю. (РФ),
Паскуалино К. (Франция), Пашалы П. М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич
Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д. А. (РФ), Хан В. С. (Республика Узбекистан),
Чаеван Лим (Республика Корея), Чистов Ю. К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович
vasbor1@yandex.ru

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <https://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023
© Журнал «Вестник антропологии», 2023

The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and
Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the
Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)

By the order No. 21-p of The Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald
of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed
scientific journals recommended for publishing scientific
results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S. V. Vasilyev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu. D. Anchabadze, D. M. Bondarenko, S. B. Borutskaya, A. V. Buganov, M. L. Butovskaya,
N. A. Dubova, M. M. Gerasimova, O. E. Kazmina, T. S. Kalandarov, Z. V. Kanukova, N. N. Kradin,
N. V. Kharlamova, A. Khalid (USA), A. Maxia (Italy), N. L. Pushkareva, D. Radojičić (Serbia)

EXECUTIVE EDITORS

O. M. Grigorieva (Physical Anthropology), O. A. Zykina

ADVISORY BOARD

V. A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I. E. Butitta (Italy), Yu. K. Chistov (Russia),
E. Drozdova (Czech Republic), D. A. Funk (Russia), A. V. Golovnev (Russia), J. A. González
Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V. S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel),
Chae-wan Lim (Korea), M. Yu. Martynova (Russia), P. M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino
(France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S. V. Vasilyev (Russia),
E. V. Veselovskaya (Russia)

Address:

119991 Moscow, Leninskiy prospect, 32A
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology
Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology
Sergei Vladimirovich Vasilyev
vasbor1@yandex.ru

Web: <https://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2023

© Journal “Herald of Anthropology”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Антropология и антропология хозяйственной деятельности

Джиошвили Э. А., Кривоно-
женко А. Ф., Литвин Ю. В.,
Яловицына С. Э. Историко-куль-
турные традиции и идентичность
жителей моногородов «Карельской
Арктики»: Сегежа и Костомукша

Антонова Н. А., Дубова Н. А.,
Наврузбеков М. Н., Никифоров М. Г.
Звезды в жизни населения
долины реки Зеравшан

Сейтмуратов О. С. Традиционное
скотоводство у каракалпаков
(видовой состав)

Квашин Ю. Н. К вопросу о юго-за-
падных пределах кочевания ненцев

Никонова Л. И., Охотина И. Н.,
Медов А. А. Полозьевые средства
передвижения у мордвы. О роли
традиционного транспорта в хозяйстве

Руднев В. В. Традиционная
метрология и современный мир

Григулевич Н. И. Актуальная эколо-
гическая ситуация в малых городах
Ярославской области на примере
городов Данилова и Пощеконья

Антropология торговли

Новик А. А. Базар и дюкян, ярмарка
и маркет: эволюция торговли
в Албании в начале XXI в.

Human Ecology and Anthropology of Subsistence

Dzhioshvili, E. A., A. F. Krivonozenko,
Y. V. Litvin and S. E. Yalovitsyna. Cultural
Traditions and Identity of Single Industry
Towns' Residents in the "Karelian Arctic"
Region: Segezha and Kostomuksha.

Antonova, N. A., N. A. Dubova,
M. N. Navruzbekov and M. G. Nikiforov.
Stars in the Life of the Population
of the Zeravshan River Valley

Seytmuratov, O. The Development of
Pastoral Farming Among the Karakalpaks

Kvashnin, Y. N. To the Question of the
South-Western Limits of Nomadic Nenets

Nikonova, L. I., T. N. Okhotina
and A. A. Medov. Skidding
Vehicles of the Mordvins

Rudnev, V. V. Traditional
Metrology and Modern World

Grigulevich, N. I. The Current
Ecological Situation in Small Towns
of the Yaroslavl Region. A Case
of Danilov and Poshekhonie

Anthropology of Commerce

Novik, A. A. Bazar and Dyqan, Fair and
Shop: Evolution of Trade in Albania at
the Beginning of the 21st Century

Фаис-Леутская О. Д. Сагры
в Италии: современные эконо-
мические и социальные аспекты
средневековой традиции

Шевлякова Д. А. Коммерциализация
исторической памяти в названиях
итальянских вин начала XXI в.

Антropология культурных репрезентаций

Мартынова М. Ю. Визуальная
репрезентация этнографии Западных
Балкан в рисунках Ольги Бенсон

Степанова О. Б. Антропология
ямальского сувенира (на материалах
ненцев, хантов и селькупов)

Щербак М. Б. Феномен «dalit cinema»
и репрезентация низкокастовых
сообществ в кинематографе Индии

Идентичность и межкультурный диалог

Бучатская Ю. В. «Произошли
от вендов»: мифологема славянства
в истории одного немецкого
городского сообщества

Молодчикова Т. С. Определение
«индайца» и «индийского»
в мексиканском интеллектуальном
пространстве первой половины XX в.

Снедков Г. А. Маскулинные
образы и конструирование
исландской нации в XXI веке:
историографический анализ

Квилинкова Е. Н. Российский и турец-
кий векторы стратегической политики
Гагаузии в контексте культурно-ци-
вилизационных ориентиров гагаузов

Зверев К. А. Идентичность на постсо-
ветском пространстве: смена советско-
го мифа национальным (по материа-
лам социологических исследований)

144 Fais-Leutskaia, O. D. The Sagra in
Italy: Modern Economic and Social
Aspects of the Medieval Tradition

165 Shevliakova, D. A. Commercialization
of Historical Memory in the Names of
Italian Wines in the Early 21st Century

Anthropology of Cultural Representations

184 Martynova, M. Yu. Visual Representation
of the Western Balkans Ethnography
in the Drawings of Olga Benson

203 Stepanova, O. B. Anthropology of
the Yamal Souvenir (Among the
Nenets, Khants and Selkups)

215 Shcherbak, M. "Dalit Cinema"
Phenomenon and Representation
of the Low Caste Communities
in Indian Cinematography

Identity and Intercultural Dialogue

229 Buchatskaya, J. V. "They Are of Slavic
Origin": The Slavic Mythologem in the
History of One German Urban Community

248 Molodchikova, T. S. Definition of
"Indian" and "Indigenous" in the
Mexican intellectual space of the
first half of the 20th Century

262 Snedkov, G. A. Masculine Images and
Construction of Icelandic Nation in the
21st Century: Historiographical Analysis

270 Kvilkinkova, E. N. Russian and Turkish
Vectors of the Strategic Policy of
Gagauzia in the Context of Cultural
and Civilizational Orientations

288 Zverev, K. A. The Identity in the Post-
Soviet Space: The Replacement of the
Soviet Myth by the National One: On
the Data of the Sociological Research

- Титова Т. А., Фролова Е. В. Религиозное пространство Казани: идентичности и практики (по материалам этносоциологического исследования) 303 *Titova, T. A. and E. V. Frolova. Religious Space of Kazan: Identities and Practices (the Results of Ethnosociological Research)*
- Сафин Ф. Г., Кульшарипов Ф. Р., Скогорев С. В. Контрафакторность этнодемографических процессов в Башкортостане (1979–2020 гг.) 319 *Safin, F. G., F. R. Kulsharipov and S. V. Skogorev. The Contradictory of Ethnodemographic Processes in Bashkortostan (1979–2020)*
- Физическая антропология**
- Спицына Н. Х., Балинова Н. В. Антропогенетические исследования в популяциях эвенков 338 *Spitsyna, N. H. and N. V. Balinova. Anthropogenetic Studies of Evenk Populations*
- Боруцкая С. Б., Васильев С. В. Палеодемографическое исследование некрополя Псебепс-3 Краснодарского края 354 *Borutskaya, S. B. and S. V. Vasilyev. Paleodemographic Studies of the necropolis "Psebeps-3" in Krasnodar Krai*
- Рецензии**
- Федоров Р. Ю. Новый вклад в изучение самосознания и культуры русских. Рецензия на книгу: Жигунова М. А. Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции. Омск, Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 232 с. 365 *Fedorov, R. Yu. A New Contribution to the Study of the Identity and Culture of Russians. Book Review: M. A. Zhigunova. The Russian Population of the City of Omsk: Identity, Culture, Traditions. Omsk, Yekaterinburg: The Ural Worker, 2022. 232 p*
- Каландаров Т. С. Рецензия на книгу: Dagiev Dagikhudo. Central Asian Ismailis. An Annotated Bibliography of Russian, Tajik and Other Sources. London: I. B. Tauris, 2022. 278 p. 370 *Kalandarov, T. S. Book Review: Dagiev Dagikhudo. Central Asian Ismailis. An Annotated Bibliography of Russian, Tajik and Other Sources. London: I. B. Tauris, 2022. 278 p*

АНТРОПОЭКОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25

Научная статья

© Э. А. Джиошивили, А. Ф. Кривоноженко, Ю. В. Литвин, С. Э. Яловицына

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ МОНОГОРОДОВ «КАРЕЛЬСКОЙ АРКТИКИ»: СЕГЕЖА И КОСТОМУКША

В последние годы растет внимание к социально-экономическим проблемам жизни в моногородах Российской Арктики; разрабатываются программы развития. Сквозной во всех материалах является тема депопуляции, снижения качества жизни. В этой связи актуальность приобретает тема социального самочувствия и идентичности жителей арктических моногородов. В «Карельской Арктике» функционируют два моногорода — Костомукша и Сегежа. В статье будет представлено социально-антропологическое измерение двух этих городов. В поле зрения окажутся историко-культурные традиции, демонстрируемые на двух уровнях: «внешнем» — презентация городов в общественном пространстве (материалы СМИ, официальные интернет-порталы и группы в социальных сетях); и «внутреннем», отражающем мнения жителей через интервью. Костомукша и Сегежа похожи с точки зрения интернациональности городского сообщества, коллективизма вокруг градообразующего предприятия, и в целом осознания факта, что город является советским наследием. Особенно это чувствуется в культур-

¹ Джиошивили Эльвира Александровна — младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Российская Федерация, 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: elvira-260893@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8933-1740>

Кривоноженко Александр Фёдорович — к. и. н., научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Российская Федерация, 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: krivfed@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7152-8070>

Литвин Юлия Валерьевна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Российская Федерация, 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: litvinjulia@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2369-4987>

Яловицына Светлана Эрккиевна — к. и. н., старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Российская Федерация, 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: jalov@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–20318 (<https://rscf.ru/project/22-28-20318/>), проводимого совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК).

ной памяти костомушан, в которой центральное место занимает проект уникального города, возведенного на границе силами советских и финских строителей в 1970-х гг. Соседние карельские деревни оттеснены на периферию этой памяти, хотя и придают ей определенный колорит. Довольно четко прослеживается устремленность костомушан в будущее. В Сегеже, возникшей в 1940-х гг., культурная память о прошлом более актуализирована, апелляции к советскому прошлому и роли ЦБК в жизни города звучат чаще. Сравнение городов в контексте включения в арктический регион показывает, что костомушане демонстрируют большую уверенность в связях с Арктикой, что, скорее обусловлено не географическим положением, а приграничностью и планами по реализации транзитных проектов по линии Запад-Восток. В обоих городах довольно устойчивой является северная идентичность; арктическая идентичность практически не заметна.

Ключевые слова: моногорода, программы развития Арктики, историко-культурные традиции, идентичность, Карелия, самопрезентация

Ссылка при цитировании: Джсиошили Э. А., Кривоноженко А. Ф., Литвин Ю. В., Яловицына С. Э. Историко-культурные традиции и идентичность жителей моногородов «Карельской Арктики»: Сегежа и Костомукша // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 7–25.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25

Original article

© Elvira Dzhioshvili, Alexander Krivonozhenko, Yulia Litvin and Svetlana Yalovitsyna

CULTURAL TRADITIONS AND IDENTITY OF SINGLE INDUSTRY TOWNS' RESIDENTS IN THE "KARELIAN ARCTIC" REGION: SEGEZHA AND KOSTOMUKSHA

There has been growing attention to social and economic problems of everyday life in the single-industry towns of the Russian Arctic in recent years. Depopulation and reduction in quality of life are underlying topics of every research. In this light, it seems important to study the social well-being and identities of the Arctic single-industry towns' inhabitants. Two single-industry towns are located in the "Karelian Arctic" region — Kostomuksha and Segezha. The paper highlights the social and anthropological dimensions of these towns. The authors investigate the historical and cultural traditions, identified in two spheres of everyday life: the presentation of towns in the public space, including media and social networks, and the opinion of residents reflected through interviews. Kostomuksha and Segezha are similar in their representation as international communities and the Soviet heritage. The international aspect is especially significant for Kostomuksha inhabitants, whose town was a trans-border project in the 1970s. According to the interviews with residents of Kostomuksha, there is a considerable focus on the future in the city. On the contrary, the cultural memory of Segezha inhabitants is more "historical" with an

emphasis on the Soviet past and the role of "Komsomol construction" of the local pulp and paper mill. The study demonstrates the importance of Northern identity in the cities. Arctic identity is more clearly seen in Kostomuksha due to realized border projects between Russia and Finland.

Keywords: single industry towns, Arctic development programs, historical and cultural traditions, identity, Karelia, self-presentation

Authors Info: Dzhioshvili, Elvira A. — Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: elvira-260893@yandex.ru

Krivonozhenko, Alexander F. — Ph. D. in History, Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: krivfed@yandex.ru

Litvin, Yulia V. — Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: litvinjulia@yandex.ru

Yalovitsyna, Svetlana E. — Ph. D. in History, Deputy Director for Research, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: yalov@yandex.ru

For citation: Dzhioshvili, E. A., A. F. Krivonozhenko, Y. V. Litvin and S. E. Yalovitsyna. 2023. Cultural Traditions and Identity of Single Industry Towns' Residents in the "Karelian Arctic" Region: Segezha and Kostomuksha. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 7–25.

Acknowledgments: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 22–28–20318 (<https://rscf.ru/project/22-28-20318/>), conducted jointly with the Government of the Republic of Karelia with funding from the Venture Investment Fund of the Republic of Karelia (VIF RK).

Введение

Большинство городов Арктической зоны России (АЗРФ) были основаны еще в советское время, преимущественно для разработки месторождений полезных ископаемых. При этом условия жизни в арктических моногородах значительно отличаются от региона к региону, а исторические особенности поселений и (этно)культурная специфика таких поселений могут существенным образом отличаться даже внутри одного региона.

В последние годы растет внимание к социально-экономическим проблемам жизни в моногородах российской Арктики; разрабатываются программы развития, детализируются как понятие «моногорода», так и типология поселений в АЗРФ в целом; предлагаются аналитические доклады, посвященные ситуации в них. Сквозной во всех материалах является тема депопуляции, миграционного оттока, снижения показателей естественного прироста, качества жизни (Указ 2020). В этой связи актуальность приобретает не только тема экономического развития, но также социального самочувствия и идентичности жителей арктических моногородов, воздействия на них историко-культурной специфики поселений. Изучение этих вопросов возможно при помощи качественных методов историко-социологического анализа.

В регионе под условным названием «Карельская Арктика», образованном в период с 2017 по 2020 г.,¹ функционируют два наиболее крупных моногорода — Костомукша и Сегежа². Согласно современной классификации оба города отнесены к категории 2: «монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения» (*Недосека, Карбаинов 2020: 170*).

Цель статьи: на материалах СМИ, социальных сетей и интервью с жителями представить социально-антропологическое измерение двух моногородов «Карельской Арктики» — Сегежи и Костомукши. При этом в поле зрения окажутся историко-культурные традиции, демонстрируемые на разных уровнях: «внешнем», через который конструируется презентация городов в общественном пространстве — материалах СМИ, официальных интернет-порталов и групп в социальной сети «ВКонтакте»; и «внутреннем», отражающем мнения жителей через интервью. Анализ проводится в контексте новых арктических программ, стартовавших в регионе в 2017–2020 гг., которые могут способствовать переосмыслению собственной идентичности местными жителями.

Источники и методология

Основой формирования представлений о презентации городов в общественном (внешнем) пространстве стал проведенный исследовательским коллективом контент-анализ официальных сайтов городов, СМИ и выбранных социальных сообществ. Хронологические рамки публикаций, включенных в анализ, определяются началом реализации арктических программ в Карелии — с июня 2020. Для исследовательского коллектива было важным «захватить» период старта программ, когда «арктический» статус региона воспринимался как относительно новый.

Сбор информации о публикациях в СМИ осуществлялся по ключевым словам: «традиция», «идентичность», «культура», «Арктика», «Север». СМИ были представлены районными газетами «Доверие», «Новости Костомукши», «64 параллель онлайн». Требует пояснения принцип отбора социальных сообществ для анализа. В поле нашего зрения попали официальные группы Домов культуры, музеев, общественных и некоммерческих организаций, а также неофициальные городские сообщества, например, «Надвоицы-онлайн». Отбор групп «ВКонтакте» осуществлялся по следующим принципам: связь с городом и районом; регулярная актуализация; наличие возможности комментирования. Всего было отобрано 11 групп. Далее проводился анализ содержания публикаций в соответствии с обозначенной целью исследования.

¹ В состав Арктической зоны Республики Карелия были включены в 2017 г. Беломорский, Лоухский и Кемский районы; в 2020 г. — Сегежский, Калевальский районы и Костомукшский городской округ.

² Статус моногорода также имеет пгт. Надвоицы Сегежского района. Он отнесен к моногородам «с наиболее сложным социально-экономическим положением» (Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 N 1398-р). В 2016 г. поселение получило статус территории опережающего социально-экономического развития. После закрытия в 2018 г. градообразующего алюминиевого завода, здесь функционируют несколько предприятий, включая центр обработки данных.

Самопрезентации идентичности стали доступны благодаря проведенным интервью с жителями Костомукши (6 чел.) и Сегежи (10 чел.), а также сельских поселений в округе этих городов, собранным с мая по октябрь 2022 г. Вопросы интервью были распределены по четырем основным блокам: «Традиции», «Арктика», «Мобильность», «Идентичность». Основное внимание уделялось личной иерархии идентичностей. Нас интересовало, как интерпретируется понятие «традиция», какие значимые культурные доминанты звучат, как воспринимается новый «арктический» статус. Кроме того, интервьюеры предлагали информантам выбрать наиболее актуальные для них идентичности из так называемого «облака идентичностей»: локальной, региональной, общегражданской, северной, арктической, национальной, этнической.

Высказывания информантов делились на смысловые единицы разного порядка — коды и категории. Они были проанализированы в программе Atlas.Ti9, с применением техники осевого кодирования (278 первичных кодов) и категорирования (25 категорий) текстов, а также коллективной интерпретации (в несколько этапов; с формулировкой и уточнением гипотез). Генерация кодов и категорий шла индуктивным путем: фрагменты нарратива поэтапно сжимались до смысловых кодов (сначала первого порядка, затем второго — с более обобщенными понятиями); близкие по смыслу коды второго порядка формировали категории. В контексте нашего исследования в их число вошли, прежде всего, ценностные ориентации информантов. Их частотность давала основания для выводов о распространенности среди опрошенных. Контексты позволяли также определить и их важность для того или иного респондента. Основная цель инструментария — выявить важные для информанта/информантов явления, скрытые в объеме неструктурированных первичных данных. Иногда между интерпретаторами возникали разногласия, которые необходимо было согласовать, либо, в случае размытости смысла, не включать данный фрагмент в логические построения. Это позволяло строже, с опорой на коллективную интерпретацию, делать оценки, сверять их и избавляться от единичных, не имеющих типичных признаков, мнений.

Историография

Сочетание в статье различных тематик, связанных с изучением Арктики, моногородов, идентичности, традиций и их презентаций, определило необходимость обращения к разным историографическим пластам.

Для начала важно определиться с понятием «моногород». Моногород — «это населенный пункт (городской округ), имеющий градообразующее предприятие, на котором занято не менее 25% трудоспособного населения этого населенного пункта». Такое поселение также должно соответствовать ряду других критерий (*Неганова 2015: 116–117*). Из 313 моногородов, 14 находятся в Арктической зоне (*Аналитический доклад 2016*). Одной из проблем для большинства арктических моногородов является убыль населения — естественная и миграционная (*Волков, Тишкин С. В., Дружинин 2021*), что может обуславливать «снижение мощностей градообразующих предприятий» (*Аналитический доклад 2016: 9*), влиять на жизнеспособность населенного пункта. Привычный мобилизационный метод организации экономической жизни в Арктике не отвечает сегодняшним реалиям (*Замятин, Пилясов 2015*;

Тимошенко 2019). Социологи и экономисты сомневаются, что простое создание новых рабочих мест сможет удовлетворить потребности населения в сфере занятости. Речь идет скорее о диверсификации экономики, которая, в свою очередь, может оказать влияние на социально-культурную жизнь моногородов¹.

В этой связи социально-антропологическое измерение городского пространства — второй пласт научной литературы, существенный для нашего исследования — становится актуальным и востребованным в изучении АЗРФ. В одном из первых трудов на эту тему ставилась задача сделать своего рода «моментальный снимок» жизни в малых городах постсоветской России (Плюснин 2000). Целый ряд проектов под руководством В. А. Тишкова ориентировались на антропологическое изучение жизни населения в малых городах («Мы здесь живем» 2013; Малые города, большие проблемы 2014), оценку опыта взаимодействия коренных народов и промышленных (государственных, частных, международных) компаний (Российская Арктика: коренные народы 2016), а также мотивации жителей на укоренение. Авторы недавно вышедшей коллективной монографии «Дети девяностых» в современной Российской Арктике...» («Дети девяностых» 2020) исследуют «жизненные стратегии» молодежи Севера и социально-экономических факторов развития территории. В Карелии комплексное исследование г. Костомукша было предпринято в 1990-е гг. (Илюха, Антощенко, Данков 1997).

Репрезентация историко-культурных традиций старшим поколением горожан часто связана с советским прошлым (Недосека, Жигунова 2019: 131). Л. М. Дробижева пишет о «культурной травме» заставших распад Советского Союза людей². В моногородах, чья экономическая база во многом была основана на государственном обеспечении и заказе, «культурная травма», вероятно, имеет более глубокие основания.

В поле зрения авторов также находятся вопросы идентичности и социального самочувствия горожан (Недосека и др. 2020). В этих и других работах предлагается пересмотреть взгляд на «советские» города, как на «умиравшие». Изучаются процессы трансформации города и приспособления населения к новым экономическим и социокультурным условиям жизни (в частности, маятниковая миграция или распределенный образ жизни «между городской квартирой, дачей, погребом, сараевом и гаражом») (Недосека, Карбанинов 2020). Оценка уровня комфорта связывается с такими критериями как экологическая безопасность, имидж города, развитие общественных пространств и туризма, которые влияют на локальную идентичность (Руссова, Смак, Тарасов 2020).

Значимым понятием в рамках нашей статьи является региональная идентичность. Исследования отечественных социологов доказывают, что понимание региона определяется не только политико-институциональным измерением, но и социокультурным ландшафтом и экономической обстановкой, по-разному преломляясь в сознании людей (Головнева 2017; Еремина 2011). Северная идентичность концептуализирована в работах А. В. Головнева, Ю. П. Шабаева, И. А. Разумовой и др. На-

¹ Подробнее о современных мерах социально-экономической поддержки моногородов см. публикации Е. В. Недосеки и Н. И. Карбанинова, Д. В. Зайцева, а также статьи журнала «Городские исследования и практики» за 2020 г. (Т. 5. № 1).

² Это находит выражение в росте с 2005 по 2018 г. числа людей, ощущающих связь с гражданами России (увеличение с 65 до 79%). См.: Дробижева 2020.

пример, понятие «северность» описывается с помощью ряда характеристик: власть над собственной судьбой, единение с природой, открытая этничность и этногостепенчество, ненавязчивое самосознание и др. (Головнев 2022).

Обзор работ, посвященных арктической идентичности, представлен у ряда исследователей, включая вопросы качества жизни, стратегий на миграцию/укоренение (Изучение российской Арктики; Российская Арктика в поисках интегральной идентичности 2016; Головнева 2018).

Северная, арктическая, региональная идентичности, как и ее иные типы, опираются на социальные мифы, культурную память, особенности территории проживания. Результатом идентификации может стать появление новых этнических и/или культурных доминант, приписываемых определенной территории и проживающему на ней социуму. В современном мире местом формирования и/или пересборки идентичностей являются также средства массовой информации и социальные медиа.

Костомукша и Сегежа в публичном информационном пространстве

Костомукша является самым молодым городом Карелии (статус города получен в 1983 г.). В административном отношении это центр Костомукшского городского округа, на его территории расположены несколько деревень. Наиболее крупная из них — д. Вокнаволок, история которой глубоко связана с культурными традициями карельского народа. По результатам переписи 2020 г. в г. Костомукша проживало 26650 человек, или 98% населения городского округа. Город Сегежа свою историю ведет с 1943 г., когда поселению, в связи с открытием целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК), был присвоен городской статус. В 2020 г. в Сегежском городском поселении проживало 23543 чел., в Сегежском районе — 32371 чел. (ВПН 2020).

Строительство городов предполагало привлечение трудовых ресурсов. Помимо миграции из других республик СССР (прежде всего, Белорусской и Украинской), стягивалось население из близлежащих деревень, в том числе карельских. В 1989 г. в Сегеже и Костомукше насчитывалось 1567 и 2078 карелов соответственно (Клементьев 2013: 85), хотя следует отметить, что при строительстве Костомукши в 1980-е гг. существовал негласный запрет на привлечение в город местного сельского населения. К концу 1980-х гг. на территории Сегежского района и Костомукшского городского округа не осталось селений с преобладающим карельским населением. Национальный состав городов был весьма пестрым.

Публичная презентация Костомукши на официальных ресурсах тесно увязана с появлением и развитием горно-обогатительного комбината, т. е. с послевоенными десятилетиями. История старинных карельских населенных мест, входящих в состав городского округа, представлена мало. В СМИ и соцсетях присутствует два образа Костомукшского городского округа. Первый можно условно сравнить с древнегреческим полисом, когда всё внимание обращено к городу. Его история непродолжительна, но создана руками самих жителей. Его важнейшая особенность — мультикультурализм, молодость и уникальный образ финского города в России, приграничность. Роль традиционной (карельской) культуры в этом образе невелика — это лишь одна из особенностей многонационального города. Второй образ, транслируемый в основном в социальных сетях, сосредоточен вокруг старинных рунопевческих деревень, которые были включены в состав городского округа в конце 1980-х гг. Здесь

превалирует идея «карельскости» и сильна тематика традиции — в частности, нередким является обращение к пищевым традициям карелов (любимыми ими чаю и кофе), банной культуре, фольклорному наследию.

Официальные материалы по г. Сегеже транслируют образ города с традиционно промышленной ориентацией, охватывая и более ранние исторические периоды, связанные с эпохой Петра I. Строительство Беломорско-Балтийского канала и события Великой Отечественной войны — значимые сюжеты постоянной выставки музея и исторической справки на сайте районной администрации¹. Так же как в случае с Костомукшой, прежде всего, город позиционируется как мультикультурный. Особенно заметен в этой сфере Центр межнационального сотрудничества (открыт в 2012 г.) и НКА белорусов «Сябры» (зарегистрирована в 2016 г.). Организации тесно связаны в своей работе с Сегежской центральной районной библиотекой. Авторы одной из записей «ВКонтакте» подчеркнули, что изначально город был комсомольской стройкой, «со всей страны приезжала молодежь». В конце поста отмечено, что существенная роль в строительстве города и предприятий принадлежала белорусам (Запись от 02.03.2021). О благоприятных для создания семьи условиях говорил один из членов белорусской организации: «Здесь всё располагает к тому, чтобы создать семью...» (Запись от 02.12.2021). Тесные родственные и межкультурные связи поддерживаются и иными общественными организациями: марийскими, польскими, литовскими. В Сегеже действует районное отделение Региональной общественной организации «Союз карельского народа». «Карельский» этнический компонент также присутствует в публичном и виртуальном пространстве, не являясь, однако, доминантным. Анализ текстовых и визуальных материалов групп «ВКонтакте» показал, что белорусские и карельские мероприятия нередко проводятся совместно. Важная роль в Сегеже отводится дискурсу о дружном сосуществовании разных этнических групп.

По сложившейся традиции, главными городскими праздниками Костомукши и Сегежи стали День города и День горняка (в Костомукше). Хронологические рамки исследования приходятся на период пандемии коронавируса; в связи с этим публикаций, посвящённых проведению этих праздников, не так много. В программе Дня города 2021 г. в Костомукше обращает на себя внимание название онлайн-квиза «По рунопевческой земле», отсылающее к карельской традиционной культуре. В рамках праздника также организовалась выставка, посвящённая «Отцам-основателям города» — советскому государственному деятелю Алексею Косыгину и финляндскому президенту Урхо Кекконену (Публикуем график 2021).

Программа дня города Сегежи — города бумажников, отличается пестротой: от выставок и ярмарок местных мастеров до шествия барабанщиц (2022 г.) и членов мотоклуба (байкеров). Значимым брендом Сегежи является бумага — продукция местного ЦБК. В местном музее существует постоянная экспозиция, посвященная бумаге. На сайте Музейного центра можно прочитать: «Сегежа — город бумаги. Бу-

¹ Указанные исторические личности и события включены в практики коммеморации. Например, в 2014 г. появились памятный крест на месте сожженной в 1942 г. финскими войсками церкви и расположенного в Петровском Яме в годы Великой Отечественной войны госпиталя; памятный знак «Осударева дорога»; памятный знак «Воицкий рудник»; мемориальная плита памяти партизанки А. М. Лисициной на фасаде Дома культуры г. Сегежа.

мага положила начало городу». В 2021 г. бумажные костюмы Сегежского районного Центра культуры (этнодифиле) экспонировались на выставке в Москве.

Проблемы экологического благополучия находят отражение в городских СМИ, но публикации за исследуемый период по этой теме немногочисленны и связаны с модернизацией оборудования на горно-обогатительном комбинате г. Костомукша для снижения выбросов углекислых газов и улучшения очистки сточных вод как самого предприятия, так и города. При этом важная роль в снижении антропогенной нагрузки на природу в выявленных публикациях отводится трансграничному взаимодействию с ЕС и, в частности, Финляндией. Речь идёт как о софинансировании инфраструктурных проектов, так и использовании опыта соседнего государства (Тумаш 2021; Экология 2014). Тема экологии в Сегеже также звучит — она связана с работой ЦБК и местных очистных сооружений¹. В то же время ряд инфраструктурных, экологических, культурных проектов реализует холдинг «Segezha Group». Следует упомянуть об одном из них — «БиблиоЭко», который реализуется в Сегежской библиотеке в рамках грантового конкурса «Добрые леса Segezha Group». Это зонтичный проект, который объединил экологическую повестку и культурно-историческое просвещение детей и молодежи. Давними для Сегежи являются экологические проблемы. Однако эта тема не нашла широкого освещения в масс- и социальных медиа за рассматриваемый период.

Тема сотрудничества Костомукши с Финляндией всегда была актуальной на страницах городских СМИ и пабликов. Эпидемия коронавирусной инфекции изменила акценты костомукшских СМИ в многочисленных публикациях о Финляндии, или, как часто писали в городских медиа, «о соседях». Большая часть из них касалась закрытия государственных границ в период пандемии и приостановки выдачи виз. Тем не менее, международное сотрудничество не теряло своей актуальности для пограничного города. Одна из публикаций в СМИ называлась «Сотрудничество при закрытых границах» (Сотрудничество 2021). Кроме того, освещалось развитие трансграничного туризма после пандемии и в области науки (Исследователям нужна помощь 2021; Развивая туризм 2020; Туристическое сотрудничество 2021).

Тематика Арктики пока не включена ни в рассказ о городе, ни о более широкой агломерации вокруг него. Она слабо присутствует на страницах местных СМИ и социальных сетей г. Костомукша и имеет целью, прежде всего, информирование населения о старте программ. Более рельефно и подробно она отражена на сайте администрации Костомукшского городского округа. Очевиден «административный» драйвер продвижения арктической темы, который пока не оброс презентацией конкретного опыта участия в программах и оценками этого эксперимента.

Таким образом, презентация Костомукши и Сегежи в публичном дискурсе, хотя во многом похожа, но имеет и свои уникальные особенности — в Костомукше чаще обращаются к карельской культуре, к теме сотрудничества с Финляндией; в Сегеже акцент делается на комсомольскую стройку и бренд города — бумажную продукцию. Общим является фокус на градообразующем предприятии, которые были созданы в советский период. Эта тематика, вкупе с понятиями коллективизм, совместный труд, интернационализм, формируют советский пласт идентичности жителей

¹ Новостью 2020 г., взволновавшей общественность, стала публикация видео слива в реку и лес отходов с форелеперерабатывающего завода в п. Попов порог Сегежского района.

этих городов. Как показал анализ интервью с местными жителями, их представления о городах во многом совпадают с официальным дискурсом.

Образ городов в материалах интервью

Восприятие города

Важнейшие особенности Костомукши, транслируемые в СМИ и социальных сетях — мультикультурализм, молодость и образ финского города в России — также проявляются в интервью. Предметом гордости местных жителей являются несколько составляющих. Во-первых, уникальность города как проекта, построенного и реализованного благодаря совместным усилиям и сотрудничеству России и Финляндии. «У нас когда спрашивают, что такое Костомукша, сразу мы говорим о том, что это первый у нас в стране уникальный международный проект, который был реализован двумя странами. Наверно, такого города в России больше нет» (ФА № 4288). Второй, не менее важный компонент, отмечаемый практически каждым собеседником — высокий уровень толерантности, открытость местного сообщества, сложившиеся в результате совместного труда представителей разных национальностей. Примечательно, что респондентами зрелого возраста это маркируется как черта советского общества: «Живём в том варианте советском, дружно» (ФА № 4289). В этом же ряду отмечается взаимовыручка, сплоченность населения, обеспечивающая спокойную атмосферу для жизни. «Все здесь друг друга знаем. Мы можем гордиться тем, что у нас спокойно, мало хулиганства, воровства. ... Никто не берет чужого. Если кто-то там потерялся — собака, кошка, то все стремятся помочь» (ФА № 4290). В восприятии местных жителей молодость и энергичность строителей города («люди с горящими глазами») остаётся свойством местного сообщества, обеспечивающим большую гибкость в принятии решений, адаптивность к изменяющимся условиям. «Все время продолжается движение вперед. Там нет какого-то застоя. Несмотря ни на какие трудности и ситуации в жизни» (ФА № 4288).

В качестве предмета гордости также выступает окружающая природа, что отражает не только уникальность городских ландшафтов Костомукши («город в лесу», «единство города и леса») и восприятие природы как ценности, прежде всего, для спокойной жизни и отдыха, но и богатство недр земли — «руды, которая послужила основанием создания города» (ФА № 4292). Наличие крупного горнодобывающего производства не воспринимается как наносящее вред экологии местности. В этой связи важно отметить значимость Костомукшского заповедника, визит-центр которого упоминается в интервью как один из основных объектов показа гостям города. Этим подчёркивается экологическая «чистота»: «30% территории городского округа — это как раз особо охраняемые природные территории» (ФА № 4288). Несколько другое отношение к природным ресурсам наблюдается в Сегеже. Природа и здесь воспринимается как ценность — «гордиться тут у нас только лесами, озерами, водопадами» (ФА № 4286), но вместе с тем звучат опасения по поводу экологического состояния территории из-за выбросов ЦБК, неудовлетворительной работы очистных сооружений.

В сравнении с Костомукшой в Сегеже история строительства ЦБК не так ярко отражается в интервью с местными жителями. Поколение людей, которые строили город, практически ушло, но память об их трудовой деятельности персонифицируется в именах директоров завода, заслуженных работников. Вместе с тем заметно

«слияние» холдинга «Segezha Group» и образа города в настоящем. Компания позиционирует себя как социальный бизнес, следующий стандартам устойчивого лесопользования; реализует социально-значимые проекты. Это находит отклик у местных жителей: «На данный момент у нас очень много денег вкладывается в город, он становится новым, красивым. ... У нас дворы преобразились, у нас появились скверы, парк мы сейчас строим за огромные деньги, спасибо Сегежскому ЦБК, который нам разработал проект» (ФА № 4285).

В восприятии местных жителей Сегежа предстает как типичный моногород в российской глубинке. Не раз в контексте других вопросов звучал тезис об отдаленности: «Никто не знает, где это», «Мы далеко находимся». Это воспринимается амбивалентно — с одной стороны, положительно, как место для спокойной размежленной жизни: «Здесь хорошо воспитывать детей. Тишина и спокойствие. Много времени на детей» (ФА № 4293). С другой стороны, отдаленность расценивается как недостаток для развития территории: «Когда приезжаешь в большой город, думаешь, как ты далеко от цивилизации» (ФА № 4286). Примечательно, что в интервью с жителями Костомукши фактор отдаленности (при условии, что транспортная доступность Костомукши ниже в сравнении с Сегежей) не упоминается в негативном ключе, вероятнее всего, в силу приграничного положения города, что открывает другие возможности. Костомукшане демонстрируют опасения по поводу изменения роли пограничного фактора: «Мы угол России. В данный момент, после всех этих ситуаций, с Европой связанных и с Украиной... Мы самые крайние. Дальше нас только недружественная страна» (ФА № 4291).

Несмотря на схожесть Костомукши и Сегежи с точки зрения интернациональности городского сообщества, колективизма вокруг градообразующего предприятия, и в целом осознания факта, что город является советским наследием, хотелось бы обратить внимание на различия в культурной памяти их жителей. По данным интервью довольно четко прослеживается большая устремленность костомукшан в будущее. Для них прошлое земли, на которой они живут, и даже история самого города имеет меньшее значение, чем перспективы развития, особенно в новых условиях 2022 г. Сегежане более укоренены в прошлом, причем именно в советском. Интересно, что в некоторых интервью строительство ББК силами узников ГУЛАГа звучало при ответе на вопрос о предмете региональной исторической гордости. Внутри этой картины мира кроется парадокс, который состоит в том, что «„гулаговский ад“ (как часть советской индустриализации — прим. авт.) порождал не только ужасы, но и „новую жизнь“ Севера: порты, каналы, дороги, комбинаты, города» (Головнёв 2022: 347–348).

Проводя исследование в Республике Карелия, естественным было обратить внимание на карельскую этническую культуру и ее присутствие в идентичности жителей моногородов. Оно не было значительным, что не соответствовало нашим ожиданиям. Карельская традиционная культура мало актуализирована у костомукшан, хотя для этого есть исторические предпосылки — земля карельского эпоса «Калевала». В Сегеже это чувствуется еще меньше.

Характеристики местной культуры

Этнокультурной сфере и Костомукши, и Сегежи свойственны пестрота и многонациональность — «соединение и слияние многих культур в одну» (ФА № 4287), «где всего по чуть-чуть, всего очень много» (ФА № 4005). Городская культура про-

фессионально ориентирована: объединяющим праздником для Костомукши является День горняка; для Сегежи — День города, локальным брендом также выступает все, что связано с бумагой (город бумажников, платья из бумаги). Само понятие «местная культура» трактуется и понимается информантами чаще всего как современное состояние культурной жизни города. Однако в собранных интервью довольно рельефно презентуется особенность Костомукши: ассоциации «местного» здесь чаще связаны с карельской культурой, видами традиционной деятельности: «[Ассоциируется] с поселками вокруг Костомукши. Образ жизни у местного населения. (...) Охота, рыба, ягоды» (ФА № 4291); «Местными считаю наши карельские традиции» (ФА № 4290). Представления о традиционном тесно переплетаются с карельскими деревнями. По словам жительницы Костомукши: «Там, в Вокнаволоке, конечно, все мероприятия завязаны на карельскую культуру очень сильно» (ФА № 4288). Элементы карельской культуры используются не только в культурных мероприятиях, но и в спортивных («Карельский забег», «Забег в рятачинах»¹, экстремальный забег «Teräskontie Haaste»²). Более широко «карельское» трактуется в местной символике и брендировании бизнеса: названия на карельском, финском языках; лаконичный стиль в оформлении помещений — «Всё белое, ничего лишнего» (ФА № 4290).

В Сегеже ощущается большая размытость этнокультурных различий, карельская культура гораздо меньше представлена в общественном поле: «Здесь много белорусов, здесь много [людей] и с Украины было раньше. Тут такой национальной карельской — я на себе это никак не ощущаю» (ФА № 4212). «Все-таки этнику мы теряем потихонечку. В Сегеже карелы прямо коренные, которые стараются поддерживать [традиции] есть, но их, к сожалению, очень мало. Потому что город строился на приезжих людях» (ФА № 4005). Такой взгляд пересекается с презентацией культуры в СМИ и социальных сетях.

Однако и в Сегеже отмечают растущий запрос на «народную/традиционную» культуру (не только со стороны туристов, но и местных жителей), роль которой может выполнять карельская, но для этого, по мнению информантов, необходимы новые форматы вовлечения, трансформация культуры под современные реалии: «То есть если бы это были не бабушки, которые пели просто хороводные стандартные песни, а было бы что-нибудь осовремененное, может быть, это было бы более широко востребовано» (ФА № 4005). В Костомукше данная проблема также поднимается в связи с включением выступлений карельских коллективов в общегородскую культурную повестку.

Несмотря на то, что главный запрос на участие в этнически маркированных мероприятиях демонстрируют люди, идентифицирующие себя как карелы, а также потомки карелов, карельская культура воспринимается как значимая и «живая», не только ими: «Переехав в Костомукшу, я познакомилась с „Обществом карельской культуры“, стала с ними больше общаться. И для меня карелы перестали быть какими-то ряженными, которые поют на праздниках. <...> Они передают свой опыт. Они здесь жили, с этой природой взаимодействовали» (ФА № 4287).

Смену парадигмы отношения к карельскости отмечали и другие информанты: «если в советское время быть карелом было „непrestижно“³, то сейчас уважение к карелам есть, оно увеличивается с каждым годом.» (ФА № 4292).

¹ Женская сорочка.

² «Стальной медведь».

³ «Чтобы из всех деревень не сбежали люди в Костомукшу, на строительство Костомукши, было запрещено принимать на работу вокнаволокских, юшкозерских, калевальских и всяких разных жителей. Родилось такое понятие, что карелы — это что-то низкое» (ФА № 4292).

«Арктика ли мы?»

Новый «арктический» статус Костомукши и Сегежи, опыт участия жителей этих моногородов в арктических программах мог повлиять на их идентичность. В интервью нас интересовали оценки жителей Арктической зоны Республики Карелия (АЗРК) самого факта включения части Карелии в Арктическую зону РФ. В какой мере эта территория воспринимается как Арктика? Прежде чем дать ответ на этот вопрос применительно к избранным городам: Костомукше и Сегеже, заметим, что содержания стереотипов об Арктике весьма устойчиво. Понятно, что в природном-климатическом контексте это лед, снега, мороз, обжигающе-холодный пронизывающий ветер, всепоглощающая стынь. «При слове Арктика у меня перед глазами сразу ледокол, глыбы льда и снега» (ФА № 4288).

В антропологическом ключе также можно выявить ряд повторяющихся понятий и образов. Арктику всегда открывают, исследуют геологи, летчики-полярники, кочевые тундровые народы, живущие в местах традиционного проживания. «Для России это огромный регион арктического побережья. Поэтому надо срочно его изучать, поддерживать, и развивать. Чтобы использовать на благо» (ФА № 4289). Это почти всегда герои; люди, способные переносить сверхнагрузки, связанные с непокоренной природой. Такую Арктику применительно к Карелии мы практически не нашли в наших интервью.

И в Костомукше, и в Сегеже речь идет скорее о ПРЕДАРКТИЧЬЕ, о Юге Арктики, о Теплой Арктике. Но даже такие метафоры больше редкость. Их чаще заменяют на понятие «Крайний Север» и поясняют, что здесь, на севере Карелии, климат весьма неустойчивый, что эти земли относятся к зоне рискованного земледелия, бывают резкие колебания температур, поздняя весна, короткое лето, заморозки. «Север — это и есть начало Арктики. Потому что здесь все растет и движется сложнее, значит, нужна большая поддержка» (ФА № 4289). Интересно, что сами жители этих краев редко упоминают такую особенность этих мест, как белые ночи летом и короткий световой день зимой, что объясняется, по всей видимости, привычкой, естественным восприятием этого явления.

Особенности человеческой природы человека Севера также нашли отражение в интервью. Правда, это, как правило, не были контексты, связанные с героическим покорением Арктики, хотя для этого были все необходимые привходящие: например, Костомукшу начали осваивать именно с геологической станции. Образ жителей города в интервью конструировался без связи со стереотипным образом покорения природы. Большее значение для горожан имел коллективный труд, комсомольская стройка, благодаря которым сформировалось интернациональное сообщество, ценившее свой город и работающее вместе над его развитием: «Люди сюда приехали инициативные, активные... совсем молодыми... строить город и работать на комбинате...» (ФА № 4288).

Для обоих городов принадлежность к северу и даже к Крайнему Северу, не вызывает сомнений. Для этого есть вполне конкретное и знакомое всем основание — выплата северных надбавок. Сравнение Костомукши и Сегежи в контексте ответа на вопрос о причинах их включения в АЗРК показывает, что костомукшане демонстрируют большую уверенность в арктической привязке своего города, что, однако, в большей мере связано не с географическим положением на карте широт, а скорее с приграничностью: «[Планировали] провести транспортный коридор через

Костомукшу, как выход в европейский страны. Тем более, что у нас сейчас идет ремонт дороги. ... Все эти мысли разрушились с учетом СВО и всех ее последствий» (ФА № 4288). Среди наиболее перспективных направлений российско-финляндского сотрудничества в Арктике для Республики Карелия в заявке региона рассматривался арктический туризм, в т. ч. международный. Для Сегежского района хорошим аргументом включения в АЗРК могли бы быть data-центры, проекты сооружения которых рассматривались именно в этом районе. Однако, в проведенных интервью реализация этих планов часто комментировалась в контексте кадровой проблемы: «Data-центр почему-то очень много набрал сторонних... У нас нет специалистов, к сожалению. Если ты специалист, то стараешься куда-то уехать» (ФА № 4285). То есть в оценках звучит мысль, что для развития района, трудоустройства граждан эти проекты мало что дают. Это размыщение из экспертного интервью подтверждается работами экономистов и социологов — простое создание новых предприятий не всегда означает привлечение населения. Диверсификация экономики предполагает целый комплекс мер, включая содействие подготовке и переподготовке специалистов, помочь в продвижении продукции для малого и среднего бизнеса (Недосека, Карбанинов 2020: 31).

Прямой вопрос о построении иерархии идентичностей жителей моногородов «Карельской Арктики» показал, что она преимущественно региональная. Многие опрошенные нами утверждали, что для них первичной является принадлежность к поселению, району, республике. Менее выражена гражданская идентичность, хотя она, как правило, выбиралась информантами в числе первых трех выборов. Арктическая идентичность в данных городах не зафиксирована, в отличие от северной, которая выглядит усвоенной и устойчивой.

Выводы

В локальной идентичности жителей рассматриваемых в статье моногородов есть общие моменты и особенности. В обоих городах ценится роль градообразующего предприятия не только в экономической, но и социальной стороне жизни. В некотором смысле значение этого предприятия затмевает другую историю места, где возник город.

Это особенно чувствуется в культурной памяти костомукшан, в которой осталось место только для трансляции истории уникального города, возведенного на границе силами советских и финских строителей. Соседние карельские деревни, существовавшие и существующие на этих землях ранее, оттеснены на периферию этой памяти, хотя и придают ей определенный колорит. Заметно, что жителей Костомукши, во всяком случае в период проведения интервью, больше заботили проблемы будущего города.

У сегежан, город которых возник несколько ранее, культурная память о прошлом более актуализирована. В ней есть мрачные страницы (ГУЛАГ, ББК), они не могут быть вычеркнуты. В этой связи апелляция к советскому прошлому и роли ЦБК в жизни города в интервью в Сегеже звучит чаще. При этом тематика этнических традиций народов, проживавших здесь ранее, скорее выглядит архаизмом. Как выразилась одна из опрошенных: «этника уходит».

Особенностью Костомукши, ярко прослеживаемой в интервью 2022 г., является некоторая растерянность в связи с потерями международного транзитного статуса города. «Мост между Востоком и Западом» — именно так презентовалась роль этого

региона в концепции развития АЗРК — превратился в «угол России». Интересно, что в интервью не звучали опасения потери безопасности региона в связи с вступлением Финляндии в НАТО. Жителей Костомукши заботило больше другое — как в этих условиях удержать молодежь, для которой простота трансграничного перемещения была одним из основных стимулов жизни здесь.

И в Костомукше, и в Сегеже ценится спокойная размеренная жизнь маленького города, предназначенного, прежде всего, для семьи. Несмотря на специфику Сегежи, на территории которой были и есть режимные объекты, это не мешает воспринимать город как уютное семейное пространство. Часто звучит тезис о сохранении природы, как важном компоненте, обеспечивающем будущее. Эта ценность важна как для коренных местных жителей, так и для укоренных приезжих. Проекты, инициируемые в рамках арктических программ, часто основывались на природных богатствах городов и их пригородов, формируя наиболее многочисленный туристический кластер резидентов Арктической зоны. Несмотря на соседство промышленных предприятий, часто несущих эко-угрозы, ценность чистоты природы и ее сохранения является базовым элементом в системе ценностей жителей моногородов. В Костомукше он дополняется феноменом леса и заповедника внутри города.

Арктическая идентичность не нашла широкого отражения в анализируемых источниках. Жители моногородов воспринимают себя северянами, ценят локальные и региональные особенности, которые, по их представлениям, сложились преимущественно в недавнем советском прошлом. Более давняя история этих земель не стала значительным сегментом исторической памяти горожан. В интерпретируемых текстах не нашел отражения дискурс об умирающем городе, скорее наоборот, мы стали свидетелями, хотя и сдержаных, но рефлексий о дальнейших траекториях развития.

Источники и материалы

- Аналитический доклад 2016 — Аналитический доклад «Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития / Институт прикладных исследований. М., 2016. 44 с. [Электронный ресурс]. http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/monogoroda_AZRF.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
- Запись от 02.12.2021 — Запись от 2 декабря 2021 г. [МинНац & Регион политики Карелии] [Электронный ресурс]. https://vk.com/club159067341?w=wall-159067341_358%2Fall (дата обращения: 10.04.2023).
- Запись от 02.03.2021 — Запись от 2 марта 2021 г. [репост Архив Сегежского района] [Электронный ресурс]. https://vk.com/club147488790?w=wall-147488790_1615%2Fall (дата обращения: 10.04.2023).
- Изучение российской Арктики — Изучение российской Арктики (библиография 1991–2023) / сост. О. В. Коковкина [Электронный ресурс]. <http://www.prometeus.nsc.ru/archives/exhibit2/rusarc.ssi> (дата обращения: 10.04.2022).
- Исследователям нужна помощь 2021 — Исследователям нужна помощь. 06.04.2021 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. https://64parallel.ru/obshhestvo/issledovatelyam_nuzhna-pomoshh/ (дата обращения: 27.03.2023).
- ВПН 2020 — Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещение населения. Табл. 9. [Электронный ресурс]. <https://krl.gks.ru/folder/69829> (дата обращения: 27.03.2023).
- Литературно-музыкальный вечер — Литературно-музыкальный вечер «Дочь вепсского народа», запись от 25.04.2022 [Электронный ресурс]. https://vk.com/club147488790?w=wall-147488790_2111%2Fall (дата обращения: 10.04.2023).

- Публикуем график 2021 — Публикуем график праздничных событий. 22.04.2021 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. <https://64parallel.ru/novosti/publikuem-grafik-prazdnichnyx-sobytiy/> (дата обращения: 27.03.2023).
- Развивая туризм 2020 — Развивая туризм. 07.12.2020 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. <https://64parallel.ru/obshhestvo/zdorovo/razvivaya-turizm/> (дата обращения: 27.03.2023).
- Сотрудничество 2021 — Сотрудничество при закрытых границах. 30.04.2021 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. <https://64parallel.ru/novosti/sotrudnichestvo-pri-zakrytyx-granicax> (дата обращения: 27.03.2023).
- Тумаш А. 2021 — Тумаш А. Вторая жизнь осадка сточных вод. 31.08.2021 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. <https://64parallel.ru/gorod/vtoraya-zhizn-osadka-stochnyx-vod> (дата обращения: 27.03.2023).
- Туристическое сотрудничество 2021 — Туристическое сотрудничество. 28.04.2021 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. <https://64parallel.ru/obshhestvo/turisticheskoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 27.03.2023).
- Указ 2020 — Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. <http://ivo.garant.ru/#/document/74810556> (дата обращения: 27.03.2023).
- ФА № 4005 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы Ю. В. Литвин, 2022 г., г. Сегежа, ж., 1975 г. р.
- ФА № 4212 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы Ю. В. Литвин, 2022 г., д. Каменный Бор (Сегежский район), ж., 1964 г. р.
- ФА № 4285 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы Ю. В. Литвин, 2022 г., г. Сегежа, ж., 1975 г. р.
- ФА № 4286 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы Ю. В. Литвин, 2022 г., г. Сегежа, ж., 1991 г. р.
- ФА № 4287 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы А. Ф. Кривоноженко, 2022 г., г. Костомукша, ж., 1988 г. р.
- ФА № 4288 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы А. Ф. Кривоноженко, 2022 г., г. Петрозаводск, ж., 1969 г. р.
- ФА № 4289 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы А. Ф. Кривоноженко, 2022 г., г. Костомукша, ж., 1958 г. р.
- ФА № 4290 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы А. Ф. Кривоноженко, 2022 г., г. Костомукша, ж., 1982 г. р.
- ФА № 4291 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы А. Ф. Кривоноженко, 2022 г., г. Костомукша, м., 1959 г. р.
- ФА № 4292 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы А. Ф. Кривоноженко, 2022 г., г. Костомукша, ж., 1978 г. р.
- ФА № 4293 — Фонограммахив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Экспедиционные материалы Ю. В. Литвин, 2022 г., д. Каменный Бор (Сегежский район), ж., 40–45 лет.

Экология 2014 — Экология в режиме онлайн. 04.04.2014 // 64 параллель онлайн [Электронный ресурс]. <https://64parallel.ru/novosti/kombinata/ekologiya-v-rezhime-onlajn> (дата обращения: 27.03.2023).

Научная литература

- Волков А. Д., Тишков С. В., Дружинин П. В. Природные ресурсы, система расселения и роль моногородов в развитии пространственной организации регионального хозяйства Карельской Арктики // Арктика: экология и экономика. 2021. Том 11. № 4. С. 582–595. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-4-582-595>
- Головнёв А. В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
- Головнева Е. В. «Сборка региона»: параметры конструирования региональных общностей // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 114–125. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-114-125>
- Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона): автореф. дисс. докт. философ. наук. Екатеринбург. 2018. Место защиты: ФГБОУ ВО Омский государственный педагогический университет. 38 с. https://omgpu.ru/sites/default/files/files/dis/6730/avtoreferat_golovnevaev.pdf (дата обращения: 20.11.2022).
- «Дети девяностых» в современной Российской Арктике / отв. ред. Н. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 432 с.
- Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. <https://doi.org/10.31857/S01321625009460-9>
- Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа [Электронный ресурс]. // Регионология. 2011. № 3. <http://regionsar.ru/node/781> (дата обращения: 20.11.2022).
- Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика. М.: URSS, 2015. 216 с.
- Илюха О. П., Антощенко А. В., Данков М. Ю. История Костомукши. Петрозаводск: Мега-Пресс, 1997. 221 с.
- Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 195 с. [Электронный ресурс]. <https://www.booksite.ru/fulltext/kliment/text.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
- Малые города, большие проблемы. Социальная антропология малого города / ред. М. Е. Кашибецкий, О. Ю. Артемова, М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2014. 357 с.
- «Мы здесь живем»: социальная антропология малого российского города / отв. ред. В. А. Тишков. М.: РГГУ, 2013. 684 с.
- Неганова О. А. Моногорода в региональной экономике РФ: понятие моногород, градообразующее предприятие, классификация моногородов // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 25. С. 115–119.
- Недосека Е. В., Жигунова Г. В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.118>
- Недосека Е. В., Карбаинов Н. И. «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 163–181. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.163>
- Плюснин Ю. М. Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 году. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 147 с.

- Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв. ред. О. Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / ред. В. А. Тишков. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 271 с.
- Русsova O. H., Smak T. C., Tarasov I. A. Оценка комфорtnости городской среды как фактор социального самочувствия городских жителей Архангельской области // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 236–247. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.236>
- Timоиценко A. I. Государственная политика СССР в Арктике в 1920–1930-е гг. // Полярные чтения — 2019 / Ред.: П. В. Боярский, В. И. Боярский, А. В. Головнев и др. СПб.: Паулсен, 2020. С. 219–236. <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-sssr-v-arktike-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 07.03.2023).

References

- Drobizheva, L. M. 2020. Rossiiskaia identichnost': poiski opredeleniiia i dinamika rasprostraneniia [Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 8: 37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
- Eremina, E. V. 2011. Regional'naia identichnost' v kontekste sotsiologicheskogo analiza [Regional Identity in the Context of Sociological Analysis]. *Regionologiiia* 3. <http://regionsar.ru/node/781>
- Golovnev, A. V. 2022. *Severnost' Rossii* [The Northernness of Russia]. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk. 450 p.
- Golovneva, E. V. 2017. “Sborka regiona”: parametry konstruirovaniia regional'nykh obshchnostei [“Assembling the Region”: The Parameters of Constructing Regional Communities]. *Sibirskii filosofskii zhurnal* 15(4): 114–125. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-114-125>
- Golovneva, E. V. 2018. *Konstruirovanie regional'noi identichnosti v sovremennoi kul'ture (na material'e sibirskogo regiona)* [The Construction of Regional Identity in Modern Culture (Based on the Material of the Siberian Region)]. Ph. D. diss. abstract, Omsk State Pedagogical University.
- Iliukha, O. P., A. V. Antoshchenko and M. Yu. Dankov. 1997. *Istoriia Kostomukshi* [The History of Kostomuksha]. Petrozavodsk: Mega-Press. 221 p.
- Kabitskii, M. E., O. Yu. Artemova and M. Yu. Martynova (eds.). 2014. *Malye goroda, bol'shie problemy. Sotsial'naia antropologiya malogo goroda* [Small Towns, Big problems. Social Anthropology of a Small Town]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 357 p.
- Klement'ev, E. I. 2013. *Iazykovye protsessy v Karelii na primere karelov, vepsov, finnov* [Language Processes in Karelia on the Example of Karelians, Veps, Finns]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. 195 p. <https://www.booksite.ru/fulltext/klement/text.pdf>
- Nedoseka, E. V. and G. V. Zhigunova. 2019. Osobennosti lokal'noi identichnosti zhitelei monogorodov (na primere Murmanskoi oblasti) [Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (the Case of the Murmansk Oblast)]. *Arktika i Sever* 37: 118–133. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.118>
- Nedoseka, E. V. and N. I. Karbainov. 2020. “Umiranie” ili “novaia zhizn” monogorodov (na primere sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii zhitelei monoprofil'nykh poselenii Severo-Zapada Rossii) [“Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (The Case Study of Socio-Economic Adaptation of Residents of Single-Industry Settlements in the North-West of Russia)]. *Arktika i Sever* 41: 163–181. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.163>
- Neganova, O. A. 2015. Monogoroda v regional'noi ekonomike RF: poniatie monogorod, gradoo-brazuiushchee predpriiatie, klassifikatsiia monogorodov [Single-Industry Towns in the Regional Economy of the Russian Federation: The Concept of a Single-Industry Town, a City-Forming Enterprise, Classification of Single-Industry Towns]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tsvetentsii razvitiia* 25: 115–119.
- Pliusnin, Yu. M. 2000. *Malye goroda Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskoe povedenie domokhoziaistv, tsennostnye ustavokii i psichologicheskoe sostoianie naseleniiia v 1999 godu* [Small Towns of

- Russia. Socio-Economic Behavior of Households, Values and Psychological State of the Population in 1999]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. 147 p.
- Podvintsev, O. B. (eds.). 2016. *Rossiiskaia Arktika v poiskakh integral'noi identichnosti* [The Russian Arctic in Search of an Integral Identity]. Moscow: Novyi khronograf. 208 p.
- Russova, O. N., T. S. Smak and I. A. Tarasov. 2020. Otsenka komfortnosti gorodskoi sredy kak faktor sotsial'nogo samochuvstvia gorodskikh zhitelei Arkhangel'skoi oblasti [Assessment of the Comfort of the Urban Environment as a Factor in the Social Well-Being of Citizens of the Arkhangelsk Oblast]. *Arktika i Sever* 41: 236–247. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.236>
- Timoshenko, A. I. 2020. Gosudarstvennaya politika SSSR v Arktike v 1920–1930-e gg. [USSR State Policy in the Artic in the 1920–1930s] In *Poliarnye chteniia — 2019* [Polar Readings — 2019], ed. by P. V. Boiarskii, V. I. Boiarskii and A. V. Golovnev. St. Petersburg: Paulsen: 219–236.
- Tishkov, V. A. (ed.). 2013. “My zdes' zhivem”: sotsial'naia antropologiya malogo rossiiskogo goroda [“We Live Here”: Social Anthropology of a Small Russian City]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 684 p.
- Tishkov, V. A. (ed.). 2016. *Rossiiskaia Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia. 271 p.
- Vakhtin, N., Sh. Dudek (eds.). 2020. “Deti devianostykh” v sovremennoi Rossiiskoi Arktike [“Children of the Nineties” in the Modern Russian Arctic]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 432 p.
- Volkov, A. D., S. V. Tishkov and P. V. Druzhinin. 2021. Prirodnye resursy, sistema rasseleniiia i rol' monogorodov v razvitii prostranstvennoi organizatsii regional'nogo khoziaistva Karel'skoi Arktiki [Natural Resources, Settlement System and the Role of Single-Industry Towns in the Spatial Organization Development of the Arctic Karelia Regional Economy]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* 11(4): 582–595. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-4-582-595>
- Zamiatina, N. Yu. and A. N. Piliasov. 2015. *Innovatsionnyi poisk v monoprofil'nykh gorodakh: blokirovki razvitiia, novaia promyshlennaiia politika* [Innovative Search in Single-Industry Cities: Blocking Development, New Industrial Policy]. Moscow: URSS. 216 p.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/26-41
 Научная статья

© Н. А. Антонова, Н. А. Дубова, М. Н. Наврузбеков, М. Г. Никифоров

ЗВЕЗДЫ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ЗЕРАВШАН

С целью изучения народных календарно-астрономических знаний жителей Республики Таджикистан летом 2022 г. была проведена этнографическая экспедиция по долине реки Зеравшан. Было опрошено 39 информаторов-таджиков из 23 кишлаков в Горно-Матчинском, Айнинском и Пенджикентском районах, территория которых находится в долине р. Зеравшан. Собранный материал показал достаточно высокий уровень традиционных астрономических знаний населения. В Пенджикентском районе, где имеются компактные поселения этнических узбеков, знания существенно хуже и в основном ограничиваются остаточными сведениями, полученными в советской средней школе. На Зеравшане отмечают четыре народных праздника, связанных с сельским хозяйством: Навруз — Новый год, Джусф Баророн — праздник первой запашки, Сада — окончание зимней чилли (50 дней и 50 ночей до Навруза) и Мехргон — праздник сбора урожая. Наиболее значимым из них является Навруз, а Сада и Мехргон, хотя и получили в последнее время статус общегосударственных, особенным образом не отмечаются. В восприятии населения они являются обычными выходными днями. Неожиданным фактом, который не укладывается в известные календарные схемы, оказалось то, что празднование Навруза существенно отличается от даты весеннего равноденствия, с которой обычно его связывают. Так, в некоторых кишлаках его отмечают с 5 по 10 марта, а еще в одном — 12 марта. Это на 9–16 дней раньше весеннего равноденствия. В других кишлаках он празднуется в среднем позже равноденствия — с 17 по 30 марта или с 14 по 31 марта. Из звезд местное население лучше всего знает Сириус, который имеет в долине Зеравшана двойное название. От верховьев реки до кишлаков Кудишар и Пастигав звезду называют «Сармо» (морозная звезда), а западнее, начиная с кишлака Падрог,

Антонова Наталья Андреевна — студентка исторического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский пр. 27, к. 4). Эл. почта: nantonova496@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1730-2761>

Дубова Надежда Анатольевна — д. и. н., главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32а). Эл. почта: dubova_n@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4340-1037>

Наврузбеков Маснав Ниёзмамодович — младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии НАНТ (Республика Таджикистан, 734026 Душанбе, ул. Академиков Раджабовых, д. 9). Эл. почта: n-masnava83@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0108-0981>

Никифоров Михаил Геннадьевич — доцент, ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет (Российская Федерация, 119034 Москва, ул. Остоженка д. 38, стр. 1). Эл. почта: followup@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-5854>

* Работа выполнена при поддержке РНФ (проект 22-18-00529).

ее называют «Ситораи хунук» (холодная звезда), как и в других селениях Таджикистана, сведения о которых имеются. Кроме того, жителям известен астеризм «Семь братьев», который иногда отождествляют с Плеядами, а иногда с созвездием Большой Медведицы.

Ключевые слова: Таджикистан, этнография, народная астрономия, видимость звезд, календарные праздники

Ссылка при цитировании: Антонова Н. А., Дубова Н. А., Наврузбеков М. Н., Никифоров М. Г. Звезды в жизни населения долины реки Заравшан // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 26–41.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/26-41

Original article

© Nataliya Antonova, Nadezhda Dubova, Masnav Navruzbekov and Michail Nikiforov

STARS IN THE LIFE OF THE POPULATION OF THE ZERAVSHAN RIVER VALLEY

In order to study the folk calendar and astronomical knowledge of the inhabitants of the Republic of Tajikistan, an ethnographic expedition was carried out along the valley of the Zeravshan River in the summer of 2022. We interviewed thirty-eight Tajik informants from twenty-three villages in the Gornaya-Matcha, Aini and Penjikent regions, where the Zeravshan River passes. The collected material shows a fairly high level of folk astronomical knowledge. In the Penjikent region, where ethnic Uzbeks live compactly, knowledge is significantly lower and is mainly limited to residual information obtained in the Soviet secondary school. Zeravshan settlers celebrate four folk holidays related to agriculture: Nawruz — the New year, Juft Baroron — the holiday of the first plowing, Sada — the end of the winter chillya (50 days and 50 nights before Nawruz) and Mehrgon — the harvest festival. The most significant of them is Nawruz. Sada and Mehrgon, although they have recently received the status of national holidays, are not celebrated in a special way. For the population, they are ordinary days off. An unexpected fact that does not fit into the known calendar schemes is that Nawruz is not celebrated on the day of the vernal equinox, with which it is usually associated. Rather, in some villages it is celebrated from March 5 to March 10, and in others — on March 12. These dates are 9–16 days before the equinox. In some villages, it is celebrated after the equinox — from 17 to 30 March or from 14 to 31 March. Of all the stars, the local population of Zeravshan River knows Sirius best of all. It has a double name there. From the upper reaches of the river to the villages of Kudishar and Pastigav, the star is called “Sarmo” (frost star), and to the west, starting from the village of Padrog, it is called “Sitorai Hunuk” (cold star), as in other villages of Tajikistan which we know about. In addition, the Seven Brothers asterism is known. Sometimes it is identified with the Pleiades, and sometimes with the constellation Ursa Major.

Keywords: *Tajikistan, ethnography, folk astronomy, visibility of stars, calendar holidays*

Authors Info: **Antonova, Nataliya A.** — Student of the Historical Faculty, the M. V. Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow). E-mail: nantonova496@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1730-2761>

Dubova, Nadezhda A. — Dr. in History, Chief researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: dubova_n@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4340-1037>

Navruzbekov, Masnav N. — Junior researcher, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of NAST (Republic of Tajikistan, Dushanbe). E-mail: n-masnav83@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0108-0981>

Nikiforov, Michail G. — Associated professor, Moscow State Linguistic University (Russian Federation, Moscow). E-mail: followup@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-5854>

For citation: Antonova, N. A., N. A. Dubova, M. N. Navruzbekov and M. G. Nikiforov. 2023. Stars in the Life of the Population of the Zeravshan River Valley. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 26–41.

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation (project 22–18–00529).

Одной из мало изученных сторон бытовой культуры населения Средней Азии являются знания народов о звездном небе и использовании этих знаний в сельском хозяйстве, при строительстве, для определения наступления определенных, в том числе праздничных дней. Отрывочные сведения по разным народам, конечно, имеются. Но систематизации, обобщения данных, в том числе и в рамках Евразии, не было проведено. Восполняя этот пробел, нами был обоснован проект «Реликты астрономических традиций в культуре древних земледельцев Средней Азии по этнографическим данным», который был поддержан РНФ (№ 22–18–00529). Полевой материал мы начали собирать прежде всего в Таджикистане, т. к. именно по нему, а конкретно по Припамирию имеются достаточно подробные конкретные сведения (Бобринской 1908; Рахимов 1957; Андреев 1958; Кисляков, Писарчик 1966; Мухиддинов 1975, 1986; Джаконов 1989 и др.). Эти сведения, собранные как в конце 1920-х, так и в 1970-е годы, показали, что, несмотря на распространение государственной метеорологической службы, наличия четко зафиксированных государством праздничных дней, в реальной жизни традиционные знания до сих пор применяются. Но после отмеченного временного отрезка прошло уже шесть десятков лет и выросло более двух поколений. Какие процессы имели место в системе жизнеобеспечения народов как в изучаемом регионе, так и во многих других, известно крайне мало. Предполагать же, что урбанизация и глобализация охватили все уголки всех территорий вряд ли логично.

Для изучения населения Таджикистана было составлено несколько маршрутов, которые с одной стороны, охватывают те районы и населенные пункты, где сведения об астрономических знаниях населения собирались ранее, а с другой, как раз те, о которых подобные сведения полностью отсутствуют. Одним из таких маршрутов, совер-

шенно логично стало обследование кишлаков в долине р. Заравшан. По этому региону данных о сохранности астрономических представлений в литературе не известно.

Заравшан — одна из крупнейших рек Средней Азии. Она протекает между Туркестанским хребтом на севере, Заравшанским хребтом на юге и ориентирована в широтном направлении. Заравшан берет начало на стыке этих двух хребтов, где находится одноименный ледник, питающий верховья реки. Упомянутые два хребта, а также третий, Туркестанский являются важным рубежом, разделяющим две крупные историко-географические области — Северный и Южный Таджикистан. На территории Таджикистана долина Заравшана проходит по трем административным районам: верховья реки расположены в районе Горной Матчи с центром в Мехроне, после чего Заравшан пересекает Айнинский и Пенджикентский районы.

В 2022 г. основная часть работ проводилась в наиболее удаленном Горно-Матчинском районе, охватывающем территорию от кишлака Худгиф Боло на востоке до кишлака Оббурдон на западе, где были собраны сведения по 19 кишлакам (Рис. 1). Исследования в Айнинском районе представлены пятью кишлаками от Шамтуча до Томина. Они носили в большей степени уточняющий характер. Изначально было ожидаемым, что с какого-то момента уже собранная информация начнет повторяться. В Пенджикенском районе была проведена короткая двухдневная разведка, целью которой являлся больший охват бассейна Заравшана. Кроме того, было необходимо сравнить собранную здесь информацию с данными, полученными в верхнем течении реки.

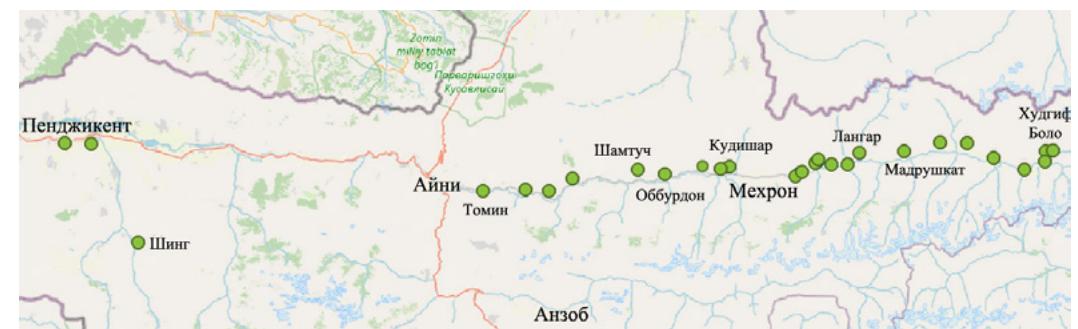

Рис. 1. Схема маршрута Заравшанской экспедиции.

Методы исследования

Сбор сведений у населения проводился путем личного собеседования с информатором по заранее подготовленному вопроснику, включающему 23 основных позиций, которые в зависимости от ситуации дополнялись новыми. Перечень вопросов был сформирован на основе известных народных астрономических знаний, которые были в прошлом зафиксированы российскими и советскими этнографами. Эта информация представлена в упомянутых выше работах А. А. Бобринского, Б. А. Куфтина, М. С. Андреева, М. Рахимова и др., а также проанализирована в нашем исследовании (Колганова и др. 2016). Кроме того, в этот список вошел блок вопросов, связанных с праздниками, календарем и счетом времени, наступление

которых определяется по астрономическим событиям, явлению видимости звезд или Солнца.

Поскольку информатор мог что-то перепутать или знать не очень хорошо, для фильтрации ошибочных данных опрос дополнялся рекогносцировочными измерениями на местности. В этом случае респондент показывал на профиле гор место появления некой звезды или место восхода/захода Солнца в определенный день. Чаще всего приметные места соответствовали Наврузу, началу или концу зимней или летней чилли, празднику Сада, или какому-то другому приметному дню. Затем, мы измеряли азимут и высоту над горизонтом показанного места и теперь, зная примерную дату и время события, можно было вычислить реальную астрономическую обстановку и сравнить ее с той, которую описал информатор. В ряде случаев, когда речь идет о появлении неизвестной звезды, моделирование позволяет предложить ее гипотетическую идентификацию и поместить в перечень уточняющих вопросов.

Праздники

Согласно проведенным опросам, в верховьях Зеравшана отмечаются четыре народных праздника, связанных с земледельческой традицией: Навруз, Джукф баророн, Сада и Мехргон. Наиболее известным и значимым среди них является Навруз или начало Нового года. Каждый житель кишлака может рассказать, как нужно к нему готовиться, какие блюда следует подать к столу, какие подготовить подарки, и как проходят народные гуляния (Шовалиева 1975; Мадамиджонова, Шовалиева 2021). Несмотря на то, что с 2009 г. Навруз включен ЮНЕСКО в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества и официально отмечается во многих странах 21 марта, в день весеннего равноденствия, во многих регионах Таджикистана дату Навруза устанавливали в каждом кишлаке индивидуально. Для этого на профиле гор находили камни, расщелины или другие детали микрорельефа и, зная, когда Солнце восходит или заходит за тем или иным приметным объектом, определяли дату Навруза. Поскольку в каждом кишлаке горный профиль индивидуален, то время наступления праздника в разных кишлаках различалось. Обычно определение даты праздника было прерогативой специального человека, следившего за счетом времени или мулло.

Следующим по значимости праздником местные жители считают Джукф Баророн, который они называют «Праздником быков». Он был упомянут в процессе наших опросов 11 раз. В этот день быков запрягали в плуг, мазали им рога маслом и делали первую запашку земли. По случаю праздника готовили специальное меню в виде пшеничной каши без мяса и каши на мясном бульоне, что напоминает праздничную еду на Навруз. Вероятно, это объясняется тем, что время первой запашки земли варьировало в зависимости от погодных условий. В кишлаках Муджиф, Пастигав, Оббурдон и Похурд он мог отмечаться задолго до Навруза в феврале месяце, в Санджуне, Эсизи Боло, Ревомутке, Кудишаре, Шоватки Поён и Рарзе Джукф Баророн праздновали в первой декаде марта, а в Худгифе Соя — 18 марта (Табл. 2). Некоторые информаторы утверждали, что есть горные кишлаки с более холодным климатом, где Джукф Баророн отмечают еще позже.

Праздники Сада (50 дней и 50 ночей до Навруза) и Мехргон (завершение сельскохозяйственных работ) в последние годы приобрели в Республике Таджикистан

официальный статус. Однако, в наше время для населения Зеравшана — это просто обычные выходные дни, которые не отмечаются специальным образом. Например, информатор (3-61) утверждает, что о праздновании у себя дома праздника Сада она слышала от своего деда. Отсюда следует, сейчас этот праздник уже не отмечают. Сада и Мехргон были упомянуты при наших опросах всего по три раза.

Помимо праздников, население Зеравшана очень хорошо знает два сорокадневных периода, называющиеся Большая чилля (Чилаи калон), один из которых бывает зимой, а другой летом. Зимняя чилля в разных кишлаках начинается с 15 по 25 декабря, то есть незадолго до солнцестояния и заканчивается с 24 по 31 января.

Таблица 1.
Даты начала зимней чилли по сведениям жителей долины Зеравшана

№	Дата начала	Частота упоминания информаторами	Информатор*
1	15.12	1	3-50
2	17.12	1	3-61
3	18.12	7	3-35, 3-36, 3-39, 3-41, 3-53, 3-67, 3-68
4	20.12	4	3-34, 3-48, 3-51, 3-54, 3-56
5	21.12	6	3-30, 3-42, 3-43, 3-57, 3-58, 3-60
6	22.12	3	3-40, 3-63, 3-65
7	25.12	1	3-55

* Здесь и далее — условные обозначения информаторов в соответствии с Приложением 1.

Согласно Табл. 1, основная часть информаторов утверждает, что она начинается с 18 по 22 марта, что попадает в интервал дат зимнего солнцестояния. Заметим, что точно определить моменты солнцестояний с помощью наблюдений Солнца на профиле гор без использования даже простейших инструментов невозможно.

Летняя чилля начинается с 18 по 22 июня и так же продолжается 40 дней. Однако, если про зимнюю чиллю нам рассказали 20 информаторов, то летнюю упомянули только 9. Заметим, что при вопросе о чилле жители в первую очередь отвечают про зимнюю сорокадневку, о чем свидетельствует статистика упоминаний. Вероятно, что она имеет более высокий статус по сравнению с летней, поскольку после окончания зимней чилли отмечали праздник Сада. Начало каждой чилли маркируется приметными местами на профиле гор, точно так же, как это делается в случае Навруза.

Некоторые календарные вопросы

Интересно отметить, что в верховьях Зеравшана даты Навруза существенно различаются. В кишлаках Санджун, Палдорак, Дехманора, Сабаг, Табушн, Кудишар праздники отмечали в первую декаду марта, с 5 по 10 число; в кишлаках Хайробод, Муджиф и Падорг — с 11 по 17 число; в Худгифе Боло, Роге, Мадрушкатае, Лангаре, Эсизи Боло, Эсизи Поён, Пастигаве, Оббурдоне, Шамтуче, Шоватки Поён, Рарзе и Томине отмечали с 18 по 22 марта, а в Худгифе Офтоб, Похурд еще

позже, с 18 по 30 марта (Рис. 1, Табл. 2). Получается, что в одном сравнительно небольшом регионе можно выделить по меньше мере три интервала дат празднования Навруза.

Рис. 2. Карта, характеризующая даты празднования Навруза. Условные обозначения: красные кружки — до 10 марта, зеленые — с 10 до 15 марта, голубые — с 16 по 22, синие — с 16 по 31 марта.

Таблица 2.

Даты празднования Навруза и Джуфт баророн

№	Название	Дата Навруза (март)	Дата Джуфт баророн (март)	Высота над уровнем моря, м	Информаторы
1	Худгиф Боло	18–21		2490	3-34, 3-35
2	Санджун	05–10	05	2480	3-31, 3-34, 3-36, 3-40
3	Рог	18–21		2470	3-31
4	Палдорак	08		2450	3-31, 3-39, 3-40
5	Дехманора	10		2420	3-37
6	Сабаг	10		2400	3-37
7	Табушн	10		2300	3-37
8	Мадрушката	18–21		2220	3-39, 3-40
9	Лангар	18		2120	3-41
10	Хайробод	15–18		2070	3-42, 3-43
11	Муджиф	10–15	20 фев.	2110	3-46
12	Эсизи Боло	18–21	06	2100	3-48
13	Эсизи Поён	22		2000	3-50
14	Худгиф Офтоб	17–30		1990	3-51
15	Худгиф Соя	18	18	2030	3-52
16	Ревомутк	—	01	1940	3-52
17	Кудишар	10	08	1920	3-53, 3-54
18	Пастигав	18–20	25 фев.	1900	3-47, 3-56
19	Район Пастигава	до 28		-	3-47
20	Падрог	12	12	1830	3-57
21	Оббурдон	18–22	25 фев.	1840	3-58
22	Шамтуч	20–21		1840	3-59
23	Шоватки Поён	17–18		3-60	
		18–21	08–10	1700	3-61
24	Похурд	14–31	с 10 фев.	1650	3-62
25	Рарз	18	5	1580	3-63
26	Томин	18		1500	3-64

Некоторые жители утверждают, что дата наступления Навруза зависит от погодных условий и локального микроклимата. В связи с этим интересно сопоставить даты Навруза с праздником Джуфт баророн, когда проводили первую запашку земли. Хотя по Джуфт Баророну нам удалось собрать меньше информации, чем по Наврузу, но по имеющимся сведениям складывается следующая картина. Когда Навруз отмечался рано, то одновременно с ним праздновали Джуфт Баророн, что можно проследить на примере кишлаков Санджун, Кудишар и Падрог. С другой стороны, в кишлаках, где Навруз приходился на вторую половину марта, Джуфт Баророн все равно отмечали в начале марта (кишлаки Эсизи Боло, Шоватки Поён, Рарз) или даже в конце февраля (кишлаки Муджиф, Пастигав, Оббурдон, Похурд).

По словам жителей, первую запашку, которую отмечал Джуфт Баророн, проводили почти сразу, как только начинал сходить, таять снег, что связано с относительно прохладным климатом в условиях высокогорья. Если пшеницу посадить позже, то она или не успеет поспеть, или даст плохой урожай. По сравнению с кишлаками Рог и Худгиф Боло, особенность кишлака Санджун состоит в том, что часть прилегающих к нему земель близко расположена к Зеравшану, поэтому снег там сходит быстрее, а значит и первый посев делают раньше. Та же самая ситуация происходит в кишлаках Палдорак, Дехманора, Сабаг и Табушн. Возможно именно поэтому в самых верхних кишлаках, где высота над уровнем моря составляет почти 2500 м, важно посадить пшеницу как можно раньше. А ниже по течению, на высоте около 2000 м это уже было не столь критично. По словам информатора 3-40 из Мадрушката, климат в соседних кишлаках может систематически различаться на 2–3 недели, что легко прослеживается по времени созревания овощей и фруктов. Иногда причина отличия климата очевидна. Например, кишлак Худгиф Соя (Соя — тень) с юга перекрывается Зеравшанским хребтом, поэтому там тает снег на 2 недели позже, чем в кишлаке Худгиф Офтоб, расположенным к северу от него.

Информатор 3-58 из Оббурдона утверждает, что обычно Джуфт Баророн приходился на 25 дней раньше Навруза, однако иногда даты этих праздников совпадали. Очевидно, что дату Навруза никто никогда не передвигал, его наступление как определяли по движению Солнца, так и продолжали определять. Здесь речь идет о том, что в случае холодной весны и относительно позднего таяния снега Праздник быков переносили на более поздний срок. То есть, именно Джуфт баророн, а не Навруз подстраивали под погодные условия. Заметим еще одну деталь — про азимуты Навруза нам рассказали во многих кишлаках, но ни в одном кишлаке нет азимута, который бы соответствовал Джуфт Баророну. Это является свидетельством того, что Джуфт Баророн год от года отмечался в разные дни.

Еще одним важным маркером является дата начала зимней чилли, которая по мнению большинства информаторов приходится на 18–22 декабря и соответствует зимнему солнцестоянию. Весенне равноденствие, которому приписывается Навруз, наступает через 89 дней, или 17–21 марта, поэтому все даты, не попадающие в этот интервал, вызывают вопросы. Это относится к кишлакам Палдорак, Дехманора, Сабаг, Табушн, Муджиф, Кудишар, Падрог, где Навруз отмечался раньше этого интервала и к кишлакам Худгиф Офтоб и Похурд, в которых Навруз отмечают в среднем позже. Вообще, от информаторов достаточно часто можно было слышать фразу: «У нас Навруз отмечают 18–22 марта, но в других кишлаках его празднуют до конца марта». Получается, что в долине Зеравшана Навруз отмечали в течение

всего марта, что не соответствует нашим привычным знаниям (Мадамиджонова, Шовалиева 2021).

Представления о звездах. «Ситораи Хунук / Сармо»

После Солнца, Сириус или а Большого Пса является самой яркой звездой земного неба, что является основной причиной ее узнаваемости. Из 34 информаторов из кишлаков от Шоватки Боло до Рарза Сириус знают 30 респондентов, что составляет 88% от числа опрошенных. Это позволяет утверждать, что данная звезда является очень известной. Однако есть одна интересная деталь, связанная с названием этой звезды. В верховьях Зеравшана, или в Горной Матче, Сириус называют «Ситораи сармо» или «Морозная звезда», а ниже по течению используют распространенное в Карагине и Ягнобе название — «Ситораи хунук» или «Холодная звезда». В кишлаках Кудишар и Пастигав звезду все еще называют «Ситораи сармо», а западнее, начиная с кишлака Падрог, и ниже по течению ее уже именуют «Ситораи хунук».

Благодаря своей узнаваемости Сириус превратился в маркер явлений, которые характеризуют события, происходящие в природе (Табл. 3) и в действиях людей (Табл. 4).

Таблица 3.

События в природе, происходящие при появлении Сириуса

№	Действие	Частота	Источник
1	Наступает холод	13	3-30, 3-32, 3-38, 3-46, 3-48, 3-50, 3-52, 3-54, 3-57, 3-59, 3-60, 3-62, 3-68
2	Растения хуже растут или перестают расти совсем	7	3-42, 3-46, 3-48, 3-49, 3-53, 3-57, 3-63
3	Звезда портит растения	4	3-34, 3-36, 3-50, 3-52
4	Растения становятся невкусными	2	3-46, 3-47
5	Солнце перестает греть	1	3-40

Таблица 4.

Действия людей, совершаемые после появления Сириуса

№	Действие	Частота	Источник
1	Начинают собирать урожай или ускоряют его сбор	13	3-30, 3-36, 3-38, 3-39, 3-41, 3-42, 3-43, 3-46, 3-47, 3-48, 3-59, 3-61, 3-62
2	Сажают озимую пшеницу	5	3-46, 3-49, 3-56, 3-58, 3-61
3	Не собирают лекарственные травы	3	3-31, 3-34, 3-40
4	Перестают поливать растения	2	3-30, 3-35

По смысловому значению все пять вариантов ответов Табл. 1 следует объединить в две группы. К первой относятся 14 откликов № 1 и № 5, которые описывают похолодание при появлении Сириуса. Ко второй группе следует отнести 13 откликов № 2, № 3 и № 4 которые с разной стороны характеризуют вред, причиняемый звездой растениям: они хуже растут, и изменяют свои свойства, становятся не вкусными, а большинство фруктов становятся не сладкими. Хотя в последнем случае есть исключение, например, некоторые сорта спелывают и становятся сладкими после

появления Сириуса (3-47). Так же обратим внимание на ответ № 3 в Табл. 2, который является следствием воздействия звезды — люди перестают собирать лекарственные растения.

С точки зрения ведения хозяйственной деятельности, появление «морозной звезды» является маркером сбора урожая и временем сева озимой пшеницы. Хотя справедливости ради следует заметить, что эти процессы разделены во времени и от сбора урожая до посева озимых проходит примерно 2 недели. Например, 10 августа мы видели, как семья кишлака Хайробод закончила уборку небольшого поля с пшеницей. После этого полю дадут немного отдохнуть, а к 25 августа его снова собираются засадить озимой пшеницей.

«Семь братьев»

«Хафт бародарон» или «Семь братьев» является не звездой, а астеризмом — группой из семи звезд, под которыми в Карагине обычно понимают Плеяды. Поскольку район горной Матчи расположен обособленно, то здесь могут быть немноги другие традиции. Например, в Ягнобе мы столкнулись с ситуацией, когда часть информаторов отождествляла «Хафт бародарон» с Плеядами, а часть с созвездием Большой Медведицы.

Астеризм «Семь братьев» оказался известен 20 информаторам из 39, что составляет примерно 51% от общего числа респондентов. Однако, качество ответов таково, что собранная информация об объекте бывает противоречива или неполна. Для идентификации объекта необходимо знать примерную дату и время его появления, направление или азимут, и желательно иметь его какое-то характерное описание. Если информатор затруднился сообщить хотя бы один из этих параметров, то надежное отождествление становится невозможным.

Согласно нашим оценкам «Семь братьев» можно уверенно идентифицировать с Плеядами только в 3 случаях (3-32, 3-40, 3-46, 3-48). Еще три описания подходят под Плеяды, хотя и не позволяют провести однозначное отождествление. При этом они точно не соответствуют варианту с Большой Медведицей (3-43, 3-54, 3-56). Однако, в четырех описаниях «Семь братьев» однозначно отождествляются с Большой Медведицей, причем, в двух случаях сопоставление сделали мы по описанию (3-41, 3-67), а в двух других это сделали сами информаторы (3-63, 3-65). В оставшихся девяти описаниях для проведения отождествления информации недостаточно, либо она противоречива.

Интересна легенда о семи братьях, которую нам рассказали в кишлаке Шинг Пенджикентского района (3-67). «Жила одна женщина, у которой было семеро сыновей. Она снова забеременела и на этот раз очень хотела родить девочку. Братья ушли на охоту, но договорились, что если родится девочка, то мать повесит на ворота прялку, а если мальчик — лук. Женщина родила девочку и повесила прялку, но злые соседи поменяли прялку на лук. Братья, обнаружив обман ушли насовсем. Так они с тех пор и ходят — 4 спереди и 3 сзади». В этой легенде семь братьев отождествлены со звездами Большой Медведицы. Первые четыре звезды (α, β, γ, δ) по ходу суточного вращения неба образуют ковш, а последние три (ε, ζ, η) — ручку ковша (Рис. 3).

Таким образом, в верховьях Зеравшана «Семь братьев» должны быть идентифицированы с Плеядами, а отождествление с Большой Медведицей скорее всего является привнесенной извне информацией. Интересно отметить, что информаторы, отождествившими «Семь братьев» с созвездием Большой Медведицы являются учителями географии (3-41), физики и астрономии (3-63). Поэтому вполне возможно, что их знания являются приобретенными в процессе обучения в школе и институте, а не отражением народных традиций.

Что касается связи «Семи братьев» с событиями повседневной жизни, то среди тех, кто отождествляет их с Плеядами часто можно услышать, что летом «Семь братьев» указывают время рассветной молитвы (3-35). Согласно нашим расчетам, гелиакальный восход Плеяд происходит в первой декаде июня, когда становится различим их характерный ковшник. Учитывая, что местное население не следит за событием гелиакального восхода, к этой дате можно прибавить полторы-две недели, спустя которые Плеяды становятся уверенно различимыми в лучах Солнца. Далее, в течение месяца Плеяды хорошо заметны в лучах утренней зари, и как раз в это время люди собираются на молитву. Поэтому в первой половине лета утреннюю молитву связывают с Плеядами.

Со слов информатора (3-48) когда выходят «Семь братьев» в горах тают ледники и это действительно так, поскольку середина июня — начало июля самое жаркое время года. По словам информатора (3-46), в ноябре «Семь братьев» стоят в середине неба, а в декабре, когда они заходят, еще темно, не рассветает. В это время горные козлы начинают искать самок.

«Тарозу»

Из предыдущих исследований (Колганова и др. 2016) нам известно, что «Тарозу» отождествляется с тремя звездами пояса Ориона (δ , ϵ , ζ). Однако в верховьях Зеравшана это информация уже забыта. Хоть какую-то информацию об астеризме могли сказать только 8 из 39 информаторов (3-41, 3-46, 3-49, 3-50, 3-51, 3-58, 3-61, 3-67), причем в большинстве случаев эти сведения были неопределенными, или и вовсе не имели астрономического подтекста. Поскольку «Тарозу» переводится с таджикского словом «весы», то два информатора отождествили его с созвездием Весов, месяцем Мизон и осенним равноденствием (3-46), (3-51). Это вполне логично, но неверно. Единственное кто сохранил остаточные знания про «Тарозу» это информатор (3-67) из среднего течения Зеравшана, который знает, что астеризм состоит из трех звезд.

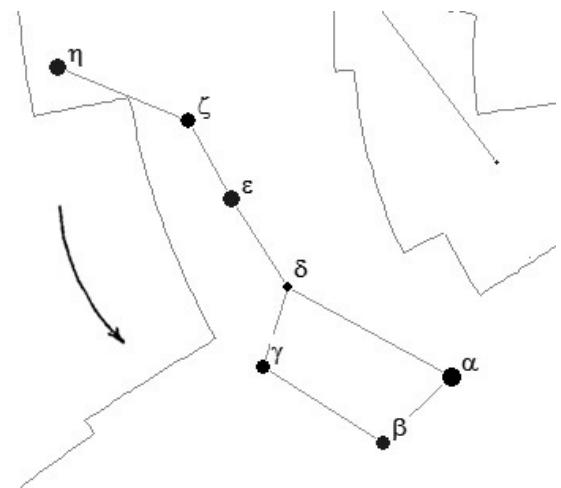

Рис. 3. Ковш Большой Медведицы. Первые четыре звезды по ходу суточного вращения неба образуют ковш, а последние три — ручку.

«Офтобнихол»

Название периода «офтобнихол» («нихоли баҳор») известно из двух источников. Во-первых, он фигурирует в периодах счета времени (ТКиД 1966: 184, таб. 2) по соседству с объектами, который являются звездами: «торик ситора», «хотситора», Плеяды и приходится по времени с 13 по 22 июня. Во-вторых, это же название, но немного в другом варианте написания «автовнихол» есть у Рахимова (Рахимов 1957: 155). Поэтому, мы провели опрос среди населения Зеравшана, что им известно об этом периоде и существует ли такая звезда, которая становится видимой в начале этого времени.

Название «офтобнихол» известно только 6 информаторов, которые проживают в кишлаках верховья Зеравшана: Дехманора (3-30), Рог (3-31, 3-32, 3-33), Санджон (3-36) и Эсизи Пойн (3-50). Со слов местных жителей в этот период нельзя поливать саженцы пшеницы, потому, что это вредит стеблю растения. Заметим, что информация о том, растения нельзя поливать в течение 7–10 дней вблизи начала летней чилли, которая достаточно точно соответствует летнему солнцестоянию нам известна по данным, собранным в Хатлонской области и в окрестности Гиссара. Только два (3-30, 3-31) из шести информаторов связывают период «офтобнихол» с появлением звезды. По словам (3-31) эта звезда появляется в том же самом месте, где выходит Сармо (Сириус). Расчеты показывают, что в середине июня перед рассветом в юго-восточной части неба находятся созвездия Кита, Скульптора и часть Эридана, которые в основном состоят из тусклых звезд. Единственными возможными вариантами отождествления являются относительно яркие звезды α Кита (Менкар) и β Кита (Дифда) блеск которых составляет соответственно $V = 2.53^m$ и $V = 2.04^m$. Заметим, что более яркая Дифда ($\delta = -18^\circ$) имеет почти такое же склонение как и Сирирус ($\delta = -17^\circ$), а следовательно видима на том же азимуте и высоте. Высота гор в направлении юга и юго-востока составляет в зависимости от места наблюдения $H = 15^\circ \div 20^\circ$, а расчетная высота звезды равна примерно $h = 23^\circ$. Таким образом, Дифда потенциально соответствует условиям видимости, которые описал информатор. Однако, опираясь только на сведения одного человека нельзя утверждать, что название «офтобнихол» соответствует звезде.

Определение времени суток

До распространения современных часов существовала задача определения времени суток и его синхронизация между жителями кишлака. Известно (Андреев 1958: 164), что внутри памирских домов были специальные отметки. Когда солнечный луч попадал на одну из отметок, пройдя сквозь специальное световое окно «руз», то это соответствовало определенному часу дня. Для синхронизации событий в пределах кишлака использовали камни на профиле гор, который можно было видеть из любого места. Например, в кишлаке Миденшарв Рошткалинского района ГБАО есть обедненный камень. Когда на него приходит тень, то приближается время обеда и время дойки коров (ПМА 2019).

На Зеравшане для определения времени применялся деревянный посох, который служил в качестве простейшего гномона (3-40, 3-41, 3-47, 3-53). Житель кишлака Шинг (3-67) Пенджикентского района рассказал о применении отвеса. Когда посоха не было под рукой, то использовали тень, которую отбрасывает человек (3-41, 3-47,

3-53). В первую очередь данный метод подходит для определения времени полуденной молитвы. Местный полдень наступает тогда, когда тень от гномона падает точно на север, однако его тоже нужно предварительно найти. Чтобы определить направление на север необходимо фиксировать положение тени. Точка, в которой тень от гномона окажется самой короткой, и будет направлением на север. Ее следует отметить специальным камнем и простейшие солнечные часы готовы. Заметим, что именно этот способ определения времени нам рассказал в 2017 г. молодой человек из Таджикобада, которому его научил мулло (*Никифоров 2021*).

Помимо задачи нахождении времени суток существовала задача счета дней в году. На Памире она решалась сразу тремя способами. Во-первых, метки внутри памирского дома использовались в том числе для определения дня в году (*Андреев 1958: 163*). Чаще всего отметок было три, и они маркировали дни солнцестояний и равноденствий. Во-вторых, те же самые дни отмечались приметными точками на профиле гор. И наконец, на Памире был распространен счет по телу человека — «мард» (*Андреев 1958; Таджики Каратегина и Дарваза 1966*).

Конструкция зеравшанских домов такова, что там в принципе нет световых отверстий, поэтому нет и меток. Единственным исключением является дом Искандара Надирова (3-39) в кишлаке Мадрушкат. На летней террасе его дома есть две метки летней и зимней чилли — 21 июня и 21 декабря, и еще одна отметка, соответствующая 18 декабря. Их нанес 10 лет назад его отец, который был по профессии метеорологом и учился в Алма-Ате. Поскольку особенной надобности в подобных отметках уже нет, можно предположить, что это их появление на новом доме является продолжением почти забытой традиции. Заметим, что, осмотрев более полусотни домов в более чем в 20 кишлаках, мы не видели дореволюционных или даже довоенных домов. Наиболее старые из сохранившихся зданий датируются 1960-ми годами, когда на Зеравшане уже давно прижился современный календарь, было радио и электричество. Поэтому надобности в метках, фиксирующих определенные дни года уже не было, даже если они и использовались раньше.

Кроме того, среди всех опрошенных нами людей нет ни одного человека, который бы что-то слышал о счете по телу человека, который использовался на Памире. Возможно здесь его никогда и не было, однако утверждать это однозначно нельзя.

Легенды

Легенда о «Губителе караванов» или о звезде «Корвон күш» известна на всем протяжении маршрута от кишлака Рог до Парз, где ее нам рассказали девять информаторов (3-30, 3-32, 3-46, 3-50, 3-52, 3-58, 3-59, 3-62, 3-67). Смысл легенды состоит в том, люди использовали появление Венеры как предвестника наступления утра. Однако, они перепутали Венеру с другой яркой звездой и караван вышел в путь раньше времени, и погиб. Звезда, с которой перепутали Венеру, получила название «Губитель караванов». Интересно заметить, когда в сообщении приводится время появления звезды, то в верховьях Зеравшана звезда восходит еще до полуночи или точно в полночь (3-30, 3-46, 3-50, 3-52), а ниже по течению (3-59, 3-67) ближе к утру. В первом случае действие караванщиков является заведомо ошибочным, поскольку они не могли не понимать, что ночь не может быть такой короткой. Поэтому сведения (3-59, 3-67) являются более правильными с точки зрения легенды. Быть может,

наблюдаемая картина объясняется тем, что в Верховья Зеравшана легенда пришла с большим количеством искажений.

Еще один миф, описанный И. Мухиддиновым (1975, 1986) касается звезды Скорпиона или «Звезды неблагополучия», появление которой приносит людям несчастье и неудачу. Опрос показал, что на Зеравшане никто ничего об этой звезде не знает.

Заключение

Проведенное исследование в долине Зеравшана позволило впервые собрать информацию, которая касается народных астрономических знаний и календарных представлений из этого района. Следует заметить, что обнаруженные остаточные знания имеют относительно высокий уровень. Если для сравнения взять жителей современных деревень и городов из Центральной России, то подавляющая часть их не ориентируется на небе, не знает звезд и не следит ни за движением Солнца, ни за фазами Луны. Тем не менее, есть все основания считать, что еще в начале прошлого века, до Октябрьской Революции, когда в горных кишлаках никто не пользовался григорианским календарем и современными новинками в виде часов, уровень народных астрономических знаний был существенно выше. Вероятно, что спустя сто лет уже не получится восстановить их в полной мере. Тем не менее, если продолжить подобные работы в других районах, сопоставляя собранную информацию друг с другом и постепенно добавляя в перечень вопросов вновь собранные данные, есть основания рассчитывать на существенное расширение наших знаний, касающихся народных астрономических представлений.

Приложение 1.

Список информаторов из кишлаков по долине р. Зеравшан

№ п/п	З*	Ф.И.О.	Год рождения	Кишлак
1	3-30	Хасанов Шосаид	1948	Дехманора
2	3-31	Рафаров Хайом Хакимович	1959	Рог
3	3-32	Ходжи Курбон	1948	Рог
4	3-33	Ходжи Хидоя	1964	Рог
5	3-34	Шарипов Сайд Мирзо	1947	Ходгиф Боло
6	3-35	Рахмонов Ходжа Хуссейн	1970	Ходгиф Боло
7	3-36	Раматов Раҳматшо	1952	Санджон
8	3-37	Шоев Нурмухаммад	1936	Мадрушкат
9	3-38	Холов Холбобо	1955	Мадрушкат
10	3-39	Надиров Искандар	1988	Мадрушкат
11	3-40	Камолов Ахроҳуджад	1954	Мадрушкат
12	3-41	Холов Файзулло	1949	Лангар
13	3-42	Дустов Однабек	1968	Хайробад
14	3-43	Закиров Усман	1938	Хайробад
15	3-44	Соки Махмад	1987	Хайробад
16	3-45	Козиев Муллоджон	1947	Муджиф
17	3-46	Шоилизов Боймамад	1958	Муджиф
18	3-47	Букиев Парвиз	1985	Пастигав
19	3-48	Хошоков Тахир	1971	Эсизи Боло

№ пп	3*	Ф.И.О.	Год рождения	Кишлак
20	3-49	Халифаев Халифа	1924	Эсизи Поён
21	3-50	Бакиев Зайсоветдин	1959	Эсизи Поён
22	3-51	Хошурев Джадмабой	1960	Хотгиф Офтоб
23	3-52	Одинаев Мухаммад Назир	1944	Хотгиф Соя
24	3-53	Хамидов Мирзо Мамод	1960	Кудишар
25	3-54	Якубов Мухаммад Солих	1939	Кудишар
26	3-55	Наврузов Раджаб Мухаммад	1949	Кудишар
27	3-56	Солихов Ахмадхон	1939	Пастигав
28	3-57	Омидов Хазим	1949	Падрог
29	3-58	Закиров Бахретдин Худжа	1941	Оббурдон
30	3-59	Хамза Камол	1959	Шамтуч
31	3-60	Шарипов Мухаммад Зафар	1958	Шоватки Поён
32	3-61	Хотамова Майсора	1959	Шоватки Поён
33	3-62	Ниозов Нуретдин	1931	Похурд
34	3-63	Назаров Назармухаммад	1952	Рарз
35	3-64	Мирзо	1978	Томин
36	3-65	Аблоуков Ибрагим	1952	АвзалЗ-Саразм
37	3-66	Курбонов Садуло	1968	АвзалЗ-Саразм
38	3-67	Кахаров Абдулхаким	1949	Шинг
39	3-68	Абдулхасанов Ильяс	1948	Саразм

* 3 — условный порядковый номер информатора по долине Зеравшана.

Источники и материалы

ПМА 2019 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Опись 1. Опрос жителей Республики Таджикистан 16–30 лет. Количество: 1200 единиц. 2019 г.

Научная литература

- Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) / Подг., прим. и доп. А. К. Писарчик. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1958. 527 с.
- Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и Ишкашими). М.: Товарищество Скоропечатников. А. А. Левенсон, 1908. 150 с.
- Джаконов У. Земледелие таджиков долины Сох в конце XIX — начале XX в. Душанбе: Ин-т истории им. А. Дониша АН ТаджССР, 1989. 216 с.
- Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1975. 127 с.
- Мухиддинов И. Обряды и обычай при памирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии / Отв. ред. В. Н. Басилов. М.: Наука, 1986. С. 70–93.
- Мадамиджонова З. М., Шовалиева М. Календарные обряды и праздники // Таджики [Серия «Народы и культуры»]. М.: Наука, 2021. С. 576–590.
- Колганова Г. Ю., Никифоров М. Г. Звезды в земледельческом календаре таджиков // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 123–135.
- Куфтин Б. А. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 123–150.
- Никифоров М. Г. Астрономические представления // Таджики [Серия «Народы и культуры»]. М.: Наука, 2021. С. 728–749.

Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). [Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. XLIII]. Стalinabad: Изд-во Акад. наук ТаджССР, 1957. 221 с.

Таджики [Серия «Народы и культуры»] / отв. ред. Н. А. Дубова, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. 1005 с.

Таджики Карагегина и Дарваза / под ред. Н. А. Кислякова, А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1966. 379 с.

Шовалиева М. Обрядовая культура Навруза у таджиков: (Этнографический аспект) // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М., 1975. С. 328–335.

References

- Andreev, M. S. 1958. *Tadjiki doliny Huf (verkhovja Amu-Darji)* [Tajiks of Huf Valley (Upper Amudaria River)]. Preparation and notes by A. K. Pisarchik. Stalinabad: Tajikistan academy of sciences Publishing house. 527 p.
- Bobrinskoi, A. A. 1908. *Gortsy verkhovjiev Pyandja (Vakhantsy i Ishkashimtsy)* [Highlanders of the Upper Reaches of the Pyanj (Vakhants and Ishkashims)]. Moscow: Tovarischevstvo Skoropечатников A. A. Levenson. 150 p.
- Dubova, N. A., N. K. Ubaidullo and Z. M. Madamidzhonova (eds). 2021. *Tadzhiki. Seria «Narody i kul'tury»* [Tajiks. “Peoples and Cultures” Series]. Moscow: Nauka. 1005 p.
- Dzhakhonov, U. 1989. *Zemledelie tadzhikov doliny Sokha v kontse XIX — nachale XX vv.* [Agriculture of the Tajiks of the Sokh Valley in the Late 19th — Early 20th Centuries]. Dushanbe: Institut istorii im. A. Donisha AN TajSSR. 126 p.
- Kisliakov, N. A. and A. K. Pisarchik (eds). 1966. *Tadzhiki Karategina i Darvaza*. Dushanbe: Donish. 379 p.
- Kolganova, G. Yu. and M. G. Nikiforov. 2016. *Zvezdy v zemledel'cheskom kalendare tadzhikov* [Stars in the Agricultural Calendar of Tajiks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 123–135.
- Kuftin, B. A. 1916. *Kalendar i pervobytnaya astronomiya kirgiz-kazatskogo naroda* [Calendar and Primitive Astronomy of the Kirghiz-Cossack People]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3–4: 123–150.
- Mukhiddinov, I. 1975. *Zemledelie pamirskikh tadzhikov Vakhana i Ishkashima (Historiko-ethnograficheskij ocherk)* [Agriculture of the Pamir Tajiks of Vakhan and Ishkashim in XIX–Early XX Centuries (Historic and Ethnographic Essay)]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Mukhiddinov, I. 1986. *Obriady i obychai pripamirskikh narodnostej, svyazанные с tsiklom selskokhozyaistvennykh rabot* [Rituals and Customs of the Pamir Peoples Associated with the Cycle of Agricultural Work]. In *Drevniye obryady, verovaniya i kul'ty narodov Sredney Azii* [Ancient Rituals, Beliefs and Cults of the Peoples of Central Asia], ed. by V. N. Basilov. Moscow: Nauka. 70–93.
- Madamidzhonova, Z. M. and M. Shovaliyeva. 2021. *Kalendarnyye obryady i prazdniki* [Calendar rituals and holidays]. *Tadzhiki. Seria «Narody i kul'tury»* [Tajiks. «Peoples and Cultures» Series]. Moscow: Nauka. 576–590.
- Nikiforov, M. G. 2021. *Astronomicheskiye predstavleniya* [Astronomical Views]. *Tadzhiki. Seria «Narody i kul'tury»* [Tajiks. “Peoples and Cultures” Series]. Moscow: Nauka. 728–749.
- Rakhimov, M. R. 1957. *Zemledelie tadzhikov basseina r. Khingou v dorevoliutsionnyi period (istoriko-ethnograficheskij ocherk)* [Agriculture of the Tajiks of the Basin of the Hingou River in the Pre-revolutionary Period (Historical and Ethnographic Essay)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography.]. Vol. XLIII. Stalinabad: Izdatelstvo Akademii nauk TadzhSSR. 221 p.
- Shovaliyeva, M. 1975. *Obryadovaya kul'tura Navruza u tadzhikov: (Etnograficheskii aspekt)* [Ritual Culture of Navruz among Tajiks: (Ethnographic aspect)]. In *Domusul'manskiye verovaniya i obryady v Sredney Azii* [Pre-Muslim Beliefs and Rituals in Central Asia], ed. by G. P. Snesarev and V. N. Basilov. Moscow: Nauka. 328–335.

УДК: 39 (636)
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/42-51
 Научная статья

© O. C. Сейтмуратов

ТРАДИЦИОННОЕ СКОТОВОДСТВО У КАРАКАЛПАКОВ (ВИДОВОЙ СОСТАВ)

Исследование посвящено характеристике развития традиционного скотоводства каракалпаков с конца XIX в. по современность. Автор отмечает влияние природно-климатических условий на формирование состава стада и приходит к выводу, что по значимости первое место в регионе в исследуемый период занимал крупный рогатый скот, который помимо обеспечения продовольствием, использовался в хозяйстве в качестве тягловой силы. Второе место по роли в хозяйстве каракалпаков принадлежало овцам. Верблюдов и коней каракалпаки разводили в малом количестве. В первой трети XX в. в традиционном укладе жизни народа в результате политических и социально-экономических причин происходили значительные трансформации, которые отразились на скотоводстве каракалпаков. При этом на протяжении XX в. приоритеты в составе стада не менялись. В современном Каракалпакстане опыт традиционного скотоводства остается востребованным.

Ключевые слова: каракалпаки, традиционное скотоводство, состав стада, природно-хозяйственные районы

Ссылка при цитировании: Сейтмуратов О. С. Традиционное скотоводство у каракалпаков (видовой состав) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 42–51.

UDC: 39 (636)
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/42-51
 Original Article

© Orakbay Seytmuratov

THE DEVELOPMENT OF PASTORAL FARMING AMONG THE KARAKALPAKS

The study is dedicated to the development of traditional Karakalpak farming from the end of the XIX century up to present days. The herd structure depended on the natural climatic conditions. The author concludes that the most significant role was played by cattle, which not only ensured food, but could also be used in the economy as a draft force. The second important species in the Karakalpak economy was the sheep. The Karakalpaks bred limited numbers of camels and horses. In the first third

Сейтмуратов Оракбай Султамуратович — докторант базовой докторантуры, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (Узбекистан, 230100 г. Нукус, ул. Орнек, 52).
 Эл. почта: vshirazova@mail.ru

of the XX century, significant transformations took place in the traditional way of life as a result of political and socio-economic reasons, which affected the farming among the Karakalpaks. During the XX century, the priorities in the composition of the herd did not change. In modern Karakalpakstan, the experience of traditional farming remains relevant.

Keywords: Karakalpaks, traditional cattle breeding, herd composition, natural and economic areas

Author Info: Seytmuratov Orakbay — Doctoral student of the basic doctoral program, the Berdakh Karakalpak State University (Uzbekistan, Nukus). E-mail: vshirazova@mail.ru

For citation: Seytmuratov, O. 2023. The Development of Pastoral Farming Among the Karakalpaks. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 42–51.

Особенности природы и климата Южного Приаралья наложили свой отпечаток на хозяйство населения. На протяжении исторического развития народа сформировались определенные традиции его жизнеобеспечения, сочетающие в себе земледелие, животноводство и рыболовство. Преобладание же того или иного вида хозяйственной деятельности напрямую зависело от ландшафтных условий.

К концу XIX в. скотоводство было сосредоточено в полуоседлых хозяйствах, где помимо содержания скота весомую роль играло земледелие, а также в скотоводческих хозяйствах, где оно являлось основным занятием. Исследователь-востоковед П. П. Иванов, характеризуя хозяйство каракалпаков в XVIII–XIX вв. писал, что «специфические природные особенности дельтовой области не позволяли каракалпакам целиком сосредоточиться на земледелии и способствовали развитию у них другой отрасли хозяйства — скотоводства» (Иванов 1935б: 48). Как важнейшие элементы системы жизнеобеспечения каракалпаков, скотоводство и в какой-то степени земледелие оказали значительное влияние на формирование их культуры. Этнографы, на основе зависимости хозяйства и культуры от естественно-географических условий, выделяют хозяйственно-культурные типы (ХКТ) (Левин 1955; Чебоксаров, Чебоксарова 1985). Каракалпаков принято относить к хозяйственно-культурному типу полуоседлых и полукочевых скотоводов — земледельцев аридной зоны (Ягодин 2008: 137). Деление каракалпаков на арысы — родоплеменные союзы отразилось на ареале их расселения в низовьях Амударьи. Этнографами отмечено, что племена и роды арыса он торт уру проживали в Правобережье Амударьи, на территории современных Чимбайского, Кегейлийского и Нукусского районов Республики Каракалпакстан, в то время как племена и роды арыса конграт расселились в северной части дельты, на землях, прилегающих к Аральскому морю, в Левобережье Амударьи, на территории современных Муйнакского, Кунградского и Ходжейлийского районов Каракалпакстана (Жданко 1952). Окружающие каракалпаков ландшафты определяли отличия в их хозяйственной деятельности: каракалпаки арыса конграт занимались скотоводством и рыболовством, каракалпаки арыса он торт уру — оседлым земледелием, перекочевывая лишь тогда, когда пересыхали каналы (Жданко 1979). Подобное хозяйственное различие удивительным образом повторяет ХКТ кердерской культуры. При изучении материальной культуры Кердера, также было зафиксировано хозяйственное различие у кердерского населения, часть которого вела земледельческое хозяйство в его не ирригационных формах, сочетающуюся со ското

толоводством и полукочевую, занимавшуюся отгонным скотоводством (Ягодин 2008: 136). Для отгонного скотоводства население Кердера использовало плато Устюрт. Существовали большие поселения, имевшие стационарное ядро, вокруг которого располагались переносные жилища полукочевого населения, частично зимовавшего у больших кердерских поселений (Курганча, Куюк-кала) (Курбанова 2020: 22). Такая близость ХКТ кердерцев и каракалпаков не удивительна. Естественно-географические условия определяли аналогичные виды хозяйства. Кроме того, есть причины предполагать, что между кердерцами и каракалпаками существовала этногенетическая преемственность (Ягодин 1971.).

Хозяйственное развитие территорий расселения каракалпаков было неравномерным. В результате к концу XIX в. сформировались 5 природно-хозяйственных районов: I -Даукаринский, расположенный в восточной части дельты Аму-Дарьи; этот район, несмотря на благоприятные почвенные условия, по причине безводия, местами уже принял вид пустыни, в связи с чем земледелие здесь носит неустойчивый характер. II — Чимбайский, занимающий среднюю часть дельты, здесь сложились приемлемые условия орошения, что способствовало формированию устойчивого хозяйства выраженного интенсивно-земледельческого типа. III — Талдыкский — простирающийся в северо-западной части дельты; значительная часть территории этого района, была залита водою, вследствие чего земледельческий промысел здесь не получил широкого развития. IV — Шураханский — составляющий приамударинскую полосу южной части отдела; данный район также находится в нормальных условиях орошения и земледелие в нем достигло наибольшего развития. V — Кызыл-Кумский — представляющий огромное пространство бугристых и барханных песков, расположенных к востоку от амударинского оазиса; земледельческий промысел здесь совершенно отсутствует, хозяйство носит чисто скотоводческий характер (Материалы по обследованию 1915).

В Даукаринском районе в первой четверти XX в. получило развитие овцеводство, в Кызыл-Кумском районе разводили исключительно мелкий рогатый скот и верблюдов. В Чимбайском и Шураханском районах ввиду их земледельческой направленности, количество скота было небольшое. Характерной чертой этих двух районов являлось преобладание крупного рогатого скота и большое распространение лошадей. В Талдыкском районе в основном специализировались на разведении крупного рогатого скота.

Разводили каракалпаки овец, коз, крупный рогатый скот и в незначительном количестве лошадей и верблюдов. Неслучайно именно эти животные занимали наиболее важное место в их мифологии, обрядах и обычаях (Есбергенова 1999; 2021; Турекеев 2021).

Представляя собою в массе полуоседлое земледельческое население, лишенное возможности пользоваться обширными степными пастбищами и совершать правильные перекочевки со своим скотом, каракалпаки сосредоточили свое внимание на разведении крупного рогатого скота, обозначаемого хивинскими документами термином «мал», в противоположность мелкому рогатому скоту «кой», используя для этой цели те сравнительно ограниченные кормовые ресурсы, какими располагала дельта Амудары с ближайшим к ней районом. В этом отношении каракалпакское скотоводство резко отличалось от казахского, где главную роль играли, как известно, овцеводство и отчасти коневодство, связанные с пастбищно-кочевой системой хо-

зяйства. Каракалпакские районы являлись главным поставщиком крупного рогатого скота на рынки Хивы, тогда как казахи и туркмены сбывали туда своих овец, лошадей и верблюдов (Иванов 1935а: 69).

Крупный рогатый скот, разводимый каракалпаками, был исключительно местных пород, представляющий собой переходный тип между скотом туркменов и казалинских казахов: быки большие и сильные, коровы средней удойности, масть чаще всего встречалась красная и бурая (Хозяйства Каракалпакии 1971: 108). Описывая крупный рогатый скот каракалпаков, генерал и ученый-географ А. В. Каульбарс в конце XIX в. писал, что «порода этого скота здесь весьма хорошая; быки очень крупные, крепкие, сильные; коровы также довольно большого роста и дают много молока, если принять во внимание, что они пользуются круглый год исключительно подножным кормом и камышом» (Каульбарс 1881: 550).

Крупный рогатый скот в хозяйстве каракалпаков преобладал. По сведениям К. Г. Гиршфельда и М. Н. Галкина, составивших описание Хивинского оазиса в 1903 г., каракалпаки Шуманайского бекства и Чимбайского участка Амударинского отдела были основными поставщиками крупного рогатого скота на всех рынках оазиса (Гиршфельд 1903: 171). В отличие от каракалпаков, туркмены, узбеки и казахи (Алексеева 2016: 25) крупный рогатый скот разводили в меньшей степени.

Эти породы — красная и бурая, получили широкое распространение среди населения низовьев Амудары. Каракалпаки широко применяли в сельском хозяйстве крупный рогатый скот в качестве тягловой силы. В зажиточных хозяйствах коров держали для получения мяса и молочных продуктов, в других, из-за отсутствия тягловой силы, единственную дойную корову, часто использовали вместо рабочего быка (Хозяйство Каракалпакии 1971: 108).

Разведением лошадей население Центральноазиатского региона занималось издревле. У каракалпаков, в отличие от казахов и кыргызов, табунное коневодство не получило распространения. Тем не менее, хозяйства, в которых содержались лошади, имелись. Их каракалпаки активно использовали в хозяйстве. Весною лошади, быки и даже коровы пахали землю, затем, когда взойдет хлеб, в тех местностях, где орошение возможно только с помощью чигирей, верблюдов, а иногда лошадь и бык, приводили в движение водоподъемное колесо; наконец, после жатвы, животные, использовались для вымоловки хлеба, как это делается во всей Средней Азии. Кроме того, лошади и быки служили для перевозки грузов на арбах или двухколесных экипажах, находящихся в повсеместном употреблении в дельте Аму-Дарьи (Каульбарс 1881: 542). Лошади разводились трех пород: казахской, каракалпакской и туркменской. Казахская порода лошадей была преимущественно распространена среди кызылкумских и устюртских казахов и отличалась выносливостью и неприхотливостью. Оседлое казахское население в низовьях Амудары наряду со своими лошадьми держало лошадей каракалпакских пород — қарабаир, будан, тукым, ханыазат. Среди этих пород особенно ценился қарабаир, для выведения которой помимо местной лошади были использованы туркменская, арабская и монгольская породы (Шаниязов 2011: 130). Лошадь ростом выше казахской и ниже туркменской, выносливая, плотного и красивого сложения, имела широкую грудь. Она обладала наилучшими скаковыми качествами, физической крепостью, выносливостью, способностью к продолжительному передвижению. На каракалпакских базарах лошади казахской породы в среднем стоили от 20 до 40 руб., а қарабаир от 55 до 75 руб.

(Материалы по обследованию 1915: 287). Туркменские аргамаки являлись большой редкостью среди казахов, каракалпаков и узбеков.

Население низовьев Амудары разводило овец двух пород: казахских курдючных и каракульских. Овцеводство преобладало в периферийных частях дельты, заселенной полукочевым и кочевым казахским населением. В оседлых и полуоседлых каракалпакских хозяйствах, в отличие от казахских, туркменских и узбекских, овец было значительно меньше. К примеру, в традиционном хозяйстве казахов в видовом составе стада удельный вес овец в среднем составлял более 60% всего поголовья скота (История Казахстана 2001: 85). Первое место занимало овцеводство по своему удельному весу среди видов скота — хозяйственному назначению и в жизни туркменского населения (Демидов 2016: 139). Овцеводство было ведущим и в животноводстве узбеков, которые разводили два вида овец: каракульских (каракульско-смушковое овцеводство) и курдючных (мясо-сальное овцеводство) (Шаниязов 2011: 121).

Как утверждает респондент, помимо названных пород «была порода елибай, но у нас мало распространена, в основном в Казахстане. У этих овец длинные ноги» (ПМА 2022, № 5).

Верблюдов каракалпаки держали только для приведения в движение чигирей, мельниц и хлопкоочистительных машин. Разведением верблюдов занимались в основном казахи и туркмены низовьев Амудары. Для них верблюды служили транспортным средством при перекочевках, давали молоко, шерсть и заработок при приеме подрядов на перевозку всевозможных тяжестей по караванным путям. Основным районом разведения верблюдов были Кызылкумы, Устюрт и прилегающие к ним пустынные местности дельты Амудары (Хозяйство Каракалпакии 1971: 108).

Таково было состояние животноводства каракалпаков в конце XIX — начале XX вв. Аграрная политика, проводимая в 1920–1930 гг., привела к значительным сокращениям поголовья скота. Созданные в 1928 г. первые колхозы, были образованы путем насильтенного принуждения крестьян к вступлению в них с собственным скотом. Результаты коллективизации имели негативные последствия. Крестьян вынуждали переходить на выращивание хлопка, особенно в Туркменском, Шаббазском, Кипчакском, Ходжейлийском, Чимбайском, Кегейлийском, Кунградском районах, была поставлена задача расширения хлопкосеяния. Районы же, изначально животноводческого направления — Карагузякский и Тахтакупырский, начали приспосабливать к выращиванию хлопка (Каракалпакстан 2003: 233). В результате стали нарушаться традиционные принципы хозяйствования, основу которых составляло комплексное ведение хозяйства, что привело к значительному сокращению доли частного сектора.

Причиной резкого уменьшения количества скота в 1920–1921 гг. были, вне всяко- го сомнения, масштабные заготовки продразверстки. Поголовье скота в Амударьинском районе сократилось с 566 тыс. голов в 1917 г. до 201 тыс. голов в 1921 г. Таким образом, сельское хозяйство края, ослабленное войной, неурожаями, испытalo на себе еще и удар продразверстки.

В последующие годы предпринимались попытки формирования новой системы государственного регулирования, опирающегося на рыночные механизмы и стимулы. Эта политика дала в Амударьинской области некоторые положительные сдвиги: значительно увеличились посевные площади, поголовье скота и производство различных сельскохозяйственных товаров. Однако вскоре все это было утрачено, или

точнее сказать, сметено командно-административной системой, установлением режима принудительных заготовок сельскохозяйственной продукции, который никак не заинтересовывал тружеников в увеличении их производства.

В целом, период 1920-х гг., в истории нашего края весьма противоречив: во-первых, значительная доля безземельных дехкан получила возможность эксплуатации земельных наделов на менее кабальных условиях, чем в предыдущие годы. Во-вторых, стимулирование и интенсификация труда сделало возможным увеличение объемов производства продукции и сельскохозяйственных товаров. Однако, кризисная ситуация в Туркестане, как и в Амударьинской области все еще не была преодолена.

Во второй половине 1940-х гг. были достигнуты определенные успехи в животноводстве. В Чимбайском районе открылся на постоянной основе пункт научно-исследовательского института животноводства. Появились племенные совхозы, так в питомник Чимбайского района было завезено 104 головы крупного рогатого скота красно-степной породы из России. Это отмечает и респондент: «Во времена СССР часто скот привозили из других стран. В довоенные и послевоенные годы в Каракалпакстане были местные породы скота. Ввозя из других регионов и стран скотину, развивали животноводство» (ПМА 2022, № 1). Около 80% колхозов республики стали обладателями 3-х видов производительного скота. В Каракалпакии было построено 219 ферм по выращиванию коней и 48 ферм по откорму скота (товарные) (Каракалпакстан 2003: 288).

Однако начиная с середины 1950-х гг. в результате непродуманного хозяйствования в сфере животноводства, поголовье скота начало сокращаться. К 1955 г. в колхозах насчитывалось 159,2 тыс. крупного рогатого скота, 358, 2 тыс. овец, 1,9 тыс. голов свиней. В 26907 частных хозяйствах крупного рогатого скота не имели, в 8775 хозяйствах вообще не имели домашних животных. По республике поголовье лошадей и коз было сведено к нулю (Каракалпакстан 2003: 291).

В 1960-е гг. благодаря богатым пастбищным угодьям в низовьях Амудары были организованы животноводческие фермы по откорму крупного рогатого скота мясного направления. В результате, к 1970-м гг. удалось достичь улучшения в данной сфере хозяйствования. К этому времени функционировало 10 животноводческих хозяйств на 100 тыс. голов крупного рогатого скота. Их рентабельность была очень высокой — один центнер мяса обходился в 70–80 рублей. За 25 лет (1960–1985 гг.) в Каракалпакстане было произведено 75 тонн мяса (Камалов 1999: 5).

К середине 70-х годов XX в. в результате концентрации производства были созданы 8 овцеводческих совхозов, 14 мясного скотоводства и откорма крупного рогатого скота, 1 птицеводческий совхоз (Курбанова 2002: 56). Это был период процветания одного из районов Каракалпакстана с животноводческим направлением: «В Тахтакупырском районе было хорошо развито овцеводство. Совхоз имени К. Маркса (ныне Жанадарья) в 1976 г. был одним из развитых. Количество голов скота достигало 105–110 тыс. С увеличением количества мелкого рогатого скота открывается совхоз Конырат кол (ранее совхоз имени Дмитрова). Мелкий рогатый скот завозился из Хорезма. Природные условия Тахтакупырского района были хорошо приспособлены для скотоводства. В ведении района имелось 2000 гектаров земли для пастбища, с колодцами с артезианской водой» (ПМА 2022, № 2).

В последующие годы положение в скотоводческой отрасли вновь стало ухудшаться. К моменту распада СССР животноводство в республике находилось в кри-

зисе. Экономическая ситуация в республике была сложной. В животноводческой отрасли ощущались недостаток фуражка, отсутствие надлежащего зоотехнического и ветеринарного оборудования. Качество пастбищ находилось в плохом состоянии. В результате нередки были случаи падежа скота.

После провозглашения независимости Республикой Узбекистан был принят ряд постановлений, направленных на улучшении ситуации в животноводческом секторе: «О мерах по углублению экономических реформ в животноводстве республики» (1993 г.) и «О мерах совершенствования экономических реформ в животноводстве и защите интересов дехканских (фермерских) хозяйств и приватизированных ферм» (1994 г.). Скот с убыточных ферм раздавался бывшим колхозникам. Принимается ряд постановлений непосредственно для Республики Каракалпакстан: «О мерах по ускоренному развитию отраслей животноводства в Республике Каракалпакстан» (2019 г.), «О дополнительных мерах по ускоренному развитию отраслей животноводства в Республике Каракалпакстан» (2020). Как следствие в сфере животноводства Каракалпакстана сформировано 236 проектов на общую сумму 490 млрд сумов. В настоящее время реализовано 94 проекта на 119,6 млрд сумов. В Кунгратском, Бозатуском, Муйнакском и Тахтакупырском районах начата работа по созданию семейных животноводческих коопераций, рассчитанных на 5,5 тысячи голов крупного рогатого скота.

Предпринимаемые меры оживили скотоводческую отрасль республики. Как сообщает респондент, в современных условиях «На территории Тахтакупырского района занимаются выращиванием крупного рогатого скота. На сегодняшний день имеется 39 тысяч голов крупного скота, большей частью местных пород: қызыл ала, а также завозятся породы из-за рубежа — из Германии Сементал (Симментальская), Польши — Красная польская, Казахстана — қызыл шөл (Красная степная), қазақ акбас (Казахская белоголовая). В основном выращиваем казахскую белоголовую и симментал. В апреле выгоняем их на пастбища, в мае гоним обратно в коровники. Эти породы животных не приспособлены к климатическим условиям нашего региона, они плохо переносят жару. Поэтому в жаркие месяцы они содержатся в помещениях, к тому же им нужны специальные душевые помещения. В сентябре вновь выгоняются на выпас, в декабре загоняются на фермы» (ПМА 2022, № 4).

В целом же по Тахтакупырскому району, фермеры предпочитают разводить мелкий рогатый скот, главным образом овец — породы малши қой, едилбай. В последнее время стали заводить гиссарскую породу овец из Кашкадарьинской области. Привезенный скот распределяется по частным хозяйствам.

Каракалпакские скотоводы, особенно в последние годы, несмотря на сложности и риски, проявляют настойчивость, развивают свое производство. Данная отрасль хозяйствования остается одной из важных на современном этапе. Опытным скотоводам, хорошо знающим особенности природно-климатических условий и основы ведения скотоводческого хозяйства, удается добиваться определенных успехов. Современные скотоводы успешно сочетают традиционный опыт с современными знаниями.

Источники и материалы

ПМА 1 — Полевые материалы автора № 1. Экспедиция в Чимбайский район, село Абат ма-кан, 2022 г. (Информант — Мендибаев Бахтияр).

ПМА 2 — Полевые материалы автора № 2. Экспедиция в Тахтакупырский район, 2022 г. (Информант — Акаев Шарап).
 ПМА 4 — Полевые материалы автора № 4. Экспедиция в Тахтакупырский район, село Кыпшак, 2022 г. (Информант — Жаббарбергенов Карасай).
 ПМА 5 — Полевые материалы автора № 5. Экспедиция в Каразиянский район, село Койбак, 2022 г. (Информант — Укибаев Нурлыбай).

Научная литература

- Алексеева Н. Н. Природная среда туркмен // Туркмены. Народы и культуры. М.: Наука, 2016. С. 18–29.
- Гирифельд К. Г., Галкин М. Н. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. II. Ташкент, 1903. 280 с.
- Демидов С. М. Традиционное хозяйство туркмен: земледелие, скотоводство, рыболовство, охота // Туркмены. Народы и культуры. М.: Наука, 2016. С. 113–157.
- Есбергенова С. Х. Бык в культовой практике каракалпаков // Вестник ККО АН РУз. Нукус, 1999а. № 4–5. С. 64–68.
- Есбергенова С. Х. Культ коня в семейно-бытовой обрядности каракалпаков // International Scientific Journal Theoretical Applied Dcience. Philadelphia, USA, 2021. Is. 6. P. 154–159.
- Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской археологической и этнографической экспедиции. Т. I. Москва: АН СССР, 1952. С. 507–515.
- Жданко Т. А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979б. С. 148–152.
- Иванов П. П. Новые данные о каракалпаках // Советское востоковедение. Москва, 1935а. С. 62–63.
- Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. Труды института востоковедения Академии наук СССР. Том VII. Москва, Ленинград: Издательство академии наук СССР, 1935б. С. 9–89.
- История Казахстана. Народы и культуры. Н. Э. Масанов [и др.]. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 599 с.
- Камалов С. К. Социально-экономическое положение Каракалпакстана и Аральская катастрофа (1917–1990 гг.) // Вестник ККО АН РУз. Нукус, 1999. № 6. С. 3–7.
- Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарыи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. // Записки русского географического общества. СПб., 1881. Т. IX. С. 183 с.
- Курбанова З. И. Этнографическая наука Каракалпакстана: этапы становления, современное состояние. Нукус, 2020. 121 с.
- Курбанова З. И. Влияние Аральского экологического кризиса на одно из традиционных занятий каракалпаков — скотоводство // Xorazm ma'mun akademiyasi axborotnomasi. Хива, 2022. № 4. С. 54–57.
- Каракалпакстан XIX ғасирдің екінші ярымынан XXI ғасирге шекем. Нөкис, 2003. 554 б.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // Советская этнография. Москва, 1955. № 4. С. 3–17.
- Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарыинском отделе Сыр-Дарыинской области. Ташкент, 1915. 375 с.
- Турекеев К. Реликты почитания барана у каракалпаков // Мугаллим ҳәм узликсиз билимленирий. Нукус, 2021. № 1/2. С. 69–72.
- Хозяйство Каракалпакии в XIX — начале XX века. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1971. 311 с.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. Москва: Наука, 1985. 272 с.
- Шаниязов К. Ш. Животноводство // Узбеки. Народы и культуры. Москва, 2011. С. 118–135.

- Ягодин В. Н. Об этническом определении Кердерской культуры и её роли в этногенезе каракалпаков // Вестник КК ФАН Уз. Нукус, 1971. № 3. С. 69–74.
- Ягодин В. Н. Приаральский микрорайон в VII-начале XIV вв. // Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент: ФАН, 2008. С. 125–144.

References

- Alekseeva, N. N. 2016. Prirodnaya sreda Turkmen [The Natural Environment of Turkmens]. In *Turkmeny. Narody i kul'tury* [Turkmens. Peoples and Cultures]. Moscow: Nauka. 18–29.
- Cheboksarov, N. N. and I. A. Cheboksarova. 1985. Narody, rasy, kul'tury [Peoples, Races, Cultures]. Moskva: Nauka, 272 p.
- Demidov, S. M. 2016. Traditionnoe khoziaistvo turkmen: zemledelie, skotovodstvo, rybolovstvo, okhota [Traditional Turkmen Economy: Agriculture, Cattle Breeding, Fishing, Hunting]. In *Turkmeny. Narody i kul'tury* [Turkmens. Peoples and Cultures]. Moscow: Nauka. 113–157.
- Esbergenova, S. Kh. 1999a. Byk v kul'tovoi praktike karakalpakov [The Bull in the Cult Practice of Karakalpaks]. *Vestnik KKO AN RUz* 4–5: 64–68.
- Esbergenova, S. Kh. 2021b. Kul't konya v semeino-bytovoi obryadnosti karakalpakov [The Cult of the Horse in the Family and Household Rituals of the Karakalpaks]. *International Scientific Journal Theoretical applied science* 6: 154–159. <https://doi.org/10.15863/TAS.2021.06.98.24>
- Girshfeld, V. V. and M. N. Galkin. 1903. *Voenno-statisticheskoe opisanie Hivinskogo oazisa* [Military Statistical Description of the Khiva Oasis]. Part II. Tashkent. 280 p.
- Istoriya Kazakhstana. Narody i kul'tury [History of Kazakhstan. Peoples and Cultures]. 2001. Almaty: Daik-Press. 599 p.
- Ivanov, P. P. 1935a. Novye dannye o karakalpakah [New Data on the Karakalpaks]. *Sovetskoe vostokovedenie* I: 62–63.
- Ivanov, P. P. 1935b. Ocherki istorii karakalpakov [Essays on the History of the Karakalpaks]. In *Materialy po istorii karakalpakov. Trudy instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Materials on the History of the Karakalpaks. Works of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. VII. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 9–89.
- Kamalov, S. K. 1999. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Karakalpakstana i Aral'skaya katastrofa (1917–1990 gg.) [Socio-Economic Situation of Karakalpakstan and the Aral Catastrophe (1917–1990)]. *Vestnik KKO AN RUz* 6: 3–7.
- Karakalpakstan s XIX veka po XXI vek* [Karakalpakstan from the XIX century to the XXI century]. 2003. Nukus. 554 p.
- Kaulbars, A. V. 1881. *Nizov'ya Amu-Dar'i, opisannye po sobstvennym issledovaniyam v 1873 g. Zapiski russkogo geograficheskogo obschestva* [The Lower Reaches of the Amu Darya, Described by his Own Research in 1873]. Vol. IX. Saint Petersburg. 183 p.
- Khozyaistvo Karakalpakii v XIX — nachale XX veka. Materialy k istoriko-etnograficheskому atlasu Srednei Azii i Kazakhstana* [The Economy of Karakalpakstan in the XIX–early XX century. Materials for the Historical and Ethnographic Atlas of Central Asia and Kazakhstan]. 1971. Tashkent. 311 p.
- Kurbanova, Z. I. 2020. *Etnograficheskaya nauka Karakalpakstana: etapy stanovleniya, sovremennoe sostoyanie* [Ethnographic Science of Karakalpakstan: Stages of Formation, Current State]. Nukus. 121 p.
- Kurbanova, Z. I. 2022. Vliyanie Aral'skogo ekologicheskogo krizisa na odno ikh traditsionnykh zaniatiy karakalpakov — skotovodstvo [The Influence of the Aral Ecological Crisis on One of the Traditional Occupations of Karakalpaks — Cattle Breeding]. *Vestnik horezmskoi akademii Ma'muna* 4: 54–57.
- Levin, M. G. and N. N. Cheboksarov. 1955. Khozyaistvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (k postanovke voprosa) [Economic and Cultural Types and Historical and ethnographic Areas (to Raise the Question)]. *Sovetskaya etnografiya* 4: 3–17.

- Materialy po obsledovaniyu kochevogo i osedlogo tuzemnogo khozyaistva i zemlepol'zovaniya v Amu-Dar'inskem otdele Syr-Dar'inskoi oblasti* [Materials on the Study of Nomadic and Settled Indigenous Economy and Land Use in the Amu-Darya Department of the Syr-Darya Region]. 1915. Tashkent. 375 p.
- Shaniyazov, K. Sh. 2011. Zhivotnovodstvo [Animal husbandry]. *Uzbeki. Narody i kul'tury* [Uzbeks. Peoples and Cultures]. Moscow: Nauka. 118–135.
- Turekeev, K. 2021. Relikty pochitaniya barana u karakalpakov [Relics of the Veneration of the Ram among the Karakalpaks]. *Mugallim xam uzliksiz bilimlendiriy* 1/2: 69–72.
- Yagodin, V. N. 1971. Ob etnicheskem opredelenii Kerderskoi kul'tury i eyo roli v etnogeneze karakalpakov [On the Ethnic Definition of the Kerdar Culture and its Role in the Ethnogenesis of the Karakalpaks]. *Vestnik KKFAN Uz* 3: 69–74.
- Yagodin, V. N. 2008. Priaralskii mikroraion v VII–nachale XIV vv. [Priaralsky Microdistrict in the VII–Early XIV Centuries]. In *Arkeologiya Priaral'ya* [Archeology of the Aral Sea region], ed. by S. K. Kamalov. V. N. Yagodin. Issue VII. Tashkent: FAN. 125–144.
- Zhdanko, T. A. 1952. Karakalpaki Khorezmskogo oazisa [Karakalpaks of Khorezm oasis]. In *Trudy Khorezmskoi arheologicheskoi i etnograficheskoi ekspedicii* [Works of Khorezm Archeological and Ethnographical Expedition], ed. by S. P. Tolstov, T. A. Zhdanko. Vol. I. Moscow: AN SSSR. 507–515.
- Zhdanko, T. A. 1979. K voprosu o hozyaistvenno-kul'turnom tipe poluosedlyh skotovodov-zemledel'cev-rybolovov del'tovyh oblastei Srednei Azii [On the Economic and Cultural Type of Semi-Sedentary Pastoralists-Farmers-Fishermen of the Delta Regions of Central Asia]. In *Etnografija i arkheologija Srednei Azii* [Ethnography and Archeology of Central Asia], ed. by A. V. Vinogradov. Moscow: Nauka. 148–152.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/52-67
 Научная статья

© Ю. Н. Квашнин

К ВОПРОСУ О ЮГО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДЕЛАХ КОЧЕВАНИЯ НЕНЦЕВ

«Чтоб их на Белеозере воеводы от русских людей оберегали»

В работе предпринята попытка по-новому рассмотреть некоторые опубликованные исторические источники, в которых можно увидеть прямые или косвенные указания на то, что самоеды-ненцы некогда кочевали дальше от территории своего нынешнего компактного проживания. Были проанализированы царские грамоты и челобитные XVI–XVII вв., записки иностранных путешественников о России того же периода, труды советских и российских историков и этнографов. В этих источниках прослеживаются маршруты продвижения ненцев на запад в разные исторические эпохи. В ходе исследования одной из челобитных было обнаружено свидетельство о том, что торгово-обменные связи ненцев и русских в XVII в. происходили не только в широко известных центрах Пустозерске, Мезени, Обдорске, но и в отдалённом от них Белозерском крае. Более ранние ненецко-русские контакты носили характер военных столкновений, что, возможно, подтверждают некоторые археологические находки на о. Вайгач. Критический подход к рассмотрению автобиографического жизнеописания монаха Лазаря Муромского позволил выдвинуть обоснованное предположение о несправедливости утверждения о кочевании ненцев в XIV в. возле Онежского озера. Кроме того, была доказана ошибочность утверждений некоторых исследователей о широких связях ненцев и саамов в прошлом и распространении саамских топонимов на притоках р. Печора.

Ключевые слова: ненцы, саамы, расселение, Белоозеро, Лазарь Муромский, Печора

Ссылка при цитировании: Квашнин Ю. Н. К вопросу о юго-западных пределах кочевания ненцев // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 52–67.

Квашнин Юрий Николаевич — к. и. н., ведущий научный сотрудник, Центр палеоэтнологических исследований (Российская Федерация, 109012 Москва, Новая площадь, 12/5). Эл. почта: ukwa@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5213-1780>

UDC: 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/52-67
 Original Article

© Yuri Kvashnin

ON THE SOUTH-WESTERN LIMITS OF THE NENETS NOMADISM

“So That the Voivodes on Belozer Protect them from Russian People”

The paper attempts to take a fresh look at some of the published historical sources, in which one can see direct or indirect indications that the Samoyed Nenets once wandered further from the territory of their current compact residence. The author analyzed the royal letters and petitions of the 16th-17th centuries, the notes of foreign travelers about Russia of the same period, the works of Soviet and Russian historians and ethnographers. These sources trace the routes of the Nenets advance to the west in different historical epochs. One of the petitions provides evidence that trade and exchange relations between the Nenets and Russians in the 17th century took place not only in the well-known centers of Pustozerisk, Mezen, Obdorsk, but also in the remote Belozerisk region. Earlier Nenets-Russian contacts took form of military clashes, which may be confirmed by some archaeological finds on Vaygach Island. A critical consideration of the autobiography of the monk Lazar of Murom suggests that the Nenets could not roam near Lake Onega in the 14th century. In addition, the paper rejects the hypothesis of some researchers about the extensive ties between the Nenets and the Saami in the past and the spread of the Saami toponyms on the tributaries of the Pechora River.

Keywords: Nenets, Saami, resettlement, Beloozero, Lazar of Murom, Pechora

Author Info: Kvashnin, Yuri N. — Ph. D. in History, Leading researcher, Paleoethnology Research Center (Russian Federation, 109012 Moscow, Novaya ploschad' 12/5). E-mail: ukwa@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5213-1780>

For citation: Kvashnin, Y. N. 2023. To the Question of the South-Western Limits of Nomadic Nenets. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 52–67.

Введение

Вопросы разграничения территорий проживания народов в разные исторические периоды неизменно вызывали интерес историков и этнографов на протяжении многих лет. Источниками для получения сведений об этом становились старинные карты, архивные документы, описания путешественников, этнографические и археологические исследования, фольклорные записи.

Немало знаний можно почерпнуть из указанных источников о расселении ненцев, называвшихся в дореволюционной литературе самоедами, наряду с энцами и нганасанами. Исследователи по мере возможности использовали их в своих трудах начиная с XVIII в. Западной границей кочевания самоедов они определяли устье р.

Северная Двина, где располагается г. Архангельск, а восточную доводили до р. Лена (Татищев 2005: 297; Миллер 2009: 40; Фишер 1774: 72).

Советские историки и этнографы, опираясь на новые материалы, уточнили данные предшественников, показав, к примеру, западные границы кочевания ненцев по конкретным рекам. Кроме Северной Двины ими были названы реки Кулой, Мезень, Онега (Колычева 1956: 76; Хомич 1966: 16; Долгих 1970: 26–27).

Несмотря на видимую изученность проблемы, отдельные факты в некоторых документах и описаниях требуют критического переосмысливания. В других можно отыскать сведения, ранее упущенные из виду. В настоящей статье мы попытались по-новому рассмотреть несколько опубликованных исторических источников, в которых можно увидеть прямые или косвенные указания на то, что самоеды-ненцы никогда кочевали дальше, чем предполагалось ранее, от территории своего нынешнего компактного проживания. Было обнаружено свидетельство о торгово-обменных связях ненцев и русских в Белозерском крае в XVII в., признано несправедливым распространённое предположение о кочевании ненцев в XIV в. возле Онежского озера. Кроме этого, мы коротко коснулись темы ненецко-саамских контактов, показав, что их масштабы были преувеличены некоторыми исследователями.

На закат

По-ненецки восток — *яля тарп*, запад — *яля падь*, в буквальном смысле — дня восход и дня закат. Рассмотрим некоторые известные описания западных пределов кочевания ненцев в прошлом и причины их движения «на закат дня».

Западной границей ненецких кочевий сегодня является побережье Мезенской губы Белого моря. Открытие и освоение этих земель хронологически шло, на наш взгляд, параллельно — русскими с юго-запада, ненцами с востока. Предположительно к XV в. представители обоих народов дошли до низовий р. Мезень (Квашин 2019а: 68–69).

После основания в 1499 г. городка Пустозерска, русские закрепились в нижнем течении р. Печоры и стали расширять своё взаимодействие с ненцами, кочевавшими к западу и востоку от неё. В XVI в. в Московском государстве было известно о «самоедцах», приезжавших «торговать с Русаки» в слободку Лампожня, расположавшуюся на правом берегу Мезени в 60 км от её устья. Об этом свидетельствует «Жалованная несудимая грамота Канинским и Тиунским самоедам» 1545 г., подписанная царём Иваном Грозным. В грамоте говорится, что самоеды «Леска да Апица во всее Самоеди Канинскыя и Тиунскыя» были челом о притеснениях со стороны Печерян и Пермяков, которые отнимают у них «рыбные ловли и звериные ухожай» по рекам Пёша, Волонга, Индига, Железная, там, где рыбачили и охотились их отцы и деды. Кроме этого, в устье Мезени русские построили Окладникову слободку (Сокольню¹ Нову) и «самоедцам приезжая ставитися негде», а Пинежские² волостели³ «их судят сильно и их продают и убытки чинят им великие» (ААЭ 1836а: 182–184).

¹ В слободках Лампожня, Кузнецова (Малая) и Окладникова (Большая) проживали «соколы помытчики», ловившие соколов и кречетов для царской соколиной охоты.

² Пинежская волость Двинского уезда существовала в XVI–XVII вв.

³ Волостели — обычно писцы, дьяки, городничие, губные старости, городовые приказчики из числа рядовых детей боярских, получавшие доход не из казны, а непосредственно с управляемого ими населения.

Можно сказать, что таким образом русские пытались препятствовать ненцам свободно двигаться дальше на запад и юго-запад, для расширения своих рыболовных и охотничьих угодий.

Грамотой Ивана Грозного было велено Пинежским волостелям «самоедцов» не судить, а Печерянам, Пермякам и Русакам в их «рыбные ловли и звериные ухожай» не входить (ААЭ 1836а: 182–184). Следует сказать, что царские грамоты защищали лишь на некоторое время. Притеснения ненцев русскими продолжались и в дальнейшем. К примеру, в 1629 г. «самоедин Меншичко Апицын» жалуясь на мезенца Окладниковой слободы Созонко Ванюкова «с товарыщи», «положил в Новгородской четверти перед диаки» грамоту Ивана Грозного 1545 г., в качестве подтверждения прав на владение рыболовными угодьями и звериными промыслами на реках Индиге и Волонге (ААЭ 1836б: 280–281).

Со временем ненцам всё-таки удалось продвинуться дальше на запад. В конце XVI — начале XVII в. они кочевали уже за р. Мезень доходя до низовий Северной Двины, где активно развивались торговые отношения русских с иностранцами в поселениях Холмогоры и Новохолмогоры (будущем Архангельске)¹.

Среди «заморских» купцов, дипломатов и путешественников, проезжавших через Архангельск в XVI–XVIII вв., были не только англичане, но и представители других европейских государств. Некоторые из них оставили описания самоедов. К примеру, английский посланник Джильс Флетчер, прибывший в Русское царство в 1588 г., в своих воспоминаниях утверждает, что лично разговаривал с несколькими самоедами и записал от них краткие сведения об их самоназвании, жизни, быте, верованиях (Флетчер 1906: 86–87).

Голландский купец, путешественник и дипломат Исаак Масса, проведший в Московии восемь лет (с 1601 по 1609 г.), собрал о ней довольно много исторических сведений, в том числе о событиях XVI в. В сообщении о покорении Сибири он рассказывает о деятельности на Урале солепромышленников Строгановых (Аниковичей). Родоначальник Аника, по словам Массы, «имел много детей и всем был от бога щедро наделён и благословлён, но побуждаемый страстью к наживе, возымел серьёзное желание узнать, кем населены те страны, откуда приходили с дорогими мехами и другими товарами те люди, которые по языку, одежде, обычаям и вере отличались от остальных и называли себя самоедами и другими неизвестными именами. Эти люди ежегодно приходили рекою Вычегдою и вели меновую торговлю с русскими и московитами в городах Усолье и Устюг², лежащих при реке Двине³, т. к. там именно находились главные склады и рыночные места для всевозможных товаров, преимущественно для драгоценных мехов». Подружившись с зауральскими аборигенами, Строгановы стали снаряжать экспедиции для проведения путей в Сибирь и приобретения пушного товара (Алексеев 1941: 256–258).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В 1557 г. Аника Строганов «объявил при царском дворе о выгодах этой торговли, а также о тех сведениях, кото-

¹ В 1631 г. произошёл из ряда вон выходящий случай. Канинский самоед Якушка Пирчиков, после убийства самоедами Семёной Вотеевым и детьми Митьки Толстикова его отца из-за спорных рыболовных угодий, бежал в Архангельск, а оттуда на корабле в Англию, взяв с собой двух оленей. По возвращении был пойман, просидел в тюрьме до 1636 г. и был отпущен на свободу потому, что заболел цингой (Арзютов, Амелина 2022).

² Усолье — г. Сольвычегодск, Устюг — г. Великий Устюг.

³ Северная Двина, в устье которой стоит г. Архангельск.

рые ему удалось добыть о сибирских инородцах и о Сибири вообще» (Сербов 1909: 492). На рубеже XVI–XVII вв. добыча пушнины в Сибири успешно развивалась и постепенно приобретала упорядоченный характер. Ватаги вольных добытчиков, не только посылаемые Строгановыми, но и все другие, обязаны были платить десятинную пошлину с пушного товара, который они везли через Урал. Пушной ясак с инородцев собирался в острогах или зимовьях. В 1600 г. царь Борис Годунов пожаловал своей грамотой «всех промышенных людей Пенежан и Мезенцов» «в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити и с Самоедами, которые живут на тех реках... им торговати велели поволно; а нашу десятинную пошлину, от девяти десятое... велели есмя давати на Мезени, в Окладниковой слободке» (ААЭ 1841: 27–28).

Нередки были случаи беспошлинного провоза пушнины. К примеру, в «Грамоте в Берёзов воеводе Петру Черкасскому о торговле русских с самоедами в Берёзовском уезде» 1607 г. говорится о том, что жители Пустозёрска, подружившись с ненцами, кочевавшими по притокам Печоры, доверяли им свои товары, которые те везли через Урал и обменивали на пушнину у ненцев, кочевавших на притоках Оби и Надыма. Некоторые русские сами ездили на оленях с пустозёрскими ненцами и приводили войкарских (приуральских) и сибирских лесных ненцев с товарами в Роговой городок на р. Усе, правом притоке Печоры (Вершинин, Визгалов 2004: 12–14; Квашин 2019б: 108–109).

В XVII–XVIII вв. приуральско-ямальские и надымско-тазовские ненцы не раз совершили набеги на Канинскую и Тиманскую тундры. Они отнимали у своих соплеменников рыбные промыслы и охотились на пушного зверя в их угодьях. Об этом в 1688 г. были челом царям Ивану и Петру Алексеевичам Романовым «Мезенские Тыунского берегу Самоядцы» (ААЭ 1836б: 445–446). Пустозерские ненцы тоже нередко ходили на запад от Печоры за поживой. В 1708 г. они «пограбили» мезенских жителей в Малоземельской тундре (Колычева 1956: 78).

В 1701 г. путешествие через Россию в южные страны совершил ещё один голландец — художник, путешественник и писатель Корнелис де Брюйн (Корнилий де Бруин). Будучи в Архангельске, он познакомился в его окрестностях с несколькими самоедами, которых застал «за работой, т. е., за деланием вёssel, сосудов для выкачивания воды из лодок, маленьких скамеек или стульев, и подобных поделок из дерева, которые они обыкновенно приносят для продажи в город и на корабли». В своих воспоминаниях де Брюйн довольно обстоятельно отобразил внешний облик самоедов, их одежду, обувь, жилище, пищу, оленью упряжку, способы охоты и рыбалки, родильный и похоронный обряды. К описанию были добавлены собственноручные рисунки. Судя по изображению одежды на женщине, его собеседниками были ненцы из Канинской тундры (Бруин 1873: 10–21; Николаев 2009: 64–81; Квашин и др. 2020: 92–96).

Во второй половине XVIII в. развитие крупностадного оленеводства позволило ненцам ещё чаще совершать перекочёвки на большие расстояния. Архангельский гражданин В. В. Крестинин, один из участников академической экспедиции 1772 г. под руководством И. И. Лепёхина собрал сведения о ненцах Архангелогородской губернии от приезжавшего в Архангельск самоеда Тиманской тундры Яно Худеярова рода Ванойта. По словам Яно, «проезжал он Самоядскую землю от Мезени реки до самого Обдорска» (Лепёхин 1805: 205).

Приведённые примеры позволяют определить примерные маршруты сезонных перекочёвок ненцев в XVI–XVIII вв. и крайние западные точки, до которых они доходили. Европейские ненцы двигались по заполярной тундре до Мезени и постепенно достигли устья Северной Двины. Сибирские ненцы шли по левым притокам Оби, переходили через горы Полярного Урала, откуда шли на запад к Пустозерску и Мезени или выходили по притокам Печоры и Вычегды к Сольвычегодску и Великому Устюгу. Перекочёвки происходили зимой и ранней весной по застывшей тундре и замёрзшим рекам. Это было обусловлено не только удобством передвижения. Охота на пушного зверя начиналась в зимнее время, когда мех на шкурках полностью сформировался, стал высоким, густым, блестящим и оттого очень ценным.

Челобитная Хилты Балахонова

Наряду с упомянутой выше грамотой Ивана Грозного Канинским и Тиманским самоедам 1545 г., существует ещё одна, менее известная, времён Василия III. Подлинник грамоты пока не обнаружен, она сохранилась в РГАДА только в списке челобитной 1682 г. Впервые грамота была опубликована в сборнике архивных документов в 1992 г., под названием «Жалованная грамота великого князя Василия III ненцам, живущим по реке Обь, о принятии их в подданство России. 1525 г.». Сборник был составлен философами, преподавателями торгово-экономического университета, далёкими от истории и археографии. Не разобравшись в сути документа, они опустили его первую часть и поместили в сборник только вторую, с текстом 1525 г., хотя грамота является, по современным понятиям, лишь приложением к просьбам, изложенным в челобитной¹ (Сазонов и др. 1992: 6–7). Для нашего исследования представляет интерес как раз первая часть документа, где упоминаются местности и населённые пункты, в которых самоедам «от государевых людей чинятца великие убытки и продажи».

Полный текст челобитной 1682 г. со списком жалованной грамоты 1525 г. был опубликован в 2004 г. в г. Екатеринбурге коллективом историков и археологов в сборнике архивных документов «Обдорский край и Мангазея» под названием «Жалованная грамота великого князя Василия III самоедам о принятии их в подданство» (Вершинин, Визгалов 2004: 10–11). Как видим, и эти авторы акцентировали внимание на второй части документа. Ниже мы публикуем полный текст по изданию 2004 г. с указанием названия и даты, как они записаны в архивной описи РГАДА.

1682 г., марта 22.

Расспросные речи² ненецкого «князьца» Хилты Балахонова о притеснениях, чинимых ненцам русскими людьми.

190-го г. марта в 22 день явился в Посольском приказе печерской и югорской самоеди князец Хилта Балахонов, а в допросе сказал:

¹ Кроме этого, под текстом документа составители совершенно непрофессионально попытались расшифровать название «самоедь Югорская», написав, что так называли хантов и отчали манси.

² В документе имеются слова «бити челом», поэтому называть его челобитной вполне уместно.

К великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Русии¹ самодержцу послали его, Хилту, бити челом самоедъ о нуждах своих. Как де блаженные памяти при великих государех царех и великих князех росийских пожалованы прадеды их, князь Карабей Седа да князь Лехей да князь Томыла да князь Белоголов да князь Яркома и вся самоедъ югорская, которые живут по Оби реке, — приняты в подданство, и с того времени и по се время они дань дают, и великие государи их от всяких людей оберегали и воевати их и налог чинить не велели, и пустозерские и мезенские и березовские воеводы посадцким и всяких чинов людем в обиду не давали. А ныне им на Мезени и в Пустозере и на Березове и в иных городех от государевых людей чинята великие убытки и продажи, и оленей у них отгоняют, и от того они разорились и ясаку платить стало нечим, для того, что в промыслех от русских людей чинята им помешки. А как де они бывают в городех для нужд своих, и на них де, затеев ложно, русские люди бьют челом воеводам и ищут многих пожесток, и от того им чинята великая продажа и убытки.

Да Хилта ж сказал: прежде де сего аманатов у них не имывали, а ныне у них берут аманатов в Пустозерской острог, а омонатного двора в Пустозерском нет, и корму не дают, и от того аманатчики их помирают голодною смертью. И великий государь пожаловал бы их: велел для аманатчиков в Пустозерском поставить аманатной двор и имать с роду их по человеку, и свое, великого государя, жалованье, корм и платье, аманатчиком давать против сибирских ясачных людей.

Да Хилта ж был челом, чтоб великий государь пожаловал их, велел им дать свою, великого государя, грамоту против прежних грамот, каковы даны родственником их, чтоб их на Белеозере и в Пустозерском и на Мезени и на Березове воеводы от русских людей оберегали и налог и обид и продаж напрасных никому чинить не велели.

И Хилта подал в Посольском приказе жалованную грамоту блаженные памяти великого государя царя и великого князя Василья Ивановича всея Русии 7033 году, да грамоту великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии 7105 году. И с тех грамот взяты списки, а подлинные отданы ему, Хилте. А в списках пишет:

Великий государь Василей, Божиесю милостию царь и государь всеа Русии и великий князь владимерский, и московский, и ноугородцкий, и псковский, и смоленский, и тверской, и пермский, и югорский, и вятцкий, и болгарский, и иных.

В Самоедъ в югорскую, что живут по реке по Оби, князю Карабею Седу, да князю Лехею, да князю Томылу, да князю Белоголову, да князю Яркоме и всем земским людем самояди югорской, которые живут по Оби реке. Присылали естя к нам бити челом своего земского человека самоедина Аньодору, чтобы нам вас пожаловати, под свою руку взяти и за вас стояти и от сторон беречи, а вы нам хотите служити и дань давати.

¹ В словах Рўсия, Рўсии ударение ставится на первом слоге. Так название нашего государства произносится на многих языках народов мира.

И яз вас пожаловал, под свою руку взял, и вам бы нам служити и дань нам давати. А мы вас жаловати и за вас стояти и от сторон беречи хотим. А з данью бы есте и с поминки ходили в Печеру к нашим даньщиком к Сеньке к Михайлому сыну к Галову да к Онанье к Романову. А из Печеры бы естя посылали к нам с нашими данщики своих лутых людей, а приехати им к нам и от нас ехати добровольно безо всякие зацепки. А которые вас, князи и мурзы, сами похотят к нам ехати, о которых своих делех бити челом, и вам к нам приехати и от нас отъехати так же добровольно безо всякие зацепки.

А ся вам наша грамота жалованная и опасная.

Да тот же Нюдора бил нам челом от вас на югорского князя на Кутыгяя. А сказывает, что де югорский князь Кутыгей вас воюет, и мне бы вас пожаловати, югорскому князю Кутыгю воевати вас не велети. И яз вас пожаловал: Кутыгю князю воевати вас не велел и грамоту есми х Кутыгю послал, и впредь брани и лиха никотого чинити не велел. И вы б впредь с югорским князем Кутыгю брани и лиха никотого не чинили.

Писан на Москве лета 7033-го апреля в 2 день.

Назади подпись: Великий государь Василий, Божиесю милостию царь и государь всеа Русии и великий князь.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338. Л. 2–8, Подлинник.

В самом начале Хилта Балахонов назван князцом «печерской и югорской самояди», т. е. он отвечал за ненцев, кочевавших как между Печорой и Уралом, так и между Уралом и Обью. Это подтверждается названиями ненецких родов Карабей (Харючи) и Лехей (Лэхэ), записанными ниже. В XVI–XVII вв. «карабейские самоеды» кочевали в Нижнем Приобье и в юго-западной части п-ова Ямал. Вместе со своими сватами из рода Лэхэ, проживавшими к западу от Полярного Урала, они периодически совершали набеги на Пустозёрск, Обдорск, Мангазею (Вершинин, Визгалов 2004: 29–32, 56; Квашнин 2019б: 99, 103).

Здесь уместно привести описание расселения ненцев в начале XVIII в. одного безымянного автора, датируемое 1720 г., которое цитирует в одной из своих работ Г. Ф. Миллер. «Среди самоедов можно найти несколько родов с совершенно разными языками, некоторые из них находятся между Сибирью и воеводами Пелымом. Это как правило Берёзовцы и Пустозёрцы которые выдают себя за один и тот же народ. Затем встречаются другие на морском побережье на восточной стороне Оби до Туруханска и Мангазеи. Далее идут те, кто живет в районе Архангельска на Двине в основном круглый год, а летом устраивают свои жилища у зимних вод в лесах. Эти последние, собравшийся вместе народ, давно живущий на берегу и переселившийся оттуда в этот край»¹ (Миллер 2009: 122). Интересное замечание о Берёзовцах и Пустозёрцах, т. е. зауральских и предуральских самоедах, касается, на наш взгляд, ненцев Карабей и Лехей.

И, наконец, самое главное! Перечень русских населённых мест, дважды повторённый в документе, интересен тем, что во второй раз там упоминается **Белоозеро**. Поскольку на всей известной территории проживания ненцев такого населённого

¹ Перевод с немецкого Ю. Н. Квашнина.

пункта никогда не существовало, вполне закономерно предположить, что здесь идёт речь о г. Белоозере, располагавшемся на южном берегу одноимённого водоёма. Сегодня это г. Белозерск Вологодской области.

Челобитная Хилты Балахонова является пока единственным из обнаруженных письменных источников, где упоминается г. Белоозеро, как место торгово-обменных связей ненцев с русскими в XVII в. Насколько древними были эти связи можно только предполагать.

Что скажет археология?

По данным археологии древнерусский г. Белоозеро возник не ранее середины X в. на периферии расселения прибалтийско-финского племени весь. Он располагался на правобережье р. Шексны в 2–2,5 км от её истока из озера Белого. До середины XIV в. город являлся центром обширного Белозерского края. После эпидемий моровой язвы 1352 и 1363–1364 гг. город запустел, а оставшиеся в живых жители Белоозера переселились на южный берег озера и основали новый город с тем же названием. До начала XVII в. новый Белозерский городок был связующим звеном в торговле между севером и югом. Через него проходили товары из Архангельска в города на Волге. Самым важным товаром долгое время оставалась пушнина, которую доставляли из земель «югры» и «самояди» (Захаров 2004: 65–68; Захаров 2012: 213, 217).

В связи с темой исследования нас заинтересовал один из предметов, найденный в 1992 г. при раскопках старого города Белоозеро, наполовину затопленного водой. Кроме прочих артефактов, там были обнаружены три миниатюрные каменные иконки. Одна из иконок, с закруглёнными верхними углами, изображает святого в полный рост. Имени святого на иконке не написано, но полукруглая княжеская шапка и плащ, крест в правой руке и левая рука на рукояти меча, безбородое лицо с выступающим подбородком и длинные волосы позволяют идентифицировать его как князя Глеба¹ (Макаров, Захаров 1993: 67–68; Макаров, Захаров, 1995: 209–216).

Каменные иконки подобного типа производились с XII по XV в. в основном в Киеве и Новгороде и для Севера являются редкостью. Они изготавливались по заказу и имели дорогие оправы из серебра или золота. Оправа каменной иконки, такой же формы, как белозерская иконка святого Глеба была обнаружена в 1987 г. во время археологических раскопок жертвенного места Болванский Нос на о. Вайгач, расположенному в 1500 км к северо-востоку от Белого озера (Хлобыстин 1987: 13–14; Макаров, Захаров 1993: 67–68).

Металл, из которого она была изготовлена, в разных публикациях определён неодинаково. Руководитель раскопок Л. П. Хлобыстин в статье 1990 г. писал о найденном на Вайгаче **оловянном** обрамлении «иконки с оглавием, на котором выгравировано изображение Нерукотворного Спаса» (Хлобыстин 1990: 126). Его коллеги Н. А. Макаров и С. Д. Захаров, ссылаясь на опубликованную двумя годами позже работу Леонида Павловича, писали, что она **серебряная** (Макаров, Захаров 1993: 68; Макаров, Захаров 1995: 214).

¹ Борис и Глеб — сыновья киевского великого князя Владимира Святославича, убиты старшим братом Святополком. Стали первыми русскими святыми мучениками-страстотерпцами. В их честь назвал своих детей ростовский князь Василько Константинович. Младший, Глеб (1237–1278), стал первым князем Белозерским.

Известно, что предметы из металлов, в том числе драгоценных, являются традиционными жертвоприношениями у ненцев. Как писал в 1858 г. Ю. И. Кушелевский: «В жертву они приносят оленей, шкуры разных зверей, разноцветное сукно по несколько аршин, разные бумажные и шелковые платки, шерстяные пояски, кольца, мелкие серебряные деньги и обнарядки, которые покупают у русских промышленников нарочно для этой цели, ими приготовляемые (Кушелевский 1868: 113). Большие и маленькие куски ткани, цепочки, колокольчики, кольца, бусы, гильзы от патронов, металлические подвески разного времени изготовления встречаются на ненецких жертвенных местах и сегодня (Квашнин, Ткачёв 2014: 190).

Оправа вайгачской иконки была найдена вместе с другими предметами в раскопе на глубине 7 см. Иными словами, она попала на святилище довольно давно, предположительно не позже XV в. (Хлобыстин 1990: 126). На наш взгляд, маловероятно, что подобные находки отражают «первые попытки миссионерской деятельности русского духовенства среди местного населения», как предполагал Л. П. Хлобыстин (Хлобыстин 1987: 13). Скорее всего иконка могла попасть в руки «югричей» после разгрома ими русских воинов в одном из сражений. В Новгородской летописи младшего извода имеются записи о двух походах в Югру, окончившихся для русских плачевно — один в 1194, а другой в 1445 г. (Новгородская первая 1950: 232–233, 425). Можно предположить, что в походе 1445 г. русские воевали за Уралом с «югорской самоядью», потомки которой были приняты в подданство Василием III в 1525 г., о чём упоминалось выше.

Утверждать, что найденные на о. Вайгач иконки и другие предметы христианского культа были получены аборигенами путём торгово-обменных связей с русскими пока затруднительно. Для этого не хватает достоверных документальных свидетельств.

«Страшные сыроядцы»

На сегодняшний день остаётся открытым вопрос, продвигались ли ненцы на запад дальше Белозерского края. В классических работах по этнографии можно встретить ссылки на работу малоизвестного историка и этнографа И. М. Калинина¹, утверждавшего, что ненцы доходили до Онежского озера (Хомич 1966: 16; Лашук 1972: 64–65; Васильев 1979: 76).

В 1929 г. И. М. Калинин опубликовал в *Известиях государственного русского географического общества* небольшую работу «О распространении самоедов в прошлом», где поместил выписки из хозяйственных книг Крестного монастыря, расположившегося в устье р. Онеги². Выписки относятся ко второй половине XVII в. и представляют собой описания торговых сделок между тамошними монахами и самоедами. К примеру: «Генваря во 2 день. У Канинской самоеди у Алеши с товарищи куплено двадцать шесть оленин спальных, дано пять рублей пятнадцать алтын полчетверты денги» (Калинин 1929: 77–80).

Опираясь на сведения XVII в. И. М. Калинин развивает свою мысль и даёт отсылку к «Житию Лазаря Муромского», который построив себе в 1352 г. обитель на не-

¹ Калинин Иван Михайлович (1885–1937), военный юрист, участник Первой мировой и Гражданской войн, белоэмигрант, российский и советский историк, этнограф, ученик академика А. А. Шахматова.

² Река Онега впадает в Онежскую губу Белого моря и не сообщается с Онежским озером.

обитаемом полуострове Мучь на правом берегу Онежского озера, боролся с лопарями и чудью за своё право жить здесь¹. В начале описания жизни в обители Лазарь пишет: «А живущие тогда именовались около озера Онего **лопяне и чудь**, страшиваия сыроядцы», а в конце: «И по мале времени Божьим промыслом **лопяне и самоядь** отидаша от места сего к пределы Океана моря» (Калинин 1929: 80; Амвросий 1813: 120, 123). На этом основании автор делает вывод, что не только саамы-лопари, но и ненцы-самоеды уже в XIV в. доходили до Онежского озера. По нашему мнению, этот источник не допустимо трактовать подобным образом. «Житие» известно исследователям, в основном, по последнему списку, включённому в V часть «Истории Российской иерархии» 1813 г. Туда вполне могли закрасться ошибки.

Выводы И. М. Калинина о кочевании ненцев у Онежского озера, без должной оценки, неоднократно воспроизводили советские этнографы. Интересно, что Л. В. Хомич просто повторила слова Калинина (Хомич 1966: 16), а Л. П. Лашук и В. И. Васильев отнесли их к XVII в. вместо XIV (Лашук 1972: 64–65; Васильев 1979: 76).

В совместной статье В. И. Васильева и Т. В. Лукьянченко приводится неверная цитата из «Жития», вместо «чудь» написано «самоядь». При этом даётся ссылка не на первоисточник, а на одну из работ Л. П. Лашука, который, в свою очередь, ссылается на одного из дореволюционных авторов, писавших о Муромском монастыре. Далее авторы цитируют рукописное «Краткое географическое описание Каргополя», где упоминаются «поганые Сыроядцы» и «Белоглазая чудь» и предполагают, что «сыроядцы» это ненцы (Васильев, Лукьянченко 1993: 203–204). Это предположение нельзя считать верным. Саамы, как и большинство народов арктической и субарктической зон, употребляли в пищу сырое мясо и пили кровь оленей. Имеются сведения, что, только начиная с XVI в. они стали варить и слегка прожаривать мясо (Лукьянченко 2003: 92–93).

Осторожно подходит к сообщению И. М. Калинина Б. О. Долгих, говоря, что «распространение ненцев на запад от Мезени, Северной Двины, по бассейну Онеги и может быть даже до Онежского озера явление сравнительно позднее и связанное с вхождением ненцев в состав русского государства» (Долгих 1970: 25–26).

Других источников, говорящих о проживании ненцев в районе Онежского озера в исторический период, нет. Поэтому лопяне, упоминаемые в «Житии», это, на наш взгляд, никто иные, как саамы, а чудь, вероятнее всего вепсы.

Лопари на Печоре?

Коротко коснёмся проблемы расселения саамов в исторический период. Вероятно, межэтнические контакты ненцев и саамов начались до их встречи с русскими. Этнографы В. И. Васильев и Т. В. Лукьянченко отмечают схожие элементы культуры у канинских ненцев и кольских саамов (высокие головные уборы, обувь, использование в прошлом однополозной нарты-кережи²). Однако они несколько преувеличивают возможное распространение саамов на восток, вплоть до р. Печора. Их слова о том, что «в сравнительно недавнем прошлом русские старожилы Канина и бассейна Мезени иногда называли местных ненцев лопарями» вполне отражают

¹ Монах, приехавший на Русь из греческого монастыря в Риме.

² О самоедских санях в виде получелноков или лодок упоминал в своих записках 1647 г. немецкий учёный и писатель Адам Олеарий (Алексеев 1941: 296).

действительность, а пример существования саамских топонимов на Печоре является ошибкой. Речь идёт о «местечке Сейда». Якобы «оно напоминает о священных камнях саамов — сейдах» (Васильев, Лукьянченко 1993: 203, 206).

Однако Сейда — это не местечко, а посёлок рядом с одноимённой станцией Северной железной дороги РЖД, на участке Котлас — Воркута, построенном в 1937–1941 гг. Название посёлка вторично, в 2,5 км от него в р. Уса впадает р. Сейда, берущая своё начало из озёр Большие Сейты, расположенных в 58 км к северу. Название реки характерно для коми гидронимов (ср. Ильва, Цильма, Ухта). Правильное, немного искажённое, написание Сейда происходит от коми «сей» — глина; «сейёд» — глинистый. В словаре Брокгауза и Ефрана имеется подтверждающее это описание Сейды: «Река эта отличается чрезвычайно мутно-грязной водой, негодной к употреблению» (Энциклопедический 1900: 315).

Для обоснования тезисов о проживании саамов на Печоре В. И. Васильев и Т. В. Лукьянченко приводят свидетельство русской староверки 1879 г. р. из с. Окунёв Нос «на Печорье», которая говорила о ненцах, приезжавших в деревню: «Бывало раньше лопари приедут и тем же ковшом пьют из бочки» (Васильев, Лукьянченко 1993: 206). Это не удивительно и совершенно не доказывает, что саамы когда-то жили значительно восточнее места своего компактного проживания.

Обратившись к истории русского церковного раскола, можно узнать, что первыми на притоках Печоры поселились старообрядцы Поморского согласия. Центром согласия долгое время являлся скит на пустынном берегу р. Нижний Выг, вытекающей из Выгозера и впадающей в Онежскую губу Белого моря (Кремлёва 1997: 707). В этих краях старообрядцы могли видеть саамов-лопарей и контактировать с ними.

В 1730 г. поморцами, выходцами из г. Мезень, был устроен Великопоженский скит близ с. Усть-Цильма на Печоре. В 1743 г. большинство наследников скита сожгли себя узнав о приближении правительственной комиссии. Восстановили скит только в 1854 г. (Поморское согласие). Выселок Окунёв Нос был основан на правом берегу Печоры в 1890 г. Первыми здесь поселились старообрядцы-поморцы из д. Черногорская, располагавшейся на притоке Печоры р. Нерица (Календарь).

Таким образом, можно обоснованно предположить, что старообрядцы-поморцы, переселившиеся из беломорских селений на притоки Печоры в середине XIX в., принесли сюда свои познания о коренных народах Севера. Не вникая в различия, они называли печорских ненцев так же, как и знакомых им саамов, лопарями.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию можно сказать, что нам удалось решить все поставленные задачи. В результате анализа источников были обобщены сведения о маршрутах продвижения ненцев в исторический период на запад и юго-запад от Уральских гор. Существенным дополнением к этому стало обнаружение свидетельства о том, что торгово-обменные связи ненцев и русских в XVII в. проходили не только в широко известных центрах того времени — Пустозерске, Мезени, Обдорске, Сольвычегодске, Великом Устюге, но и в отдалённом от них Белозерском крае. Более ранние ненецко-русские контакты, предположительно, носили характер военных столкновений, что, возможно, подтверждает находка на о. Вайгач оправы иконы, идентичной находкам на Белоозере. Критический подход к рас-

смопрению автобиографического жизнеописания монаха Лазаря Муромского позволил выдвинуть обоснованное предположение о несправедливости утверждения о кочевании ненцев в XIV в. возле Онежского озера. Большую часть источников для исследования стало возможным собрать благодаря интернету. Их тщательная проработка позволила нам доказать ошибочность утверждений некоторых этнографов о широких связях ненцев и саамов в прошлом и распространении саамских топонимов на притоках р. Печора.

Источники и материалы

- ААЭ 1836а — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1836а. 548 с.
- ААЭ 1836б — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3. 1613–1645. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1836б. 518 с.
- ААЭ 1836в — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 4. 1645–1700. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1836в. 654 с.
- ААЭ 1841 — Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. 1598–1613. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1841. 438 с.
- Алексеев 1941 — Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1941. 609 с.
- Амвросий 1813 — Амвросий. История Российской иерархии. Ч. V. М.: Синодальная типография. 1813. 737 с.
- Бруин 1873 — Бруин К. де. Путешествие через Московию. М. 1873, 320 с.
- Вершинин, Визгалов 2004 — Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. (авт.-сост.). Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.
- Календарь — Календарь знаменательных и памятных дат на 2015 г. <https://www.uc-cbs.ru/wp-content/uploads/2015/02/ALENDAR.pdf> (дата обращения 21.02.2023).
- Кушелевский 1868 — Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки. СПб.: Тип. М.В.Д., 1868. 186 с.
- Лепёхин 1805 — Лепёхин И. И. Путешествие академика Ивана Лепехина. Часть IV. В 1772 г. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1805. 458 с.
- Миллер 2009 — Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Николаев 2009 — Николаев Д. (сост.). Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. 224 с.
- Новгородская 1950 — Новгородская первая летопись Старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 640 с.
- Поморское — Поморское согласие в Российском государстве: 1694–2006 гг. <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1260> (дата обращения 25.02.2023).
- Сазонов и др. 1992 — Сазонов А. А., Герасимова Г. Н., Глушкова О. А., Кистерев С. Н. (сост.). Под сгагом России. Сб. док. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
- Сербов 1909 — Сербов Н. И. Страганов Аника Фёдорович // Русский биографический словарь. Смоловский-Суворина. СПб.: Общественная Польза, 1909. С. 491–494.
- Татищев 2005 — Татищев В. История Российской. Т. 1. М.: АСТ; Ермак, 2005. 568 с.
- Фишер 1794 — Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.

- Флетчер 1906 — Флетчер Дж. О государстве русском. СПб.: Изд. А. О. Суворина, 1906. 138 с.
- Энциклопедический 1900 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Том XXIX (57). Сахар-Семь мудрецов. СПб.: Издательское Дело, 1900. 483 с.

Научная литература

- Арзютов Д. В., Амелина М. К. Хождение канинского самоедина Якушки Пирчикова са-мовольством в Аглинскую землю и обратно: к истории ненецко-английских контактов в I пол. XVII в. // Studia Uralo-Altaica, Vol. 56. Szeged, 2022. С. 415–451. <https://doi.org/10.14232/sua.2022.56.415-451>
- Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
- Васильев В. И., Лукьянченко Т. В. Саамо-самодийские этнические контакты в историческое время // Российский этнограф. Вып. 20. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 202–212.
- Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.
- Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Захаров С. Д. Белоозеро // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Калинин И. М. О распространении самоедов в прошлом (Из новых архивных материалов) // Известия ГРГО. Т. LXI. 1929. 77–80.
- Квашин Ю. Н. О семантическом сдвиге значений слов дом, посёлок, город в ненецком языке // Вестник антропологии. 2019а. № 1 (45). С. 67–79. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-3-15/67-79>
- Квашин Ю. Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север, 2019б. № 35. С. 94–118. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.94>
- Квашин Ю. Н., Дыбчак А., Кукучка Я. Загадки сибирской коллекции Краковского этнографического музея // Вестник антропологии. 2020. № 4. С. 83–102. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/83-102>
- Квашин Ю. Н., Ткачёв А. А. Культовое место на озере Нямбой-то // Антропологический форум, 2014. № 23. С. 185–194.
- Колычева Е. И. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII века // Советская этнография, 1956. № 2. С. 76–88.
- Кремлёва И. А. Старообрядчество // Русские / ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1997. С. 701–722.
- Лашук Л. П. Формирование народности коми. М.: Изд. московского ун-та, 1972. 292 с.
- Лукьянченко Т. В. Материальная культура // Прибалтийско-финские народы России / ред. Клементьев В. И., Шлыгина Н. В. М.: Наука, 2003. С. 78–100.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д. Древности затопленного Белоозера // Природа. 1993. № 4. С. 62–68.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д. Три каменных образка из Белоозера // Российская археология. 1995. № 1. С. 209–216.
- Хлобыстин Л. П. Новые открытия на северо-востоке Европы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. всесоюз. конф. (Сузdal, 1987 г.). М.: Наука, 1987. 13–14.
- Хлобыстин Л. П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120–135.
- Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 330 с.

References

- Arzyutov, D. V. and M. K. Amelina. 2022. Khozhdenie kaninskogo samoedina Iakushki Pirchikova samovol'stvom v Aglinskuyu zemlyu i obratno: k istorii nenetsko-anglijskikh kontaktov v I polovine XVII veka [Yakushka Pirchikov, a Samoyed from Kanin, Voluntarily Traveled to the English Land and Back: to the History of Nenets-English Contacts in the First Half of the 17th Century]. In *Studya Uralo-Altaica* 56: 415–451. <https://doi.org/10.14232/sua.2022.56.415-451>
- Dolgikh, B. O. 1970. *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on the Ethnic History of the Nenets and Enets]. Moscow: Nauka. 270 p.
- Kalinin, I. M. 1929. O rasprostranenii samoedov v proshlom (Iz novykh arkhivnykh materialov) [On the Spread of Samoyeds in the Past (From New Archival Materials)]. In *Izvestiya gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the State Russian Geographical Society]. Vol. LXI. 77–80.
- Khlobystin, L. P. 1987. Novye otkrytiya na severo-vostoke Evropy [New Discoveries in the NorthEast of Europe]. In *Zadachi sovetskoy arkheologii v svete reshenij XXVII s'ezda KPSS. Tezisy dokladov vsesoiuznoj konferencii. (Suzdal', 1987)* [The Tasks of Soviet Archeology in the Light of the Decisions of the XXVII CPSU Meeting. The Proceedings of the All-Union Conference. (Suzdal, 1987)]. Moscow: Nauka. 13–14.
- Khlobystin, L. P. 1990. Drevnie svyatilishcha ostrova Vajgach [Ancient Sanctuaries of Vaygach Island]. In *Problemy izuchenija istoriko-kul'turnoj sredy Arktiki* [Problems in the Studies of the Historical and Cultural Environment of the Arctic], ed. by P. V. Boiarskii. Moscow. 120–135.
- Khomich, L. V. 1966. *Nentsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nenets. Historical and ethnographic essays]. Moscow; Leningrad: Nauka. 330 p.
- Kolycheva, E. I. 1956. Nentsy Evropeiskoj Rossii v kontse XVII—nachale XVIII veka [Nenets of European Russia in the late 17th—early 18th centuries]. *Sovetskaya etnografiya*, 2: 76–88.
- Kremleva, I. A. 1997. Staroobryadchestvo [Old Believers]. In *Russkie* [Russians], ed. by V. A. Aleksandrov, I. V. Vlasova, N. S. Polishchuk. Moscow: Nauka. 701–722.
- Kvashnin, Yu. N. 2019a. O semanticheskem sdvige znachenij slov dom, poselok, gorod v nenetskom jazyke [On the Semantic Shift in the Meanings of the Words House, Settlement, City in the Nenets Language]. *Vestnik antropologii* 1: 67–79. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-3-15/67-79>
- Kvashnin, Yu. N. 2019b. “Sie semejstvo otyskano i teper' nakhoditsya v Obdorskoy volosti” (razmyshleniya nad spiskom samoedov Berezovskogo okruga 1832 goda) [“This Family Has Been Found and Is Now in The Obdorskaya Volost” (Reflections on the List of Samoyeds of the Berezovsky District of 1832)]. *Arktika i Sever* 35: 94–118. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.94>
- Kvashnin, Yu. N., A. Dybchak and Ya. Kukuchka. 2020. Zagadki sibirskoj kolleksii Krakovskogo etnograficheskogo muzeya [Mysteries of the Siberian Collection of the Krakow Ethnographic Museum]. *Vestnik antropologii* 4: 83–102. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/83-102>
- Kvashnin, Yu. N. and A. A. Tkachev. 2014. Kul'tovoe mesto na ozere Nyamboi-to [A Cult Place on Lake Nyamboy-to]. In *Antropologicheskij forum* 23: 185–194.
- Lashuk, L. P. 1972. *Formirovaniye narodnosti komi* [Formation of the Komi People]. Moscow: Izdatel'stvo moskovskogo universiteta. 292 p.
- Luk'ianchenko, T. V. 2003. Material'naya kul'tura [Material Culture]. In *Pribaltijsko-finskie narody Rossii*, ed. by V. I. Klement'ev and N. V. Shlygina. Moscow: Nauka. 78–100.
- Makarov, N. A. and S. D. Zakharov. 1993. Drevnosti zatoplennogo Beloozera [Antiquities of the Flooded Beloozero]. In *Priroda* 4: 62–68.

- Makarov, N. A. and S. D. Zakharov. 1995. Tri kamennyykh obrazka iz Beloozera [Three Stone Icons from Beloozero]. *Rossijskaya arkheologiya* 1: 209–216.
- Vasil'ev, V. I. 1979. *Problemy formirovaniya severosamodijskikh narodnostej* [Problems of the Formation of the North Samoyedic Peoples]. Moscow: Nauka. 243 p.
- Vasil'ev, V. I. and T. V. Luk'ianchenko. 1993. Saamo-samodijskie etnicheskie kontakty v istoricheskoe vremya [Sami-Samoyed Ethnic Contacts in Historical Time]. In *Rossijskij etnograf*. Issue 20. Moscow: Institut etnologii i antropologii. 202–212.
- Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskij gorod Beloozero* [The Ancient Russian city of Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.
- Zakharov, S. D. 2012. Beloozero [Beloozero]. In *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama* [Russia in 9th-11th centuries: Archaeological Panorama], ed. by N. A. Makarov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. 213–239.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/68-85
 Научная статья

© Л. И. Никонова, Т. Н. Охотина, А. А. Медов

ПОЛОЗЬЕВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ У МОРДВЫ. О РОЛИ ТРАДИЦИОННОГО ТРАНСПОРТА В ХОЗЯЙСТВЕ

Полозьевые средства передвижения — наиболее древний вид сухопутного транспорта у мордвы. В зависимости от целей их применения различают дровни, салазки, саночки, подсанки, розвальни, сани обычные грузовые, сани обычные выездные, сани-кошевни (кошевки), сани-кибитка и др. Исходной формой полозового транспорта являются волокуши (простые и сложные). Наиболее архаичными зимними повозками с полозьями были сани-дровни (мокши нурда пей, эрз. нурдо пей*) для перевозки различных грузов. Дровни с подсанками назывались «нурда поцанка». Возовые сани-розвальни «керъ-нурда» использовались для перевозки более легких грузов, хозяйственных и бытовых поездок на далекое расстояние. Для перевозки мелких грузов и работы по хозяйству изготавливались ручные санки, салазки «нурдоня» (мокши.). В качестве выездных средств передвижения мордва использовала санки-кошевки: в них ездили в гости, на свадьбу, катались на Масленицу; кибитки чаще применялись для дальних поездок и как свадебная повозка «он-ава» (мокши., эрз.). Дешевые сани обшивались рогожами, сани получше — циновками. Изготовление простых саней носило домашний характер, а для продажи их делали мастера-санники. Санный промысел у мордвы получил распространение не только в Мордовском крае, но и далеко за его пределами (в Саратовской, Кемеровской обл., Красноярском крае и др.). Имелись мастера, которые готовили улучшенные повозки для зажиточного и городского населения. В таком транспорте нуждались местные извозчики, доставщики почты, пожарные службы и т. д.

О роли саней в бытовом укладе мордвы свидетельствует, в частности, тот факт, что основные детали этого вида транспорта в мордовском языке имеют свои названия: нурда пей (мокши.) / копыл саней; нурда полаз (мокши.) / полозья саней; нурда пря (мокши.) / передняя часть саней; нурда сялиня (мокши.) / вязки, скрепляющие полозья, вярь васта (мокши.) / облучок; нурдо пря (эрз.) / передок саней; нурдо полоза (эрз.) / полозья саней. Полозьевые средства пере-

Никонова Людмила Ивановна — д. и. н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Российская Федерация, 430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: congress7@list.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>

Охотина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник отдела истории, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Российская Федерация, 430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: himera@mail.ru

Медов Алексей Адрианович — аспирант отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Российская Федерация, 430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: medov.ai@yandex.ru

* Здесь и далее: мокш. — мордва-мокша, эрз. — мордва-эрзя.

движения оставили след в фольклоре мордвы: о них сложены поговорки, пословицы, песни. С ними связаны обряды и праздники. В настоящее время традиционные полозьевые виды транспорта как неотъемлемый элемент быта почти исчезли, но с конными прогулками на санях связаны многие туристические направления. Они продолжают применяться как развлечение во время различных зимних праздников, обрядов в т. ч. с использованием полозьевых средств передвижения промышленного производства (санок, саней и др.).

Ключевые слова: средства передвижения, полозьевые, мордва, быт, праздники, обряды, фольклор

Ссылка при цитировании: Никонова Л. И., Охотина И. Н., Медов А. А. Полозьевые средства передвижения у мордвы. О роли традиционного транспорта в хозяйстве // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 68–85.

UDC 39

DOI 10.33876/2311-0546/2023-3/68-85

Original Article

© Liudmila Nikonova, Tatiana Okhotina, Alexey Medov

SKIDDING VEHICLES OF THE MORDVINS

Skidding vehicles are the most ancient type of land transport in Mordovia. Depending on the purposes of their use, there are distinguished: drovni, salazki, sanochki, podsanki, rozvalni, cargo sledge, ordinary sledge, sledge-koшевни (koshevki), sledge-kibitka, etc — all these are various kinds of sledges. The initial form of skidding transport is a volokushi — a travois (simple or complex). Drovni-sledge is the most archaic form of winter wagons with runners (Moksh. nurda pei, Erz. nurdo pei*) used for the transportation of various goods. Drovni with podsanki were called “nurda potsanka”. The “kerem-nurda” sledges were used to transport lighter loads and long-distance trips for household reasons. Manual sleds, “nurdonya” (Moksh.), were made to transport small goods and to use in household. Sledge-koшевки were used for short trips: making visits, going to weddings, during Maslenitsa celebration; kibitki were more often used for long-distance travelling and as a wedding wagon “on-ava” (Moksh., Erz.). Cheap sledges were sheathed with rush matting, better ones with wicker mats. Simple sledges were made at home, while professional sledgers manufactured sledges for sale. Sledging among the Mordvins was widespread, not only in the Mordovian region, but also far beyond its borders (Saratov, Kemerovo region, Krasnoyarsk Krai, etc.). Craftsmen also prepared improved sledges for the wealthy and urban population. Local drivers, mail deliverers, fire services, etc. needed them. Skidding vehicles left a mark in the folklore of Mordvins: there are sayings, proverbs, songs about them. Customs and holidays are associated with them.

In the Mordovian language, the main details of a sledge had their own names: nurda pei (Moksh.) — the hoof; nurda polaz (Moksh.) — the runners; nurda prya (Moksh.) — the front; nurda syalinya (Moksh.) — the binding for the runners, var

vasta (Moksh.) — the coachman's seat; nurdo prya (Erz.) — the front; nurdo skids (Erz.) — the runners. Currently, traditional skidding transport as an integral element of everyday life has almost disappeared, but many tourist destinations are associated with horse-drawn sledge rides, they persist as entertainment during various winter holidays and rituals. The skidding vehicles in these cases are often of industrial production.

Keywords: vehicles, sledges, Mordvins, everyday life, holidays, rituals, folklore

Authors info: **Nikonova Lyudmila I.** — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Russian Federation, 430005 Saransk, L. Tolstogo str., 3). E-mail: congress7@list.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>

Okhotina Tatiana N. — Senior Researcher of the Department of History, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Russian Federation, 430005 Saransk, ul. L. Tolstogo, 3). E-mail: himera@mail.ru

Medov Alexey A. — Postgraduate student of the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Russian Federation, 430005 Saransk, ul. L. Tolstogo, 3). E-mail: medov.ai@yandex.ru

For citation: Nikonova, L. I., T. N. Okhotina and A. A. Medov. 2023. Skidding Vehicles of the Mordvins. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 68–85.

Введение

Исследовательский интерес к народному транспорту появился в 20–30-е гг. XX в. Так, В. В. Бартольд, В. В. Богданов, С. П. Толстов и другие ученые, обращаясь к изучению средств передвижения народов, отмечали их большую научно-практическую ценность, но в тоже время подчеркивали и сложность таких исследований. В 40–50-е гг. XX в. этими вопросами занимались исследователи М. И. Артамонов, К. М. Мыльников, В. Н. Чернецов. Изучение народных средств передвижения активизировалось с нач. 60-х гг. XX в. Немаловажный вклад в разработку проблемы внесли А. В. Арциховский, А. С. Бежкович, А. А. Лебедева и др. В региональном аспекте виды средств передвижения рассматривались у народов Сибири, Кавказа, Урало-Поволжского региона (татар, чuvашей, марийцев, удмуртов, коми, русских). Однако эти исследования проводились не специально, а в контексте общих историко-этнографических работ или работ, посвященных хозяйственной деятельности. Среди публикаций, в той или иной степени рассматривающих транспортные средства мордвы, можно отметить работы И. И. Смирнова, И. И. Фирстова, А. С. Лузгина, Л. И. Никоновой и др. Краткие упоминания имеются в работах путешественников (Рычков П. И., Паллас П. С., Лепехин И. И., Герги И. Г.), исследователей устно-поэтического творчества (фольклорные) и научного архива НИИГН (полевые материалы), а также в музейных коллекциях. Специальных исследований по традиционным способам и средствам передвижения у мордвы нет, хотя рельеф, природно-климатические условия, хозяйственная и промысловая деятельность обусловили исключительное многообразие видов транспорта как водного, так и сухопутного. Актуальность темы определяется и тем, что изучение этого вопроса способствует лучшему пониманию особенностей адаптации человека

к природно-климатическим условиям, выявлению роли и значения традиционного транспорта в хозяйстве. Возрастает и прикладное значение транспортных средств, его применение для различных бытовых и практических целей, в т. ч. в этнотуризме (воспроизведение свадебной обрядности, праздничной культуры).

Виды полозьевого транспорта в зависимости от целей их применения

Способы и средства передвижения у мордвы были весьма разнообразны и приспособлены к местным природно-географическим условиям. До середины XIX в. сухопутным грузы перевозились исключительно на животных. Летом это были различные телеги на колесах, по зимним дорогам Мордовского края вереницей шли возы, груженные рыбой, пушниной, дровами и другими товарами. Полозьевые средства передвижения были наиболее древним видом сухопутного транспорта у мордвы. Это подтверждается существованием в мордовском языке частицы, служащей для выражения скрипа, происходящего при движении по снегу салазок, саней — «гурь». Например, «Гурь сей саласькязя, гурь тов поласькязя / гурь сюда салазки, гурь туда полозья» (Евсевьев 1931: 112). Использование их не зависело от времени года. По мнению исследователя И. Н. Смирнова «мордвин на первых порах знал одно только орудие передвижения на суще — сани», не случайно, в мордовском языке слово «нурт» значит одновременно сани и воз (Смирнов 2002: 127).

В крестьянских хозяйствах мордвы использовались разные виды полозьевого транспорта в зависимости от целей их применения: дровни, салазки, саночки, подсанки, розвальни, сани обычные грузовые, сани обычные выездные, сани-кошевни (кошевки), сани-кибитка и др. В деревнях в сани обычно запрягали одну или две лошади.

Исходной формой полозового транспорта, вероятно, являются волокушки (Хозяйство и быт 1953: 200). Конструкция волокуш была очень простой: толстые концы двух тонких деревьев очищались и привязывались к хомуту, как оглобли. Для удобства укладывания груза они скреплялись между собою двумя–тремя планками или веревками, укрепленными поперек волокуш. На оставленные ветки клади груз (Мордва 1981: 83–84). Мордва-мокша делали волокушу из гибких деревьев березы, длиной 3–4 м, толщиной у корня 4–5 см, с тонкого конца на 1,5–2 метра снимали кору и заостряли его в виде копья. На толстом конце вытесывали гнездо, чтобы завязать узел из веревки (НА НИИГН И-148). У мордвы существовал своеобразный способ перевозки сена с «лыжей»: палкой-волокушей снизу проникали копну насквозь, так, чтобы ее тонкий конец вышел наружу. Переброшенная через верх копны веревка привязывалась к опоясывающей, тяговой, идущей от лошади сзади. Делали быстро отвязывающийся узел. Один возчик брал лошадь под уздцы, второй, надавливал ногой на тягу-основу сзади, чтобы при рывке натянулась, и воз, словно на лыжах, скользил по земле» (Колмыков 1998: 222–223).

Для больших грузов использовали более сложные волокушки, нижние концы которых обычно изготавливались из комлей наподобие головок в санных полозьях. На эти загнутые концы, как на копылья, насыпался крепкий толстый насад (Хозяйство и быт 1953: 201). Подобные волокушки, изготовленные из корня в с. Парапино Ковылкинского района Республики Мордовия назывались «Таргафт» / вытянутые (НА НИИГН И-267). У мордвы такие волокушки применялись обычно для выволакивания из леса больших бревен и при этом впрягали по 3–4 лошади цугом (Лузгин

2016: 127). Волокуши известны и у других финно-угорских народов. Напр., в лесной местности для перевозки грузов и сена во время сенокоса пользовались волокушами («çуллахи çуна») чуваши (Культура Чувашского края 1994: 107) и удмурты (Никитина 1993: 89). Широкое пользование волокушами объяснялось не только отсталостью крестьянской техники, но и природными условиями, бездорожьем, простотой устройства и дешевизной этих средств передвижения.

При всем своем разнообразии полозьевых средств передвижения у мордвы, в основе их конструкции лежали два полоза, пять–восемь копыльев, вязовья и нащепы. Формы и размеры саней зависели от их целевого назначения. В основном сани были двух видов: с высокими и низкими полозьями. Саны с высокими полозьями использовались в местности с рыхлым снегом и ухабистой дорогой. При высоком поставленных полозьях снег не загребался самими санями. На низких полозьях сани были намного устойчивей, и предназначены для дороги с укатанным снегом. По форме сани могли быть открытыми (саны-розвальни, санки, салазки, кошевки и др.) или с кузовом (кареты, кибитка и др.).

Наиболее архаичными зимними повозками с полозьями были сани-дровни (мокш. нурда пей, эрз. нурдо пей) (Мокшин 2002: 140).

Дровни состояли из двух параллельных друг другу полозьев, с загнутыми спереди концами — головками. В выдолбленные в полозьях на равных промежутках углубления вставляли 6–8 пар невысоких (около 20 см) стоек — копылья. На верхние концы копылов каждого полоза параллельно ему насаживали нащеп (нахлесток) — массивный четырехгранный брус. Чтобы головки не зажимало друг к другу, в начале и конце саней ставили распорки. Длина распорок и составляла ширину саней. Полозья соединялись либо небольшими (в ширину дровней) брусками, либо вязовыми жгутами. Длина дровней была от 2,1 до 2,5 м, а ширина 70–80 см. При одноконной запряжке к головкам полозьев привязывали две оглобли. Дровни в основном использовали для перевозки различных грузов, в зависимости от которого менялся и их внешний вид. Так, для перевозки снопов, сена, дровни делали с более низкими копылами, а для удобства накладывания снопов устраивали крестлины, состоявшие из укрепленной сзади деревянной дуги, которая скреплялась с головками дровней двумя прочными жердями — снарвинаами. Получался своеобразный кузов, высокий и широкий сзади, узкий и низкий спереди. Сено или солому придавливали гнетом. При перевозке бревен или другого строительного материала, длина которых превышала длину дровней, их концы укладывались на особые санки, сделанными наподобие дровней, но без гнутых полозьев и значительно меньших размеров (Мордва 1981: 83). У мордвы дровни с подсанками назывались «нурда поцанка» (Ельниковский, Ковылкинский районы Республики Мордовия) (НА НИИГН И-270, 98).

Для перевозки мелких грузов и работы по хозяйству изготавливались ручные санки, салазки — «нурдона» (м). Детям для катаний с горок делали «ледянки», которые в каждом селении назывались по-разному. Так, в с. Алькино Зубово-Полянского района Республики Мордовия их называли «катерькс», а в с. Журавкино, того же района — «котнама» (Мокшанско-русский словарь 1998: 287).

Возовые сани-розвальни употреблялись для перевозки более легких грузов, хозяйственных и бытовых поездок на далекое расстояние. По своему устройству мордовские розвальни были однотипны с русскими (Мордва 1981: 84). От дровней отличались отводами — гибкими жердями, которые спереди привязывали к голов-

кам, а сзади закрепляли на поперечном брусе, лежавшем на накопыльниках. Отводы увеличивали емкость саней и предохраняли седоков и грузы при раскатах. Оглобли привязывали крепкими веревками к первым копыльям. В с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия подобные сани-розвальни с обвязками и обводками без спинки назывались «керъ-нурда» (Евсевьев 1931: 219). Дровни и розвальни имелись практически в каждом хозяйстве (Лузгин 2016: 135).

В качестве выездных средств передвижения мордва использовала санки-кошевки, также подобные русским (Мордва 1981: 84): в них ездили в гости, на свадьбу, катались на Масленицу. Кошевки имели довольно широкие боковые отводы, предохранявшие их от переворачивания на раскатах и поворотах (Лузгин 2016: 135) и подрезы. Особенностью «кошев» являлся плетеный из прутьев кузов. В конце XIX — начале XX вв. наряду с этим материалом использовалось и дерево. В кошевке сзади устраивалось место для седока, а спереди — «облучок» или козлы для возницы. Саны-кошевки делались значительно легче розвальней и тем более дровней. Кузов красиво отделялся как внутри, так и снаружи: сиденье обивалось сукном, холстом или кожей, внешнюю сторону обивали ковром, украшали резьбой и т. д.

Вот как их описывает В. И. Колмыков: «Самыми дорогими, «козырными» санями считались празднично-выездные. Низ полоза у них обивали металлической лентой — подрезами: для лучшего скольжения, да и полоз берегли. На подрезах выбирали выемную линию — как у лыж. При быстрой езде и резких поворотах такие сани не заваливались в сторону. Спереди устанавливался облучок — место для кучера, который сидел выше, чем пассажиры, — для лучшего обзора пути. В ноги ездокам, сидящим на деревянной, обитой кожей или сукном скамейке, укладывали (если сани проще) сено, солому, рогожи, ватолы. Дорогие сани устилали коврами. Ездили обычно в тулупах с высоко поднятыми воротниками. Тулупы длиной до пят шили из волчьих шкур, овчины. В них заворачивали ноги, обутые в «чесанки». Любой мороз нипочем... Саны украшали узорами кузнецкой работы, ручками, чтобы держаться за них при быстрой езде. Резьба по дереву и роспись красками дополняли убранство» (Колмыков 1998: 170).

Известны у мордвы также сани-кибитки, когда задняя часть саней закрывалась не только с боков, но и сверху. Кибитки применялись для дальних поездок и имелись, главным образом у крестьян, занимавшихся извозом. Чаще всего они использовались как свадебная повозка — он-ава (Мокшанско-русский словарь 1998: 439).

Изготовление простых саней носило домашний характер. Так, дровни для собственных нужд мог сделать глава семьи и их выделка занимала в среднем один день, для продажи сани делали мастера-санники (Лузгин 2016: 136). Технология изготовления саней заключалась в гнутье полозьев и сборке экипажей. Полоз — основная часть саней, поэтому его изготовлению уделялось особое внимание. Делали их из твердых пород деревьев — дуб, ясень, клен. Гнутье полозьев производилось весной и летом. Приготовленные для гнутья брусья предварительно обтесывали до определенной толщины и распаривали. Для этого в больших мастерских санников имелись специальные парни — землянка, основной частью которой была длинная кирпичная печка с одним или двумя котлами. Для вливания воды в котел устраивали или специальный желоб, или заливали воду сверху через крышу. Нагретая в котлах вода испарялась, пар проникал в большое помещение под верхним сводом, куда, через боковое отверстие в стене, концами укладывали плахи. Сверху и с боков парню плотно заваливали

Рис. 1.
Дровни с островка
Ижморского района
Кемеровской обл.
Фото Л. И. Никоновой.
2003.

Рис. 2.
Салазки. Пос. Уян
Куйтунского района
Иркутской обл. // Морда
циркумбайкальского региона
и Республики Хакасия.
Саранск, 2010.
Фото Л. И. Никоновой.
2008.

Рис. 3.
Санки. Челябинская обл.,
пос. Искра Троицкого р-на.
Фото Л. И. Никоновой.
2010.

Рис. 4.
Полозовое средство
передвижения для перевозки
небольших грузов.
Пгт. Диксон.
Фото Л. И. Никоновой.
2013.

Рис. 5.
Санки. Челябинская обл.,
пос. Искра Троицкого р-на.
Фото Л. И. Никоновой.
2010.

Рис. 6.
Легковые выездные сани.
Тюменская обл.,
с. Калиновка Сорокинского р-на.
Фото Л. И. Никоновой.
2009.

Рис. 7.
Санки для перевозки сена,
утвари, колотых дров.
Челябинская обл.,
пос. Искра Троицкого р-на.
Фото Л. И. Никоновой.
2010.

Рис. 8.
Старинные сани-розвальни.
Саратовская обл., с. Савкино
Петровского р-на.
Фото Л. И. Никоновой.
2009.

землей и оставляли на сутки (Бусыгин 1966: 146). Но вследствие дороговизны, такие парни могли себе позволить далеко не все мастера. Чаще всего плахи для полозьев распаривали в навозе. Навоз использовался свежий без соломы, преимущественно конский. Плахи, уложенные рядами головками друг к другу, закрывались навозом и присыпались землей (Лузгин 2016: 137). В таком положении полозья находились не менее двух недель, при необходимости навоз поливали горячей водой. Если полоз не допарить, он будет при сгибании ломаться, если перепарить — раскалываться и ломаться после того, как высохнет.

Гнутье распаренных брусьев происходило чаще всего с помощью специального станка, представлявшего собой два невысоких столба, вбитых в землю. В одном делалась выемка, куда вставлялся конец полоза, а другой столб имел вращающуюся втулку. На нее навивалась веревка, привязанная к другому концу бруса. Втулка вращалась с помощью рычагов. После того как брус сгибался до нужных размеров, его связывали веревкой, ставили сушить на 2–3 месяца, и он сохранял приданную ему форму (Бусыгин 1966: 146). Для просушки загнутых полозьев и закрепления изгиба устраивалась также специальная стенка в столбах, к которой изгибами и распорками прикрепляли полозья в согнутом виде (Лузгин 2016: 137).

При изготовлении полозьев мастера уделяли большое внимание деталям. Так, полоз не должен заваливаться на бок, поэтому для лучшего маневрирования концы округляли, как у лыж; во время езды сани «подавались» назад, поэтому внимательно обрабатывали головку: стесывали от сколов, спиливали лишнюю длину, строгали сгиб (Колмыков 1998: 169).

Обычно гнутье полозьев производилось весной и летом, а с ноября по март занимались сабирианием, обделкой саней. Разные виды саней требовали разного качества материалов: на дровни шло что похуже, на возовые — материалы среднего качества, на обшивные — самые лучшие. Более дорогим и трудоемким было изготовление обшивных саней, средств на их изготовление использовалось в четыре раза больше чем на возовые (Лузгин 2016: 136). Выделка обшивных саней занимала три дня: сначала заготавливали вязки, у которых запиливали и выдалбливали места для сгибов. Затем распиливали, отесывали и остругивали наклести, долбили в них гнезда для копыльев, которых требовалось около 10 штук — восемь коротких для скрепления полозьев и два длинных для укрепления передка. После этого укрепляли в наклестях большую заднюю дугу. Далее выдалбливали передок, выделывали верхние кресла с задками и отводами и укрепляли их на место; сгибаю и остругивали малые дуги. В конце выкрашивали и прибивали на места лубки; выделывали задок и боковые дуги (Лузгин 2016: 136). На полозья шли твердые породы дерева — дуб, ясень и клен. На наклести — береза, липа, осина. На вязки — молодые деревца — вязы (Лузгин 2016: 135).

В мордовском языке основные детали саней имели свои названия: нурда пей (м) / копыл саней; нурда полаз (м) / полозья саней; нурда пря (м) / передняя часть саней; нурда сялиня (м) / вязки, скрепляющие полозья, вярь васта (м) / облучок (Мокшанско-русский словарь 1998: 423). Тумонь нурдт (э) / дубовые сани; нурдо пря (э) / передок саней; нурдо полоза (э) / полозья саней (Эрзянско-русский словарь 1993: 422). В с. Парапино Ковылкинского района Республики Мордовия полозья называют «меньтфт» (НА НИИГН И-267). Дешевые сани обшивались рогожками, сани получше — циновками (Лузгин 2016: 136). Для обивки кибиток использовали кожу

в основном местного производства. Так описывая г. Саранск и Саранский у. в 1869 г. Н. В. Прозин писал: «В уезде... было кожевенных заводов 9. Выделяются яловые кожи, белая и черная конина и полуval. ... Простые черные кожи, выделяющиеся на Саранских заводах, не так чисты и красивы как Казанские, но не уступают им прочностью и охотно покупаются мастеровыми для экипажей» (Прозин 1870: 139).

Изготовлением саней занимались в основном мужчины, женщины же помогали только при гнутье полозьев. Для выполнения легких работ таких как скобление коры, заготовка веревок и др. привлекались и дети. Причем знание и умение в санном промысле передавалось по наследству, учеников со стороны братья было не принято (Лузгин 2016: 137, 138). Так, по словам земского корреспондента, жители с. Дегилевка Саранского у. «с незапамятных времен славятся далеко по окружности своими кустарными поделками из дерева, главным образом изготавлением в громадном количестве саней. Этим промыслом занято поголовно все население, двор — на двор, участвуют в нем даже дети, являющиеся помощниками своих родителей» (Мордва 1981: 76,77). Склонность мордвы к производству разных деревянных изделий, в том числе дровней, саней, различных повозок отмечали и многие исследователи мордовского быта (Никонова, Кандрина, Щанкина 2010: 33, Фирстов 1978: 38, Лузгин 1993).

Обычно каждый мастер всю работу по изготавлению саней делал сам, гнул полозья, готовил вязки и другие части, собирая готовые изделия. Но в начале XIX в. и, особенно во второй его половине, с развитием разделения труда, произошла специализация: одни кустари выделяли только полозья, другие — собирали сани (Лузгин 2016: 137). Причем нередко вся деревня специализировалась на изготавлении какой-либо одной части (Мокшин 2002: 140).

Изготовление различных полозьевых средств передвижения наибольшее распространение получило в мордовских деревнях, расположенных в лесных районах, что обуславливалось доступностью нужного материала. Это находит подтверждение в документах Статистического комитета Пензенской губернии, где говорится, что в Саранском уезде, жители его лесной части занимаются изготавлением полозьев, обрущей и осей (Прозин 1870: 138). По данным исследователя кустарных промыслов пореформенной Мордовии И. И. Фирстова, кустари экипажного промысла, в том числе и санного, имелись в 148 селениях Мордовии. Наиболее крупные их скопления были сосредоточены в Инсарском у. — Лемляйский Майдан, Шувары, Арбузовка, Хованские Выселки, Новые Верхние Вязы, Кульмеж, Русское Баймаков, Старо-Сивильский Майдан, Кулдым (м) и Сарга (м), в Спасском — Ачадово (м), Пичпанды (м), Тархановская Потьма (м), Журавкино (м) и Авдалово, Наровчатском — Лухменский Майдан и Кочелаево, в Саранском — Новосельцево, Дегилевка (м), Малый Умыс, Александровка и Лада, Краснослободском — Каймары, Слободские Дубровки и Желтогоно, Ардатовском — Болдасево (м), Маресьево (м) и Резоватово, Темниковском — Красный Яр, Старый Город, Старое Ардашево (м), Лесное Плуково (м) и Цылино (м) (Фирстов 1978: 38).

Санный промысел у мордвы получил распространение, не только в мордовском крае, но и далеко за его пределами. Изготовлением зимнего транспорта занимались, напр., в с. Калмантай Вольского района, с. Колки Петровского района в Саратовской обл.; д. Павловка Кузедеевского района Кемеровской обл., с. Долженково Красноярского края, Шимановск Амурской обл. и др. Здесь, в основном, мордовские кустари

изготавливали лишь деревянные части повозок, оковка железом и все металлические части повозок производились местными кузнецами (Никонова 2009: 53). Готовые сани и различные повозки продавались на ярмарках, базарах. В октябре отмечался большой спрос на возовые сани, в ноябре — на дровни, в декабре — на обшифтовые (Лузгин 2016: 138), но в целом продавали их в продолжении всего того времени, в которое существует санный путь.

Кустари экипажного промысла удовлетворяли потребности главным образом крестьянского населения. Но имелись мастера, которые готовили улучшенные повозки для зажиточного и городского населения. В них нуждались местные извозчики, доставщики почты, пожарные службы и т. д. Зимние гужевые перевозки грузов на далекое расстояние являлись стариным промыслом мордвы. Крестьяне перевозили разные грузы в уездные города на примокшанские и присурские пристани, в Москву, Муром, Рязань, Нижний Новгород, Тамбов, Пензу, Симбирск, Самару, Саратов, Астрахань. Предметами перевозок являлись в основном земледельческие и животноводческие продукты. Дальний извоз существовал и 80-е гг. XIX в., вплоть до проведения железнодорожных путей (Мордва 1981: 84). Почтовые тройки мчались в погожие и метельные дни по тракту из Пензы, Саранска в разные села губернии. Так, в сведениях истории села Ново-Троицк (ныне Старошайговский район Республики Мордовия) приводится описание транспортировки почты в губернии: «По заснеженному тракту через села и деревни, утопающие в сугробах, мчалась почтовая тройка, фыркали лошади, разливались с дуги медные бубенцы. Ямщик в овчинном тулупе сидел на облучке, размахивал кнутом. Сколько повозок, почтовых троек останавливались на станции Ново-Троицк и ехали дальше. Село издавна было почтовой станцией» (Бадаев 2009). Сани требовались и пожарникам. Так, о состоянии пожарного обоза в г. Пензе и уездных городах Пензенской губернии писал А. М. Полиновский: «До 1853 года пожарная команда в г. Пензе состояла из 47 нижних чинов и 2 брандмейстеров, в обозе находилось 9 труб и 8 бочек с 8 летними и 7 зимними ходами и 33 лошадей ... В ноябре 1864 года пожарные обозы были улучшены, например были куплены бочки, ходы, телеги, сани, и пр.» (Полиновский 1870: 60).

Ведомость

О состоянии пожарной части в уездных городах Пензенской губ.

Название городов	Число солдат и рабочих при команде	Лошадей с упряжью			Труб	Из них рукавов	Дрог		Ручных насосов	Бочек	Чанов или резервуаров	Ведер	Лестниц	Щитов	Багров	Топоров
		Принадлежащих городу	Содержимых по найму	Поставляемых на твой			Летних	Зимних								
Саранск	30	8	12	—	6	6	6	6	3	14	—	33	5	3	10	30
Инсар	12	5	—	2	3	6	9	8	—	5	—	3	1	—	9	6
Краснослободск	15	5	5	—	2	2	7	7	—	4	—	5	1	—	4	7

Таблица составлена по: Полиновский 1870: 57–72; 69.

Сани, как многое из народной жизни, оставили след в фольклоре мордвы: о них сложены поговорки, пословицы, песни. Напр., широко известна пословица «В чужие сани не садись / А эсь нурдозт (вастозт) тят озсе» (Мордовские пословицы 1986: 88). С санями и полозьевыми повозками связаны народные обычаи, праздники. В песнях Рождественского дома встречается упоминание о богине саней: «Послушай-ка, дитятко мое! ...Выдам тебя за богатого эрзянина...в Саратов ходившего, восьмерку лошадей гнавшего, одной вожжой ими управляющего... Мать саней, богиня саней, в санях, в огне, в пene большой воды, что горит, что тлеет? / Ай, авай, ай, авай, а нурд-ава, нурд-ава, нурдо поцо, тол поцо, иневедень чов поцо, мезь палыить, мезь ченгить?» (Устно-поэтическое 1981: 48). В другом варианте: «Мать саней, богиня саней, в санях, в огне, в огне большой воды / А нурда-ава, нурд-ава, нурдо поцо, тол поцо, иневедень тол поцо», а далее перечисляются персонажи (парень, девушка, женщина) горюющие о своих суженных, детях (Устно-поэтическое 1981: 24). Но существование богини саней не находит подтверждения в других источниках.

Зимой катание с гор являлось любимым праздничным развлечением детей и молодежи.

Во время масленичных гуляний весну встречали катанием с пригорков на санях и санках. Провожая молодую сноху на горку, по традиции, старуха брала из обрядовых блинов в виде птицы сороки (сязыган пачат), один, мазала его маслом и напевала песенку: «Чикор, чикор, сорока! ...Провожаю тебя на пригорок вместе со снохой на каток / Чикор, чикор, сязыгата...адерляте панда пряв рывянять мархта курькснэма» или «Провожу тебя я на пригорок, со снохой кататься / Адерляте панда пряв, рывянять мархта курькснэма» (Устно-поэтическое 1981: 72, 73). Потом на пригорке сноха садилась на саночки, клала один блин на колени и пела со словами обращения к сороке» (Устно-поэтическое 1981: 21). Еще на масленицу пели: «Ой, масленица, масленица, скользкие стали твои пригорки, вихрем катаются ледянки. ...Дети катаются, спотыкаются / Ой, масленца, масленца, валаськость тонь панттне, даволкс курькснхихт корнаматне, ...Иттне курькснхихт пупоряйхть» (Устно-поэтическое 1981: 22), «Ой, масленица, масленица, почему скользкие твои ледянки, весело катаются детишки / Ой, масленца, масленца, мес валазят эйгэфне, весялят курьксни иттне?» (Устно-поэтическое 1981: 83).

В обрядовой жизни мордвы средства передвижения (сани, упряжь и др.) были неотъемлемой частью. Свадьбы у мордвы обычно начинались поздней осенью, после выполнения сельскохозяйственных работ и большая их часть приходилась на осенне-зимний период. Зимой основным транспортным средством на свадьбе были сани. На санях ехали за невестой, доставляли приданое и т. д. Свадебный поезд состоял из нескольких повозок/саней, иногда, как отмечают информаторы, до тридцати лошадей. Так, Т. П. Федянович, исследуя свадебные обряды мордвы-эрзи Татарской (Альметьевский и Черемшанский районы), Чувашской (Алатырский район) и Башкирской (Кармаскалинский и Бижбуляцкий районы) АССР пишет: «... В день свадьбы в доме жениха готовили свадебный поезд: зимой лошадей запрягали цугом), летом парами, дуги украшали лентами, бубенчиками. Роли родственников жениха на свадьбе распределялись следующим образом: его крестный назначался тысячким (это главный, почетный участник торжества), крестная — свахой, те, кто принимал участие в сватовстве — «покш кудат», родственники, которые едут за невестой в день свадьбы, — «кудат» (Федянович 1974: 113). В д. Шимаревка Торбеевского

района этот поезд назывался поезжина (НА НИИГН И-1689). На первой повозке сидел дружка, на второй повозке — сваха с женихом, третья предназначалась для невесты. Сани красиво украшали, на дуги вешали колокольчик, хвосты лошадей завязывали лентой (Никонова, Кандрина, Щанкина 2011: 64). У мордвы существовала особая повозка (кибитка) для проводов невесты в дом жениха — «он-ава». В Самарской области у мордвы в XX в. такая кибитка называлась «улема кудо» — дом бытия. Устраивали ее в день свадьбы родственники жениха. В с. Урюм Терюшевского у. Татарстана «он-аву» устраивали братья невесты, а украшали подруги невесты (Евсевьев 1966: 404). В Самарской области устройство кибитки входило в обязанности «урьвалят» (Мордва Заволжья 1994: 110).

Свадебная кибитка устраивалась следующим образом: на сани сгибали ивовые две дуги, поверх этих дуг связывали прутья (Евсевьев 1966: 445) или три лозы, расщепляли их, а потом из них делали как бы свод так, чтобы было не видно лица невесты (в с. Выша, Кадышеве, Киртелях, Кильдюшеве, в д. Починки, Новольяшевой и Урюме Тетюшевского у. Казанской губ.) (Евсевьев 1966: 436), покрывали или шушпанами невесты и разноцветными кушаками (в с. Сабаеве и в других селениях Саранского у.), или белой простыней с пришитыми к ней кистями из разноцветной шерсти (в с. Бессоновке и в соседних с нею селениях Ульяновского у., с. Урюм Тетюшевского у. Татарстана), украшали разноцветными шелковыми лентами; внутри кибитки стелили солому, кошму, клали подушку или перину; на стенке привешивали зеркальце и нательные кресты на гайтанах (Евсевьев 1966: 276). В Арзамасском у. Нижегородской губ. Майновым было зафиксировано покрытие кибитки, вышитое «в 36 широких полос весьма замысловатыми узорами, потребовавшими усилий 4 женщин в продолжении 14 месяцев» (Майнов 2007: 135). Украшению кибитки придавали большое значение. Так, у мокши Краснослободского уезда договор о большем или меньшем убранстве кибитки совершался еще во времяговора; если родители жениха не выполняли всего, то дело доводили до суда и суд приговаривал по оценке заплатить молодой за невыполненное украшение его стоимость (с. Шингарино Краснослободского у., решение волостного суда. 1876. № 39. 16 мая) (Майнов 2007: 142).

В некоторых районах свадебная кибитка имела не только практическое, но и символическое значение. Так, в Самарской области обманывали невесту, кибитку устраивали урьвалят на санях свекра, которая для этого снималась с передков и ставилась на передки саней отца невесты. За устройство кибитки отец жениха платил урьвалям по рублю (Евсевьев 1966: 277). Невеста, не подозревая предательства со стороны своих братьев — урьвалят, садилась в эту кибитку со своими провожатыми — подругами и урьвалят. Урьвалят вывозили их в поле якобы для того, чтобы укрыть невесту от поезжан, но, немного отъехав от деревни, останавливались на дороге. Невеста с подругами вылезали из кибитки благодарить лошадей, а в это время подъезжал жених с дружками, перекладывали сани с кибиткой на свои передки, сажали туда невесту и уезжали (Евсевьев 1966: 277). В Симбирской губернии после обряда венчания, приехав к жениху, дружка с саней снимал невестину повозку со шкворня. «Ехать нельзя! — объявлял он молодой, но тут подходил жених и надевал снова кибитку на шкворень со словами: «Кабы не было шкворня — нельзя бы было, а на шкворень надел — век не снимется»; при этом он ударял дружку слегка вдоль спины, «чтобы не снимал молодую со шкворня» (Майнов 2007: 145). В с. Урюм Терюшевского у.

Татарстана было зафиксировано обращение-причитание «он-аве» — невеста, садясь в «он-аву», причитала: «Белая «он-ава» — крастота, белая «он-ава» — доброта! Если буду я счастлива, в вышину сделайся выше, в ширину — шире, на лицо — краше. Если же буду несчастна, в вышину — сделайся ниже, в ширину — уже, на лицо — желтее». На следующий день по приезде невесты в дом жениха «он-аву» сжигали в печи (Евсевьев 1966: 404).

Существовали также некоторые приметы, связанные с кибиткой. Так, у мордвы Чистопольского уезда считалось, что, если сваха жениха сидет в «он-аву» раньше невесты, то это предвещало несчастную жизнь молодым; выехав из ворот невесты, оборачивали невестину кибитку и все подводы к воротам. Оборот передком к воротам по мнению В. Н. Майнова напоминает о молении Кардас-сярко (Майнов 2007: 119).

Над свадебным поездом производились обряды предохранительной магии. После того как невеста садилась в сани дружка жениха несколько раз ударял кнутом около них. В Городищенском уезде Пензенской губернии еще в 30—40-е гг. XX в. прежде чем молодые сядут в сани, отец невесты должен был с иконой обойти лошадей, а эту икону отдать дружке жениха. У мордвы Ульяновской области колдун предварительно оглядывал пол, двор и лошадей для свадебного поезда, чтобы кто-нибудь не подложил опасного зелья или колючих трав (напр., репейника) лошадям. При взятии невесты из родительского дома дружка с большим ножом троекратно обходил весь свадебный поезд (Порозова, Шабалина 2009: 138). В Саратовской губернии при отъезде невесты из родительского дома дружка с саблей или косой ехал на задке кибитки невесты. По пути к дому жениха он «каждые полверсты останавливает кибитку и обходит ее с саблей наголо для отогнания нечисти» (Майнов 2007: 112). В Нижегородской губернии снарядив поезд за невестой и отъехав немного от дома, дружко останавливал поезд и три раза обходил против солнца вокруг поезда; после чего останавливался перед поездом, чертил ножом по земле взад и вперед, произнося заклинание против нечистой силы и пресечения сглаза недоброго человека (Майнов 2007: 115).

М. А. Овчаровой при изучении мордвы Алтайского края зафиксировано сохранение защитной и вредоносной магии свадебного поезда. Напр., в селах Борисово, Малый Калтай, Никольское Залесовского района Алтайского края при взятии невесты из родительского дома также практиковалось обхождение дружкой всего свадебного поезда с большим ножом (Овчарова 2010: 99).

Таким образом, у мордвы в крестьянских хозяйствах зимой для перевозки грузов и людей применялись различные полозьевые транспортные средства. Их виды и способы изготовления имеют много общего с таковыми же у других народов Поволжья. Во многих мордовских деревнях изготовление саней и деталей к ним носило промысловый характер. В настоящее время традиционные полозьевые виды транспорта как неотъемлемый элемент быта почти исчезли, на смену им пришли современные снегоходы, автомобили и т. д. В основном катание на санях, запряженных тройкой лошадей, продолжают применяться как развлечение во время различных зимних праздников. С конными прогулками на санях связаны многие туристические направления. Катание на санках остается чуть ли не главным символом зимы, но вместо традиционных используются различные современные санки промышленного производства.

Источники и материалы

- НА НИИГН. И-148 — НА НИИГН. И-148. Мордовская этнографическая экспедиция в 1953 году по селам Большегнатовского района Мордовской АССР / Руководитель В. Н. Белицер. На 164 л.
- НА НИИГН. И-267 — НА НИИГН. И-267. Карточки. Историко-этнографической экспедиции. 1952 год. Составитель Ежова В. П. к. № 98.
- НА НИИГН. И-268 — НА НИИГН. И-268. Материалы Мордовской историко-этнографической экспедиции 1954 и 1955 годов / этнографические карточки / к. № 270, к. № 334, к. № 133. 117 л.
- НА НИИГН. И-1689 — НА НИИГН. И-1689. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и МНИИАЛИЭ при Совете Министров МАССР. 1973 г. Торбеевский район.
- Евсевьев 1931 — Евсевьев М. Е. Эрзянь-руzonь валкс / Мордовско-русский словарь. Москва: Центроиздат, 1931. 226 с.
- Колмыков 1998 — Колмыков В. И. Жизнь леса: Очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 256 с.
- Мокшанско-русский словарь 1998 — Мокшанско-русский словарь: 41000 слов / Ин- языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров-Правительстве Республики Мордовия; Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М.: Рус. яз. Дигора, 1998. 41000 слов., 920 с.
- Мордовские пословицы 1986 — Мордовские пословицы, присловицы и поговорки [Текст] / [вступ. ст., запись, систем. обраб. текстов и пер. их на рус. яз. К. Т. Самородова]. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1986. 277, [1] с.: ил.; 22 см.
- Полиновский 1870 — Полиновский А. М. О состоянии пожарного обоза в г. Пензе и уездных городах Пензенской губернии // Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. Идан Пензенским Губернским Статистическим Комитетом. Пенза: Типография Пензенского Губернского Правления, 1870. С. 57–200.
- Прозин 1870 — Прозин Н. В. Саранский уезд и город Саранск (По печатным источникам и письменным документам Статистического Комитета) // Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. Идан Пензенским Губернским Статистическим Комитетом. Пенза: Типография Пензенского Губернского Правления, 1870.
- Устно-поэтическое 1981 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / Науч.-иссл. ин-т. яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. 304 с.
- Эрзянско-русский словарь 1993 — Эрзянско-русский словарь: ок. 27000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской АССР; под ред. Серебренникова Б. А., Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. М.: Рус. яз., Дигора, 1993. 803 с.

Научная литература

- Бадаев В. А. Край отшумевших ярмарок, базаров...: быль и новь села Новотроицкое / В. А. Бадаев, В. В. Руженков, В. И. Рогачев. Саранск, 2009. 372 с.
- Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья [Текст]: Ист.-этногр. исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966. 403 с.
- Евсевьев М. Е. Избранные труды [Текст]: В 5 т. / [Сост., подготовка текстов и примеч. В. И. Беззубова, И. К. Инжеватова, Л. С. Кавтаськина]; [Вступ. статья В. И. Беззубова

- и др., с. 5–40]; Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. Центр. гос. архив Мордов. АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1961–1966. 5 т.
- Культура Чувашского края. Часть I: Учебное пособие (В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др. / Сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1994. 350 с.
- Лузгин А. С. Народные промыслы мордовского края. Вторая половина XIX—начало XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск: Мордовское книжное издательство, 2016. 272 с.
- Лузгин А. С. Промыслы Мордовии / Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 142 с., [16] л. ил.
- Мокшин Н. Ф. Материальная культура мордвы: Этногр. справ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. 208 с.
- Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова; д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с.+ 64 л. ил.
- Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Т. В. Гармаева; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. 268 с. + 112 с. ил. (Мордва России).
- Мордва: Ист.-этногр. очерки / [В. И. Козлов, В. Н. Мартынов, В. Н. Шитов и др.]; Редкол.: В. И. Козлов (отв. ред.) и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 334 с.
- Мордва Заволжья / редкол.: В. И. Козлов (отв. ред.), П. Д. Грузнов, И. М. Петербургский и др. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 184 с.
- Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов; редкол.: В. А. Юрченков (председатель) [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 296 с.
- Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 608 с. + 80 л. вкл.
- Никитина Г. А. Хозяйство и занятия // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. С. 53–103.
- Никонова Л. И. Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина, Л. Н. Щанкина / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. 528 с. (Народы Мордовии).
- Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Охотина Т. Н., Махалов С. А. Мордва Саратовской области: в 2 ч. Часть 1. Петровский район / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 200 с. + 60 л. илл. (сер. «Мордва России»).
- Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Шерстобитова Ж. В. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Часть 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 112 с. + 84 л. илл. (сер. «Мордва России»).
- Никонова Л. И., Аксёнова Т. В., Охотина Т. Н., Савка В. П., Фадеева М. М. Мордва Урала и Зауралья / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 464 с.: 100 с. ил. (Мордва России).
- Никонова Л. И., Захватова Е. Ю., Митина В. В., Охотина Т. Н., Торопова М. М. Мордва Калининградской области: ист.-этногр. исслед.: монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2017. 184 с.: 112 л. ил. (Мордва России).
- Овчарова М. А. Мордва Алтая: История и этнокультурные процессы (XIX—начало XXI века). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 228 с.

- Первушкин В. И., Прошкин В. Я. Мордва Пензенской области / [под общей ред. д-ра ист. наук, проф. В. И. Первушкина]. Пенза, 2012. 200 с.
- Порозова А. Д., Шабалина Л. П. Традиционная народная медицина Ульяновского Поволжья. Историко-этнографическое исследование. Ульяновск: изд-во «Артишок», 2009. 200 с.
- Смирнов И. Н. Мордва: Ист.-этнограф. очерк / НИИ гуманит. наук при Правительстве Респ. Мордовия; Авт. вступ. ст. В. А. Юрченков. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 296 с. (сер. «Наследие»).
- Фирстов И. И. Основные виды кустарных промыслов в пореформенной Мордовии // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XX вв. Саранск, 1978 (Тр. НИИЯЛИЭ; вып. 62). С. 25–58.
- Хозяйство и быт русских крестьян / Памятники материальной культуры (определитель) / Бежкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К. М.: «Советская Россия», 1959 г. 254 с. + илл.

References

- Badaev, V. A. 2009. *Krai otshumevshikh yarmarok, bazarov...: byl'i nov'sela Novotroickoe* [The Land of Noisy Fairs, Bazaars...: The Past and the Present of Novotroitskoye Village]. Saransk. 372 p.
- Bezhkovich, A. S., S. K. Zhegalova, A. A. and S. K. Prosvirkina (eds.) 1959. *Khoziaistvo i byt russikh krest'ian. Pamiatniki material'noi kul'tury (opredelitel')* [Economy and Life of Russian Peasants / Monuments of Material Culture (Identifier)]. Moscow: «Sovetskaja Rossija». 254 p.
- Busygina, E. P. 1966. *Russkoe sel'skoe naselenie Srednego Povolzh'ja: Istoriko-ethnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX — nachalo XX vv.)* [Russian Rural Population of the Middle Volga Region: Historical and Ethnographic Study of Material Culture (mid-19th–early 20th centuries)]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 403 p.
- Evseyev M. E. 1966. *Izbrannye trudy* [Selected Works]: Vol. 5. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 552 p.
- Firsov, I. I. 1978. *Osnovnye vidy kustarnykh promyslov v poreformennoi Mordovii* [The Main Types of Handicrafts in Post-Reform Mordovia]. In *Material'naia i duhovnaia kul'tura mordvy v XVIII–XX vv.* [Material and Spiritual Culture of the Mordva in the 18–19 centuries]. Trudy NII jazika, literaturi i etnografii. Vol 62. Saransk. P. 25–58.
- Ivanov, V. P., G. B. Matveev, N. I. Egorov and M. I. Skvortsov (eds.) 1994. *Kul'tura Chuvashskogo kraia. Chast' I: Uchebnoe posobie* [Culture of the Chuvash Region. Part I: Textbook]. Cheboksary: Chuvaskoie knizhnoe izdatel'stvo. 350 p.
- Kozlov, V. I., V. N. Mart'ianov, V. N. Shitov et al. 1981. *Mordva: Istoriko-ethnograficheskie ocherki* [Mordva: Historical and Ethnographic Essays]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 334 p.
- Kozlov, V. I. (ed.). 1994. *Mordva Zavolzh'ja* [Mordva of Zavolzh'ye]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 184 p.
- Luzgin, A. S. 1993. *Promysly Mordovii* [Mordovian Crafts]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 142 p.
- Luzgin, A. S. 2016. *Narodnye promysly mordovskogo kraia. Vtoraia polovina XIX–nachalo XX v. (etnokul'turnye aspekty)* [Folk Crafts of the Mordovian Region. The Second Half of the 19th–Beginning of the 20th Century (Ethno-Cultural Aspects)]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p.
- Mainov, V. N. 2007. *Ocherk yuridicheskogo byta mordvy* [Sketch of the Legal Life of the Mordva People]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii. 296 p.
- Mokshin, N. F. 2002. *Material'naja kul'tura mordvy: Etnograficheskij spravochnik* [Material Culture of the Mordva: Ethnographic Handbook]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 208 p.

- Nikitina, G. A. 1993. *Khoziaistvo i zaniatia [Economy and Occupations]*. In *Udmurty: istoriko-ethnograficheskie ocherki* [Udmurts: Historical and Ethnographic Sketches], ed. by V. V. Pimenov. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury UrO RAN. 53–103.
- Nikonova, L. I., T. V. Aksionova, T. N. Okhotina, V. P. Savka and M. M. Fadeeva. 2012. *Mordva Urala i Zaural'ja* [Mordva of the Urals and Trans-Urals]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii. 464 p.
- Nikonova, L. I., I. A. Kandrina and L. N. Shchankina. 2011. *Tradicionnaja kul'tura sohranenija zdorov'ja narodov, prozhivajushhih v Respublike Mordovija: istoriko-ethnograficheskij aspekt* [Traditional Culture of Health Preservation of Peoples Living in the Republic of Mordovia: Historical and Ethnographic Aspects]. Saransk, Penza: Nauchno-izdatel'skij centr «Sociosfera». 528 p. (series “People of Mordovia”).
- Nikonova, L. I., L. N. Shchankina and T. V. Garmaeva. *Mordva cirkumbaikal'skogo regiona i Respubliki Khakassija* [Mordva of the Circumbaikal Region and the Republic of Khakassia]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii. 268 p.
- Nikonova, L. I., L. N. Shchankina and Zh. V. Sherstobitova. 2009. *Mordva Zapadnoi Sibiri*. Vol. 1. *Selo Kalinovka: sibirskaja istorija i mordovskie traditsii* [Mordva of Western Siberia. Vol. 1. Kalinovka Village: Siberian History and Mordovian Traditions]. Saransk. 112 p.
- Nikonova, L. I., L. N. Shchankina, T. N. Okhotina and S. A. Mikhalev. 2009. *Mordva Saratovskoi oblasti* [Mordva of the Saratov region]. Vol 1. *Petrovskii raion* [Petrovski Region]. Saransk. 200 p.
- Nikonova, L. I., E. Ju. Zakhvatova, V. V. Mitina, T. N. Okhotina and M. M. Toropova. 2017. *Mordva Kaliningradskoi oblasti: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [Mordva of the Kaliningrad District: Historical and Ethnographic Study]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii. 184 p.
- Ovcharova, M. A. 2010. *Mordva Altaia: Istorija i etnokul'turnye protsessy (XIX–nachalo XXI veka)* [The Altai Mordva: History and Ethno-cultural Processes (19th–early 21st centuries)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN. 228 p.
- Pervushkin, V. I. and V. J. Proshkin. 2012. *Mordva Penzenskoi oblasti* [Mordva of Penza District]. Penza. 200 p.
- Porozova, A. D. and L. P. Shabalina. 2009. *Tradicionnaja narodnaia meditsina Ul'ianovskogo Povolzh'ja. Istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [Traditional Folk Medicine of The Ulyanovsk Volga Region. Historical and Ethnographic Research]. Ul'ianovsk: Artishok. 200 p.
- Smirnov, I. N. 2002. *Mordva: Istoriko-ethnograficheskij ocherk* [Mordva: Historical and Ethnographic Sketch]. Saransk: Tipografiia «Krasnii Oktiabr'». 296 p.
- Yurchenkov, V. A. and L. I. Nikonova (eds.). 2007. *Mordva yuga Sibiri* [Mordva of Southern Siberia]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii. 312 p.
- Yurchenkov, V. A. and L. I. Nikonova (eds.). 2012. *Narody Mordovii: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [Peoples of Mordovia: Historical and Ethnographic Study]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii. 608 p.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/86-97
 Научная статья

© В. В. Руднев

ТРАДИЦИОННАЯ МЕТРОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Исторически освоение пространства человеком связано с измерениями, с сопоставлением размеров объекта с образцом (стандартной мерой, эталоном), который является общепризнанным. В доиндустриальном обществе в зависимости от образа жизни, особенностей хозяйства и локальных природных условий меры, использовавшиеся населением для измерений, отличались как подобием, так и разнообразием. В качестве образца для определения размеров ранее люди чаще всего пользовались антропометрическими данными, а также сопоставляли количество работы, выполненной человеком или животными за определенный период и др. Изменение образа жизни и характера хозяйственной деятельности активно способствовали переходу на новые способы измерения. Однако некоторые старые меры измерения преодолевали барьер времени и успешно адаптировались к современным условиям. Эта особенность метрологических традиций представляет интерес для специального исследования.

Ключевые слова: культура, освоение пространства, измерения

Ссылка при цитировании: Руднев В. В. Традиционная метрология и современный мир // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 86–97.

UDC 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/86-97
 Original article

© Viacheslav Rudnev

TRADITIONAL METROLOGY AND MODERN WORLD

Historically, human territorial exploration is accompanied by measurements, i. e. a comparison of the measured object with some commonly recognized standard measure. In preindustrial society, the measures used could be both similar and diverse, depending on the way of life, the economy and local natural conditions. Anthropometric data were usually used as a standard to determine the size, or to compare the amount of work performed by humans or animals over a certain time period, etc. Changes in lifestyle and the forms of economic activity led to the trans-

Руднев Вячеслав Валентинович — к. и. н., старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32-А). Эл. почта: roudnnev@mail.ru

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

sition to new measurement methods. However, some old measures overcame the time barrier and successfully adapted to the new reality. This makes metrological traditions a matter of interest for a special study.

Keywords: Culture, territorial exploration, measurement

Author Info: Rudnev, Viacheslav V. — Ph. D. in History, Senior Researcher of the Center for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: roudnnev@mail.ru

For citation: Rudnev, V. V. 2023. Traditional Metrology and Modern World. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 86–97.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Метрология.

Измерения в традиционной культуре

Измерение параметров окружающей среды (предметов, веществ и др.) — важная часть культуры жизнеобеспечения, характеризующая особенности образа жизни народов, специфику трудовой деятельности, процедуры обмена и др. Проблема определения длины, площади, объема и веса исторически была актуальна для каждого общества и решение ее всегда отражало особенности жизни населения.

Линейные измерения. В любом обществе линейные меры длины относятся к числу наиболее актуальных измерений. Расстояние между растопыренными пальцами руки — универсальная мера, использовавшаяся всеми народами. Точность соответствия рассматриваемых измерений величинам в системе СИ при этом весьма относительна, т. к. исходные меры не отличались точностью. В традиционной культуре русских расстояние между большим пальцем и мизинцем, равное 22–23 см, определялось как большая пядь (*Лебедева* 1987: 488). Малая пядь — расстояние между концами расставленных пальцев — большого и указательного (или среднего). Малая пядь равнялась 17,78 см. Пядь с кувыркой, когда к пяди прибавляли длину двух суставов указательного пальца (*Даль* 1907. Т. 3: 727/1449), равнялась 27–31 см.

Этнографические материалы свидетельствуют, что использование пяди было характерно для многих народов. Некоторые народы различали большую и малую пядь: алтайцы называли малую пядь *соом*, удэгейцы называли большую пядь *то*, а малую — *сур*, у монголов большая пядь *тоо*, а малая пядь *соом* (*Подмаскин* 1991:10). Имелись и локальные различия. Например, у народов Кавказа пядь различалась на мужскую и женскую. В России малая пядь равнялась четвертой части аршина с XVII века.

Пядь играла особую роль в традиционной метрологии, т. к. она находилась в основе многих линейных измерений. Сложное строение кисти руки человека способствовало появлению различных «стандартов», применяющихся при измерении длины. В процессе измерений активно использовались ширина ладони и размер суставов отдельных пальцев. Например, у удэгейцев ширина пальца называлась *уя*.

В поле внимания традиционной метрологии находились разные части тела человека: суставы руки и стопа ноги (у крестьян Европейского Севера использовалась единица измерения «клапоть») (*Лебедева* 1987: 488), расстояние между средними

пальцами горизонтально вытянутых рук (маховая сажень — 1,76 м) и расстояние между пальцами отставленной левой ноги и пальцами вытянутой вверх правой руки (косая сажень — 2,48 м) и др. Обращалось внимание на длину шага (около 71 см) и ширину ладони (10,16 см), длину руки до локтя (равна 6 ладоням) и др.

Эти измерения составили основу русской системы мер, включавшей аршин, сажень, локоть, вершок. Для описания больших расстояний, традиционно обращались, например, к дальности полета стелы, или брошенного камня — *вержение* равно 42,5 м. Нередко расстояние указывалось соответственно времени, проведенному в пути.

Верста была в России самой большой мерой исчисления расстояния. Верста упоминается в летописи 1097 г. Предполагается, что верста имела и более раннее название — *поприще*. Поприще обозначало расстояние, пройденное плугом во время пахоты от одного поворота до другого. В летописях сохранились сведения, позволяющие считать, что поприще и верста имели одинаковый размер. Об этом свидетельствуют летописи, зафиксировавшие встречу смолянами князя Ростислава в 1167 г. По мнению Б. А. Рыбакова, верста в XII в. была равна 1140 м (Рыбаков 1949: 69–71). Размер версты варьировался. В XV в. в версте было 750 саженей. В XVII в. использовалась путевая верста (500 саженей) и межевая верста (1000 саженей). Межевая верста применялась для измерения земельных участков. В XIX в. использовалась лишь путевая верста (1066,8 м).

Неточность и одновременное использование разных вариантов одной меры весьма затрудняли практическое применение линейных мер.

Измерение площади. В традиционной метрологии измерение площади было органично связано с характером жизнеобеспечивающей деятельности. У земледельцев размер площади поля определялся количеством работы, выполненной пахарем за определенное время (количеством посевного зерна и др.). Например, в Великом Новгороде *коробья* (мера площади земли) соответствовала мере зерна, посевного из емкости для сыпучих тел, которая называлась *коробья* (Лебедева 1987: 489). Согласно документу XVI в. коробья вмещала 7 пудов = 114,66 кг. Площадь коробьи в XVI в. равнялась одной десятине (1,09 гектара). Сегодня, согласно нормативам, норма высеива ржи на 1 гектар варьируется от 100 до 250 кг и зависит от состояния почвы.

В XVI–XVII вв. земледельцы России пользовались для измерения поверхности почвы и другой мерой — *четвертью*. Четверть, как и коробья, — площадь, засеянная четвертью (мера сыпучих тел) хлеба. Для определения площади сенокосных угодий использовалась специальная мера — *копна*. Чувашские земледельцы так измеряли площадь лугов, а площадь полей они измеряли *снопами* (Димитриев 1982: 21).

С конца XIV в. русские земледельцы начинают использовать *десятину*. Это было квадратное поле со стороной, равной десятой части версты (50 саженей). С XVI в. десятина постепенно становится основной единицей земельной площади. Эта метрическая единица была двух видов — государственная и владельческая. В XVIII в. десятина стала основной единицей измерения площади земледельцами (Шостын 1975: 130).

Традиционно, связь между измерениями площади земли и факторами хозяйствственно-экономического порядка характерна была для многих народов. Старинная английская мера площади *хайд* (*hide*) изначально была равна участку земли, который мог прокормить семью (SACRED METROLOGY 2014). У народов Кавказа были распространены меры сыпучих тел (*коди, сомари*), которые соответствовали

определенной площади земли, засеянной этим количеством зерна (Джапаридзе 1973: 167).

Нередко мерой, отражающей размер земельного участка, было количество работы, выполненной рабочим скотом. Английская мера *оксганг* соответствует размеру участка, который один бык может вспахать за год (около 60 гектаров). Впрочем, порой размер шкуры быка рассматривался в качестве единицы измерения. У народов Кавказа (чеченцев, грузин) бытова мера *хае* для обозначения площади участка земли, на котором выращивались овощи. Хае была равна размеру бурки, которой этот участок можно накрыть (равнялась 2,20 x 1,50 м) (Шавлаева 2012: 175).

Фольклор зафиксировал миф о Дидоне (дочери царя), которая использовала шкуру быка для обозначения площади участка земли, (приобретенного Дидоной) на котором был построен город Карфаген. Согласно мифу, после смерти мужа Дидона бежала в Африку, где вместе с соплеменниками основала город Карфаген. По договору с местным царём Иарбантом Дидона могла купить столько земли, сколько может покрыть воловья шкура. Дидона велела разрезать шкуру на тонкие ремешки. Соединив их вместе Дидона сумела огородить значительную территорию, достаточную для постройки поселения (Мифологический словарь 1991: 188).

Измерение объема. Объемные измерения играли важную роль в традиционной метрологии. В условиях недостаточной точности весов и гирь объемным измерениям придавалось особое значение. Для определения объема использовались разные способы: от выяснения размера груза (находящегося на телеге или в санях) до проверки заполнения емкостей, выдолбленных в деревянных колодах. Разнообразные бочки, кузова, лукошки, короба, кучи (выловленной рыбы), груды (овощей), вороха, мешки, плетеные емкости, тюки (с тканями, бумагой, сукном), свертки, как и пригоршни и щепоти служили мерами измерения объема сыпучих веществ и изделий. Транспортные средства: возы, груженые сеном, сани с дровами у русских (Лебедева 1987: 489), как и лодки с выловленной рыбой или нарты с добычей у удэгейцев (Подмаскин 1991: 10), объективно демонстрировали размеры перемещаемых грузов. Объемные измерения применялись при работе как с сыпучими телами, так и с жидкостями.

Измерение объема сыпучих веществ. Исторически *кадь* была основной мерой для сыпучих тел на Руси. Бочка, окованная по краю железом (чтобы исключить возможность уменьшить ее размер) также называлась *оков*. Вместимость кади соответствовала 14 пудам ржи. Кадь просуществовала до XVII века. Существовали также региональные меры для измерения сыпучих тел. Например, в Великом Новгороде основной мерой для сыпучих тел была *коробья*. После присоединения Новгородской республики к Москве (в XV в.), коробью приравняли к московской мере объема — *четверти*. В Пскове, в качестве меры объема, вместе с коробьей использовалась *зобница* (Лебедева 1987: 489).

Следует отметить, что при определении объема учитывали физические особенности веществ. Для соли существовали особые измерения: *рогозина* (большой куль из рогожи), *пошев* (лубяной короб, вмещавший 15 пудов соли) и *луб* (вмещавший 5 пудов соли). В процессе вовлечения регионов в активные торговые операции появилась необходимость в универсальных мерах для измерения сыпучих тел. В 1558 г. была введена мера емкости сыпучих тел — *осьмина* (примерно 1,5 пуда), единая для всей Руси.

Лишь в XVIII в. начался процесс перехода от использования объемных мер к взвешиванию грузов при работе с сыпучими телами (соль, горох, крупа и др.). Этот процесс был весьма сложным и завершился в России лишь в 30-х годах XIX в. В 1835 г. был издан указ, определивший соотношение объемных мер и веса. *Четверик* был объявлен равным 64 фунтам воды при температуре 13,5 градусов по Реомору или 1601,22 кубических дюйма. Вместимость *четверти* ржи соответствовала примерно 8 пудам.

Измерение объема жидкости. Для жидких тел существовали особые меры. Жидкости измерялись бочками, ведрами, кружками. Бытовали такие меры как глоток и др.

Ведро было основной старинной мерой для измерения объема жидкостей в России. В летописях ведро упоминается с XI в. *Бочка* традиционно использовалась в торговле. В Новгороде и Пскове бочка равнялась примерно 10 ведрам. Бочки различались в зависимости от предназначения. Так, в XVII в. бочка для транспортировки рыбы вмещала 8 пудов сельди. Особые бочки были для коровьего масла, меда и т. п. В зависимости от предназначения, бочки делали из особых пород дерева. Дуб использовали для бочек, предназначенных для перевозки пива и растительных масел, ель — для транспортировки воды, а липу использовали для бочек, в которых перевозили молоко и мед. Примечательно, что мерная бочка имела точные линейные размеры: «... Из краю в край полтора аршина, а поперек — аршин, а мерить вверх, как ведется, поларшина» (Шостын 1975: 103). *Ведро* также имело определенные «стандартные» размеры: высоту — 8 вершков и диаметр — 5 вершков.

Бочка, как и ведро, подразделялись на более мелкие меры объема. К мелким емкостям относились *кружки, ковши и чарки*. У псковичей был *корец* (Лебедева 1987: 489) — ковш емкостью около 3 литров. Использовавшиеся в быту локальные объемные меры для жидкостей были весьма разнообразны (*бурдюки, корчаги*) и широко бытовали даже в конце XVII в.

В повседневном обиходе и в торговле использовали разнообразные хозяйствственные емкости: *котлы, жбаны, корчаги, братины, ендовы*. Параметры таких бытовых мер в разных местах было различно. Например, емкость котлов колебалась от полуведра до 20 ведер. В XVII в. была введена система кубических единиц на основе 7-футовой сажени, а также введен в повседневный обиход термин *кубический* (или *кубичный*). Кубическая сажень содержала 27 кубических аршин или 343 кубических фута, а кубический аршин вмещал 4096 кубических вершков или 21952 кубических дюймов. С XVIII в. основной мерой емкости жидкостей стало *ведро*, вмещавшее 39 фунтов воды при температуре 16 градусов.

Измерение веса. Исторически *гривна* весовая лежит в основе системы взвешивания в России. Именно серебряные слитки (*гривны*) повсеместно обнаруживают археологи. Со временем гривна была трансформирована в *фунт* (при Алексее Михайловиче) и стала отправной точкой для определения остальных единиц измерения веса: один фунт (*гривна*), весивший 0,41 кг, равнялся 96 золотникам (по 4,27 гр.), а три золотника составляли 1 лот = 12,797 г. *Пуд* равнялся 40 фунтам (16,38 кг.). Эта стройная система была результатом долгого периода развития торгово-денежных отношений в России. Изначально *гривна* обозначала как единицу веса, так и денежную единицу. Применялась она для взвешивания золота и серебра. Для определения веса тяжелых товаров (меда, воска) пользовались мерой веса *берковец* (равна 10 пудам) и соответствовала весу бочки с воском, которую один человек мог закатить на судно.

В соответствии с традицией, каждая мера использовалась для взвешивания определенного товара: сахар покупали *фунтами*, а чай взвешивали *золотниками*. *Пуд* применялся для определения веса металлов, а в XIX–XX вв. для взвешивания зерна. Для взвешивания тяжелых грузов использовались специальные *пудовые весы*, которые имели подвижную опору и неподвижную гирю. Взвешиванием товаров на таких весах занимались специально обученные люди (*пудовщики*).

Традиционно, к процессу взвешивания товаров относились весьма внимательно. Использовавшиеся для взвешивания весы не всегда были точны. Для взвешивания использовали весы с равными плечами и с неравными — *безмены*. Безмены делались металлические и деревянные (Лебедева 1987: 490). Их конструкция была проста. На одном конце рычага закреплялась гиря — противовес (обычно 1 фунт), на рычаг наносились деления (точечная шкала). На специальный крюк (подвес) прикрепляли груз и, перемещая точку опоры по рычагу с делениями, добивались равновесия безмены. Неравномерная шкала допускала погрешность взвешивания (нередко погрешность составляла половину от веса взвешиваемого груза). Среди множества безменов, производившихся в России, высокой точностью славились безмены, изготавливавшиеся кузнецами в Калуге. Эти безмены были достаточно точны и красиво оформлены. Использование безменов в России неоднократно запрещалось, поэтому в XIX в. они использовались, преимущественно, лишь в домашнем хозяйстве. Торговля, для взвешивания товаров, должна была использовать только равноплечие весы (*скалви*).

* * *

Характерной особенностью мер традиционной метрологии была их определенная универсальность и неточность. Способы преодоления погрешностей иллюстрирует практика использования мер, относящихся к линейным измерениям. Стремясь унифицировать размер меры длины, пядь подразделяли на мужскую и женскую (народы Кавказа) (Шавлаева 2012: 175). Бытовали так же специальные меры для обозначения расстояния. Так, русские на Печоре использовали меру *гребок* (расстояние, преодолеваемое рыбачьей лодкой за один взмах веслами при установке сетей) (Молчанова 1973: 46). Существовала и традиция персонифицировать некоторые измерения. Например, английская мера длины — *ярд* в X в. была утверждена королем и равнялась расстоянию от кончика его носа до кончика среднего пальца руки, вытянутой в сторону (по другой версии ярд равнялся длине королевского меча). Постепенно формировалось представление о необходимости использования эталонов, которые будут универсальными при проведении измерений.

Традиционная метрология в эпоху метрической системы СИ

Вместе с расширением международной торговли и контактов, а также с ростом авторитета естественных наук, актуальность введения эталонов (универсальных мер измерения) для международного использования стала очевидна многим европейцам уже в XVIII в. Тогда впервые в истории была предпринята попытка заменить традиционную практику использования характерных антропометрических измерений и измерений, учитывающих затрату труда человека, животных и т. п. в пользу еди-

ниц, отражающих физические параметры среды. Так появился метр и грамм, на основании которых была разработана система метрических единиц (СИ). За единицу площади, как известно, был принят квадратный *метр*, а за единицу массы — *килограмм* (равен массе кубического дециметра чистой воды при температуре 40°C). Метрическая система единиц СИ задумывалась как международная и ее единицы не совпадали с национальными единицами. Но при выборе названия для новых единиц были использованы латинские и древнегреческие слова. Например, название *метр* (от греческого *metron* — мера) придумал парижский преподаватель математики в 1790 г. В 1791 г. Академическая Комиссия мер и весов Франции избрала основной единицей длины одну десятимиллионную часть квадранта парижского меридиана и рекомендовала провести измерение длины дуги меридиана от Дюнкерка до Барселоны (на долготе Парижа). Официальный эталон метра из платиновых брусков был изготовлен в 1799 г. и в торжественной обстановке сдан на хранение в Республиканский архив Франции. Лишь в 1889 г. Первая Генеральная конференция по мерам и весам приняла решение считать длину эталонного метра (при температуре 0 градусов Цельсия) метрической единицей длины. На этой же конференции было принято определение килограмма как равного массе международного эталона (из сплава платины и иридия) (Брянский и др. 2004).

Утверждение метра и килограмма в качестве метрических единиц было важным шагом на пути создания Международной системы единиц (СИ), активно используемой сегодня в повседневной жизни, в науке и технике. Путь к международному признанию системы единиц СИ был весьма долгим. В конце XIX в. старые, национальные, системы измерения сохранялись во многих государствах (в Великобритании, США Китае, России и Османской Империи). В России переход на систему СИ был осуществлен в 1917 г. (применять стали с 1918 г.) и занял достаточно долгое время. Хотя официально новые меры были введены повсеместно, старые меры долго продолжали напоминать о себе. Такие меры как верста, пуд по-прежнему использовались по умолчанию. Иногда этому способствовало некоторое сходство новых мер со старыми. Например, верста в России была равна 1066,9 метра, т. е. фактически размер версты был приблизительно равен километру.

Активное использование отдельными странами национальных мер в хозяйстве, бизнесе, науке и технике оказало влияние на процесс перехода стран к системе СИ. Например, в России, давно уже перешедшей на систему СИ, размер экрана мониторов и телевизоров исчисляется в дюймах, водопроводное хозяйство активно использует дюйм (25,4 мм.), введенный в России при Петре Великом, при нарезке резьбы и в других работах. До середины XX в. по традиции в России урожай зерновых часто исчислялся в пудах. Приуроченность традиционных мер определенной форме хозяйственной деятельности (виноградарство, садоводство и т. п.) способствовало сохранению этих мер в новых условиях. Например, виноградари Бургундии (Франция) продолжают по традиции и сегодня исчислять размеры виноградников в *ouvree* (в старой мере, равной 428 кв.м и соответствующей площади, которую один человек может обработать за один день). В США *фут* (мера длины) активно включен в повседневную жизнь и продолжает сохранять свое положение в качестве основной единицы линейных измерений. Фиксированным коэффициентом фут связан с метром и равен 304,81 мм. В США сегодня используются *мили*, *ярды*, *дюймы*, *унции*, *фунты*, а температура исчисляется по *шкале Фаренгейта*. Во многих странах мира

сохранили свое положение и активно используются банками и ювелирами для измерения массы золота *унция* (тройская унция равна 31,1034768 грамма) и драгоценных камней — *карат* (равен 0,2 грамма).

Многие старые единицы измерений сохранили свое бытование в новых условиях т. к. сопряжены с определенными формами деятельности. Например, моряки по-прежнему используют *кабельтов* (kabeltouw) для указания длины якорного каната, а также чтобы показать расстояние до берега. Кабельтов равен 185,2 метра (десятая часть Международной морской мили).

Вместе с распространением традиционных видов спорта (например, скачки лошадей), неизменно происходит заимствование терминов и мер. Например, для измерения расстояния на скачках используется *фарлонг* (furh long равен 201,16 м.) а высота лошади исчисляется в единицах *хэнд* (hand соответствует кисти руки и равна 10,16 см). Актуальность участия в международных соревнованиях активно способствует распространению традиционных мер.

Среди традиционных мер, активно используемых сегодня в мире, безусловный приоритет принадлежит *баррель* (barrel — «бочонок» в переводе с английского). В индустриальном мире баррель (бочка США объемом 158,988 литра) стал основной стандартной единицей объема нефти в торговле. В XXI в. баррель используется в качестве основной единицы измерения на мировом рынке нефти, а цена на основные марки нефти устанавливается в долларах за баррель и отражает ситуацию в мировой экономике.

В XIX в. нефть перевозили в бочках, бурдюках и прочей таре. Однако вместе с ростом объема продаж, потребовалось унифицировать торговлю нефтью. В 1866 г. в Пенсильвании (США) промышленники определили стандартную тару для поставки нефти потребителям. Бочка (barrel) традиционно использовавшаяся для перевозки и хранения рыбы, вина, масла, китового жира и т. д.), объемом 42 галлона, была выбрана в качестве стандартной тары для перевозки нефти и важного стандарта нефтяного бизнеса. Традиционно такие бочки были удобны для транспортировки: один человек достаточно легко мог катить такой бочонок, перегружать его на судно и т. п. В Британии существует унифицированный *баррель*, который используется для измерения как объемов жидкостей, так и объемов сыпучих тел (равен 163,66 литрам). Со временем американский баррель стал общепризнанной единицей измерения нефти. Нефть разных марок имеет разную плотность. С этим фактом связана необходимость проведения достаточно сложных расчетов, которые неизменно присутствуют в нефтяном бизнесе. Транспортировка нефти на танкерах требует пересчета объема поставок нефти в тонны. На внутреннем рынке нефть продается тоннами.

В условиях широкого использования системы СИ в мире, представляет интерес обратиться к примеру особого «толкования» универсальной единицы измерения площади (*ар*) и ее соответствия представлениям традиционной метрологии.

В России, согласно нормам системы СИ, принятой в 1917 г., площадь размером 100 квадратных метров называется *ар*. Долгое время единица площади размером 100 квадратных метров была весьма мало востребована в стране. Для описания площадей применялись преимущественно квадратные километры, квадратные метры, квадратные дециметры, квадратные сантиметры, гектары. В тех случаях, когда описанию подлежала площадь в 5 ар, эта площадь обычно описывалась в квадратных метрах (500 кв. метров).

Ситуация изменилась в 1949 г., когда было принято постановление Совета Министров СССР № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих». В постановлении предусматривалось выделение участков в 500 квадратных метров для выращивания овощей и фруктов семьям из 4-х человек.

Это стало важным событием для общества: участок земли площадью 500 квадратных метров (5 ар) обрел определенное хозяйствственно-экономическое значение. Трудящимся, занявшимся садоводством и огородничеством на этих участках, скоро стало понятно (на основании эмпирического опыта) сколько можно вырастить картофеля, овощей и фруктов на данной площади. В результате, каждый ар (100 квадратных метров) обрел конкретное содержание: было определено количество необходимых удобрений для успешного возделывания растений, количество труда и финансов, которые следует вложить чтобы получить достойный урожай и т. п. Проект оказался успешным и получил развитие: в 1966 г. было принято Постановление Совета Министров РСФСР, в котором одобрялось выделение 600 квадратных метров под участки, предназначенные для ведения садоводства и огородничества. Лишние 100 квадратных метров добавлялись для летнего домика и хозяйственной постройки. К июню 1986 г. более 6,6 миллионов трудящихся России освоили 426 тысяч гектаров земли (44 тысячи участков). Ежегодно в коллективных садах проводили отпускное время, выходные дни или проживали летом свыше 20 миллионов трудящихся и членов их семей. Столь массовое вовлечение населения в работу на садовых участках способствовало появлению новой единицы измерения площади земли — *сотка*. В 1991 г. стала издаваться газета «Ваши 6 соток». Эта газета не только оказала реальную помощь владельцам земельных участков, публикуя советы по ведению хозяйства, но и фактически легитимизировала в России «сотку» как единицу измерения площади (равную 100 кв. метрам или 1 ар).

Термин *сотка* имеет свои особенности применения. Он используется для обозначения территории в подсобном аграрном хозяйстве, вне пределов города и предполагает садово-огородный характер использования земли. Подобную ситуацию можно видеть во многих странах, где земельный участок имеет определенное целевое назначение. Например, в США существует единица измерения площади земельного участка размером 36 квадратных миль (93,24 квадратных километра) — *тауншип* (township), фиксирующая размер и модель инфраструктуры небольшого города. В старой Англии существовала земельная мера *хайд* (hide — участок земли, равный 32,4–48,6 гектар). Такой участок мог прокормить одну семью.

Старые метрические меры, продолжающие существование наряду с системой СИ во многих странах — как дань традиции, так и сохраняющаяся практика использования традиционных понятий, сопряженных с определенной формой деятельности, долгое время поддерживаемой обществом.

Заключение

Главный вывод, который можно сделать из проведенного исследования, свидетельствует, что метрология тесно связана с образом жизни общества. В XXI в., в условиях активной международной торговли и коммуникации, когда большинство стран мира перешли на применение метрической системы СИ, некоторые страны продолжают использовать старые метрические системы. В США по-прежнему

активно функционируют мили, ярды, дюймы, фунты, а температура фиксируется по шкале Фаренгейта. Наблюдается сохранение внимания к некоторым традиционным единицам измерения и в странах, перешедших на систему СИ. Часто это связано с узкоспециальными формами жизнедеятельности (мореходство, виноградарство и др.), где продолжают использоваться кабельтобы или ouvree и др. Между тем, метр активно доминирует как важная единица измерений. В США метр используется наряду с другими мерами линейных измерений.

Сегодня, вместе с развитием естественных наук и глобальной системы коммуникации, точность измерений приобрела особое значение. Метр, как основное линейное измерение в системе СИ, стал активно использоваться естественными науками при изучении микромира (появился *микрон* — одна миллионная часть метра) и макромира (возник *парсек* — единица длины, используемая для измерения расстояния до астрономических объектов за пределами Солнечной системы, который равен 30,9 триллиона километров).

В современных условиях эталон метра, исправно отвечающий потребностям общества в XIX–XX вв., перестал удовлетворять новым требованиям. Отныне физическая наука определила длину метра как длину пути, проходимого светом в вакууме за интервал времени 1/299 792 458 секунды.

В XXI в. особая судьба сложилась у антропометрических измерений. Несмотря на универсальное повсеместное использование метра, дециметра и сантиметра, в повседневной практике, по умолчанию, достаточно активно используется *пядь* и другие меры. Эти меры популярны, например, у садовников и портных. В медицинской науке двенадцатиперстная кишка продолжает напоминать о традиции исчисления длины, основанной на ширине пальцев руки. Медики и сегодня измеряют смещение внутренних органов по традиции в ширине пальцев руки. Примечательно появление в последние годы интереса к проблеме организации пространства, комфорtnого для человека.

В XXI в., когда технологические возможности строительной индустрии практически не ограничены, поиск архитектурной гармонии, обеспечивающей человеку возможность комфортно себя чувствовать, находясь в окружении небоскребов — актуальная проблема градостроительства в мегаполисах. Поиск пути создания эстетически и экологически комфортной среды в мегаполисе органично связан с созданием пространства, соразмерного человеку. Видеоэкология городской среды, занимающаяся созданием визуально комфортного городского пространства, особое внимание уделяет снижению агрессивности среды. В этом контексте обращение к опыту использования антропометрических измерений в строительстве перспективно.

В практике строительных работ сажень, как линейная мера, долгое время имела особое значение. Исторически, сажень была одной из важных мер в традиционной русской метрологии. Саженей существовало много и размер их различался. Была *маховая сажень* (1,778 м), *косая сажень* (2,48 м) и др. Размер *косой сажени* равнялся расстоянию от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки (2,48 м). В фольклоре закреплена память об этой сажени: каждый богатырь непременно имел «косую сажень в плечах». Сажени имели разную длину, но непременно были связаны с антропометрическими измерениями. Этот факт имеет кардинальное значение для понимания истоков успеха работ старых мастеров, строивших храмы, отличающиеся правильными пропорциями и являющимися классикой

национального зодчества. Исследователи считают, что использовавшаяся строителями в XI в. сажень имела длину 151,4 см. Изучение архитектурных памятников XI–XV вв. позволило допустить, что в то время использовались меры разной величины (Рыбаков 1957: 83–112). Красота пропорций древнерусских храмов заложена в самой системе «...мер, дающей такие важнейшие пропорции, как золотое сечение» (Шевелев 1986). Изучение исторического опыта использования антропометрических измерений в строительстве, как и обращение к работам в области эргономики, актуально в контексте поиска модели «одомашненного пространства», если воспользоваться терминологией Андре Леруа-Гурана (Leroi-Gourhan 1993: 231) человеком постиндустриальной эпохи. Этот факт определяет целесообразность дальнейших исследования по данной теме.

Источники и материалы

SACRED METROLOGY — SACRED METROLOGY. Measuring the Pattern of Creation // Sacred Geometry International. <https://sacredgeometryinternational.com/wp-content/uploads/2014/06/Sacred-Metrology.pdf>

Научная литература

- Брянский Л. Н., Дойников А. С., Крупин Б. Н. Метрология: шкалы, эталоны, практика. М.: Внешфтри, 2004. 222 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1907. 893 (1782) с.
- Джапаридзе Г. И. Очерк по истории грузинской метрологии. (IX–XIX вв.) Тбилиси: Мецниереба, 1973. 184 с.
- Димитриев В. Д. Чувашский календарь и метрология. Учебное пособие. Чебоксары. Изд-во Чувашского государственного университета. 1982. 35 с.
- Лебедева А. А. Народные знания славян // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры М.: Наука, 1987. С. 483–498.
- Мелетинский Е. М. (гл. ред.). Мифологический словарь. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1991. 736 с.
- Молчанова Л. А. Народная метрология (к истории народных мер длины). Минск: Издательство «Наука и техника», 1973. 83 с.
- Подмаскин В. В. Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. Историко-этнографические очерки. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1991. 160 с.
- Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // Советская археология. 1957. № 1. С. 83–112.
- Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI–XV вв. // Советская этнография. 1949. № 1. С. 69–71.
- Шевелев И. Ш. Принцип пропорции: О формообразовании в природе, мерной трости древнезодчего, архит. образе, двойном квадрате и взаимопроникающих подобиях. М.: Стройиздат, 1986. 200 с.
- Шавлаева Т. М. Историческая метрология чеченцев (меры длины, расстояния и площади) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 172–178.
- Шостын Н. А. Очерки истории русской метрологии XI — начало XX века М.: Издательство стандартов. 1975. 272 с.
- Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

References

- Bryanskij, L. N., A. S. Doynikov and B. N. Krupin. 2004. *Metrologiya: shkaly, etalony, praktika* [Metrology: Scales, Standards, Practice]. Moscow: Vniftri, 222 p.
- Dal', V. I. 1907. *Tolkovui slovar' zhivogo velikorusskogo yazuka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Saint Petersburg-Moscow: Type M. O. Wolf. Vol. 3. 893 (1782) p.
- Dimitriev, V. D. 1982. *Chuvashkii kalendar' i metrologiya. Uchebnoe posobie* [Chuvash Calendar and Metrology. Study Guide]. Cheboksary: Publishing house of the Chuvash State University. 35 p.
- Dzhaparidze, G. I. 1973. *Ocherk po istorii gruzinskoi metrologii* (IX–XIX vv.) [Essay on the History of Georgian Metrology. (9–19 Centuries)]. Tbilisi: Metzniereba. 184 p.
- Lebedeva, A. A. 1987. *Narodnue znanija slavyan. Ocherki tradicionnoi kul'turu* [Folk Knowledge of the Slavs. Essays of Traditional Culture]. Moscow: Nauka. 483–498.
- Leroi-Gourhan, A. 1993. *Gesture and Speech*. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press. 419 p.
- Meletinskij, E. M. (ed.). 1991. *Mifologichesky slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Ed. "Soviet Encyclopedia". 736 p.
- Molchanova, L. A. 1973. *Narodnaya metrologiya* (k istorii narodnih mer dlinu) [Folk Metrology (on the History of Folk Length Measures)]. Minsk: Publishing House "Science and Technology". 83 p.
- Podmaskin, V. V. 1991. *Duhovnaya kul'tura udegeicev XIX–XX vv. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Spiritual Culture of the Udege People of the 19–20 Centuries. Historical and Ethnographic Essays]. Vladivostok: Publishing house of the Far East. University. 160 p.
- Rybakov, B. A. 1957. *Arhitekturnaya matematika drevnerusskikh zodchih* [Architectural Mathematics of Ancient Russian Architects]. Sovetskaya Archeologiya 1: 83–112.
- Rybakov, B. A. 1949. *Russkie sistemu mer dlinu XI–XV vv.* [Russian Systems of Length Measures of the 11–15 Centuries]. Sovetskaya ethnographiya 1: 69–71.
- Shavlaeva, T. M. 2012. The Historical Metrology of the Chechen (Length, Distance, and Area Measures). *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 172–178.
- Shevelev, I. Sh. 1986. *Princip proporcij: o formoobrazovanii v prirode, mernoj trosti drev. zodchego, arhit. obraze, dvojnom kvadratre i vzaimopronikajushhimi podobijah* [The Principle of Proportion: On Form Formation in Nature, the Measured Cane of the Ancient Architect, the Archaic Image, the Double Square and Interpenetrating Similarities]. Moscow: Strojizdat. 200 p.
- Shost' in, N. A. 1975. *Ocherki istorii russkoi metrologii XI — nachalo XX veka* [Essays on the History of Russian Metrology 11 — the Beginning of the 20 Century]. Moscow: Publishing House of standards. 272 p.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/98-120
 Научная статья

© Н. И. Григулевич

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ДАНИЛОВА И ПОШЕХОНЬЯ

Начиная с 2017 г., работая по проекту Центра антропоэкологии ИЭА РАН «Население малого русского города в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические, социально-экономические аспекты развития», мы ставили перед собой задачу изучить, в том числе, и экологическую ситуацию в самих малых городах, а также и на прилегающих к ним территориях. Нас интересовало, как организовано промышленное использование и охрана лесных ресурсов и дикой природы, как происходит сбор и утилизация мусора. Отдельно мы выделили проблему поступления чистой питьевой воды в дома горожан. Для сбора данных по актуальной экологической ситуации в малых городах Центра России нами были разработаны и затем апробированы специальные программы. По ним в городах Белеве (Тульская обл.) и Старице (Тверской обл.) в 2017–2019 гг. были опрошены эксперты, ответственные за различные аспекты охраны и состояния окружающей среды и в, частности, за состояние очистных сооружений. По тем же экологическим программам был собран материал в малых городах Ярославской области Данилове (2020 г.) и Пошехонье (2021 г.). Полученные сведения послужили основой для настоящей работы. В статье также анализируются данные официальных обследований по предельно-допустимым уровням загрязнений объектов водной среды. Рассматривается актуальное состояние лесной отрасли, которая традиционно была весомой в экономике Ярославской земли. Как показало наше исследование, за 30 лет после 1991 г. инфраструктура многих малых городов и поселков городского типа пришла в упадок. Серьезную проблему представляет загрязнение акваторий малых и больших рек и озер из-за неработающих и устаревших очистных сооружений, сброса неочищенных стоков в Оку, Волгу и малые реки. В связи с этим первоочередные экологические вызовы, вставшие перед руководителями регионов разного уровня и федеральным правительством в последние десятилетия — это срочная модернизация (по сути — постройка заново) очистных сооружений, что позволило бы в разы снизить запредельные уровни загрязнения Волго-Камского речного бассейна, реконструкция и обновление водопроводных сетей для обеспечения жителей

Григулевич Надежда Иосифовна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: nadia100@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1562-9234>

* Исследование проводилось по теме НИР ИЭА РАН.

качественной питьевой водой. Необходимы также срочные государственные меры поддержки лесной отрасли страны.

Ключевые слова: экологическая ситуация, сточные воды, очистные сооружения, лес, Ока, Волга, Ярославская область

Ссылка при цитировании: Григулевич Н. И. Актуальная экологическая ситуация в малых городах Ярославской области на примере городов Данилова и Пошехонья // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 98–120.

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/98-120

Original article

© Nadezhda Grigulevich

THE CURRENT ECOLOGICAL SITUATION IN SMALL TOWNS OF THE YAROSLAVL REGION. A CASE OF DANILOV AND POSHEKHONIE

Since 2017 our project “The Population of a Russian Small Town in the 21st Century: Ethnocultural, Demographic, Ecological, Social and Economic Aspects of their Development” at the Centre of Human Ecology of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology aims to study the ecological situation both in small towns and adjacent areas. It concerns, in the first place, the pollution of small and big rivers resulting from outdated and non-functioning wastewater treatment plants and the disposal of untreated effluents into the Oka River, the Volga River and some small rivers. We were interested in the management of industrial use and protection of forest resources and wild nature, garbage collection and utilization. The access to safe and clean drinking water was our special concern. We developed and tested programmes to collect data on the current ecological situation in small towns of Central Russia. We interviewed experts and officials responsible for various aspects of environmental protection, in particular for the condition of the towns’ wastewater treatment plants. The present paper is based on the results of this study concerning two small towns of the Yaroslavl region: Danilov (2020) and Poshekhonie (2021). The paper analyses the data of official surveys with respect of water pollution in this area. It also discusses the current state of timber industry, whose role in the economy of the Yaroslavl region has traditionally been decisive. Over 30 years since 1991, the infrastructure of many small towns and urban settlements went into decline. For the last decades, regional leaders at different levels and federal government officials have faced the priority ecological challenges, which demand the urgent modernisation, or rather, the reconstruction of treatment facilities. That would allow to significantly reduce the exorbitant levels of pollution of the Volga-Kam river basin, with water supply networks being reconstructed and renovated in order to provide access to safe and clean drinking water. Urgent government measures to support national forestry are also required.

Keywords: *environmental situation, wastewater, treatment facilities, forest, Oka, Volga, Yaroslavl region*

Author Info: **Grigulevich, Nadezhda I.** — Ph. D., Senior Researcher of the Centre of Human Ecology, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: nadia100@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1562-9234>

For citation: Grigulevich, N. I. 2023. The Current Ecological Situation in Small Towns of the Yaroslavl Region. A Case of Danilov and Poshekhonie. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 98–120.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

В последние годы многие исследователи обратились к актуальной теме антропологии русской провинции и ее городов. Некоторые работы посвящены общим вопросам градостроения, истории городов, их планировке, развитию, и даже отражению в литературных трудах русских классиков: «Города — и губернский в «Мертвых душах», и уездный в «Ревизоре», где города охарактеризованы через людей. Галерея персонажей позволяет получить полное представление о характере среды города, его сущности» (Лаппо 2012: 398).

В других исследованиях города характеризуются широкими мазками. Это исторические обзоры, ремесла в прошлом и настоящем, туристические бренды, состояние инфраструктуры, убыль населения, характерная, как правило, для малых и средних как российских, так и европейских городов. С позиций социальной антропологии на основе полевых материалов написана коллективная монография «Малый город в современной России» (Мартынова 2010). Идет яркая полемика относительно теоретических подходов к теме. Например, исследователи задаются вопросом, как соотносится в таких работах социологический и социально-антропологический подходы (Кабицкий и др. 2014). Авторы многолетнего совместного проекта Института этнологии и антропологии РАН и РГГУ (Тишков 2013) стремились описать жизнь малого города во всей ее полноте. Города, которые были исследованы в ходе этого проекта, различались по численности населения и по этническому составу. В основе книги — сотни проведенных интервью, изучение обширных письменных и визуальных источников. В последние годы вышло несколько работ, в которых рассматриваются культурно-исторические и социально-экономические аспекты процессов, характерных для современного малого города России (Ардальянова и др. 2019; Черныш и др. 2021; Мазур 2022). Исследовались и проблемы провинциальной молодежи (Белова, Мартынова 2016).

В 2017 г. начался проект Центра антропоэкологии ИЭА РАН «Население малого русского города в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические, социально-экономические аспекты развития (2017–2019 гг.)», поддержанный РФФИ. В ходе осуществления этого проекта и по его итогам коллективом авторов был опубликован ряд работ, в которых представлены результаты комплексных исследований малых городов Центральной России (Григулевич и др. 2018; Остапенко, Субботина, 2019; Григулевич и др. 2022). Одна из задач, которая перед нами стояла, заключа-

лась в изучении актуальных экологических проблем, с которыми сталкиваются люди в малых городах Центральной России. Когда приезжаешь в такой город, кажется, что никаких особых проблем с экологией тут быть не должно: воздух чудесный, вода в речке чистая, поют птички, зверей в лесах много. Но это только на первый взгляд. На примере выбранных для исследования малых городов можно проследить динамику ухудшения экологической ситуации на окружающей их территории. Что же происходит в природном окружении таких городов? По сравнению с мегаполисами, где наблюдаются запредельные уровни ПДК вредных для организма человека веществ, может показаться, что в малых городах, расположенных в бассейне Верхней Волги, нет глобальных экологических проблем. Проведенные нами исследования показывают, что это далеко не так (Григулевич 2020: 250–253; Григулевич и др. 2022).

Нами была разработана специальная программа для сбора сведений по экологической тематике. По ней были опрошены эксперты, которые отвечают за различные аспекты охраны природы и экологическую ситуацию в малых городах и прилегающих к ним территориях. Чиновника, который бы отвечал за экологию в целом, в провинции нет. За воду, как правило, отвечает заместитель главы администрации муниципального района (так витиевато теперь называются малые города и то, что их окружает). За состояние лесных угодий — лесхозы и лесничества. Дикая природа в части, в основном, диких животных, находится под охраной государственных инспекторов по охране природы, которые подчиняются областной администрации. За рыбные ресурсы, если таковые еще остались где-то, ответственны, прежде всего, общества охотников и рыболовов малых городов и частично — государственные инспектора по охране природы.

Методика

Методики сбора материалов по экологии малых городов Центральной России разрабатывались нами в ходе экспедиционных исследований в Тульской (г. Белев) и Тверской (г. Старица) областях в 2017–2019 гг. Большинство этих материалов было опубликовано ранее. Анкеты и опросники по теме «Экология в малом городе» совершенствовалась нами в последующих экспедициях в Ярославской области в городах Данилове и Пошехонье в 2020–2021 гг.

Приводим некоторые вопросы, содержащиеся в этой анкете: «Как Вы оцениваете качество питьевой воды в Вашем городе? Существует ли проблема чистой воды в Вашем городе? Как работают очистные сооружения города? Есть ли в городе проблема несанкционированных свалок? Какие промышленные предприятия работают в Вашем городе? Их влияние на окружающую среду. Есть ли в Вашем городе проблема браконьерского лова рыбы? Как Вы оцениваете состояние окружающей среды в Вашем городе? Какие экологические проблемы Вы отмечаете в Вашем городе?». Нам представляется важным и интересным представить расшифровки интервью с экспертами по экологической тематике как можно более полно. Это позволит не потерять при пересказе важные детали, определяющие экологическую картину в том или ином городе. В статье мы приводим отрывки из интервью, взятых по авторским программам у экспертов, специалистов по экологии и охране окружающей среды в экспедициях в малых городах Данилове и Пошехонье Ярославской области в 2020–2021 гг. Экологическая тема была затронута также и в массовых опросах,

проводившихся в обследованных городах в 2020–2021 гг. Некоторые из полученных данных цитируются в статье.

Лесная отрасль малых городов в прошлом и настоящем

Россия — самая «многолесная» страна мира, обладающая почти четвертью всех лесов планеты. Однако во многих ее центральных и южных регионах сохранились лишь незначительные остатки бывших когда-то лесов. В результате здесь исчезли или обмелели тысячи ручьев и малых рек, существенно изменился климат, участились засухи и пыльные бури. В первой половине XX в. засухи в Поволжье стали причиной массового голода и гибели людей. Многие земли были нарушены эрозией и превратились в овраги, практически не пригодные для использования в сельском хозяйстве (Ярошенко 2006: 3). С 1960-го г. площадь лесов в мире сократилась на 81,7 млн. гектаров — показатель на душу населения уменьшился на 60%. Это угрожает благополучию экосистем и людей. В 1960-м г. на душу населения приходилось 1,4 га леса, в 2019-м уже в три раза меньше — 0,5 га. «Постоянная утрата и деградация лесов влияют на целостность экосистем, снижая их способность поддерживать биоразнообразие (Климова 2022).

Город Данилов и его окрестности. Лесная отрасль

Лесами покрыто 105,3 тыс. га территории Даниловского муниципального округа. Это 53,4% его территории. Под лиственными породами находится 70% покрытых лесом земель, преобладающими породами являются мелколиственные: береза, осина, ольха. Хвойные леса — по преимуществу еловые — преобладают в северных частях округа. Часть лесного фонда выполняет водоохраные и водорегулирующие функции, обеспечивающие стабильный водный режим рек, их полноводность и чистоту воды. Леса способствуют увеличению количества осадков, снижению испарения влаги, сохранению и увеличению запасов воды в бассейнах рек. Леса, расположенные в прирусловой части пойм рек, выполняют важные противоэрозийные функции. Леса вблизи городов, других населенных пунктов, а также некоторых иных категорий защищенности имеют важное санитарно-гигиеническое, оздоровительное значение и служат прекрасным объектом отдыха населения в природной среде (Даниловский край 2021).

Опрос по авторской программе «Экология в малом городе» проходил 29 сентября 2020 г. в администрации г. Данилова, где присутствовали сотрудники администрации, отвечающие за экологическую повестку. Обычно мы проводим такой опрос в индивидуальном порядке, то есть беседуем с каждым экспертом один на один. В данном случае опрос был организован руководством администрации таким образом, что все эксперты сидели в одном кабинете и разговор с ними проходил последовательно, с каждым по очереди. Сначала меня эта ситуация поставила в тупик, так как я понимала, что одно дело беседа с глазу на глаз, и совсем другое — в присутствии других коллег в кабинете одного из заместителей районной администрации и в его присутствии. За все годы работы в малых городах такая ситуация при опросе экспертов сложилась впервые. Несмотря на эту нестандартную для меня конфигурацию, надо

Рис. 1. Леса вокруг г. Данилова.
13 октября 2021. Фотография автора.

было начинать беседу. Отмечу то обстоятельство, что я недаром была обескуражена. Эксперты чувствовали себя скованно, особенно в начале нашего разговора, и приходилось прикладывать определенные усилия, чтобы их разговорить. В то же время нестандартная ситуация имела и свои положительные стороны, так как в процессе интервью на некоторые мои вопросы, адресованные конкретному эксперту, отвечали или давали какие-то комментарии его коллеги. Приводим фрагменты интервью с экспертом, ответственным сотрудником ГКУ ЯО «Даниловское лесничество»¹.

— Сколько у вас сотрудников на сегодняшний день, и кто они по должности?

— Основная масса наших сотрудников — это инспектора. Кроме того, имеется три лесничих, три мастера леса, два бухгалтера, два водителя, всего 17 человек на 110 тысяч гектар лесничества.

— Как удается такими «мощными силами» все это хозяйство поддерживать и охранять?

— Удается с трудом. На сегодняшний день нам в помощь приходит спутниковый мониторинг. Своими силами наземного контроля выявить те же незаконные рубки было бы нереально. С помощью мониторинга мы еще можем как-то реагировать на это.

— Мониторинг где находится, в Ярославле или у вас?

— Он находится в Москве, где обрабатывают информацию и нам присылают через департамент. Всё быстро происходит, тепловые точки обнаруживаются практически мгновенно.

¹ Все должности приводятся на момент опроса экспертов — прим. автора.

— **Проблем с пожарами нет?**

— В Ярославской области вообще пожаров за этот год (2020 г. — прим. автора) не было. В прошлом году, по отчету директора департамента, было три, в нашем районе их не было.

— **Предположим, вы обнаружили, что начался пожар, что дальше происходит?**

— Оповещаются службы контроля, задействуются СГБУ «Лесная охрана», то есть непосредственно те, кто занимается лесными пожарами. Это подразделение департамента лесного хозяйства, оно нам не подчиняется, это параллельная структура. Мы оказываем им всяческую помощь, подключаем арендаторов, потому что многие леса находятся в аренде. Арендаторы по договору аренды обязаны помогать при тушении пожаров.

— **Чем и как вы тушите леса?**

— На каждой лесосеке, по правилам пожарной безопасности, должно находиться в зависимости от площади, определенное количество огнетушителей, лопат, первичные средства пожаротушения. При обнаружении массовых очагов подтягивается техника соответственная, бульдозеры, трактора, машины для доставки людей. В зависимости от площади, которая находится у арендатора в аренде, на момент лесных пожаров соответствующие силы и средства он должен будет предоставить.

— **Они арендуют участки леса, что дальше там происходит?**

— В основном вся аренда идет с целью заготовки древесины. У нас большая часть лесов лиственная. Арендаторы заготавливают древесину с целью реализации. Это стройматериалы, фанера в первую очередь. На дрова уже идет меньшая часть. У нас в Ярославле завод, туда большая часть древесины идет. В Вологодскую область отправляют пиломатериалы.

— **Арендаторы потом обязаны восстанавливать вырубленные участки леса?**

— В последние два года за этим ведется жесткий контроль. Практически на всех площадях, которые идут под заготовку древесины, потом осуществляется план мероприятий по восстановлению леса. Подготовка почвы происходит, буквально на следующий год после вырубки, и через год там высаживаются саженцы. Потом происходит долгий многолетний процесс, после этого идут мероприятия по уходу за молодняками, агротехнический уход и лесоводственные уходы. На первом этапе саженцы освобождаются от травы, на следующих этапах удаляется нежелательная растительность.

— **На каждого лесника сколько приходится гектаров леса?**

— Несложно посчитать, 110 тысяч гектаров раскинуть на три лесничества, по 33 тысячи на двоих.

— **Это следствие так называемой «оптимизации» лесной отрасли?**

— Всё началось с введения нового лесного кодекса в конце 2006 г. Ответственность переложили на арендаторов, им вменили в обязанность восстановление лесов, а госструктуры стали другим заниматься. Бывают, конечно сбои, приходится и на недостатки указать, и уговаривать, разные есть методы. Люди в любом случае не будут всё делать самостоятельно.

— **На Ваш взгляд, «если бы директором был я», какая главная проблема, что бы Вы хотели поменять, улучшить, чего Вам остро не хватает в Вашей**

Рис. 2. Н. А. Титов, директор Пощеконского лесничества с автором. 14 октября 2021 г., г. Пощеконье, Ярославская область.

деятельности? Денег это понятно, а с точки зрения леса? Лес, это национальное достояние России.

— Сложный вопрос. Деньги это, может, самое банальное, но это самый верный ответ. На деньгах будет построено всё. Из-за отсутствия бюджета, численность коллектива у меня такая. Если арендаторам не напоминать, они и сажать саженцы не будут стремиться. Интерес к делянке у них пропадает вместе с последним лесовозом. Мы их должны стимулировать к тому, чтобы они выполняли свои обязанности. Незаконных рубок еще четыре года назад в наших лесах было огромное количество.

— **Как обстоит дело с несанкционированными свалками в лесах?**

— Практически каждый месяц проводится субботник на той или иной территории по уборке этих несанкционированных свалок силами нашего лесничества. В основном речь идет о бытовых отходах. Это то, что люди, может не вчера, может даже не год назад, выбрасывали тут или там.

Город Пощеконье и его окрестности.

Лесная отрасль

Эксперты составили рейтинг и карту регионов России по интенсивности официальной заготовки древесины. Эти материалы основываются на опубликованной статистике Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2021 г. В начало списка попали регионы, заготавливающие больше всего древесины в кубических метрах с гектара леса. При этом рейтинг не учитывает так называемые скрытые перерубы на легальных лесосеках из-за низкой точности учёта лесов (оценочно, они составляют до 20% от учтённой заготовки). Кроме того в ЕМИСС нет сведений о рубке в лесах с неясным правовым статусом (например, на сельхозземлях, землях запаса 1 и некоторых других), а также о самовольных рубках. Вместе с тем, имеющиеся данные вполне объективно отражают распределение регионов по интенсивности лесопользования. Среди 62 регионов России, представленных в рейтинге, Ярославская область занимает 11 место (ЕМИСС, ПМА).

Мы беседовали с экспертом, ответственным сотрудником Государственного Казенного учреждения Ярославской области (ГКУЯО) «Пощеконское лесничество» 14 октября 2021 г.

— **Сами Вы родились здесь?**

— В Пошехонском районе, деревня Федоровское. Работаю в Пошехонском лесничестве с 1993 г.

— **Какой размер Пошехонского лесничества, сколько гектар оно занимает?**

— Лесничество занимает 213 тыс. 271 гектар. В Ярославской области оно самое большое. Другие лесничества занимают территорию порядка 100 тыс. га, у нас в два раза больше.

— **Сколько сотрудников в лесничестве?**

— По штату должно быть 26, фактически сейчас осталось 16.

— **Почему так получается?**

— Очень маленькие зарплаты, нагрузка большая, объем работы большой, требования жесткие. По-русски говоря, платят копейку, а работы спрашивают на рубль. Ушли пенсионеры, старые работники, а молодежь за такие деньги работать не идет. Раньше была преемственность поколений, система была еще дореволюционная. А когда новый Лесной кодекс приняли, все сломалось. Закон был принят в декабре 2006 г., фактически с 2007-го г. начали работать по-новому. Тогда у нас штат был больше 100 человек, были лесники, сейчас такого нет. В Пошехонском районе работал государственный лесхоз и был сельский, в общей сложности 150 человек здесь работало.

— **Это еще дореволюционная система?**

— Она скорее советская, а вот лесники были еще до революции. Сейчас вообще такого слова «лесник» нет, такой профессии нет, нигде она не предусмотрена, никакими квалификационными требованиями. Прежде по штату в лесничестве был лесничий, его помощник, два мастера, бухгалтер и человек десять лесников. То есть каждое участковое лесничество по людям и технической оснащенности было сильнее, чем сейчас все наше лесничество. До введения нового Лесного кодекса у лесника был такой участок, который реально было обойти в течение дня. Старое поколение уходит, а новое на эту работу не идет.

Я здесь родился и вырос, помню где-то в 1960-х гг. здесь жизнь гудела, даже в 1990-е годы, которые все проклинают, здесь жизнь еще была. По сравнению с тем, что сейчас, тут еще людей было много и была какая-то перспектива. Сейчас ничего этого у нас в Пошехонье нет. Например, здесь был маслозавод, очень большой, кстати, всего два таких было в России. Пошехонский сыр здесь был разработан. Сорт такой есть, но производят его где угодно, но только не у нас. Людей совсем не остается, здесь страшное обезлюдывание¹ происходит. Если проехать по окрестностям Пошехонья, в деревнях практически одни пенсионеры работают, плюс дачники летом приезжают.

По лесу можно изучать историю. Зарастать наша местность лесом начала, наверное, с момента отмены крепостного права. Люди стали свободные, устремились в города. Когда до России капиталистические отношения дошли, в конце XIX, в начале XX-го века, крестьяне стали забрасывать часть земель. Второй этап зарастания — это после Первой мировой и Гражданской войн. Третий этап, наверное, после Великой Отечественной, людей элементарно выбили. Следующий этап, наверное, когда пришел к власти Никита Хрущев. Крестьяне в колхозе почти крепостными были. Когда началась свобода, в 1960–1970-е, начался массовый отъезд из деревень в города.

¹ Орфография эксперта — (прим. автора)

С 1990-х гг. пошел очередной этап разрастания лесов на брошенных сельхоз землях. По типологии у нас таежная зона, подзона южной тайги. Здесь, вообще-то должны быть хвойные леса. Больше 80% пошехонского леса находится в аренде, с целью заготовки древесины. Нас спасает то, что у нас лесная зона и при любых условиях через какое-то время лес сам восстанавливается, он у нас возобновляется хорошо. Даже брошенные поля зарастают лесом.

— **Самая большая проблема для лесной отрасли какая?**

— Конкретно для нас — нехватка кадров, нет людей и не предвидится их появление.

— **Как обстоят дела с несанкционированными свалками в подведомственных лесах?**

— У нас свалки, как правило, не в лесном фонде. В основном в заброшенных полях люди выбрасывают мусор. Правда, этого сейчас стало меньше.

— **Что бы Вы хотели сами рассказать по поводу леса, проблем с ним связанными, что-то еще дополнить, о чем мы не поговорили?**

— По поводу леса уже тяжело говорить. Когда принимали лесной кодекс в конце 2006 г., были проблемы в лесном хозяйстве, можно сказать, что это был человек большой. Вместо того, чтобы его лечить, его взяли и застрелили, вот и все. У нас в России лесного хозяйства нет, в нормальном понимании этого слова. Есть заготовка древесины и какой-то надзор, но к чему он сводится? Приехали, проверили, срубил — срубил, отчитался — отчитался, провел какое-то мероприятие — мы проверили. Беда в том, что даже и тогда было все не идеально, сильно не идеально, надо было что-то делать с лесной отраслью. А нас взяли и застрелили. У нас и лесного образования практически не осталось.

— **А лесная академия в Санкт-Петербурге?**

— И ее тоже чуть не закрыли, в прошлом году это было (в 2020 г. — прим. автора). Лесные вузы, они же все ликвидированы. Лесное образование в стране практически надо восстанавливать. Школа лесоводства у нас в России сложилась где-то в середине XIX — начале XX века, она стала уважаема в мире. В советские времена она поддерживалась.

Охрана дикой природы.

Поддержание численности промысловых зверей

Обер-егермейстер Семен Нарышкин писал императрице Екатерине в 1769 г.: «В чужих государствах, как известно, что около городов все поля и леса наполнены разных родов дичью, а здесь, напротив того, что ближе к столице, то дичи меньше, потому что обывателями так она истреблена, что едва-ли можно ее приискать и для стола Вашего Императорского Величества». Чиновник предлагает императрице ужесточить наказание за незаконную охоту в окрестностях Петербурга и Москвы. Екатерина поддержала эту инициативу. Пойманых неимущих нарушителей предполагалось ссыпать в солдаты, а с зажиточных «с каждого братья рекрута в наказание за их такое самовольство, ибо в немецких странах и вящие сего наказываются таковые преступники, яко то: каторгою и прочим (О запрещении в 1769 году 1895: 118). И в наше время сии реляции весьма актуальны, так как в лесах вокруг не только больших, но и средних и малых городов диких животных с каждым годом становятся все меньше.

**Город Данилов и его окрестности.
Охрана дикой природы**

В ходе полевых исследований 29 сентября 2020 г. в администрации г. Данилова беседовали с одним из главных специалистов Комитета охраны и использования животного мира, государственным инспектором Ярославской области в области охраны окружающей среды.

— **Давайте начнем наш разговор с водных ресурсов. С рыбы, например. Какая ситуация с этим в подведомственном районе?**

— Если честно, по водным ресурсам я мало что могу сказать, поскольку этим я не занимаюсь, и департамент наш, в частности, этим тоже не занимается. Есть у нас подразделение, малочисленное оно. Но там людей совсем мало, практически, как с лесниками теперь ситуация.

— **Они здесь, в Данилове находятся?**

— Нет, они в Ярославле находятся. У нас в районе нет никакого представителя, который занимался бы рыбоохраной. Могут быть иногда разовые приезды этого инспектора из Ярославля. У нас самая большая река Соть. Есть еще река Ухра, рыбинспектора там не увидишь никогда.

— **То есть браконьерам там раздолье полное?**

— Не такие у нас большие реки, чтобы какое-то громадное браконьерство там было. Да, весной сети ставят, но полиция тоже не очень охотно сейчас работает в этом направлении. Поэтому те, кто желает поставить сеть, им в принципе ничего не мешает. Мои полномочия по рыбе ограничены, я могу максимум составить протокол за нарушение путей миграции охотничьих животных. На этом все, штраф за это небольшой. Нарушители знают, что ничего особенного им не грозит. Страха они перед инспекторами не испытывают.

— **Сколько и какого зверя теперь водится в Даниловских лесах?**

— Наши Даниловский район один из самых популярных в Ярославской области среди охотников. Даже москвичи любят сюда приезжать на охоту в связи с тем, что численность дикого зверя у нас высокая, добывается его много, и, соответственно, успешность охоты высока. В районе в течение длительного времени стабильно сохраняется численность основных охотничьих видов. Это, прежде всего, лось и кабан, которые больше всего интересны охотникам. И лис, енотов, зайцев, птицы, этого тоже вполне хватает. Конкретно по лосям численность где-то порядка 2000 особей. В разные годы численность лося колеблется от 1800 до 2200 голов по району. О кабанах говорить не стоит, достаточно их.

— **Вы говорите, москвичи к вам приезжают на охоту?**

— У нас пять охотничьих хозяйств в районе, плюс одни общедоступные охотничьи угодья. Из этих пяти одна общественная организация, которая занимается проведением охоты и в принципе за счет этого живет. Потому что охотничье хозяйство у нас в стране государством никак не поддерживается, рентабельным оно никогда не бывает. Они живут тем, что проводят коммерческие охоты. Человек приехал, заплатил большие деньги, добыл зверя. Эта организация, которая организует охоту, привлекает иногородних туристов, поэтому получается много московских охотников.

— **Местные охотники не могут такие деньги платить?**

— Для местных другие условия есть. Понятно, что на каждого охотника по лосю не получится выделить. Местным жителям выделяются разрешения не за такие бешеные деньги. Путевка стоит порядка 60 тыс. руб. за лося, без обслуживания. Местные охотники платят примерно от 19 до 21 тыс. руб. Эта цена устанавливается областным управлением. Спрос на добычу медведей небольшой, добывается их мало, численность их помаленьку растет. Уже люди жалуются со всех сторон, что они, то там, то там появились, то пасеку разрушили, куда-то вышли, что-то натворили. В Данилове в прошлом году бегали. Не могу сказать, что у нас какое-то зловещее браконьерство. Да, единичные случаи бывают. В основном это добыча с дорог в зимний период. Лоси подходят к дорогам, где на кустарнике оседает соль, и становятся легкой мишенью, для тех, кто хочет их подстрелить. Правда, в последние годы работа проведена большая, сейчас уже такого массового браконьерства нет¹.

— **Об этом можно подробнее рассказать, пожалуйста.**

— Браконьеры обычно друг друга знают, кто куда ездит, кто чем занимается. Кто-то сюда съездил, понравилось, зверя много, за одну ночь можно насчитать 40–50 лосей, которые стоят у дороги, жириют. Соблазн велик. Браконьер едет, с машины стреляет. Его машина уезжает, приезжает другая, разделяет тушу и увозит.

— **Естественно, ничего не заплатив?**

— Да, это браконьеры, которые просто приехали за мясом. Если задерживаешь ту бригаду, которая разделяет убитого зверя, у них нет оружия. Они говорят: «Мы нашли уже убитого зверя, просто мимо ехали». Конечно, бывали случаи, когда нарушителей ловили на месте, уголовные дела были. Не скажу, что это массовое явление, за год три–четыре случая бывает. Зимой поливают реагентами дорогу, ветром раздувает эту пыльцу. Кусты, которые вдоль дороги растут, становятся солеными. Лосей больше привлекает такой корм, подсоленный. Они, бывает даже на дорогу выходят, на коленях стоят, соль лижут. Минерал нужен им для пищеварения, поэтому это их привлекает.

— **Кто эти нарушители?**

— В основном приезжие, причем не бедные, а зачастую даже вполне обеспеченные люди. В основном, из Вологодской, Московской области, даже из Санкт-Петербурга были. Люди едут за сотни километров за этим. Мы как-то разрабатывали такую группу из Сергиева Посада. Они по всей Ярославской области ездили, и к нам приезжали. Их задерживали с привлечением ОМОНа, со спецназом по всем адресам. Доказательства браконьерства были, но не могу сказать, чем все это кончилось. Законодательство в этом плане как будто сделано для браконьеров, поэтому очень тяжело доказывать, если человек не признался сам в содеянном преступлении.

— **А господа браконьеры между тем не церемонятся.**

К сожалению, не все так благополучно в области охраны дикой природы в Ярославской области. Совсем недавно, в начале февраля 2023 г. произошел вопиющий случай расстрела браконьерами около 20 лосей, включая беременных самок и детенышней в Тутаевском районе области (см. Снегирев 2023).

¹ На обратном пути из Данилова на протяжении многих километров мы видели специальные ограждения вдоль трассы, которые препятствуют выходу лосей и других животных на дорогу. Это обеспечивает безопасность водителей в темное время суток и безопасность самих зверей (прим. автора).

Город Пошехонье и его окрестности. Охрана дикой природы

14 октября 2021 г. мы беседовали в Пошехонье с экспертом, одним из государственных инспекторов Ярославской области в области охраны окружающей среды.

— **Вы больше занимаетесь охраной дикой природе или рыбных ресурсов?**

— С природой я связан тесно давно. Работал в Россельхознадзоре, работал в Рыбнадзоре и вот уже восьмой год работаю в департаменте охраны окружающей среды Ярославской области в отделе охотничьего надзора. После того, как передали департаменту сельского хозяйства рыбные ресурсы, мы к ним сейчас практически прямого отношения не имеем. Несколько лет назад была реорганизация, оптимизация, объединение департаментов разных.

— **С чем это связано, такая передача?**

— Это виднее тем, кто это делает, решает, кто проводит эту оптимизацию. Поэтому сейчас на водной акватории работа нами ведется, но по своей направленности. Территории охотничьих угодий располагаются не только на землях, но и в акватории тоже. Это птицы водоплавающие, различные животные, ведущие полуводный образ жизни: ондатра, выдра, бобр. Поэтому приходится и на воде тоже работать. И с сетями тоже боремся, когда они представляют угрозу на путях миграции диких животных или в местах размножения. Мы работаем совместно с полицией, с Рыбнадзором. Время от времени инспекция рыбоохраны из Ярославля, где находится межрегиональный отдел Рыбнадзора, присыпает инспекторов в Пошехонье.

— **В последние десятилетия многие рыболовы перешли на дешевые мелкоячеистые, китайские сети. В них рыба запутывается и гибнет. Они сейчас запрещены?**

— Да кто их запретит? Подойдите на любой рынок, их можно приобрести. Браконьеры покупают, ставят, два-три подъема сделали, бросают, чтобы не попасться, не иметь неприятностей, так и оставляют. Потом в них рыба попадает, тухнет, гниет. Это полбеды, это самая малая доля проблем, из-за которых гибнет рыба. У нас же, можно сказать, катастрофа с теми нечистотами, которые стекают в Волгу, в Рыбинское водохранилище. Очистные сооружения в нашем районе вообще не работают. Уже много лет со всего района все течет прямо в Рыбинское водохранилище. Представляете, в чем угроза? В каждом населенном пункте, который находится на побережье в водоохранной зоне, имеются нелегальные свалки различных твердых бытовых отходов, которые люди выкидывают просто в ручеек, на берег реки, а весной это все со снегом и талыми водами утекает в водохранилище. Руководители местных администраций на это закрывают глаза. Наверное, вы были в городе, видели, что ни мусорный контейнер, то навалена куча бытовых отходов рядом. Можно же как-то организовать, заплатить какие-то деньги, чтобы эти твердые отходы тоже вывозились. Но нет настоящего хозяина, никто в этом не заинтересован, к сожалению.

— **Про браконьерство поподробнее расскажите, пожалуйста.**

— Я считаю, что у нас с браконьерством борьба ведется на достаточном уровне. Совместно с полицией выезжаем, патрулируем дороги. В основном у нас происходит незаконный отстрел лосей, это легкая наружка для браконьеров. Мы выяв-

ляем нарушителей, наказываем их. Но, хотелось бы, чтобы правоохранительные органы относились к этому немножечко повнимательнее. Бывает, что вроде бы совершено явное преступление, уже потенциальный браконьер выявлен, а в итоге получается так, что пока следственные работы идут, человек уходит от ответственности. Либо оправдывается, либо по каким-то показателям, экспертизам, нарушитель не привлекается к ответственности, хотя в разработке находится, специально по нему работают люди. Такие дела чаще всего разваливаются.

— **В 2020 г. я беседовала с экспертом, специалистом, который в Данилове занимается охраной дикой природы. Он сказал, что раньше опасно было на Вашей должности находиться.**

— Сейчас, собственно, так же. Материально-техническое обеспечение инспекторов оставляет желать лучшего. Инспекторский состав должен быть обеспечен лучше, чем браконьерский. А у нас получается наоборот. Хоть в рыбнадзоре, хоть у нас в охотнадзоре. Мы, как правило, на уровень ниже по материальной обеспеченности и вооруженности, чем браконьеры, у которых есть и вездеходы различные, и лодки с такими моторами, которые нам и не силились.

Если бы был служебный пистолет, его в карман засунуть и все, ты уже более уверенно себя чувствуешь. До 2005-го года было все, а потом запретили иметь служебное оружие. Все делается для браконьеров и правонарушителей, чтобы им было легче уйти от ответственности. Если раньше мы на акваторию выезжали, у нас была форменная одежда. Я только к спасательной станции подхожу, уже все знают, что инспектор выехал, все, пора по углам. И тебя уже побаивались. А сейчас приезжешь, хоть на водохранилище, хоть в лес, форменной одежды утвержденной единой теперь у нас нет, средств для остановки транспортных средств тоже нет.

У меня был такой случай. Мы вместе с госинспектором по охране дикой природы Даниловского района ловили двух браконьеров зимой. Один был гаишник, а второй — из наркоконтроля. Инспектор догнал гаишника на снегоходе и задержал его. А я за наркоконтрольцем шел-шел в три часа ночи с голыми руками. Мороз 15 градусов, и снега по колено: у меня три шага, у него один шаг. Он два метра роста и мастер спорта по боксу. А я кто? Престарелый гражданин. Так и живем.

— **Чем дело кончилось? Догнали нарушителей?**

— Да, гаишника этого уволили. А у «наркоконтрольца» не смогли доказать нарушение, хотя мы нашли пулью его, отправили в Москву на экспертизу, ее потом назад вернули, опять мы ее направили. В итоге у него оказался дядя высокопоставленный генерал, и он избежал наказания.

В тот же день, 14 октября 2021 г., мы разговаривали с экспертом, ответственным сотрудником Пошехонского отделения ярославского общества охотников и рыболовов.

— **Сколько в Пошехонье членов охотничьего общества?**

— Всего 550 человек. «Тверь объединение» частник занимает. Это общедоступные охотугодья. Может быть, слышали такие государственные охотугодья, вот это они. «Кученевский заказник» был раньше.

— **Тут нельзя охотиться?**

— Нет, можно, все заказники выдали частникам.

— **Не понятно, как дали частникам охраняемые территории?**

— А как же, так два заказника отдали. «Ермаковский» и «Кученевский». Всего в районе порядка 300 тыс. га охотугодий. Из них общедоступно порядка 9 тыс. га.

— На какого зверя вы охотитесь?

— Начиная с крупного, на медведя, например.

— За сезон сколько могут добыть?

— Мало мы добываем, а добывать надо много. Их поголовье очень большое стадо. Порядка 160 штук поголовье медведя только в нашем угодье, только на 129 тыс. га. Добыли всего два медведя в прошлый год (в 2020 г. — прим. автора). 800 голов лоси, добыча 90.

Сейчас Ярославская область закрыта полностью из-за африканской чумы свиней. Отстрел кабанов разрешается только по регулированию, нужны специальные разрешения. Мы выдали их только 85, и все охотники обижены, но не имеют права охотиться. Кабана у нас небольшое поголовье, порядка 180 штук всего. Дубов теперь нет, стало быть, нет и желудей, отсутствует кормовая база для кабанов. Я работал председателем колхоза девять лет. У нас было 1 тыс. га зерновых посевно, 90 га картошки, корнеплодов, все не убирали, под снег оставляли много. Для кабанов тогда было раздолье. Сейчас в районе у нас четыре или пять всего сельхоз предприятий, которые чуть на плаву держатся, очень много пропадает сельхоз угодий. Весь район наш запущенный и разрушенный, как Мамай прошел. Лес уничтожают харвестерами, это такие самоходные огромные машины. После них остаются огромные колеи. Такая машина по 200 кубов леса в сутки заготовливает. Теперь эта импортная техника везде в районах есть.

Инфраструктура ЖКХ: есть ли выход из накопившихся проблем?

После строительства водохранилищ на Волге резко изменился естественный режим реки и экология водоемов. Восемь плотин волжского каскада гидроэлектростанций превратили Волгу в череду стоячих озер-водохранилищ, навсегда нарушив привычной ход реки. Влиянием сточных вод городов обусловлены высокие концентрации в воде ряда Волжских водохранилищ аммонийного азота, фосфатов, нитратов (Дебольский и др. 2011: 69).

Проведенные в Институте водных проблем РАН исследования дают основание утверждать, что в бассейне Волги доля диффузных загрязнений (это загрязнение, возникающее от рассредоточенных на территории водосбора водного объекта неконтролируемых источников загрязняющих веществ) по отдельным регионам колеблется от 30 до 50% общей антропогенной нагрузки. Доля диффузных загрязнений растет, что связано с нарастанием хозяйственного и рекреационного использования водоохранных зон, роста нагрузки с городских территорий и дорог вследствие роста автомобильного парка (Веницианов, Кирпичникова 2018: 60).

Приведем здесь результаты массового опроса (по 300 человек) в городах Данилове и Пошехонье в 2020–2021 гг., которые касаются основных экологических проблем по мнению самих горожан (Рис. 3).

Как видно из диаграммы, мнения горожан двух рядом находящихся городов Ярославской области весьма сильно различаются по ряду вопросов. Так, грязный воздух признали проблемой 18% из 300 респондентов даниловцев, в то время как

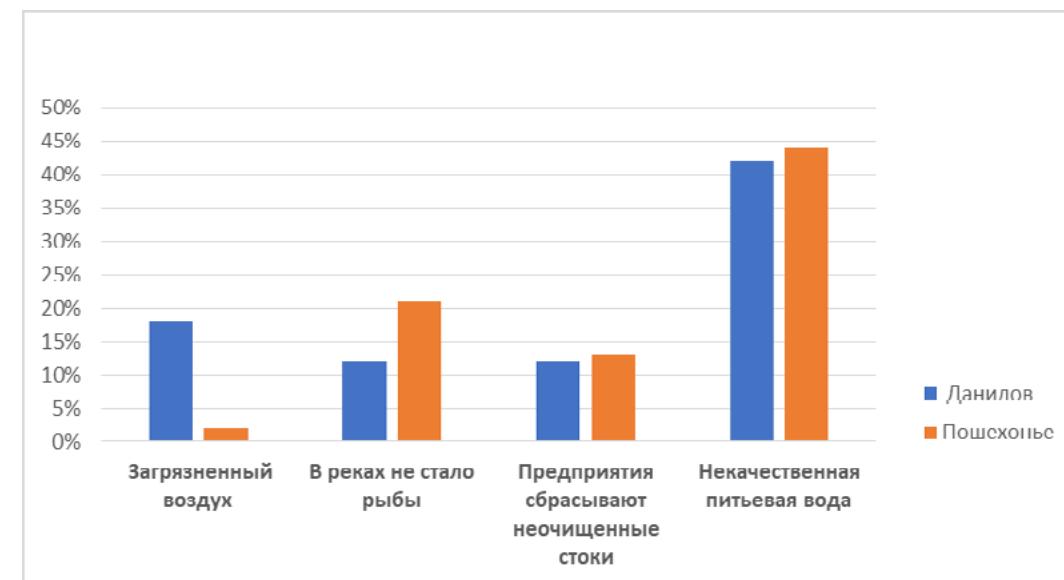

Рис. 3.

Какие экологические проблемы были признаны горожанами наиболее важными в Данилове и Пошехонье. По результатам массового опроса в 2020 и 2021 гг.

всего лишь 2% из опрошенных пошехонцев считают это проблемой в своем городе. Напротив, больше пошехонцев посчитали, что в реках не стало рыбы — 21% (и это в городе, который носит неофициальное имя «Город пяти рек и шести мостов!»). И всего 12% даниловцев сетуют на эту проблему. Мнения горожан сошлись в вопросе о том, сбрасывают ли предприятия города неочищенные стоки в реки — 12% и 13% соответственно. Самой большой проблемой горожане признали некачественную питьевую воду. Здесь мнения горожан также почти совпали — 42% даниловцев и 44% пошехонцев из опрошенных 300 в каждом городе дали положительный ответ на этот вопрос. Интервью с сотрудниками администраций этих городов помогут более подробно осветить эту насущную проблему, характерную отнюдь не только для малых городов нашей страны.

Город Данилов

29 сентября 2020 г. в кабинете заместителя Главы районной администрации г. Данилова, мы разговаривали с ведущим специалистом отдела сельского хозяйства.

— Скажите, пожалуйста, какая ситуация в Данилове с очистными сооружениями?

— Здесь не очень благополучная ситуация, потому что очистные сооружения в состоянии недоделанном, идет только первичная очистка воды. Сейчас региональный оператор «Водоканал» делает проект, где будет предусмотрена реконструкция очистных сооружений в г. Данилове.

— Откуда поступает вода в дома и на предприятия города?

— В Данилове больше частной застройки, многоквартирных домов не так много. У кого-то своя скважина, у кого-то колодцы.

- Кто, какие предприятия и как оценивает качество питьевой воды в городе?
- Роспотребнадзор периодически проверяет качество воды.
- Поточнее нужно знать, какие организации за это отвечают и какие показатели дают по итогам обследования. А у вас в самом городе есть какие-то источники?
- Раньше в старину все равно люди места выбирали, где колодцы делать.

Город Пошехонье

На следующий год, 14 октября 2021 г. мы разговаривали об экологических проблемах Пошехонья с экспертом, ответственным сотрудником администрации Пошехонского муниципального района.

— Как снабжается город Пошехонье питьевой водой?

— Все скважины у нас артезианские, водозабор не речной, а артезианский. Но качество воды еле-еле укладывается в необходимые нормы, а иногда и не укладывается в предельно допустимые концентрации, в частности у нас проблемы с кальцием, проблемы с железом, с марганцем. Речь идет о тех анализах, которые забираются из скважин. Кроме того, у нас достаточно старая система водопровода. Присутствуют и чугунные трубы со свинцовой окольцовкой. Часть труб, по некоторым оценкам, кто говорит порядка 30%, кто говорит порядка 40–50% заменена на пластиковые современные, но до сих пор остались даже асbestовые.

Рис. 4. Г. Пошехонье, вид на р. Пертомку
30 сентября 2020 г. Фото автора

Плюс с этому есть тупиковые водопроводы. Это трубы, где не осуществляется циркуляция. То есть, по нормальным схемам водоснабжения должна осуществляться постоянная циркуляция воды, чтобы вода не застывала. У нас, к сожалению, есть тупиковые ветки, которые дают нам нехорошие добавки. Там вода застывает, там появляется биология и все остальное.

— Это биологические загрязнения?

— В том числе. Систему менять очень дорого, очень накладно. Денег на это нет. Населения у нас в городе очень мало¹. Поэтому ситуация почти тупиковая. Благо, попали мы в программу «Чистая вода». Есть такой федеральный проект «Чистая вода».

— Это помимо «Очистим Волгу», это особый проект?

— Их два: «Чистая вода» и «Оздоровление Волги». Это два национальных проекта. Один касается водоснабжения, второй касается по большей части водоотведения. «Чистая вода» — это водоснабжение. В эту программу мы попали. Организация, которая у нас здесь, на территории района имеет свое рыбное производство и занимается очистными сооружениями, экологическими вопросами и так далее, сделала нам за свой счет в подарок проект, который оценивается миллионов в пять — семь рублей. В центральный водопровод будет попадать вода уже с дополнительной очисткой. Какую корректику внесет сам водопровод, посмотрим.

— Очищенная вода пойдет по старым трубам?

— Увы, а как иначе? Новые никто не успел построить. Да, это проблема, мы о ней знаем, мы ее озвучиваем. Я даже затрудняюсь оценочно назвать цифры, сколько будет стоить замена всего водопровода. Потому что, во-первых, это — весь город перерывать, улицы перекопать, а потом восстановить. Спасибо наличию федеральной программы, сами бы мы эти деньги не смогли бы изыскать. На сегодняшний день оценка стоимости этих очистных (станции водоподготовки) в районе 75 млн. руб. Это 12% нашего районного бюджета. Мы себе такую роскошь позволить не смогли бы.

— Какой у вас бюджет?

— Под 600 млн. руб.

— Вы сказали, что в «Чистую воду» вы вошли, а в «Очистим Волгу» нет?

— В «Очистим Волгу» не получилось. Причем уже со второй попытки не получилось. У нас на 5 тыс. 700 жителей Пошехонья порядка 2 тыс. 500 жителей обеспечены водопроводом, а централизованной канализацией в два раза меньше. Мы надеемся, что до конца года получим проект очистных сооружений и тогда будем пытаться войти в федеральную программу «Оздоровление Волги».

14 октября 2021 г., когда мы беседовали с экспертом, в Пошехонье была введена в строй новая система водоподготовки. Чуть позже, в 2022 г. такая станция была введена в г. Данилове: «Строительство очистных позволит улучшить качество подаваемой питьевой воды. Производительность сооружений рассчитана на всех потребителей, которые сейчас обеспечиваются водой из водозаборов «Горушка» и «Вильново», — сказала начальник бюро очистки воды и стоков ГП ЯО «Северный водоканал» Ирина Рязанцева (Портал Ярославской области 2022).

¹ На 2021 г. в Пошехонье насчитывалось 5150 чел. (Росстат).

Прекрасно, что в малых городах начался процесс ввода новых станций водоподготовки. Теперь дело за «малым»: построить новые очистные сооружения в этих и других малых и средних городах, для того, чтобы сточные воды не поступали в Волгу и ее притоки, отравляя на своем пути все живое. Актуальность этой проблемы подчеркивается выводами счетной палаты «Результативность мер, направленных на сохранение и восстановление водных объектов, является недостаточной. В последние годы наблюдается увеличение объема сброса некоторых загрязняющих веществ. В частности, отмечается рост доли проб воды из водоемов I категории, не соответствующих санитарно-эпидемиологическим требованиям по санитарно-химическим показателям с 21,9% в 2012 году до 30,1% в 2020 году (Каульбарс 2020).»

Заключение

Счетная палата в начале 2022 г. указала, что до 40% россиян пользуются не соответствующей нормативам водой: «Сброс промышленных и сточных вод приводит к тому, что 30–40% населения России пользуются водой, не соответствующей нормативам. Вследствие загрязнения питьевой воды химическими веществами и микроорганизмами увеличивается риск смертности в среднем на 11 тыс. случаев ежегодно и заболеваемости населения в среднем на 3 млн. случаев ежегодно» (Счетная палата 2021).

На примере выбранных для исследования малых городов можно проследить динамику ухудшения экологической ситуации на окружающей их территории. Что же происходит в природном окружении таких городов? По сравнению с мегаполисами, где наблюдаются запредельные уровни ПДК вредных для организма человека веществ, может показаться, что в малых городах, расположенных в верховьях Волги нет глобальных экологических проблем. Проведенные нами исследования показывают, что это далеко не так.

Эта проблема характерна для всех регионов страны и усугубляется тем обстоятельством, что в условиях современной экономики только проект новых очистных сооружений будет стоить администрации малого города десятки миллионов рублей, что иногда сопоставимо с его годовым бюджетом. Поэтому решить эту давно назревшую проблему без вливания больших федеральных вложений скорее всего не получится. С другой стороны, зачастую огромные средства федерального бюджета, выделяемые под целевые программы «Экология», «Очистим Волгу» и других, используются нерационально из-за отсутствия научной проработки соответствующих проектов, плохой организации и низкой компетенции участников.

Настоящее исследование предполагает выработку комплекса методик, которые смогут оценить актуальную социально-экономическую и экологическую ситуацию в малом русском городе. Разработка методик многоаспектной характеристики населения малого города будет способствовать развитию нового междисциплинарного подхода в изучении современных социальных процессов. Эти стандартизованные показатели позволят объективно сравнивать малые города в разных областях и национальных республиках России, выстраивая соответствующие рейтинги, которые можно будет публиковать в открытом доступе на официальных порталах регионов. Сохранение и приумножение культурно-исторического и природного наследия малых городов центральной России является необходимым условием для

дальнейшего развития на этих территориях познавательного, спортивного и рекреационного туризма.

Источники и материалы

- ПМА 1 — Григулевич Н. И. Полевые материалы автора 2020. Интервью с экспертом, ответственным сотрудником ГКУ ЯО «Даниловское лесничество». Ярославская обл., г. Данилов, 29 сентября 2020 г.
- ПМА 2 — Григулевич Н. И. ПМА 2020. Интервью с экспертом, одним из главных специалистов Комитета охраны и использования животного мира, государственным инспектором Ярославской области в области охраны окружающей среды. Ярославская обл., г. Данилов, 29 сентября 2020 г.
- ПМА 3 — Григулевич Н. И. ПМА 2020. Интервью с экспертом, ведущим специалистом отдела сельского хозяйства муниципальной районной администрации г. Данилова. Ярославская обл., г. Данилов, 29 сентября 2020 г.
- ПМА 4 — Григулевич Н. И. ПМА 2021. Интервью с экспертом, ответственным сотрудником Государственного Казенного учреждения Ярославской области (ГКУЯО) «Пошехонское лесничество». Ярославская обл., г. Пошехонье, 14 октября 2021 г.
- ПМА 5 — Григулевич Н. И. ПМА 2021. Интервью с экспертом, государственным инспектором Ярославской области в области охраны окружающей среды. Ярославская обл., г. Пошехонье, 14 октября 2021 г.
- ПМА 6 — Григулевич Н. И. ПМА 2021. Интервью с экспертом, ответственным сотрудником Пошехонского отделения ярославского общества охотников и рыболовов. Ярославская обл., г. Пошехонье, 14 октября 2021 г.
- ПМА 7 — Григулевич Н. И. ПМА 2021. Интервью с экспертом, ответственным сотрудником администрации Пошехонского муниципального района. Ярославская обл., г. Пошехонье, 14 октября 2021 г.
- Даниловский Край — Даниловский Край. Историко-туристический сайт города Данилова и Даниловского района Ярославской области [Электронный ресурс]. <http://danilov-krai.wedge.ru/page/nature-about.html> (дата обращения — 02.07.2021)
- ЕМИСС — Официальные статистические показатели // ЕМИСС. Государственная статистика. <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=заготовка+древесины>
- Земельный кодекс — Земельный кодекс РФ, статья 103 [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/cc2c7659487c59b5f0b967ac1c9b775d6b359051/ (дата обращения — 03.03.2023).
- Климова М. За 60 лет площадь леса на душу населения сократилась в три раза [Электронный ресурс]. <https://knife.media/forest-per-capita/> (дата обращения — 01.09.2022).
- О запрещении — О запрещении в 1769 году охотиться в окрестностях Петербурга и Москвы // Русская старина. 1895. № 9. С. 118–119.
- Портал Ярославской области — Портал Ярославской области: 2022 [Электронный ресурс]. <https://yarsmi.ru/2022/02/10/stancziyu-vodopodgotovki-v-danilove-postroyat-do-konca-goda/> (дата обращения — 31.03.2022).
- Снегирев — Снегирев Ю. Массовое убийство лосей под Ярославлем: вопросов по-прежнему больше, чем ответов. <https://rg.ru/2023/02/14/reg-cfo/bojnia.html> (дата обращения — 18.02.2023).
- Счетная палата — Счетная палата [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/obschestvo/10653733> (дата обращения — 31.03.2021).

Научная литература

- Ардалянова А. Ю., Бизюков П. В., Braslavskii R. G. и др. Малые города в социальном пространстве России: [монография] / отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с.
- Белова Н. А., Мартынова М. Ю. (отв. ред.) Молодежь в малых городах России. Заметки социального антрополога. М.: ИЭА РАН, 2016. 294 с.
- Веницианов Е. В., Кирпичникова Н. В. Проблема регулирования неконтролируемых диффузных загрязнений водных объектов // Экологические проблемы бассейнов крупных рек—6: Материалы международной конференции, приуроченной к 35-летию Института экологии Волжского бассейна РАН и 65-летию Куйбышевской биостанции (15–19 октября 2018 г. Тольятти) / отв. ред. Г. С. Розенберг, С. В. Саксонов. Тольятти: Анна, 2018. С. 58–60.
- Григулевич Н. И., Дубова Н. А., Остапенко Л. В. и др. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 267. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2575296>
- Григулевич Н. И. Экологические вызовы в малых русских городах в начале XXI в. // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень: 2–6 ноября 2020 г. Вып. 6. / Отв. ред. Н. П. Матвеева, Н. Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 250–253.
- Григулевич Н. И., Ямсков А. Н., Зыкина О. А. и др. Малые русские города в начале XXI века / отв. ред. Н. И. Григулевич, А. Н. Ямсков, Н. А. Дубова / ИЭА РАН. М.: Старый Сад, 2022. 412 с. <http://doi.org/10.33876/978-5-89930-170-4/1-412>
- Дебольский В. К., Григорьева И. Л., Комиссаров А. Б. Изменение химического состава воды в Волге от истока к устью в летнюю межень 2009 г. // Охрана окружающей среды и природопользование. 2011. № 3. С. 68–73.
- Кабицкий М. Е., Артемова О. Ю., Мартынова М. Ю. (ред.). Малые города, большие проблемы. Социальная антропология малого города. М.: ИЭА РАН, 2014. 358 с.
- Каульбарс А. А. Отчет о результатах эксперто-аналитического мероприятия «Анализ результативности принятых мер по экологической реабилитации водных объектов в 2012–2019 годах и истекшем периоде 2020 года, а также оценка достижения показателей, предусмотренных документами стратегического планирования, касающихся экологического состояния водных объектов». <https://ach.gov.ru/upload/iblock/957/9572511e33202b74a7abc2199bc58da9.pdf> (дата обращения — 6 марта 2023).
- Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
- Мазур Л. Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: Сборник научных трудов / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Естественно-гуманитарный университет (г. Седльце, Польша). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 20–49.
- Мартынова М. Ю. (отв. ред.). Малый город в современной России. М., ИЭА РАН, 2010. 222 с.
- Остапенко Л. В., Субботина И. А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019. 290 с.
- Тищков В. А. (отв. ред.). Мы здесь живем: социальная антропология малого российского города. М.: РГГУ, 2013. 684 с.
- Черныш М. Ф., Маркин В. В., Баймурзина Г. Р. и др. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: [монография] / отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; предисл. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с. <http://doi.org/10.33876/978-5-89930-170-4/1-412>

Ярошенко А. Ю. Как вырастить лес: Методическое пособие. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: 2006. 48 с.

References

- Ardal'ianova, A. Yu., Biziukov, P. V., Braslavskii R. G. et al. 2019. *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii* [Small Towns in the Social Space of the Russian Federation]. Moscow: FNISTS RAN. 545 p. <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019>
- Belova, N. A. and M. Yu. Martynova (eds.). 2016. *Molodezh' v malyh gorodah Rossii. Zametki social'nogo antropologa* [Youth in Small Russian Cities. Notes of a Social Anthropologist]. Moscow: IEA RAN. 294 p.
- Chernysh, M. F., V. V. Markin, G. R. Baimurzina et al. 2021. *Malye goroda Rossii: novye vyzovy, sotsial'nye problemy i perspektivy* [Small Towns of Russia: New Challenges, Social Issues and Prospects]. Moscow: FNISTS RAN. 598 p. <http://doi.org/10.33876/978-5-89930-170-4/1-412>
- Debol'skii, V. K., I. L. Grigor'eva and A. B. Komissarov. 2011. *Izmenenie khimicheskogo sostava vody v Volge ot istoka k ust'i u letniuiu mezhen'* 2009 g. [Changes in the Chemical Composition of Water in the Volga from the Source to the Mouth in the Summer Low Water Period of 2009]. *Okhrana okruzhaiushchei sredy i prirodopol'zovanie* 3: 68–73.
- Grigulevich, N. I. 2020. *Ekologicheskie vyzovy v malykh russkikh gorodakh v nachale XXI v. In Ekologija drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tyumen'*: 2–6 noiabria 2020 g. [Ecology of Ancient and Traditional Societies: Proceedings of the Conference (Tyumen, November 2–6, 2020)], ed. by N. P. Matveeva, N. E. Rjabogina. Issue 6. Tyumen: Izd-vo TyumNTs SO RAN. 250–253.
- Grigulevich, N. I., N. A. Dubova, L. V. Ostapenko et al. 2018. *Naselenie malogo goroda Tsentral'noi Rossii v XXI veke. Pervye rezul'taty kompleksnogo issledovaniia v Beleve i Starits'e* [Population of a Minor Town in Central Russia in the 21st Century. First Results of Multidisciplinary Studies in Belyov and Staritsa]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. Issue 267*. Moscow: IEA RAN. 111 p. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2575296>
- Grigulevich, N. I., A. N. Yamskov, O. A. Zykina et al. 2022. *Malye russkie goroda v nachale XXI veka* [Small Russian Towns at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Staryi Sad. 410 p.
- Kabitskii, M. E., O. Yu. Artemova and M. Yu. Martynova (eds.). 2014. *Malye goroda, bol'shie problemy. Sotsial'naia antropologija malogo goroda* [Small Towns — Big Problems. Social Anthropology of a Small Town]. Moscow: IEA RAN. 358 p.
- Kaul'bars, A. A. 2020. *Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriiatija "Analiz rezul'tativnosti priinyatikh mer po ekologicheskoi reabilitatsii vodnykh ob'ektorov v 2012–2019 godakh i istekshem periode 2020 goda, a takzhe otsenka dostizhenii pokazatelei, predusmotrennykh dokumentami strategicheskogo planirovaniia, kasaiushchikhsia ekologicheskogo sostoianiia vodnykh ob'ektorov"* [Report on the Results of the Expert Analytical Event “Analysis of the Effectiveness of the Measures Taken for the Environmental Rehabilitation of Water Objects in 2012–2019 and the Beginning of 2020, and Assessment of the Achievement of the Indicators Provided for by the Strategic Planning Documents Concerning the Ecological State of Water Objects”]. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/957/9572511e33202b74a7abc2199bc58da9.pdf> (access date 06.03.2023).
- Lappo, G.M. 2012. *Goroda Rossii. Vzgliad geografa* [Towns and Cities of Russia. A Geographer's Perspective]. Moscow: Novyi khronograf. 504 p.
- Martynova, M. Yu. (ed.). 2010. *Malyj gorod v sovremennoj Rossii* [Small Towns in Modern Russia]. Moscow: IEA RAN. 222 p.
- Mazur, L. N. 2022. *Malye goroda Rossii: osobennosti formirovaniia istoriko-kul'turnogo landshafta* [Historical-Cultural Landscape and its Development in Small Russian Towns]. *Memorativnye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi: Sbornik nauchnykh trudov* [Memorative

- Landscapes of Small Towns in Russia and Poland], ed. by L. N. Mazur, D. Magier. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 20–49.
- Ostapenko, L. V. and I. A. Subbotina. 2019. *Provintsial'nyi russkii gorod v nachale XXI veka* [A Provincial Russian Town in the Beginning of the 20th Century]. Moscow: Staryi sad. 290 p.
- Tishkov, V. A. (ed.). 2013. *My zdes' zhivem: sotsial'naia antropologiiia malogo rossiiskogo goroda* [We Live Here. Social Anthropology of a Small Russian Town]. Moscow: RGGU. 684 p.
- Venitsianov, E. V. and N. V. Kirpichnikova. 2018. Problema regulirovaniia nekontroliruemых difuznykh zagraznenii vodnykh ob'ektorov [The Problem of Regulation of Non-Controlled Diffuse Pollution of Water Objects]. In *Ekologicheskie problemy basseinov krupnykh rek — 6: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, priurochennoi k 35-letiiu Instituta ekologii Volzhskogo basseina RAN i 65-letiiu Kuibyshevskoi biostantsii (15–19 oktiabria 2018 g. Tol'iatti)* [Environmental Problems of Large River Basins — 6: Selected Papers of the International Conference (Tolyatti, Oct. 15–19, 2018)], ed. by G. S. Rozenberg, S. V. Saksonov. Tolyatti: Anna. 58–60.
- Yaroshenko, A. Yu. 2006. *Kak vyrastit' les: Metodicheskoe posobie* [How to Grow a Forest: A Guidebook]. Mocsow. 48 p.

АНТРОПОЛОГИЯ ТОРГОВЛИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/121-143

Научная статья

© A. A. Новик

БАЗАР И ДЮКЯН, ЯРМАРКА И МАРКЕТ: ЭВОЛЮЦИЯ ТОРГОВЛИ В АЛБАНИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

В работе в парадигме антропологии анализируется происходящая в наше время трансформация форм и локусов торговли на западе Балкан на примере Албании, пережившей за столетие радикальную смену нескольких общественно-политических, экономических и идеологических формаций. Интерес к данной проблематике продиктован возрастающей ролью корпоративной антропологии, фокусирующейся на процессах управления персоналом в бизнес-сообществе с привлечением методик и подходов, принятых для изучения традиционных обществ. На протяжении многих столетий основными местами торговли, т. е. хозяйственной деятельности по реализации и обмену товаров, были рынки и ярмарки, не потерявшие своей актуальности до наших дней. Не менее значимое место занимали дюкяны — лавки-мастерские, в которых различные изделия производились и продавались в тот длительный исторический период, когда профессиональное ремесло являлось «индустрией» эпохи. Бурные события XX в., ознаменовавшиеся развитием технологий и производительных сил, ростом промышленности и сельского хозяйства, а как следствие — улучшением благосостояния и потребительским бумом, внесли существенные изменения в систему торговли и отношения людей к акту продажи — покупки. Расширяющиеся торговые связи с миром, глобализация экономических отношений и информационного пространства способствовали росту новых форм реализации товаров и услуг — прежде всего через сетевые магазины, супермаркеты и пр. Предлагаемый автором анализ является попыткой расшифровки сложного процесса отношений между продавцом и покупателем, производителем и потребителем товаров и услуг, человеком и обществом.

Ключевые слова: торговля, албанцы, Западные Балканы, хозяйственная деятельность, продавец и покупатель

Ссылка при цитировании: Новик А. А. Базар и дюкян, ярмарка и маркет: эволюция торговли в Албании в начале XXI в. // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 121–143.

Новик Александр Александрович — к. и. н., заведующий центром европейских исследований, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 3). Эл. почта: njual@mail.ru.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/121-143

Original Article

© Alexander Novik

BAZAR AND DYQAN, FAIR AND SHOP: EVOLUTION OF TRADE IN ALBANIA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

The paper in the paradigm of anthropology analyzes the current transformation of the forms and loci of trade in the western Balkans using the example of Albania, which has experienced a radical change in several socio-political, economic and ideological formations over a century. Interest in this issue is dictated by the growing role of corporate anthropology, which focuses on the processes of personnel management in the business community, using the methods and approaches adopted to study traditional societies. For many centuries, markets and fairs were the main places of trade, i. e. economic activities for the sale and exchange of goods, and they have not lost their relevance to this day. An equally significant place was occupied by dyqans — workshops in which various products were produced and sold in that long historical period when professional craft was the “industry” of the era. The turbulent events of the 20th century, marked by the development of technology and productive forces, the growth of industry and agriculture, and, as a result, the improvement of well-being and the consumer boom, made significant changes in the trading system and people's attitude to the act of sale — purchase. Expanding trade relations with the world, the globalization of economic relations and the information space have contributed to the growth of new forms of selling goods and services — primarily through chain stores, supermarkets, etc. The analysis proposed by the author is an attempt to decipher the complex process of relations between the seller and the buyer, the producer and consumer of goods and services, individuals and society.

Keywords: trade, Albanians, Western Balkans, economic activity, seller and buyer

Author Info: Novik, Alexander A. — Ph. D. in History, Head of the Center of European Studies, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Saint-Petersburg). E-mail: njual@mail.ru

For citation: Novik, A. A. 2023. Bazar and Dyqan, Fair and Shop: Evolution of Trade in Albania at the Beginning of the 21st Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 121–143.

Антропология торговли и корпоративная антропология: к исследованию Балкан

Возникшее в последние годы в науке о человеке направление корпоративной антропологии очень быстро стало популярным в Европе и Америке, постепенно расширяя круг последователей и свою аудиторию в России, Азии, странах Ближнего Востока и т. д. Очень быстро модная теория привлечения профессиональных ан-

тропологов для решения насущных проблем управления крупными корпорациями, разрешения кризисных ситуаций в кадровой политике и выработки стратегий развития бизнеса стала трендом в обучении персонала и всей корпоративной культуре ряда компаний, позиционирующих себя как лидеров на глобальном рынке товаров и услуг (Carrithers 2004: 433–456; Gudeman 2008; Antrosio, Han 2009; Brøgger 2009: 318–333; Hasbrouck 2018). Важной характеристикой такого вхождения антропологии в массы *трудящихся* бизнесменов стало не только и не столько использование принятых в антропологии/этнологии/этнографии методов и методологических подходов, системы классификации данных и анализа результатов, как привлечение самих антропологов в качестве экспертов для решения кризисных ситуаций. Так, лучшей бизнес-книгой Нидерландов в 2016 г. стала монография Даниэль Браун и Итске Крамер, опубликованная в 2015 г. на нидерландском языке и вышедшая уже в 2018 г. (очень оперативно!) в русском переводе под названием «Чему антрополог может научить топ-менеджера» (последовали и издания на английском) (Браун, Крамер 2018; Braun, Kramer 2019). Продолжением этой истории стало приглашение авторов в Россию для участия в бизнес-тренингах для персонала ряда компаний. Монетизация антропологических знаний стимулировала рост интереса к нашей дисциплине как со стороны бизнес-сообщества, так и широкой «любопытствующей» аудитории. В любом случае нужно признать, что тема культуры — этнической, религиозной, политической, корпоративной или любой другой — выходит на пик популярности. При возможной критике искусственного скрещивания антропологии и экономики (звучит и такая мысль, что этнологи-неудачники, не сумевшие получить ставку доцента или профессора ни в одном — ни то что солидном, а даже третьеразрядном университете, — подались в бизнес-консультанты и службы персонала, где пытаются «оригинальничать», притягивая за уши факты, практики и нормы далеких от центров «цивилизации» сообществ), факт остается фактом — чтобы заработать в сложном мире глобализирующейся экономики, нужно знать Человека — главного производителя, потребителя и законодателя товаров и услуг (см.: Fagerberg et al. 2005; Benson, Ugolini 2006; Baumol et al. 2009). Незнание природы Человека, его запросов и капризного, подверженного быстрым трансформациям потребительского это может привести к банкротству, полному краху создававшегося десятилетиями, а то и веками производства, выстраивавшихся торговых связей и механизмов взаимодействия с окружающим миром. Так, как отметили в своей президентской речи Джесси Стулман и Ахилл Гупта, обращаясь к членам Ассоциации американских антропологов в 2021 г., глобализация экономики приводит к глобализации социальных и культурных процессов, отменяя во многом научные приоритеты и тематику исследований предшественников. Текст обращения, вызвавший критику со стороны ряда исследователей, был опубликован в журнале «American Anthropologist» (Gupta, Stoolman 2022) и вызвал еще больший шквал критики в силу, прежде всего, нежелания видеть «новых людей и новые подходы в науке» (Thompson 2022).

В любом случае, общество состоит из потребителей товаров и услуг, а весь мир представляет собой колоссальную ярмарку, медленно, но уверенно распространяющую свои законы на все стороны жизни. Антропология торговли, довольно крепко стоящая на ногах дисциплина (существующая много десятилетий, но имеющая, как ни удивительно, не столь много последователей), и набирающая популярность корпоративная антропология, при очевидном тяготении к теоретизации, оперируют

в основном разновекторными эмпирическими данными, собранными в различных уголках земли и у разных сообществ, жонглируя фактами и сравнивая не поддающееся (как кажется) сравнению: тайм-билдинг в транснациональных корпорациях и отношение ко времени в угандинской глубинке, этническую, национальную (от понятия нация), религиозную и культурную «перекодировку» Тибета, начавшуюся в 1950 г. с вводом китайской армии, и внешнее антикризисное управление фармакологических и иных компаний и т. п. (Браун, Крамер 2018).

В настоящем исследовании мы обратимся к анализу отношений человека и общества через систему и культуру потребления в Албании на рубеже XX–XXI веков. Торговля этой балканской страны (получившей независимость в 1912 г. от Османской империи), равно как и экономические условия ее функционирования, пережили за последние 30 лет кардинальные трансформации. Возможно, Албания является наиболее показательным примером сдвига экономической модели потребления на всем европейском континенте, так как ее развитие демонстрирует удивительную череду трансформаций в течение относительно короткого временного периода — от планового распределения продовольственных и промышленных товаров первой необходимости (при котором страна сохраняла устойчивое «лидерство» в рейтинге наиболее бедных стран континента до середины 1990-х) до либеральных экономических и социальных реформ невиданного масштаба, обрушивших прежнюю систему хозяйствования, а вместе с ней и всю систему потребления, приведших как к массовой трудовой миграции, так и к очевидному росту экономики — до того уровня, что позволяет говорить о самых высоких цифрах прироста ВВП в Европе (Смирнова 2003: 356; INSTAT 2023). Попробуем разобраться в механизмах взаимодействия производства и потребления, законов глобального рынка и моды на новое, вкусов и предпочтений, иными словами «традиционного и инновационного».

Торжище/рынок/базар и ярмарка — товар и покупатель

Самой архаичной формой торговли на Балканах, сохранившейся до наших дней, следует признать реализацию и приобретение товаров на торжищах: постоянных рынках, временных базарах и ярмарках, собирающихся с определенной периодичностью и приуроченных к определенным праздникам и дням календаря. Албания, остававшаяся преимущественно аграрной страной до конца XX столетия (еще в 1980-е годы более 80% ее населения проживало в сельской местности), очень долго оставалась приверженной той системе снабжения, которая была привычна, понятна и доступна большинству (Новик 2022б: 109–110; INSTAT 2023) (Рис. 1, 2). Еще в эпоху Античности скотоводческое население горной глубинки спускалось к возникшим с началом греческой и позже римской колонизации городам-полисам, чтобы обменять мелкий рогатый скот, молочные продукты, шкуры и прочие плоды своего труда и дары природы на необходимые в хозяйстве металлические орудия и инструменты, оружие, украшения и др. (ср.: Иванова 2006). В отдаленных от центров «цивилизации» местах также возникали рынки, на которые прибывали жители различных *краин*¹, чтобы продать излишки своего производства и приобрести, а не-

Рис. 1. Уличная торговля. Голем, деревня, округ Каваи, Албания. Сентябрь 2022 г. Фото А. А. Новика. Рис. 2. Уличная сцена. Голем, пляж, округ Каваи, Албания. Август 2021 г. Фото А. А. Новика.

редко — выменять, необходимое в хозяйстве — как результаты деятельности своих соседей, так и «заморские» товары, являвшиеся на протяжении длительнейшего периода показателем престижного потребления и мерилом благосостояния (Gjergji 1988; Tirta 2006). Нередко такие торжища собирались в определенных местах, считавшихся сакральными, и именно у священных камней, деревьев и т. п. (в которых по определению нельзя было конфликтовать, вступать в ссоры и уже тем более воевать), затем, с распространением христианства, а позже ислама, люди для торговых сделок стекались к религиозным местам поклонения: храмам, монастырям, текке и др. (Tirta 2004: 48–62, 91, 332–339; Dugushina, Novik 2023: 49–67). Нередко торговые зоны близ таких точек притяжения становились перманентными: торговля в них не затухала в течение всего года, за исключением определенных дней и периодов. Иногда ярмарки могли собираться и раз в году — в этом случае к ним серьезно готовились, как продавцы, так и потенциальные покупатели (Shkodra 1973).

Порой такая система торговли — приход жителей удаленной глубинки для обмена излишками своего производства в определенную точку — приводила к возникновению небольших населенных пунктов и даже крупных городов (ср.: Pulaha

¹ Краина (алб. *krahin/ë, -a*) — историко-этнографическая область.

1984; McCormick 2002). Так, уже в XX в., буквально на наших глазах, возник на месте небольшого поселения город Пука, центр краины Пука на севере страны. Через эту территорию, населенную прежде преимущественно скотоводами, римляне первыми проложили дорогу, соединявшую Адриатическое побережье — вначале по водному пути, затем — по сухе — крупнейший урбанистический центр Скутари/Скадар/Шкодра на берегах одноименного озера и рек Буна/Бояна и Дрин с важнейшими городами во внутренних районах запада Балканского полуострова — для современного состояния прежде всего это Призрен¹. Как и было принято у римлян, дорога прошла по вершинам гор, а не у их подножий, чтобы предупредить возможные вражеские нападения с высоты и обеспечить бесперебойное функционирование транспортной артерии. Через определенные участки дороги по правилам строились укрепленные посты. К ним и приходили с торговыми целями жители окружающих гор. С течением столетий, с уходом римлян и приходом других завоевателей, роль магистрали редуцировалась, однако местные по сложившейся привычке собирались у привычных пунктов, чтобы обменять шерсть, брынзу и другие продукты на товары, необходимые в хозяйстве. В османский период в Пуку были присланы представители администрации, обосновавшиеся в традиционном месте сбора крестьян. Вместе с ними поселились ремесленники и торговцы, обеспечивавшие нужды территории. Так сложилась уникальная ситуация: в краине с сугубо католическим населением, не изменившим вере предков за пять столетий правления Порты, центром стал административный пункт, в котором жили исключительно мусульмане — представители центральной власти и торгово-ремесленного сословия (АМАЭ 2010).

В годы строительства социализма — с 1944 по начало 1990-х — власти Тираны, руководствуясь общими принципами развития всех регионов страны, по плану, заимствованному у советских товарищ, построили в городке Пука, насчитывающем сейчас около 3 тыс. жителей и являющимся административным центром района (INSTAT 2023), школу, детский сад, дом культуры, магазин и прочие, предусмотренные для «столичных» пунктов, учреждения. Визит Энвера Ходжи (родился в 1908 г., годы правления 1944–1985), состоявшийся в годы активного построения нового общества, вспоминают здесь до сих пор (ПМА 2010). В отличие от других регионов страны, где эпоху монизма принято открыто критиковать или скромно замалчивать, в Пуке тот «исторический» приезд лидера Партии труда и бессменного руководителя государства, страстно боровшегося как с капиталистическими империалистами, так и с ревизионистами идей Маркса–Ленина–Сталина, музеефицировали: в доме культуры, где выступал лидер перед собравшимися жителями города и краины, сохранили практически не тронутым все убранство — кресла, занавеси из плюша и пр. Более того, здесь висят черно-белые фотографии того времени, запечатлевшие выступление руководителя (или диктатора) в далеких 1980-х.

Однако Пуку урбанистическим центром, пусть и минималистическим даже на фоне такого небольшого государства как Албания, сделали не визит «товарища Энвера» и партийные планы, а именно законы развития торговли. В этот пункт по традиции прибывали жители района, чтобы сбыть излишки своего хозяйства и обзавестись необходимым. Собирающееся с заведенной регулярностью торжище обеспечивало рост населенного пункта. А неповоротливая в годы строительства со-

циализма система государственной торговли не позволяла обеспечить жителей всем необходимым, что оставляло за традиционным рынком пальму первенства в части снабжения людей продуктами питания (Смирнова 2003).

Слом политической системы в начале 1990-х привел к краху системы торговли: опустели полки государственных магазинов, нарушилось снабжение, закрылись предприятия, выпускавшие продовольственные и промышленные товары. Главным местом, где можно было купить продукты, одежду, обувь и прочие товары первой необходимости, стал рынок/базар — как и несколько тысячелетий назад. Даже в столице страны Тиране довольно долгий период окна, двери и витрины магазинов оставались заколоченными: было нечего отпускать даже по талонам, которые выдавались населению; исключение составлял хлеб, который продолжали выпускать хлебозаводы (ПМА 1992). На этом фоне главным местом сосредоточения торговли стал рынок (алб. *Tregu i zi*, ‘Черный рынок’, как называли его жители столицы и приезжие), где можно было купить по спекулятивным ценам почти все необходимое, с главным условием, несомненно — для этого нужно было обладать приличными средствами, которых не было у большинства жителей страны.

В городе Пука, на котором мы остановились более подробно из-за его очевидной репрезентативности, двери государственной торговли захлопнулись очень быстро. Зато предложение на местном рынке стало значительно большим: ограничения, которые действовали при социализме, законы, запрещавшие частную собственность и предпринимательскую инициативу, рухнули в одночасье, крестьяне и горожане могли уже свободно продавать и обменивать то, что производили, и покупать то, в чем нуждались. Новая «генерация» бизнесменов — местных и заезжих — стала продавать на стихийно возникшем рынке без особых правил и строгого регулирования товары из других краин и из-за рубежа: замороженное мясо и птицу, крупы и макаронные изделия, консервы и пр. (ср.: Новик 2022а: 112). Крестьяне из округи включились в товарообмен со своими ключевыми продуктами: бараниной, бобовыми, овощами, фруктами, грибами и др. Именно грибам, прежде всего белым, суждено было стать основным торговым брендом краины (ПМА 2010; 2022). Исторически так сложилось, что в Албании, даже в отличие от соседних стран по Балканскому полуострову, а не только от других регионов Европы, сбор грибов никогда не являлся традиционным занятием, более того — грибы игнорировались в подавляющем большинстве краин страны. Крестьяне и горожане остерегались их собирать ввиду очевидного страха перед отравлением. До настоящего времени грибы не входят в рацион большинства албанцев. Лишь европеизация системы питания и коммерциализация общепита, вызванные демократизацией общественной жизни и глобализационными процессами, диктуемыми как законами рынка, так и расширяющимся информационным пространством, привели к появлению в меню кафе и ресторанов грибов — главным образом шампиньонов и белых. И те и другие — плод влияния европейской, в случае с Албанией — прежде всего итальянской кухни. Шампиньоны, наряду с тем, что их ввозили из-за рубежа, как многие продукты питания, стали массово выращивать в самой стране, приспособив под них многочисленные военные бункеры, возведшиеся в годы социализма для отражения вражеского вторжения (см.: Смирнова 2003). Потеряв свою актуальность и стратегическое значение, эти сооружения стали прекрасным местом разведения грибниц, чем не упустили

¹ Сам топоним *Puka* восходит, очевидно, к лат. *via publica*, ‘общественная дорога’.

воспользоваться местные коммерсанты (Рис. 3). А вот белые грибы на общенациональный стол стали поставлять сборщики из Пуки. Белые и иные виды грибов сельские жители здесь собирали традиционно, а рынок грибов был самым богатым в стране. На фоне сложения спроса в общегосударственном масштабе в последние годы был создан торгово-промышленный альянс «АгроПука», контролирующий сбор, закупку и реализацию грибов, поставляемых в рестораны и торговые сети страны, а также реализуемых в розницу на рынках в разных городах (AgroPuka 2023).

Рис. 3. Центральный рынок в г. Приштине с рекламой шампиньонов. Косово. Сентябрь 2021 г. Фото А. А. Новика.

В 2000-е годы на средства Италии был реализован проект по реконструкции римской дороги на участке от города Кукес до Шкодры, проходящей через всю страну Пука. Наличие новых транспортных артерий, построенных на деньги Евросоюза в это же самое время (прежде всего автострады “*Ruga e Kombit*”, алб. ‘Дорога Нации’, связавшей косовские Призрен и Приштину с Тираной), сделало старый римский путь экономически бесполезным — по узкой дороге в две колеи с прекрасным асфальтовым покрытием практически никто не ездит. Автор мог убедиться в этом: проехав в солнечный сентябрьский день из Кукеса в город Пука и далее в Шкодру, он встретил на горной трассе с прекрасными, живописными видами (включая морские) лишь несколько легковых автомобилей и грузовичков местных жителей (ПМА 2010). Зато возрожденная магистраль призвана символизировать неоспоримую роль

великой римской культуры и мощь Римского государства для Западных Балкан, а ее экономическая задача в наши дни — сделать, если и не сейчас, то в будущем доступным местный туризм, прежде всего агротуризм и гастрономический туризм (см.: Новик 2022а: 118–125). Что касается города Пука, то именно грибной рынок и возможность отведать блюда с грибами приводит сюда отечественных и зарубежных туристов, пусть сейчас и немногочисленных. Место, бывшее прежде точкой обмена и торга крестьян из округи, стало в наши дни Меккой гастрономического туризма, в которую приезжают, чтобы купить «самые свежие», «самые вкусные», «самые экологически чистые» и «самые полезные» белые грибы (ПМА 2010; 2022). Краина, в которой вовсе отсутствует промышленное производство, может «заработать свой бюджет» своими грибами и своим рынком.

Дюкян, маркет и бутик — быть ближе к семье и покупателю

Самой массовой в современной Албании формой торговли является реализация через магазины (INSTAT 2023), которые в стандартном/литературном языке носят названия *dyqán, -i, markét, -i, minimarkét, -i, supermarket, -i, butík, -i* и др. Номинация *дюкян* (из тур.) отсылает к периоду османского правления и в своем первоначальном значении обозначала лавку-мастерскую, в которой изделия изготавливались и продавались. Несмотря на турецкое происхождение названия реалии, такая форма торговли была заимствована из более раннего периода — во времена Античности ремесленники производили свои товары и продавали их зачастую на одном месте (если производство не требовало особых условий, как, к примеру, у кожевников или гончаров). Своего апогея организованная таким образом форма производства и продажи ремесленных изделий и некоторых продовольственных товаров достигла в эпоху Византии, в которой государственные предписания строжайшим образом планировали, регламентировали и контролировали изготовление и реализацию пищевых продуктов и вещей: одежды, украшений, оружия и пр. (Shkodra 1973). В Константинополе решали, на чем будут специализироваться те или иные регионы необъятной империи. К примеру, западные районы Балканского полуострова получили предписание производить шелк-сырец. А ткачи, специализирующиеся на изготовлении драгоценных шелковых златотканых тканей, сосредоточивались в столице. Там же было предусмотрено определенное количество мастеров-портных, которым позволялось шить одежду из этих тканей. Число их мастерских также регламентировалось, более того, на законодательном уровне решалось, на какой торговой площадке и в каком конкретном месте рынка они должны были работать. Такие строгие подходы, по замыслу правителей, должны были обеспечить честную конкуренцию и не позволить необоснованного завышения цен. Пришедшие в XIV–XV веках османские завоеватели, при кардинальном сломе общественной, идеологической, религиозной и культурной систем, сохранили почти без трансформаций форму хозяйственной деятельности (Shkodra 1973). Цеховая и торговая организация продолжили свое существование почти в неизменном виде, получив лишь новые идеологические штампы, заимствовав ориентальную лексику и внешне признав господство шариата в решении хозяйственных и проч. споров (ср.: Pulaha 1984).

В албанских землях такая система торговли, базирующаяся на цеховой организации, просуществовала до начала XX в., а в некоторых сферах, к примеру, в ювелирном

деле, еще дальше. Капиталистические формы хозяйствования очень медленно прокладывали себе путь, а короткий период королевского, республиканского и снова королевского правления (с 1912 по 1944 г.) в независимой Албании до Второй мировой войны не позволил существенно трансформироваться торговле (Смирнова 2003).

Приход к власти коммунистов во главе с Энвером Ходжей знаменовал собой период почти тотального запрета частной собственности на средства производства, на частную торговлю и любые негосударственные формы предпринимательской деятельности. Государство, бравшее пример со старших товариществ по строительству социализма (прежде всего СССР и Китай), практически ликвидировало прежнюю систему торговли, а имевшиеся торговые точки и предприятия были национализированы. Вместе с тем, партийное руководство осуществляло плановое снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости, для чего требовалось возведение магазинов, рынков и проч. в местах, в которых прежде и вовсе не было торговых площадей — речь идет прежде всего о сельской глубинке. Так, в отдаленных районах, развивающихся населенных пунктах, рабочих поселках на государственные средства, а также на деньги сельскохозяйственных кооперативов возводились школы, детские сады, а также магазины и кафе — последние нередко размещались под одной крышей (см.: Novik 2022: 236–263). Как правило, магазины и кафе, носившие в современном албанском языке название *lokal*, *-i*, функционировали во всех без исключения населенных пунктах. В сельской местности они являлись центром общественной жизни, куда отправлялись за продуктами, необходимыми товарами и не в меньшей степени за тем, чтобы за чашкой кофе или рюмкой ракии узнать последние новости села и страны. В идеологическом плане они составили конкуренцию церкви или мечети: люди узнавали о происходящем у себя в комьюнити, краине или мире не от священника или ходжи/имама, а от бригадира, бармена или продавца. В условиях гонений на институт церкви такой поворот событий власть предержащим казался очень позитивным и выигрышным (см.: Novik 2022: 236–263).

Однако развитие сети торговых точек в городе и на селе не смогло справиться с тотальным дефицитом товаров повседневного спроса и продовольствия: почти все годы существования социалистического строя Албания сохраняла в той или иной форме карточную систему распределения. Восстановив с помощью СССР экономику к концу 1950-х годов, нарастав темпы индустриализации с помощью Китая в 1960-е, страна стала скатываться в абсурдные реформы 1970-х, когда был принят лозунг развития «с опорой на собственные силы».

Я поехал однажды на служебной машине в село, а там в магазине продавали лук. И лук такой хороший! У нас в Тиране вообще такой купить было нельзя. А здесь в селе у людей в хозяйствах свой лук есть, выращивают на огородах. А им в магазин сельский завезли большое количество лука, целый грузовик, по всему видно. Я тогда накупил целый багажник — и себе, и своим друзьям. Все были рады. Тогда много было абсурдного в снабжении — товары отпускали не туда, где в них нуждались, а по распределению, как вздумается чиновникам, по плану, что ли.

[Информант албанец из Люми-и-Влерес, 65 лет, бывший военный, беседа записана в сентябре 2017 г.] (ПМА 2017).

Пустые полки магазинов явились, совершенно очевидно, одной из основных причин крушения режима монизма в Албании в начале 1990-х. Люди, уставшие от беспроблемного дефицита, не хотели мириться с ситуацией многолетнего выживания в поисках необходимых продуктов и товаров первой необходимости. Система планирования и распределения, сыгравшая, безусловно, положительную роль в индустриализации страны, образовании населения, развитии медицины и прочих отраслях, не смогла удовлетворить растущие потребности людей в товарах, продуктах питания и услугах. Массовая миграция, коллапс экономики, разрушение хозяйственных связей привели к почти полной ликвидации торговой сети (Смирнова 2003). В начале 1990-х годов, как отмечалось выше, в Тиране не работал почти ни один магазин — все необходимое люди покупали на стихийно образовавшихся рынках. Очень медленно система торговли стала восстанавливаться после 1992 г., после оказания помощи государству международным сообществом. Но эти изменения контролировались уже не государством, а частниками. Прежние магазины государственной торговли выкупались предпринимателями, часть их возвращалась прежним владельцам в силу принятого закона о реституции. Не всегда магазины возрождались по своему профилю, в работе коммерческие предприятия руководствовались прежде всего экономической целесообразностью. Так, к примеру, в помещении овощного магазина в Студенческом городке в Тиране, снабжавшего картофелем, капустой и яблоками весь район, выкупившие помещение братья Люжа устроили «бюджетную» столовую, успешно функционирующую до настоящего времени (ПМА 2021; 2022). А в помещении квартальной пекарни в Гирокастре получивший ее по реституции бывший собственник устроил в 2010-е годы миниотель (в котором автору довелось останавливаться в 2018 г.).

Особенность развития современной Албании — привлечение в дело средств мигрантов, покинувших страну в разные годы. Если для ряда государств характерен вывоз капиталов, то для этой балканской страны особенным является упорное желание со стороны гастарбайтеров поддержать материально не только свои семьи, оставшиеся дома, но и родину. Так, заработанные за рубежом средства направляются на открытие небольших бизнесов, прежде всего кафе и магазинов. Очень часто дномочадцы не имеют никакого экономического образования и действуют «по наитию». Нередко доморощенных бизнесменов критикуют за отсутствие фантазии — заведения общепита и магазины очень часто выглядят похожими и предлагают однотипные товары. Но их количество впечатляет даже искушенных европейских туристов. Так, по числу заведений общепита на душу населения Албания занимает второе место в Европе, уступая лишь законодательнице в сфере туризма Испании, а по числу магазинов такой сравнительной статистики пока нет, но можно прогнозировать также весьма показательные цифры (INSTAT 2023).

Нередко магазины, открывавшиеся в городах, предлагают товары из тех стран, в которых работают их реальные владельцы, а родственники, начавшие на их деньги бизнес, приспосабливаются к условиям сделок. К примеру, магазины автозапчастей к «мерседесу» чаще всего содержат владельцы, проработавшие или продолжающие работать в Германии и, соответственно, имеющие связи и способные наладить необходимые поставки. «Магазины итальянской обуви», понятно, снабжаются родственниками, живущими в Италии.

В ведении бизнеса помогают не только родственные связи и имеющее место местничество, но и репутация Албании как страны небогатой, с небольшим населением и требующей особого подхода.

У меня два магазина обуви на улице Мюслюм Шюри. Я торгую только известными брендами. Это Bot<...> и Bald<...> У вас в России, знаю, они очень дорого стоят. Они и в Италии дорого стоят. Вашим бизнесменам, которые приезжают договариваться на фабрики, скидок почти не дают — итальянцы знают, что в России все можно продать по большим ценам. А мне они дают очень хорошие скидки. Я из Албании. У нас платежеспособность населения низкая. И населения мало. Итальянцам важно, чтобы хоть что-то продавалось за рубежом. И мне отпускают по оптовой цене 150 евро за пару, условно, приблизительно. А вашим русским по 400 евро! Я делаю наценку. Пусть даже в два раза. Но это дешевле, чем русские покупают на фабриках в Италии! И сколько они потом еще накручивают?!

[Информант албанец из Тираны, 50 лет, предприниматель, беседа записана в сентябре 2018 г. в г. Будва, Черногория] (ПМА 2018).

Зарубежные товары оказывают влияние и на стиль ведения бизнеса.

Инф.: Хозяин обеспечивает 1 кофе в день.

A. H.: Это что значит? Он для персонала покупает 1 чашку в день?

Инф.: Да, нам приносят после 12. Мы имеем бесплатно по кофе в день. Мелочь, а приятно. За месяц так евро 20 набегает. Я утром и сам кофе пью, на свои деньги. А здесь бонус от хозяина. Нам доставляют.

[Информант албанец мусульманин-суннит, 32 года, из Мальсии-и-Тиранес, продавец магазина мужской одежды в Тиране, интервью записано по-албански в апреле 2023 г. в WhatsApp] (ПМА 2023).

У нас турецкий бизнес. Мы продаем костюмы, пальто, сорочки для мужчин. Все — турецкого производства. Ты носишь Турцию? Я вот ее не люблю. У меня только одна куртка есть турецкого производства. Еще одни брюки. А так я в турецком производстве разочаровался. Я лучше куплю брендовый секонд-хэнд: из Америки или Европы. Может быть, я со временем куплю себе костюм — один из тех, что продаю. Но мне пока не очень надо. Посмотрю. Каждому мужчине нужно иметь в гардеробе хотя бы один костюм. Но пока молодой, это не так обязательно.

[Информант албанец мусульманин-суннит, 32 года, из Мальсии-и-Тиранес, продавец магазина мужской одежды в Тиране, интервью записано по-албански в мае 2023 г. в WhatsApp] (ПМА 2023).

Общую картину функционирования системы торговли в Албании составляют, тем не менее, не фирменные специализированные магазины итальянской обуви, немецкого автопрома или турецкой одежды, а «старые, добрые» квартальные магазины, в которых местные жители приобретают самые необходимые продукты питания и сопутствующие товары: молоко, брынзу, творог, питьевую воду, соки, колбасные изделия, сигареты и пр. Хлеб в таких магазинах, к слову не продается: за ним от-

правляются в ближайшую пекарню, где наряду с выпечкой предлагают различные кондитерские изделия и популярные напитки — залэ (йогурт с сывороткой/водой), кос (йогурт), айран и др. Также в таких магазинах не бывает свежего или замороженного мяса и птицы — за ними албанцы отправляются в специализированные лавки, где происходит разрубка туш и продажа мясных продуктов (Новик 2022а: 116–117). Несмотря на галопирующий рост числа супермаркетов и торговых центров в последние годы, большинство покупок албанцы совершают ежедневно именно в ближайших небольших магазинах, название которых в разговорном языке весьма подвижно: дюкян, маркет и пр. Как правило, продавцы и покупатели хорошо знают друг друга и акт торговли сопровождается непродолжительной, а иногда и долгой беседой. В таких магазинах можно заказать отсутствующий товар или попросить рассрочку. В отличие от «больших» и «фирменных» магазинов, квартальные точки зачастую не имеют индивидуального названия: на их вывесках просто красуется *“Market”*. Здесь нередко узнают новости о соседях и жизни в районе, любых происшествиях, делятся радостными и печальными событиями в семье.

О важности таких заведений торговли говорит хотя бы тот факт, что в начале пандемии коронавируса в 2020 г. правительство, не зная, как реагировать на распространение болезни, запретило албанцам выходить из дома, сделав исключение только для похода в квартальный магазин. Именно мелкая розничная торговля обеспечила бесперебойное снабжение населения продуктами питания и товарами первой необходимости (ПМА 2020).

В последние годы исключительную популярность стали набирать и магазины, позиционирующие себя как заведения торговли экологически чистыми продуктами (см.: Домосилецкая, Новик 2022: 9–31). Как правило, такие магазины являются семейным бизнесом: старшее поколение трудится в селе, а младшее реализует молочную или мясную продукцию, мед, лечебные травы и пр.

Супермаркеты и общество

Изменения системы торговли в Албании — в количественных и качественных показателях — стали особо зримо наблюдаться с начала 2000-х годов (INSTAT 2023). Период перехода от социалистической плановой системы хозяйствования к капиталистической рыночной экономике в стране проходил сложно: от тотального дефицита продуктов и услуг начала 1990-х до изобилия на прилавках и в сфере обслуживания прошло десятилетие, полное различных потрясений, включая травмирующий опыт расцвета и банкротства финансовых пирамид 1997 г. и Косовский кризис 1999 г. (Мартынова 1998; Glenny 2001). Лишь последующая стабилизация политической, экономической и социальной ситуации смогла обеспечить бесперебойное функционирование торговли, снабжение населения всеми необходимыми товарами и услугами и развитие торговой сети как в крупных городах, так и в глубинке. В Албании с начала 2000-х годов стали открываться крупные универсамы — как с установленным отечественным, так и зарубежным капиталом; понятно, что первые из них открыли свои двери в крупных городах — прежде всего в столице Тиране и портовых Дурресе и Влёре.

Очень активной является итальянская торговая сеть *“Conad”*. Она смогла развернуть торговлю в крупнейших албанских городах и в приморской курортной зоне

(к примеру, в Големе, округ Каваи). В столице супермаркеты “Conad” расположены в знаковых точках: в торговом центре на берегу Ляны, на улице Эльбасана напротив филологического и исторического факультетов Тиранского университета и т. д. Свое присутствие в стране компания маркирует массированной рекламой, размещаемой на придорожных стендах, баннерах, в социальных сетях и пр. Одной из первых эта торговая сеть открыла доставку продуктов на дом (ПМА 2020).

Открытие итальянских супермаркетов и их успешное функционирование в стране — особенно в течение последнего десятилетия — говорят о сложных механизмах смены потребительской парадигмы в Албании и привыкании населения к глобальным трендам коньюминга. Албанцы, обделенные в течение по крайней мере полувека в выборе продуктов питания, товаров первой необходимости и предоставлении элементарных услуг, стали «с остервенением» наверстывать упущенное: они стали покупать и пробовать то, что прежде было недоступным, в больших объемах и «без разбора» (АМАЭ 2021). Именно на этот ажиотажный спрос были направлены таргетированная реклама и предложение ассортимента открывшихся супермаркетов. Покупатели отправлялись в магазины с целью купить и попробовать нечто такое, чего не было прежде в доморощенной торговле: прежде всего это были мясные и молочные продукты, кондитерские и мучные изделия, напитки, алкогольная продукция и пр. (см.: Новик 2022а: 108–109). Вместе со съестным ассортиментом тестировались средства личной гигиены, косметика, бытовая химия, товары для дома и отдыха и пр. Новомодные покупки постепенно расширяли потребительский горизонт приходивших за покупками и вызывали у части покупателей зависимость от товаров, которые прежде были им неведомы (или забыты — как в случае с мясными деликатесами). Так, часть албанцев «влюбилась» в итальянские и французские сыры с белой, голубой благородной и красной плесенью, другая же часть их попробовала, но осталась приверженной домашним сырам и брынзе (см.: Новик 2022а: 108–109).

Прочно заняла свое место на албанском столе продукция итальянских кондитеров и булочников: к примеру, выпекаемые в Италии к Рождеству и Новому году, а также к Пасхе пироги и кексы в Албании продаются чуть ли не круглогодично, так как здесь нет их обязательной привязки к праздничному циклу (с одинаковой охоткой их едят и католики, и православные, и мусульмане разных направлений), а итальянские сети, направляя потоки в Албанию, избавляются таким образом от возможной просрочки и неликвида.

Совершенным триумвиратором продаж является кофе — итальянские производители прочно удерживают пальму первенства по реализации.

Ты знаешь, у меня зависимость от кофе. Я без него не могу. Если я не выпью чашку кофе с утра, у меня к обеду уже начинает болеть голова. А это уже точно зависимость. Я пробовал не пить кофе — не получалось. И кофе я люблю хороший, итальянский.

[Информант албанец, 66 лет, пенсионер, бывший ученый и профессор, запись разговора в Големе, округ Каваи, в сентябре 2021 г.] (ПМА 2021).

Извлечение прибыли — лишь одна сторона медали.

Инф.: Ты знаешь, в Албании нет чего-то среднего в торговле. Здесь либо дорогое супермаркеты, либо идешь на рынок — и покупаешь там, как 30 лет назад, чуть не с земли, дешево. Я в Германии иду в сетевой супермаркет и на 100 евро покупаю целую корзину, на колесиках, продуктов. Еле ее качу. А здесь на 100 евро я покупаю только небольшой пакет еды.

А. Н.: Да, но здесь ты идешь в супермаркет и покупаешь качественные итальянские продукты. Поэтому и платишь дорого. А в Германии ты берешь массовый дешевый товар, во всех этих Aldi, Penny Markt и пр.

Инф.: Все так! Но здесь нет выбора — или дешево на рынке, или очень дорого.

[Информантка албанка из Северной Македонии, научный сотрудник, хабилитированный доктор наук, около 50 лет, живет в Германии, запись разговора в Приштине, Косово, в августе 2022 г.] (АМАЭ 2022).

Инф.: Вообще, что за цены? Я вчера спустилась сделать несколько страниц ксерокопии. 1 страница — 50 центов! У нас в Америке в десять раз дешевле.

А. Н.: А ты где делала? У нас в Студенческом городке [в Тиране] все эти услуги копейки — для студентов и тех, кто знает.

Инф.: Я понимаю. Я живу здесь в Блоке — это самое дорогое место Тираны. На первом этаже нотариус. Очень удобно — спустилась, и все рядом. Но цены! Это не для меня называли прайс. Там он был указан на вывеске — значит, люди делают, те, кому некогда искать.

[Информантка албанка, профессор Университета Иллинойса, США, запись разговора в Приштине, Косово, в августе 2022 г.] (АМАЭ 2022).

У нас в супермаркетах очень дорого. Там можно лишь что-то купить. А так покупать себе продукты там вообще невозможно. Я могу позволить себе купить прошутто [итальянская ветчина]. — А. Н.], немного. И так что-нибудь вкусное, чего нет в других магазинах.

[Информант албанец мусульманин-суннит, 31 год, из Мальсии-и-Тиранес, агент по недвижимости в Тиране, интервью записано по-албански в мае 2022 г. в WhatsApp] (ПМА 2022).

Блеск витрин и «деревенщина»

Стремительное вхождение в общественную жизнь, быт и привычки потребления албанцев сетевых магазинов крупных зарубежных и отечественных компаний привело к трансформации культуры торговли, но не изменило на 100% вид и характер коммерческих связей, презентацию бизнеса и состав задействованных акторов цепочки производитель — посредник — продавец — потребитель. Не секрет, что в мире деловых отношений на западе Балкан исключительно важную роль играют семейные, клановые и групповые интересы: так, при старте любого предприятия будут вначале задействованы родственные связи, а потом уж применен мониторинг предложений на рынке. Иначе говоря, бизнес захотят начинать с родственниками, потом уже с друзьями и знакомыми и в последнюю очередь, не обнаружив подходящих

Рис. 4, 5. “Kush me shkon bluja apo bezha?” (алб. разговорный ‘Какой мне идет — синий или бежевый?’). Г. Тирана, Албания. Май 2023 г. ПМА А. А. Новика.

идей, кандидатур и капитала у близких, обращаются к внешним ресурсам, которые на-всегда останутся *чужими*. Так было во время господства мелкой розничной торговли — в качестве продавца привозили дочку брата или сестры из деревни, а шофером на доставку приглашали «не устроившегося по жизни» племянника. Такая же ситуация сохранилась и теперь: вакантную должность постараются предложить кому-то из *своих*, так как *своему* доверяют больше. Подобное местничество умеет пробить себе дорогу даже в крупных международных корпорациях — ведь в HR-отделах работают обычные люди с их человеческими проблемами, которым надо пристроить на работу кузенов, племянников и собственных детей. При этом в Албании можно наблюдать совершенно противоположные подходы к организации торговли.

Ряд торговых сетей, особенно международных, будут стараться подобрать персонал, который выгодно бы поддерживал имидж компаний — в первую очередь это касается магазинов одежды (Рис. 4, 5). Тотальный дефицит одежды и обуви в годы строительства социализма сменился «рогом изобилия» дешевых вещей, включая подержанные, хлынувшие в первые годы переходного периода 1990-х. Затем, постепенно и медленно, на албанский рынок пришли европейские и мировые бренды одежды — главным образом, второго и третьего ряда по ценовой категории и качеству (Новик 2022б: 106–107, 111–112; Armine 2022). Бутики роскошной и дорогой одежды и обуви из Франции и Италии также появились в столице, портовом Дурресе и других городах, но не они задают тон в вестиментарной торговле. Турецкие торговые сети *LC Waikiki*, *DeFacto*, *Koton*, *Mavi Jeans*, *Armine* и другие очень активно стали продвигать свой товар и добились значительных успехов на албанском рынке, используя площади, арендованные прежде всего в крупных торговых центрах, сверкающих стеклом и современными отделочными материалами. Актуальные, модные

(в любом случае в тренде времени) и недорогие вещи быстро нашли своих покупателей. А для их продвижения нужны «живые манекены» — продавцы, которые олицетворяют дух, стиль и динамику компании. Для работы в такие магазины отбирают девушек и парней «приятной наружности», готовых разделить «устремления и ценности корпорации» (как пишут в приглашениях на работу) (ПМА 2022). В действительности работодатели от турецкого бизнеса копируют модели ведения бизнеса в Турции: девушки-продавцы будут с точеными фигурами, а парни — с модной стрижкой, бородой и желательно привлекающими внимание татуировками. Именно они, по мнению рекрутеров, способны не только продавать готовую одежду, но и продвигать стиль торговых гигантов (АМАЭ 2007; ПМА 2023).

Владелец бизнеса сказал, что мне нужно выглядеть модно и хорошо. Я должен быть лицом бутика. Покупатели смотрят, как я одет — и от этого зависит их желание купить или нет костюм и пальто. Но я и так выгляжу хорошо. Мне говорить не надо. А сам хозяин тоже отлично выглядит, он ходит в фитнес, весь такой мускулистый, за собой следит.

[Информант албанец мусульманин-суннит, 32 года, из Мальсии-и-Тиранес, продавец магазина мужской одежды в Тиране, интервью записано по-албански в апреле 2023 г. в WhatsApp] (ПМА 2023).

Совершенно иначе складывается ситуация в торговле продуктами питания и предметами первой необходимости. Во-первых, таких магазинов просто больше в количественном плане, и для всех них просто не подобрать красивого, стиляного, высокопрофессионального персонала за скромное — скажем прямо — жалованье. Очень часто в супермаркеты берут на работу персонал без соответствующего обучения и опыта — для трудоустройства бывает достаточным кровное родство или знакомство с работодателем. Работе в торговом зале обучают на кратких курсах при приеме на работу, и вводный инструктаж не может вместить в себя всего объема знаний. При этом в магазинах ощущается текучка кадров. А изобилие продуктов и товаров, поступающих из-за рубежа и от местных производителей (Рис. 6, 7), зачастую незнакомо неопытным продавщицам: они не знают, как фасовать, готовить и потреблять значительную часть продовольственного ассортимента. К примеру, покупка *проциутто* (вяленой ветчины) итальянского производства или *шпека* (похожей вяленой ветчины) австрийской фабрики — это всегда квест даже в крупном

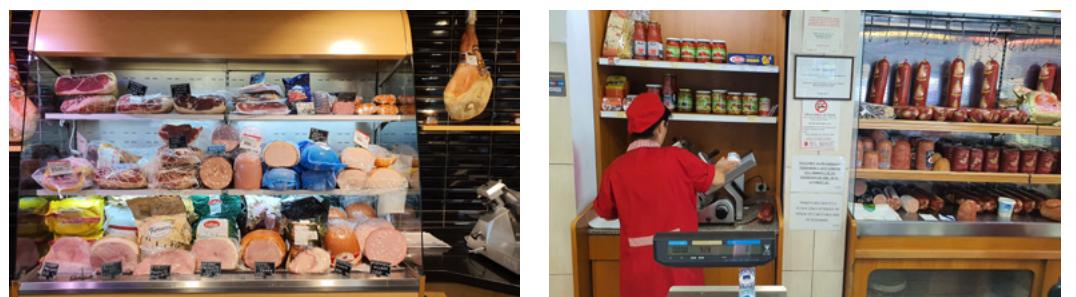

Рис. 6. В супермаркете сети “Extra”. Г. Дуррес, Албания. Август 2022 г. Фото А. А. Новика. Рис. 7. В специализированном мясном магазине фабрики “ЕHW”. Г. Дуррес, Албания. Август 2022 г. Фото А. А. Новика.

сетевом универсаме, особенно если он расположен в сельской местности или на периферии крупных городов.

А. Н.: Взвесьте мне, пожалуйста, 200 г пармского прошутто!

Продавец: Какого? Этого? (не очень понимая, о чем идет речь).

А. Н.: Да, вот этого. И Вы его очистите от шкурки?

Пр.: Да, я ведь сняла оболочку (сняла упаковку, но оставила прогорклую свиную кожу и подкожный жир).

[Разговор в супермаркете Big<...>, Голем, округ Каваи, записан в сентябре 2022 г.] (АМАЭ 2022).

У многих продавщиц (как правило, в Албании в наши дни за прилавком продовольственных супермаркетов работают почти исключительно женщины) нет, как было отмечено, опыта потребления многих западных продуктов, а потому и нет соответственно культуры их продажи.

Покупательница: Девушка, нарежь мне килограмм прошутто!

Продавщица: Вот этого?

Покупательница: Прошутто прошу, а не вареную ветчину. И зачем ты мне так отрезаешь? Ты мне нарежь тонко, а не одним куском. Вот деревня (своей подруге).

[Разговор в супермаркете Spa<...>, Голем, округ Каваи, записан в сентябре 2022 г.] (ПМА 2022).

Модернизация, глобализация, торговля и люди: выводы и перспективы

Эволюция системы торговли в Албании произошла столь стремительно на рубеже ХХ–XXI вв., что основные ее акторы — продавцы и покупатели — даже не заметили кардинальных изменений, коснувшихся этой одной из основных сфер жизнедеятельности, а если и заметили, то не смогли в полном объеме оценить все ее достоинства и недостатки.

Существовавшая на протяжении многих веков и даже тысячелетий система реализации товаров через ярмарки и торжища исключительно «съежилась» под брутальным натиском новых форм торговли, однако она не только не исчезла полностью, но в определенной степени укрепила свои позиции и застолбила за собой некоторые сферы деятельности — прежде всего, такие как продажа овощей и фруктов, зелени, лечебных трав и проч., имеющих отношение к продовольственной безопасности. Во многом такому укреплению позиций способствовал набирающий силу — под влиянием глобализма — тренд на потребление экологически чистых продуктов питания, получивших в Албании название *bio*. Однако не только мода на «органику» сохранила рынки/базары и ярмарки. В механизме их сохранения важнейшую роль сыграл здравый смысл — ведь реализация продуктов питания «напрямую» от производителя к покупателю, часто без посредника и продавца, гарантирует наибольшую свежесть продукции и наименьшую накрутку цены.

Почти полностью изжила себя система классических дюкянов, берущая начало в античный период, — когда в одном месте товары производятся и продаются. Совершенно объективны и понятны причины и факторы такого падения «индустрии» прошлого: развитие технологий, расширение рынка, рост производительных сил, «взрыв» возможностей и потребностей общества потребления, произошедший в ХХ в. Скорее удивительно, что данный сегмент торговли не канул в Лету, а сохранился в ряде отраслей, таких как ювелирное дело, производство традиционной одежды и некоторых других. Понятно, что такая форма производства и торговли претерпела колоссальные сдвиги — это уже не классические гильдия, цех или эснаф (алб. *esnaf*, -i, ‘цех ремесленников’ — из араб.) с их неизменными статутами, регламентацией и специализацией ремесла (см.: *Shkodra* 1973), а вольное плавание малых форм бизнеса в океанах рынка с неизменным пристальным вниманием к индивидуальному спросу капризных покупателей и заказчиков оригинального и особенного. Однако именно клиенто-ориентированность способствовала сохранению старомодных дюкянов; и определенный круг покупателей, пусть и незначительный в числовом исчислении, отправляется за головным убором, костюмом индивидуального пошива или свадебным подарком из золота или серебра к мастерам, сохраняющим традиции и умеющим учесть все тонкие нюансы пожеланий заказчика.

Бум торговли, ознаменовавший крушение режима монизма, а вместе с ним и нормированного распределения товаров и услуг, пришелся на начало–середину 1990-х гг., когда в страну хлынул поток промышленных изделий и продовольствия со всего мира. Последующие десятилетия лишь укрепили связь албанских торговых сетей с внешним рынком, во многом подчинив их диктату законов глобальной экономики и международного капитала. Приобретение всего необходимого для жизни через магазины разного уровня и класса привело к трансформации и самого сознания акторов торговых сделок — дюкяны были не только переименованы в *минимаркеты*, *маркеты*, *бутики* и проч., но стали основной формой розничной торговли, подварианты которой пытаются подстроиться под потребности, доходы и возможности основных категорий потребителей и квалификацию и навыки продавцов, а также менеджеров, управляющих сложными процессами удовлетворения спроса и извлечения выгоды.

Массовое возведение торговых центров и сетевых супермаркетов в 2000–2010-е гг. не отменило других форм торговли по всей стране прежде всего в силу относительно низкого уровня платежеспособности населения. Покупателями товаров в таких точках притяжения желаний и необоснованных трат являются люди со средними и высокими доходами — прежде всего потому, что магазины, способные позволить себе аренду в новомодных сверкающих витринами центрах, являются брендовыми, и по определению дорогими, а самые популярные супермаркеты принадлежат западным владельцам и торгуют в основном недешевыми привозными продуктами из стран ЕС, что доступно также далеко не всем. Конкуренцию торговым центрам составляют многочисленные магазины секонд-хэнда, а гипермаркетам рынки и лавки, обеспечивающие сезонными продуктами по доступным ценам большую часть жителей страны. Никто не отменял и таксономических, а также региональных различий городов и села, равнинных территорий и горной глубинки. В дали от крупных и средних городов основной формой торговли остаются выездные ярмарки, собирающиеся в определенные дни и час и способствующие снабжению населения всем необходимым — нередко потребители заказывают у продавцов то, в чем нуждаются.

При таком раскладе в последние годы существенно упала витальность новых форм торговли в отдаленных населенных пунктах и выросла роль старых посреднических связей продавец — покупатель. Оценивая ситуацию с торговлей и предпринимательством в сфере снабжения населения и анализируя оценки со стороны потребителей к современному состоянию торговых услуг можно констатировать факт чрезвычайного разнообразия подходов и реализации разных форм спроса и потребления, а также исключительную способность приспособливаться этой системы к вызовам времени, но при обязательном условии невмешательства внешних сил — политических, идеологических и пр.

Сокращения

Алб. — албанский язык
Араб. — арабский язык
Лат. — латинский язык
Тур. — турецкий язык

Источники и материалы

- АМАЭ 2007 — *Новик А. А.* Балканские мигранты в Европейской Турции. Г. Стамбул. Турецкая Республика. Полевая тетрадь. Принтерный вывод. 2007 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1816. 39 л.
- АМАЭ 2010 — *Новик А. А.* Косово. Традиционная культура албанцев Косово. 15.08.–28.08.2010. Полевая тетрадь. 2010 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1987. 23 л.
- АМАЭ 2021 — *Новик А. А.* Балканская экспедиция — 2021. Этнолингвистические исследования на Балканах. Часть I: Экспедиционная работа в Албании (г. Тирана; г. Дуррес; Голем, область Кавая; г. Влера; Тропоя). Полевая тетрадь. Автограф. 29.07–22.08.2021; 05.09–03.10.2021 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 2279. 36 л.
- ПМА 1990–2023 — *Новик А. А.* Косово, Албания, Северная Македония, Болгария, Черногория, Турция, Босния и Герцеговина. Полевые материалы автора. 1990–2023.
- Armine 2022 — Armine: [Электронный ресурс]. <https://www.armine.com/> (дата обращения: 10.05.2023).
- AgroPuka 2023 — AgroPuka: [Электронный ресурс]. <https://www.agropuka.org/new-page-2> (дата обращения: 30.05.2023).
- INSTAT 2023 — INSTAT. Institute of Statistics: [Электронный ресурс]. <http://www.instat.gov.al/en/figures/> (дата обращения: 10.05.2023).

Научная литература

- Браун Д., Крамер И. Корпоративное племя: Чему антрополог может научить топ-менеджера / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018. 246 с.
- Домосилецкая М. В., Новик А. А. Быть нестигааемым, как дерево: афродизиаки у албанцев Западных Балкан // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 9–31. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030022>
- Иванова Ю. В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 368 с.
- Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. 466 с.
- Новик А. А. «Вкус как в деревне»: от слогана к концепту Bio // Этнография / Etnografia. 2022а. № 1 (15). С. 105–132. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-1\(15\)-105-132](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-1(15)-105-132)
- Новик А. А. От платка к хиджабу: головные уборы албанок-мусульманок в XX — начале XXI в. // Вестник антропологии. 2022б. № 4. С. 101–122. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-4/101-122>
- Смирнова Н. Д. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. 432 с.

- Antrosio J., Han S. The Editors' Note: Trade, Trading, and Inequality // Open Anthropology. A Journal of American Anthropological Association. 2019. Vol. 7. No 3. [Электронный ресурс]. <https://www.americananthro.org/StayInformed/OAArticleDetail.aspx?ItemNumber=25346> (дата обращения: 10.05.2023).
- Baumol W. J., Litan R. E., Schramm C. J. Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity. Yale: Yale University Press, 2009. 315 p.
- Benson J., Ugolini L. (eds.) Cultures of selling. Perspectives on consumption and society since 1700. London: Routledge, 2006. 312 p.
- Braun D., Kramer J. The Corporate Tribe: Organizational Lessons from Anthropology. London: Routledge, 2019. 260 p.
- Brøgger B. Economic anthropology, trade and innovation // Social Anthropology. 2009. Vol. 17. No 3. P. 318–333. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8676.2009.00072.x>
- Carrithers M. Anthropology as a moral science of possibilities // Current Anthropology. 2004. Vol. 46. P. 433–456. <https://doi.org/10.1086/44606>
- Dugushina A., Novik A. Christian Shrines as a Space of Ethnic and Religious Interrelations. Two Cases in Kosovo and Albania // Dorina Dragnea, Emmanouil Ger. Varvounis, Evelyn Reuter, Petko Hristov and Susan Sorek (eds.). Pilgrimage in the Christian Balkan World: The Path to Touch the Sacred and Holy. Turnhout: Brepols, 2023. P. 49–67. <https://doi.org/10.1484/M.STR-EB.5.132399>
- Fagerberg J., Mowery D. C., Nelson R. R. (eds.). The Oxford handbook of innovation. Oxford: Oxford University Press, 2005. 680 p.
- Glenny M. The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers, 1804–1999. Penguin Books, 2001. 726 p.
- Gjergji A. Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore, 1988. 288 f.
- Gudeman S. Economy's tension. The dialectics of community and market. New York; Oxford: Berghahn Books, 2008. 196 p.
- Gupta A., Stoolman J. Decolonizing US Anthropology, 2021 Presidential Address // American Anthropologist. 2022. P. 1–22.
- Hasbrouck J. Ethnographic Thinking. From Method to Mindset. London: Routledge, 2018. 140 p.
- McCormick M. Origins of the European economy. Communications and commerce AD 300–900. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1130 p.
- Novik A. Meeting under the Plane Tree: Violation or Upholding of Tradition? The Ritual Year among the Himara Greeks // Yearbook of Balkan and Baltic Studies. 2022. Vol. 5. No 1. P. 236–263. <https://doi.org/10.7592/YBBS5.10>
- Pulaha S. Popullsia shqiptare gjatë shekujve XV–XVI: studime dhe dokumente. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Historisë, 1984. 721 f.
- Shkodra Z. Esnafet shqiptare. (Shek. XV–XX). Tiranë: Akademia e Shkencave e R. P. të Shqipërisë; Instituti i Historisë, 1973. 390 f.
- Tirta M. Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore, 2004. 452 f.
- Tirta M. Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006. 540 f.
- Thompson A. On the Means and Ends of Anthropology with Special Reference to the U. S. American Academe: A Reply to Gupta and Stoolman's 'Decolonizing U. S. Anthropology' // Open Anthropology Research Depository. 17.01.2023. [Электронный ресурс]. <https://openanthro-research.org/index.php/oarr/preprint/view/303> (дата обращения: 10.05.2023).

References

- Antrosio, J., and S. Han. 2019. The Editors' Note: Trade, Trading, and Inequality. *Open Anthropology. A Journal of American Anthropological Association* 7 (3). <https://www.americananthro.org/StayInformed/OAArticleDetail.aspx?ItemNumber=25346> (accessed: 10.05.2023).

- Baumol, W. J., R. E. Litan, and C. J. Schramm. 2009. *Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity*. Yale: Yale University Press. 315 p.
- Benson, J. and L. Ugolini (eds.). 2006. *Cultures of Selling. Perspectives on Consumption and Society Since 1700*. London: Routledge. 312 p.
- Braun, D. and J. Kramer. 2018. *Korporativnoye plemya: Chemu antropolog mozhet nauchit' top-menedzhera* [Corporate Tribe: What an Anthropologist Can Teach a Top Manager]. Moscow: Alpina Publisher. 246 p.
- Braun, D. and J. Kramer. *The Corporate Tribe: Organizational Lessons from Anthropology*. London: Routledge. 260 p.
- Brøgger, B. 2009. Economic Anthropology, Trade and Innovation. *Social Anthropology* 17 (3): 318–333. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8676.2009.00072.x>
- Carrithers, M. 2004. Anthropology as a Moral Science of Possibilities. *Current Anthropology* 46: 433–456. <https://doi.org/10.1086/44606>
- Domosiletskaya, M. V. and A. A. Novik. 2022. Byt' nesgibayemym, kak derevo: afrodiiziaki u albansev Zapadnykh Balkan [To be Unbending Like a Tree: Aphrodisiacs Among the Albanians of the Western Balkans]. *Ethnographic Review (Etnograficheskoye obozreniye)* 3: 9–31. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030022>
- Dugushina, A. and A. Novik. 2023. Christian Shrines as a Space of Ethnic and Religious Interrelations. Two Cases in Kosovo and Albania. In *Pilgrimage in the Christian Balkan World: The Path to Touch the Sacred and Holy*, ed. by D. Dragnea, E. G. Varvounis, E. Reuter, P. Hristov and S. Sorek. Turnhout: Brepols. 49–67. <https://doi.org/10.1484/M.STR-EB.5.132399>
- Fagerberg, J., D. C. Mowery, and R. R. Nelson (eds.). 2005. *The Oxford Handbook of Innovation*. Oxford: Oxford University Press. 680 p.
- Gjergji, A. 1988. *Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi* [Albanian Clothes for Centuries. Origin. Typology. Development]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore. 288 p.
- Glenny, M. 2001. *The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers, 1804–1999*. Penguin Books. 726 p.
- Gudeman, S. 2008. *Economy's Tension. The Dialectics of Community and Market*. New York; Oxford: Berghahn Books. 196 p.
- Gupta, A. and J. Stoolman. 2022. Decolonizing US Anthropology, 2021 Presidential Address. *American Anthropologist* 1–22. <https://doi.org/10.1111/aman.13775>
- Hasbrouck, J. 2018. *Ethnographic Thinking. From Method to Mindset*. London: Routledge. 140 p.
- Ivanova, Yu. V. 2006. *Albantsy i ikh sosedzi* [Albanians and Their Neighbors]. Moscow: Nauka. 368 p.
- Martynova, M. Yu. 1998. *Balkanskiy krizis: narody i politika* [The Balkan Crisis: Peoples and Politics]. Moscow: Staryy sad. 466 p.
- McCormick, M. 2002. *Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900*. Cambridge: Cambridge University Press. 1130 p.
- Novik, A. 2022. Meeting under the Plane Tree: Violation or Upholding of Tradition? The Ritual Year among the Himara Greeks. *Yearbook of Balkan and Baltic Studies* 5 (1): 236–263. <https://doi.org/10.7592/YBBS5.10>
- Novik, A. 2022a. “Vkus kak v derevne”: ot slogana k kontseptu Bio [“Taste Like in the Village”: from the Slogan to the Bio Concept]. *Etnografija* 1 (15): 105–132. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-1\(15\)-105-132](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-1(15)-105-132)
- Novik, A. 2022b. Ot platka k khidzhabu: golovnyie ubory albanok-musul'manok v XX — nachale XXI v. [From Headscarf to Hijab: Headdresses of Muslim Albanian Women in the 20th — early 21st century]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 101–122. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-4/101-122>
- Pulaha, S. 1984. *Popullsia shqiptare gjatë shekujve XV–XVI: studime dhe dokumente* [The Albanian Population during the XV–XVI Centuries: Studies and Documents]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë; Instituti i Historisë. 721 p.

- Shkodra, Z. 1973. *Esnavet shqiptare. (Shek. XV–XX)* [Albanian Guilds. (XV–XX Cent.)]. Tiranë: Akademia e Shkencave e R. P. të Shqipërisë; Instituti i Historisë. 390 p.
- Smirnova, N. D. 2003. *Istoriya Albanii v XX veke* [History of Albania in the 20th Century]. Moscow: Nauka. 432 p.
- Tirta, M. 2004. *Mitologja ndër shqiptarë* [Albanian Mythology]. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Kulturës Popullore. 452 p.
- Tirta, M. 2006. *Etnologja e shqiptarëve* [Ethnology of Albanians]. Tiranë: GEER. 540 p.
- Thompson, A. 2023. On the Means and Ends of Anthropology with Special Reference to the U. S. American Academe: A Reply to Gupta and Stoolman's 'Decolonizing U. S. Anthropology'. *Open Anthropology Research Depository* 17.01.2023. <https://openanthroresearch.org/index.php/oarr/preprint/view/303> (accessed: 10.05.2023).

УДК: 394+339.376.2

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/144-164

Научная статья

© О. Д. Фаис-Леутская

САГРЫ В ИТАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена такому историческому, малоизученному в научном плане, но очень популярному в Италии феномену, как сагра. Речь идет о длящихся короткое время торговых фестивалях — «потомках» древнеримских, посвященных божествам празднеств. Связанные с обрядами плодородия, в контексте христианства они превратились в парохиальные торжества в честь локального святого-покровителя, а сегодня — в действия по промоушину и продаже одного конкретного, исторически производящегося в данной местности «монопродукта» — пищевого артефакта или алиментарного сырья. В отличие от других, сугубо торговых структур (магазинов, рынков и т. д.), сагра представляет собой комплексное начинание: сохраняя традиции праздника, сопряженного с народным гулянием, фестивальным началом и культурной программой (манифестацией локального фольклора, выступлением музыкантов и т. д.), а также масштабным застольем, она является в первую очередь полноценной коммерческой инициативой. В статье рассматриваются различные аспекты функционирования сагр: традиционные их составляющие, факторы, обусловившие жизнеспособность и ренессанс этого феномена, особенности борьбы за его «чистоту», причины популярности у населения, а также редкие и наиболее распространенные формы самих мероприятий.

Ключевые слова: Италия, торговля, исторические традиции, сагра, локальная алиментарная культура, социальные контакты, развитие туризма, новые экономические стратегии

Ссылка при цитировании: Фаис-Леутская О. Д. Сагры в Италии: современные экономические и социальные аспекты средневековой традиции // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 144–164.

Фаис-Леутская Оксана Давидовна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32-А). Эл. почта: oxana-fais@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2757-2434>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

УДК: 394+339.376.2

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/144-164

Original article

© Oxana Fais-Leutskaia

THE SAGRA IN ITALY: MODERN ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS OF THE MEDIEVAL TRADITION

This article is devoted to *sagra* (pl. *sagre*) — a historical phenomenon, poorly studied in scientific terms, but very popular in Italy. *Sagre* are short trade festivals — the “descendants” of the ancient Roman ones, dedicated to the deities associated with fertility rites. Christianity turned these festivals into parochial celebrations in honor of the local patron saint and today they mainly serve to promote and sell one specific, historically produced in this area “monoproduct” — raw food or cooked products. Unlike purely commercial structures like shops or markets, *sagra* is a complex event: while being full-fledged commercial initiative, it conserves the traditions of a holiday associated with a festival and a cultural program (manifestation of local folklore, performance of musicians, etc.) and involves a large-scale feast. The article discusses various aspects of *sagre*: their traditional components, the factors of their viability and rise, the struggle for its “purity”, the reasons for its popularity, and unusual forms of these events.

Keywords: Italy, trade, historical traditions, *sagra*, local alimentary culture, social contacts, tourism development, new economic strategies

Author Info: Fais-Leutskaia, Oxana D. — Ph. D. in History, Senior Researcher of the Center for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: oxana-fais@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2757-2434>

For citation: Fais-Leutskaia, O. D. 2023. The Sagra in Italy: Modern Economic and Social Aspects of the Medieval Tradition. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 144–164.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Нет необходимости представлять роль и место торговли в жизни общества. Начиная с каменного века и на протяжении большей части письменной истории человечества этот вид экономической деятельности, возникший с появлением разделения труда и направленный на осуществление купли-продажи и обмена излишками товаров — производимых продуктов и изделий (а также связанные с этим процессы непосредственного обслуживания покупателей, доставки товаров, их хранения и подготовки к продаже), играл роль одного из самых могущественных факторов исторического процесса.

Неслучайно антропология торговли является перспективным, хотя и мало разработанным пока направлением в русле экономической антропологии (см., например,

Brøgger 2009: 318–333; Lyon 2021), основы которой были заложены такими «классиками» этнографии и социологии, как Б. Малиновский, М. Мосс, К. Поланьи.

Торговля, внешняя или внутренняя — это фактор отнюдь не только экономического развития: как это убедительно продемонстрировал Ф. Бродель, во все периоды истории она влияла на культуру человечества, на его общественное и социальное бытие (в частности, труд Ф. Броделя «Структуры повседневности», посвященный сфере обыденной жизни людей Нового времени, доказал тесную связь антропологии торговли с историей и культурой повседневности) (*Braudel 1979*). Яркой иллюстрацией справедливости таких выводов является Европа, точнее, ее отдельные регионы, уже тысячелетие назад ставшие важнейшими очагами международной коммерции — «проводником» и катализатором кросс-культурности и цивилизационного, сакрального, социального развития. Не менее значимую роль сыграла и внутренняя торговля, что демонстрирует пример Древнего Рима, в котором ее удельный вес был значительно выше, чем внешней коммерции, и где отношения купли-продажи, развиваясь преимущественно между соседними общинами, «плотной паутиной увязывали воедино и цементировали огромную империю» (*Gabrielli 2003: 19*).

В настоящей статье мы хотим остановиться на таком явлении, как сагры (ит. *sagre*) — своего рода «базары-однодневки», очень популярные в Италии, торгующие преимущественно продовольствием, причем специализирующиеся на каком-то одном пищевом артефакте. Наряду с супер- и гипермаркетами, магазинами (ит. *negozi*), рынками, как большими (ит. *mercati*) — стационарными, постоянно действующими, крытыми и открытыми, так и малыми (ит. *mercatini*) — мобильными, организуемыми под открытым небом, а также ярмарками (ит. *fiere*) — оптовыми торжищами, сагры входят в число традиционных внутренних алиментарных сбытовых структур Италии. И хотя термин *sagra* уже давно получил международный характер и вошел в оборот даже в отечественном, хотя и преимущественно ненаучном дискурсе (напр., Итальянская САГРА 2021), эта очень популярная в Италии и в последние годы все больше «набирающая обороты» инициатива нуждается в представлении, поскольку она удивительным образом не выступала объектом специального исследования и крайне редко и слабо освещалась в научной литературе.

Итак, что представляет собой сагра? По версии справочных изданий (например, итальянского энциклопедического словаря Треккани), речь идет о «праздничном сакрально-профанном мероприятии, посвященном коммеморации святого патрона населенного пункта (деревни или небольшого города), либо закладке или освящению местной церкви, и включающем, помимо религиозной церемонии, проведение торжищ и различных увеселительных светских инициатив», но одновременно — о «народном празднике, проводимом в какой-либо деревне, населенном пункте или районе по случаю урожая, сбора конкретной сельскохозяйственной культуры, сезонной добычи алиментарного сырья или производства пищевого артефакта» (*Sagra s. d.*). Однако оба эти определения отражают еще недавнее прошлое сагры. Говоря же о сегодняшнем дне, уместно подчеркнуть сильнейшее усиление торгового начала этого начинания («меньше праздника, больше торговли») (*Croce 2004: 14*), или, по крайней мере, его «сводную», комплексную природу.

Это подтверждают и исследователи, которые определяют современные сагры как ежегодно «исторически проводимые под открытым небом во множестве точек во всех регионах страны традиционные и, как правило, соотнесенные с сакральными

датами торжества ограниченной хронологической продолжительности (один — два дня), посещаемые широкой публикой и сопряженные с предложением одного типичного, преимущественно пищевого товара, исторически производимого в каждой из этих местностей или характерного для нее, но также — хотя и значительно реже — с празднованием какого-либо местного культурного события или воспроизведением локальной культурной традиции» (*Fassio 2009: 10*).

Велико искушение считать и называть сагру ярмаркой, однако эти два понятия приходится разграничивать¹, тем более в Италии, где под ярмаркой (*fiera*), как уже отмечалось, исторически понимается обширная и достаточно продолжительная торговая инициатива, место свершения исключительно оптовых сделок по купле-продаже разнообразных, отнюдь не только пищевых товаров (*Fiera s. d.*).

Объективности ради отметим, что сагра — вовсе не эксклюзивно-итальянское явление. Ее аналоги, связанные преимущественно со сбытом алиментарного моно-продукта, как бы они не именовались, исторически широко распространены во многих регионах Европы, а в наши дни — пожалуй, и всего мира, причем число их стремительно растет. Однако именно в Италии, по единодушному признанию Дж. Фассио и А. Дзаули, едва ли не единственных исследователей, детально анализировавших этот феномен, число локальных торгово-праздничных фестивалей так велико, популярность их так широка, а тенденция увеличения численности столь сильна, что сагры все отчетливее приобретают черты сугубо-национального, общегенитальянского, хотя и имеющего некоторую региональную специфику² явления (*Fassio 2009: 17; Zauli 2009: 11*).

Об этом свидетельствует статистика. Так, если в 1990 г. по всей Италии число сагр достигало 12 тыс., то в 2003 г. оно выросло до 15 тыс., а в 2018 г. речь шла уже о 44 тыс. сагр (*Pignataro 2019*). Сильнейший удар по ним (а также по рынкам и ярмаркам) — более, чем, например, по магазинам — нанесла пандемия ковида: эти места повышенной концентрации людей первыми подпали под официальные предписания временного закрытия (*Protocollo Sanitario 2021*), однако уже в 2022 г., на гребне восстановления экономики страны, было проведено 48 тыс. сагр (*Sagre in Italia 2022*).

Не менее поражает и объем посетителей, а также оборот этих мероприятий — доказательства их невероятной популярности в Италии. Согласно результатам опросов

¹ Сводя вместе существующие дефиниции, ярмарку можно определить, как регулярное празднично-образовательно-деловое событие года, торжище широкого значения, организуемое в традиционно определенном месте и осуществляющее оптовую и розничную торговлю различными товарами, заключение договоров подряда, возмездного оказания услуг и других сделок в определенном месте и в определенное время, информация о предстоящем событии заранее доводится в публичном порядке до участников. Торговая ярмарка — краткосрочное, периодически и в основном в одном и том же месте проводимое мероприятие, в рамках которого большое количество производителей, выставляя образцы своего труда, демонстрируют объективный масштаб товаров/услуг одной или нескольких отраслей, с тем чтобы посетитель-коммерсант получил ясное представление о предпринимательских возможностях экспонентов, которые в свою очередь прежде всего стремятся распространить информацию о своих фирмах, их продукции и заключить прямые торговые сделки (*Barratt 1993: 11; Шарков 2006: 47; Raynolds, Long 2007: 15*).

² Так как сагры по традиции всегда устраивают под открытым небом, климат и сезонные ограничения предопределяют календарь и географию их организации: на Юге Италии они проводятся круглогодично, тогда как в регионах Центра и Севера в основном с весны по осень.

населения, сагры — едва ли не самый любимый объект «выхода» итальянцев, в том числе и «всей семьей» (Sagra Carciofo 2023). Это подтверждают и цифры: в течение года сагры посещает порядка 15 млн. человек, что соответствует четверти населения страны (для сравнения: в Британии и Франции, например, аналогичный показатель равен 3–4 млн. человек в год) (Ortolano 2017), что, по свидетельству национального института статистики ISTAT, в семь раз превышает число итальянцев, ежегодно посещающих музеи или театры (De Angelis 2019). Труднее говорить определенно о денежном обороте сагр, но даже по самым общим оценкам, в одном только 2017 г. по стране он составлял почти млрд. евро (De Angelis 2019).

Наше обращение к сагре обусловлено многими причинами. Этот объект исследования любопытен «сам по себе», поскольку, по сравнению с другими торговыми структурами Италии, обладает особой спецификой и к тому же представляет собой слабоизученный этнографический феномен. Вызывают интерес и быстрые, претерпеваемые им на протяжении последних десятилетий метаморфозы, такие как его абсолютная коммерциализация, количественный рост. Но не в меньшей степени сагра заслуживает внимания как знаковое — в соответствии с концептами Р. Барта — отражение протекающих в Италии экономических, культурных, социальных процессов (Barthes 1967: 310), или — согласно Р. Гиртцу — как «символ, или, по крайней мере, символический элемент, служащий ключом к бытию социума и средством передачи и восприятия им смысла, культуры и „абстракции опыта“» (Geertz 1973: 89).

История и эволюция сагр

Своими корнями сагра уходит в глубокую древность (само название происходит от латинского *sacrum*, т. е. *священный*), хотя изначально она была исключительно празднеством. В эпоху античной Греции такие действия устраивали во время Олимпийских игр (Vaccari 1986: 210), в Древнем же Риме их проводили регулярно. Праздник апеллировал к культу плодородия: «В жертву приносились определенные животные или плоды земли, которые после торжественной части вся община ритуально употребляла в пищу, причем, как правило, речь шла о каком-то одном конкретном животном или продукте» (Vaccari 1986: 210). В ранние Средние века по всей Европе наблюдалась стагнация «открытого» проведения подобных празднеств, хотя и не полное их исчезновение: они сохранялись либо «подпольно» в недрах народной культуры, в виде реликтов церемонии сбора урожая или готовности продукта, например, сыра или вина, либо, получив христианскую окрашенность, постепенно преобразовывались в парохиальные торжественные даты почитания церквей и святых — покровителей города или деревни, изобиловавшие пережитками языческих верований и обрядов (Verdon 2004: 27).

Изначально сагра не была торжищем. Только с экономическим подъемом X–XII вв. и с развитием торговли в масштабах всей Европы, можно говорить о срашивании праздничного и торгового начал в ее контексте, а также — о некотором оживлении сагр под влиянием появившихся в Европе открытых и публичных ярмарок¹ (Le Goff

Фото 1. Изделия из марципана — фрукты Мартораны — ритуальная сицилийская сладость Дня поминовения усопших. Палермо, Италия, 2017. Фото В. Н. Комаровой.

Фото 2. Овощные консервы в кисло-сладком соусе на сицилийском рынке. 2018 г. Фото В. Комаровой.

¹ Первым подобным западноевропейским обширным торжищем считается ярмарка в Сен-Дени под Парижем в 629 г., хотя повсеместным явлением ярмарки стали в X в., в первую очередь в Шампани; с XII в. начинается стремительный рост их числа в одном за другим регионах Европы, где рождаются и закрепившиеся во времени исторические термины, обозначающие эти торговые инициативы: в Англии — *Trade Fair*, в Германии — *Messe*, во Франции — *Foire*, в Нидерландах — *Kermesse*, и т. д.) (Le Goff 1977: 212).

Фото 3. Традиционные сицилийские сладости — воплощение восточных рецептов. 2017 г. Фото В. Комаровой.

1977: 211). Прекрасной живописной иллюстрацией сагр и их европейских аналогов, передающей их дух и специфику, являются, например, картина «Кермесса» кисти Яна Брейгеля Старшего, а также полотна Питера Брейгеля Младшего «Ярмарка с театральным представлением» и «Весна». По сравнению с ярмарками, эти парохиальные торжища отличал значительно более скромный, «камерный», часто меновой характер. Однако, при всей ограниченности масштаба их проведения, при всей примитивности и «доморощенности» осуществлявшегося на них торгового взаимообмена, они имели не меньшую, чем ярмарки, значимость в Европе, поскольку — пусть и на мини-уровне, и в рамках ограниченных ареалов — преодолевали узкие границы деревенских микрокосмов, стимулировали мобильность и взаимоконтактность населения и, в конечном итоге, служили целям национальной интеграции (Bresc 2019: 63–65).

О судьбе сагр в течение Нового времени известно мало, но появившиеся в XIX в. многочисленные регионоведческие, базирующиеся на «живом» материале и воссозидающие традиционную повседневность в различных областях Италии этнографические труды (напр., Tassoni 1973: 148, 248; Bernoni 1875–1878; Pitre 1875 и т. д.) подтверждают их витальность в «системе координат» народной культуры. Вплоть до второй половины XX в. сагры продолжали оставаться в основном сельским и преимущественно праздничным явлением (торговое начало по-прежнему было вторичным иrudimentарным), о котором горожане, за исключением отдельных исследователей-этнографов, знали мало — для города «все, коннотированное с деревней, было синонимом глубокой провинциальности» (Cusimano 2019: 174).

При этом в эпоху фашизма, в соответствии с разработанной Б. Муссолини концепцией процветания Италии, эмфатизацией народной культуры, воспеванием се-

Фото 4. Продавец жгучего перца. Рынок Капо, Палермо, Италия, 2017. Фото В. Н. Комаровой.

лянина — «хлебороба и кормильца нации» и итальянцев — «архаического сельского народа», была сделана попытка вывести сагры на новый уровень развития (Dickie 2007: 297–325). Более того, на выставке достижений сельского хозяйства Италии 1938 г. была смоделирована и продемонстрирована некая постановочная сагра, которая должна была служить воплощением идеальных представлений фашистов о патриархальной деревенской жизни и об экономическом самообеспечении деревни (Pennacchi 2008: 141). Тем не менее все усилия режима в деле продвижения сагр оказались безуспешными: страна пребывала в нищете, население голодало, а состояние развития сельского хозяйства было столь плачевным, что не предполагало «особых радостей, веселья и крестьянских праздников» (Pennacchi 2008: 141). По этим же причинам в Италии сагры не развивались и в послевоенные годы.

Стимулы развития современных сагр

Процессы практической реанимации сагр, обретение ими массовой популярности, а также постепенного и все прогрессирующего усиления их коммерческого начала, стартовали в Италии лишь в 80-е — 90-е годы XX в., причем бурный, непрекращающийся и сегодня их рост и особый (алиментарный) профиль сагр обусловлены весьма разноплановыми причинами. Не ставя своей задачей всеохватывающий их анализ, отметим некоторые из них.

Так, необходимо вспомнить традиционный гастрономический гедонизм итальянцев. Эта доминанта национальной идентичности населения (Шевлякова 2011: 395–462), еще в XVII в. отмеченная писателем и путешественником Дж. Кастельветро («Мы, итальянцы, придаем большое значение удовольствию, которое ощущаем во рту» (Castelvetro 1974:21)), усиливается на Юге страны, где, как подчеркивает антрополог А. Гуигони, пища исторически «особенно значима»: «покидая алиментарные, нутритивные границы, она пронизывает все сферы жизни сообщества, задает тон в области как материального, так и духовного, „вторгается“ в сферы ментальности, эмоций, психологии, поведения и подчас доминирует в них» (Guigoni 2009: 12).

Следует также подчеркнуть, что в Италии этот гедонизм, особенно впечатляющий на фоне многовековой экономической отсталости страны и бедности подавляющего большинства населения, существует под знаком гастрономического патриотизма: по данным опросов Национальной Ассоциации производителей продовольствия (Coldiretti), совместно с Итальянским институтом социально-экономических исследований (CENSIS), 90% жителей страны по традиции предпочитают национальную кухню, отвергая «чужие» заимствования; при этом 100% населения отдают приоритет *prodotto nostrano* (ит. местному продукту), «своей» микро-системе питания, т. е. кухне региона своего проживания (Rapporto Coldiretti/Censis 2022), что соответству-

ет устоявшимся на протяжении истории принципам питания итальянцев (Cappati, Montanari 2000: 10; Dickie 2007: 39).

Однако реализовать на практике эти гедонистические чаяния оказалось возможным лишь после наступления эпохи «итальянского экономического чуда»¹, повлекшей за собой подъем благосостояния всего населения и развитие коньюмеризма, в том числе и гастрономического. В частности, итальянцы проявили готовность тратить больше во имя увеличения количества, но главное — улучшения качества потребляемой пищи.

Не менее значимо и превращение Италии в начале 70-х годов XX в. в объект массового внутреннего и внешнего туризма: сами итальянцы, а за ними и весь мир открыли для себя не только «красоты» и памятники культуры этой страны, но и изысканность итальянской гастрономии и вина, что очень стимулировало интерес к локальным кухням и *типичным*² пищевым товарам, традиционным и новым — следствием «инвестиций прошлого в новые коммерческие стратегии» (Cappati, Montanari 2000: 10). По данным Министерства туризма Италии на 2019 г., свыше 80% иностранных въезжающих в Италию гостей подчеркивают желание приобретать, среди прочего, локальные гастрономические сувениры (Turismo enogastronomico 2020), а 75% всех итальянцев признают, что регулярно «объезжают» сагры своего региона для приобретения местных деликатесов (Mollica 2021). Пандемия приостановила практики таких паломничеств, но, по признанию *Gambero Rosso*, одного из наиболее компетентных итальянских изданий по алиментарной культуре страны, уже за последние месяцы 2021 г. и первые — 2022 г. «объем интересующихся эно-гастрономией внутренних и внешних туристов превысил доковидные показатели» (Sottile 2022).

Весомый вклад в обеспечение условий для продвижения сагр внесли и общемировые тенденции отторжения глобализационных культурных клише и усиления интереса ко всему аутентичному. К ним в первое десятилетие XXI в. добавились и охватившие Италию сильнейшие процессы политico-административной децентрализации, усиления регионализма, а также «сонаправленные» им процессы в экономике (в частности, ставка государства на развитие агро-винно-гастрономического сектора как столпа и пружины развития экономики страны и отдельных регионов), включая так называемый «проект нулевого километра». Согласно ему, произведенные в определенной местности продукты должны в ней же подлежать сбыту, что позволит не только обеспечить население данной территории, отследить степень натуральности пищевой продукции, но и достичь экономии за счет сокращения транспортных расходов и затрат на устранение последствий загрязнения (Rizzuto 2019).

Эта инициатива представляет собой новую итальянскую экономическую стратегию в сферах пищевого производства, сбыта и потребления в контексте концепции устойчивого развития, она апеллирует к органичным для Италии традиционным принципам ориентирования на *местный продукт*, и к тому же отвечает духу

¹ Так именуется период быстрого экономического роста между серединой 1950-х и серединой 1970-х гг. XX в., в ходе которого экономика Италии из аграрно-индустриальной превратилась в одну из наиболее индустриализированных в мире, позволив стране войти в число мировых лидеров.

² Как подчеркивают различные исследователи, термины *типичный* (ит. *tipico*) и *местный* (ит. *locale, nostrano*) применительно к гастрономической сфере в Италии в сознании населения сегодня практически синонимичны понятию *buono*, переводимому как хороший и вкусный, а также *sano* (ит. здоровый), *controllato* (ит. проверенный) и *garantito* (ит. гарантированный) (Dickie 2007: 33, 34; Puca 2020: 30).

времени, в частности, «тоске по деревне», воцарившейся в гастрономической моде и, по словам историков питания (Montanari 1997: 196), во многом детерминирующей направления развития современной пищевой отрасли страны.

Таким образом, все перечисленные факторы обусловили развитие института сагр (многие из них, ушедшие в небытие, возродились; выросло число и популярность современных), но также повлияли на изменение их формы и сути.

Изменение характера сагр

В первую очередь абсолютизировался коммерческий дух сагр и их пищевой характер. Фактически они превратились в одно из основных средств информирования населения Италии и других стран о локальной гастрономической специфике и едва не в главный канал популяризации итальянских местных кухонь и сбыта продуктов, которые часто неизвестны широкой публике даже в границах регионов их бытования. Сакральная же составляющая практически ушла в небытие, а празднично-ритуальный компонент с сопутствующими ему традиционными коллективной трапезой и культурными манифестациями, по сравнению с прошлым очевидно отошел на второй план и крайне модернизировался, утратив многие древние черты.

Неслучайно изменился и жестко структурировался состав акторов сагры: «Если ранее ее участниками были *Все* (т. е. вся совокупность жителей деревни, включая клир ввиду важной роли церкви в действе), то сегодня мы имеем дело преимущественно с дихотомией „продавец-покупатель“, тогда как лейтмотивом сагры становится принцип „*Все на продажу!*“» (Graziano 2013: 51). Торгующую сторону представляют фермеры-одиночки, большие и малые предприятия, индивидуальные и кооперативные производители пищевой продукции, повара и кулинары — все специализирующиеся на каком-то одном продукте, производимом или приготовляемом в этой конкретно местности, а покупателей — «*Все в новом прочтении, селяне и горожане, участие и миссия которых сводится исключительно к приобретению и потреблению*» (Graziano 2013: 51).

Эти метаморфозы отразило и изменение номинации сагр. Если еще десятилетий назад большинство из них по традиции, в зависимости от даты проведения, все еще привычно именовалось по соответствующему фестониму (геортониму), в частности, по имени чествуемого святого (напр., Сагра Св. Якова, Св. Иосифа и т. д.), то в наши дни их название все чаще фиксирует бренд продвигаемого и претендующего на эксклюзивность местного пищевого артефакта. Речь может идти о сырье — достаточно в этой связи вспомнить Сагру лягушек (Сан Понсо, Пьемонт), лука (Каннара, Умбria), грибов (Валле Стура, Лигурия), белого трюфеля (Черталдо, Тоскана), красной фасоли (Монти Албурни, Кампания) и т. д. Еще большее число сагр — например, Сагра кутты (Палаццо Адриано, Сицилия), «фаршированной лепешки» пьядина (Беллария, Эмилия-Романья), поленты (кукурузной каши) в Кастел ди Тара (Лацио), фаршированных баклажан в Савона (Лигурия), сладкого сала (Арнад, Валле д'Аоста), стейков (Кьяннина, Тоскана), ризotto с шафраном (Навелли, Абруццо), нуги (Тонара, Сардиния) и т. п. — названо по «имени» уникального готового продукта или блюда, производимого в конкретной местности.

Бесполезно пытаться перечислить все предлагаемые на саграх изыски — их полифония столь обширна, что требует объемного монографического исследования.

Отметим лишь, что есть винные сагры: в Кьянти (Тоскана), Таурази и Туфо (Авеллино, Кампания), Солопако (Беневенто), кондитерские — например, сагры шоколада в Умбрии, Пьемонте, Фриули, Сицилии, рыбные, фруктовые, овощные и т. д. Валле д’Аоста предлагает яблоки, каштаны и мед, Пьемонт — вино и дичь, Лигурия — песто и грибы, Ломбардия — картофель и сыры, Трентино-Альто-Адидже — местный шпек, Апулия — оливки и оливковое масло, Калабрия — морепродукты, Сицилия — кускус, миндаль, инжир и сласти, Сардиния — многообразие домашних хлебов, жареного поросенка и овечьи сыры, и т. д. При этом сагры фокусируют внимание не только на конкретных блюдах и сырье или на их отдельных видах, но и на различиях кулинарных приемов, апеллируя практически ко всем «позициям», в совокупности составляющим итальянскую систему питания, ее кулинарию и гастрономию.

Причины популярности сагр

Как уже было сказано, частые гости сагр — иностранные туристы, привлеченные возможностью попробовать и приобрести брендовый пищевой сувенир из серии «Made in Italy». Подавляющее же большинство посетителей представлено итальянцами, вне зависимости от пола, возраста, социальной принадлежности и культурно-образовательного уровня. Это и профессионалы, представляющие сферы пищевой промышленности, туристического и ресторанных бизнеса, и гурманы, отслеживающие изыски эногастрономии. Но численно преобладают среднестатистические жители, соблазненные возможностью продегустировать и приобрести по умеренным ценам свежие местные продукты, а также хорошо поесть «за небольшие деньги»: общинные трапезы трансформировались в пиршества под открытым небом с подачей традиционной пищи.

Следует признать, что посетители сагр руководствуются не только материальными и алиментарными интересами. Так, не меньше привлекают и перспективы широкого социального общения, занимающего, по мнению исследователей, важное место в системе традиционных ценностей итальянцев (*Cusimano* 2019: 11), что обусловлено многократно отмечаемой «повышенной контактностью и коммуникабельностью как чертами национального характера», а также «жовиальностью, открытостью, эмпатизированной склонностью к позитивным, коллективно переживаемым впечатлениям и опыту», даже определенной «театральностью» населения страны (*Milazzo* 2011: 12). По свидетельству респондентов, моменты карнавальности, «веселья», «тусовки», «выхода на люди», «возможности пообщаться» на саграх притягательны не менее, чем возможность «хорошо поесть» или «выгодно купить» (ПМА). Особенно сильно эта тяга к «существованию в толпе и растворению в ней», как обозначил данную психологическую и поведенческую черту итальянцев историк Дж. Фассио (*Fassio* 2009: 44), проявляется сегодня, после вынужденных ограничений взаимообщения в эпоху пандемии.

Ниже мы коснемся праздничной составляющей сагр, также обуславливающей их притягательность для гостей, пока же отметим, что, по словам наших респондентов, эти начинания импонируют населению также и тем, что на них — более, чем на каких-либо других торговых площадках — «до сих пор в ходу живые, а не виртуальные деньги», «наличный расчет, а не карты», что способствует «девиртуализации обстановки», поддержанию «человечного духа начинания» и «неформальной

атмосферы»; как подчеркивают некоторые опрошенные, «сагра представляет собой противоводие современным процессам дегуманизации», она является «антидотом обезличивающей цифровизации» (ПМА). Не менее привлекательно и сохранение столь ценимого в Италии, особенно в южных регионах страны, «живого» и «прямого» межличностного контакта, в том числе и в торговле, не опосредованного банкоматом, кассой или присутствием кассира, во взаимоотношениях между продавцом и покупателями (*Cusimano* 2019: 11).

Конечно, стремительный рост числа сагр в последние годы обусловлен отнюдь не только абсолютным соответствием этого начинания духу, характеру и запросам населения, ни взлетом коньюмеризма или традиционным пищевым гедонизмом итальянцев. В Италии, которую можно уподобить лоскутному одеялу, где культурная «разношерстность» и несходство между собой различных областей акцентируется едва ли не всеми итальянцами, где каждый регион обладает своим диалектом/языком и своими традициями, в том числе и кулинарными, а принцип сочетания универсального и локального, общегородского и регионального является доминантой национальной идентичности (Шевлякова 2011: 468), в наши дни усиливаются процессы дезинтеграции и регионализации и наблюдается «инспирируемое властями регионов стремление последних любой ценой подчеркнуть свою специфику и индивидуальность» (*Ballarini* 2011: 30). Как показывают опросы респондентов, и населением сагры все чаще видятся как «сконцентрированные сгустки локальной идентичности», как «манифестации принадлежности к Нашим», как акты «подачи культуры, составляющей самость региона» (ПМА). Именно последний фактор, усиленный «переоценкой (а иногда — и чрезмерно завышенной оценкой) собственной культуры» и «подогреваемый местными коммерческими интересами» (*Zauli* 2009: 11) в немалой степени стимулирует промоушн локальных продуктов, и, как следствие, рост в геометрической прогрессии числа сагр «на местах».

Правда, как оказалось, ни массовость этого явления, ни высокий рейтинг сагр среди итальянцев, ни признание в широких слоях населения не гарантируют качество этих инициатив.

Контроль и сертификация сагр

Первыми вопрос о необходимости контроля сагр и их сертификации подняли производители сельхозпродукции и специалисты в сфере ее продвижения, а также представители Федерации по организации и предоставлению общественных услуг населению (Fipe)¹. Они подчеркивали, что «толпа всеядна», что мнение массового потребителя не всегда свидетельствует о реальных достоинствах проводимой инициативы, что «нельзя полагаться на суждения тех, кто рад любой возможности обслужиться *gratis* (ит. *задарма*) или поесть *per pochi centesimi* (ит. *за гроши*)», а феномен быстрого и «чрезмерного» роста числа сагр вызывает определенные подозрения (*Pignataro* 2019). Как отмечалось, ввиду того что еще недавно в отношении сагр в Италии не существовало каких-либо регламентирующих юридических норм, или, точнее, они подпадали под законодательство, рассматривающее их «по старинке» не как коммерческое начинание, но как праздничную инициативу, эти мероприятия

¹ В Италии Fipe представляет собой верховную организацию, регулирующую отношения производителей (продавцов) и потребителей (покупателей).

потенциально представляют собой идеальную почву для финансовых и организационных махинаций (*Bufarale* 2022). FIPE, возглавившая движение за контроль сагр, настаивала на том, что государство должно реформировать законодательство, инициировать жесткую проверку и создать систему сертификации сагр.

Уже первые выборочные инспекции выявили, что, наряду с «уважаемыми», пользующимися серьезной репутацией, имеющими солидный стаж проведения и апеллирующими к традиции саграми, действуют и многочисленные, растущие как грибы «новоделы», часто выставляющие на продажу весьма сомнительную с точки зрения качества продукцию, ускользающие от официальной регистрации и налогообложения (*Fipe, allarme* 2017; *False sagre* 2019; *Contursi* 2020).

Так, согласно ноте FIPE, в 2017 г. более половины числа сагр на тот год (т. е. 27 тыс.) были признаны «незаконными», «фальшивыми», «нерепрезентативными», так как они «не были связаны с локальными праздниками, не имели прошлого, а главное — торговали продуктами сомнительного качества или изготовленным отнюдь не в местности их сбыта» (*Ortolano* 2017). Вслед за FIPE массовые протесты в отношении некачественных сагр заявила Итальянская Ассоциация ресторанных бизнеса (ARI), подчеркнувшая, что трапезы на «сомнительных с точки зрения качества» саграх наносят серьезный удар по деятельности местных заведений общественного питания (ресторанов, trattorий, закусочных), поскольку конкурирует с ними в финансовом отношении и часто дискредитирует саму идею ресторанныго обслуживания (*Ortolano* 2017).

Ввиду того, что скандал, связанный с «левыми» саграми, набирал обороты, в Италии с 2018 г. на уровне регионов началась выработка документов, регламентирующих критерии оценки этих мероприятий и механизм их проведения (напр., *Cosa dice la Legge* 2022; *Bufarale* 2022), а также отработка системы сертификации сагр. Нельзя сказать, что эти меры централизованного контроля легко проводятся в жизнь — «на местах», в регионах, они часто встречают яростное сопротивление нечистоплотных дельцов от коммерции и ресторанныго дела, стремящихся «легко» заработать.

Тем не менее к 2021–2022 гг. стал оформляться ежегодный национальный реестр традиционных, достойных доверия сагр (*Fiore, Corradi* 2022: 234). Его составляют на основе подаваемых областями списков мероприятий, проходящими контроль и сертификацию в FIPE; после апробации эти списки возвращаются назад в качестве официального документа. Стали более строгими процедуры регистрации сагр-«новичков»: их бенефис сегодня сопряжен с жестким контролем качества представляемой продукции и корректности их поведения в вопросах налогообложения (*Fiore, Corradi* 2022: 235–236). На фоне принимаемых мер вышеотмеченная цифра в 48 тыс. «законных» сагр в 2022 г. Италии выглядит особенно впечатляюще и подтверждает правоту тех, кто считает сагры итальянским «национальным» феноменом (*Fiore, Corradi* 2022: 12).

Культурная программа

Хотя сегодня сагра все чаще ассоциируется в массовом сознании с сугубо торговой инициативой, она все же остается и праздником. По мнению историка А. Дзаули, некорректно и неправомочно игнорировать или недооценивать продолжающие занимать достаточно большое место в ее сценарии праздничные составляющие

(*Zauli* 2009: 49). К ним историк относит художественные акции (выступления фольклорных групп, музыкантов и артистов, цирковых и театральных трупп, вернисажи художников и т. д.), правда, «существенно отличающиеся от прежних, порожденных народной культурой празднично-развлекательных моментов»; спортивные состязания; «пирсы как наследие былых общинных трапез» (*Zauli* 2009: 10).

Этот перечень вызвал полемику в научных кругах. Так, социологи Э. Фиоре и М. Корради напомнили А. Дзаули, что к нашему времени сакральное (языческое или христианское) содержание сагр оказалось полностью выхолощенным, и что на смену древнему обрядовому коллективному сотрапезованию пришло «вполне профанное массовое поглощение пищи „за деньги“», в котором отчетливо усматриваются «никак не связанные с прошлым, лишенные его духа, сугубо коммерческие, консьюмеристские акции, направленные исключительно на промоушн пищевого продукта» (*Fiore, Corradi* 2022: 249). Скепсис вызвало и утверждение о присутствии в сценарии сагр спортивного элемента: по мнению оппонентов Дзаули, все могущие быть названными спортивными мероприятия (например, *палио* в ряде точек Италии) являясь реликтами средневековых турниров, образовывали «самостоятельную» категорию праздников (*Fiore, Corradi* 2022: 250).

Однако в отношении празднично-художественного аспекта сагр ученые проявили единодушие: культурная программа «играет роль магнита, мощного аттрактивного средства, фактора притяжения посетителей на эти мероприятия — пусть и более слабого, нежели коммерческая составляющая» (*Fiore, Corradi* 2022: 268). Привлекательность для публики празднично-художественного начала сагр подтверждают и респонденты, отмечающие, что эта сторона действия соблазняет не меньше, чем возможность «поесть», «попробовать на вкус» или «закупить» продовольствие (ПМА). Многие из опрошенных указывают, что именно «артистический момент» делает сагры столь привлекательными и необычными, отличая их, например, от рынков с сугубо торговым духом (ПМА). Представляющие же интеллигенцию или социальные слои с более высоким культурно-образовательным уровнем респонденты отмечают, что «присутствие высокохудожественного начала на саграх позволяет поднять их на качественно-новый уровень, преодолеть присущий им сегодня „утробный физиологизм“ и придать этим начинания форму культурного действия» (ПМА).

В ряде регионов энтузиасты-реконструкторы делали попытки вернуть сагру в русло древнего религиозного праздника со всеми традиционными культурными составляющими, но в силу искусственности эти возрожденные формы не прижились — «возвращение традиций обернулось их „изобретением“ по Хобсбауму: исторические обстоятельства и органическая эволюция далеко ушли современные сагры и многие народные праздники от их „предков“» (*Fresta* 2017).

Помимо фольклорных групп — с древности традиционных участников сагр, сегодня их акторами все чаще становятся фигуры «более высокого ранга». Так, на саграх Сардинии часто выступает местный уроженец, известный джазовый трубач с мировой славой П. Фрезу (*Time in Jazz Festival* 2022), на сицилийских не считал зазорным устраивать выставки своих работ такой крупный художник, как Т. Бонанно; в мае 2023 г. на сагре в Бергамо прошла выставка трех художников области Ломбардия (*Tre stili per tre artisti* 2023). Часто программа сагр включает представления профессиональных театральных трупп — например, Театро делл'Алкимия (Рим), Аристи да Салотто (Фраскати), Фриульской театральной ассоциации (Удине), Театро

Бьондо (Палермо) и т. д. Разумеется, в первую очередь художников и артистов привлекают известные, «проверенные» традиционные сагры, но все чаще они появляются и на хорошо зарекомендовавших себя новых ивентах (Sagre, feste, iniziative 2022).

Кроме этого, на сагре, как и в прошлом, присутствуют ремесленники (кузнецы, гончары, ковроделы, корзинщики и т. д.) со своими изделиями; вне зависимости от того, какой пищевой продукт «продвигается» на сагре, также на нее по традиции всегда допускают пекарей, кондитеров, продавцов меда и душистых трав.

Примеры архаичных сагр

Хотя в списке современных сагр, как уже говорилось, преобладают «продовольственные» торжища, он включает также те из них, которые принципиально отличаются от абсолютного большинства. Речь идет об интереснейших архаичных саграх, доказывающих, что в своем историческом прошлом далеко не все они имели дело с пищевыми товарами или были вообще сопряжены с торговлей.

В качестве примера уместно вспомнить *Sagra dei Osei*, или *Птичью сагру*. Начиная с 1273 г., в начале сентября ее проводят в Сачиле (Порденоне, Фриули-Венеция-Джулия). Речь идет о самой древней, известной и крупной в масштабе Европы выставке-продаже певчих и приманочных птиц, привлекающей орнитологов всего мира. По преданию, ее проведение связано с освящением в XI в. местного собора, посвященного Св. Николаю Мирликийскому — сакральному патрону города. С XVI по XIX вв. на сагре также «заодно» экспонировали кур, кроликов, свиней, крупный рогатый скот, хотя орнитологический профиль оставался превалирующим; с XX в. на торжище остались только птицы. В 2007 г. мероприятие получило титул «Специализированной сагры национального масштаба». Начиная с 50-х годов XX в., наряду с осенней выставкой, проводят также «Весеннюю сагру птиц», связанную с церемонией 3 февраля дня Св. Власия — покровителя птиц в католической традиции. Надо отметить, что доступ праздных любопытствующих на сагру ограничивается Оргкомитетом: число специалистов-орнитологов и без того уже велико, а чрезмерное присутствие посетителей пугает птиц. Кроме того, значительные проблемы работе сагры создают зоозащитники, в течение многих лет ратующие за ее закрытие (Osei 2012: 6).

Сохранились и архаичные мероприятия, воспроизводящие локальную культурную традицию и не «отягощенные» торговлей. К ним относится, например, сагра в Саурис (Фриули) с неожиданным и забавным названием: на местном варианте южнотирольского диалекта немецкого языка оно звучит как *Der Orsch der Belin* (Поцелуй Белин), а на итальянском — как *Il Sedere di Belin* (Седалище Белин). Речь идет о реликтах древнего обряда инициации молодежи. Подростки должны облобызать огромное, к тому же «нечистое» седалище местного доброго божества Белин, которую ряженые, по традиции, изображают в виде симпатичной, но неопрятной и толстой старухи с гротескно и условно воспроизведенной голой «пятой точкой». По поверьям, задобренная поцелуем, Белин «открывает дорогу» молодым из горного ущелья, где расположен город Саурис, символически провожая в «большую жизнь» и в дальнейшем оберегая их (Der Orsch 2017).

Также примером «неторговых» мероприятий является и *Sagra dei presepi viventi* (Сагра живых вертепов). Ее устраивают в период между Рождеством и Крещением

Господним во многих точках Сицилии. Традиция изображать участников мистерии Рождества Христова ряжеными существует на гигантском европейском пространстве, от Польши до Испании. В Италии же она жива практически во всех областях страны, в Сицилии она воспроизводится во множестве городков и деревень, и сегодня оспаривающих право «первородства», лучшего воплощения и аутентичности этой традиции (Ecco dove trovare 2019).

Формально с продвижением и продажей алиментарных артефактов не связана и *Sagra del mandorlo in fiore*, или *Сагра цветущих миндальных деревьев* в Агридженто (Сицилия). По праву называемая «одной из наиболее красивых сагр Италии» (Croce 2004:14), она — рекордсмен среди сагр и по «возрасту» (т. к. восходит к эпохе Древней Греции), и по продолжительности проведения (5–6 дней). В первые дни марта ее устраивают в так называемой «Долине храмов» в окрестностях города, где в окружении рощ миндальных деревьев, стоят 12 древнегреческих и 6 древнеримских храмов. Связанная с мифом об Акаманте и Филлиде, сагра восходит к праздникам обрядов плодородия. Археолог Ф. Ла Чекла указал, что миндальную «протосагру» в эпоху Великой Греции отмечали во многих греческих колониях острова (La Cecla 2015: 121), медиевист А. Баккаrell — что древнегреческие культуры плодородия, особенно в центральной части острова, «органично вплетаясь в ислам и в христианство», сохранили витальность вплоть до Нового времени и даже наших дней (Baccarella 2020: 334).

Официально сагра была «запущена» в 1934 г. в городе Наро (Агридженто), в форме народного праздника, включающего локальные фольклорные традиции, стараниями местного историка-любителя, графа А. Гаэтани, стремившегося популяризировать в массах знание истории и желавшего увековечить древние культуры; к 1937 г. фестиваль был перенесен в Агридженто и был наречен «Сагрой цветущего миндаля».

Что интересно, по замыслу графа, в цели сагры входила и организация сбыта товаров народных пищевых промыслов, но со временем коммерческая составляющая в сценарии этого ивента явно уступила культурной: сагра в Агридженто официально признана одной из наименее коммерциализированных в Италии (*Sagra del Mandorlo* 2023). В 1954 г. она получила статус Международного фольклорного фестиваля, посещаемого музыкальными и танцевальными коллективами со всего мира; ее символ — факел дружбы, который горит в древнегреческом Храме Согласия в течение времени ее проведения (*Sagra del Mandorlo* 2023). Однако сагра не была бы сагрой в Италии, если бы на ней, уже в наши дни, не вышел на первый план пищевой символ — миндаль. Так, в 2011 г. сицилийские кондитеры создали традиционную миндальную нугу (сиц. *Cubaitta*) длиной 660 м, на которую были истрачены тонны миндаля, сахара и меда; десерт вошел в книгу рекордов Гиннесса (*Falsone* 2011). В 2016 г. такой же чести было удостоено еще одно творение сицилийских поваров — гигантское фруктовое «полено» длиной 606 м и весом в 3 т (*Sagra del Mandorlo* 2023). На сагре делаются попытки возродить древние общинные (бесплатные) трапезы для гостей и участников, но эти благие намерения устроителей упираются в недостаток финансирования со стороны местных властей.

Подводя итог краткому обзору феномена сагры в Италии, отметим, что этот «потомок» древних и средневековых праздников не собирается сдаваться в условиях современности, напротив, он только набирает силу, правда, не столько как праздник, сколько как «торговая инициатива с элементами праздника» (*Fassio* 2009: 16), впол-

не отвечающая потребностям экономики страны, привычкам населения, запросам туристов и получающая сегодня новое и особое звучание.

Источники и материалы

- Итальянская САГРА 2021 — Итальянская САГРА. Языческая традиция и модная тусовка // [Dzen.ru](https://dzen.ru/a/YRGpHgonUxTq6M_S). 10.08. 2021. https://dzen.ru/a/YRGpHgonUxTq6M_S
- ПМА — Полевые материалы автора: результаты выборочного опроса населения в Италии (области Фриули-Венеция-Джулия, Лацио, Эмилия-Романья, Кампания, Сицилия) в 2017–2019 гг. Опросная группа — 93 человека.
- Brøgger 2009 — Brøgger B. Economic anthropology, trade and innovation // Social Anthropology. 2009. 17(3): 318–333.
- Bufarale 2022 — Bufarale A. Svolgimento di una festa su area pubblica: servono SCIA o altre autorizzazioni?//[Lentepubblica.it](https://www.lentepubblica.it). 20.11.2022. <https://www.lentepubblica.it/cittadini-e-imprese/svolgimento-festa-area-pubblica-scia-autorizzazioni>
- Castelvetro 1974 — Castelvetro G. Brieve racconto di tutte le radici di tutte le erbe e di tutti i frutti che crudi o cotti in Italia si mangiano // Gastronomia del Rinascimento (a cura di L. Firpo). Torino: UTET, 1974.
- Contursi 2020 — Contursi M. Marco Contursi e gli eventi in tempi di Covid: la voglia di visibilità, ammesso che serva, vale il rischio di contagiarsi e chiudere l'attività? // [Lucianopignataro.it](https://www.lucianopignataro.it/13.9.2020). 13.9.2020. <https://www.lucianopignataro.it/13.9.2020>
- Cosa dice 2022 — Cosa dice la Legge sulla somministrazione di bevande e alimenti alle sagre. Nuove normative // [Studiolegalemaffi.it](https://studiolegalemaffi.it). 2022. <https://studiolegalemaffi.it/cosa-dice-la-legge/cosa-dice-la-legge-sulla-somministrazione-di-bevande-e-alimenti-alle-sagre>
- De Angelis 2019 — De Angelis A. M. Indagine Istat: tutti i dati dei musei italiani//[Habitante.it](https://www.habitante.it). 31.01.2019. <https://www.habitante.it/habitare/news/indagine-istat-facciamo-il-punto-sul-sistema-museale-italiano/>
- Der Orsch 2017 — Der Orsch van der Belin — Il sedere della Belin // [Sauris.org](https://www.sauris.org). 05.01.2017. <https://www.sauris.org/der-orsch-van-der-belin-il-sedere-della-belin/>
- Ecco dove trovare 2019 — Ecco dove trovare i presepi viventi in Sicilia//Siciliafan. 03.12.2019. <https://www.siciliafan.it/presepi-viventi-in-sicilia>
- False sagre 2019 — False sagre secondo la Fipe: sono 32mila quelle prive dei requisiti. Fatturato di 900 milioni di euro // [Primalariviera.it](https://primalariviera.it). 25.08.2019. <https://primalariviera.it/cronaca/false-sagre-secondo-la-fipe-sono-32mila-quelle-prive-dei-requisiti-fatturato-di-900-milioni-di-euro/>
- Falsone 2011 — Falsone A. Il torrone più lungo del mondo Zucchero e mandorle fra i Templi// La Repubblica (Palermo). 02.07.2011. https://palermo.repubblica.it/cronaca/2011/02/07/foto/agriporto_batte_il_record_ecco_il_torrone_pi_lungo_del_mondo-12157236/10/
- Fiera — Fiera // [Treccani.it](https://www.treccani.it). s. d. <https://www.treccani.it/enciclopedia/fiera/#:~:text=Convegno%20abituale%20di%20vendori%20e,%20ha%20il%20commercio%20all'E2%80%99ingrosso>
- Fipe 2017 — Fipe, allarme sagre “fasulle” Così all’erario mancano 710 milioni // [Italiaatavola.net](https://www.italiaatavola.net). 20.06.2017. <https://www.italiaatavola.net/tendenze-mercato/horeca-turismo/2017/6/20/fipe-allarme-sagre-fasulle-erario-mancano-710-milioni/50672/>
- Fresta 2017 — Fresta M. La festa e il Patrimonio Culturale Immateriale//Dialoghi Mediterranei. 2017. N. 25. <http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/la-festa-e-il-patrimonio-culturale-immateriale/>
- Lyon 2021 — Lyon S. Anthropological Perspectives on Fair Trade // Oxford. 29.10.2021. <https://oxfordre.com/anthropology/display/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-521>
- Mollica 2021 — Mollica M. Viaggi di gusto: weekend enogastronomici in Italia // [Viaggi.corriere.it](https://viaggi.corriere.it). 2021. <https://viaggi.corriere.it/itinerari-e-luoghi/cards/tour-enogastronomici-weekend-degustazione-italia/>

- Ortolano 2017 — Ortolano G. Sagre d’Italia//La Repubblica. 17.08.2017. https://www.repubblica.it/rclub/piaceri/2017/08/17/news/sagre_d_italia-173239197/#:~:text=Non%20tutti%20le%20amano.,del%20luogo%20dove%20sono%20organizzate
- Osei 2012 — Osei, scontri e proteste Ferita un’animalista // Il Messaggero Veneto. 20.08.2012. P. 6. https://ricerca.gelocal.it/messaggeroveneto/archivio/messaggeroveneto/2012/08/20/NZ_26_01.html
- Pignataro 2019 — Pignataro L. Abolire il 75% delle sagre gastronomiche è battaglia di civiltà: perchè 7,5 su dieci fanno letteralmente schifo//[Lucianopignataro.it](https://www.lucianopignataro.it). 23.08.2019. <https://www.lucianopignataro.it/a/abolire-il-99-delle-sagre-gastronomiche-e-una-battaglia-di-civiltà/63218/>
- Pitrè 1875 — Pitrè G. Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane. Palermo: Pedone-Lauriel, 1875.
- Protocollo 2021 — Protocollo Sanitario COVID-19 sagre e fiere locali//www.testo-unico-sicurezza.com. 2021. <https://www.testo-unico-sicurezza.com/protocollo-sanitario-covid-19-sagre-e-fiere.html>
- Rapporto 2022 — Rapporto Coldiretti/Censis “Gli italiani e il cibo nelle crisi e oltre”//www.coldiretti.it. 24.11.2022. <https://www.coldiretti.it/economia/rapporto-coldiretti-censis-gli-italiani-e-il-cibo-nelle-crisi-e-oltre>
- Rizzuto 2019 — Rizzuto E. Progetto Centocè: l’esperienza ENEA nella valutazione dell’economia circolare di comunità// AISEC 18.05.2019. <http://www.aisec-economiacircolare.org/progetto-centocè-lesperienza-enea-nella-valutazione-delleconomia-circolare-comunità>
- Sagra s. d. — Sagra // [Treccani.it](https://www.treccani.it). s. d. <https://www.treccani.it/vocabolario/sagra/>
- Sagra Carciofo 2023 — Sagra Carciofo, boom di visitatori // [Alguer.it](https://www.alguer.it). 15.03.2023. <https://www.alguer.it/notizie/n.php?id=173195>
- Sagra del Mandorlo 2023 — Sagra del Mandorlo in Fiore ad Agrigento//Sicilianfesta. 06.03.2023. https://www.siciliainfesta.com/sagre/sagra_del_mandorlo_in_fiore_agrigento.htm
- Sagre, feste 2022 — Sagre, feste, iniziative: ecco cosa fare per il Ponte del 25 aprile//[Sienanews.it](https://www.sienanews.it). 23.04.2022. <https://www.sienanews.it/toscana/siena/sagre-feste-iniziative-ecco-cosa-fare-per-il-ponte-del-25-aprile/>
- Sagre in Italia 2022 — Sagre in Italia // [Giritalia.it](https://www.giritalia.it). 2022. <https://www.giritalia.it/sagre/>
- Sottile 2022 — Sottile L. Rapporto sul turismo enogastronomico 2022: il vino segna la rotta//www.gamberorosso.it. 20.05.2022. <https://www.gamberorosso.it/notizie/rapporto-sul-turismo-enogastronomico-2022-il-vino-segna-la-rotta/>
- Tassoni 1973 — Tassoni G. Arti e tradizioni popolari. Le inchieste napoleoniche sui costumi e tradizioni del Regno Italico (1811). Bellinzona: La Vesconta. 1973.
- Time in Jazz Festival 2022 — Berchidda // www.italybyevents.com. 2022. <https://www.italybyevents.com/en/events/sardinia/time-in-jazz-berchidda/>
- Tre stili 2023 — Tre stili per tre artisti // [Ecodibergamo.it](https://www.ecodibergamo.it). 2023. https://www.ecodibergamo.it/eventi/eppen/dettaglio/arte/martinengo/tre-stili-per-tre-artisti_162216/
- Turismo enogastronomico 2020 — Turismo enogastronomico: boom di stranieri, ma si può fare di più! // www.enolo.it. 30.01.2020. <https://www.enolo.it/turismo-enogastronomico-rapporto-2020/>
- Научная литература**
- Шарков Ф. И. Вставочный коммуникационный менеджмент (управление выставочными коммуникациями. М.: Альфа-Пресс, 2006. 155 с.
- Шевлякова Д. А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. М.: Университетская книга. 2011. 495 с.
- Baccarella A. Storia moderna dell’agricoltura siciliana: dall’anteguerra ai giorni nostri. Vol. 1–2. Palermo: La Zisa, 2020. 1050 p.

- Ballarini G. La cucina italiana dai vecchi ai nuovi paradigmi. 1861–2011 // La cucina nella formazione dell’identità nazionale. Milano: Accademia Italiana della Cucina, 2011. P. 15–54.
- Barratt Brown M. Fair Trade. London: Zed Books, 1993. 226 p.
- Barthes R. Système de la mode. Paris: Du Seuil, 1967. 327 p.
- Braudel F. Les structures du quotidien: le possible et l’impossible // Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV–XVIII siècle. T. I. Paris: A. Colin, 1979. 544 p.
- Bresc H. Il cibo nella Sicilia medievale. Palermo: Palermo University Press, 2019. 141 p.
- Cappati A., Montanari M. La Cucina italiana. Storia di una cultura. Roma — Bari: Laterza, 2000. 408 p.
- Croce M. Le stagioni del sacro. Palermo: Flaccovio, 2004. 127 p.
- Cusimano G. Le vie del commercio in Sicilia // Cusimano G. (a cura di). Le strade del commercio in Sicilia. Analisi e ricerche sul campo. Milano: Franco Angeli, 2019. P. 9–14.
- Dickie J. Delizia! The Epic History of the Italians and Their Food. London: Hodder&Stoughton, 2007. 404 p.
- Fassio G. «L’elogio del villano». Le sagre in piazza. Roma: Aracne, 2009. 248 p.
- Fiore E., Corradi M. Fiere, sagre, feste paesane e spettacoli viaggianti. Adempimenti, controlli, aspetti di safety e security. Romagna: Maggioli, 2022. 498 p.
- Gabrielli C. Contributi alla storia economica di Roma repubblicana. Colverde (CO): New Press, 2003. 199 p.
- Geertz C. The Interpretation of the Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973. 470 p.
- Graziano T. Dai migranti ai turisti. Gentrification, luoghi del consumo e modelli di fruizione nelle città globali. Roma: Aracne, 2013. 288 p.
- Guigoni A. Antropologia del mangiare e del bere. Campospino (PV): Altravista, 2009. 159 p.
- La Cecla F. Andare per la Sicilia dei greci. Bologna: Il Mulino, 2015. 154 p.
- Le Goff J. La Civilisation de l’Occident medieval. Paris: Arthaud, 1977. 693 p.
- Milazzo N. Cannoli e polenta. Palermo: Flaccovio, 2011. 256 p.
- Montanari, M. 1997. La fame e l’abbondanza. Storia dell’alimentazione in Europa. Roma-Bari: Laterza. 262 p.
- Pennacchi A. Fascio e martello. Viaggio nelle città del Duce. Rome-Bari: Laterza, 2008. Roma-Bari: Laterza, 2008. 362 p.
- Puca D. Come si fa una cucina regionale. Semiotica del gusto e gastosfera siciliana // Giannitrapani A., Puca D. (a cura di). Forme della cucina siciliana. Esercizi di semiotica del gusto. Milano: Mimesis, 2020. P. 7–50.
- Raynolds L. T., Long M. Fair/alternative trade: Historical and empirical dimensions // Laura T. Raynolds, Douglas Murray and John Wilkinson (eds.). Fair Trade: The Challenges of Transforming Globalization, New York: Routledge, 2007. P. 15–29.
- Vaccari G. Le feste di Roma antica. Roma: Edizioni Mediterranee, 1986. 277 p.
- Verdon J. Feste e giochi nel Medioevo. Milano: Dalai, 2004. 320 p.
- Zauli A. Fiere e sagre paesane. Feste popolari. V. 1. Belluno: Paper, 2009. 984 p.

References

- Baccarella, A. 2020. *Storia moderna dell’agricoltura siciliana: dall’anteguerra ai giorni nostri* [The Modern History of the Sicilian Agriculture: From Pre-war to the Present Day]. Vol. 1–2. Palermo: La Zisa. 1050 p.
- Ballarini, G. 2011. La cucina italiana dai vecchi ai nuovi paradigmi. 1861–2011 [Italian Cuisine from Old to New Paradigms. 1861–2011]. In: *La cucina nella formazione dell’identità nazionale* [Cooking in the Formation of National Identity]. Milano: Accademia Italiana della Cucina. 15–54.

- Barratt Brown, M. 1993. *Fair Trade*. London: Zed Books. 226 p.
- Barthes, R. 1967. *Système de la mode* [Fashion System]. Paris: Du Seuil. 327 p.
- Braudel, F. 1979. Les structures du quotidien: le possible et l’impossible [The Structures of Every-day Life: the Possible and the Impossible]. In: Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV–XVIII siècle* [Material Civilization, Economy and Capitalism. XV–XVIII century]. Vol. I. Paris: Colin. 544 p.
- Bresc, H. 2019. *Il cibo nella Sicilia medievale* [Food in Medieval Sicily]. Palermo: Palermo University Press. 141 p.
- Cappati, A. and M. Montanari. 2000. *La Cucina italiana. Storia di una cultura* [The Italian Cuisine. History of a Culture]. Roma — Bari: Laterza. 408 p.
- Croce, M. 2004. *Le stagioni del sacro* [The Seasons of the Sacred]. Palermo: Flaccovio. 127 p.
- Cusimano, G. 2019. Le vie del commercio in Sicilia [Trade Routes in Sicily]. In *Le strade del commercio in Sicilia. Analisi e ricerche sul campo* [The Roads of Commerce in Sicily. Analysis and Field Research], ed. by G. Cusimano. Milano: Franco Angeli. 9–14.
- Dickie, J. 2007. *Delizia! The Epic History of the Italians and Their Food*. London: Hodder&Stoughton. 404 p.
- Fassio, G. 2009. «L’elogio del villano». *Le sagre in piazza* [“The Praise of the Villain”. The Sagra in the Square]. Roma: Aracne. 248 p.
- Fiore, E. and M. Corradi. 2022. Fiere, sagre, feste paesane e spettacoli viaggianti. Adempimenti, controlli, aspetti di safety e security [Fairs, Sagre, Village festivals and Traveling Shows. Obligations, Controls, Aspects of Safety and Security]. Romagna: Maggioli. 498 p.
- Gabrielli, C. 2003. *Contributi alla storia economica di Roma repubblicana* [Contributions to the Economic History of Republican Rome]. Colverde (CO): New Press. 199 p.
- Geertz, C. 1973. *The Interpretation of the Cultures*. New York: Basic Books. 470 p.
- Graziano, T. 2013. *Dai migranti ai turisti. Gentrification, luoghi del consumo e modelli di fruizione nelle città globali* [From Migrants to Tourists. Gentrification, Places of Consumption and Patterns of Fruition in Global Cities]. Roma: Aracne. 288 p.
- Guigoni, A. 2009. *Antropologia del mangiare e del bere* [Anthropology of Eating and Drinking]. Campospino (PV): Altravista. 159 p.
- La Cecla, F. 2015. *Andare per la Sicilia dei greci* [Going about Sicily of the Greeks]. Bologna: Il Mulino. 154 p.
- Le Goff, J. 1977. *La Civilisation de l’Occident medieval* [The Civilization of the Medieval West]. Paris: Arthaud. 693 p.
- Milazzo, N. 2011. *Cannoli e polenta* [Cannoli and Polenta]. Palermo: Flaccovio. 256 p.
- Montanari, M. 1997. *La fame e l’abbondanza. Storia dell’alimentazione in Europa* [Hunger and Abundance. History of Food in Europe]. Roma-Bari: Laterza. 262 p.
- Pennacchi, A. 2008. *Fascio e martello. Viaggio nelle città del Duce* [Beam and Hammer. Travel to the Cities of the Duce]. Roma-Bari: Laterza. 362 p.
- Puca, D. 2020. Come si fa una cucina regionale. Semiotica del gusto e gastosfera siciliana [How to Make a Regional Cuisine. Semiotics of Taste and Sicilian Gastrophere]. In *Forme della cucina siciliana. Esercizi di semiotica del gusto* [Forms of Sicilian Cuisine. Exercises in Semiotics of Taste], ed. by A. Giannitrapani, D. Puca. Milano: Mimesis. 7–50.
- Raynolds, L. T. and M. Long. 2007. Fair/Alternative Trade: Historical Andempirical Dimensions In *Fair Trade: The Challenges of Transforming Globalization*, ed. by L. T. Raynolds, D. Murray, J. Wilkinson. New York: Routledge. 15–29.

- Sharkov, F. I. 2006. *Vystavochnyj kommunikacionnyj menedzhment (upravlenie vystavochnymi kommunikacijami)* [Exhibition Communication Management (Managing Exhibition Communications)]. Moscow: Al'fa-Press. 155 p.
- Shevljakova, D. A. 2011. *Dominanty nacional'noi identichnosti ital'iansev* [The Dominants of National Identity of Italians]. Moscow: Universitetskaja kniga. 495 p.
- Vaccari, G. 1986. *Le feste di Roma antica* [The Festivals of Ancient Rome]. Roma: Edizioni Mediterranee. 277 p.
- Verdon, J. 2004. *Feste e giochi nel Medioevo* [Festivals and Games in the Middle Ages]. Milano: Dalai. 320 p.
- Zauli, A. 2009. *Fiere e sagre paesane. Feste popolari* [Fairs and Village Festivals. Folk Feasts]. Vol. 1. Belluno: Paper. 984 p.

УДК: 394+339.376.2
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/165-183
 Научная статья

© Д. А. Шевлякова

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В НАЗВАНИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ ВИН НАЧАЛА XXI В.

Статья посвящена исследованию принципов исторической номинации в коммерческих наименованиях итальянских вин, которые появились на рынке сбыта в период 2000–2022 гг. Гипотезой исследования стало утверждение, что коммерческое наименование вина является инструментом актуализации и экстерриоризации коллективной памяти локального сообщества, которое таким образом конструирует идею нужного ему прошлого сетевым методом. Для проведения исследования методом репрезентативной выборки с сайтов производителей итальянских вин и специализированных журналов винодельческой продукции были выделены единицы исследования (эпонимы). Наименования вин были проанализированы с точки зрения лингво-когнитивных и культурно-исторических критерии, которыми предположительно руководствовались производители вина, выбирая исторические названия для винной продукции с целью сбыта их потенциальным покупателям — представителям локальных сообществ. Логика процесса коммерциализации вина позволила выявить лингво-коммуникативный механизм эпонима, функционирующего по принципу имплицитного нарратива, автор которого — производитель вина, а реципиент — потребитель вина. В статье были проанализированы исторические страны из истории Древнего Мира (Древний Рим, Древняя Греция, история самнитских народов), которые стали продуктивным материалом для реконструирования коллективной памяти итальянских локальных сообществ. Соответственно, были выделены знаки, символы и представления исторической памяти в коммуникативной pragmatike локального, национального и универсального уровней. Исследование показало, что в Италии релевантно понятие локальной идентичности, а не этнической. Границы локальной идентичности очерчиваются общей историей, актуализируются те ее страны, которые сопричастны «великому прошлому», в пределе — сакральному прошлому.

Ключевые слова: эпоним, наименования вин, виноделие Италии, историческая память, локальная идентичность, знаки и символы идентичности, итальянская идентичность

Ссылка при цитировании: Шевлякова Д. А. Коммерциализация исторической памяти в названиях итальянских вин начала XXI в. // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 165–183.

Шевлякова Дарья Александровна — доктор культурологии, зав. кафедрой итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы 1, стр. 13, IV гуманитарный корпус). Эл. почта: scevljakova@mail.ru

UDC: 394+339.376.2

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/165-183

Original article

© Daria Shevliakova

COMMERCIALIZATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE NAMES OF ITALIAN WINES IN THE EARLY 21ST CENTURY

The article is devoted to the study of historical nomination in the commercial appellations of Italian wines that appeared on the market in the period 2000–2022. The study tested the hypothesis that the commercial name of wine is a tool for updating and exteriorizing the collective memory of the local community, which thus constructs the idea of the past it needs using the network method. A representative sample of research units (enonyms) was selected from the websites of Italian wine producers and specialized magazines of wine products. The names of wines were analyzed in terms of linguo-cognitive and cultural-historical criteria that supposedly guided wine producers when choosing historical names for wine products in order to sell them to potential buyers — representatives of local communities. The logic of the wine commercialization process made it possible to identify the linguo-communicaive mechanism of the enonym, which functions as an implicit narrative, created by the wine producer for the wine consumer. The article analyzes historical strata from the history of the Ancient World (Ancient Rome, Ancient Greece, Etruscan culture, the history of the Samnite peoples), which serves as productive material for reconstructing the collective memory of Italian local communities. Accordingly, signs, symbols and representations of historical memory were identified in the communicative pragmatics of the local, national and universal levels. The study showed that in Italy the concept of local rather than ethnic identity is relevant. The boundaries of local identity are outlined by a common history, its strata that are involved in the “great past”, or even the sacred past, are actualized.

Keywords: enonym, appellations of Italian wines, Italian winemaking, historical memory, local identity, signs and symbols of identity, Italian national identity

Author Info: Shevliakova, Daria A. — Doctor of Culturology, Head of Department of Italian language, Faculty of foreign languages and areal studies, M. V. Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow). E-mail: scevliakova@mail.ru

For citation: Shevliakova, D. A. 2023. Commercialization of Historical Memory in the Names of Italian Wines in the Early 21st Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 165–183.

В начале третьего тысячелетия под влиянием глобализации в мировом сообществе усилился процесс очерчивания границ этнических и локальных идентичностей. Центральным в актуализации коллективной идентичности становится вопрос об общем разделенном прошлом, об исторической памяти. Однако в тени исследований остается тот факт, что историческая память, будучи основным фактором консолида-

ции коллективной идентичности, представляет собой потенциальный продукт для коммерциализации. Верно и обратное: превратившись в предмет торговли в виде товара или, как в нашем случае, в виде коммерческого наименования, историческая память обретает форму, экстериоризируется и проявляет себя; в этом аспекте товарные знаки представляются продуктивным материалом для обнаружения коллективных представлений локального, этнического и национальных уровней. Цель статьи — выявление объектов, представлений, символов и знаков исторической памяти в торговых наименованиях итальянских вин 2000–2020 гг.

Понятие «коллективная память» ввел в научный оборот французский социолог Морис Хальбвакс; вслед за французским ученым в мировой научной практике под коллективной памятью стали понимать «разделяемые людьми представления об историческом прошлом, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе» (Емельянова, Кузнецова 2013: 9). Основной функцией коллективной памяти является поддержание и воспроизведение групповой идентичности, собственно, память и очерчивает воображаемые границы идентичности. Коллективная память ориентирована на обретение ценностно-смысло-вого согласия, прошлое используется лишь в качестве трамплина для гипотетического будущего — в отличие от исторической науки для коллективной памяти не релевантны ни историческая достоверность своего прошлого, ни сохранение и систематизация всех имеющихся сведений о прошлом (Лойко, Вакурина 2011). Когда объектом коллективной памяти выступают реальные факты прошлого и исторические события сообщества (нации, региона, города, деревни, рода), говорят об «исторической памяти» — это совокупность знаний (донаучных, вненаучных, квазинаучных, научных) и представлений сообщества о своем прошлом (Репина 2003).

Коллективная память непрерывно воссоздается сообществом, но есть некоторые профессиональные группы, которые вовлечены в процесс более активно, немецкие историки А. Асман и Р. Козелек выделяют т. н. «большую семерку»: университетская профессура, священники, ПР-специалисты, журналисты, поэты, политики (Assman 2013: 16). К категории ПР-специалистов будут относиться маркетологи, бренд-менеджеры винной промышленности, а также собственники винных производств, которые в Италии придумывают названия для вина, зачастую руководствуясь вдохновением и интуитивным представлением о том, что понравится покупателю вина.

Торговые названия вина были выбраны в качестве материала для «зондирования» исторической памяти по двум причинам. Во-первых, мы как бы «читаем» заголовки имплицитных, свернутых нарративов из коллективной памяти: производитель дал название, не связанное с органолептическими характеристиками вина; декодировать это название, развернув нарратив до полноценного рассказа, может покупатель (член локального и национального сообщества) в своем воображении. Во-вторых, по наименованиям итальянских вин последнего двадцатилетия можно в первом приближении выявить и «прочитать» некоторые тенденции конструировании коллективной памяти: «Ономастикон представляет своего рода верхний слой культуры, слой, доступный для прочтения. Ведь по картине или фотографии не всегда можно определить место или объект, особенно если раньше никогда его не видели, имя (название картины) дает ключ к разгадке» (Робустова 2018: 33). И как раз в начале XXI в. происходят значительные изменения ономастикона в области итальянского

виноделия века по сравнению с традицией именования вин XIX–XX вв., в частности, в названиях вин появляются компонент значения «общая история».

Название вина — это имя собственное (ИС), являющееся коммерческим наименованием (торговым знаком), в итальянской лингвистической традиции определяется как «эноним», наименование вина, согласно терминологии лингвиста А. Галковского (Galkowski 2010: 605). Этикетка на бутылке — основная форма коммуникации производителя с потребителем, с помощью этикетки вино презентуется по визуальному и вербальному коммуникативным каналам, но именно название является квинтэссенцией коммерческой (и имплицитно — ценностной) интенции производителя. Родовое понятие для торговых наименований — прагматоним (прагмоним). Под прагматонимом обычно понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» (Подольская 1978: 81). Специфика прагматонимов заключается в том, что они: 1) «маркируют» серию однородных объектов, определяя как отдельный элемент ряда, так и всю серию в целом; 2) функционируют в сфере производства и торговли, что предполагает наличие аттрактивной (рекламной) функций (Исангузина 2008: 990).

В XIX–XX вв. наименования большинства европейских вин (и итальянские вина — не исключение) восходят к топонимам, относящимся к винодельческим областям и районам (например, районы виноделия Barolo, Chianti, Valpolicella в Италии одновременно являются наименованием марочных вин), — это первый, самый традиционный и продуктивный принцип номинации винодельческой продукции. Среди вин без маркированного в названии места происхождения выделяют т. н. сортовые вина, наименования которых указывают на моносорт или преобладающий сорт используемого в купаже винограда (например, «Каберне»), — это второй традиционный способ номинации вин. Третий традиционный способ представляет собой синтез двух предыдущих: указывается как сорт винограда, так и местность, в которой произрастает винодельческая культура, например, «Amarone di Valpolicella», в котором Amarone — сорт винограда, а Valpolicella — название винодельческого района (Hohnerlein-Buchinger 1996). Очевидная связь между вином и территорией произрастания виноградника определяет и основную направленность в маркетинге вина в европейской и, в частности, итальянской традиции виноделия — классические марочные вина будут иметь топонимические, сортовые или сортово-топонимические названия. В качестве подтверждения достаточно проанализировать наименования 78 итальянских марочных вин DOCG (данные на январь 2023 г.): 36 названий будут иметь оттопонимическую номинацию, 38 названий — номинацию «сорт винограда + топоним», 1 наименование — «сорт винограда», 3 наименования — другие принципы номинации (Vini DOCG in Italia: rapporto annuale 2023). Традиционные (территориальные или сортовые) наименования вина в маркетинге обусловлены как гарантией достоверности данных, так и стремлением завоевать доверие потребителя. Потребитель, не будучи экспертом-сомелье, ориентируется при покупке на исторически проверенную территорию происхождения вина или на определенный сорт винограда.

Справедливости ради стоит признать, что оттопонимические и сортовые названия вин по-прежнему составляют основной массив традиционных итальянских вин и в начале XXI в. (на основании проведенного исследования, их примерно около 84% от всех названий), но вот в оставшихся 16% энонимы будут образованы по другим лингво-когнитивным принципам; с особенным рвением неймингом бу-

дут заниматься молодые винодельческие компании, а их основной рынок сбыта — локальный, региональный и частично общенациональный. Семантический сдвиг в наименованиях вин может быть ценным свидетельством не только об изменении в стратегиях маркетинга, но в ценностной картине локальных и национального сообществ, так как отвечает на вопросы: «Какие концепции можно упаковать в коммерческую упаковку и назвать именем (торговым знаком), которое выразит эти ценности? Что из истории является значимым для локального (национального) сообщества на данный момент? Какой пласт прецедентности поднимает в коллективной памяти это вино?» Из уровней прецедентности имени собственного, предложенных лингвистом Д. Б. Гудковым, нас интересует социумно-прецедентный уровень, когда феномены, отраженные в ИС, известны усредненному представителю локального сообщества (регионального, областного, районного масштаба), национально-прецедентный уровень, когда явление-референт названия известно любому представителю лингвокультурного сообщества (страны, нации, Италии); частично нам придется иметь дело с наднациональным уровнем — отражением универсально-прецедентных феноменов, известных любому представителю международного сообщества (Гудков 2003: 102–104).

С целью выявления компонентов исторической памяти был применен двухэтапный корпусный анализ: 1) в огромном массиве итальянских вин выпуска последних 20 лет (2000–2020 гг.) методом репрезентативной выборки были отобраны 220 наименований вин, которые содержат в названии исторический компонент: топоним, прецедентный персонаж, событие, предмет материальной культуры, практики культа, технологию, древний язык; 2) в отобранном корпусе была произведена сплошная выборка и подсчет единиц позволил выделить наиболее значимые исторические страты (эпоха + локация культуры), оставившие отпечаток в коллективно памяти. В статье мы не рассматриваем наименования вин, имеющих референтом средневековую, новую и новейшую историю Италии, так как этот компонент значения в энонимах был достаточно подробно освещен в корпусном исследовании наименований итальянских вин лингвокультуролога С. Джилардони, которая продемонстрировала, что энонимы с референтом «Средние века» отсылают нас даже не к региональной, а к локальной (областной, районной, городской) уровням идентичности (Gilardoni 2017: 122–131).

В качестве источников были использованы: 1) европейская база данных (подлинности) спиртных напитков с защищенным географическим наименованием «E-Ambrosia» (Registro delle indicazioni geografiche dell'UE 2023), 2) регистр итальянских вин DOP (защищенного происхождения) и регистр итальянских вин IGT (типичного географического наименования) Министерства сельскохозяйственной, продовольственной и лесной политики Италии (Elenco alfabetico vini DOP, Elenco alfabetico vini IGP 2023), 3) специализированный энологический журнал «Civiltà del bere» мультимедийный винный дайджест «Winenews», профессиональные обзоры итальянских сомелье «Scantinati» и «Wineblogroll» (ИКС 1). Особо ценным источником, свидетельствующим о рецепции необычных названий вин, появившихся на рынке сбыта в 2014–2022 гг., стал специализированный блог брендинга и маркетинга винной продукции и упаковки «Il nome del vino» — «Имя вина» (ИКС 1), в котором скрупулезно по годам анализируются упаковка, этикетка, контратекстка и коллеретка винных новинок; 4) официальные электронные ресурсы винодельческих

компаний-производителей (82 производителя): названия винодельческих предприятий указаны в скобках рядом с наименованием вина, сайты омонимичны названию, из-за экономии места в списке источников были указаны только те, где были даны объяснения принципов выбора названия со стороны производителя.

Следовательно, задачами статьи является: 1) на основании корпуса эпонимов с референтом «История Древнего Мира» определить исторические страты, наиболее продуктивные в образовании итальянских наименований вин, 2) проанализировать знаки, символы, нарративы исторической памяти, маркирующие названия итальянских вин, 3) выявить доминирующие представления в исторической памяти национального сообщества, разграничивая локальный, национальные и наднациональный пласты коллективной памяти.

Основная часть

История Древнего Рима как референт для эпонима

Национальную историю в коллективной памяти теоретически должен был бы представлять Древний Рим. Действительно, в эпонимах будут присутствовать древнеримские исторические компоненты, производители охотно используют номинативный потенциал прецедентных имен и событий (32% наименований из всего корпуса). С другой стороны, в «римских» наименованиях вин начала XXI в. появляется новая тенденция представлять периферийные исторические события, персонажи и места — история уступает место микроистории. Примером может послужить вино с латинским наименованием «Magno Megonio» (производитель «Librandi», Калабрия), названного в честь Манио Мегонио Леоне, энтузиаста селекции виноградных лоз, принадлежащего к патрицианской семье Мегонио ди Стронголи, владевшей во II в. д. н.э. обширным поместьем от Кротоне до Кариати Либранди, большая часть которого была отдана под виноградники. Производитель вина таким образом «хотел почтить этим вином любовь к земле и виноделию семьи римских центурионов (Magno Megonio IGT Calabria 2018). Наряду с представителем патрициев в винной традиции хотят увековечить и скромного раба Гермия: дань «маленькому человеку» воздают владельцы сельскохозяйственного предприятия «Arrighi» (вино «Hermia», регион Тоскана): «Это вино мы посвящаем виноделу Гермию, жившему 2100 лет назад, простому рабу на сельской вилле Сан-Джованни (остров Эльба). По поручению своего хозяина Гермий купил на юге Лацио большие сосуды, называемые долиумы, на которых он нацарапал свое имя рядом с фигурками дельфинов, украсивших суд (здесь и далее перевод с итальянского мой — Д. Ш.)» (Hermia 2014).

Оттопонимических эпонимов, отсылающих к магистральной истории Рима будет сравнительно немного (17 наименований), они так или иначе фокусируются вокруг города Рима, и производители региона Лацио считают себя «законными правообладателями» наименований с названием «Рим» (12 наименований). К примеру, «Azienda Vinicola Federici» и «Casa Divina Provvidenza» так и назовут свои вина «Roma», снабдив этикетку более чем ожидаемым изображением Колизея. Этикетку вина «Caput Mundi» — «Глава (столица) мира» («Pesoli Giulio», Лацио) украшает боевая римская колесница.

В вине «Roma DOC Classico» (производитель «Castamege», Лацио) представляет исследовательский интерес этикетка, воспроизводящая обобщенный образ античности в виде величественного храма с четкими геометрическими линиями и аллегорическими женскими фигурами римских матрон. Данная этикетка является яркой иллюстрацией отличия коллективной памяти и истории: «древнеримский» храм, судя по изломанной линии антаблемента и пучкам колонн — типичный римский барочный храм, но подобные исторические анахронизмы и несообразности не relevantны для исторической памяти, а вот барочная театральность и зрелищность как нельзя лучше вписываются в величественный и роскошный образ Рима в исторической памяти. На этикетке красного и белого вина «Roma» («Solis Terra», Лацио) изображены основные древнеримские дороги на Апеннинском полуострове: Via Appia, Via Flaminia, Via Aurelia и др. Дороги повторяют свой реальный маршрут, представлены латинскими названиями курсивом, как бы «от руки». Изображенные дороги, как реки, стекаются в название вина «Roma», вызывая в памяти паремию, существующую во всех европейских языках: «Все дороги ведут в Рим». В коллективной памяти жителей региона Лацио Рим является символом центрального положения данного региона в истории, географии и культуре. Другие регионы целенаправленно воздерживаются как от этой концепции, так и от использования названия города в качестве референта для названия вин.

Однако собственно военной атрибутике Древнего Рима в названиях вина (легион, легионер, манипула, центурия, центурион, претор и др.) найти не удалось. Из известных полководцев представлен только Сципион Африканский, его имя украшает этикетку тосканского вина «Scipio» («Tenuta Sette Cieli», Тоскана), визуальный код этикетки никак не дополняет название. Римский военачальник Публий Корнелий Сципион Африканский Старший сыграл ключевую роль во Второй Пунической войне, разгромив войска карфагенского полководца Ганнибала, в битве при Заме (Бобровникова 2008: 87–89), именно этого исторического персонажа выбрали в качестве символа всех полководцев Древнего Рима в Гимне Итальянской Республики «Fratelli d’Italia»: в нем аллегорическая фигура Италии увенчивает себя «шлемом Сципиона». А вот подлинным шоком исследователя стал тот энтузиазм, с которым итальянские производители дают названия винам (7 номинаций!) с именем Ганнибала, символа почти

Рис. 1. Белое и красное вина «Roma», винодельня «Solis Terra» (регион Лацио), официальный сайт: <https://vinidocroma.com/it/aziende/solis-terrae/>

случившегося поражения Древнего Рима после разгрома римской армии в битве при Каннах (Тразименское озеро, Умбria). Ганнибал имел все шансы захватить г. Рим, если бы его не отзывали на территорию Африки из-за побед как раз Сципиона Африканского в карфагенских владениях в Испании и Нумидии на севере Африки (Бобровникова 2008: 87–90). Именем Ганнибала назвали свои вина производители регионов Венето, Ломбардия, Умбria, Апулия, Калабрия, Базиликата; позиция виноделов из последних четырех регионов понятна: са́мниты, лука́нцы, брутии и апулийцы после победы при Каннах, перешли на сторону Карфагена. Значимо то, что в исторической памяти локальных сообществ актуализируется не счастливое процветание их земель под римским управлением, а момент «мести» Древнему Риму, который в коллективных представлениях маркирован как захватчик земель итальянских (доримских) народов. Четверо производителей поместили на этикетку изображение боевого слона из элефантерии Ганнибала: один вид этих огромных животных вносил ужас и смятение в ряды римских пехотинцев, никогда слонов не видевших. Экзотические слоны иллюстрируют нам сам принцип исторической памяти в ее отличии от науки истории: она тяготеет к волшебному, сказочному, необычному, которое можно организовать в некий интересный нарратив, причем производитель вина только дает «затравку» этого своеобразного сторителлинга, а подхватывает сказ уже покупатель вина в своем воображении — так, по сетевому принципу, и конструируется историческая память.

Из прецедентных исторических имен представлены почти все императоры, интересно, что выбирают для названий как «хороших»: Август — 5 наименований, Цезарь — 4, Марк Аврелий — 4, Веспасиан — 4, Тит — 3, Домициан — 4, Траян — 3, Адриан — 2, так и «плохих»: Нерон — 3, Тиберий — 4, Калигула — 3; среди винодельческих регионов опять лидирует Лацио, но есть и другие. К сожалению, визуальный код этикетки никак не дополняет название, в единичных случаях дана иллюстрация в виде портрета императора в профиль на монете или барельефе. В эпонимах, полученных путем подобной трансонимизации, преобладает номинативная и дифференцирующая функции онима: надо просто дать название короткое и узнаваемое (из школьной программы истории), название лишь помогает отличить один товар от другого.

Достаточно частотна трансонимизация в эпонимы ИС древнеримского историка Плиния Старшего (7 наименований), причем это имя собственное «монополизировано» не только регионом Лацио, участвуют и Лигурия, Тоскана, Кампания. Действительно, Плиний Старший в XIV томе своей «Естественной Истории» посвящает 25 глав виноделию и виноградарству, а в XVII томе уделяет особое внимание уходу за виноградной лозой (принципы коллокации виноградника, селекция лоз, заболевания растений и т. д.) (Plinius G. S. *Naturalis Historia* XIV, XVII).

Крупный швейцарский дистрибутор «Enoteca Vinarte» посвящает винной классификации Плиния целую статью (Plinio 2019), в которой релевантна отсылка к утверждению ученого о сельскохозяйственной предрасположенности территории Апеннинского полуострова к выращиванию виноградной лозы: «что касается выращивания лозы, Италия обладает неоспоримым преимуществом относительно других стран» (Plinius G. S. *Naturalis Historia* XIV, 2), а также делается акцент на том, что сорта винограда и вина, перечисленные Плинием, до сих пор продолжают использоваться в Италии.

В формировании эпонимов были задействованы и прецедентные высказывания, в основном, для краткости берется лишь номинативная часть. Например, эпоним «Veritas» («Torrevento», Апулия) представляет латинское крылатое выражение «In vino veritas», а эпоним «Ad astra» («Nittardi», Тоскана) референтом имеет «Per aspera ad astra», это подтверждает и разъясняет и сам производитель, акцентируя, что название вина в качестве знака отсылает нас к общему прошлому (Ad Astra Toscana IGT 2014).

В решении дать латинские наименования винам Италии есть своя логика, своя последовательность: в дискурсе коммерциализируемой исторической памяти они выполняют функцию знаков, указывающих на то, что продаваемые вина имеют какую-то связь с древнеримской культурой (которой в реальности, нет, но для коллективной памяти объективная реальность не релевантна, создается некая сверхреальность). Конечно, для необразованной публики значения латинских слов могут быть трудны как для восприятия, так и для запоминания. Поэтому как правило берутся простые, желательно не многосложные слова, узнаваемые практически всеми итальянцами (регионы производителей разные), т. к. фонетическая оболочка слова практически не изменилась: «Petrus» — «Камень», «Aurora» — «Заря» («Enoteca Scansanese», Тоскана), «Modus» — «Способ» («Ruffino», Тоскана), «Pristinum» — «Древний» («Passignano sul Trasimeno», Умбria), «Praecipuus» — «Превосходный» («Cantina Roeno», Венето), «Habemus» — «У нас есть» («I Tirreni», Тоскана), «Aliter» — «Другой» («Podere Casaccia», Тоскана). Данные наименования напрямую с семантикой вина и виноделия не связаны, они не информативны и не индексальны. Кроме того, они не рассказывают нам сюжетные истории, фантазия и метафорическое мышление покупателя не активизируются, это просто указательные знаки на историческую эпоху «Древний Рим».

Привлекательны для процесса трансонимизации имен собственных в эпонимы и римские боги, которые укоренены в коллективных представлениях благодаря последовавшей рецепции в истории западноевропейского искусства (изобразительного, словесного, театрального). Мифонимов из римского языческого пантеона будет много, все основные боги послужили для образования названий вин не по одному разу. Удивительно, что производящими для эпонимов послужили и боги, которые по сфере своей деятельности не имеют никакого отношения ни к виноделию, ни к пиршественной культуре. Так в категории наибольшей частотности (помимо очевидного Вакха) превалирует богиня Диана — 11 наименований вин «Diana», отдельно мифоним Диана встречается в 4 территориальных указаниях в названии вин: «Villa Diana», «Terre di Diana» (дважды встречаются у разных производителей). Выбор Дианы, на первый взгляд, кажется странным: в Древнем Риме богиня все же больше ассоциировалась с охотой и дикими лесами, о чем свидетельствует известный «Гимн Диане» Катулла (Gaius Valerius Catullus Carmina, XXXIV). Однако, странным он кажется только для представителя другой культурной традиции (российского автора данной статьи), потому как носителям итальянской культуры фоново понятен второй немаловажный компонент значения: кульп Дианы был еще доримским, его принесли в Рим сабины, а впоследствии города Латинского союза объединялись вокруг ее культа (отождествление с греческой Артемидой происходит позже). И когда в этом союзе Рим стал претендовать на позицию лидера, и в политической мифологии зародилась идея о мессианском пути Рима, предначертанного

богами, вот тогда и появился нарратив о священной корове, перехваченной у одного сабинянина и принесенного римским жрецом в жертву Диане, что предрешило ее расположение к Риму, в котором построили храм Дианы на Аventинском холме (Бирюков 2009: 44–45).

Второй, еще более важный для понимания механизмов коллективной памяти компонент, связан с тем, что кульп Дианы был мало популярен у римских патрициев, зато весьма популярен у римских рабов, следовательно, почитателей было большее количество. Подтверждением актуализации вот этого компонента значения может послужить эпоним «Diana Nemorensis» — «Диана с (озера) Неми» (винодельня «Ominaromana», Лацио), референтом имеющий архаические практики святилища Дианы на озере Неми (беглый раб мог бросить вызов действующему жрецу святилища и убить его веткой, отломленной от сакрального дерева, заняв таким образом его место). На этикетке нет ожидаемой поясняющей иллюстрации: предполагается, что покупатель (из области Лацио) представляет исторический контекст нарратива, визуальная поддержка избыточна (Pasqualini 2017: 5–9).

Другому автохтонному культу посвящено название вина «Ops Consiva» — «Опиконсивия» («Campi Valerio», Молизе). Латинское слово «ops» означает богатство, изобилие, дары, щедрость, оно однокоренное с существительным «opis» — работа, особенно сельскохозяйственная работа. Опа (статуя изображена на винной этикетке) — архаичное римское божество, олицетворяющее землю и дарующая урожайное изобилие, в ее честь традиционные праздники Опиконсивии отмечались 25 августа (Wissowa 1912: 203, 302, 338). Следовательно, в эпониме присутствуют все культурные ингредиенты: древние божества, сакральность, празднования, изобилие, плодородие итальянской земли — все служит прекрасным фоном для сюжета о золотом веке, когда люди живут в единении с природой, а боги живут вместе с людьми.

Чем более массовым, т. е. включающим в себя самые низкие социальные страты в исторической перспективе был кульп, тем большая вероятность выявить его спустя тысячелетия в коллективной памяти. И чем более автохтонен и архаичен данный кульп, тем более целенаправленно его будут стремиться реконструировать в исторической памяти, так как это перемещает его в плоскость сакрального, причем — «только нашего сакрального».

Великая Греция как референт для эпонима

Нарратив «великая история нашего регионального сообщества» в южных регионах Италии (Сицилия, Кампания, Апулия, Абруцци, 29% от исследованного корпуса) ожидаемо будет строиться вокруг Великой Греции — исторического ареала греческих колоний в прибрежных землях Южной Италии и Сицилии, начиная с VIII в. д. н.э. Названия городов-колоний будут представлены, но незначительно: «Magna Graecia» («Francesco Malena», Калабрия), «Rosso Metapontum» («Cantine Sociali del Metapontino», Базиликата), «Paistom» («I vini del Cavaliere», Кампания), «Egesta» («Aldo Viola», Сицилия), «Aragante» («Platia Vini», Сицилия). Традиции называть вина городами нет в итальянской торговой практике, и в эпонимах используют древний вариант современных названий, но узнаваемый носителем современного итальянского языка, эпонимы выполняют функцию знака коллективной памяти, значение, к которому отсылают знаки — «город Великой Греции на нашей территории, наш древний город».

Второй, более многочисленный массив эпонимов будет относиться к техническим характеристикам вин, культуре виноградарства и атрибутам греческой пиршественной культуры. К цветовым характеристикам, выраженным греческим словом в латинской транскрипции, отсылает нас наименование вина «Карпюс» — «Цвет капниос» (коричнево-красный) («Masseria Frattasi», Кампания). Цвет, упомянутый древнегреческим драматургом Платоном Комедиантом, этот оттенок красного является производным от древнегреческого слова «копченый». Название не случайно: вино получают путем сушки винограда, что придает ему запах чего-то сухого, схожий с дымом. Примером описания «характера» вина может послужить оным вина «Amacos» (производитель «De Sanctis», Лацио) — «Мирный» (греч.): данное вино может спокойно вызревать в бочках в течении десятков лет, только прибавляя в качестве. Название «Abelos» — «Лоза» (греч.) того же производителя отсылает нас к виноградной культуре как таковой. Во всех вышеперечисленных эпонимах выбираются слова из греческого языка, значение которых непонятно носителю итальянского языка, но которые дают фонетическое и лексическое маркирование культуры виноделия, завезенную на территорию Апеннинского полуострова древними греками.

Эпоним «Rhyton» — «Ритон» (винное хозяйство «Masseria Frattasi», Кампания) имеет в качестве референта широкий воронкообразный сосуд для питья (пиршественный рог) в форме головы животного. Ритон использовался на пиршественных церемониях древних греков, а впоследствии — этрусков и самнитов. Примечательно, что сам производитель характеризует исторический вклад греческой культуры в создание винодельческой культуры не только Юга Италии, но Европы: «... они выбрали Кампанию как место для винного рая. Европейское виноградарство зародилось в нашем регионе, и наши вина на протяжении тысячелетий находятся на вершине мирового виноделия. Это каберне — гимн виноградарству и страсти к совершенству

Рис. 2. Коллекция вин «Paestum», винодельня «I vini del Cavaliere» (регион Кампания), официальный сайт <https://www.vinicuomo.com/azienda-vitivinicola-paestum/vendita-vini-paestum.asp>

виноделия» (Rhyton 2022). Этикетка вина сначала была без иллюстрации, но затем ее снабдили фотографией сосуда ритона. Примечательно, что в описании вина нарратив «преемственности древнейшей культуре» смещается от мастера к ученику: древние греки «забывают», и речь идет уже о самнитах: «Согласно филологической реконструкции, название <сорт> cabernet происходит от латинского названия *vitis caburnica*, от искаженного *taburnica*, — сорт, использовавшийся самнитами для производства вин, которые они в больших количествах экспортировали во Францию в I в. н. э.» (Rhyton 2022). Винное хозяйство «Masseria Frattasi» ожидаемо находится у подножия горы Табурно (Taburno), в честь которой получила название лоза *vitis taburnica*, впоследствии искаженное необразованными варварами. В нарративе «наследования» прослеживается паттерн преемственности самой древней культуре виноделия в регионе (греческой), мифологема о достойном преемнике (самнитской культуре виноделия) в пику «недостойным» преемникам — галлам.

Из южных регионов Италии Калабрия также активно позиционирует Древнюю Грецию как историческое начало своего виноградарства, оспаривая претензии соседнего региона Кампании: «С исторической точки зрения наше вино поистине осененное: мы находимся в самом сердце той области, которая в древности называлась Энотрия, от греческого *oίοντρον* — опора для виноградной лозы. Согласно греческим историкам, выращивание винограда в Италии началось именно здесь благодаря высадке на наших землях смелых лидеров, покинувших Афины с виноградными лозами для посадки» (I nostri vini 2018). В нарративе «наследование самой древней культуре» калабрийский производитель «Ceraudo» легитимизирует свою территорию в качестве первого исторического места культивирования винограда на территории Апеннинского полуострова. Легитимизация сопровождается типичной для коллективной памяти отсылкой к неким обобщенным «историкам» с нарочитым избеганием имен, источников и точных дат.

Стоим отметить, что в коллективной памяти итальянцев (с большей интенсивностью в южных регионах) Древней Греции атрибутируется функция генератора идей или философских концепций общечеловеческого значения, об этом свидетельствуют такие эпонимы как «*Logos*» (3 наименования), «*Eidos*», «*Pathos*» (3 наименования), а также «философские» вина «*Socrate*» («*Marchesi del Casale*», Калабрия), «*Platone*» («*Cellino San Marco*», Апулия) «*Aristotele*» («*Cantine Cerdelli*», Эмилия-Романья). С этой точки зрения показателен мифоним «Одиссей», имя которого будет производящим онимом для итальянских вин разных регионов, что демонстрирует нам интересные процессы присвоения и отчуждения в коллективной памяти. Мифоним «Одиссей» является производящим для наименований вин в латинизированной форме «Улисс», это один из самых частотных мифонимов (11 наименований вина), помимо очевидных мифонимов Диониса/Вакха (18 наименований) и его супруги Ариадны (12 наименований). Однако мифоним как в южных областях Италии, так и в Тоскане и в Венето будет актуализировать универсальный уровень прецедентности, поскольку вызывает ассоциации не с Великой Грецией, не с Древней Грецией, а с экзистенциальными общечеловеческими ценностями поиска себя в этом мире, через путешествие-путь в мире. Примером может послужить название белого и красного вин производителя «*Tenute d'Ulisse*» (регион Абруцци) «*Sogno d'Ulisse*» — «Сон (мечта) Улисса». На этикетке изображены две квадратные пиктограммы, наложенные друг на друга таким образом, что создается образ лабиринта и одновре-

менно — графического представления вселенной на манер мандалы. Производитель никак не комментирует ни название, ни этикетку, приглашая покупателя быть соавтором нарратива: предположить, какие сны снятся страннику Одиссею и каким ему представляется мироздание? Наверное, и как упорядоченная вселенная-карта, и как запутанный лабиринт, в котором хочет плутать Одиссей, потому что такова его мечта и внутренняя интенция — путешествовать.

Вербальный код эпонима «*Il cielo d'Ulisse*» — «Небо Улисса» («*Podere Le Ripi*», Тосקנה) сразу настраивает реципиента на онтологические масштабы, что поддерживает и визуальный код. На этикетке изображен прибрежный пейзаж с морем, в котором виднеется одинокий потрепанный бурями корабль с парусом под усеянным яркими звездами ночным небом. Нет ни малейшего присутствия человека: мы как будто смотрим глазами Одиссея (то ли бодрствующего, пока его спутники спят, то ли уже растерявшего своих товарищ), который видит это бескрайнее небо и остро ощущает бесконечность, в которой он хочет странствовать и раствориться.

Свидетельством универсального уровня прецедентности мифонима «Улисс» может служить и специальная тематическая номинация «Улисс» в рамках международного конкурса для дизайнеров упаковки вина «Wine mythology label-2017» — инициатива исходила от известного производителя вина региона Венето «*Domini Veneti*». Спонсоры номинации так обосновывают свое решение создать тематическую номинацию «Улисс» для реализации этикетки лимитированной серии вина «*Amarone Vigneti di Jago 2012*»: «Вино — это верный спутник мифического Улисса. Цирцея именно при помощи вина превращает в животных товарищей Улисса, именно при помощи вина и хитроумия Одиссей спасает товарищей от кровожадного Циклопа». Лейбл-победитель представляет собой масштабированную временную шкалу (1 месяц — 5 мм.), на которую нанесены временные отрезки двенадцати этапов путешествия, пройденного гомеровским героем. «Лейбл-победитель элегантно выражает ценности компании, которая каждый день заново прочитывает древнюю историю, чтобы идти в ногу со временем». В образе Улисса винодельня узнала свой идеальный синтез ценностей, отличающих дух «*Domini Veneti*»: «привязанность к своей земле, предприимчивость, изобретательность и дальновидность» (Wine Mythology Label 2017).

На примере названий вин с мифонимом «Улисс», мы видим интересное зияние в шкале «коллективная память локального сообщества — национального сообщества — мирового сообщества»: рецепция и репродукция мифонима в ИС вин есть либо на уровне региона, либо, если оно появляется вне региона, то прецедентность «проскаивает» национальный уровень, чтобы сразу выйти на уровень универсальный.

На Сицилии коллективная память воссоздает не самого Одиссея, а мифологических персонажей, сопутствующих ему в путешествии по острову: название винной серии «*Scilla e Haridde*» — «Сцилла и Харидда», вино «*Scilla*» (винодельня «*Criserà*», Калабрия), 9 наименований вина «Полифем». Частотность употребления последнего мифонима нуждается в пояснении. Несмотря на то, что с достоверностью определить этапы предполагаемого путешествия Одиссея в Италии затруднительно (Harari 2019), в коллективной памяти сицилийцев бытует стойкое представление о том, что пещеры циклопов находились именно на Сицилии, на склонах вулкана Этна (Trigilia 2011: 32–45). Поэтому столь частотны будут онимы с Полифемом в коммерческих наименованиях вин и столь высокую концентрацию коллективных представлений

мы увидим на этикетках. Графические изображения на винах «Polithemo» (производитель «Taurasi») представляют собой репродукцию фрески А. Карраччи «Разгневанный Полифем» и фрески С. Дель Пьомбо «Полифем». Мы видим мускулистое тело великана Полифема, его мощь и внечеловеческую силу — органическое продолжение силы земли. В двух других винах «Polifeme» («Epica») и «Polithemo» («Luigi Tecce») Полифем изображен в стиле «наив», как будто на страшном детском рисунке, с кровавым глазом и кровавым ртом, но безмерно удивленным — актуализируется компонент значения «дикарь, не осознающий дикости своего поступка» (растерзал и съел одного из товарищей Одиссея). На этикетке вина «Polythemos» («Tenuta Terraviva») изображен добродушный одноглазый фермер в разноцветном фартуке с виноградной лозой в одной руке и с бокалом готового продукта — в другой. На этикетке «Polifemo» («Le Mandrie») стилизованный небольшой черный человечек держит над головой вогнутую линию не то камня, не то неба, не то массы вина — добавляется сема «хранитель этих земли» и «хранитель космического баланса». Перед нами своеобразная инверсия механизма мифотворчества: если изначально миф должен объяснять силы природы донаучному сознанию через олицетворение, то в наши дни фигура Полифема утрачивает функцию персонификации и вновь становится материальной частью природы Сицилии: монстры ее земли, ее дикости, ее плодородия и сельскохозяйственного потенциала. И в этом плане именно Полифем, а не Улисс, лидирует в коллективной памяти сицилийцев, локального сообщества.

История доримских итальянских народов (самнитов) как референт для эпонима

Неожиданным для исследователя стало целенаправленное конструирование доримского, самнитского прошлого в южных регионах Италии — Абруцци, Молизе, Кампания (14% от эпонимов с семой «древняя история»).

Так референтом эпонима «Caudium» — «Каудиум» (производитель «Masseria Frattasi», Кампания), несмотря на латинское графическое оформление, является названием центрального города самнитов-кавдинов Каудиума, подчинившегося Риму в результате самнитских войн IV–III вв. д. н.э. (ныне на его месте располагается г. Монтерсарко, в окрестностях которого и произрастают виноградники «Masseria Frattassi»).

Название красного вина «Meddix» — «Меддикс» («Cantina Molisana», Молизе) — это имя одного из политических деятелей самнитского государства Сауниа, оно отсылает к древней (доримской) самнитской культуре. Эпоним не только реконструирует в коллективной памяти древнее государство на территории региона Молизе, но и косвенно позиционирует самнитскую культуру как цивилизацию, одним из изобретений которой была технология изготовления вина. В коллективном сознании поддерживается этот тезис, о чем свидетельствует пространный панегирик в специализированном энологическом журнале «Civiltà del bere»: «Многолетняя история и традиция тяжелого труда, дошедшие до нас от самнитской цивилизации, являются выражением страсти и самоотверженности всех тех, кто на протяжении веков посвятил себя выращиванию винограда и производству вина. Это вино, как является из названия, является символом неразрывной связи между историей, территорией и человеческим трудом» (Nomi insoliti 2023).

Название высшей государственной и военной должности самнитов «эмбратор» украшает этикетку еще одного прославленного вина из области Молизе («Cantina

Molisana») — «Embratur». Продовольствитель вина так обосновывает метафорический механизм образования онима: «Император самнитов стал названием этого императора среди молизских вин» (Embratur Tintilia 2017). Решение назвать вино понятным итальянцам (и не только) существительным «Император» не рассматривается: т. к. это высшая политическая (изначально высшая военная) должность относится к политическим практикам римских «завоевателей», историческая память регионального сообщества демонстрирует нам пример коллективного вытеснения. В парадигме коллективного вытеснения понятен и выбор окского варианта имени латинской богини Цереры — Керес в наименовании вина того же производителя — «Keres».

Производителю «Cantine Teanum» (Апулия) самнитская история показалась недостаточно древней и автохтонной, поэтому винная серия «Tati» («Teanum», 8 наименований) названа в честь политического центра древней Давнии (Даунии) — ареала обитания племен иллирийского происхождения давниев (даунийцев), которые с 1 тыс. до н. э. населяли некоторые области современного региона Апулии. Также недостаточно древней и недостаточно «всемирной» самнитская история показалась виноделам сельхозпредприятия «A.G.C.». Название винной серии «Abballé» (9 вин) — «Пойдем танцевать!» (регион Молизе) представляет собой апулийскую диалектную форму побудительного предложения «Andiamo a ballare!» — «Пойдем танцевать!», которая сразу же вызывает в памяти праздничные образы известной Таранты (в Неаполе ставшей Тарантеллой). Однако графический код этикетки уводит нас совершенно в другой нарратив, обозначенный стилизованными иероглифами: нечто среднее между надписью от руки и пиктограммами. Объяснение дается коротким текстом на этикетке: «В южной Италии до сих пор существует древний диалект, письменность которого происходит от ассирийско-аввилонской клинописи». Таким образом, ключом к разгадке, по-видимому, является историческая ссылка на ассирийцев, которые прибыли по морю, чтобы заселить средиземноморские берега, обращенные к юго-востоку, как предполагают озадаченные чуждым алфавитом маркетологи блога «Il nome del vino» (ИКС 1). Факт колонизации ассирийцами южных областей Италии научно не доказан, как не доказана и связь некоего «апулийского диалекта», письменность которого была бы связана с клинописью, однако вненаучный подход к историческим данным — это одна из характеристик исторической памяти. Важно то, что производитель конструирует такое историческое прошлое, которое ставит жителей древней Апулии у истоков зарождения клинописи, предположительно послужившей прообразом для древнегреческого и латинского алфавитов, таким образом выводя название вина (и культуру регионального сообщества) на универсально-прецедентный уровень значимости.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что в статье были выделены только те исторические страты, которые наиболее массированно представлены в коллективной памяти итальянцев, критерием является частотность эпонимов, указывающих на данную культуру. Поэтому за скобками остались северные области Италии, Тоскана, Эмилия-Романья, Умбрия и Сардиния, хотя отдельные наименования вин с историческим компонентом там присутствуют. Выявленные исторические страты следующим образом коррелируют с локальными коллективами: Древней Рим — Лацио (90%); Великая Греция — Кампания, Апулия, Сицилия, Абруцци (97%); Самниты — Кампания, Молизе, Апулия (100%). Правомерно ли будет говорить об исторической памяти этнических коллективов? Скорее всего, нет, так как в ре-

зультате исследования эпонимов мы не обнаружили референций на «единый народ и язык», преемственность обрядов, традиций и обычаев. А вот общность территории, «наследование земли» и вместе с ней всего того, что раньше на этой земле происходило, играет решающую роль. Другими словами, исследование показало, что в Италии релевантно понятие локальной идентичности, а не этнической. Границы локальной идентичности очерчивает общая история, актуализируются те ее страты, которые сопричастны «великому прошлому», в пределе — сакральному прошлому. Лингво-коммуникативный механизм эпонима работает по принципу имплицитного нарратива, автором которого выступает производитель вина, давший название локального уровня прецедентности, а рассказчиком должен стать потребитель вина, который в своем воображении развертывает сжатый до существительного нарратив в некий сказ. Таким образом, мы являемся свидетелями процесса сетевого конструирования коллективной идентичности, который происходит спонтанным образом среди представителей гражданского общества, а не задается политической элитой.

Уровень национальной прецедентности в исторической памяти не прослеживается вовсе, нация для коллективной памяти остается политическим конструктом и «виртуальным сообществом», даже историческая идея Рима как центра объединения не находит воплощения в наименованиях вин: Рим остается компонентом исторической памяти локального коллектива — жителей региона Лацио. В регионе Лацио названия вина играют, скорее, роль знака — они просто указывают на историю Древнего Рима как на «нашу историю», ставшую всемирной. Остальные регионы относительно древнеримской империи единогласно демонстрируют механизм вытеснения коллективной памяти: Древний Рим как захватчик в эпонимах не попадает, а в качестве альтернативных древних культур-образцов берутся и Древняя Греция, и самнитское (досамнитские) государства, и даже ассирио-аввилонская культура. Однако историческая память локальных сообществ с подозрением относится и к феноменам универсально-прецедентным, мирового значения: с одной стороны, это способствует тенденции присоединения к культуре более древней и значимой. С другой стороны, как только феномен пытается оторваться от места своего исторического функционирования, то это либо чревато искажениями со стороны варваров (нарратив с изуродованным названием Каберне), либо в противовес ему начинают актуализироваться персонажи второстепенные, но причастные родной земле (Одиссей и Полифем), либо «героями» становятся и «антагонисты» (Ганнибал). В коллективной памяти легко пересматриваются позиции в бинарной оппозиции «плохое/хорошее» или она снимается вовсе (римские императоры). Важно, чтобы история была «великой» и происходила на «нашой» территории, а кто был врагом или другом — не релевантно, срабатывает эффект «исторической амнезии». Еще лучше, если историю можно сакрализовать, либо с опорой на широко известный и массовый кульп, религиозные практики или миф (Диана, Опа Консивия Одиссей,). В логику сакрализации встраивается и мифологема «избранности» итальянских земель в плане их исключительной предрасположенности к выращиванию винограда (со ссылкой на Плиния Старшего, который легитимизирует своим авторитетом весьма субъективную идею избранничества). Параллельно сакрализации и легитимизации «великого» прошлого нарастает противоположная тенденция: в символическое пространство исторической памяти целенаправленно вводится «маленький человек»: или никому не известный владелец виноградников или раб, закупающий винные сосуды. Локальное

сообщество хочет возвести этих персонажей микроистории до символа совместного созидания общей истории коллектива, в котором рядовой участник так же ценен, как и известные исторические лица.

Гипотеза исследования о наименованиях вина как инструмента коммерциализации истории подтвердилась, но лишь частично: все же предметом продажи выступает само вино, покупатель выбирает вкусовые качества. Однако эпоним, попадая в коммерческий оборот в виде надписи на этикетке, получает трибуну, голос и коллективного слушателя: и в этом качестве он становится инструментом целенаправленно создаваемой коллективной памяти, в поле которой комфортно осознавать себя покупателю, и одновременно — дополнительным инструментом коммерциализации вина. Учитывая вышесказанное, неудивительно, что в эпонимах помимо очевидной коммуникативной и аттрактивной функций, активизируется функция знаковая, идентифицирующая, парольная, иконическая. Таким образом эпонимы используются в качестве знаков ценностно-смыслоного процесса конструирования исторической памяти; главным посылом процесса является девиз «Мы переосмыслим в современности наше славное прошлое (ценности), чтобы единным коллективом идти к еще более славному будущему (смыслы)».

Источники и материалы

- Источники корпусного исследования (ИКС1) — специализированные винные дайджесты*
- Civiltà del bere — Civiltà del bere. <http://www.civiltadelbere.com>
- Winenews — Winenews. <http://www.winenews.it>
- Scantinati — Scantinati. <http://scantinati.blogspot.it>
- Wineblogroll — Wineblogroll. <http://www.wineblogroll.com>
- Il nome del vino — Il nome del vino. <https://ilnomedelvino.blogspot.com/p/cose-il-naming.html>
- Nomi insoliti 2023 — Nomi insoliti: quando la fantasia del produttore entra in campo // Civiltà del bere 07.03.2023 <https://www.civiltadelbere.com/nomi-insoliti-8-quando-la-fantasia-del-produttore-entra-in-campo/>
- Wine Mythology 2017 — Wine Mythology Label: l’Amarone di Ulisse si degusta in 12 tappe! // Enolo. 19.06.2017 <https://www.enolo.it/wine-mythology-label-domini-veneti/>
- Источники корпусного исследования (ИКС2) — электронные ресурсы производителей вина*
- Ad Astra Toscana 2014 — Ad Astra Toscana IGT // FRATELLI MAZZA di Mazza Daniele & Claudio snc. 2014. <https://www.fratellimazza.it/it/vini-biologici/394-ad-astra-nittardi.html>
- Hermia 2014 — Hermia I. G.T. Toscana Bianco // Azienda Agricola Arrighi. 2014. <https://www.arrighivigneolivi.it/product/hermia/>
- I nostri vini 2018 — I nostri vini // Ceraudo. 2018. <https://www.ceraudo.it/i-nostri-vini/>
- Magno Megonio 2018 — Magno Megonio IGT Calabria // Librandi Antonio & Nicodemo S.p.A. 2018. <https://www.librandi.it/magno-megonio-val-di-neto-rosso-igt>
- Plinio 2019 — Plinio // Enoteca Vinarte. 2019. <https://enotecavinarte.ch/plinio-il-primo-enologo/>
- Rhyton 2022 — Rhyton // Masseria Frattasi. 2022. <https://www.masseriafrattasi.it/collezione/rhyton/>
- Vini biologici 2021 — Vini biologici // Azienda Agricola Ceraudo. 2021. <https://www.ceraudo.it/i-nostri-vini/>
- Embratur Tintilia 2017 — Embratur Tintilia del Molise DOC Riserva // Cantina Molisana. 2017. <https://cantinamolisana.it/product/embratur-tintilia-del-molise-doc-riserva/>
- Нормативные акты в области виноделия*
- Registro delle indicazioni 2023 — Registro delle indicazioni geografiche dell’UE // «E-Ambrosia». 2023. <https://ec.europa.eu/info/food-farming-fisheries/food-safety-and-quality/certification/quality-labels/geographical-indications-register/?language=IT>

Elenco alfabetico 2023 — Elenco alfabetico vini DOP. Elenco alfabetico vini IGP // *Ministero dell'agricoltura, della sovranità alimentare e delle foreste*. 2023. <https://www.politicheagricole.it/flex/cm/pages/ServeBLOB.php/L/IT/IDPagina/4625>

Vini DOCG 2023 — Vini DOCG in Italia: rapporto annuale // Italy's Finest Wines. 2023. <https://italysfinestwines.it>

Научная литература

Бирюков А. В. Этапы развития «римского мифа» // Вестник МДПУ им. И. П. Шамякина. 2009. № 1 (22). С. 43–47.

Бобровникова Т. «Сципионова легенда» в античной исторической традиции // Вестник древней истории. 2008. № 4. С. 77–93.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Емельянова Т. П., Кузнецова А. В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 28. С. 1–11. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i28.705>

Исангузина И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 990–993.

Лоико О. Т., Вакурина Н. А. Социальная память в контексте историзма // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13). С. 158–161.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.

Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 43 с.

Робустова В. В. Названия игрушечной продукции как маркер трансформации современной социокультурной среды // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 31–38.

Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München: C. H. Beck, 2013. 231 с.

Galkowski A. Problemi di terminologia onomastica. Contributi per un dibattito // Rivista italiana di onomastica. 2010. № 16. P. 604–624.

Gilardoni S. I nomi dei vini italiani. Tra denominazioni di origine, marchi aziendali e marchi di prodotto // Lingue e Linguaggi. 2017. № 22. P. 113–136. <https://doi.org/10.1285/i22390359v22p113>

Harari M. Andare per i luoghi di Ulisse. Bologna: Il Mulino, 2019. 124 p.

Hohnerlein-Buchinger T. Per un sublessico vitivinicolo: la storia materiale e linguistica di alcuni nomi di viti e vini italiani. Tübingen: M. Niemeyer, 1996. 247 p.

Pasqualini A. Nuovi spunti su Diana (e Artemide) a Roma e a Nemi // Civiltà romana. Rivista pluridisciplinaria di studi su Roma antica e le sue interpretazioni. 2017. Vol. IV. P. 1–16.

Trigilia M. I viaggi ed i luoghi di Ulisse in Sicilia. Ispica: Edizione Tipografia Martorina, 2011. 101 p.

Wissowa G. Religion und Kult der Römer. München: C. H. Beck. 1912. 612 p.

References

Assman, A. 2013. *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention* [The New Discomfort with the Culture of Remembrance. An Intervention]. München: C. H. Beck. 231 p.

Biryukov, A.V. 2009. Etapy razvitiya «rimskogo mifa» [Stages of Development of the ‘Roman Myth’]. *Vestnik MDPU im. I. P. Shamyakina* 1 (22): 43–47.

Bobrovnikova, T. 2008. «Scipionova legenda» v antichnoj istoricheskoy tradicij [“Scipio’s Legend” in the Ancient Historical Tradition]. *Vestnik drevnej istorii* 4: 77–93.

Emel’yanova, T. P. and A. V. Kuznecova. 2013. Predstavleniya kollektivnoj pamyati ob epohe Petra I i ego lichnosti u predstavitelej razlichnyh social’nyh grupp [Representations of Collec-

tive Memory about the Era of Peter the Great and His Personality among Representatives of Various Social Groups]. *Psichologicheskie issledovaniya* 6(28):1–11. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i28.705>

Gałkowski, A. 2010. Problemi di terminologia onomastica. Contributi per un dibattito [Onomastica Terminology Problems. Contributions for a Debate]. *Rivista italiana di onomastica* 16: 604–624.

Gilardoni, S. 2017. I nomi dei vini italiani. Tra denominazioni di origine, marchi aziendali e marchi di prodotto [The Names of Italian Wines. Among Denominations of Origin, Company Brands and Product Brands]. *Lingue e Linguaggi* 22: 113–136. <https://doi.org/10.1285/i22390359v22p113>

Gudkov, D. B. 2003. *Teoriya i praktika mezhkul’turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnosis Publ. 288 p.

Harari, M. 2019. *Andare per i luoghi di Ulisse* [Go to the Places of Ulysses]. Bologna: Il Mulino. 124 p.

Hohnerlein-Buchinger, T. 1996. *Per un sublessico vitivinicolo: la storia materiale e linguistica di alcuni nomi di viti e vini italiani* [For a Vitiviniculural Sublexic: the Material History and Linguistics of Some Names of Italian Vines and Wines]. Tübingen: M. Niemeyer. 247 p.

Isanguzina, I. I. 2008. Pragmatonimy v onomasticheskem prostranstve: semanticeskii, lingvokul’turologicheskii i sintaksicheskii aspekty (na primere nazvanii konditerskikh izdelii) [Pragmatonyms in Onomastic Space: Semantic, Linguocultural and Syntactic Aspects (on the Example of Confectionery Names)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 13(4): 990–993.

Loiko, O. T. and N. A. Vakurina. 2011. Sotsial’naya pamyat’ v kontekste istorizma [Social Memory in the Context of Historicism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 1 (13): 158–161.

Pasqualini, A. 2017. Nuovi spunti su Diana (e Artemide) a Roma e a Nemi [New Ideas on Diana (and Artemis) in Rome and Nemi]. *Civiltà romana. Rivista pluridisciplinaria di studi su Roma antica e le sue interpretazioni* IV: 1–16.

Podolskaya, N. V. 1978. *Slovar’ russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka Publ. 200 p.

Repina, L. P. 2003. *Kul’turnaya pamyat’ i problemy istoriopisaniia (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historiography (Historiographic Notes)]. Moscow: State University Higher School of Economics Press. 43 p.

Robustova, V. V. 2018. Nazvaniia igrushechnoi produktsii kak marker transformatsii sovremennoi sotsiokul’turnoi sredy [Toy Names as Markers of Transformation of Modern Culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya* 3: 31–38.

Trigilia, M. 2011. *I viaggi ed i luoghi di Ulisse in Sicilia* [The Travels and Places of Ulysses in Sicily]. Ispica: Edizione Tipografia Martorina. 101 p.

Wissowa, G. 1912. *Religion und Kult der Römer* [Roman Religion and Cult]. München: C. H. Beck. 612 p.

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/184-202

Научная статья

© М. Ю. Мартынова

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОГРАФИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН В РИСУНКАХ ОЛЬГИ БЕНСОН

Поводом для написания данной статьи стало желание познакомить российскую научную общественность с творчеством художника-этнографа Ольги Бенсон, родившейся в Российской империи, но в дальнейшем более 30 лет жившей и работавшей в Югославии. Несмотря на то, что ее рисунки иллюстрируют главу, посвященную культуре Балкан в томе «Народы зарубежной Европы» серии «Народы мира», вышедший в нашей стране в 1960-е годы, это имя практически не известно в России (Народы Зарубежной Европы 1964: 371–512). Чего не скажешь о ее второй родине, где творчество Ольги Бенсон оценено по достоинству. К 130-летию со дня ее рождения в Галерее науки и техники г. Белграда была организована выставка работ Ольги Бенсон. Этнографический институт Сербской академии наук оцифровал и выложил на свой сайт архив ее рисунков, опубликовал монографию о художнице (Гавриловић, Миленковић-Вуковић 2019). Чертежи и акварели, нарисованные Ольгой Бенсон, являются бесценным этнографическим источником, дающим возможность познакомиться с бытом и жизнью населения Балканского полуострова первой половины XX века. При этом автор данной статьи не ограничилась задачей написать просто биографический очерк заслуживающей того личности. Она была склонна к обобщениям и на примере творчества Ольги Бенсон стремилась актуализировать важность теоретического осмыслиения рисунка как этнографического метода в целом. К этому побудил тот факт, что этнографический рисунок, этот старейший способ визуального документирования, уступив свои позиции фото и кино, выпал из научного арсенала современного антрополога. Вме-

Мартынова Марина Юрьевна — д. и. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — зав. Центром европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7280-7450>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

** Автор благодарит сербских коллег антрополога, доктора Лильяну Гаврилович (Лильяна Гавриловић) и дипломированного библиотечного советника Биляну Миленкович-Вукович (Биљана Миленковић-Вуковић) за предоставленную возможность воспользоваться материалами, опубликованными в их монографии «Снови о прошлости и традицији: Олга Бенсон. Љиљана Гавриловић (уредакник). Београд: Етнографски институт САНУ, 2019. 499 с.». Автор признательна также коллективу Этнографического института САНИ, сделавшему доступными широкой общественности рисунки Ольги Бенсон, что позволило некоторыми из них проиллюстрировать данную статью.

сте с тем, видеофиксация, в том числе и нарисованная, всегда выполняется в рамках теоретико-методологических подходов своего времени. В этом отношении творческое наследие Ольги Бенсон вносит свой вклад в историю этнологии и антропологии как научной дисциплины.

Ключевые слова: Ольга Бенсон, художник-этнограф, рисунок, этнографические методы, акварели, визуальная антропология, Балканы, Этнографический институт САНИ

Ссылка при цитировании: Мартынова М. Ю. Визуальная репрезентация этнографии Западных Балкан в рисунках Ольги Бенсон // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 184–202.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/184-202

Original article

© Marina Martynova

VISUAL REPRESENTATION OF THE WESTERN BALKANS ETHNOGRAPHY IN THE DRAWINGS OF OLGA BENSON

This article was inspired by the desire to familiarize the Russian scientific community with the works of the artist and ethnographer Olga Benson, who was born in the Russian Empire, but later lived and worked in Yugoslavia for more than 30 years. Although her drawings illustrate the section devoted to the culture of the Balkans in the volume “Peoples of Foreign Europe” of the series “Peoples of the World”, published in USSR in the 1960s, this name is virtually unknown in Russia (Peoples of Foreign Europe 1964). On the opposite, in her second homeland Olga Benson’s activity is highly appreciated. An exhibition of Olga Benson’s drawings was organized at the Belgrade Science and Technology Gallery on the 130th anniversary of her birth. The Serbian Academy of Sciences and Arts Ethnographic Institute has digitized and uploaded an archive of her drawings to its website and published a monograph dedicated to the artist (Gavrilović, Milenović-Vuković 2019). Olga Benson’s drawings and watercolors are an invaluable ethnographic source, which gives notion of everyday life of the Balkan Peninsula’s population in the first half of the XX century. At the same time, the author of this article did not limit herself to writing a mere biographical sketch of a personality. Driven to generalizations and, using Olga Benson’s work as an example, the author sought to actualize the importance of theoretical understanding of drawing as an ethnographic method in general. She was prompted to do so by the fact that ethnographic drawing, the oldest method of visual documentation, had lost its position to photography and filming and had fallen out of the scientific arsenal of the modern anthropologist. At the same time, visual fixation, including drawing, is always performed within the framework of theoretical and methodological approaches of its time. In this respect, Olga Benson’s creative legacy contributes to the history of ethnology and anthropology as a scientific discipline.

Keywords: *Olga Benson, anthropological artist, drawing, anthropological methods, watercolor, visual anthropology, the Balkans, the Institute of Ethnography SASA*

Author Info: **Martynova, Marina Yu.** — Dr. of Hist., Professor, Head of the Department for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: martynova@iea.ras.ru ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7280-7450>

For citation: Martynova, M. Yu. 2023. Visual Representation of the Western Balkans Ethnography in the Drawings of Olga Benson. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 184–202.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Этнографический рисунок как метод документальной фиксации

Сегодня, в век цифровых технологий, рисунок как метод фиксации увиденного социальными антропологами/этнографами практически не используется. То есть иллюстративный материал, конечно, в научных публикациях присутствует. Визуальная антропология популярна и модна. По мнению многих, она является сегодня самостоятельным научным направлением (Д. Макдугалл и др.), либо субдисциплиной (Джей Руби и др.). При этом ее современный инструментарий исследования, как правило, включает в себя фотографию, кино и видео. Они, технически более совершенные, вытеснили рисунок и чертеж из научного арсенала антрополога. Между тем, в прошлом, в «классической этнологии» роль последних была значима. Художник мог запечатлеть изображение в цвете, прорисовать детали, что далеко не сразу было реально осуществить другими средствами даже после изобретения фотографии (она была изначально черно-белой).

Как и все остальные научные иллюстрации, рисунок в этнологии/антропологии берет свои истоки в конце XVIII в., в период энциклопедизма, время создания просветительских справочных изданий (*Kuschnir* 2016: 106–107). В XX вв., где-то до 1980-х гг., художник был либо непременным участником этнографических экспедиционных отрядов (как это было, например, в традициях французской, немецкой, российской, югославской и др. научных школ), либо сам исследователь не только вел записи, но и дополнял их рисунками (традиции английской антропологической школы). Студентов кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова тогда специально инструктировали чем и как лучше рисовать в полевых условиях, но в то же время уже на протяжении десятилетий обучали фотоделу (*Громов* 1966: 21).

Одна из ведущих современных визуальных антропологов британского происхождения, ныне проживающая в Австралии, автор учебника по визуальной антропологии, впервые вышедшего в 2001 г. и переизданного четыре раза, профессор Сара Пинк (Sarah Pink) полагает, что этнографические и визуальные исследования могут существенно обогатить друг друга. Она отмечает, что визуальные методы в этнографии и социологии становятся все более популярными (*Pink* 2021; *Пинк* 2007: 90; *Pink* 2006). Автор видит перспективу в цифровом будущем антропологии, при этом, перечисляя видеопродукты (фотография, видео,

цифровые СМИ), не вспоминает, увы, о рисованном формате. Российский исследователь Э. А. Оганезов выделяет антропологию искусства как относительно новое направление в визуальной антропологии. Он отмечает взаимное притяжение антропологии и изобразительного искусства и говорит об его перспективности. Антропологию искусства автор понимает, как «изучение произведений визуального искусства с антропологической и искусствоведческой точек зрения». Но опять речь идет о кино, о художественном (игровом) кинематографе (*Оганезов* 2018: 145, 142).

Несмотря на игнорирование рисунка современными антропологами/этнологами в ходе полевой работы, в последние два десятилетия появились исследования, актуализирующие роль нарисованных визуальных материалов. Правда, все рассуждения в данных случаях достаточно фрагментарны, тема рисунка лимитирована рамками основных сюжетов публикаций. Обычно авторов привлекают живописные полотна и архивные этнографические рисунки как ценный исторический источник (См., например, *Гаврилович* 2004: 17–20, *Галымов* 2021, *Гатина-Шафиков* 2023 и др.). Наряду с собранными в ходе экспедиций предметами, позже нашедшими свое место в музеях, старые иллюстрации как в печатном, так и в оцифрованном виде становятся постепенно доступны широкому кругу интересующихся (см. сайт Этнографического института САНИ, например) и публикуются в тематических альбомах. Серию альбомов (правда, с архивными фото, а не рисунками) издал в последние годы Институт этнологии и антропологии РАН.

При этом, так сложилось, что этнографический рисунок, этот старейший способ визуального документирования, как верно подметила автор книги об Ольге Бенсон, сербская коллега Лилиана Гаврилович (Лильана Гаврилович), выпал из поля теоретического осмысливания ученых, несмотря на его важную роль в формировании антропологической дисциплины в XIX в., а также вопреки существованию в архивных фондах множества старых коллекций рисунков и акварелей, которые визуальными средствами сохранили для нас ушедшую «народную» культуру разных регионов мира (*Гаврилович* 2019: 71). Однако, пытливый ум позволяет увидеть в рисунке как этнографическом документе функционал и потенциал, выходящий за рамки простой фиксации увиденного. Согласимся с мнением, что «в культуре, где доминирует письменная речь, настало время обратить внимание на то, что многому можно научиться в процессе рисования и что уникальные свойства сопоставленного последовательного искусства являются мощным инструментом для передачи концепций и вызывающим сопреживания у читателя» (*Thiessen* 2015).

В чем заключаются особенности адаптации визуальных эффектов к антропологическим исследованиям? Рисунок всегда элемент творчества. Но каковую задачу должен ставить перед собой автор этнографического рисунка? Прикладной жанр обязывает дать максимально достоверное и объективное изображение. В этом случае должен ли этнографический рисунок нести в себе художественное начало или его задача более прагматична: зафиксировать объект? Российский этнограф, профессор кафедры этнографии МГУ Г. Г. Громов в своем учебном пособии по методике экспедиционной работы, описывая основные виды работ в поле и отмечая важность графической фиксации материала, написал: «Этнографическое рисование не требует особых способностей. Каждый человек может освоить простейшие приемы этнографического рисования» (*Громов* 1966: 31). Так ли это однозначно?

От таланта художника зависит, станет его артефакт произведением искусства или изделием ремесленника. Это первая сторона вопроса. Рисование представляет собой процесс, в который погружен художник. В рисунке, несомненно, находит отражение личностный, «наблюдеческий» момент, он во многом обусловлен восприятием автора, его интерпретацией изображаемого объекта. Не случайно фотография долгое время считалась более объективной, чем рисунок. Существует мнение, что в отличие от фотографии рисунок «может предложить два или три различных взгляда на один и тот же объект. Может выделить какую-то деталь артефакта, не показав другие его части» (Joseph 2015: 225). Высказывается также соображение, что на рисунке отдельные элементы объекта могут быть вырваны из контекста, что «дает возможность с помощью рисунка добиться идеализации и абстракции» (Oppitz 2001: 122).

Также важно отметить, что рисунок как форма визуализации объекта исследования всегда исполняется в рамках теоретико-методологических подходов своего времени. Сам выбор объекта и его трактовка происходят не случайно. По изображению можно не только составить впечатление о зафиксированном на нем изделии, но и получить целый спектр информации. Мы имеем возможность понять, что интересовало в тот момент науку, каков был ее предмет исследования. Даже выбор для книжных публикаций из обилия запечатленных на бумаге рисунков каких-то определенных сюжетов и «отбраковка» других (к счастью, сохранившихся в архивных фондах) расширяют диапазон нашего представления об эпохе. В частности, если рассматривать рисунки, созданные в XX в., когда творила Ольга Бенсон, мы имеем возможность не только увидеть, какой была тогда одежда, утварь, архитектура или интерьер жилища, но и составить представление о том, как люди работали и жили, как обрабатывали землю, изготавливали керамику, ткали, как отмечали разные события, каково было поведение людей и т. д. В этом смысле фонд Ольги Бенсон вносит существенный вклад в историю этнологии и антропологии, как дисциплины.

Рисунок — особый пласт восприятия реальности. Но суждено ли ему будущее в антропологии? Может ли рисование быть самостоятельным жанром в этой науке? Очевидно, что чаще всего текст является конечным продуктом ученого-гуманитария. Хотя слово не всеобъемлюще. Согласимся с мнением Эндрю Кози, профессора культурной антропологии на факультете гуманитарных, исторических и социальных наук Чикагского университета. Рассуждая о рисунке как этнографическом методе, он пишет: «Хотя письменные произведения являются широко излюбленным средством реституции, они также являются плодом языка и системы мышления, сформированных воображаемыми концепциями, которые не являются универсальными» (Causey 2017: 27).

Эндрю Кози рассматривает практику рисования в этнографии как ценный инструмент и способ постижения действительности (Causey 2017: 15). Э. Кози проводит различие между терминами «сматрящий» и «видящий», «смотреть» и «видеть». Их автор считает соответственно пассивным и активным действием в философском смысле этих слов: «[...] Для меня взгляд — это своего рода сканирование, и он имеет тенденцию быть пассивным, в то время как видение — это своего рода пристальное внимание, и оно имеет тенденцию быть активным» (Causey 2017: 12). Книга Эндрю Кози «Привлечено видеть: рисование как этнографический метод» не ограничивает-

ся теоретическими рассуждениями. Она является практическим руководством, в котором автор приводит упражнения и игровые этюды, постепенно усложняющиеся. Одно из первых упражнений, например, состоит в том, чтобы нарисовать основные линии и формы объекта, не обращая внимания на детали (Causey 2017: 43), в то время как другое предлагает педантично нарисовать руку, которая не используется для письма (Causey 2017: 114; Carrière 2023).

Визуальный язык имеет свои преимущества и основания для рефлексии не только автора, но и читателя. Как ни странно, кисть художника дает пищу для первого эксперимента в антропологии, для продуцирования новых методов. Это подтверждает, что рисунок и графику все-таки нельзя воспринимать только в качествеrudimenta ушедшей в прошлое этнографии. Его изобразительный контекст и эмоциональная значимость незаменимы. Рисование как вид продуктивной деятельности человека дает картинке возможность материализовать индивидуальные впечатления об увиденном, поэтому оно находит себе место в современной науке, способно эволюционировать, модифицироваться и приобретать новый, актуальный формат. В подтверждение нашей мысли уместно привести слова антрополога Грейдона Смита (Graydon Smith), выпускника Трентского университета и студента Университета Виктории: «Визуальная природа жанра также предоставляет другие возможности, которые, как мне кажется, значительно улучшают восприятие чтения. Как новая ниша в этнографическом письме, она требует дальнейшего изучения и места в пантеоне великих этнографических работ, несмотря на отсутствие частых цитат и теоретических размышлений» (Smith 2023).

Сказано это по поводу *графической этнографии*, которую можно рассматривать в качестве современного и нового этнографического жанра. ЭтноГРАФИКА — результат облачения (адаптации) антропологических/этнологических исследований в графический формат, попытка нарисовать этнографическое исследование. По сравнению с традиционными академическими трудами рисованный контент делает антропологические знания более доступными для широкой аудитории, способен популяризировать их. Этнографическая серия «графических романов», напоминающих комиксы, и при этом сочетающих в себе элементы полевых исследований, позволили университету Торонто в Онтарио продвинуть графическую этнографию (Carrier Moisan 2018). С воодушевлением воспринимает эту идею молодое поколение антропологов. Так, студенты Отделения антропологии Университета Виктория на своих семинарских занятиях по креативным практикам тоже провели эксперимент с графическим форматом, сделав его инструментом исследования и распространения, они нарисовали «графические новеллы» (Boudreault-Fournier 2015).

Антропология как научная дисциплина, ее предметное поле и инструментарий менялись на протяжении десятилетий. Рост сферы ее популярности и продуктивности, повышение доступности может идти, на наш взгляд, многовекторно. Так, нарисованная или графическая этнография позволяет привлечь к нашей науке более широкую аудиторию, на которую она способна иметь большой потенциал воздействия. Расширение антропологической работы за счет выхода за академические рамки повышает практическую значимость науки.

Дискуссии о месте рисования в дисциплине имеют перспективу. Но вернемся к истории этнографического рисунка и творчеству Ольги Бенсон.

Изобразительное искусство и этнография в рисунках Ольги Бенсон

Жизненный путь художницы Ольги Бенсон (1887–1977) начался в Средней Азии, пролегал через Центральную Россию, Королевство сербов, хорватов и словенцев/Югославию, а завершился в США. Ольга Вениаминовна Бенсон, в девичестве Казанцева, родилась 8/21 апреля 1887 г. в городе Маргилан Российской империи, на территории современного Узбекистана, где и прошло ее детство. Как вспоминала Ольга и написала в краткой служебной биографии, окружавшие ее в ранние годы яркие живописные краски ковров и одежды из шелка, хлопка и шерсти, пробудили в ней желание стать художником-фольклористом и использовать полюбившийся южный насыщенный колорит в своем творчестве. Живописи и рисунку она училась в Смольном институте в Санкт-Петербурге, куда одну из четырех дочерей послали получать образование родители подполковник Русской Императорской армии Вениамин Иванович и его жена Светония (Историјски архив Београда, *Миленковић-Вуковић* 2019: 9). В 1913 г. Ольга стала выпускницей Высшей художественной школы. Диплом дал ей право преподавать рисование в средней школе, что и стало первой работой девушки. Вскоре она вступила в Ассоциацию художников Киева, где выставляла свои полотна (*Миленковић-Вуковић* 2019: 11). Портреты и фольклор были ее любимыми сюжетами на протяжении всей карьеры.

Октябрьская революция и Гражданская война кардинально изменили судьбу Ольги Казанцевой. В 1920 г. как беженка она приехала в город Скопье, столицу нынешней Северной Македонии, в то время центр провинции Южная Сербия (в первой половине XX в. термин использовался для обозначения территории, охватывавшей Вардарскую Македонию, Косово, Метохию и Рашку, с 1919 по 1922 г. — провинция Южная Сербия в составе Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев), где обосновалась большая русская колония. В том же году она вышла замуж за бывшего генерал-майора Русской Императорской армии и Добровольческой армии генерала Врангеля Леонида Антоновича Бенсона (старше ее на 18 лет). Спустя два года у них родился сын Александр (Архив Србије; *Миленковић-Вуковић* 2019: 11). Леонид Бенсон «в изгнании» поступил на регулярную службу в Югославскую королевскую армию, выйдя из нее в отставку в звании бригадного генерала (генерал-майора). В Скопье жил и его брат, тоже женатый на русской талантливой художнице Зинаиде Бенсон, которая работала сценографом и художником по костюмам в Национальном театре «Короля Александра I».

Что касается самой Ольги Бенсон, в Скопье благодаря хорошему образованию она преподавала рисование в нескольких начальных и средних школах, в частности, в Государственной реальной средней гимназии «Королева Мария», а знание французского языка дало ей возможность 13 лет проработать профессором рисования во французско-сербской школе, «учителем прекрасных умений», как это тогда называлось.

Наряду с педагогической деятельностью Ольга Бенсон, как и другие русские художники из Скопье, делала копии икон и фресок в средневековых православных монастырях Южной Сербии, расписывала новые соборы. Ею разрисованы стены капеллы Святого Архангела Михаила на Военном кладбище в Скопье, возведенной в 1928 г. как знак памяти о сербских воинах, погибших в войнах 1912–1918 гг. Она рисовала для Церкви Святого Савы в г. Гостиваре, для мемориального склепа в селе Томислав, вблизи г. Велеса, копировала фрески в монастыре в Старом Нагоричане (*Миленковић-Вуковић* 2019: 15–19).

В 30-е годы XX в. началась профессиональная деятельность Ольги Бенсон в качестве художника-фольклориста (1925–1939 гг.). Она стала работать по совместительству в Музее Южной Сербии (так назывался до Второй мировой войны Музей Северной Македонии). Путешествуя в составе научных экспедиций по самым отдаленным поселениям, она делала бытовые зарисовки, особое внимание уделяя народной одежде, и тем самым обеспечивала визуальную фиксацию того, что описывали в своих трудах этнографы. К этому периоду относится подготовка альбома народных костюмов Южной Сербии, уникальные акварели из которого сегодня хранятся в Музее Северной Македонии в Скопье (88 акварелей). Все они одного формата, выполнены в едином стиле и технике. Помимо народных костюмов Южной Сербии, альбом содержал рисунки одежды сербских переселенцев из Лики, Далмации, Черногории, Герцеговины, Боснии (с 1935 по 1936 гг.) (Архив на Северна Македонија; *Миленковић-Вуковић* 2019: 25–36).

В 1939 г. Ольга Бенсон с семьей переселилась в Белград. Там она получила работу в Этнографическом музее (1940–1943), где рисовала и чертила предметы из музеиных коллекций и копировала акварели иллюстратора народной одежды второй половины XIX в. Николы Арсеновича (1823–1887), коллекцию которых ранее выкупил Этнографический музей (*Гавриловић* 2004). Она также работала художником-этнографом в Этнографическом отделе учреждения прикладного искусства «Облик» (русск. форма, Земальско предузеће за примењену уметност „Облик“). В Этнографическом институте Сербской академии наук и искусств на должности художника-фольклориста Ольга Бенсон проработала неполных четыре года (1947–1950), за это время она нарисовала 580 рисунков и эскизов (*Миленковић-Вуковић* 2019: 36–53).

В начале 1950-х годов Ольга Бенсон с мужем (ей тогда было 63 года, а мужу 81 год), после 30 лет жизни в нескольких Югославиях, вновь двинулись в путь, эмигрировали в США и поселились в Лос-Анжелесе, ближе к сыну, уехавшему туда вскоре после Второй мировой войны. Ольга Бенсон дожила до 90 лет, умерла 31 декабря 1977 г. и похоронена на Голливудском кладбище «Hollywood Forever» рядом с мужем Леонидом, умершим в 1955 г. (См. подробнее биографию Ольги Бенсон: (*Миленковић-Вуковић* 2019: 8–69).

Оценивая вклад художника-фольклориста Ольги Бенсон в науку, отметим, что ее рисунки отражают те теоретико-методологические принципы, в соответствии с которыми в середине XX в. развивалась в Югославии этнография. Целью науки о народах того времени было стремление как можно точнее и обстоятельнее задокументировать жизнь села, ту жизнь, которая стремительно исчезает. По словам сербского ученого Лилианы Гаврилович, акцент делался на вещах и технологиях, т. к. они рассматривались важным свидетельством материального мира и культуры народа, определяющим стержень его идентичности. Это соответствовало, с одной стороны, эволюционистскому подходу (вещь является отражением «ступени развития», на которой находится «народ»), с другой — диффузионистскому видению культуры (вещи являются отражением «народного духа») (*Гавриловић* 2019: 99).

Значительная часть рисунков Ольги Бенсон выполнена в экспедициях, куда она ездила в составе этнографических отрядов постоянно. Рассматривая более детально белградский период творчества художницы, вспомним, что в августе 1947 г. она побывала в Косово, в селах Лешане и Новаке в Подриме, Речане и Мушникоово

в Средачкой жупе и городе Призрене. Ее экспедиционные рисунки запечатлели повседневную жизнь и быт селян (домашнюю утварь, посуду, конструкцию спальных мест), хозяйственные постройки и мельчайшие детали предметов производственной деятельности (мельницу, котел для изготовления ракии, ткацкий станок, стог сена) (Рис. 1, 2). Ольга Бенсон часто рисовала трудовые будни простого человека: процесс переработки молока, изготовления сыра и масла, обмолот ржи, уход за пчелами и сбор меда, сенокос, сбор соломы, производство шерсти, торговля на рынке... (Рис. 3, 4). По рисункам художницы можно составить представление о гендерном распределении обязанностей в доме. Она изображала на бумаге то, что невозможно было описать словами, дополняя иллюстрациями тексты этнографов. В полевых условиях любила делать эскизы простым карандашом. Сейчас сложно сказать, какую часть сюжетов определили исследователи в соответствии со своими научными планами и что художница нарисовала по своей инициативе. Ценно, что на рисунках и эскизах сделаны пометки с локальными названиями зафиксированных в селах предметов и деталей.

Излюбленная тема акварелей Ольги Бенсон, которая неизменно присутствовала на всех этапах ее творчества — так называемый «народный костюм», под которым в соответствии с имеющейся традицией понималась сельская одежда, как правило, праздничная. Востребованность рисованию одежды добавляло то обстоятельство, что в послевоенные годы в странах Восточной Европы было модно издавать красочные альбомы, посвященные народному костюму. Сбор материала об одежде соответствовал и научным планам сербских ученых. Рисунки Бенсон выполнены в характерной манере: фигура в полный рост в анфас или полупрофиль, так, чтобы как можно лучше можно было увидеть «костюм» (Гавриловић 2004).

Ольга Бенсон рисовала одежду также во многих исторических областях Сербии — в Шумадии, Северном Банате, в Восточной Сербии и окрестностях города Ниша. Судя по документации Этнографического института САНИ, эскизы выполнялись как в мастерской художницы, так и в поле, иногда позже дорисовывались в кабинетных условиях. По мнению Лилианы Гаврилович, заметна разница между акварелями, нарисованными в студии и в поле. В экспедиционных акварелях, несмотря на статичные позы, видны личности изображенных на них людей, ощущается контакт между моделью и художницей. Например, с любопытством смотрит на нее девочка из Восточной Сербии, а у девушки с коромыслом очень выразительны глаза, хотя при этом она стыдливо прикрывает нижнюю часть лица от незнакомого человека. Узнаваемы черты лица играющего на флейте молодого мужчины в народной одежде из села Звездан вблизи г. Заечар. На многих рисунках зафиксированы имена и фамилии изображенных на них крестьян (*Рис. 5, 6, 7*).

Заметим, что по сравнению с предыдущими полевыми выездами в 1948–1950 гг. происходит постепенное сокращение тематики рисунков Ольги Бенсон, обусловленное, как считает莉莉亚·加夫里洛维奇, сужением исследовательского поля этнографии в целом. Это обычно одежда, инвентарь, постройки, их отдельные детали, причем почти всегда без людей (за редким исключением). Бытовых сценок почти нет. Целая серия рисунков — предметы одежды, выкройки, красочные орнаменты и вышивка. Все больше иллюстраций выполнено на основе музейных предметов. Прорисованы они очень тщательно, но выглядят так, как могли быть запечатлены и на фотографиях (*Рис. 8, 9*).

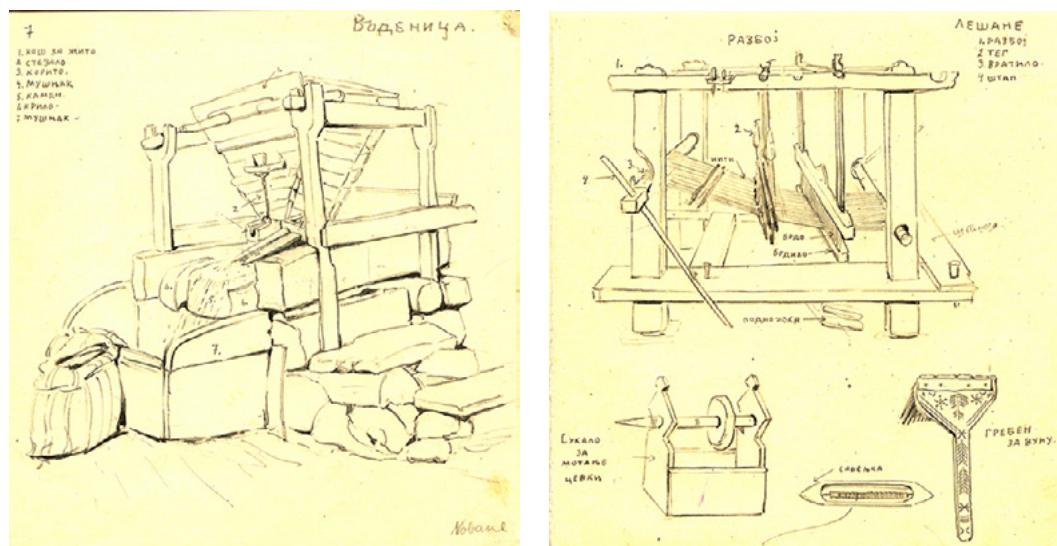

Рис. 1. Водяная мельница. Косово (Новаке, Подри- ма). Август 1947. Размер 18x18 см. Рисунок каранда- шом. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 2. Ткацкий станок, гребень для шерсти и др. Косово (Лешане, Подри- ма). Август 1947. Размер 18x18 см. Рисунок каранда- шом. (Фонд Олге Бенсон).

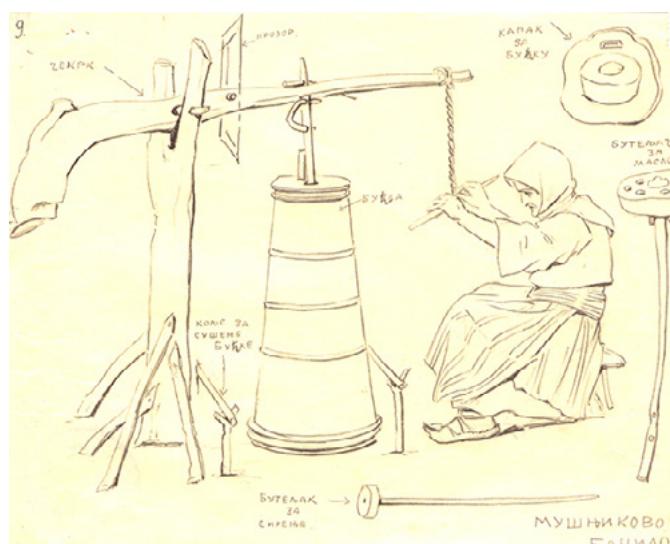

Рис. 3. Женщины за сельхоз. работой. Косово (Новаке, Подрима). Август 1947. Размер 18x18 см. Рисунок карандашом. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 4. Переработка молока (бутыль, емкость для масла, пробка для бутыли, емкость для изготовления сыра). Косово (Мушниково, Сретска жупа). Август 1947. Размер 17x22 см. Рисунок карандашом. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 5. Девочка из Восточной Сербии. Темпера. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 6. Женщина из Сербии. Сербия, Шумадия. Размер 31x48 см. Акварель. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 7. Флейтист. Восточная Сербия (Звездан, вблизи г. Заечар). Карандаш. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 8. Элементы мужской одежды. Шумадия (Лазаревац, Велики Црлени). 1948 г. Размер 34x24 см. Акварель. (Фонд Олге Бенсон).

Рис. 9. Женский головной убор. Баранья. Этнографический музей. 1949 г. Размер 34x24 см. Акварель. (Фонд Олге Бенсон).

Лиляна Гаврилович полагает, что это обезличивание рисунков скорее всего связано с требованиями, предъявляемыми к финальным публикациям того времени, в которых, согласно правилам, говорил эксперт, а не носитель культуры. От исследовательских текстов ожидалась «объективность» (Гавриловић 2019: 107). Вероятно, поэтому, в соответствии с концептуальными подходами середины прошлого века, многие экспедиционные зарисовки художницы, отражающие реальную жизнь, не были опубликованы. В то же время заметим, что произведений ее авторства было столько, что места в книгах для них просто не хватало. Отметим несомненный талант и работоспособность художницы: авторству Ольги Бенсон принадлежит более 800 работ этнографического характера

(Миленковић-Вуковић 2019: 61). Ольга Бенсон рисовала в разной технике — карандашом, тушью, акварельными красками, темперой. За неполных четыре года работы в Этнографическом институте ею подготовлено 580 чертежей и рисунков. Только в 1950 г., судя по отчетности Этнографического института, она нарисовала тушью более 170 рисунков с изображениями одежды для периодического издания «Гласник Этнографског института САНУ», на страницах которого еще долго можно было увидеть ее иллюстрации.

Свидетельством масштаба творчества художника-фольклориста Ольги Бенсон является количество проиллюстрированных ею книг, увидевших свет, причем не только в Сербии, но и за ее пределами. Биляна Миленкович-Вукович, исследовавшая биографию Ольги Бенсон, приводит список изданий с рисунками этой художницы (Миленковић-Вуковић 2019: 46–47). Среди опубликованных во время работы в Этнографическом институте САН монографии Петра Ж. Петровича „Живот и обичаји народни у Гружи“ (Петровић 1948) и „Шумадиска Колубара“ (Петровић 1948), Светозара Томича „Пива и Пивљани“ (Томић 1949); Јована Вукмановича „Народна ношња у Спичу“ (Вукмановић 1950); Глиши Елезовича „Старе турске школе у Скопљу“ (Елезовић 1950) и др. В начале 1950-х годов в издании „Гласник Етнографског института САН“ опубликованы тексты Видосавы Николич-Краснич и Надежды Пешич о сербской и мусульманской женской одежде и Мирка Барјактаровича о способах переноски вещей с чертежами О. Бенсон (Николић-Краснић 1952; Пешић 1952; Барјактаровић 1952).

Репродукции рисунков Ольги Бенсон использовались в публикациях и после отъезда художницы из Югославии. Обратим внимание, что иллюстрации Ольги Бенсон украшают раздел о народах Югославии в томе «Народы зарубежной Европы» из серии «Народы мира», опубликованный в Москве в 1964 г. (Народы мира: 1964: 371–512). Через год текст был издан отдельной книгой Сербской академии наук и искусств в переводе на сербский язык, тоже, конечно с иллюстрациями Бенсон (Недељковић 1965). Напечатанную в 1952 г. монографию „Dances of Yugoslavia“ сестры Янкович проиллюстрировали рисунками О. Бенсон (Јанковић 1952). В 1963 г. Этнографический музей г. Скопье выпустил альбом „Македонски народни носии“, содержащий в том числе репродукции одежды, нарисованной Ольгой Бенсон (Кличкова 1963). Ее рисунками проиллюстрирована монография Милки Јованович „Народна ношња у Србији у 19. веку“ (Јовановић 1979), а чертежами „Записи о Шумадији“ Милета Недељковича (Недељковић 1996). Экспедиционные рисунки середины прошлого века опубликованы в книге „Косово и Метохија у издањима Етнографског института САНУ“ (Радојичић 2015). Гордана Благоевич монографию «Σερβική χορευτική παράδοση» (греч. Сербское танцевальное наследие), изданную на греческом языке, сопроводила акварелями Ольги Бенсон (Blagojević 2009). Вспомнила о репродукциях художницы и Катарина Радисавлевич в монографии „Настава народне уметности“ (Радисављевић 2017). Каталог выставки об одном из элементов народного костюма типа куртки „Зубун: коллекция Етнографского музея у Београду из XIX и прве половине XX века“ автора Мирияны Менкович, содержит работы Ольги Бенсон, относящиеся ко времени ее работы в Этнографическом музее Белграда (Менковић 2009).

Собственно, организация в 2009 г. этой выставки с презентацией на ней 38 акварелей и чертежей выкроек, выполненных Ольгой Бенсон в 1942 г., и оживила инте-

рес в Сербии к творчеству художницы. Несколько позже, в 2018 г. ее работы были выставлены также в Северной Македонии, в рамках празднования 70-летия Национальной галереи Северной Македонии на выставке „Чудесните жени од колекцијата на Националната галерија на Македонија“. Но все-таки тому, что шедевры художницы покинули полки архива и увидели свет, мы обязаны в первую очередь Этнографическому институту САНИ. В 2002 г. Почтой Сербии была выпущена серия марок и конвертов под названием „Музейные экспонаты“ с рисунками сербской народной одежды. Представленная одежда — копии акварелей Ольги Бенсон из фондов института. Опыт оказался удачным и в 2008 г. идея была повторена, на этот раз использовались акварели с детской народной одеждой. По мнению Биляны Миленкович-Вукович, хотя серии были предназначены в первую очередь филателистам, выбором тем и мотивов привлек внимание отечественной и международной общественности, популяризировал художественное достояние, имеющее для государства общенациональную значимость (См. Миленковић-Вуковић 2019: 59–64).

Отрадно, что большая часть творческого наследия Ольги Бенсон сохранилась. Похвастаться коллекциями Ольги Бенсон может целый ряд учреждений. Напомним, в Музее Северной Македонии хранится около 80 ее акварелей, в Этнографическом музее Белграда — свыше сотни рисунков, в т. ч. 49 акварелей, в Музее Воеводины — пять акварелей. В Военном музее г. Белграда можно увидеть две ее копии фресок, одна из них — фреска сербского правителя царя Душана из монастыря Лесново, датируемая XIV в. А самым большим фондом работ Ольги Бенсон располагает, как уже было сказано, Этнографический институт САНИ — 504 чертежа и акварели.

Рисунки Ольги Бенсон можно увидеть далеко за пределами того региона, где они были созданы. В Вашингтонском университете сейчас хранится 25 акварелей Ольги Бенсон, иллюстрирующих народную одежду жителей Балкан. Они попали туда благодаря легендарной исследовательнице и собирательнице исторического костюма и текстиля Бланш Пейн (Blanche Payne), преподававшей в этом университете. Бланш посетила Королевство Югославию в 1929/1930 и 1936/1937 годы и познакомилась с Ольгой Бенсон. Она привезла в Сиэтл более сотни рисунков костюмов и схем вышивки, а также 24 акварели с изображениями народной одежды, нарисованных Бенсон. К сожалению, рукопись написанной Бланш книги была передана лондонскому издателью, но не опубликована. В 1941 г. во время бомбардировок Лондона она была уничтожена и все последующие попытки восстановить текст и иллюстрации оказались безуспешными. Сохранились лишь акварели Бенсон, которые в Вашингтонском университете являются частью Электронного фонда костюмов, фотографий и чертежей Бланш Пейн (Blanche Payne; Payne 1957; Миленковић-Вуковић 2019: 23). Перечисление заслуг Ольги Бенсон перед наукой может быть продолжено.

При этом, несмотря на столь богатое творческое наследие, имя Ольги Бенсон долгое время было известно только специалистам, сотрудникам тех учреждений, в которых она работала. Не станем забывать тот факт, что рисунки художника-этнографа были «всего лишь» иллюстративным материалом, перед ними не ставились исследовательские задачи. Даже фамилии авторов иллюстраций не всегда указывались в выходных данных книг. Полевые выезды были отрядными, коллективными. Поэтому в монографиях не находилось места глубоко личным рисункам художницы. Создается впечатление, что ее современники не в полной мере понимали истинную ценность работ Ольги Бенсон. Рассматриваемые сегодня, в рамках совершенно

другого дисциплинарного дискурса, отличающегося от того, в котором они были созданы, рисунки Ольги Бенсон демонстрируют исключительное качество, которое в то время, когда она работала, не было распознано. Это, прежде всего, постоянный диалог с материалом и людьми, частички жизни которых переносила на холст и бумагу художница. Ее работы могут быть прочитаны как бесценный, до сегодняшнего дня общественности неизвестный эксклюзив о сельской культуре Балкан середины прошлого века.

С позиций современной этнологии/антропологии интерпретация рисунков, их контент-анализ, как и многих других свидетельств прошлого, является бесценным ресурсом научного познания мира. Согласимся с мнением Лилианы Гаврилович, что художественный материал, помимо несомненной документальной и исторической ценности, побуждает задаться важным научным вопросом о природе и качестве источников для изучения прошлого и традиции, о способах и границе их изучения, о политике сбора, систематизации и презентации народной жизни в учреждениях культуры в рамках дискурсов «науки о народах» и сегодняшнего дня (Гавриловић 2019: 115). В то же время знакомство с творчеством даже одного конкретного художника может стать стимулом для реабилитации и возвращения рисунка в контекст современной этнологии и антропологии, поскольку демонстрируют его потенциал как формы визуализации, как способа презентации многих деталей изучаемой действительности, более точной по сравнению с текстом и фотографией. Углубленный анализ и осмысливание перенесенного на бумагу содержания показывает перспективность сотрудничества между антропологами и деятелями искусства различного профиля, но на иной основе по сравнению с тем, как это происходило во времена Ольги Бенсон.

Отдавая дань памяти художницы, к 130-летию со дня ее рождения в Белграде была опубликована монография „Снови о прошлости и традиции: Олга Бенсон“, написанная антропологом, др. Лилианой Гаврилович и дипломированным библиотечным советником Биљаной Миленкович-Вукович (Љиљана Гавриловић и Биљана Миленковић Вуковић) и включающая каталог работ Ольги Бенсон (Гавриловић, Миленковић-Вуковић 2019). Художник-антрополог Петрия Йовичич презентовала профессиональному сообществу музеиных работников и реставраторов текст о художественном наследии Ольги Бенсон в собраниях Этнографического института (Јовичић 2018). В Галерее науки и техники г. Белграда была организована выставка работ художницы. Ее творчество освещалось в СМИ, в т. ч. в центральной прессе (Животни путеви и др.). Этнографический институт Сербской академии наук оцифровал и выложил на свой сайт архив рисунков и акварелей Ольги Бенсон, сделав их доступными всем желающим (Фонд Олге Бенсон).

Основные издания, проиллюстрированные Ольгой Бенсон

- Барјактаровић, М. 1952. Пренос добара у Горњем Полимљу. *Гласник Етнографског института САН* 1–2: 475–485.
- Бенсон, О. 1939. *Народна ношња: о прослави ослобођења 1912–1937: сликовна грађа*. Скопље: Музеј Јужне Србије.
- Вукмановић, Ј. 1950. Народна ношња у Спичу. *Зборник радова Етнографског института САН* 1: 263–292.

- Елезовић, Г. 1950. Старе турске школе у Скопљу. *Зборник радова Етнографског института САН* 1: 159–195.
- Јовановић, М. 1979. *Народна ношња у Србији у XIX веку*. Београд: САНУ.
- Кличкова В. (прир.). 1963. *Македонски народни носии*. Скопје: Етнолошки музеј. 39 с.+61 ил.
- Менковић, М. 2009. *Зубун: колекција Етнографског музеја у Београду из XIX и прве половине XX века*. Београд: Етнографски музеј. 138 с.
- Недељковић, Д (ур.). 1965. *Народи Југославије*. Београд: САНУ. 239 с.
- Недељковић, М. 1996. *Записи о Шумадији* (фотографије Никола Зега, Александар Симић, Милинко Стефановић, цртежи Олга Бенсон). Крагујевац: Центар за научна истраживања САНУ и Универзитета у Крагујевцу.
- Николић-Краснићи, В. 1952. Српска женска ношња на глави у Сретечкој Жупи. *Гласник Етнографског института САН* 1–2: 143–159.
- Петровић, П. Ж. 1948. *Живот и обичаји народни у Грузији*. Српски етнографски зборник, књ. 58. Живот и обичаји народни. Књ. 26. Београд: Српска академија наука. 580 с.
- Петровић, П. Ж. 1949. „Шумадиска Колубара“. У *Српски етнографски зборник*, књ. 59. *Насеља и порекла становништва*. Књ.31. ур. Војислав С. Радовановић, 1–294. Београд: Српска академија наука.
- Пешић, Н. 1952. Муслиманска женска ношња на глави у Сретечкој Жупи. *Гласник Етнографског института САН* 1–2: 161–171.
- Радисављевић, К. 2017. *Настајање народне уметности: случај Покрета за истраживање народних текстилних рукотворина код Јужних Словена: (1870–1914)*. Нови Сад: Музеј Војводине; Београд: Етнографски музеј.
- Радојчић, Д. (прир.). 2015. *Косово и Метохија у издањима Етнографског института САНУ: (1951–1998)*. Београд: Музеј у Приштини. 458 с.
- Томић, С. 1949. Пива и Пивљани: са 11 скица и цртежа у тексту и 16 табли слика и 1 картом у прилогу. У *Српски етнографски зборник*. Књ. 59. *Насеља и порекла становништва*. Књ. 31, ур. Војислав С. Радовановић. Београд: Српска академија наука. 379–546.
- Филеки, И. 2013. Косовски вез — друштвени значај. *Гласник Етнографског музеја* 77: 149–172.
- Благојевић, Г. 2009. *Србијски хореутички парадоцети. Sremski Karlovci: Institut Akademije SPC за уметност и конзервацију*.
- Јанковић, Л. и Д. 1952. *Dances of Yugoslavia (illustrated by Olga Benson)*. London: Max Parrish and company. 40 р.

Источники и материалы

- Архив Србије — Државни Архив Србије. Досје Олге Бенсон, Г-266, Ф. 8. № 484. <https://www.arhivsrbiye.rs/>
- Архив на Северна Македонија — Државен архив на Република Северна Македонија. Фонд Министарства просвете. Архив Југославије, 20. децембар 1933. <https://arhiv.mk/digitalni-zbirki>
- Историјски архив Београда — Дигитални репозиторијум Историјског архива Београд. Управа Града Београда. Картотека житеља града Београда и Земуна. <https://digitalni.arhiv-beograda.org/repositorijum.php>
- Животни путеви — Сретеновић М. Животни путеви Олге Бенсон // Политика. 12.06.2020. <https://www.politika.rs/scc/clanak/456009/Zivotni-putevi-Olge-Benson>
- Фонд Олге Бенсон — Колекција Олга Бенсон // Етнографски институт САНУ [Электронный ресурс]. serbia-forum.org/sf/olga_benson/kolekcija
- Blanche Payne — Blanche Payne Regional Costume Photograph and Drawing Collection // University of Washington. University Libraries. Digital Collections [Электронный ресурс]. <https://content.lib.washington.edu/payne>

Научная литература

- Гавриловић Ј., Миленковић-Вуковић Б. Снови о прошлости и традицији: Олга Бенсон. Јиљана Гавриловић (уредник). Београд: Етнографски институт САНУ, 2019. 499 с.
- Гавриловић Ј. Олга Бенсон: Прича о затуреном благу // Гавриловић Ј., Миленковић-Вуковић Б. Снови о прошлости и традицији: Олга Бенсон. Јиљана Гавриловић (уредник). Београд: Етнографски институт САНУ, 2019. С. 70–121.
- Гавриловић Ј. Балкански костими Николе Арсеновића. Београд: Етнографски институт САНУ, 2004. 229 с.
- Галямов А. А. Историко-этнографические и изобразительные источники гравюр Х. М. рота из издания И. Г. Георги (на примере обских угров) // *Genezis: исторические исследования*. 2021. № 6. С. 95–105. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.6.35871> https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35871
- Гатина-Шафиковича Д. Алексей Мазанов — неизвестные страницы этнографического рисунка // Реальное время [Электронный ресурс]. 04.05.2023. <https://realnoevremya.ru/articles/279695-aa-mazanov-neizvestnye-stranicy-etnograficheskogo-risunka?ysclid=lkmljdear5933027942>
- Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М.: издательство МГУ, 1966. 108 с.
- Миленковић-Вуковић Б. Олга Бенсон — Животна прича заборављене уметнице // Гавриловић Ј., Миленковић-Вуковић Б. Снови о прошлости и традицији: Олга Бенсон. Јиљана Гавриловић (уредник). Београд: Етнографски институт САНУ, 2019. С. 8–69.
- Народы зарубежной Европы. Под общей ред. Толстова С. П. Под ред. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. Том 1. М.: Наука, 1964. 1001 с.
- Оганезов А. Э. Современные направления развития визуальной антропологии // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 2. С. 141–147. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-141-147>
- Пинк С. Интервью с видеокамерой // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 90–107.
- Толмачева Е. Б. Фотография как этнографический источник: по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Диссертация и автореферат по ВАК РФ 07.00.07 на степень кандидата исторических наук. 2011. 246 с.
- Јовићић П. Ликовно стваралаштво Олге Бенсон у архивској грађи Етнографског института САНУ // Зборник радова треће колоније конзерватора, рестауратора и музејских радника / ур. Александар Тодоровић. Сирогојно: Музеј на отвореном Старо село, 2018. С. 18–20.
- Boudreault-Fournier A. ‘Making’ Graphic Novels as a Creative Practice in Anthropology: Learning Outcomes from the Classroom // Center for Imaginative Ethnography. University of Victoria. [Электронный ресурс]. 2015. <https://imaginative-ethnography.com/making-graphic-novels-as-a-creative-practice-in-anthropology>
- Carrier Moisan M.-E. Anthropology Otherwise: Thoughts on a Graphic Novel Experiment. Part 1. // Teaching Culture [Blog for Anthropologists interested in Pedagogy]. October 30, 2018. <http://www.utpteachingculture.com/anthropology-otherwise-thoughts-on-a-graphic-novel-experiment>
- Carrière J. Andrew Causey, *Drawn to See: Drawing as an Ethnographic Method* // Parcours anthropologiques. Open Edition Journals [Электронный ресурс]. 2023, № 18. 15 июня 2023 г. <https://journals.openedition.org/pa/2421> <https://doi.org/10.4000/pa.2421>
- Causey A. 2017. *Drawn to See. Drawing as an Ethnographic Method*. Toronto: University of Toronto Press. 176 p.
- Joseph C. Illustrating the Anthropological Text: Drawings and Photographs in Franz Boas’ “The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians” (1897) // Lardinois A., Levie S., Hoeken H., Lüthy C. (eds.). *Texts, Transmissions, Receptions. Modern Approaches to Narratives*. Leiden: Brill. 2015. P. 221–239.

- Kuschnir K. Ethnographic Drawing: Eleven Benefits of Using a Sketchbook for Fieldwork // Visual Ethnography. 2016. № 5(1). P. 103–134.
- Oppitz M. Drawing or Photograph: Questions on ethnographic illustration // Oppitz M. (ed.) Robert Powell’s Himalayan Drawings. Zürich: Völkerkundemuseum, 2001. P. 91–123.
- Payne B. Some costumes of Yugoslavia // Bulletin of the Needle and Bobbin Club. 1957. Vol. 41. P. 3–21.
- Pink S. The Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses. London-New Work: Routledge, 2006. 170 p.
- Pink S. Doing Visual Ethnography. Revised and expanded 4th edition, London: Sage, 2021. 304 p.
- Smith G. Anthropology: Portraying Culture Through Modern Graphic Ethnography and Fiction // YAIR blog [Электронный ресурс]. July.10.2023. <https://www.yair.com/ru/blog/anthropology-portraying-culture-through-modern-graphic-ethnography-and-fiction/>
- Thiessen E. Drawing Anthropology. Unpublished essay. ‘Media and Creative Practices’. Seminar, Department of Anthropology, University of Victoria, 2015. (цит. по: *Carrier Moisan 2015*).
- ## References
- Boudreault-Fournier, A. 2015. ‘Making’ Graphic Novels as a Creative Practice in Anthropology: Learning Outcomes from the Classroom. In *Center for Imaginative Ethnography*. University of Victoria [digital access]. <https://imaginative-ethnography.com/making-graphic-novels-as-a-creative-practice-in-anthropology>
- Carrier Moisan, M.-E. 2018. Anthropology Otherwise: Thoughts on a Graphic Novel Experiment. Part 1. In *Teaching Culture* [Blog for Anthropologists interested in Pedagogy]. October 30. <http://www.utpteachingculture.com/anthropology-otherwise-thoughts-on-a-graphic-novel-experiment>
- Carrière, J. 2023. *Andrew Causey, Drawn to See: Drawing as an Ethnographic Method* // *Parcours anthropologiques*. Open Edition Journals [digital access]. 18: 15 June. <https://journals.openedition.org/pa/2421> <https://doi.org/10.4000/pa.2421>
- Causey, A. 2017. *Drawn to See. Drawing as an Ethnographic Method*. Toronto: University of Toronto Press. 176 p.
- Gavrilović, L. and B. Milenković-Vuković. 2019. *Snovi o prošlosti i tradiciji: Olga Benson* [Dreams of the Past and Tradition: Olga Benson]. Belgrade: Etnographic Institute of SASA. 499 p.
- Gavrilović, L. 2019. Olga Benson: Priča o zaturenom blagu [Olga Benson: A Story of Misplaced Treasure] In Gavrilović, L. and B. Milenković-Vuković. *Snovi o prošlosti i tradiciji: Olga Benson* [Dreams of the Past and Tradition: Olga Benson]. Belgrade: Etnographic Institute of SASA. S. 70–121.
- Gavrilović, L. 2004. Balkanski kostimi Nikole Arsenovića [Balkan Dress by Nikola Arsenovic]. Belgrade: Etnographic Institute of SASA. 229 p.
- Galjamov, A. A. 2021. Историко-јетнографические и изобразительные источники гравюр H. M. Rota из издания I. G. Georgi (на примере обских угров) [Historical, Ethnographic and Pictorial Sources of H. M. Roth’s Engravings from I. G. Georgi’s Edition (The Case of Ob Ugrians)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* 6:95–105. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.6.35871 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35871
- Гатина-Шафиковича Д. Алексей Мазанов — неизвестные страницы ятнографического рисунка [Alexey Mazanov — Unknown Pages of Ethnographic Drawing] *Real’noe vremya* [digital access]. 04.05. 2023. <https://realnoevremya.ru/articles/279695-aa-mazanov-neizvestnye-stranicy-jetnograficheskogo-risunka?ysclid=lkmljdear5933027942>
- Громов, Г. Г. 1966. *Методика ятнографических экспедиций* [Methodology of Ethnographic Expeditions]. Moscow: Izdatel’stvo MGU. 108 p.
- Joseph, C. 2015. Illustrating the Anthropological Text: Drawings and Photographs in Franz Boas’ The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians’ (1897). In Lardi-

- nois, A., S. Levie, H. Hoeken and C. Lüthy (eds.), *Texts, Transmissions, Receptions. Modern Approaches to Narratives*. Leiden: Brill. 221–239.
- Jovičić, P. 2018. Likovno stvaralaštvo Olge Benson u arhivskoj građi Etnografskog instituta SANU [Olga Benson's Artwork in the Archives of the Ethnographic Institute SANU] In *Zbornik rada o treće kolonije konzervatora, restauratora i muzejskih radnika* [Proceedings of the Third Colony of Conservators, Restorers and Museum Staff], ed. A. Todorović. Sirogojno: Muzej na otvorenom Staro celo. 18–20.
- Kuschnir, K. 2016. Ethnographic Drawing: Eleven Benefits of Using a Sketchbook for Fieldwork. *Visual Ethnography* 5 (1): 103–134.
- Milenković-Vuković B. 1919. Olga Benson — Životna priča zaboravljene umetnice [Olga Benson — The Life Story of a Forgotten Artist] In Gavrilović, L. and B. Milenković-Vuković. *Snovi o prošlosti i tradiciji: Olga Benson* [Dreams of the Past and Tradition: Olga Benson]. Belgrade: Ethnographic Institute of SASA. S. 8–69.
- Oganezov, A. E. 2018. Sovremennye napravlenija razvitiya vizual'noj antropologii [Modern Trends in the Development of Visual Anthropology] *Observatorija kul'tury* 15(2): 141–147. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-141-47>
- Oppitz, M. 2001. Drawing or Photograph: Questions on ethnographic illustration. In M. Oppitz (ed.) *Robert Powell's Himalayan Drawings*. Zürich: Völkerkundemuseum. 91–123.
- Payne, B. 1957. Some costumes of Yugoslavia. *Bulletin of the Needle and Bobbin Club*. Vol. 41: 3–21.
- Pink, S. 2006. *The Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses*. London-New Work: Routledge, 2006. 170 p.
- Pink, S. 2021. *Doing Visual Ethnography*. Revised and expanded 4th edition, London: Sage. 304 p. ISBN 9781529743975
- Pink, S. 2007. Interv'ju s videokamerom [Interview with a Video Camera] *Sociologicheskij zhurnal* 3: 90–107.
- Smith, G. 2023. Anthropology: Portraying Culture Through Modern Graphic Ethnography and Fiction. *YAIR blog* [digital access]. July.10.2023. <https://www.yair.com/ru/blog/anthropology-portraying-culture-through-modern-graphic-ethnography-and-fiction/>
- Thiessen, E. 2015. "Drawing Anthropology." Unpublished essay. 'Media and Creative Practices'. Seminar, Department of Anthropology, University of Victoria (quoted from: Carrier Moisan 2015).
- Tolmacheva, E. B. 2011. *Fotografija kak jethnograficheskij istochnik: po materialam fotokollekci Muzeja antropologii i jethnografi imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [Photography as an Ethnographic Source: On the Basis of the Photographic Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera RAS)]. Ph. D. Thesis. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS. 246 p.
- Tolstov, S. P., S. A. Tokarev and N. N. Cheboksarov (eds.). 1964. *Narody zarubezhnoj Evropy* [Peoples of Europe Abroad]. Vol. 1. Moscow: Nauka. 1001 p.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/203-214
Научная статья

© О. Б. Степанова

АНТРОПОЛОГИЯ ЯМАЛЬСКОГО СУВЕНИРА (НА МАТЕРИАЛАХ НЕНЦЕВ, ХАНТОВ И СЕЛЬКУПОВ)

Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме сувениризации культуры коренных народов Ямала. Рассматриваются участники процесса сувениризации — структура окружной администрации, определяющая направления политики в области создания в округе сувенирного продукта, учреждения, ответственные за реализацию этих направлений — окружные и районные Центры национальных культур и Дома ремесел — и «банк» мастеров, который выполняет в этом процессе роль главного исполнителя. Исследование анализирует в создании этнического сувенира элемент народной инициативы и выявляет творческие новшества, привнесенные в него народными мастерами. Одним из итогов исследования стала разработка классификации сувенирной продукции, репрезентирующей культуру коренных народов Ямalo-Ненецкого автономного округа. За основу классификации была взята степень традиционности сувенирного предмета. В первую классификационную группу вошли предметы, созданные по традиционному канону и сохранившие в себе (с некоторым смещением) смысл оберегов. Вторую группу составили традиционные вещи, чье значение как сувенира ограничилось демонстрацией декоративной и технологической самобытности этнической культуры. Этот тип вещей (единственный у всех) сохранил также возможность их утилитарного использования. Третью группу образовали сувениры, изготовленные с приложением авторской фантазии и привлечением национальных мотивов, техник и материалов. Сувениризация на Ямале стала частью современных трансформаций традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: народы Ямала, этнический сувенир, классификация сувениров, традиционная культура, трансформации культуры

Ссылка при цитировании: Степанова О. Б. Антропология ямальского сувенира (на материалах ненцев, хантов и селькупов) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 203–214.

© Olga Stepanova

ANTHROPOLOGY OF THE YAMAL SOUVENIR (AMONG THE NENETS, KHANTS AND SELKUPS)

The article is devoted to the actual and little-studied problem of souvenirization of the Yamal indigenous population's culture. The participants of the souvenirization process are: the district administration, which determines the policy directions in the field of creating the souvenirs; the institutions responsible for the implementation of this policy — the Centers of National Cultures and the House of Crafts; and the "bank" of craftsmen, which is the main performer in this process. The study analyzes the element of folk initiative in the creation of an ethnic souvenir and reveals the creative innovations introduced by folk craftsmen. The study develops a classification of souvenirs that represent the culture of the indigenous peoples of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The classification is based on the degree of traditionality of a souvenir item. The first classification group included objects created according to the traditional canon, which retained (with some displacement) the meaning of amulets. The second group consisted of traditional items, whose value as a souvenir was limited to demonstrating the decorative and technological identity of ethnic culture. This type of souvenirs (the only one of all) also maintained the possibility of their practical use. The third group was formed by souvenirs inspired both by the author's imagination and the national motifs, techniques and materials. Souvenirization in Yamal has become part of the current transformation of the traditional life support system of the indigenous peoples of the North.

Keywords: Yamal indigenous population, ethnic souvenir, classification of souvenirs, traditional culture, cultural transformations

Author Info: Stepanova, Olga B. — Ph. D. in History, Senior Researcher at the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russian Federation, St. Petersburg). E-mail: stepanova67@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

For citation: Stepanova, O. B. 2023. Anthropology of the Yamal Souvenir (Among the Nenets, Khants and Selkups). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 203–214.

Тема ямальского сувенира актуальна в рамках поддержки политики сохранения традиционной культуры и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, уже много лет проводимой администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа (См. Степанова 2018: 365–374). Научное значение этой темы определяется ее новизной и пока небольшим количеством посвященных ей исследовательских работ. Ямальский сувенир, процесс сувениризации на Ямале изучался А. В. Головневым (Головнев 2019, 2021), А. В. Головневым, Ю. С. Коньковой,

Д. А. Кукановым (Головнев и др. 2020), Е. В. Переваловой, Т. С. Киссер, Ю. С. Коньковой (Перевалова и др. 2021), Е. Т. Пушкаревой (Пушкарева 2010). Авторы рассмотрели сувенир в свете этничности и визуальной антропологии, определили его место в имиджевом продвижении и развитии туризма региона. Для названных исследований характерен взгляд на сувенир как на маркетинговый продукт, целенаправленно созданный дипломированными художниками с опорой на этнические традиции по заказу окружной администрации. Сувенир представлен результатом модификации традиционных культур, произошедшей вследствие воздействия на них административного и профессионально-художественного ресурсов.

В данной статье объектом изучения стал сувенир, рожденный культурными трансформациями, инициированными самой этнической средой. Анализ фокусировался на элементе народного креатива, участвующем в формировании ямальского сувенира; рассматривались признаки национального сувенира, которые добавили к нему «снизу» доморощенные мастера — представители этноса. В исследовании сделан обзор доступного автору сегмента сувенирного рынка ЯНАО и разработана классификация ямальского сувенира. В основу классификации легла степень изменений традиционных предметов при их превращении в сувенир.

Инструментальную базу исследования составили экспедиционные методы и описание, в изучении проблемы применялись также анализ, семантический анализ, сравнение, обобщение и типологизация.

Полевой материал для статьи собирался во время двух праздников, состоявшихся в Пуровском районе ЯНАО в сентябре 2022 г. — на 90-летнем юбилее образования Пуровского района, который отмечался в административном центре г. Тарко-Сале, и на этнофестивале «Харвей» в пос. Харампур, расположенному в полутора часах езды от центра. Каждому празднику сопутствовали ярмарки, где среди прочих товаров продавались национальные сувениры — вещи, репрезентирующие культуру проживающих в районе ненцев и хантов¹. Это были в основном предметы рукоделия, изготовленные мастерами (выступавшими одновременно продавцами) из числа коренных малочисленных народов Севера, которые получили навык шитья в детстве, в родительской семье (Рис. 1). Важно, что мастерицы не имели обязательств участвовать в ярмарке, они или сами проявили инициативу, или с энтузиазмом откликнулись на приглашение организаторов². Материал по теме национальных сувениров собирался также в г. Салехарде и в Красноселькупском районе ЯНАО, вне праздничной обстановки³.

В характеристике сувениров, представленных на пуровских праздниках, следует подчеркнуть их разнообразие. Мастерицы превратили в сувенир множество предметов, взятых из традиционного быта и внешне не имеющих серьезных отступлений от принятого в культуре канона, а также создали для продажи гостям района но-

¹ Рассмотрение серийных сувениров, произведенных на сувенирных фабриках за пределами ЯНАО, тоже представленных на ярмарках Пуровского района, в задачу исследования не входило.

² В Центре национальных культур Пуровского района имеется длинный список мастеров, с которыми он сотрудничает при организации праздников. Если судить по тому, как много было на праздниках участников в аутентичной национальной одежде, можно заключить, что банк мастеров в Пуровском районе немаленький.

³ Центральной темой полевой работы в 2022 г. был вопрос современных изменений традиционной системы жизнеобеспечения северных селькупов и народов, проживающих с ними в контактных зонах, который включал в себя, в том числе, проблему сувениризации традиционного.

ые красивые и интересные вещи, следуя уже традициям современного сувенирного производства и своей фантазии.

После общения автора с хозяйками сувенирных точек и получения комментариев к продаваемым вещам, выяснилось, что многие сохранившие визуальную стабильность традиционные вещи изменились внутренне и обновили свои первоначальные смыслы и функции. Это касается вещей, обладающих в культуре сакральным значением.

Примером таких обновлений могут служить традиционные женские сумки, они есть у лесных и тундровых ненцев и у селькупов (*Рис. 1*). Сумки являются произ-

Рис. 1. Мастерицы из числа коренных малочисленных народов Севера, продающие национальные сувениры на ярмарке, приуроченной к празднованию 90-летия Пуревского района; женские сумки; селькупские игольницы; национальные куклы; подвеска в виде оленей ноги с зарубками, обозначающими числовые порядки; бабки-обереги; сувенир оленье копытце; опушка-загребушка. Город Тарко-Сале, поселок Харампур, Пуревский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Фото автора, 2022 г.

ведениями декоративно-прикладного искусства, они красиво и эффектно выглядят и хорошо привлекают покупателей. В культуре каждая женщина шьет себе такую сумку сама из меха оленя и сукна, украшает традиционными (родовыми) орнаментами и хранит в ней швейные принадлежности (орнаменты, наперсток, иголки), фигурки домашних/семейных духов, пуповины своих детей и т. д. Все предметы, входящие в содержимое женской сумки, материал, из которого она сшита, орнаменты, которыми декорирована, несут смыслы сбережения здоровья и благополучия швеи и всей ее семьи. Семантическое значение женской сумки — воплощение родового божества, наделенного охранительными функциями. Согласно комментариям мастерниц, проданные в качестве сувениров сумки (без содержимого) тоже будут охранять покупателей и их семьи (ПМА 2022). То есть вместе с сумками на продажу выставляется их традиционное значение семейного оберега. Обережные смыслы сумок нарушаются в части принадлежности к роду сшивших их мастерниц и одновременно упрощаются: становится неважным, какое божество будет защищать нового владельца. У селькупов в роли национального, декоративно яркого сувенира со значением оберега женщины-швеи и ее семьи выступает игольница (Степанова 2013).

К несущественным изменениям, которые произошли во внешнем виде женских сумок, относится применение при их изготовлении новых материалов и техник: сукно мастерницы заменяют синтетической тканью, сухожильные нитки лавсановыми, бисер пластиковыми бусинами, нередко при производстве сумок применяется швейная машинка.

Другим примером превращения традиционной вещи в сувенир с сохранением и небольшим смещением сакрального значения служат детские куклы (*Рис. 1*). Они красивы и интересны в декоративном плане, голова у кукол делается из утиного клюва или из белого лоскута ткани, который скручивается или обтягивает другой скрученный/сложенный лоскут, черты лица на куклах не обозначаются, роль туловища играет одежда. Ярость куклам придают также разноцветные ткани, из которых они сшиты, и украшения — орнаменты, аппликация, бисер, бусины, сплетенные из шерстяных ниток косы, канты из цветных шерстяных нитей и пр. (ПМА 2022). В традиционной культуре куклы оберегали детей от злых духов и сами воспринимались духами: чтобы ненароком они не навредили детям, их оставляли без лица. Изготовление кукольной головы из утиного клюва связывается с представлением об утке, в которой воплощалось женское, опять же родовое, божество — покровительница семьи, материнства и детства (Степанова 2021). Символический смысл ямальской куклы, превращенной в сувенир — тот же оберег, однако, как и в случае с женскими сумками, из его значения изъята родовая принадлежность. В изготовлении кукол сегодня тоже применяются новые технологии, одежда часто шьется из синтетических тканей, орнамент «зубы» вырезается ножницами-зигзаг, при пошиве используется швейная машинка.

Показательным для изменений традиционной вещи является костяное изображение ноги оленя, так же взятое с пуревских праздничных прилавков (*Рис. 1*). Превращаясь в сувенир, этот предмет подвергся заметной внешней трансформации. Проблемой этого предмета служит имевшаяся во всех оленеводческих семьях учетная дощечка или костяная пластина, где зарубками обозначалось количество оленей, которыми владела семья. Для усиления продажной привлекательности учетной пластины придали вид оленей ноги, в верхний конец вкрутили кольцо, в него пропустили

украшенный бусинами золотой шнур для подвешивания. На изображении сувенирной оленьей ноги сделаны зарубки в виде крестов и параллельных линий, обозначающие числовые порядки. Оленями раньше измерялось богатство семьи, от числа оленей напрямую зависело семейное благополучие. Численность оленей принято было скрывать, оберегая свое богатство от сглаза, вопрос «сколько у вас оленей» до сих пор считается у оленеводов неприличным. То есть в прошлом в такие дощечки/пластины был вложен сакральный смысл оберега, который, сильно упростив, перенесли на сувенир: предмет стал просто оберегом — в первом значении. Второе значение предмета обнаружилось после фразы мастерицы, произнесенной при продаже, она заметила: «Если у вашего мужа есть машина, нужно повесить в ней этот предмет, и он убережет его от аварии на трассе Коротчаево — Новый Уренгой, там часто случаются аварии» (ПМА 2022). Это замечание указывает на гендерную ори-

Рис. 2. Выставка-продажа национальной одежды на этнофестивале «Харвей» в поселке Харампур Пуревского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Фото автора, 2022 г.

ентацию оберега, подчеркивает его направленность на сохранение мужского благополучия, что логично, так как предмет ведет свое происхождение из мужской, оленеводческой сферы традиционного хозяйства. Оленеводство в культуре ненцев, хантов и селькупов имело важное транспортное значение, поэтому закономерна и обозначенная мастерицей связь оберега с водителем автомобиля и дальними поездками. В данном случае при трансформации традиционной вещи в сувенир тоже имеет место сохранение и одновременно смещение первоначального сакрального смысла.

К группе сувениров с сакральным значением, перешедшим к ним от соответствующих вещей из традиционной культуры, следует отнести также приобретенные автором на пуревских ярмарках для пополнения коллекций Кунсткамеры бабки (раньше они использовались как игрушки-обереги), оленье копытце (связки копытец служили погремушками и оберегами для маленьких детей и применялись шаманами в качестве музыкального инструмента), лапу глухаря (была определена продавцом как гарант мужского здоровья), лапушки или опушки-загребушки из полосок ценностного меха, украшенного бусинами, предназначенные обеспечивать денежный достаток хозяина (Рис. 1). К новшествам в декоре предметов относится их раскрашивание, нанесение на них рисунка, украшение бусинами и превращение с помощью привязанного к ним шнурка в подвески (ПМА 2022).

Нужно сказать об одной подмеченной закономерности, которая лежит в плоскости народного отношения к сувениризации вещей с сакральными смыслами: отношение это неоднородно и различается в зависимости от степени сакрализации предмета. Вышеназванные вещи не являются культовыми предметами, сакральные смыслы, которые эксплуатируются при их трансформации в сувенир, в них вторичны, побочны и скрыты. Предметы были выбраны и превращены в сувениры-обереги самими мастерами и получили в этнической среде допуск стать таковыми — в отличие от предметов с прямым значением культовых. Когда в разговорах с коренными жителями автор предлагала им организовать изготовление самых простых традиционных фигурок духов для продажи в качестве сувениров¹, что, по идее, обеспечило бы их работой и принесло им денежный доход, ее предложение не встретило понимания и столкнулось с массовым возражением. Ответ всех людей, с которыми велись разговоры на эту тему, свелся к одному слову «нельзя». То есть изготовление на продажу изображений духов пока находится в культуре за гранью допустимого.

Как показал анализ, при трансформации в сувенир сакральный смысл традиционных предметов сохраняется (с некоторым смещением), а вот свое утилитарное значение они, скорее всего, при этом утрачивают. Маловероятно, что новые владельцы станут держать в женской сумке предметы рукоделия, дадут своим детям для игр национальные куклы или будут делать зарубки о числе оленей на костяных ногах или пластинах. Перспектива этих вещей — стоять на полке, напоминать о поездках и «работать» оберегами. В отличие от следующей группы сувениров, выделенной из общего числа сувенирной продукции.

Особенностью второй группы — тоже аутентичных предметов традиционной культуры — является отсутствие в них сакральных смыслов² и возможность ути-

¹ Изображения духов у народов Севера очень характерны, симпатичны, просты в изготовлении, вид их как нельзя лучше подходит для сувенира.

² Сакральные смыслы во многих из них тоже есть, но народом они почти забыты, залегают слишком глубоко в памяти и требуют долгого и сложного объяснения.

литарного использования. К этому типу сувениров принадлежат вещи, в широком ассортименте представленные среди товаров мастерниц из числа коренных жителей района: богато орнаментированная национальная верхняя одежда (ягушки, малицы, жилетки), обувь (кисы, бурки и тапки), тканые пояса и подвязки для кисов, нагрудные бисерные украшения, заготовки меховых или бисерных узоров, которыми можно украсить бурки и т. д. (Рис. 2). В качестве сувениров помимо возможности ношения в них эксплуатируются декоративные и технологические качества — вещи выполняют демонстрационную функцию, представляя яркую и самобытную материальную культуру этноса.

Третью группу сувениров, в противоположность двум первым, формируют вещи, которые были изготовлены мастерницами с применением фантазии и соответствуют этническим традициям лишь частично. К ним относятся модели чумов из оленьего меха или сукна, обшитые мехом и украшенные бисерной вышивкой или аппликацией с национальным орнаментом медальоны, такие же медальоны с изображением лица коренного жителя Крайнего Севера, плоскостные и объемные куклы из разнообразных материалов, изображающие (с прорисовкой лица) коренного жителя Крайнего Севера¹, фигуры оленя из ткани, модели мужских ножей в ножнах, сплетенные из бисера брелки с орнаментом «рога оленя», а также орнаментированные этническим орнаментом косметички, кошельки, сумочки для телефонов и т. д. (Рис. 3) Совсем слабую связь с традиционной культурой имеют обшитые оленьим мехом медальоны с аппликацией в виде слоника, смайлика, ромашки, бабочки, вышитые бисером пасхальные яйца, иконы, нагрудные украшения с гербом района и т. д. (ПМА 2022).

Визиты автора в районный Дом ремесел в пос. Красноселькуп позволили добавить в список третьего вида сувениров изделия из рыбьей кожи (сумки и обувь), бисерные воротники в виде головы и шеи лебедя, берестяные орнаментированные коробки, кукол, изображающих камлающего шамана, с проработанными чертами лица, бусы из рыбьих позвонков, настенные панно с изображениями животных и птиц, собранные из кусочков меха, подушки для сидения с национальным орнаментом и тому подобные предметы (ПМА 2022).

Вещи, изготовленные мастерами красноселькупского Дома ремесел и тарко-салинского Центра национальных культур, также продаются в сувенирных палатках на различных районных праздниках. Представление традиционной культуры народов Севера в выставочном и сувенирном (подарочном и продающемся) форматах является прямой обязанностью, предназначением всех Центров национальных культур и Домов ремесел, создающихся в административных и национальных населенных пунктах ЯНАО, начиная с 1992 г. Реализуя замысел властей округа, эти организации выступают локомотивом развития окружной сувенирной отрасли, увлекающим за собой армию мастеров-одиночек. В каждой из названных организаций работают преимущественно дипломированные специалисты, получившие образование на отделении декоративно-прикладного искусства Салехардского училища культуры и искусств им. Л. В. Лаптуя, в 2008 г. влившемся в Ямальский многопрофильный колледж.

Костяк коллектива специалистов в Домах ремесел и (некоторых) Центрах национальных культур составляют профессиональные резчики по кости и дереву. Все

Рис. 3. Сувениры, которые были изготовлены с приложением авторской фантазии и использованием традиционных мотивов, материалов и техник. Поселок Красноселькуп, город Тарко-Сале, поселок Харампур, Красноселькупский и Пурровский районы Ямало-Ненецкого автономного округа. Фото автора, 2022 г.

изделия резчиков принадлежат к третьему виду сувениров — выполненных по национальным мотивам со слабой привязкой к традициям (Рис. 4). Излюбленные темы работ мастеров — мифология и хозяйственные занятия коренных народов Севера, а также животные. В округе творчество резчиков позиционируют как продолжение древних традиций резьбы народов Севера и, конкретнее, искусства Усть-Полуя. Однако между Усть-Полуем и современной школой резьбы, которая сформировалась на Ямале в 1980–1990-х гг. из выпускников упомянутого училища, пролегает период длиной почти в два тысячелетия, когда эти традиции были преданы забвению и не воспроизводились¹. Поэтому можно говорить лишь о подражании современ-

¹ Скульптурные традиции народов Севера подробно рассматривались С. В. Ивановым (Иванов 1970).

¹ Изготовление в качестве сувениров изображений жителя Крайнего Севера, моделей чумов и украшенных мехом и бисерной вышивкой медальонов продолжает сувенирные традиции Ямала и других районов Арктики советского времени.

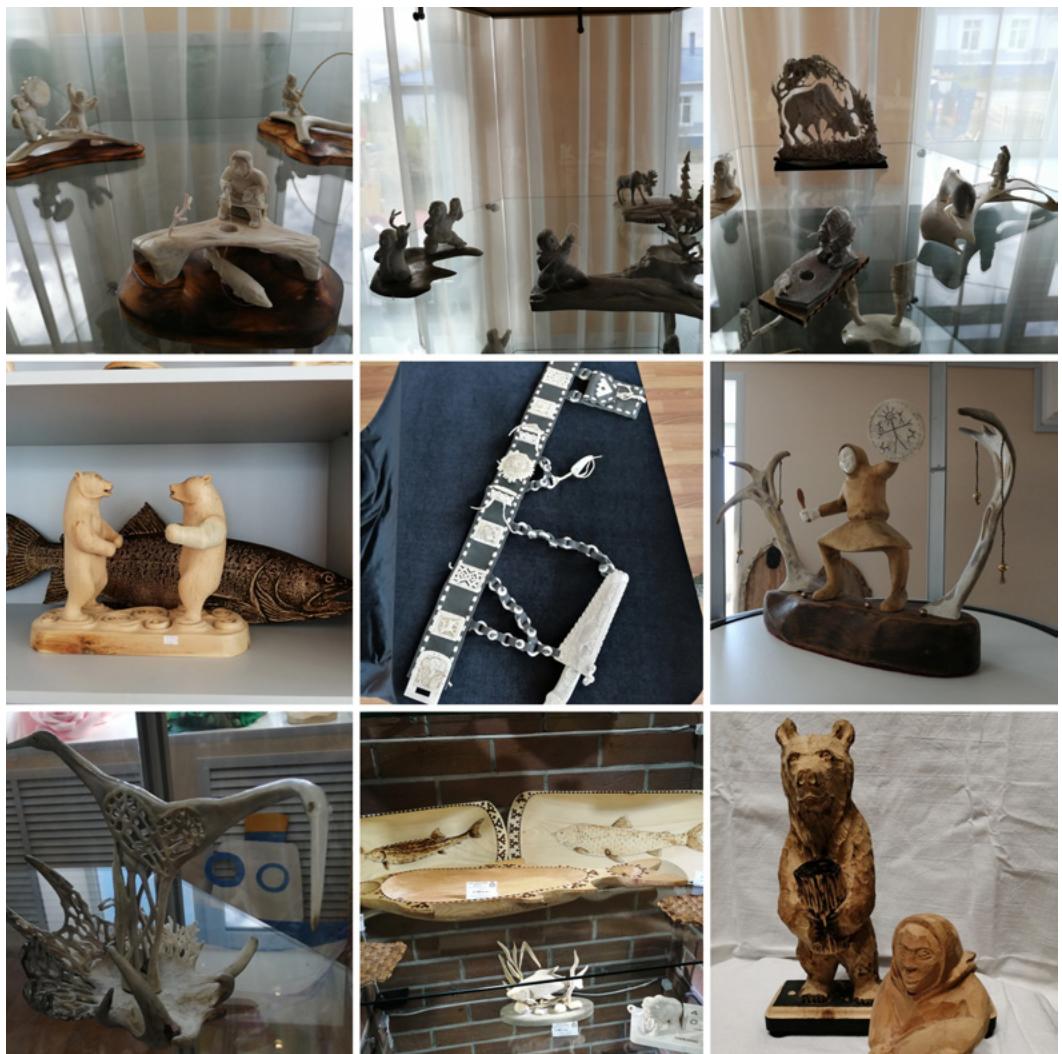

Рис. 4. Работы профессиональных резчиков Домов ремесел поселка Красноселькуп Красноселькупского района, Центра национальных культур города Тарко-Сале Пуровского района и города Салехарда. Ямало-Ненецкий автономный округ. Фото автора, 2022 г.

ных ямальских резчиков усть-полуйскому искусству. Также сложно сопоставлять их работы по уровню мастерства и общему стилю с произведениями резчиков, например, холмогорской, тобольской, якутской и чукотской школ резьбы по кости. Работы красноселькупских и таркосалинских резчиков А. Г. Куболева, М. Г. Саркица, С. А. Полина, С. В. Ледкова, салехардских мастеров того же профиля выполнены на высоком профессиональном уровне, но они, прежде всего, авторские и с традициями их связывают не техника и не стиль, а лишь изобразительные мотивы¹. Исключением служит новое направление, появившееся в работе резчиков совсем недавно

¹ Считать национальными сувениры, имеющие связь с традиционной культурой лишь по мастеру-выходцу из коренных малочисленных народов Севера, у автора не нашлось достаточных оснований.

— изготовление традиционной долблой посуды (Рис. 4), неожиданно оказавшейся востребованной на сувенирном рынке (ПМА 2022).

В окружном Доме ремесел в г. Салехарде сегодня работают мастера широкого спектра художественных специализаций. Их произведения, выполненные из кости, дерева, металла, глины, меха, сукна и бисера, а также живописные и графические работы, продаются в сувенирных магазинах, расположенных в центре Салехарда, в Этнопарке поселка Горнокнязевск и салехардском аэропорту (ПМА 2022).

Таким образом, на Ямале сегодня идет активный процесс сувениризации традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, появилось новое сувенирное измерение культуры, возникшее в результате современных культурных трансформаций. Процесс сувениризации Ямала протекает централизовано, под руководством Департамента внешних связей администрации Ямало-Ненецкого автономного округа, которому подчиняются окружные и районные Центры национальных культур и Дома ремесел, в их штате работают дипломированные художники разных направлений, создающие этнически ориентированный сувенирный продукт. Но сувениризация проходит не только в заданных центром рамках. Благодаря доморощенным мастерам из этнической среды в процесс сувениризации проник элемент народной инициативы. Множество традиционных вещей, наделенных в культуре сакральными смыслами, по почину мастеров, было превращено в сувениры со значением оберега. Еще больше мастерами было создано сувениров, где авторская фантазия сочеталась с элементами традиции.

Разнообразие продукции, представленной на сувенирном рынке, вызвало необходимость в разработке классификации ямальского сувенира, которая стала логическим оформлением исследования. В основу классификации легла степень традиционности сувенира, соответствие его предметам или материалам, техникам и мотивам, взятым из культуры этноса. По этому критерию сувениры были разделены на три группы. В первую группу вошли вещи, созданные по традиционному канону и сохранившие в себе (с некоторым преобразованием) смысл оберегов. Вторую группу составили полностью традиционные вещи, чье значение сувенира ограничилось демонстрацией декоративной и технологической самобытности этнической культуры. Третью группу образовали предметы, изготовленные с приложением фантазии их авторов и использованием национальных мотивов, техник и материалов.

Источники и материалы

ПМА 2022 — Полевые материалы экспедиции автора в Красноселькупский и Пуровский районы Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области и в г. Салехард в 2022 г.

Научная литература

Головнев А. В. Визуализация этничности: музейные проекции // Уральский исторический вестник. 2019. № 4. С. 72–81. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-72-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-72-81)

Головнев А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1. С. 6–24. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-6-24](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24)

Головнёв А. В., Конькова Ю. С., Куканов Д. А. Этнодизайн: искусство vs наука // Уральский исторический вестник. 2020. № 3. С. 6–15. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3\(68\)-6-15](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3(68)-6-15)

Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.

Перевалова, Е. В., Киссер, Т. С., Конькова, Ю. С. Сувенир и этничность (опыт Ямала и Таймыра) // Кунсткамера. 2021. № 4. С. 249–261.

Пушкирова Е. Т. Культура народов Севера Ямalo-Ненецкого автономного округа как один из маркеров его региональной идентичности // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук профессора З. П. Соколовой. Отв. ред. Е. А. Пивнева. М.: Август Борг, 2010. С. 243–254.

Степанова О. Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник укроведения. 2018. № 2. С. 365–374. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-2-365-374>

Степанова О. Б. Традиционный селькупский игольник *мыкай сэнкы* // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 году. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 424–433.

Степанова О. Б. Традиционная игрушка северных селькупов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3. С. 9–24. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-158-173>

References

- Golovnev, A. V. 2019. Vizualizatsiia etnichnosti: muzeinye proektsii [Visualization of Ethnicity: Museum Projections]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 4: 72–81. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-72-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-72-81)
- Golovnev, A. V. 2021. Novaia etnografia Severa [New Ethnography of the North]. *Etnografia* 1: 6–24. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-6-24](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24)
- Golovnev, A. V., J. S. Kon'kova and D. A. Kukanov. 2020. Etnodizain: iskusstvo vs nauka [Ethnic Design: Art vs Science]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 3: 6–15. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3\(68\)-6-15](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3(68)-6-15)
- Ivanov, S. V. 1970. *Skul'ptura narodov Severa Sibiri 19 — pervoi poloviny 20 v.* [Sculpture of the Peoples of the North of Siberia in the 19th — First Half of the 20th Century]. Leningrad: Nauka. 296 p.
- Pushkareva, E. T. 2010. Kul'tura narodov Severa Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga kak odin z markerov ego regional'noi identichnosti [The Culture of the Peoples of the North of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug as a Marker of Its Regional Identity]. In *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovo* [Ethno-Cultural Heritage of the Peoples of the Russian North: to the Anniversary of Dr. Z. P. Sokolova], ed. by E. A. Pivneva. Moscow: Avgust Borg Publ. 243–254.
- Stepanova, O. B. 2018. Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Bulletin of Ugric Studies* 2: 365–374. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-2-365-374>
- Stepanova, O. B. 2013. Traditsionnyy sel'kupskiy igol'nik mykay senky [Traditional Selkup Needle Case Mykay Senky]. In *Radlovskiy sbornik. Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2012 godu* [Radlovsky collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2012], ed. by Yu. K. Chistov. St. Petersburg: MAE RAN. 424–433.
- Stepanova, O. B. 2021. Traditsionnaya igrushka severnykh sel'kupov [Traditional Toy of Northern Selkups]. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research* 3: 9–24. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-3-158-173>

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/215-228

Научная статья

© М. Б. Щербак

ФЕНОМЕН «DALIT CINEMA» И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НИЗКОКАСТОВЫХ СООБЩЕСТВ В КИНЕМАТОГРАФЕ ИНДИИ

Кинематограф Индии является не только многомиллионной развлекательной индустрией, но и отражением актуальных социокультурных процессов. Каstовая система — уникальный феномен южно-азиатской культуры — не могла не найти отражения в киноискусстве. Особый интерес в репрезентации каstовой идентичности представляет феномен низкокастовости. Фильмы, посвященные теме низкокастовых сообществ, начинают появляться в мас-совом кинематографе, начиная с 30-х гг. XX в., однако более детальную проработку эта тема получает в так называемом параллельном (авторском кино), расцвет которого приходится на 70–80-е гг. XX в. В отличие от массового кинематографа, авторское кино рисует образы представителей низких каst без прикрас, в фильмах этой категории нередко поднимаются проблемы насилия, эксплуатации, эмансипации женщин и т. д. В статье проведен анализ способов репрезентации образов членов низкокастовых сообществ в индийском кинематографе XX–XXI вв. в контексте смены парадигмы от эсказизма до реализма. Также в работе рассмотрены последние тенденции, такие как возникновение феномена “dalit cinema” — кино снятого режиссерами, выходцами из низких каst для зрителей из низких каst.

Ключевые слова: “dalit cinema”, индийский кинематограф, далиты, авторское кино, Б. Р. Амбедкар

Ссылка при цитировании: Щербак М. Б. Феномен «dalit cinema» и репрезентация низкокастовых сообществ в кинематографе Индии // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 215–228.

Щербак Мария Борисовна — младший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: mariam.net@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6998-1829>

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 22–28–00505 «Особые миры» Индии: малые народы и социальные группы. Этнокультурные стратегии сохранения и сглаживания различий».

© Maria Shcherbak

“DALIT CINEMA” PHENOMENON AND REPRESENTATION OF THE LOW CASTE COMMUNITIES IN INDIAN CINEMATOGRAPHY

Cinematography in India is not only a multimillion-dollar entertainment industry, but also a reflection of current socio-cultural processes. The caste system, a unique phenomenon of South Asian culture, could not but be reflected in cinematography. Of particular interest in the representation of caste identity is the phenomenon of low caste identity. Films devoted to the topic of low caste communities began to appear in mass cinema starting from the 1930s. However, this topic is elaborated in more detail in the so-called parallel (auteur) cinema, which flourished in the 70s — 80s. Unlike mainstream cinema, auteur cinema depicts the low castes unvarnished; films in this category often raise issues of violence, exploitation, women emancipation, and so on. The article analyzes the ways of representing the low caste communities in Indian cinema of the 20th — 21st centuries and the paradigm shift from escapism to realism. The paper also considers recent trends, such as the emergence of the “dalit cinema”, the participation of copyright films on acute social issues in international film festivals, the struggle of low layers for the opportunity to take their rightful place in the Indian film industry, etc.

Keywords: “dalit cinema”, India cinematography, dalits, parallel cinema, B. R. Ambedkar

Author Info: Shcherbak, Maria — junior researcher of Center for Asian and Pacific Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: mariam.net@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6998-1829>

For citation: Shcherbak, M. 2023. “Dalit Cinema” Phenomenon and Representation of the Low Caste Communities in Indian Cinematography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 215–228.

Funding: The study was carried out within the framework of the project RSF 22–28–00505 “Special Worlds” of India: small peoples and social groups. Ethnocultural Strategies for Preserving and Smoothing Differences”.

Придя в Индию еще в период британского колониального правления, кинематограф прочно утвердился там, как один из самых распространенных типов искусства. За более чем сто лет своего существования индийский кинематограф прошел долгий эволюционный путь от экранизации мифологических сюжетов в немом кино до сверхсовременной киноиндустрии. По данным Британской энциклопедии Болливуд производит до 1000 картин в год. После обретения Индией независимости в 1947 г. кинематограф не только продолжил выполнять развлекательную функцию,

но и обратился к актуальным проблемам индийского общества. Так, ленты 1950-х гг. посвящены теме деревни и крестьянства, политике модернизации, которая, кроме индустриальных благ, таит в себе массу опасностей для простого человека, теме большого города и человека в нем и т. д. Жанры современного индийского кино многогранны — это и мелодрамы и боевики и даже научная фантастика. Однако огромный пласт среди лент разных годов занимают так называемые «социальные драмы», привлекающие внимание к проблемам индийского социума и предлагающие возможные пути их решения. Среди кинокартин этого кластера стоит отдельно выделить фильмы, посвященные проблемам и пережиткам кастового общественного строя. Следует отметить, что фильмов, центральным сюжетом которых были бы кастовые противоречия, немного. В ходе нашего исследования мы рассмотрели развитие фильмов этого жанра в диахронной перспективе и выделили несколько периодов, отличающихся по стилю и динамике репрезентации образов героев из низких социальных страт.

Тема неприкасаемости и борьбы с ней, а также способы интеграции представителей «низких» каст в общеиндийский социум стали одними из ключевых вопросов политики индийского нациестроительства. В ходе борьбы за независимость Индии от Великобритании кастовый вопрос неоднократно поднимался такими общественными деятелями как М. К. Ганди, Б. Р. Амбедкар, Дж. Неру, И. В. Рамасами Перийяр и др. Для «отцов индийской нации» было очевидно, что кастовая сегрегация является препятствием для развития Индии в политическом, социальном, экономическом планах. Однако у столь сложного вопроса не было единогласного решения: общественными деятелями предлагались разные модели от мягкой инклюзивистской политики М. К. Ганди и Дж. Неру до более радикальной программы по анигилиации касты Б. Р. Амбедкара. В Конституции свободной Индии неприкасаемость была законодательно упразднена, и, тем не менее, вопрос о кастовой дискриминации продолжал оставаться нерешенным, так как всеобщее равенство существовало только на бумаге. Примерно с 90-х гг. XX в. стали популярны идеи политики «хиндуутвы» (санскр. Hindutva дословно «индускость»)¹, которые встречали сопротивление со стороны религиозных меньшинств и «низких» каст. Современное положениеdalитов в Индии остается спорным. С одной стороны, на законодательном уровне любая кастовая сегрегация упразднена, и даже существует так называемая политика позитивной дискриминации, включающая в себя резервирование мест в высших образовательных учреждениях и на государственной службе для выходцев из SC, ST, OBC². С другой, на бытовом уровне продолжают фиксироваться многочисленные случаи межкастовых столкновений.

Будучи своеобразным зеркалом индийского общества, кинематограф молниеносно отреагировал на данные события появлением ряда фильмов, посвященных неразрешенным проблемам кастовой дискриминации, межкастовых взаимоотношений

¹ Движение, провозглашающее индуистов коренной и главной «нацией» Индии. Нередко эту идеологию называют индусским национализмом. Хиндуутва отвергает право мусульман и христиан считаться «местными» религиями, но признает «индийскость» индуизма, сикхизма, буддизма и джайнизма. В отношении низкокастовых сообществ предполагает политику покровительства с целью недопущения обращения их в христианство или ислам.

² SC, ST, OBC — Scheduled castes, Scheduled tribes, Other backward classes — законодательно закрепленные термины для обозначения выходцев из низких социальных страт и племенных сообществ. Данные термины используются в законодательных актах и при переписи населения.

и агрессии в отношении представителей низких каст. Сами низкокастовые сообщества потребовали дать им возможность высказываться на волнующие их темы, создав, таким образом, феномен «dalit cinema».

К вопросу о появлении термина «dalit»

Прежде чем обратиться к анализу фильмов, посвященных теме кастовой дискриминации, стоит сказать пару слов о возникновении и укоренении термина «dalit». Далит — это народная форма санскритского *dalita*, означающего «разделенный, разбитый, рассеянный». Также это слово означало «[человек], не принадлежащий ни к одной из четырех варн». Впервые термин был использован антикастовым социальным реформатором и писателем Джиотирао Пхуле (1827–1890 гг.) из Пуны в контексте борьбы с угнетением, с которым столкнулись низкие касты. Термин «далиты» использовался в качестве перевода классификатора «Depressed classes» в переписи населения во времена британского владычества до 1935 г. Однако наибольшую популярность этот термин получил благодаря общественной деятельности Бхимрао Рамджи Амбедкара — борца за права низких каст, автора Конституции свободной Индии. Амбедкар проводил политику объединения представителей различных каст в единое сообщество, связанное угнетенным положением в обществе и именуемое «далитами». Данный термин использовался защитниками интересов низкокастовых сообществ в пику М. К. Ганди, распространившему термин «хариджаны» (хинд. *harijan* досл. «божьи дети») для обозначения представителей угнетенных групп. Идеологи движения за права неприкасаемых считали введение подобных терминов лицемерным, так как, с их точки зрения, необходимо было не просто изменить отношение общества к низким кастам, а искоренить кастовое разделение, как таковое. С точки зрения Б. Р. Амбедкара, само существование касты как социального института препятствовало движению индийского общества к демократическому правлению и созданию автономного, экономически развитого государства (*Ambedkar* (1979) 2014). Впрочем, приступив к созданию проекта Конституции свободной Индии, Амбедкар предпочел отказаться от легитимации термина «далит», обратившись к более нейтральным и уже хорошо зарекомендовавшим себя терминам британцев: «зарегистрированные касты» («Scheduled Castes», SC), «зарегистрированные племена» («Scheduled Tribes», ST), «другие отсталые классы» («Other Backward Classes», OBC). Тем не менее, термин «далит» прочно укоренился в неофициальном дискурсе, особенно среди представителей населения, говорящих на языке маратхи. В 1970-х гг. он был особенно популярен в связи с возникновением группировки «Далитские пантеры» («Dalit Panthers»)¹.

В современном дискурсе термин «далит» широко распространен в СМИ, а также используется в различных интернет-сообществах представителей зарегистрированных каст. В сентябре 2018 г. Верховный суд Мумбаи (Bombay High Court) выпустил рекомендательное предписание не использовать термин «далит» в СМИ,

¹ «Далитские пантеры» («Dalit Panthers») — общественная организация, созданная в 1970-х гг. для борьбы с кастовой дискриминацией группой писателей и поэтов из касты махаров, в том числе Раджей Дхале, Намдео Дхасалом и Дж. В. Паваром. Идеология организации сочетала марксизм со взглядами индийских общественных реформаторов Б. Р. Амбедкара и Дж. Пхуле. Организация получила название по аналогии с американскими «Черными пантерами».

что повлекло за собой недовольство и протесты со стороны лидеров политических и общественных организаций, представляющих интересы зарегистрированных каст. Представители зарегистрированных каст выразили опасения, что подобный запрет может повлечь за собой замалчивание случаев агрессии и преступлений против представителей зарегистрированных каст (*Sanyal* 2018). Позднее официальные власти признали, что судебное решение носит рекомендательный характер и, тем не менее, предусматривает более осознанное употребление термина «далит». Так, председатель Совета Прессы Индии С. К. Прасад в интервью газете «The Hindu», заявил, что «речь не идет о полном запрете термина, а лишь о более тщательном подходе к его использованию. К примеру, если речь идет о дорожно-транспортном происшествии с участием представителей зарегистрированных каст, употребление термина „далит“ является неоправданным» (The Hindu 15. 11. 2018).

После широкомасштабных протестов чернокожего сообщества в мае 2020 г. в США под лозунгом «Black Lives Matter» в Индии и Непале стали появляться сообщества-двойники, использовавшие лозунг «*Dalits' Lives Matter*». Недовольство зарегистрированных каст политикой правящей партии Bharatya Janata Party (BJP) и идеологией «хиндутвы» выражается в последние годы особенно активно. Это в первую очередь протесты против присвоения идеологами BJP наследия Амбедкара. Премьер-министр Индии Нарендра Моди неоднократно выражал свое уважительное отношение к социальной деятельности Амбедкара, открывая посвященные ему памятники, музеи и мемориалы по всей Индии. Тем не менее, стоит отметить, что некоторые идеологи BJP и RSS позволяют себе крайне смелые заявления, утверждая, что Амбедкар поддерживал идеологию «хиндутвы». Подобные заявления резко критикуются в среде далитов (*Prakash* 2022; *Bose* 2022). Таким образом, можно видеть, что вопрос о положении зарегистрированных каст в индийском обществе, а также вопросы терминологии и законодательства, связанные с проблемой низкокастовых сообществ, по-прежнему остаются крайне актуальными.

Индийский кинематограф, крайне чувствительный к подобного рода социальным факторам, не мог остаться в стороне от проблемы: на протяжении всей истории существования индийского кино режиссеры обращались к данной теме, демонстрируя в своих лентах последние социальные тенденции. Репрезентация образов выходцев из низких каст в индийском кинематографе прошла долгий эволюционный путь от эскапистских лент 1930–1940-х гг. до появления феномена кино, снятого далитами для далитов — «dalit cinema».

Эволюция образов низкокастовых сообществ в индийском кинематографе

Фильмы, посвященные проблемам низких каст, можно условно разделить на пять периодов:

Первый из них ограничен временными рамками 30–50-х гг. XX в. Для фильмов данного периода характерна нейтральная подача материала, в них не показываются сцены насилия, а финал, как правило, счастливый. Можно условно представить тематическую канву таких лент следующим образом: 1) герой или героиня страдают от своего кастового статуса; 2) присутствует некий переломный, иногда трагический, момент; 3) отношение окружающих к персонажу резко меняется в лучшую сторону.

Одним из ярких примеров работ этой эпохи можно считать фильм «Неприкосновенная дева» (название в русскоязычном прокате) («Achhut Kanya», реж. Ф. Остен, 1936 г.). В фильме речь идет о дружбе детей брахмана и неприкасаемого. Неприкасаемый спасает брахмана от укуса ядовитой змеи, после чего их семья связывает крепкую дружбу. Дружба сына брахмана Пратапа и дочери неприкасаемого Кастири показана с изрядной долей лирики на фоне деревенских пейзажей. Казалось бы, ничего не может омрачить светлые детские чувства, вопрос социальных различий встает лишь в момент, когда взрослые понимают, что детское увлечение переросло в юношескую любовь. Именно в этот момент в фильме впервые артикулируется кастовый вопрос. Чтобы избежать проблем, семьи спешно женят юношу и девушку на представителях подходящих им социальных слоев. Несмотря на брак по договоренности, нежные чувства между Пратапом и Кастири не угасают, что приводит к трагическому финалу: Ману, муж Кастири, пытается избавиться от соперника, толкнув его под поезд, Кастири бежит наперерез несущемуся локомотиву с красным флагом, спасает обоих мужчин, но сама погибает. Самоотверженный поступок Кастири делает ее героиней в глазах жителей деревни, которые воздвигают небольшое святилище в ее честь. Другой фильм данного периода, связанный с темой низкокастового происхождения, — «Неприкасаемая» (название в русскоязычном прокате) («Sujata», реж. Бимал Рой, 1959 г.). Главные роли исполнили звезды эпохи Нутан и Сунил Датт. В картине также поднимается проблема кастовых противоречий, однако режиссер умело маскирует ее за счастливым финалом. Неприкасаемая девочка Суджата воспитывается в семье брахмана-модерниста широких взглядов. Несмотря на внешнюю открытость политике модернизации, не все члены семьи, в частности приемная мать, готовы полностью принять девочку и смириться с ее неприкасаемым статусом. Первое время от Суджаты скрывают ее происхождение, когда же оно раскрывается, девушка сама начинает испытывать стыд и неловкость. Фильм «Неприкасаемая», как и другие фильмы этой эпохи о социальном неравенстве, имеет счастливый финал. Приемной матери Суджаты, ставшей жертвой несчастного случая, срочно требуется переливание редкой группы крови. По случайному совпадению такую же группу имеет и Суджата, которая тут же соглашается помочь своей приемной матери. Узнав о том, кто пожертвовал ей свою кровь, мачеха, наконец, принимает неприкасаемую dochь.

Стоит, однако, отметить, что тема социальной стратификации, как и другие острые социальные темы, разрабатывается в основном не в массовом кинематографе Индии, а в так называемом «параллельном», авторском кино, расцвет которого приходится на 70–80 е гг. ХХ в. — это *второй период* в нашей классификации. В отличие от мейнстримного кинематографа, который подменяет образы низкокастовых героев фигурой «простого человека», или «бедняка», параллельный кинематограф не приукрашивает суровую реальность, создавая образы дискриминированных, отверженных, эксплуатируемых людей с одной стороны и высокомерных, предвзятых угнетателей — с другой. Также в параллельном кинематографе глубокую проработку получает тема насилия (*Vidushi* 2018).

Яркими примерами кинематографа этого периода являются кинокартины «Росток» («Ankur», реж. Шьям Бенегал, 1979 г.) и «Избавление» («Sadgañi», реж. Сатьяджит Рай, 1981 г.). В фильме «Избавление» рассказывается история эксплуатации неприкасаемого Дукхи деревенским брахманом. Неприкасаемый берет у брахмана

деньги на приданое для дочери, обещая отработать долг. Тяжелая физическая работа доводит героя до крайнего истощения, в итоге он погибает. Ночью брахман тайком, обвязав тело Дукхи веревкой, уносит его за пределы деревни и окропляет землю, где лежал труп, водой в знак очищения от скверны. Примечательно, что имя протагониста — Дукхи — переводится как «страдание». Ярко показано равнодушие окружающих к страданиям угнетаемого. Тяжелый изнуряющий физический труд рассматривается как должное и само собой разумеющееся занятие для человека его касты. Более того, после смерти тело Дукхи так и остается лежать на дороге, словно труп животного, до которого никому нет дела. Таким образом, в фильме С. Рая представитель низкой касты предстает существом, обретенным на постоянные страдания, от которых есть одно избавление — смерть.

В драме «Росток» поднимается тема эксплуатации представителей низкой касты богатым землевладельцем. Супружеская пара Киштайя и Лакшми из касты горшечников живут в убогой хижине на краю поля землевладельца. Когда молодой сын землевладельца Сурья приезжает и поселяется в доме, чтобы присматривать за семейным наделом, Лакшми нанимается к нему прислугой. С самого своего приезда Сурья демонстрирует Лакшми, что всячески отвергает кастовые предрассудки. Женщину поражает тот факт, что Сурья безбоязненно принимает пищу и чай из ее рук. Родители Сурьи заключили брак сына с малолетней невестой, но пока она не достигла совершеннолетия, Сурья вынужден жить отдельно. В один прекрасный день муж Лакшми подвергается жестокому и унизительному наказанию за воровство и сбегает из деревни. Воспользовавшись его отсутствием и на правах хозяина, Сурья склоняет Лакшми к сожительству. Однако оба понимают, что патриархальное ортодоксальное сообщество не примет их, поэтому хранят свою связь втайне. История любви представителей двух социальных слоев заканчивается, когда приезжает жена Сурьи. Она сначала запрещает Лакшми заниматься чем-либо, кроме грязной работы, а затем и вовсе прогоняет ее. Вскоре выясняется, что Лакшми ждет ребенка, это полностью меняет отношение Сурьи к ней: он уговаривает женщину избавиться от бремени, когда же та отказывается, начинает всячески унижать и притеснять ее. Вскоре в деревню возвращается муж Лакшми. Оказывается, он не сбежал, а уходил на заработки. Новость о скором пополнении семейства он встречает с радостью. Окрыленный радостной новостью, он идет в дом землевладельца, чтобы попросить о найме на работу. Сурья думает, что Киштайя собирается мстить за бесчестие жены, в панике, что его постыдный поступок откроется, он приказывает схватить горшечника и жестоко избить. Кульминацией картины становится сцена, где Лакшми, защищая избитого мужа, в порыве ярости кричит Сурье, что они ему не рабы. В финальных кадрах деревенский мальчик разбивает камнем окно землевладельца. Название картины — «Росток» — является метафорой, как новой жизни, которую героиня носит под сердцем, так и растущего народного недовольства и подъема крестьянских протестов против эксплуатации землевладельцами. Стоит отметить, что выход фильма совпал с реальными крестьянскими протестами, развернувшимися в штате Андхра-Прадеш в конце 70-х гг. ХХ в.

С конца 80-х гг. вплоть до начала 2000-х гг. фильмы, посвященные теме социального неравенства, будут стремиться к суровому реализму. Если кинокартины предыдущего периода изобиловали метафорами и намеками, работы *третьего* выделяемого нами периода все чаще наполнены сценами реальной жизни городских окраин, где царят нищета, безысходность и кровавое насилие.

Фильм «Салам, Бомбей!» («Salaam, Bombay!», реж. Мира Наир, 1988 г.), получивший приз Каннского кинофестиваля «Золотая камера» за выдающуюся операторскую работу, посвящен жизни низов бомбейского общества: это наркоманы, проститутки, бандиты и беспризорные дети, населяющие трущобы Бомбая. Беспризорный мальчик Кришна оказывается один на один с огромным людским морем под названием Бомбей. Это море захлестывает его, бросает из стороны в сторону, пока, наконец, прилив не прибивает его к группке таких же беспризорников как он сам. Камера плывет за мальчиком по улицам города, рисуя неприглядные картины свалок, борделей, притонов, дешевых кинотеатров, которые становятся декорацией для разворачивающейся житейской драмы Кришны. Жизнь на улице, первая несчастная любовь, попытка выбраться из порочного круга трущобной жизни, оказываются смытыми волнами города-океана. Финальная сцена, в которой Кришна и еще одна обитательница трущоб Рекха пытаются объединить усилия и вместе сбежать в лучшую жизнь, но оказываются разлученными толпой народа во время праздника, будто две щепки, тонущие в водовороте морской пены, исполнена чувства тоски и беспыходности. Стоит отметить, что фильм М. Наир снимался в «живых» декорациях бомбейских трущоб, а роли беспризорников исполнили реальные обитатели улиц.

Центральное место в кинематографе этого времени занимает тема насилия над представителями низких каст, в том числе насилия над женщинами (*Atwal* 2018). Ярким примером может служить фильм «Королева бандитов» («Bandit Queen», реж. Шекхар Капур, 1994 г.), снятый по биографии Пхулан Деви, родившейся в Северной Индии в касте лодочников. Девушку выдали замуж в 11 лет, она пережила многократное физическое и сексуальное насилие со стороны представителей власти и выходцев из более высоких каст. Пхулан Деви вступила в банду и была обвинена в 1984 г. в убийстве 20 человек. Фильм изобилует сценами насилия над главной героиней, что должно пробудить симпатию и сострадание зрителей к Пхулан Деви и помочь понять мотивацию ее дальнейших жестоких поступков в отношении своих обидчиков. В finale фильма Пхулан Деви предстает не как малограмотная разбойница, а как персонифицированный голос всех угнетенных женщин Индии, требующих справедливости. Выход фильма был приурочен к освобождению Пхулан Деви из тюрьмы после отбывания десятилетнего заключения. История Пхулан Деви создала в Индии прецедент, когда женщина из низкой касты набрала столь высокую народную популярность, что была избрана членом Парламента в 1996 г. и находилась на этой должности вплоть до 2001 г., когда была застрелена индуистским фанатиком.

Четвертым периодом можно считать время, когда на волне популяризации ранее табуированной темы неискорененной проблемы кастовой дискриминации появляется так называемое «dalit cinema». Термин «dalit cinema» описывает тенденцию, наметившуюся в последние годы в кинематографе не только на языке хинди, но и на других индийских языках: тему кастовой дискриминации начинают разрабатывать режиссеры выходцы из низших каст, с привлечением непрофессиональных актеров из низких каст. Индийская киноиндустрия построена по семейно-кастовому принципу и не терпела до недавнего времени «людей с улицы», а уж тем более из маргинальных социальных слоев. Подобное положение вещей в последние годы было подвергнуто жесткой критике со стороны представителей зарегистрированных каст. Критики отметили, что фильмов о проблемах кастовой дискриминации производится крайне мало, в лучшем случае проблемы социального расслоения сводятся

к оппозиции «богатые — бедные», что, безусловно, не отражает всей сложности ситуации. Во-вторых, даже в фильмах, где героями являются представители низких социальных слоев, их зачастую играют высококастовые актеры или актеры не-индустрии (Саиф Али Кхан, Насируддин Шах, Шабана Азми и т. д.). В-третьих, идеологи движения «dalit cinema» неоднократно указывали на априориацию культуры далитов (песен, танцев и т. д.) в массовом кинематографе Индии (*Yengde* 2018). Многие идеологи движения «dalit cinema» утверждают, что болливудские режиссеры используют народные музыку, песни и танцы в своих блокбастерах, оставляя при этом за кадром реальные судьбы их создателей (*Ingole* 2021; *Gole* 2015). Движение оказалось настолько масштабным, что был учрежден фестиваль далитского кино *Dalit Film and Cultural Festival (DALIFF)*, впервые прошедший в 2019 г. в Нью-Йорке и целиком посвященный фильмам режиссеров — выходцев из зарегистрированных каст.

Одним из наиболее известных режиссеров, работающих в жанре «dalit cinema» считается Наградж Манджуле, чьи картины «Свинья» («Fandgy», 2013 г.) и «Дикий» («Sairat», 2016 г.) о повседневной жизни индийской деревни были сняты на языке маратхи с привлечением низкокастовых непрофессиональных актеров. Оба фильма повествуют о трудной судьбе молодых представителей зарегистрированных каст. В фильме «Свинья» мальчик Джабяя влюбляется в девочку из высокой касты. Семья Джабяя занимается отловом диких свиней, традиционно считающихся нечистыми животными, за что подвергается насмешкам и унижениями со стороны жителей деревни. Лента заканчивается яростным восстанием Джабяя против обидчиков. В фильме использован прием съемки подвижной камерой, показывающей реальность «глазами свиньи», загоняемой преследователями. Подобный перспективизм является метафорой положения главных героев в социуме, отношения к ним деревенского сообщества. В кульминационной сцене видение мира глазами Джабяя и глазами животного сливаются в единое целое, и уже главный герой выступает в роли загнанного, разъяренного животного, которое в бессильной злобе бросается на своих обидчиков.

Драма «Дикий» повествует о любви двух студентов колледжа: молодого человека из низкой касты и девушки из семьи местных землевладельцев. Несмотря на все препятствия, влюбленные сбегают и тайком женятся, однако счастье их оказывается недолгим: родственники девушки находят пару и жестоко убивают. Фильм среди прочих вопросов поднимает проблему так называемых убийств чести, участившихся в последние годы в сельской Индии.

Еще одной отличительной чертой фильмов категории «dalit cinema» можно назвать скрытую политизацию борьбы зарегистрированных каст за свои права (*Patel* 2018). Открыто политическая принадлежность героев не раскрывается, но на нее намекают многочисленные детали, то и дело мелькающие в кадре. Так, во всех рассмотренных нами фильмах, герои так или иначе оказываются на фоне портретов или скульптурных изображений Амбедкара — лидера далитов в период борьбы Индии за независимость, автора Конституции Индии, (в том числе и пресловутой Статьи 15), предложившего вместо термина «untouchable», принятого в британской Индии, термин «dalit».

Стоит отметить, что большинство фильмов, относящихся к категории «dalit cinema» сняты не на языке хинди, а на других региональных языках (в основном на языке маратхи, но также есть фильмы на тамильском, малаялам и др.). Так лента

«Бабочка-Будда» («Papilio-Buddha», реж. Джаян К. Чериян, 2013 г.) на языке малаялам рассказывает историю сельской общиныdalитов, борющихся за права на землю. В фильме поднимаются многие «неудобные» для современного индийского общества вопросы, такие как эмансипация женщин, гомосексуальная ориентация главных героев, защита окружающей среды. Название фильма отсылает, с одной стороны, к редкому виду бабочек, обитающему на юге Индии, отловом которых и занимаются два главных героя, с другой, — это метафора хрупкости и незащищенности крестьянского сообщества, а также отсылка к движению амбедкаротов — необуддистов, последователей социальной философии Амбедкара, пропагандирующих религиозную конверсию, как способ борьбы за социальное равенство. Центральный совет по сертификации фильмов (CBFC) отказал фильму в прокатной лицензии. Организация мотивировала свое решение тем, что в фильме содержались сцены и диалоги, порочащие великих индийских лидеров, включая Махатму Ганди (в одной из сцен фильма группа разгневанныхdalитов в ходе протестов сжигает чучело Ганди). Тем не менее, лента получила высокую оценку кинокритиков. Так, Д. Дамодаран в своей статье для газеты «The Hindu» включила фильм в пятерку лент, которые, по ее мнению, объективно раскрывают гендерные и социальные проблемы современного индийского общества. «Наше общество еще не готово к заявлениям, которые делает этот фильм. В фильме в грубой форме затрагиваются проблемы пола иdalитов, и я чувствую, что эти причины неразделимы <...> Неудивительно, что государство обеспокоилось столь громкими и беззастенчивыми разоблачениями», — написала кинокритик в своей статье (Binoy 2013).

В 2021 г. на экраны вышел фильм на тамильском языке «Да воссияет свет!» (название в русскоязычном прокате) («Jai Bhim!», реж. Т. Дж. Ганавель), посвященный проблемам поиска судебной справедливости для представителей низких каст. Оригинальное название фильма отсылает к приветствию, которым пользуются последователи Амбедкара и которое они выкрикивают в ходе антикастовых демонстраций. Лента привлекает внимание к сфабрикованным делам противdalитов, которых власти привлекают к уголовной ответственности за несовершенные ими преступления, пользуясь их низким кастовым статусом и юридической безграмотностью. Фильм быстро занял первые строчки индийских кинорейтингов и побил кассовые сборы таких голливудских хитов как «Крестный отец» и «Побег из Шоушенка».

Наконец, можно говорить о *пятом периоде* — сближении параллельного и коммерческого кино. Для современного Болливуда характерно повышенное внимание к фильмам на социальные темы с привлечением звезд первой величины. Не осталась без внимания и тема кастовой дискриминации. В частности фильм «Улетай один» (название в русскоязычном прокате) («Masaan», реж. Нирадж Гхайван, 2015 г.), рассказывающий две параллельные истории неприкасаемости. Одна — вполне «классическая» история любви молодого человека из низкой касты работников крематория и девушки из высокой касты, вторая — история «приобретенной неприкасаемости» дочерию пандита, чья внебрачная сексуальная связь была обнаружена и предана огласке. Обе истории оканчиваются трагично, подчеркивая социальную неприемлемость обеих ситуаций: любовь представителей разных каст прерывает смерть девушки, ставшей жертвой несчастного случая; возможность добрачного секса и свободного выбора сексуального партнера разбивается о стену предубеждений патриархального общества. Однако открытый финал, где двое героев из параллельных

историй сбежав из родного города, где с ними произошло столько несчастий, в новую жизнь, случайно встречаются на берегу реки и заговаривают друг с другом, вселяют надежду на положительный исход. Оригинальное название фильма «Masaan» (досл. «крематорий») с одной стороны отсылает к месту действия фильма — события происходят в Варанаси, одном из священных городов Индии, знаменитым своими древними крематориями на берегу Ганга; с другой — является метафорой бренности всего сущего, в том числе и социального статуса, и надежды на то, что общественное отвержение способно когда-нибудь, подобно человеческому телу, обратиться в пепел погребального костра. Фильм имел большой успех у международного сообщества кинокритиков и удостоился многочисленных наград, в том числе приза ФИПРЕССИ в программе «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля и номинации на премию «Золотая камера».

Похожую тему разрабатывает и кинолента «Статья 15» («Article 15», реж. Анубхав Синха, 2019 г.). Название фильма отсылает к содержанию пятнадцатой статьи индийской Конституции, запрещающей любую дискриминацию, в том числе и по кастовой принадлежности. Фильм является неким собирательным образом участившихся в последние годы случаев сексуального насилия над несовершеннолетними представительницами низких каст, которые так и не заканчиваются реальными уголовными разбирательствами из-за коррумпированности и кастовой нетерпимости в правоохранительных органах. Инспектор полиции в исполнении болливудской звезды Аюшманна Кхураны командирован в глухую индийскую деревушку для расследования исчезновения трех несовершеннолетних девочек-dalиток. В ходе расследования обнаруживаются различные неподобные подробности жизни местного сообщества, построенной на пережитках кастовой системы. И снова стоит отметить образ Амбедкара появляющийся фоном в фильме. Так, в самом начале представители низких каст ждут автобус на остановке, недалеко от которой расположена статуя Амбедкара с цветочной гирляндой на шее, подобно мурти (изображению божества). Также портрет Амбедкара висит на стене в рабочем кабинете главного героя.

Кульминацией сближения «dalit cinema» и болливудского кинематографа является, на наш взгляд, лента «Jhund» (реж. Наградж Манджуле, 2022 г.). Это первый фильм режиссера в «большом кино» и на языке хинди. Дополнительный ажиотаж вокруг фильма создало участие в нем суперзвезды Болливуда Амитабха Баччана. Фильм основан на реальных событиях и рассказывает историю Виджая Барсе, основателя НКО Slum Soccer. Основной целью организации является создание футбольных команд из детей и подростков, проживающих в неблагополучных районах. Герой Амитабха Баччана Виджай Бораде, пожилой преподаватель физкультуры в одном из колледжей Нагпуре, замечает, что подростки из трущоб, расположенных недалеко от его места работы, интересуются футболом, чего нельзя сказать о детях из привилегированных семей, которые составляют футбольную команду колледжа. Колледж и трущобы разделяет стена, словно граница делящая город на два мира близких, но одновременно таких далеких друг от друга. Собрав из подростков разного пола, возраста и вероисповедания команду, Виджай Бораде добивается сначала матча с командой колледжа, а затем выводит свою команду на международные соревнования. Несмотря на большое количество около футбольной тематики, фильм нельзя назвать спортивной драмой, так как он раскрывает не столько тему воли к победе в спорте, сколько тему дискриминации по кастовому признаку, стеклянного

потолка для представителей зарегистрированных каст, проблему подростковой преступности и т. д. Название картины можно перевести с хинди как «рой», «толпа», слово «jhund» обычно применяется для описания неконтролируемого скопления животных. В отношении людей, таким образом, оно носит яркую пейоративную окраску и используется по отношению к героям фильма в качестве пренебрежительного обобщения. Кульминацией фильма выступает пламенная речь героя Амитабха Баччана перед комиссией, принимающей решение о разрешении команде играть. Перечисляя всех членов команды, тренер подчеркивает, что они очень разные этнически и антропологически (европеоиды, дравиды, представители тибето-бирманских народов), по вероисповеданию (индуисты, сикхи, мусульмане, буддисты), и даже по гендеру (в команде есть несколько девушки, одна из них мусульманка, ушедшая от мужа), но все они, несмотря на свои различия, представляют единую команду. «Это наша национальная команда», — говорит тренер, особенно выделяя слово «национальная». Безусловно, это метафора индийской нации такой разной, но все же единой. Примечательны и декорации, в которых разворачиваются события. Фильм снимался в г. Нагпуре, с одной стороны, чтобы подчеркнуть биографичность повествования (реальный Виджай Барсе живет и работает в Нагпуре), с другой, — город становится еще одним действующим лицом. Именно в Нагпуре 14 октября 1956 г. произошла так называемая «great conversion» — церемония принятия буддизма Амбедкаром и его последователями. На месте исторического события воздвигнута ступа и разбит парк Дикша Бхуми, являющийся по сей день объектом паломничества последователей Амбедкара. В ходе фильма герои неоднократно появляются на фоне нагпурских пейзажей, подростки пробегают мимо Дикша Бхуми в поисках своих товарищей, а во время празднования победы в матче обитатели трущоб танцуют, потрясая портретами Амбедкара. Можно с уверенностью утверждать, что подобные косвенные отсылки к жизни и творчеству Амбедкара стали визитной карточкой фильмов Награджа Манджуле. В отличие от предыдущих фильмов-трагедий Н. Манджуле «Jhund» имеет счастливый конец: команда в полном составе улетает на соревнования. В финальных кадрах самолет вылетает из аэропорта, огороженного стеной, на которой красуется табличка «Перелезать через стену запрещено!». Режиссер оставляет за зрителем возможность решать, сохранять ли стены кастовых пережитков или преодолеть их, как это сделали герои фильма.

Подводя итог, следует отметить, что индийский кинематограф, разрабатывающий тему кастовой дискриминации, прошел долгий эволюционный путь от эскапизма и обеления ситуации до реалистичных фильмов с глубокой проработкой темы угнетения и насилия. Тенденции последних лет отмечают приход в индийскую киноиндустрию режиссеров и актеров из средыdalit. Само возникновение «dalit cinema» как отдельного самобытного жанра говорит о крайней актуальности проблем кастовой дискриминации в современной Индии. Используя термин «dalit» для описания своей жизни представители низкокастовых сообществ формируют особую надкастовую идентичность — людей с одной стороны, осознающих свое обособленное положение в социальной иерархии индийского общества, с другой — объединенных общей идеей борьбы за свои права. Наблюдаемая в последние годы тенденция к сближению индийского массового и параллельного кино, в части разработки тем социального неравенства и дискриминации, свидетельствует о положительных переменах в отношении индийского общества к теме кастовой дискриминации

в целом. Однако необходимо признать, что тема проблем представителей зарегистрированных каст пока что лучше разработана в региональном кинематографе, а не в Болливуде. Этот факт объясняется тем, что кинематограф на хинди остается все еще закрытой корпорацией, придерживающейся скорее идеологии высших каст. Кинематографы на других индоарийских и дравидийских языках, более свободные от давления центра, с большей охотой посвящают фильмы проблемам социального неравенства. И, тем не менее, наметившиеся тенденции свидетельствуют о том, что тема кастовой дискриминации и борьбы низких каст за свои права по-прежнему остается крайне актуальной для современного индийского общества.

Источники и материалы

- Ambedkar (1979) 2014. — Dr. B. R. Ambedkar. Writings and Speeches. Vol. 1. New-Delhi: Ambedkar Foundation (ed.). (1979) 2014. 496 с.
- Binoy 2013 — Binoy R. In a positive light // The Hindu. 07.03.2013 [Электронный ресурс]. <https://www.thehindu.com/features/cinema/in-a-positive-light/article4484542.ece> (дата обращения: 04.01.2023)
- Bollywood — Bollywood // Britannica [Электронный ресурс]. <https://www.britannica.com/topic/Bollywood-film-industry-India> (дата обращения: 12.03.2023)
- Bose 2022 — Bose, R. Politics of Appropriation: Why Ambedkar's Legacy Matters // Outlook India 18.10.2022 [Электронный ресурс]. <https://www.outlookindia.com/national/politics-of-appropriation-why-ambedkar-s-legacy-matters-news-230605> (дата обращения: 12.03.2023)
- Gole 2015 — Gole, S. The “Pinga” Controversy, Caste and Subversion // Kafila 11.12.2015 [Электронный ресурс]. <https://kafila.online/2015/12/11/the-pinga-controversy-caste-and-subversion-sneha-gole/> (дата обращения: 12.03.2023)
- Ingole 2021 — Ingole, P. The Cultural Appropriation of Dalit Music // The Juggernaut 17.09.2021 [Электронный ресурс]. <https://www.thejuggernaut.com/cultural-appropriation-dalit-music> (дата обращения: 12.03.2023)
- Mayank 2022 — Mayank S. Jhund Movie Review: Empathy’s the ultimate goal! // Mid-day. 04. 03. 2022 [Электронный ресурс]. <https://www.mid-day.com/amp/entertainment/bollywood-news/article/amitabh-bachchan-jhund-movie-review-empathy-the-ultimate-goal-23216860> (дата обращения: 04.01.2023)
- Patel 2018 — Patel, R. Unconventional Bollywood: Constructing Cinema of Caste Pride // South Asia Journal. 14.07.2018 [Электронный ресурс]. <http://southasiajournal.net/unconventional-bollywood-constructing-cinema-of-caste-pride> (дата обращения: 20.02.2023)
- Prakash 2022 — Prakash, G. Why BJP is the rightful heir to the legacy of Ambedkar // The Print 14.04.2022 [Электронный ресурс]. <https://theprint.in/opinion/why-bjp-is-the-rightful-heir-to-the-legacy-of-ambedkar/915652/> (дата обращения: 12.03.2023)
- PTI News 2022 — PTI News Agency 2022. Jhund director Nagraj Manjule: “We need to talk about caste, so that it eventually ends” // The Indian Express 03.03.2022 [Электронный ресурс]. <https://indianexpress.com/article/entertainment/bollywood/need-dialogue-about-caste-so-that-it-eventually-ends-nagraj-manjule-7799008/> (дата обращения: 04.01.2023)
- Sanyal 2018 — Sanyal A. 2018. Stop Using The Term ‘Dalit’, Says Government In Advisory To Media // NDTV 04.09. 2018 [Электронный ресурс]. <https://www.ndtv.com/india-news/stop-using-the-term-dalit-says-government-in-advisory-to-media-1910743> (дата обращения 28.12.2022)
- There can’t be 2018 — There can’t be a ban on use of word ‘Dalit’ in media: PCI // The Hindu 15. 11. 2018 [Электронный ресурс]. <https://www.thehindu.com/news/national/there-cant-be-a-ban-on-use-of-word-dalit-in-media-pci/article25509747.ece> (дата обращения 28. 12. 2022)

Vittacad 2022 — Vittacad A. 2022. Jhund movie review: A Bachchan-struck Nagraj Manjule cutesyfies poor Dalits for a Bollywood palate // Firstpost 02.03.2022 [Электронный ресурс]. <https://www.firstpost.com/entertainment/jhund-movie-review-a-bachchan-struck-nagraj-manjule-cutesyfies-poor-dalits-for-a-bollywood-palate-10422271.html/amp> (дата обращения: 04.01.2023)

Научная литература

- Atwal J. Embodiment of Untouchability: Cinematic Representations of “Low” Caste Women in India // Open Cultural Studies. 2018. Vol. 2. P. 735–745. <https://doi.org/10.1515/culture-2018-0066>
- Vidushi. Cinematic Narrative: The Construction of Dalit Identity in Bollywood // Thorsen E., Savigny H., Alexander J., Jakson D. (eds). Media, Margins and Popular Culture. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 123–135.
- Yengde S. Dalit Cinema, South Asia // Journal of South Asian Studies. 2018. Vol. 41. no. 3. Pp. 503–518. <https://doi.org/10.1080/00856401.2018.1471848>

References

- Atwal, J. 2018. Embodiment of Untouchability: Cinematic Representations of “Low” Caste Women in India. *Open Cultural Studies* 2: 735–745. <https://doi.org/10.1515/culture-2018-0066>
- Vidushi. 2015. Cinematic Narrative: The Construction of Dalit Identity in Bollywood. In: *Media, Margins and Popular Culture*, ed. by E. Thorsen, H. Savigny, J. Alexander, D. Jakson. London: Palgrave Macmillan. 123–135.
- Yengde, S. 2018. Dalit Cinema. *South Asia: Journal of South Asian Studies* 41(3): 503–518. <https://doi.org/10.1080/00856401.2018.1471848>

ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/229-247

Научная статья

© Ю. В. Бучатская

«ПРОИЗОШЛИ ОТ ВЕНДОВ»: МИФОЛОГЕМА СЛАВЯНСТВА В ИСТОРИИ ОДНОГО НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА

Историография взаимодействий вендов и германцев/немцев в Средневековые имеет богатую традицию и сложна прежде всего тем, что эта история отстоит далеко во времени от изучающих ее. Северная Бавария была одним из регионов в современной Германии, в котором в средние века проживали племена славян-вендов. В статье на примере истории обращения со славянской мифологемой применительно к франконскому городу Бамберг показано, как инструментализировался факт славянского прошлого территории в XX в. и как современные представители одной обособленной профессиональной группы этого города пользуются им для выстраивания границ своей группы. В конце XX — начале XXI вв. «славянскость» Бамберга, как и других бывших славянских территорий современной Германии, представляется воображаемыми вендами, известными нам только из письменных источников, фрагментарных находок археологов, фольклора, научных построений и интерпретаций разных эпох. Даже после смены парадигмы исторической и этнологической дисциплин венды продолжают оставаться частью социальной памяти Бамберга, хотя и в границах всего одной, небольшой по численности профессиональной группы городских овощеводов. Наряду с собственно образом вендов в городскую коллективную память оказались включены перипетии исторических интерпретаций венского прошлого как результат трансфера научного знания через политику и пропаганду в массовую культуру.

Ключевые слова: Славяне в Германии, венды, национальная идеология, бамбергские гэртнеры

Ссылка при цитировании: Бучатская Ю. В. «Произошли от вендов»: мифологема славянства в истории одного немецкого городского сообщества // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 229–247.

© Julia Buchatskaya

“THEY ARE OF SLAVIC ORIGIN”: THE SLAVIC MYTHOLOGEM IN THE HISTORY OF ONE GERMAN URBAN COMMUNITY

The historiography of interactions between Slavs and Germans in the Middle Ages is enormous and complicated, first of all because this period is far distant in time from those who study it. Northern Bavaria was one of the German regions where Slavic tribes in the Middle Ages lived. On the example of one Slavic mythologeme in relation to the Franconian city of Bamberg, I sought to show how the Slavic past of the territory was instrumentalized in 20th century and how members of one specific professional group in Bamberg use it to construct boundaries around their group. In the late 20th — early 21st centuries, the “Slavicity” of Bamberg like other former Slavic territories of modern Germany seems to be manifested in the “imagined Slavs”, known only from written sources, fragmentary archeological finds, folklore, scientific constructions and interpretations from different historical ages. Even after the paradigm change in historical and ethnological disciplines, the ancient Slavs remain a part of Bamberg’s social memory within the boundaries of a small professional group. Together with the very image of Slavs, the urban collective memory includes the vicissitudes of historical interpretations of the Slavic past as a result of the transfer of scientific knowledge into popular culture through politics and propaganda.

Keywords: Slavs in Germany, ancient Slavs, *imaginaire*, national ideology, gardeners of Bamberg

Author Info: Buchatskaya, Julia V. — Ph. D. in History, Senior Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Saint-Petersburg). E-mail: Julia.buchatskaja@yahoo.de ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-0179>

For citation: Buchatskaya, J. V. 2023. “They Are of Slavic Origin”: The Slavic Mythologem in the History of One German Urban Community. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 229–247.

Введение в проблему

Вендами называют в немецкой историографии племена славян, населявших ряд территорий современной Германии. Долговременное славянское заселение простипалось в эпоху раннего Средневековья от голштинского побережья Балтики, Ганноверского Вендланда, области рек Заале, Верхнего Майна, Регниц и Нааба до Австрии и далее на юг. На рубеже I–II тыс. н. э. племена полабских славян занимали территорию от реки Эльбы (Лабы) и ее притока Заале (Салы) на западе до реки Одер (Одры) на востоке, от Рудных гор на юге до Балтийского моря на севере. Картирован-

ние славянских топонимов в сочетании с данными археологических раскопок дало исследователям в XX в. более или менее надежный источник для выводов относительно сплошного расселения славян в Северной Баварии (частях восточной Нижней Франконии и северо-восточной Средней Франконии). Эти земли обозначались в X–XI вв. как *terra sclavorum*. Как показывают археологические данные, во всех областях сложилась зона интенсивных контактов франков и славян, здесь весьма мирно проживало очень смешанное население. В XI–XIII вв. в этих областях происходили процессы языковой ассимиляции вендов и постепенное смешение их с немецким населением, а также немецкая колонизация (Witte 1905; Donat 1995; Losert 1993: 254). Славянские племена стали объектом христианизации и всевозможных вариантов борьбы с проявлениями язычества в виде праздничных, брачных и похоронных практик, и в долговременной перспективе все эти процессы привели к ассимиляции славянского населения. Считается, что в Баварии уже после 1087 г. венды не упоминаются письменными источниками (Losert 1993: 225), в Саксонии и в XIV в. сохранялся язык славян (Hentze 1788: 119). На севере Германии полабские славяне как самостоятельная культурно-языковая общность перестали существовать к XIII в., но приняли участие в формировании населения на территории Северной Германии (Lauffer 1917), и еще долго, до XVII в. источники упоминают языки, обычай и верования вендов в изолированных местностях Мекленбурга и Нижней Саксонии (Lisch 1837; Kowalewski 1991). Процессы ассимиляции не завершились до настоящего времени: лужицкие сербы (сорбы) — самое крупное национальное меньшинство Германии, проживает в районе городов Дрезден–Котбус–Баутцен (Саксония), а также в Нидерлаузице (Бранденбург)¹. К настоящему времени за такими регионами, германизированными в языковом отношении, но при ассимиляции славянского субстрата Средневековья, закрепилось обозначение *Germania Slavica* (Любке 1994: 95).

Обширная историография древних полабских славян показывает, что вопрос контактов между славянскими и германскими племенами и длительности сохранения славянской этнокультурной общности на территории современной северо-восточной Германии изучен достаточно хорошо². В этой статье я обращаюсь к Северной Баварии и постараюсь на примере одного эпизода из моего полевого исследования показать, как научное знание о славянах, некогда населявших земли вдоль рек Майн и Регниц, проникло и было использовано в повседневной массовой культуре и сохранилось до наших дней в нарративах обособленной профессиональной группы города Бамберг. Статья также предлагает попытку ретроспективно ответить на вопрос, в чем и как проявляется память о «славянскости» бывших славянских территорий современной Германии. Речь пойдет о (культурной, языковой, этнической) общности, которая к моменту складывания традиции научного описания подобных общностей давно исчезла с политической и языковой карты Европы как физическое или материально наблюдаемое явление. Поэтому, говоря сегодня о вендах в Северной Баварии, можно утверждать, что мы имеем дело с неким воображенным объектом — объектом, который существует и известен нам только из археологических реконструкций, продуктов письменных творений мыслителей и ученых разных эпох или устных

¹ Численность ок. 60 тыс. чел. (Sorben 2016).

² См., например: Гильфердинг 1874; Егоров 1915; Бучатская 2006; Любке 1994; Мыльников 1990; 1996; 1999; Herrmann 1985; Astmus 1929; Donat 1995; Eichler 1993; Hardt, Schulze 1992; Lange, Lebrecht, Knapp 1986; Lisch 1837; 1841; Olesch 1971; 1992; Raab 1956; Ruchhöft 2008; Schmidt 1995; Schoknecht 1995; Schulz 1985; Viet 1900; Witte 1905.

рассказов, и который мы не сможем наблюдать непосредственно, который, однако, сложился в определенный коллективный образ или представление — некое *воображаемое* (подобно тому, как рассматривали воображаемое Жак Ле Гофф (*Ле Гофф* 2001: 10), Александр Дуцу (*Duțu* 1982) или А. С. Мыльников (*Мыльников* 1999: 13)). Эмпирическим материалом послужили наблюдения и интервью, сделанные во время полевых исследований в Бамберге 2008–2010 гг., а также мемуары, рукописные и печатные сочинения публицистов, краеведов и историков-любителей из изучаемой профессиональной группы, хранящиеся в Городском архиве Бамберга.

Когда я в 2008 г. приехала в Бамберг и заинтересовалась изучением профессиональной группы городских овощеводов, практически первое, что мне попалось на глаза в книге, где публиковались архивные фотографии 1970-х гг. из рабочей повседневности этой группы, был раздел вводной статьи, называвшийся «*Slavenstreit und Städtespott*» (нем. «Спор о славянах и прозвища городов») (*Kohn, Weiß* 1993: 23). В связи с моими прежними многолетними штудиями о славянах в Германии (*Бучатская* 2006), меня это немало поразило. О том, что земли сегодняшней Франконии (Северная Бавария) также относились к области *Germania Slavica*, было известно. Но мои новые научные интересы тогда я не собиралась связывать со славянским прошлым изучаемого города, а сфокусировать на микросоциологическом изучении рабочих и повседневных практик овощеводов (гэртнеров)¹. Тем более поразило и такое совпадение, и совершенно неожиданный поворот «обратно» к славянской теме.

В своих интервью я стала задавать собеседникам вопрос о том, известно ли им что-то о гипотезе славянского происхождения овощеводов Бамберга: «В той книге написано о славянской теории происхождения гэртнеров. Что Вы думаете по этому поводу?» М. Н., один из наиболее активных представителей овощеводческого сообщества и мой многолетний ключевой информант, серьезно ответил, что да, так оно и есть: «Да, я это знаю от моего деда, он всегда говорил, что гэртнеры происходят от славян. Просто здесь были славяне, и немцы пришли при императоре, но они потом пошли дальше, а славяне здесь остались в Бамберге. Так рассказывал мой дед, и он это слышал от своего деда, то есть это так передается» (ПМА 2009-N18.02). Между тем, и другие информанты-гэртнеры охотно рассуждали на тему славянского происхождения их предков, однако делая ссылку на то, что эта информация ими почерпнута из книг:

«Точно, точно, Вуссман² это писал. Да, очень вероятно, что это так и есть, что где-то в 11–12 веках бамбергские гэртнеры... — ведь как раз в Средневековье на Михельсберге началось, овощеводческая община была очень большая, и еще разрослась, и это правда, что могли позвать из соседних земель [славян]. ... Я знаю эту историю больше по рассказам. Гэртнеры так рассказывают. Ну, рассказывают, что гэртнеры имеют такую примечательную форму лица и что по этой причине их относят к славянам. И это не только гэртнеры рассказывают, но и историки доказали, и можно прочитать в книгах, люди, кото-

¹ Нем. *Gärtner*, садовник. Для Бамберга обозначение *Bamberger Gärtner* — эмблематическое, обозначает принадлежащих по профессии и по рождению к профессиональному сообществу. См. *Бучатская* 2011: 246–266).

² Вольфганг Вуссман, краевед и житель квартала гэртнеров, автор книги о гэртнерах. См: (*Wussmann* 2002).

рые занимаются племенем гэртнеров, вот *Денглер-Шрайбер*¹, или такие люди, вот они и сказали, что это было так. Не то, чтобы я это от отца своего слышал» (ПМА 2009-G 9.03).

Так славянская тема неожиданно вернулась в мои исследования, и возникла идея «распутать» этот клубок нитей славянской мифологемы в «типично немецком» городе Бамберг.

«Славянский вопрос» в Бамберге

Славянская тема в Бамберге находится на перекрестке трех линий развития сюжета. Во-первых, по письменным источникам IX–X вв. известно, что на притоках Майна, между сегодняшними городами Эрланген, Бамберг, Швайнфурт и Лихтенфельс с VII–VIII по XI вв. проживали майнские и регницкие венды. Упоминаются 13 населенных пунктов «в славянской земле»: «In terra sclavorum, qui sedent inter Moenum et Radentiam fluvios, qui vocantur Moinvinidi et Radanzvinidi» (лат. «В земле славянской, которая находится между реками Майн и Регниц, которая зовется майнские венды и регницкие венды») (*Losert* 1993: 216). Археологические изыскания бамбергского университета в 1980-х гг. доказали, что в X в. славяне привлекались каролингскими правителями в земли Франконии как колонисты в качестве рабочей силы для освоения земель, раскорчевки лесов, осушения болот (*Losert* 1993: 222; *Ericsson* 2001: 34). Более того, историки придерживаются мнения, что основание Бамбергской епархии в 1007 г. императором Генрихом II связано со «славянским мотивом» как способ христианизации славян: «...Ut et paganismus Sclavorum destrueretur et christiani nominis memoria perpetualiter inibi celebris haberetur...» (*Endres* 1973: 161–162; *Losert* 1993: 223). Даже учитывая, что славянские подданные империи франков к этому времени уже были обращены в христианство, можно говорить о том, что именно славяне были использованы императором как аргумент для необходимости учреждения епархии (*Endres* 1973: 165; *Kohlschein, Platz* 1992: 52).

В 1788 г. первый исследователь славянской темы во Франконии Йоханн Готлиб Хентце написал, по сути, хвалебный трактат славянам («*Versuch über die ältere Geschichte des fränkischen Kreises insbesondere des Fürstenthums Bayreuth*»), в котором просматривается отсылка к концепции 1760-х гг. Иоганна Готфрида Гердера о национальном духе народа (*Nationalgeist*) (*Гердер* 1977 (1784)). Хентце конструирует некий присущий народу «характер» и на восьмидесяти страницах своего сочинения, излагая сведения о верованиях, ремеслах, промыслах и искусствах разных славянских племен, реконструирует весьма позитивные черты такого славянского народного характера: «Мы видим тот старательный народ, который потому так несравненно важен нам, что корчевал наши леса и превращал заброшенные пустыни в плодородные пашни, имел постоянные поселения и в своих потомках до сих пор живет среди нас» (*Hentze* 1788: 22). Интересно словоупотребление Хентце в начальных пассажах главы, посвященной славянам — автор называет славян «предками читателей этих строк»: «Я вижу уже, как чье-то нежное ухо отшатнулось при звуке

¹ *Karin Dengler-Schreiber*, историк, писательница и региональный деятель по сохранению памятников старины, родом из Бамберга; автор множества книг и брошюр по истории Бамберга и его памятников.

ужасного именования его предков (...des Namens seiner Vorfäder) (Hentze 1788: 22). Это не курьез, но, как представляется, некая традиция возведения генеалогии живущих современников к древним наследникам территории: другой подобный случай приписания славянам значения «предки» относится к 1858 г. и уже к северо-восточной Германии: Альберт Нидерхёффер, художник, краевед и издатель «Мекленбургских легенд» комментирует феномен легенды Мекленбурга как повествование из «далекого языческого прошлого», в котором «мы видим могучие образы наших предков, древних ободритов и вендов» (Niederhöffer 1998 (1858): 18)¹.

Итак, Хентце ставил перед собой задачу восполнить скучные знания его современников о трудолюбивых славянах. Наибольший интерес для последующей жизни славянской мифологемы в Бамберге представляют те места текста Хентце, где он рассуждает о сохранении славянского культурного наследия в современной франконской культуре. Так, например, он утверждает, что «много следов славянского происхождения можно и сегодня найти в одежде, в именах, фамилиях, строении тела, гостеприимстве, доброте, трудолюбии и усердии и других хороших качествах наших земляков» (Hentze 1788: 89); «Трудолюбие было основной чертой в характере славянских народов, возможно поэтому они впоследствии так прославились земледелием» (Hentze 1788: 91). Земледелие, по мысли Хентце, явилось весомым поводом «впустить» (kommen lassen) славян в те земли Германии (Teutschland), где правители хотели возделывать поля: «И наша земля получила первые пашни от славян» (Hentze 1788: 94–95). Автор эмоционально восклицает о том, что только такие трудолюбивые, усердные и мужественные люди, какими были славяне, смогли превратить дикие леса и непроходимые болота в плодородную пашню, чем вполне заслужили уважения: «должны ли мы в этих обстоятельствах стыдиться таких бравых прародителей (Vorältern)?» (Hentze 1788: 100).

На этом тексте Хентце строили свои работы все последующие исследователи славянства в области Майна и Регница, например, Николаус Хаас, который также приписывал особенные умения в деле разработки пахотных угодий на месте лесов, осушения болот и земледелия на берегах Регница. В его сочинение практически копируется формулировка Хентце: «Славяне были вполне отважным, склонным к постоянной работе, преимущественно земледелию, промыслам, ремеслам и искусствам, старателем и душевным народом» (Haas 1891: 116). Очевидно, что средства и способы воображения вендов как некой этно-культурно-языковой-общности были в разные исторические эпохи разными и зависели от того, каким арсеналом

¹ На северо-востоке Германии, также отмеченном долговременным компактным проживанием славянополабских племен в период с VI–VII по XIII вв., в формулировках вроде «наши предки» схожим образом прослеживается устойчивость конструктов преемственности от древних славян к современным мекленбуржцам, которые имели место в истории и инициировались политикой и общественным интересом в разное время. Так, в XVIII в. в связи с заключением брака между мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом и племянницей Петра Великого, Екатериной Ивановной, матерью будущей регентши Анны Леопольдовны (1716 г.) ученые умы занялись историческим и генеалогическим обоснованием династийных браков между представителями правящего Российского императорского и Мекленбургского княжеского домов, а также доказательство родства обеих династий через далеких венденских предков. В частности, в трактатах Фридриха Томаса «*Avitae Russorum atque Meclenburgensium Principum propinqutatis seu cosanguinitatis monstrata ac demonstrata vestigia*» (1717) и Георга Фридриха Штибера «*Historische Untersuchung des hohen Alterthums Verwandschaft und Uhrsprungs des Gross-Czaarischen und Fürstlichen Mecklenburgischen Hauses*» (1717).

инструментов и средств располагала культура этой эпохи, а также от дискурса — того, что и как принято воображать о славянах в Германии. И в середине XIX в. отношение к вендам в официальном дискурсе формировавшейся этнографической науки характеризовалось известной долей славянофильства в немецких интеллектуальных кругах. В это время история, а также немецкая этнография/родиноведение (нем. *Volkskunde/Heimatkunde*) складывались в духе идейного и художественного направления романтизма, представители которого, как известно, помимо интереса ко всему таинственному и загадочному в народной культуре, возводили в культивацию природу, исконность и естественность. Из эффекта романтизации вендов как неких мифических первопредков местного населения произошло рождение «мифологемы славянства» или точнее — славянской/венской, которая инструментализировалась по-разному в своей истории и особенно — в XX в.

Вторая линия развития славянского сюжета связана с фактом организованного переселения в 1719–1754 гг. в район Познани из Бамберга 90 семей общей численностью 450 человек. Мотивом было предоставление новых земель, а принадлежность к одной вере (католицизм) облегчало вхождение в жизнь с новым окружением. Мигранты из Бамберга сохраняли свой диалект до XIX в., как и обозначение группы «*Bamberger*», а в польской среде — «*bamberka*». В период 1850–1880 гг. произошел довольно резкий переход на польский язык, связанный с двумя факторами — pragmatischen удобством и сопротивлением политике германизации со стороны Пруссского государства и чиновников в пользу солидаризации с католическими поляками как единоверцами (религиозный фактор играл более важную роль, чем продвигаемые конструкты нации / этничности в момент формирования образования «немецкая нация» со стороны протестантских прусских властей). Политически это тоже выражалось в поддержке бамбержцами католических поляков при голосовании уже в составе кайзеровского Рейха после 1871 г., а не новых протестантских начальников, что в новом этнополитизированном дискурсе расценивалось как «предательство народа» (Paradowska 1994: 125–140).

В 1880 г. впервые в официальном дискурсе в соответствующей риторике того времени заговорили о полонизации бамбержцев как негативном и критикуемом процессе: «Каждое немецкое сердце в этой пограничной провинции должно наполниться глубокой болью при виде того, как под влиянием духовенства и школы из истинных немцев выросло поколение упрятых поляков» (Bär 1882: 46). Все дальнейшие работы до 1930-х гг., посвященные познанским бамбержцам, заимствовали эти пассажи и аргументации без изменений.

Антисемитская позиция отражалась и в общественно-популярном дискурсе. Бамбергский редактор локальной прессы Антон Шустер писал в популярном сочинении о дегерманизации бамбержцев в Познани и утрате немецкого элемента в Познани¹ (Schuster 1896). В 1880-х гг. началась политика регерманизации аннексированных польских земель, новая колонизация области вокруг Познани прусскими немцами, финансируемый государством выкуп земель и вытеснение польских крестьян. Процесс сопровождался широкой программой пропаганды, одним из инструментов которой было клише о цивилизационной отсталости славян и немцев как культуртрегеров.

Мостик между этими двумя фактами и сюжетными линиями трактовки истории Бамберга перекинул бамбергский пастор Й. Шлунд в докладе 1929 г.: он сослался

¹ Познань в это время после раздела Польши — часть Рейха.

на польскую прессу, в которой якобы «переход познанских бамбержцев в польскую народность со стороны поляков издавательски объясняется тем, что они уже в Германии из-за своего славянского происхождения не чувствовали себя немцами» (цит. по: *Link* 2004: 24).

Бамбергские гэртнеры и славянская мифологема

Третья линия славянского сюжета — как раз та, с которой мне пришлось вновь обратиться к славянской теме: она связана с гипотезой славянского происхождения овощеводов Бамбера и выстраивается на интерпретациях славянского периода истории территории. Городские овощеводы, или *гэртнеры* — очень важная профессиональная группа населения города. В прошлом они занимали важнейший сектор городской экономики, в настоящем — составляют символический капитал Бамбера и его внутреннюю экзотику. В связи с гэртнерами «славянский вопрос» в Бамберге приобрел особенно острое значение. Дело в том, что к началу XIX в. ученые и публицисты, заинтересовавшиеся гэртнерами, наблюдали и замечали их особенности, отличавшие их от прочих бамбержцев.

Первое свидетельство того, что антропологические черты древних славян эпохи переселения народов можно соотнести с гэртнерами, встречается в обнаруженной Вильфридом Крингсом, профессором по кафедре исторической географии университета Бамбера, статье 1844 г. некоего анонимного автора: тот утверждал, что «со времен завоевания франками земель в позднем VIII в. славянско-вендинская раса оставалась чистой, потому что славяне брали жен из своих, населяли район Бамбера Тойерштадт и питались благородным овощеводством» (*Krings* 1994).

Славянское происхождение гэртнеров в последующие десятилетия стало общим местом в науке и публицистике, приведенные выдержки более или менее буквально цитировались, кочевали из одной работы в другую и не оспаривались.

Антон Шустер, редактор бамбергской локальной газеты, в 1896–1897 гг. писал: «Гэртнеры — особая каста, отличающаяся в своих обычаях от остальных жителей города». В публицистическом популярном очерке Шустера можно встретить очень много из эпохи просвещения и зарождающегося расового учения, идеализации и романтизации «благородного дикаря» («возрос на вольной природе, которая сделала из гэртнера здорового человека, здорового телом и душой» (*Schuster* 1897: 231), отсылку к видимым антропологическим признакам («по сравнению с остальными городскими жителями, стройными и более высокого роста, народ гэртнеров преимущественно низкорослый, коренастый, мускулистый и сильный» (*Schuster* 1897: 239). Именно эти внешние отличия указывали на славянское происхождение гэртнеров, по мнению Шустера. Занятия земледелием и упрямая верность своим традициям служили для Шустера также верными доказательствами того, что гэртнеры являются прямыми потомками майнско-регницких вендов. При этом, напомню, для литературы конца XIX в. была характерна симпатия к вендам.

Вслед за Шустером версии славянского происхождения гэртнеров придерживался Ханс Рост, историк-любитель из среды гэртнеров. И у него лейтмотив — «гэртнеры консервативны до мозга костей». И далее: «Если упорная приверженность стародавним традициям может считаться выдающейся чертой характера славян, то упрямый консерватизм наших гэртнеров в религиозных, социальных и хозяй-

ственных вещах является еще одним доказательством их славянского происхождения» (*Rost* 1909: 405).

Преподаватель садоводства и агроном из Бамбера Йозеф Киндсхоен приводил в своей статье 1919 г. смелый и неподтвержденный факт, будто сам император Генрих II Бамбергский поселил на Регнице возле Бамбера вендинский народ для того, чтобы они осваивали пахотные земли. Таким образом, заключал агроном, сегодняшние овощеводы — потомки вендов из долины Регница, которые сильно отличаются от франков холмистой части Бамбера, занимавшихся виноградарством и фруктовыми садами (*Kindshoven* 1919).

Вопрос славянского происхождения гэртнеров повторялся, обсуждался, становился предметом диссертационных сочинений, но до 1920-х гг. не сопровождался негативными выступлениями. Славянское происхождение рассматривалось как своеобразный фольклорный курьез. Как, например, повторяя уже известные нам обороты, формулировал докторант Высшей технической школы Мюнхена Людвиг Дюррвехтер: «Мы занимаемся своеобразным населением, гэртнерами. Их славянское происхождение кажется доказанным, а его последствия узнаемы и сегодня. Из всех особенностей характера нам особенно заметны усердие и приверженность старине во всех ее положительных и отрицательных свойствах» (*Dürrwächter* 1923: 77). Приведенные аргументы и риторические обороты с очевидностью напоминают упоминавшийся выше первый научный текст о славянах Франконии Й. Г. Хентце.

Изменения произошли в 1920-е гг., когда ученые взяли на вооружение расовое учение и делали свои заключения о расовой принадлежности и национальном характере на основе антропологических черт, проводя замеры целых групп населения. Расовое учение расставило новые акценты в славянском вопросе в Бамбере. Первым принял гипотезу о славянском происхождении гэртнеров и для подкрепления ее использовал аргументы расовой теории Ханс Эбер в 1925 г.: «Тип гэртнеров — ширококостные, гладковыбранные, волосы светло-соломенного цвета, одежда и внешний вид указывают на славянское происхождение, в котором ничего не меняет даже голубой цвет глаз, которому не достает германского полутона. Лучше всего это заметно, если сравнить с ними жителя Бамбера арийского происхождения» (*Eber* 1925: 17).

В 1928 г. в газете *Bamberger Tagblatt* появилось сообщение о проводимых антропологических замерах среди старинных семей бамбергских гэртнеров. Проводил замеры антрополог, доктор философии и медицины Карл Заллер из Регенсбурга, а руководство осуществлял Институт антропологии Университета Мюнхена. Бамбергские гэртнеры оказались интересным случаем для таких расовых исследований, как писала газета, «потому что они происходят от вендов и еще сегодня обнаруживают существенные черты этого древнего, ранее широко распространенного в Германии племени» (*Bamberger Tagblatt* 1928). Газетное сообщение также призывало гэртнеров поддержать эти исследования, заверяя в полной безопасности и безвозмездности его, кратко описывало его процедуры: замер роста, черепа и разреза глаз, определение цвета волос и глаз. На основании проведенных замеров Заллер пришел к выводу о схожести антропологических черт гэртнеров с другими соседними группами населения региона, отметив, однако, «небольшое славянское влияние» на строение тела, поскольку рост гэртнера в среднем меньше, чем у других групп (*Saller* 1931). Сам Заллер уже к 1930-м гг. имел расхождения с национал-социалистическими коллегами и стал неугоден им из-за своих несоответствующих режиму

релятивистских воззрений на зависимость культуры от расы, лишился права преподавания, но результаты его замеров продолжали жить своей жизнью и были использованы в дальнейшей идеологической войне. Как раз в 1930-е гг. «антропологически подкрепленные» («небольшое вендское влияние») данные о славянском происхождении гэртнеров и факт полонизации-славализации бамбергских переселенцев в Познани были инструментализированы национал-социалистами.

Идея антропологических отличий гэртнеров и мифологема славянского происхождения оказались очень устойчивыми и продолжали оставаться в фокусе исследований. Без рассмотрения славянской теории происхождения гэртнеров не обходится ни одна студенческая работа 1970-х гг.: «Славяне были умелыми земледельцами. Это поведение находит отражение и в существе гэртнера, но в христианском виде. Далее, славяне придерживались традиций. Это также можно перенести на бамбергских гэртнеров, которые упрямо придерживаются своего мнения в религиозных, социальных и хозяйственных делах. Характерной чертой славян были вечные конфликты и военные стычки, что и сегодня бросается в глаза среди гэртнеров» (Düsel 1977: 12). И даже относительно современные работы о гэртнерах не обходят стороной славянскую мифологему их происхождения (Wussmann 2002: 21).

Несмотря на заявленную смену парадигмы в гуманитарных науках в 1977 г. антрополог Йозеф Йегер, ученик Заллера, продолжил исследования учителя и обратился к его изысканиям и данным замеров черепов 1934 г., усердно цитируя работу Заллера по расовому учению. Подход Йегера не изменился до 1989 г., когда на основании замеров черепов мертвых людей он по-прежнему собирался доказывать славянское влияние в антропологии населения Восточной Франконии и бамбергских гэртнеров (Link 2003: 385).

Память о замерах черепных костей физическими антропологами времен национал-социализма сохраняется в среде жителей города и самих гэртнеров до наших дней. Об этом факте известно, и рассказывают о нем, с одной стороны, как о псевдонаучном курьезе «страшного времени», с другой — как о лишнем доказательстве своего славянства или, по крайней мере, своей инаковости: «И во время нацистов у гэртнеров были большие проблемы, потому что те говорили, а, гэртнеры, они все равно происходят от славян. И был кто-то, не помню, кто, он пытался доказать, что гэртнеры происходят не от славян, но не смог» (ПМА 2009 — N18.02).

Мой многолетний собеседник М.Н. перечислил антропологические особенности садовников, восходящих, по его мнению, к славянам — выступающие верхние скулы, темные глаза и волосы: «Например, моя мама, если на нее посмотреть, она имела совсем темноволосый и темнокожий тип, как из печки, и по этому можно судить. Если Вы изучаете этнографию, вы поймете. Видите, темные волосы, темная кожа» (ПМА 2009-N18.02). Можно говорить о явных продуктах популяризации и трансляции текстов работ в духе расовой теории 1930-х в массы, в результате чего до сегодняшнего дня осталось неизбыточное представление об именно таких воображаемых чертах славян. Интересно, что точно такие же антропологические характеристики приводились в качестве доводов славянской нации в Вендланде, которые мы фиксировали во время экспедиции 2000 г.: Ундине Штивих, руководитель ансамбля вендландской песни «De Öwerpetters», и Ирмела Швебе, вдова Йоахима Швебе, прославившегося в науке благодаря своим этнографическим исследованиям вендландских верований (Schwebe 1960), обе уроженки региона Вендланд, указывали в разго-

воре с нами на свои «выступающие верхние скулы» и «чуть раскосую форму глаз», которые, по их мнению, «являются характерными славянскими чертами» (АМАЭ Иванова 2000: 138, 143–144)¹.

Действительно, уникальность гэртнеров в социальной структуре города Бамберг имеет место быть и поддерживается сегодня медиадискурсом и самими представителями группы. В первую очередь это было связано с имущественным положением², а также специфическим характером занятий: гэртнеры занимали промежуточное положение между городом и селом, они не просто представляли собой земледельцев в городе, но именно «кособую касту» (используя терминологию Шустера) бамбергских гэртнеров, рожденных таковыми, а не освоившими профессию по желанию. И сегодня принадлежность к гэртнерам маркируется в речи противопоставлением *Gärtner vs. Privatleute* (гэртнер и горожанин, частное лицо), или *Bamberger Gärtner vs. Gärtner in Bamberg* (бамбергский гэртнер и садовник из Бамберга). Городской менеджмент и власти также конструируют со своей стороны ценность группы и ее традиций, приглашая гэртнеров презентировать город на праздниках городов-партнеров, во время торжественных юбилейных шествий в Бамберге, во время визитов государственных лиц в город. Благодаря сохранению гэртнеров как действующих профессионалов и их живых традиций город получил статус всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 1993 г. В свою очередь, сами гэртнеры культивируют свою уникальность, сохраняя религиозную составляющую повседневности и праздничной жизни, употребляя в речи имена-прозвища членов группы, разговаривая на говоре, а иногда и разыгрывая перед клиентами-покупателями ту самую «природную грубость» человека, близкого к земле. Это противопоставление себя другим горожанам не абсолютно. Оно, скорее, исходит от особенно активных деятелей профессиональной группы в общественной сфере или же обусловлено определенными критическими моментами и ситуациями угрозы существования профессии и городского земледелия, например, изменениями в городской среде, строительством асфальтовых дорог на угодьях гэртнеров и т.д. Противостояние гэртнеров и режима можно описать в терминах отстаивания автономии профессии и сопротивления контролю (Щепанская 2010: 68–70). Показателен в этом отношении нарратив о нацистском времени, которое затрагивалось в рассуждениях выше:

«Это было очень жуткое время, как у вас Стalin. И вот, было это в войну, молодые гэртнеры, парни по 16–17 лет, к ним подошел один крестьянин, он был из нацистов, он и говорит, что парни должны идти на фронт — у нас тут был тыл. А ведь если мужчины уйдут на фронт, значит, на полях должны будут работать женщины. Значит, им нужно будет еще больше работать. И вот этот молодой парень, председатель ферайна, говорит, не-ет. Тогда наши женщины и дети должны будут умереть тут на работе? Не, они не могут еще больше

¹ В этой связи на ум приходит явная параллель с известными изображениями «славян» как «большевистских врагов с востока» с выступающими скулами и раскосыми дальневосточными глазами на агитационных плакатах времен национал-социализма, первой и второй мировых войн (см., например, плакат «Bayern, der Bolschewik geht um!» (AkgImages 2020)).

² Гэртнеры всегда владели пахотными угодьями внутри города, и, чтобы не делить землю, приветствовали только браки внутри группы. Отсюда и действительное предпочтение «эндогамных» браков и, соответственно, устойчивость традиционной жизни.

работать, так не пойдет. И через две недели председателя арестовали, только потому, что он что-то имел сказать против нацистов.

Моему деду во время войны было 55 лет. Он захотел построить хлев. Новый хлев, тут поперек двора. А чтобы что-то построить в Германии, нужно разрешение. И он пошел к какому-то чиновнику от нацистов, а тот говорит: если хочешь новый хлев, вступай в партию. И тогда мой дед говорит: из-за каких-то коров в партию я не пойду! И ему сказали: радуйся, что это никто не слышал. А то бы тебя уже не было» (ПМА 2009. N 18.02.).

Это свидетельство резко контрастирует с приводимыми историками фактами о том, что гэртнеры были обласканы режимом: национал-социалистическая наука как раз в 1930-е гг. стала все чаще опровергать какое бы то ни было отношение этой группы населения Бамберга к славянам. Так, небольшая работа, написанная доктором К. Арнетом и опубликованная в Бамбергском научно-публицистическом ежегоднике за 1935–36 г., фактически нацелена на реабилитацию репутации гэртнеров после обнародования «славянского влияния» на строение тела или даже славянского происхождения всей группы в свете объявленной ценности чистоты немецкой расы и крайней непопулярности славянского в национал-социалистической реальности: «Мы должны принимать во внимание факт, что на нашей родине когда-то были славяне. Ранее их распространение и значение слишком переоценивали..., но немцам нечего бояться. Немецкий характер нашей родины проявляется с новой силой в прошедшем. Но местные историки, не имея исторических свидетельств и документов, считали гэртнеров Бамберга славянами» (Arneth 1935: 82). В качестве источника, на котором следует строить доказательства неславянского происхождения гэртнеров автор анализирует 71 фамилию из тех, которые распространены среди гэртнеров, и приходит к выводу о немецком, а не славянском происхождении этих фамилий, а значит, и их обладателей. Примечательны языковые и графические особенности этого небольшого сочинения: все пассажи, в которых опровергается славянскость гэртнеров, сформулированы эмоционально и даже визуально выделены разрядкой, как, например, заключительный абзац, который своим беззаплакионным тоном претендует на окончательную истину: «Сегодняшний гэртнер не есть результат многовековой, оказавшей нездоровое влияние примеси славянского населения, но наоборот, немецкий народ овощеводов Тойерштадта ощущил постоянное и сильное смешение крови немецкого происхождения, что сильно освежило эту кровь» (Arneth 1935: 85). Риторика этого текста показывает, что в публичном идеологическом дискурсе фактически шла борьба за гэртнеров как воплощение национал-социалистического идеала некоего автохтонного населения древнего германского города. Позднее пропаганда стала использовать гэртнера как раз в качестве эталона истинного немецкого идеального человека — пасторального крестьянина, близкого к природе и возделывающего немецкую землю, и противостоящего своими традициями главному злу модерности — прогрессу и индустриализации.

Однако приводимый выше фрагмент воспоминаний свидетельствует о противостоянии национал-социалистическому порядку в среде самих гэртнеров. Противостояние режиму проявлялось и в таких протестных тактиках гэртнеров как утверждение своего славянского происхождения именно в 1930-е гг., которое с недоверием критиковал Мерц в 1935 г.: «Здесь в Бамберге, когда речь идет о славян-

ском происхождении, его не только не отрицают, но и с гордостью подчеркивают» (Цит по: Link 2003: 379).

Между тем, «славянское происхождение» гэртнеров сегодня транслируется с таким упорством далеко не всеми представителями группы. Важно, что записанный мной текст происходил от одного из самых активных членов сообщества, участвующих в костюмированных шествиях, религиозных процессиях и культурном обмене с познанскими делегациями «бамбержцев», иначе говоря, «репрезентирующим репрезентантов». В этом контексте мифологема о славянском происхождении видится как заявление о (любом) ином происхождении, легитимирующее особенное положение гэртнеров как группы населения Бамберга, а сами славяне видятся как воображаемые мифологические «предки». Эта мифологема как инструмент отделения/выделения и легитимации заявленных «прав» на место/землю/традицию тогда может быть действенной, если население будет «коренным», «автохтонным», чтобы соотнесение его с воображаемыми «предками» было возможным. А это как раз и есть случай гэртнеров. И это как будто напоминает нам еще одну историю, также связанную с воображаемыми вендами в Германии — историю повстанческой деревни «Свободная Республика Вендланд». В движении повстанческой деревни на первый план выходил «древний вендский народ» (altes wendisches Volk) и наглядно конструировалось воображаемое: повстанцы называли себя «новыми вендами», они объявили, что «сообща возрождают и сохраняют традиции» незнакомой им древней вендской культуры, хотя все конструкции ограничивались вербальной формой, и не имели ровно никакого материального выражения или инсценировок. В таком контексте «поиски и сохранение» вендской культуры не были реальной практикой, но лишь декларировались в одном ряду с другими заявлениями, подчеркивавшими обособленность, утопический и альтернативный характер этого идейного коллектива людей и противопоставление себя «остальным». Показательно, что в кризисный момент своей истории вендландцы вспомнили и вынесли на лозунги именно этот факт, существенно отличающий их землю от других.

Заключение

Тема взаимодействий вендов и германцев/немцев в Средневековье сложна, поскольку эта история отстоит далеко во времени от изучающих ее, а венды как культурно-языковая общность перестали существовать. Так называемый «славянский вопрос» идеального немецкого города Бамберг оказался камнем преткновения не только для историков, публицистов, политиков и идеологов национализма в их программных публикациях, но и для ряда жителей города в повседневности. Первоначальный эффект романтизации вендов как неких мифических первопредков местного населения дал толчок рождению мифологемы славянской/венской, которая по-разному инструментализировалась в истории. Доступные археологические, летописные и архивные материалы давали возможность историкам и этнографам создавать разные версии прошлого, обслуживающие тот или иной политический проект, отбирая те, которые представлялись наиболее значимыми и пригодными для целей этих проектов. Даже после смены парадигмы исторической и этнологической дисциплин венды продолжают оставаться частью социальной памяти Бамберга, хотя и в границах всего одной, небольшой по численности профессиональной группы.

Наряду с собственно образом вендов в городскую коллективную память оказались включены перипетии исторических интерпретаций венденского прошлого как результат трансфера научного знания через политику и пропаганду в массовую культуру.

Источники и материалы

Полевые материалы

АМАЭ Иванова 2000 — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Иванова Ю. В., Традиционная культура деревень Северной Германии. Полевой дневник экспедиции в Мекленбург и Венденланд 2000 г. К-1, Оп.2. Дело № 1730.

ПИМА 2009 — Полевые материалы автора. Аудиозаписи интервью экспедиции в Бамберг 2008–2009 г. Информанты: М.Н., 1955 г. р. Бамберг, 18.02.2009; А.Г., 1954 г. р. Бамберг, 9.03.2009; М.Г., 1961 г. р. Бамберг, 9.03.2009.

Егоров 1915 — Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в Средние века: колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1–2. М.: т-во скропеч. А. А. Левенсон, 1915. 614 с.

AkiImages 2020 — „Bayern, der Bolschewik geht um!“. Wahlplakat der Bayerischen Volkspartei. 1919. <https://www.akg-images.de/archive/Bayern--der-Bolschewik-geht-um--2UMDHUWJBU63.html> (дата обращения: 10.03.2020).

Bamberger Tagblatt 1928 — Rassenkundliche Messungen bei den Bamberger Gärtnerfamilien // Bamberger Tagblatt. 27.12.1928.

Dürrwächter 1923 — Dürrwächter L. Die Bamberger Gärtnerei. Verfasst und dem hohen Senate der bayerischen Technischen Hochschule München zur Erlangung der Doktorwürde vorgelegt. Dissertation, München, 1923.

Düsel 1977 — Düsel D. Die bamberger Gärtner und ihre Traditionen. Zulassungsarbeit zur ersten Prüfung für das Lehramt an Grund- und Hauptschulen. 1977. Stadtarchiv Bamberg, BF i 8.

Научная литература

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. История балтийских славян. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1874. 485 с.

Иванова-Бучатская Ю. В. Platten Land: Символы Северной Германии. Славяно-германский энокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера. СПб: Kunstkamera Petrapolitana, 2006. 226 с.

Иванова-Бучатская Ю. Городские овощеводы Бамберга (Германия): профессия и опыт ее сохранения // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Ред. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2011. С. 246–268.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. 440 с.

Любке Х. GERMANIA SLAVICA: Итоги, проблемы, перспективы // Славяноведение. 1994. № 2. С. 94–99.

Мыльников А. С. Полабские славяне в научной мысли Германии конца XVII — первой половине XVIII в.: к вопросу о генезисе банка информации // Letopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Völkerkunde. Reihe B. Geschichte, 1990. N 37.

Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начало XVIII века. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 400 с.

Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды. Россия, конец XX — начало XXI вв. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 338 с.

Arneth K. Die Bamberger Gärtner sind deutsch wie ihre Namen // 8. Bamberger Jahrbuch 1935. Bamberg: Verlag des Bamberger Jahrbuchs, 1935. P. 82–85.

Asmus R. Spuren wendischer Siedlung und wendischen Kultes in den Flurnamen der Feldmark Teterow und ihrer nächsten Umgebung // Mecklenburg. 1929. № 3. Jg. 24.

Bär M. Die „Bamberger“ bei Posen, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Polonisierungsbestrebungen in der Provinz Posen. Posen: Commissions-Verlag von Joseph Jolowicz, 1882. 74 p.

Donat P. Die Mecklenburg vor 1000 Jahren. Zur historischen Situation in der Mecklenburg und bei den Obodriten während der 2. Hälfte des 10. Jahrhunderts // Ein Jahrtausend Mecklenburg und Vorpommern. Biographie einer norddeutschen Region in Einzeldarstellungen. Hg. K. Wolf und P. J. Rakow. Rostock: Hinstorf, 1995. P. 5–29.

Duču A. Die Imagologie und die Entdeckung der Alterität // Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa im 18. und 19. Jahrhundert. Festschrift für Heinz Ischrey zum 65. Geburtstag. Hg. von W. Kessler u. a. Berlin, 1982. P. 257–262.

Eber H. Die Bamberger Gärtnerei. Kultur- und Volkswirtschaftliche Betrachtungen // Bamberg. Lesebogen für gehobene Schulen. Hg. Mützel und Reichenberger. Augsburg o.J., 1925. P. 11–16.

Eichler E. Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße. Bd. III, Bautzen: Domowina-Verlag, 1993. 270 p.

Endres R. Das Slawenmotiv bei der Gründung des Bistums Bamberg // Berichte des Historischen Vereins Bamberg, 109, Bamberg, 1973. P. 161–182.

Ericsson I. Slawen in Nordostbayern. Zu den Main-, Regniz- und Naabwenden und ihrer Bedeutung für den Landesausbau // Forschungsforum. Berichte aus der Otto-Friedrich-Universität Bamberg. Hg. Bergmann R. H.10, Mittelalterforschung in Bamberg, 2001. P. 30–38.

Haas N. Geschichte des Slaven-Landes an der Aisch und den Ebrach-Flüßchen. Oder: Geschichte des Schlosses, Städtchens, der Pfarrei und des Amtes Höchstadt a. d. A. und der Nachbarschaft. Bamberg, 1891. 356 p.

Hardt M., Schulze H. K. Altmark und Wendland als deutsch-slawische Kontaktzone // Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht, Hg. R. Schmidt. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk, 1992. 154 p.

Hentze J. G. Versuch über die ältere Geschichte des fränkischen Kreises insbesondere des Fürstenthums Bayreuth. Bayreuth, 1788.

Herrmann J. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 1985. 725 p.

Kindshoven J. Der Gemüsebau im Bamberger Land. Sonder-Abdruck aus: Wochenblatt des Landwirtschaftlichen Vereins in Bayern, 1919. 42 p.

Kohlschein M., Platz T. Die Slawen in Oberfranken // Die Entwicklung Forchheims im Frühen Mittelalter. Schriftenreihe der universitären Außenstelle Forchheim. Hg. Ammon H., H.1, 1992. P. 48–61.

Kohn W., Weiß E. Benät-Keesköh-Stazinari. Bamberg — Seine Gärtner und Häcker. Bamberg: Erich Weiss Verlag, 1993. 180 p.

Kowalewski K., ed. Die Wendland-Chronik des Dorfschulzen Johann Parum Schultze aus Sütten, geschrieben in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Lüchow: Jeetzel, 1991. 132 p.

Krings W. Die Anfänge des Gartenbaus in Bamberg aus historisch-geographischer Sicht // Geschichte des Gartenbaus und der Gartenkunst. 1. Fachtagung zur frühen Geschichte des Gartenbaus vom 17. bis 18.4.1993 in Erfurt. Hg. Förderkreis Gartenbaumuseum Cyriaksburg e.V. Erfurt 1994. P. 73–104.

Lange E., Lebrecht J., Knapp H.-D. Ralswiek und Rügen: Landschaftsentwicklung und Siedlungsgeschichte der Insel Rügen seit dem Spätglazial. Berlin: Akademie-Verlag, 1986.

Link S. Volkstumsideologie und „Slawenfrage“ im Bamberger Diskurs des 19. und 20. Jahrhunderts // Berichte des Historischen Vereins Bamberg, 2003. N 139. P. 357–386.

Link S. Germania Slavica“ Die Slawenfrage in Franken vor und nach 1945 // Geschichte quer. Zeitschrift der bayerischen Geschichtswerkstätten, 2004. N 12. P. 23–25.

Lisch G. C. F. Die lebsten Wenden in Meklenburg auf der Jabelheide. // Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Hg. Lisch G. C. F. 2. Jg. Schwerin, 1837.

- Lisch G. C. F. Über die wendische Fürstenburg Werle. *Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*. Schwerin, 1841. N 6.
- Losert H. Die Slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht // Vorträge des 11. Niederbayerischen Archäologentages. Hg. Schmolz K. Deggendorf, 1993. P. 207–255.
- Niederhöffer A. Mecklenburg's Volkssagen. Hg. R. Stutz. Bremen: Edition Temmen, 1998. 555 p.
- Olesch R. Zur geographischen Verbreitung des Dravänopolabischen // Mitteldeutsche Forschungen. 50/II, 1971.
- Olesch R. Zum Dravänopolabischen im Hannoverschen Wendland // Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht. Hg. R. Schmidt. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk. Lüneburg, 1992. P. 51–62.
- Paradowska M. Die Bamberger im Posener Land (= Bamberger Beiträge zur Volkskunde. Hg. K. Guth. Bd. 4). Bamberg: Bayerischer Verlagsanstalt, 1994. 179 p.
- Raab H. Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern // Wissenschaftliche Zeitschrift der EMAU Greifswald. Gesellschaftliche und Sprachwissenschaftliche Reihe. 4–5. 1955/1956.
- Rost H. Die Bamberger Gärtnerei. Ein Kultur- und Wirtschaftsbild aus Vergangenheit und Gegenwart // Das Bayerland. 1909. N 17. P. 405–490.
- Ruchhöft F. Vom slawischen Stammesgebiet zur deutschen Vogtei: Die Entwicklung der Territorien in Ostholstein, Lauenburg, Mecklenburg und Vorpommern im Mittelalter. (Archäologie und Geschichte im Ostseeraum.) Rahden/Westfalen: Verlag Marie Leidorf, 2008. 257 p.
- Saller K. Die Bamberger Gärtner und ihre Beziehungen zu anderen Gruppen // Bamberger Blätter für fränkische Kunst und Geschichte. 8 (1931), N 1, S. 3 ff, N 7, S. 25 ff, N11, S. 41 ff.
- Schmidt V. Slawen und Deutsche. Zur Eroberung, Besiedlung und Christianisierung Mecklenburgs im 11.–12. Jh. // Ein Jahrtausend Mecklenburg und Vorpommern. Biographie einer norddeutschen Region in Einzeldarstellungen. Hg. K. Wolf und P. J. Rakow. Rostock: Hinstorf, 1995. P. 85–112.
- Schoknecht U. Wikinger und Slawen // Ein Jahrtausend Mecklenburg und Vorpommern. Biographie einer norddeutschen Region in Einzeldarstellungen. Hg. K. Wolf und P. J. Rakow. Rostock: Hinstorf, 1995. P. 113–130.
- Schulz W. Wenden und Wendländer // Das Hannoversche Wendland. Beiträge zur Beschreibung des Landkreises Lüchow-Dannenberg. Hg. Paasche W. Lüchow, Landkreis Lüchow-Dannenberg, 1985. P. 123–125.
- Schuster A. Der Bamberger Gärtner in seiner Beschäftigung, Lebensweise, Sitte und Eigentümlichkeit, sowie seine mutmaßliche Abstammung // Alt-Bamberg, 1897–1898. N 1. P. 228–281.
- Schütz J. Ortsnamentypen und slawische Siedlungszeit in Nordostbayern // Jahrbuch für Fränkische Landesforschung. Hg. von Institut f. Fränkische Landesforschung an der Universität Erlangen-Nürnberg, 1968. Nr. 28. P. 309–321.
- Schwarz E. Zum Problem der wendischen Flurnamen am Oberen Main // Berichte des Historischen Vereins Bamberg, 1963. Nr. 99. P. 449–459.
- Schwebe J. Volksglaube und Volksbrauch im Hannoverschen Wendland. Köln, Graz: Böhlau Verlag, 1960. 272 p.
- Viet A. Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven // Archiv für Slavische Philologie. Hg. Jagić V. Bd. 22. Berlin, 1900, fol. 6a. P. 116.
- Witte H. Wendische Bevölkerungsreste in Mecklenburg. Stuttgart, 1905. 144 p.
- Wussmann W. „Ein Zwiebeltreter bin ich gern“. Bamberger und seine Gärtner. Bamberg: Hübscher Edition, 2002. 160 p.

References

- Arneth, K. 1935. Die Bamberger Gärtner sind deutsch wie ihre Namen. *Bamberger Jahrbuch* 8: 82–85. Bamberg: Verlag des Bamberger Jahrbuchs.

- Asmus, R. 1929. Spuren wendischer Siedlung und wendischen Kultes in den Flurnamen der Feldmark Teterow und ihrer nächsten Umgebung. *Mecklenburg* 24 (3).
- Bär, M. 1882. *Die „Bamberger“ bei Posen, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Polonisierungsbestrebungen in der Provinz Posen*. Posen: Commissions-Verlag von Joseph Jolowicz. 74 s.
- Donat, P. 1995. Die Mecklenburg vor 1000 Jahren. Zur historischen Situation in der Mecklenburg und bei den Obodriten während der 2. Hälfte des 10. Jahrhunderts. In *Ein Jahrtausend Mecklenburg und Vorpommern. Biographie einer norddeutschen Region in Einzeldarstellungen*, ed. by K. Wolf und P. J. Rakow. Rostock: Hinstorf. 5–29.
- Duțu, A. 1982. Die Imagologie und die Entdeckung der Alterität. In *Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa im 18. und 19. Jahrhundert. Festschrift für H. Ischreyt*, ed. by W. Kessler et al. Berlin. 257–262.
- Eber, H. 1925. Die Bamberger Gärtnerei. Kultur- und Volkswirtschaftliche Betrachtungen. In *Bamberg. Lesebogen für gehobene Schulen*, ed. by Mützel und Reichenberger. Augsburg o.J. 11–16.
- Eichler, E. 1993. *Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße*. Bd. III, Bautzen: Domowina-Verlag. 270 p.
- Endres, R. 1973. Das Slawenmotiv bei der Gründung des Bistums Bamberg. *Berichte des Historischen Vereins Bamberg* 109: 161–182.
- Ericsson, I. 2001. Slawen in Nordostbayern. Zu den Main-, Regniz- und Naabwenden und ihrer Bedeutung für den Landesausbau. In *Forschungsforum. Berichte aus der Otto-Friedrich-Universität Bamberg* (H.10), ed. by R. Bergmann. 30–38.
- Gilferding, A. F. 1974. *Sobranije sochinienii* [Collected Works]. Vol. 4. *Istoriya baltiyskikh slavyan*. [History of the Baltic Slavs]. Saint Petersburg: Izdanije D. Y. Kachanchikov. 485 p.
- Haas, N. 1891. *Geschichte des Slaven-Landes an der Aisch und den Ebrach-Flüßchen. Oder: Geschichte des Schlosses, Städtchens, der Pfarrei und des Amtes Höchstadt a. d. A. und der Nachbarschaft*. Bamberg. 356 s.
- Hardt, M. and H. K. Schulze. 1992. Altmark und Wendland als deutsch-slawische Kontaktzone. In *Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht*, ed. by R. Schmidt. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk. 154 p.
- Hentze, J. G. 1788. *Versuch über die ältere Geschichte des fränkischen Kreises insbesondere des Fürstenthums Bayreuth*. Bayreuth: bey Johann Anderas Lübecks sel. Erben.
- Herder, J. G. 1977 (1784). *Idei k filosofii istorii celovecestva* [Materials for the Philosophy of the History of Mankind]. Moscow: Nauka. 703 p.
- Herrmann, J. 1985. *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert*. Berlin: Akademie-Verlag. 725 p.
- Ianova-Buchatskaya, J. 2006. *Plattes Land: Simvoly Severnoy Germanii. Slavyano-germanskiy etnokul'turnyy sintez v mezhdu rech'ye El'by i Odera* [Plattes Land: Symbols of Northern Germany. Slavic-Germanic Ethnocultural Synthesis in the Interfluve of the Elbe and the Oder]. Saint Petersburg: Kunstkamera Petropolitana. 226 p.
- Ianova-Buchatskaya, J. 2011. Gorodskie ovoshchevody Bamberga (Germaniya): professiya i opyt yeye sokhraneniya [Urban Gardeners of Bamberg (Germany): the Profession and Experience of its Preservation]. In *Antropologiya professiy, ili Postoronnim vkhod razreshen*, ed. by P. V. Romanov, Ye. R. Yarskaya-Smirnova. Moscow: Variant. 246–268.
- Kindshoven, J. 1919. Der Gemüsebau im Bamberger Land. *Wochenblatt des Landwirtschaftlichen Vereins in Bayern*. 42 p.
- Kohlschein, M. and T. Platz. 1992. Die Slawen in Oberfranken. In *Die Entwicklung Forchheims im Frühen Mittelalter. Schriftenreihe der universitären Außenstelle Forchheim* (H.1), ed. by H. Ammon. Forchheim. 48–61.
- Kohn, W. and E. Weiß. 1993. *Benät-Keesköhl-Stazinari. Bamberg — Seine Gärtner und Häcker*. Bamberg: Erich Weiss Verlag. 180 s.
- Kowalewski, K. (ed.). 1991. *Die Wendland-Chronik des Dorfchulzen Johann Parum Schultze aus Süthen, geschrieben in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts*. Lüchow: Jeetzel. 132 p.

- Krings, W. 1994. *Die Anfänge des Gartenbaus in Bamberg aus historisch-geographischer Sicht*. In *Geschichte des Gartenbaus und der Gartenkunst*. 1., ed. by Förderkreis Gartenbaumuseum Cyriaksburg e.V. 73–104.
- Lange, E., J. Lebrecht and H.-D. Knapp. 1986. *Ralswiek und Rügen: Landschaftsentwicklung und Siedlungsgeschichte der Insel Rügen seit dem Spätmittelalter*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Le Goff, J. 2001. *Srednevekovyj mir voobrazhaemogo [The Medieval Imagination]*. Moscow: Publishing house group “Progress”. 440 p.
- Link, S. 2003. Volkstumsideologie und „Slawenfrage“ im Bamberger Diskurs des 19. und 20. Jahrhunderts. *Berichte des Historischen Vereins Bamberg*, 139: 357–386.
- Link, S. 2004. Germania Slavica: Die Slawenfrage in Franken vor und nach 1945. *Geschichte quer: Zeitschrift der bayerischen Geschichtswerkstätten*, 12: 23–25.
- Lisch, G. C. F. 1837. Die lebsten Wenden in Meklenburg auf der Jabelheide. In *Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*, ed. by G. C. F. Lisch, 2. Jg, Schwerin.
- Lisch, G. C. F. 1841. Über die wendische Fürstenburg Werle. In *Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*, ed. by G. C. F. Lisch, 6. Jg. Schwerin.
- Losert, H. 1993. Die Slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht. In *Vorträge des 11. Niederbayerischen Archäologentages*, ed. by K. Schmolz. 207–255.
- Myl’nikov, A. S. 1999. *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy. Predstavleniya ob etnicheskoy nominatsii i etnichnosti XVI–nachalo XVIII veka* [A Picture of the Slavic World: a View from Eastern Europe. Ideas about Ethnic Nomination and Ethnicity of the 16th–early 18th Centuries]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 400 p.
- Niederhöffer, A. 1998 (1858). *Mecklenburg’s Volkssagen*, ed. by R. Stutz. Bremen: Edition Temmen. 555 p.
- Olesch, R. 1971. Zur geographischen Verbreitung des Dravänopolabischen. *Mitteldeutsche Forschungen*. 50/II.
- Olesch, R. 1992. Zum Dravänopolabischen im Hannoverschen Wendland. In *Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht*, ed. by R. Schmidt. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk. 51–62.
- Paradowska, M. 1994. *Die Bamberger im Posener Land* (= Bamberger Beiträge zur Volkskunde. Hg. K. Guth. Bd. 4). Bamberg: Bayerische Verlagsanstalt. 179 p.
- Raab, H. 1955/1956. Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern. In *Wissenschaftliche Zeitschrift der EMAU Greifswald*. Gesellschaftliche und Sprachwissenschaftliche Reihe. 4–5.
- Rost, H. 1909. Die Bamberger Gärtnerei. Ein Kultur- und Wirtschaftsbild aus Vergangenheit und Gegenwart. *Das Bayerland* 17: 405–490.
- Ruchhöft, F. 2008. *Vom slawischen Stammesgebiet zur deutschen Vogtei: Die Entwicklung der Territorien in Ostholstein, Lauenburg, Mecklenburg und Vorpommern im Mittelalter*. (Archäologie und Geschichte im Ostseeraum). Rahden/Westfalen: Verlag Marie Leidorf. 257 p.
- Saller, K. 1931. Die Bamberger Gärtner und ihre Beziehungen zu anderen Gruppen. *Bamberger Blätter für fränkische Kunst und Geschichte* 1: 3–5.
- Saller, K. 1931. Die Bamberger Gärtner und ihre Beziehungen zu anderen Gruppen. *Bamberger Blätter für fränkische Kunst und Geschichte* 7: 25–27.
- Saller, K. 1931. Die Bamberger Gärtner und ihre Beziehungen zu anderen Gruppen. *Bamberger Blätter für fränkische Kunst und Geschichte* 11: 41–42.
- Schchepanskaya, T. B. 2010. *Sravnitel’naya etnografiya professiy: povsednevnyye praktiki i kul’turnyye kody. Rossiya, konets XX — nachalo XXI vv.* [Comparative Ethnography of Professions: Everyday Practices and Cultural Codes. Russia, late 20 — early 21 centuries]. Saint Petersburg: Nauka. 338 p.
- Schmidt, V. 1995. Slawen und Deutsche. Zur Eroberung, Besiedlung und Christianisierung Mecklenburgs im 11.–12. Jh. In *Ein Jahrtausend Mecklenburg und Vorpommern. Biographie einer*

- norddeutschen Region in Einzeldarstellungen*, ed. by K. Wolf und P. J. Rakow. Rostock: Hin storf. 85–112.
- Schulz, W. 1985. Wenden und Wendländer. In *Das Hannoversche Wendland. Beiträge zur Beschreibung des Landkreises Lüchow-Dannenberg*, ed. by W. Paasche. Lüchow: Landkreis Lüchow-Dannenberg. 123–125.
- Schuster, A. 1897–1898. Der Bamberger Gärtner in seiner Beschäftigung, Lebensweise, Sitte und Eigentümlichkeit, sowie seine mutmaßliche Abstammung. *Alt-Bamberg* 1: 228–281.
- Schütz, J. 1968. Ortsnamentypen und slawische Siedlungszeit in Nordostbayern. *Jahrbuch für Fränkische Landesforschung* 28: 309–321.
- Schwarz, E. 1963. Zum Problem der wendischen Flurnamen am Oberen Main. *Berichte des Historischen Vereins Bamberg* 99: 449–459.
- Schwebe, J. 1960. *Volksglaube und Volksbrauch im Hannoverschen Wendland*. Köln, Graz: Böhlau Verlag. 272 p.
- Viet, A. 1900. Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven. In *Archiv für Slavische Philologie*. Hg. Jagić V. Berlin. Bd. 22. fol. 6a. 116 p.
- Witte, H. 1905. *Wendische Bevölkerungsreste in Mecklenburg*. Stuttgart. 144 p.
- Wussmann, W. 2002. „*Ein Zwiebeltreter bin ich gern*“ Bamberg und seine Gärtner. Bamberg: Hüb scher Verlag. 160 p.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/248-261
 Научная статья

© T. C. Молодчикова

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ИНДЕЙЦА» И «ИНДЕЙСКОГО»
 В МЕКСИКАНСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
 ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

Национальный вопрос в постколониальных государствах представляет собой одну из центральных тем как политического, так и сугубо интеллектуального дискурса. Сложный этнический состав мексиканского общества шёл вразрез с политикой национальной унификации, проводимой мексиканским постреволюционным правительством. В настоящей статье рассматривается проблема «индейца» в работах мексиканских философов и антропологов начала — середины XX в., которые выработали основные подходы, характеризующие индейское население и его роль в построении мексиканского государства. В рамках методологии интеллектуальной истории, в частности анализа дискурсивных практик при определении «индейского» в мексиканском академическом поле, были выделены биологический (расовый), историко-культурный и психолингвистический подходы. Была прослежена трансформация представлений о месте индейца в обществе «нового типа» в работах ряда мексиканских авторов — A. Молины Энрикеса (теория расовой унификации), X. Васконселоса (теория биологической и культурной метисации), M. Гамио (индихинистский проект), A. Касо (интегралистский проект с сохранением некоторых элементов индейской идентичности). В результате проведенного исследования был сделан вывод о влиянии антропологического дискурса на государственную политику мексиканского государства по отношению к индейскому населению.

Ключевые слова: индейский вопрос, метисация, индихенизм, мексиканская антропология, Мексика, национальное государство

Ссылка при цитировании: Молодчикова Т. С. Определение «индейца» и «индейского» в мексиканском интеллектуальном пространстве первой половины XX в. // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 248–261.

Молодчикова Татьяна Сергеевна — к. и. н., научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, (Российская Федерация, 125047 Москва, Миусская пл., д. 6).
 Эл. почта: tatiana20emr@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5573-0217>

* Публикация подготовлена в Российском государственном гуманитарном университете в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект № 075–00870–23–00 «Историческая динамика традиционных культур в переходные эпохи: этносемиотические особенности перехода и механизмы передачи знаний».

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/248-261
 Original Article

© Tatiana Molodchikova

**DEFINITION OF “INDIAN” AND “INDIGENOUS”
 IN THE MEXICAN INTELLECTUAL SPACE
 OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

The national question in postcolonial societies is one of the central topics in both political and purely intellectual discourse. The complex ethnic composition of Mexican society was against post-revolutionary government policy of national unification. In this article are considered the problem of determining of the “Indian” in the works of Mexican philosophers and anthropologists in the early-to-mid twentieth century, and the main approaches to defining the indigenous population and its role in the construction of the new Mexican state. Within the methodology of intellectual history, particularly the analysis of discursive practices in defining the “Indian” in the Mexican intellectual field, 3 fundamental approaches were identified: biological (racial), historical-cultural, and psycholinguistic. The study was demonstrated the transformation of the representations and the functions of the Native population in the “new type” society, represented in the works of various Mexican authors — A. Molina Enríquez (theory of racial unification), J. Vasconcelos (theory of biological and cultural miscegenation), M. Gamio (indigenist project), A. Caso (integrative project with the preservation of certain elements of indigenous identity). As a result of this research, it was established the influence of anthropological discourse on the state policy of the Mexican government towards the indigenous population.

Keywords: Indigenous question, miscegenation, indigenism, Mexican anthropology, Mexico, nation-state

Autor Info: Molodchikova, Tatiana S. — Ph. D. in History, research scientist, Russian State University of Humanities (Russian Federation, Moscow). E-mail: tatiana20emr@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5573-0217>

For citation: Molodchikova, T. S. 2023. Definition of “Indian” and “Indigenous” in the Mexican intellectual space of the first half of the 20th Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 248–261.

Funding: The publication was supported by state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the Russian State University for the Humanities, project № 075–00870–23–00 “Historical dynamics of traditional cultures in transitional epochs: ethnosemiotic peculiarities of transition and knowledge transfer mechanisms”.

Введение

Определение «индейца» и «индейского» для мексиканской интеллектуальной среды является не просто дискурсивной или семантической проблемой. Этот вопрос на протяжении многих веков занимал умы историков, философов, социологов и антропологов как важнейшая составляющая проблемы взаимоотношения завоеванных и завоевателей в процессе непрекращающегося выстраивания единого национального пространства. Особым образом эта тема актуализируется в постреволюционной Мексике, в период построения общества «нового типа», в которое должно было быть интегрировано индейское население страны. Этническое разнообразие Мексики делало эту задачу гораздо более сложной, нежели в других странах, но в то же время способствовало развитию мексиканской гуманитарной мысли и появлению множества исторических, антропологических, социологических и философских исследований.

Для мексиканского интеллектуального пространства первой половины XX в. «индеец» — это особая этно-социальная категория, которая может быть понята только исходя из более широкого контекста, включающего в себя политические, экономические, культурные взаимосвязи. Изучение «индейской проблемы» составляет большую часть мексиканской индихенистской историографии периода 1930–1970-х гг. Ключевыми авторами этого направления являются Хулио де ла Фуэнте (*De la Fuente* 1947), Луис Вильоро (*Villoro* 1950), Хуан Комас (*Comas* 1953), Гонсало Агирре Бельтран (*Aguirre Beltrán* 1957), которые определяли мексиканских индейцев как жертвы исторических обстоятельств, нуждающихся в помощи извне. В качестве объясняющей модели этно-социального взаимодействия Г. Агирре Бельтран вводит в мексиканское академическое поле понятие «аккультурация», которая предполагает контакт различных культур, влекущего за собой изменение в одной или в обеих культурах (*Aguirre Beltrán* 1957: 14).

В последние десятилетия XX в. возникло так называемое «ревизионистское» направление в антропологии, критикующее патерналистский характер антропологической науки, объективизацию индейцев со стороны как государства, так и учёных-антропологов, а также их пассивную роль в государственной политике (*Warman, Bonfil, Nolasco* 1970). В настоящее время фокус исследований смещается на проблему индейских прав и индейской автономии в новых условиях мировой глобализации (*Krotz* 2002; *Castellanos Guerrero* 2003; *Krotz* 2009). В обзорной статье «Индейцы в мексиканской антропологии: концепции и репрезентации» мексиканская исследовательница Алисия Кастельянос анализирует историческую обусловленность определения «индейского» и его трансформацию в качестве инструмента государственной политики в Мексике (*Castellanos Guerrero* 2013). Похожую проблему решает Давид Робишу в своем исследовании о «неопределенных» идентичностях в Мексике и Латинской Америке и делает вывод о «де-индианизации» (*deindianización*) и насилии на насижении метисной идентичности как основной стратегии мексиканского государства (*Robichaux* 2007: 69).

В рамках настоящей статьи рассмотрен процесс трансформации идейного содержания понятия «индеец» в мексиканском интеллектуальном пространстве первой половины XX в.; предложена классификация подходов к определению «индейца» и «индейского»: биологический (расовый), историко-культурный и психолингви-

стический; определено место этих идей в процессе национального строительства в Мексике в постреволюционный период.

В качестве историографических источников были выбраны работы мексиканских авторов Андреса Молины Энрикеса (1868–1940) (*Molina Enríquez* 1983), Хосе Васконселоса (1882–1959) (*Vasconcelos* 1925, 1957, 1981, 1998, 2006), Мануэля Гамио (1883–1960) (*Gamio* 1916), Альфонсо Касо (1896–1970) (*Caso* 1948), в которых были консолидированы главные теоретические положения, касающиеся индейского и национального вопроса в Мексике в первой половине XX в.

Исследование выполнено в рамках методологии интеллектуальной истории, позволяющей проследить историческую трансформацию понятия «индейца» и «индейского» в мексиканском идейном поле. Теоретические основы для изучения политических и социальных процессов через дискурсивные практики были установлены французскими постструктураллистами, в частности эта проблема была поднята в работах М. Фуко. По мнению автора, дискурс следует понимать, как языковое выражение социальной практики, которая всегда выражает исторически и идеологически обусловленное мышление (Фуко 2004: 377). Другими словами, дискурс не только описывает мир, но и формирует его, что важно учитывать при исследовании процесса консолидации государственной политики по отношению к индейскому населению. При анализе моделей национального строительства в Мексике в первой половине XX в. также был использован сравнительный подход.

Биологический (расовый) подход к определению «индейца» и «индейского»

Начиная с середины XIX в. в мексиканском интеллектуальном пространстве возникает ряд так называемых «цивилизаторских проектов», направленных на разрешение острых социальных проблем, прежде всего, связанных с состоянием коренных народов. Мексиканский историк середины XIX в. Франсиско Пиментель (1832–1893) в своей работе «О причинах, вызвавших современную ситуацию индейской расы в Мексике, и средства её решения» (исп. *Memoria sobre las causas que han originado la situación actual de la raza indígena de México, y medios para remediarla*) отмечает воровство и пьянство как социальные пороки, свойственные «индейской расе» (*Pimentel* 1864: 203). Индеец, согласно Ф. Пиментелю, «имеет тяжёлый характер, он молчалив, меланхоличен, даже во время праздников и развлечений он флегматичен, холоден в своих страстиах и медлителен в работе» (*Pimentel* 1864: 213). Стилистика текста отличается большим числом генерализирующих утверждений, например, автор делает обобщение касательно внешности индейцев, заявляя, что все они практически неотличимы (*Pimentel* 1864: 216). По мнению мексиканского историка, именно индейское население представляло помеху для создания гомогенной мексиканской нации. В рамках этого либерально-просвещенческого дискурса признавалась историческая ценность индейских языков и культур прошлого, которые, однако, не получали места в современном цивилизованном пространстве будущего (*Nivón Bolán* 2022: 47), и должны были быть подвергнуты «трансформации» посредством политики европейской иммиграции и смешения рас (*Pimentel* 1864: 234). Самым известным примером подобной стратегии национального строительства является опыт Аргентины по «замене» коренных народов европейскими иммигрантами (*Щербакова* 2023: 168).

В период порфириата в Мексике (1876–1911) в рамках господствующей позитивистской теории и идеи прогресса окончательно утвердился биологический подход к определению индейцев, иными словами, расовые признаки аборигенного населения признавались доминирующими. Расовый вопрос поднимали в своих работах историки Франсиско Космес (*Cosmes* 1901) и Франсиско Бульнес (*Bulnes* 1899), которые представляли индейцев, как компонент общества, неспособный к прогрессу.

Под влиянием вышеперечисленных идей, в начале XX в. мексиканскими интеллектуалами была разработана теория биологической метисации, в основе которой лежали идеи эволюционизма и дарвинизма, согласно которым все социальные явления являются производными биологического развития. В результате, в качестве одной из центральных тем общественных наук в Мексике стала артикулироваться роль расового фактора в процессе конструирования наций. Главными теоретиками биологической метисации как единственного возможного способа построения национального государства был мексиканский социолог Андрес Молина Энрикес и философ и государственный деятель Хосе Ваконселос.

В своем главном теоретическом исследовании «Великие национальные проблемы», 1911 г. (исп. *Los grandes problemas nacionales*) А. Молина Энрикес дает определение и подробную характеристику всем группам мексиканского общества, или же в терминологии самого автора, «расам»: *индейской, европейской и метисной*. Важно отметить, что представители эволюционистского направления, к которому относился и А. Молина Энрикес, полагали, что расовые признаки (включающие как соматические, так и интеллектуальные и моральные характеристики) — это результат векового накопления идей и биологической адаптации, которые являются главным маркером уровня эволюционного развития (*Urías Horcasitas* 2001: 216).

Главной движущей силой развития и прогресса мексиканского общества, согласно схеме, представленной А. Молиной Энрикесом, является метисное население. Европейцы и индейцы, напротив, представляли собой упадок (*Molina Enríquez* 1983: 97). Первые составляли паразитирующее меньшинство, живущее за счет эксплуатации латифундий, а вторые, хотя и являлись численно самой большой социальной стратой, находились в более низком положении в результате многовекового угнетения и грабежа (*Molina Enríquez* 1983: 108).

В определенной степени автор «Великих национальных проблем» следует традиционному для историографии начала XX в. определению индейцев как: «эволюционно отсталых», «со сломленной волей», «пассивных», «лживых», «наполовину идолопоклонников» (*Molina Enríquez* 1983: 108). Однако, важным изменением в вопросе восприятия индейцев по сравнению с предыдущим периодом является переход от понятия «неполноценности» к понятию «неравенства» (*Urías Horcasitas* 2001: 241). А. Молина Энрикес выступает против отожествления неполноценности индейского населения и их расовой принадлежности. Автор предполагает, что в основе неравенства лежат не расовые, моральные и интеллектуальные признаки, а уровень эволюционного развития (*Molina Enríquez* 1983: 192).

А. Молина Энрикес уделяет большое внимание антропологическим характеристикам индейцев и приходит к выводу, что для этих народов характерно древнее происхождение и так называемая «расовая сила» (то есть прохождение длительного эволюционного и селективного процесса) (*Molina Enríquez* 1983: 342), а также высокая степень адаптации к национальной территории (*Molina Enríquez* 1983: 341).

Таким образом, модель национального строительства, предложенная А. Молиной Энрикесом, основывалась на отказе от идеи предшественников «обелить страну» за счет привлечения иностранных иммигрантов, вместо этого предлагалась модель унификации общества путем метисации. Метис как наследник лучших черт индейцев и европейцев должен был стать главным протагонистом мексиканской истории и человеком «нового типа». Идея метисации определила главные черты теории национального строительства в первой трети XX в. в Мексике, и получила свое философское обоснование в трудах знаменитого мексиканского педагога и интеллектуала — Хосе Ваконселоса.

Индийский вопрос поднимался Х. Ваконселосом в ряде работ, прежде всего, необходимо отметить «Космическую расу», 1925 (исп. *La Raza Cósmica*), в которой автор детально изучает проблему нации и национальности на иberoамериканском континенте, а также «Индологию», 1926 (исп. *Indología*), являющуюся сборником публичных лекций Х. Ваконселоса в Университете Пуэрто-Рико. Будущее латиноамериканской цивилизации Х. Ваконселос видел в создании так называемой «пятой расы», состоящей из крови и генов всех народов, а также в формировании нового типа человека, «бесконечно превосходящего всех, ранее существовавших» (*Vasconcelos* 1925: 30). Тем не менее, в основе этого смешения лежал испанский или «латинский» компонент». «Несмотря на то, что наши культурные заимствования могут быть очень обширными, остается факт того, что мы являемся кастильцами и латинцами по своему темпераменту и менталитету, даже если не являемся таковыми по крови», — писал мексиканский философ (*Vasconcelos* 1926: 30). Х. Ваконселос опасался чрезмерного восхищения индейским прошлым, которое могло привести, по его мнению, к исчезновению испанского наследия на латиноамериканской земле и свести весь мексиканский народ к уровню техасских «*rochos*», отрезанных от национальной культуры (*González Salinas* 2016: 314). В самых разных текстах и выступлениях Х. Ваконселос крайне пренебрежительно отзывался о индейцах, как в настоящем, так и в прошлом, и, сравнивая индейскую и христианскую цивилизацию, пришел к выводу, что «на наших землях не существовало никаких элементов, которые могли бы соперничать, и тем более превосходить христианскую цивилизацию. Ни на что не годная техника и наивность наших индейских мифов не вызывали у завоевателей даже простого любопытства» (*Vasconcelos* 1981: 152), а также добавлял, что «единственное их наследие — это дикость и жестокость» (*Vasconcelos* 1957: 887). Примечательно, что при этом мексиканский философ в своих выступлениях в Чикагском университете особым образом подчеркивал разницу между североамериканскими индейцами и индейцами Латинской Америки: «наши индейцы тогда не были примитивны, как были краснокожие индейцы (имея в виду аборигенное население Северной Америки, курсив мой — Т. М.), это были души, испытанные веками, знавшие победы и поражения, жизнь и смерть и все перипетии истории» (*Vasconcelos* 2006: 85). Можно предположить, что такая ярко выраженная «испанофilia» Х. Ваконселоса была своеобразным противовесом североамериканской модели национального строительства, основанной на изоляции индейского населения и создании индейских резерваций, которые он неоднократно подвергал резкой критике (*Vasconcelos* 1998: 62). Х. Ваконселос полагал, что проблема не в эволюционной отсталости индейского населения, а в том, что разные народы изначально предрасположены к разному виду деятельности (*Vasconcelos* 2006: 95). Индейское

население, впрочем, как и метисное, представляло для Х. Вакконселоса объективную реальность, и в этом смысле трудно согласится с мнением некоторых исследователей относительно утопичного характера его философии (González Salinas 2016: 316, Handelman 2014: 38). Помимо чисто интеллектуальной деятельности и создания основ мексиканской философии, следует напомнить, что Х. Вакконселос занимал высокие государственные посты в постреволюционной Мексике, в частности, руководил Министерством народного образования, что давало ему пространство для практической реализации своих философских идей. Х. Вакконселос был убежден, что именно образование, культура и искусство, и, что еще более важно, равный доступ к ним всех слоев населения, являются необходимым условием построения латиноамериканской цивилизации. Масштабная образовательная реформа 1920-х гг. в Мексике ставила своей целью включение индейского населения в национальное пространство страны (Молодчикова 2017), что, с одной стороны, предполагало полное отрицание индейского наследия, а с другой стороны, было ключевым элементом культурной революции, направленной на реализацию задач модернизации (Ерикова 2019: 56), а также построения общества «нового типа», основанного на принципах рациональности и свободы.

Выдвижение на передний план историко-культурного контекста при определении индейцев и индейского связан с развитием в Мексике антропологической науки и антропологических исследований. Под влиянием идей американского учёного Франца Боаса (1858–1942) в Мексике возникает направление культурной антропологии, представители которого, в отличие от физических антропологов, перестали напрямую ассоциировать конкретную расу с определенным уровнем развития культуры, продемонстрировав, что культура определяется не биологическим, а историческим фактором, который в совокупности с географией, образованием и социальным окружением обеспечивает культурную вариативность (Boas 2008: 27). Идеи Ф. Боаса составили теоретическую основу работ Мануэля Гамио, «отца мексиканской антропологии» и родоначальника так называемой «индихенистской школы» в мексиканской историографии (Reynoso 2013).

Наиболее подробное теоретическое обоснование своих идей М. Гамио изложил в работе 1916 г. «Выковывая родину» (исп. *Forjando patria*). Проблематика работы строится вокруг проблемы национального строительства в Мексике, неотделимой частью которой был индейский вопрос. Следуя линии исторического детерминизма в антропологии современное состояние индейцев М. Гамио объясняет не их врожденными интеллектуальными способностями, а рядом внешних обстоятельств: историческим прошлым, географией, системой образования и т. д. (Gamio 1916: 38). Моральная ответственность за положение индейского населения, по мнению мексиканского антрополога, лежит на европейцах, так как именно испанская Конкиста прервала естественное развитие аборигенных народов и создало условия для их культурной стагнации (Gamio 1916: 13).

Характеризуя аборигенное население как умных и жизнеспособных, прекрасно приспособленных к окружающей среде, но в то же время скромных, боязливых, нецелеустремленных и раболепных (Gamio 1916: 38), М. Гамио задаёт тон и направление всей дальнейшей индихенистской политике в Мексике, а именно, восприятие индейцев как жертв исторических обстоятельств, которым необходима помочь извне. «Бедная и страдающая раса!» — пишет М. Гамио (Gamio 1916: 32),

не имеющая достаточных знаний к свершению революции и освобождению самих себя (Gamio 1916: 169).

Противоречие в системе взглядов М. Гамио, заявляющего о недопустимости расовых предрассудков по отношению к индейскому населению, и тут же на соседней странице своей работы указывающего на эволюционную отсталость индейцев как минимум на 400 лет (Gamio 1916: 170), отмечают многие исследователи. Тем не менее, важная черта, которая отличает концепцию М. Гамио, заключается в выборе критерия, применяемого для оценки тех или иных культурных и социальных особенностей коренного населения. Этот оценочный критерий был связан не с расовой принадлежностью или интеллектуальными способностями индейского населения, а с практической пользой для современного мира, материального и интеллектуального благосостояния (Gamio 1916: 172). Исходя из этого мексиканский антрополог предлагает сформулировать политику, которая улучшила бы условия жизни индейского населения. Первым шагом на пути к этой цели должно было стать интегральное изучение всех этнических групп в Мексике. Эта простая на первый взгляд идея — изучить, чтобы лучше понять — положила начало масштабному проекту по исследованию населения долины Теотиуакана (Gamio 1979), а также созданию в 1942 г. Интерамериканского индихенистского института, основной целью которого была трансформация материальной культуры и образа жизни индейцев (Castillo Ramírez 2021: 2). С этого момента мексиканская антропологическая наука обрела прикладной характер, а мексиканские антропологи, по мнению некоторых исследователей, начали выступать в роли государственных агентов (Александренков 2006: 11) и посредниками между государством и индейскими общинами.

Психолингвистический подход к определению индейского

Можно предположить, что пересмотр предыдущих подходов к definición индейского как раз был связан с практическим, прикладным характером антропологических исследований в Мексике: было необходимо чётко определить объект государственной политики и выработать адекватные инструменты для его интеграции в национальное пространство. Начиная со второй половины 1920-х гг. мексиканское государство в рамках своей социокультурной политики расширяет понятие «индейской проблемы» до «сельской», в связи с тем, что многие черты,ственные индейским общинам (неграмотность, отсутствие гигиены, алкоголизм, религиозный фанатизм и т. д.) являлись общей характеристикой мексиканской деревни (Calderón 2018: 33).

В 1948 г. мексиканский антрополог Альфонсо Касо представил статью «Определение индейца и индейского» (исп. *Definición del indio y de lo indio*), в которой подверг критике определение «индейского» через его индивидуальные расовые черты. А. Касо замечает, что выделение индейского компонента, как в биологическом, так и в культурном измерении, после 400 лет, прошедших с момента европейского завоевания, невозможно: «Метисация в странах Латинской Америки приобрела такой широкий и глубокий размах, что делает невозможным сказать, имеет ли персона индейские черты и можно ли классифицировать его как индейца» (Caso 1948: 243). Единственный объективно существующий критерий, который отличает индейское от не индейского населения — это язык. Действительно, пишет А. Касо, человеку

свойственно выражаться именно на языке той группы, к которой по его собственному мнению он принадлежит. Если человек говорит только на индейском языке, можно с уверенностью сказать, что он является индейцем (Caso 1948: 245). Но в таком случае, к какой этнической группе причислить тех, кто говорит сразу на нескольких языках и является билингвом или трилингвом? А. Касо предлагает использовать гораздо более универсальный психологический подход к определению индейского и впервые говорит о необходимости самоидентификации: главным критерием является осознание принадлежности человека к индейской общности и полное принятие всех её культурных проявлений (Caso 1948: 247). Мексиканский антрополог связывал индейскую идентичность с общиной, интегральное развитие которой являлось целью прикладной антропологии.

Вместе с тем, рассуждая над национальным вопросом, А. Касо не оставлял за индейским населением никакой роли в построении будущей мексиканской нации, предупреждая читателя, что индейские общины обречены на исчезновение: «Железные дороги, шоссе, радио, кинематограф, медленно, но уверенно будут разрушать элементы индейской культуры, которая будет интегрироваться в культурное пространство нашей страны» (Caso 1948: 246).

Как объясняет сам автор, решение «индейской проблемы» требует комплексного и научно обоснованного подхода, а интеграция индейских общин в единое национальное пространство должно сопровождаться модернизацией общины, то есть её «мексиканизацией». Это означало трансформацию так называемых «негативных» аспектов индейской культуры (таких как религиозные предрассудки, отсутствие гигиены, архаичные способы ведения сельского хозяйства), и сохранение «положительных» (чувство общности и взаимопомощи, народное искусство и фольклор) (Brokmann 2013: 669). Эта модель «трансформации сверху» на долгие десятилетия станет главной стратегией индихенистской политики в Мексике.

Заключение

Актуализация «индейского вопроса» в постреволюционной Мексике являлась следствием необходимости качественных и тотальных преобразований в стране, а именно, построения единой мексиканской нации. Для решения этой задачи было важно составить четкое представление о всех этносоциальных группах, проживающих на территории страны, и определить их роль в постреволюционном мексиканском государстве.

А. Молина Энрикес стал одним из первых исследователей, который провел комплексный анализ национального вопроса в Мексике. Он разработал организистскую концепцию развития мексиканского общества, в основе которой лежала господствующая в то время теория эволюционизма. А. Молина Энрикес представил попытку научного обоснования национальной гомогенности и биологической метисации как непременных условий для последующего эволюционного развития страны. Эволюционное отставание индейского населения последователи теории метисации призывали решать либо путем привлечения белых иммигрантов (Ф. Пиментель), либо посредством расовой и духовной унификации (А. Молина Энрикес), либо при помощи распространения всеобщего образования (Х. Васконселос).

Другой взгляд на проблему индейца и индейского предложили представители мексиканского индихенистского направления, которые обозначили четкую связь между уровнем развития индейского населения и культурно-историческим контекстом. В частности, М. Гамио настаивал на учете множества факторов при характеристике индейского населения (биологических, исторических, культурных, этнических), что требовало от антропологов тщательного изучения коренного населения. Проект национального строительства, представленный индихенистами, был направлен на интеграцию индейского населения, и предполагал, с одной стороны, улучшение материальных условий и среды обитания, а с другой стороны, полное искоренение многих культурных черт, считающихся «негативными».

Именно это противоречие, свойственное индихенистской политике, носившей патерналистский характер по отношению к индейскому населению, заставило в 1970-е гг. часть мексиканского академического сообщества поставить вопрос: является ли в принципе корректным искать определения индейца и индейского и есть ли это задача антрополога?

В своей статье 1972 г. известный мексиканский антрополог Гильермо Бонфил выдвигает тезис о том, что *индеец* — это придуманная аналитическая категория, то есть характеризует не столько социальную или этническую группу, сколько особенные взаимоотношения между ними и другими секторами глобальной общественной системы, которая сложилась в колониальный период (Bonfil 1972: 115). Автор заявляет, что в целом некорректно говорить о едином значении для понятия *индеец* до прибытия испанцев (так как на американском континенте существовало множество разных этнических и языковых общностей и идентичностей, сильно отличающихся друг от друга). «Индеец, — делает вывод Г. Бонфил, — не существует сам по себе, а только как часть противоречивой дилеммы, преодоление которой — освобождение колонизированного — означает исчезновение самого индейца» (Bonfil 1972: 122).

Вместе с идеями индихенизма в состоянии кризиса оказывается и сама идея государства-нации, модель гомогенного общества, которая доминировала в Мексике, начиная с момента обретения независимости (Villoro 2000: 35), а ей на смену в конце XX–начале XXI в. приходит идея государства культурного и этнического плюрализма и разнообразия, уважающего право индейского населения на самоопределение и активное участие во всех сферах жизни общества.

Источники и материалы

- Boas 2008 — Boas F. Textos de antropología. Madrid: Editorial Centro de Estudios Ramón Areces, 2008. 224 p.
- Bulnes 1899 — Bulnes F. El porvenir de las naciones latinoamericanas ante las recientes conquistas de Europa y Norteamérica. Estructura y evolución de un continente. México: Imprenta de Mariano Naya, 1899. 282 p.
- Cosmes 1901 — Cosmes F. Historia general de Méjico continuación á la de Don Niceto de Zamacois: parte contemporánea, los últimos 33 años por Don Francisco G. Cosmes. Barcelona, México: J. F. Párrés y compañía, 1901. 895 p.
- Gamio 1916 — Gamio M. Forjando patria. México: Ediciones Porrúa, 1916. 323 p.
- Caso 1948 — Caso A. Definición del indio y de lo indio // América Indígena. 1948. Vol. VIII. № 4. P. 239–248.
- Gamio 1979 — Gamio M. La población del Valle de Teotihuacán: en 4 T. México: INI, 1979. 1448 p.

- Molina Enríquez* 1983 — *Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. México: Ediciones Era, 1983. 523 p.
- Pimentel* 1864 — *Pimentel F.* Memoria sobre las causas que han originado la situación actual de la raza indígena de México, y medios para remediarla. México: Impr. de Andrade y Escalante, 1864. 241 p.
- Vasconcelos* 1925 — *Vasconcelos J.* La Raza Cósmica. Misión de la raza iberoamericana. Notas de viajes a la América del Sur. Madrid: Agencia Mundial de Librería, 1925. 296 p.
- Vasconcelos* 1957 — *Vasconcelos J.* La tormenta // Obras completas. México: Libreros Mexicanos Unidos, 1957. P. 723–1215.
- Vasconcelos* 1981 — *Vasconcelos J.* Antología de textos sobre educación México. Introd. y selec. de Alicia Molina. México: Secretaría de Educación Pública. Fondo de Cultura Económica, 1981. 306 p.
- Vasconcelos* 1998 — *Vasconcelos J.* El desastre. México: Trillas, 1998. 553 p.
- Vasconcelos* 2006 — *Vasconcelos J.* El evangelio del mestizo // Istor. 2006. № 25. P. 80–98. http://www.istor.cide.edu/archivos/num_25/textos.pdf (Accessed 18.04.2023)

Научная литература

- Александренков Э. Г. Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2006. № 188. Москва: РАН. 31 с.
- Еришова Г. Г. Феномен культурной революции: к постановке проблемы // Стены и мосты VII. Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает? / Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 24–25 мая 2018 года. / сост. Е. А. Долгова. М: РГГУ, 2019. С. 56–73.
- Молодчикова Т. С. Х. Васконселос и проблема индейского образования в послереволюционной Мексике // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 3. С. 41–46.
- Фуко М. Археология знания. / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
- Щербакова А. Д. Секьюритизация этнополитического конфликта в Аргентине // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 162–180. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/162-180>
- Aguirre Beltrán G.* El Proceso de Aculturación y el cambio socio-cultural en México. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1957. 238 p. https://www.academia.edu/11700470/Aguirre_Beltran_Gonzalo_1957_El_Proceso_de_Aculturacion
- Bonfil Batalla G.* El concepto de indio en América: una categoría de la situación colonial // Anales de Antropología. 1972. Vol. 9. P. 105–124. <https://www.revistas.unam.mx/index.php/antropologia/article/view/23077>
- Brokmann C. Alfonso Caso, el indigenismo y la política cultural // Los abogados y la formación del estado mexicano / Oscar Cruz Barney, Hector Fix-Fierro, Elisa Speckman Guerra (coord.). México: Instituto de Investigaciones Jurídicas, UNAM, 2013. P. 645–674. <https://repositorio.unam.mx/contenidos/5012060>
- Castellanos Guerrero A.* (coord.) Imágenes del racismo en México México D. F.: Plaza y Valdés, 2003. 360 p.
- Castellanos Guerrero A.* Indígenas en la antropología mexicana: conceptos y representaciones // En el volcán. 2013. № 24. P. 11–23. <http://www.enelvolcan.com/ago2013/276-indigenas-en-la-antropologia-mexicana-conceptos-y-representaciones>

- Castillo Ramírez G.* Las representaciones de los grupos indígenas y el concepto de nación en Forjando Patria de Manuel Gamio // Cuicuilco. 2013. № 56. P. 11–34. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=35128956002>
- Comas J.* Ensayos sobre indigenismo: Prólogo de Manuel Gamio. México: Instituto indigenista interamericano, 1953. 272 p. <https://ia803406.us.archive.org/35/items/ensayossobreindi00coma/ensayossobreindi00coma.pdf>
- De la Fuente J.* Definición, pase y desaparición del indio en México // América indígena. 1947. Vol. 7. № 3. P. 63–69.
- González Salinas O. F.* La utopía de forjar una sola raza para la nación. Mestizaje, indigenismo e hispanofilia en el México posrevolucionario // Historia y memoria. 2016. № 13. P. 301–330. DOI: <http://dx.doi.org/10.19053/20275137.5207>
- Handelsman M.* Visiones del mestizaje en Indología de José Vasconcelos y Atahuallpa de Benjamín Carrión // De Atahuallpa a Cuauhtémoc: los nacionalismos culturales de Benjamín Carrión y José Vasconcelos. Quito: Museo de la Ciudad, Pittsburgh: Universidad de Pittsburgh, 2014. P. 31–57.
- Krotz E.* (ed.) Antropología jurídica: perspectivas socioculturales en el estudio de derecho. Barcelona: Anthropos, 2002. 332 p.
- Krotz E.* La nación ante los derechos de sus pueblos indígenas: sobre cultura y relaciones interculturales desde una perspectiva antropológica // Estudios sobre las culturas contemporáneas. 2009. № 30. P. 11–27. <https://www.redalyc.org/pdf/316/31612027002.pdf>
- Nivón Bolán A.* El proyecto civilizatorio de Francisco Pimentel (1832–1893) // Debates por la Historia. 2022. № 1. P. 39–64. <https://doi.org/10.54167/debates-por-la-historia.v10i1.871>
- Reynoso Jaime I.* Manuel Gamio y las bases de la política indigenista en México // Andamios. 2013. Vol.10. № 22. P. 333–335. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=62828837016>
- Robichaux D.* Identidades indefinidas: entre “indio” y “mestizo” en México y América Latina // Amérique latine histoire et mémoire. 2007. № 13. P. 37–77. <https://doi.org/10.4000/alhim.1753>
- Urías Horcasitas B.* De la inferioridad a la desigualdad: el estudio etnológico de las razas en la Sociedad Indianista Mexicana (1910–1914) // México: historia y alteridad. Perspectivas multidisciplinarias sobre la cuestión indígena, Yael Bitrán (coord.). México: Universidad Iberoamericana, 2001. P. 213–241.
- Villoro L.* ¿El fin del indigenismo? // Estado del desarrollo económico y social de los pueblos indígenas de México, 1996–1997. Tomo I. México: Instituto Nacional Indigenista-Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo, 2000. P. 35–37.
- Villoro L.* Los grandes momentos del indigenismo en México. México: Colegio de México, 1950. 248 p. <https://www.cervantesvirtual.com/obra/los-grandes-momentos-del-indigenismo-en-mexico-924622/>
- Warman A., Nolasco Armas M., Bonfil G., Olivera de Vazquez M. and Valencia E. De eso que llaman antropología mexicana. México: Nuestro Tiempo, 1970. 153 p.

References

- Aguirre Beltrán, G. 1957. *El Proceso de Aculturación y el cambio socio-cultural en México*. México: Universidad Nacional Autónoma de México. 238 p. https://www.academia.edu/11700470/Aguirre_Beltran_Gonzalo_1957_El_Proceso_de_Aculturacion
- Aleksandrenkov, E. G. 2006. Indikhenizm v Latinskoi Amerike (politika i nauka o korennnykh obita-teliakh) [Indigenism in Latin America (politics and science of indigenous inhabitants)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 188: 31.

- Bonfil Batalla, G. 1972. El concepto de indio en América: una categoría de la situación colonial. *Analés de Antropología*. 9: 105–124. <https://www.revistas.unam.mx/index.php/antropologia/article/view/23077>
- Brokmann, C. 2013. Alfonso Caso, el indigenismo y la política cultural. In *Los abogados y la formación del estado mexicano*, ed. by Oscar Cruz Barney, Hector Fix-Fierro, Elisa Speckman Guerra. México: Instituto de Investigaciones Jurídicas, UNAM. 645–674. <https://repositorio.unam.mx/contenidos/5012060>
- Castellanos Guerrero, A. (ed.). 2003. *Imágenes del racismo en México*. México D. F.: Plaza y Valdés. 360 p.
- Castellanos Guerrero, A. 2013. Indígenas en la antropología mexicana: conceptos y representaciones. *En el volcán* 24: 11–23.
- Castillo Ramírez, G. 2013. Las representaciones de los grupos indígenas y el concepto de nación en Forjando Patria de Manuel Gamio. *Cuiculco* 56: 11–34. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=35128956002>
- Comas, J. 1953. *Ensayos sobre indigenismo: Prólogo de Manuel Gamio*. México: Instituto indigenista interamericano. 272 p. <https://ia803406.us.archive.org/35/items/ensayossobreindi00coma/ensayossobreindi00coma.pdf>
- De la Fuente, J. 1947. Definición, pase y desaparición del indio en México. *América indígena* 7 (3): 63–69.
- Ershova, G. G. 2019. Fenomen kulturnoy revolutsii: k postanovke problemy. [The Phenomenon of the Cultural Revolution: to Statement of the Problem]. In *Steny y mosty VII. Mezhdistsiplinarnost': chto ot istorika trebuet, chto daet i chego lishaet?* [Walls and Bridges VII. Interdisciplinarity: what is required of a historian, what gives and what deprives?] Collection of articles of the International Scientific Conference, ed. by E. A. Dolgova. Moscow: RGGU. 56–73.
- Foucault, M. *Arkheologiya znanii*. [The Archaeology of Knowledge], trad. by M. B. Rakova, A. Iu. Serebriannikova. St. Petersburg: "Gumanitarnaia Akademii"; Universitetskaia kniga. 416 p.
- González Salinas, O. F. 2016. La utopía de forjar una sola raza para la nación. Mestizaje, indigenismo e hispanofilia en el México posrevolucionario. *Historia y memoria* 13: 301–330. <http://dx.doi.org/10.19053/20275137.5207>
- Handelsman, M. 2014. Visiones del mestizaje en Indología de José Vasconcelos y Atahualpa de Benjamín Carrión. In *De Atahualpa a Cuauhtémoc: los nacionalismos culturales de Benjamín Carrión y José Vasconcelos*, ed. by Grijalva J. y Handelsman M. Quito: Museo de la Ciudad, Pittsburgh: Universidad de Pittsburgh. 31–57.
- Krotz, E. (ed.) 2002. *Antropología jurídica: perspectivas socioculturales en el estudio de derecho*. Barcelona: Anthropos. 332 p.
- Krotz, E. 2009. La nación ante los derechos de sus pueblos indígenas: sobre cultura y relaciones interculturales desde una perspectiva antropológica. *Estudios sobre las culturas contemporáneas* 30: 11–27. <https://www.redalyc.org/pdf/316/31612027002.pdf>
- Molodchikova, T. S. 2017. J. Vasconcelos i problema indeiskogo obrazovaniia v poslerevoliutsionnoi Meksike [J. Vasconcelos and the Problem of Indigenous Education in Post-revolutionary Mexico]. *Vestnik RGGU. Politologiya. Istoriiia. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* 3: 41–46.
- Nivón Bolán, A. 2022. El proyecto civilizatorio de Francisco Pimentel (1832–1893). *Debates por la Historia* 1: 39–64. <https://doi.org/10.54167/debates-por-la-historia.v10i1.871>
- Reynoso Jaime, I. 2013. Manuel Gamio y las bases de la política indigenista en México. *Andamios* 10 (22): 333–335. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=62828837016>

- Robichaux, D. 2007. Identidades indefinidas: entre “indio” y “mestizo” en México y América Latina. *Amérique latine histoire et mémoire* 13: 37–77. <https://doi.org/10.4000/ahim.1753>
- Shcherbakova, A. D. 2023. Sek'uiritizatsiia etnopoliticheskogo konflikta v Argentine. [Securitization of Ethno-Political Conflict in Argentina]. *Vestnik Antropologii* 1: 162–180. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/162-180>
- Urías Horcasitas, B. 2001. De la inferioridad a la desigualdad: el estudio etnológico de las razas en la Sociedad Indianista Mexicana (1910–1914). In *México: historia y alteridad. Perspectivas multidisciplinarias sobre la cuestión indígena*, ed. by Y. Bitrán Goren. México: Universidad Iberoamericana. 213–241.
- Villoro, L. 2000. ¿El fin del indigenismo? In *Estado del desarrollo económico y social de los pueblos indígenas de México, 1996–1997. Tomo I*. México: Instituto Nacional Indigenista-Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo. 35–37.
- Villoro, L. 1950. *Los grandes momentos del indigenismo en México*. México: Colegio de México. 248 p. <https://www.cervantesvirtual.com/obra/los-grandes-momentos-del-indigenismo-en-mexico-924622>
- Warman, A., M. Nolasco Armas, G. Bonfil, M. Olivera de Vazquez and E. Valencia 1970. *De eso que llaman antropología mexicana*. México: Nuestro Tiempo. 153 p.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/262-269
 Научная статья

© Г. А. Снедков

МАСКУЛИННЫЕ ОБРАЗЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСЛАНДСКОЙ НАЦИИ В XXI ВЕКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Зародившись в середине XIX в., исландский национализм претерпел за полтора столетия некоторые изменения, однако доминантные маскулинные образы всегда оставались его составной частью, и в этом смысле современный этап — не исключение. Начало 2000-х гг. было отмечено резким экономическим ростом и последующей финансовой экспанссией Исландии, на фоне которых особую популярность приобрели «бизнес-викинги» — банкиры и предприниматели, ответственные за этот успех. После экономического кризиса 2008–2009 гг. образ «бизнес-викинга» на какое-то время перестал быть актуальным, а распространение получили идеи об особенности исландцев, являющихся наследниками «Золотого века» (времени демократии альтина и независимости Исландии). Эти идеи также дополнились мифом об «исключительном» антикризисном менеджменте. Тем не менее, вопреки тяжелейшей рецессии, Исландии удалось поддержать и даже укрепить свой международный престиж, основывающийся теперь на идее о том, что эта страна является «колыбелью демократии». Если раньше (2000-е) главным национальным символом был «бизнес-викинг», а Исландия воображалась страной лучших финансистов, то после кризиса стали подчеркиваться устойчивость к катаклизмам и «природные» (унаследованные от предков «Золотого века») сила и живучесть исландцев. То есть, если рассуждать в терминах Д. Пуар и К. Слутмэйкера, в дискурсе произошел переход от гетеро- к гомо-национализму.

Ключевые слова: Исландия, маскулинность, образы, нация, конструктивизм, историография

Ссылка при цитировании: Снедков Г. А. Маскулинные образы и конструирование исландской нации в XXI веке: историографический анализ // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 262–269.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/262-269
 Original article

© Gennadii Snedkov

MASCULINE IMAGES AND CONSTRUCTION OF ICELANDIC NATION IN THE 21ST CENTURY: HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS

Originating in the middle of the 19th century, Icelandic nationalism has undergone certain changes over the course of a century and a half, but dominant masculine images have always remained its integral part, and in this sense, the modern stage is no exception. Early 2000s were marked by an intense economic development and the subsequent financial expansion of Iceland, against which “business-Vikings” — bankers and entrepreneurs responsible for this success — gained particular popularity. After the economic crisis of 2008–2009 the image of a “business-Viking” lost its relevance for some time, while ideas about exclusivity of Icelanders, considered to be the heirs to the “Golden Age” of Althing democracy and independence, were spreading. These ideas were supplemented by the myth of “exceptional” anti-crisis management. Nevertheless, despite a severe recession, Iceland managed to maintain and even strengthen its international prestige, which now rests upon the idea that this country is the “cradle of democracy”. If earlier (2000s) the main national symbol was the “business-Viking”, and Iceland was imagined as a country of the best financiers, then after the crisis, the emphasis moved to the resistance to cataclysms and “natural” (inherited from the ancestors of the “Golden Age”) strength and vitality of the Icelanders. Or, in terms of J. K. Puar and K. Slootmaeckers, there has been a transition from hetero- to homo-nationalism in the discourse.

Keywords: Iceland, masculinity, images, nation, constructivism, historiography

Author Info: Snedkov, Gennadii A. — Ph. D. student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: jgus@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7797-4271>

For citation: Snedkov, G. A. 2023. Masculine Images and Construction of Icelandic Nation in the 21st Century: Historiographical Analysis. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 262–269.

Введение

Начало исландского национализма можно отсчитывать с середины XIX в. Тогда основными атрибутами, вокруг которых формировался национальный дискурс, были средневековые саги и уникальный исландский язык. Носителями этой идеи были поэты, политики и интеллектуалы (Halfdanarson 1995; Loftsdóttir 2015: 7).

В 1900–1930 гг. национализм в Исландии претерпел некоторые изменения: укрепились два ключевых мифа, которые развились из вышеупомянутых атрибутов.

¹ Снедков Геннадий Алексеевич — аспирант, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32-А). Эл. почта: jgus@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7797-4271>

Первый — миф о нации как некой метафизической сущности — живом организме, нации-личности, которая выражает «единий» интерес и мнение всех исландцев, объединенных общим языком. Второй — миф о «Золотом веке»¹, когда жили отважные и сильные герои, персонажи саг, бьющиеся за родную землю, за собственные семьи, честь и славу (*Kjartansdóttir* 2011: 463–464). В этих мифах несложно увидеть корни образов, олицетворяющих традиционные представления о маскулинности, — прежде всего образа викинга, ведь именно с ним ассоциируется время независимости и силы, именно он является одним из важнейших национальных символов.

Идея «Золотого века» указывает на весь драматизм, с которым исландское население (прежде всего элита) смотрело на утрату самостоятельности и всю свою историю под норвежским и датским владычествами. Исландский национальный дискурс буквально пропитан идеей борьбы за самостоятельное существование. Даже после обретения независимости в 1944 г. страх потерять добытую с таким трудом свободу стал одним из важнейших социально-политических факторов в Исландии, который влиял на восприятие таких конфликтов и вопросов как «Тресковые войны» с Великобританией или членство в Евросоюзе. Исландия искала признания своего суверенитета и своих претензий на равноправное партнерство в Европе (*Bergmann* 2009: 211; *Bergmann* 2014b: 33, 36, 48–49). Было необычайно важно продемонстрировать себя с лучшей стороны — показать, что этот остров и населяющие его люди не просто являются частью европейской цивилизации, но и вносят в эту цивилизацию весомый вклад (*Loftsdóttir* 2015: 8–9). Данный феномен вполне может быть описан как колониальная травма (Бергманн называет это «пост-колониальной политической идентичностью» (*Bergmann* 2014b: 48), которая до сих пор довлеет над общественным сознанием и позволяет укрепиться тем или иным идеям (в том числе — касающимся маскулинных паттернов).

Национализм и маскулинность

Гендер обладает глобальным измерением и важен в международном контексте, в котором, словами Д. Кёстера, «нации часто представляются в качестве антропоморфных, обладающих человеческими характеристиками, и могут являться действующими лицами в повествовании историков или политологов». В то же время гендер имеет значение и для внутренней политики государства (*Koester* 1995: 573): например, с точки зрения контроля за нормами сексуальности в том или ином обществе, формирования у людей тех или иных представлений о маскулинности — гендерных идентичностей, которые в свою очередь уже могут быть использованы в конструировании идентичностей национальных.

В одной из своих работ К. Лофтсдоухтир доказывает, что идейное поле вокруг экономической экспансии Исландии в начале 2000-х гг. находилось под сильным влиянием националистических символов, которые содержат мощный гендерный компонент и отражают озабоченность исландской элиты и общества в целом своим положением на международной арене. Исследовательница также связывает эту озабоченность с колониальным прошлым и настороженным отношением к бывшей метрополии, Дании (*Loftsdóttir* 2015: 4, 13). Иллюстрацией к этому служит образ «бизнес-викинга».

¹ То есть период с 930 г. н. э. (основание альтинга) до утраты самостоятельности в 1262–1264 гг. и перехода под власть норвежского суверена — эпоха народовластия.

Этот образ и сама идея экономического бума опирались на представления времен обретения независимости об исключительности исландцев, унаследовавших лучшие качества первопоселенцев эпохи викингов и закалившихся в суровом климате родного края (*Loftsdóttir* 2015: 12). Выставляя в авангард традиционно-маскулинные модели, Исландия несет мощный посыл в международное пространство (прежде всего обращенный к Евросоюзу), пытаясь утвердиться в роли если не лидера, то одного из ведущих игроков.

Если использовать теоретические парадигмы Д. Пуар (*Puar* 2007) и К. Слутмэкерса (*Slootmaekers* 2019), которые предложили говорить о гомо- и гетеро-национализмах в зависимости от доминирования в общественном сознании более или менее инклюзивных гендерных моделей, то описанное выше явление можно назвать гетеро-национализмом, так как рупором национального самосознания становится явно гегемонная риторика, а агрессивный маскулинный образ служит инструментом выделения (обособления) «своих» и исключения «чужих», не обладающих желаемыми качествами идеала.

К. Лофтсдоухтир также проанализировала создание национального имиджа (nation branding) Исландии в посткризисный период и пришла к выводу, что идеи об особенностях исландцев, наследующих «Золотому веку», дополнились мифом об «исключительных» мерах, принятых для борьбы с тяжелейшим социально-экономическим и политическим кризисом 2008–2009 гг., и удачном антикризисном менеджменте — мифом, который был подхвачен и растиражирован многими зарубежными СМИ (*Loftsdóttir* 2018: 1–2). Правительство Исландии и крупнейшие финансовые организации видели свою главную задачу в восстановлении национального имиджа в Европе и США. Поэтому основные национальные мифы были дополнены регулярными акциями, укрепляющими в медийном пространстве позитивный образ Исландии, которая делает все правильно и хорошо (doing it right), а также подчеркивающими экзотичность страны (самость, изолированность) и ее приверженность «демократическим» (европейским) ценностям.

Вопреки тяжелейшему кризису Исландии удалось поддержать и даже укрепить свой международный престиж, основывающийся теперь на идеи о том, что эта страна является «колыбелью демократии». Ключевой сдвиг К. Лофтсдоухтир видит в смене предмета превосходства: если раньше (2000-е) главным национальным символом был «бизнес-викинг», а Исландия воображалась страной лучших банкиров и финансистов, то после финансового кризиса стали подчеркиваться устойчивость к катаклизмам и «природные» (унаследованные от предков «Золотого века») сила и живучесть исландцев (*Loftsdóttir* 2018: 15–16).

Подобного рода постколониальный анализ производит и Э. Бергман. Он разделяет мнение о том, что исландский исторический миф («Золотой век») был создан для того, чтобы воспитать культурно-политическую идентичность, которая основывалась бы на факте формальной независимости и желании быть признанными, равноправными членами Западного сообщества. Исследователь также отмечает, что исландское политическое пространство пропитано националистическим дискурсом, а сам этот дискурс, в свою очередь, явился ключевым фактором, подстегнувшим развитие образа викинга и «викингоподобной» (Viking-like) экспансии исландских бизнесменов в Западной Европе. Кроме того, Э. Бергман обращает внимание на то, что Исландия не является членом Евросоюза, хотя состоит во всех его экономиче-

ских объединениях и соблюдает общеевропейское законодательство. Причину этого исследователь находит в том же постколониальном контексте, о котором говорилось выше (*Bergmann* 2014a: 12–13), так как существует бессознательный страх перед утратой (теперь скорее культурной, а не политической) независимости.

Переломный момент в формировании современной национальной идентичности исландцев Э. Бергман видит в кризисе рубежа 2000–2010-х гг. Идея национальной экспансии, основанная на мифе об особом «капитализме викингов», потерпела со-крушильное поражение, и общество стало подыскивать новую опору (*Bergmann* 2014a: 13–14). Исландия сумела достаточно быстро оправиться от экономических и политических проблем¹. На смену образу «бизнес-викинга» пришли идеи о самой демократической и толерантной нации (что было связано с прогрессивным гендерным и семейным законодательством), которая может справиться даже с самыми тяжелыми социально-экономическими катаклизмами. Но главное — то, что Исландия и исландцы уникальны и превосходят остальных (или хотя бы не уступают им): эта идея остается актуальной и после кризиса.

То есть, если оперировать понятиями К. Слутмэйкера, на смену гетеро-национализму постепенно приходит гомо-национализм как более инклюзивная и универсальная форма. Впрочем, само ядро национальной идеи не претерпевает существенных изменений.

А. Гремауд в одной из своих работ обратилась к проблеме национального символизма. Она утверждает, что образ викингов относится к «семантической памяти» коллектива — то есть к такой памяти, объекты которой способны менять свое значение в зависимости от социокультурного контекста. Исследовательница считает, что «викинги» являются культурной эмблемой («эмблемой коллективной идентичности»), которая соединяет индивида («простого» исландца) с «культурным коллективом» и обеспечивает национальное единство. По мнению А. Гремауд, образ викинга, вписанный в идею «Золотого века», является сильнейшим индикатором «своего» (hetero-image) — прежде всего в (пост)колониальном контексте (*Gremaud* 2010: 90–92).

Исследовательница связывает образ викинга с дискурсом власти и доминирования и считает, что основания для популярности «бизнес-викингов» и идеи экспансии нужно искать во взаимоотношениях Исландии с ее могущественными соседями — прежде всего с Данией и Великобританией — взаимоотношениях, которые определялись конфронтацией и зависимым положением Исландии. В целом А. Гремауд соглашается с К. Лофтсдоухтиром и Бергманом в том, что, несмотря на значительные метаморфозы, образ викинга остается важнейшим национальным символом и так или иначе его используют практически все — от консерваторов до социалистов (*Gremaud* 2010: 96, 99).

С другого ракурса смотрит на проблему К. Кьяртансдоухтири. Чтобы ответить на вопрос о том, почему исландский национальный дискурс так изобилует исключающими (в гендерном и социальном плане) символами, мифами и образами, она анализирует индустрию туризма в Исландии (*Kjartansdóttir* 2011: 476). Корень национального страха утраты самости и культурной идентичности она видит в глобализации, одним из проявлений которой является увеличение туристического по-

¹ Хотя, подобно К. Лофтсдоухтиру, Э. Бергман призывает проводить границу между реальным и воображаемым восстановлением исландской экономики после кризиса 2008–2009 гг.

тока и распространения массовой культуры и влияния ТНК (McDonaldization and Disneyfication). В то же время, исследовательница соглашается со словами Б. Андерсона о том, что нации не должны отождествляться с тем, как они себя воображают. К. Кьяртансдоухтири указывает на то, что, несмотря на осознание картинности некоторых проявлений своей идентичности, «рядовые» исландцы не задумываясь подтверждают свое родство и тождество с «теми самыми викингами», а сама тема викингов по-прежнему остается ключевым элементом национального дискурса (*Kjartansdóttir* 2011: 476–477). Есть основания считать, что этот гегемонный образ не исчез и в посткризисное время, а просто отошел на второй (более глубинный?) план.

В этой связи интересными представляются результаты совместного исследования В. Йоухансдоухтири и Т. Эйнарсдоухтири (*Jóhannsdóttir, Einarsdóttir* 2015). Проанализировав статистические данные «Global Media Monitoring Project» (GMMP)¹, они заметили, что в Исландии в 2015 г. на каждые пять интервью новостным программам, лишь одно было с участием женщины-эксперта. Количество новостей про женщин также было существенно ниже, чем в других скандинавских странах (и, что важнее, чем в самой Исландии еще в 2010 г.), несмотря на то что количество женщин-журналистов в целом значительно возросло (*Jóhannsdóttir, Einarsdóttir* 2015: 206, 224–225).

Эти данные еще раз подтверждают предположение о витальности гегемонных моделей маскулинности и их востребованности в Исландии.

Дуализм исландского национального дискурса

Как видно из представленного обзора, большинство исследователей сходятся в оценке 1) образа викинга и его влияния на национальную идеологию Исландии, 2) пост-колониального контекста, в котором находится исландская идентичность и 3) того факта, что кризис 2008–2009 гг. изменил способы воображения исландской нации. Тем не менее в оценках этих явлений имеются некоторые различия.

Современный исландский национализм (как и многие другие национализмы) это глубоко противоречивая, дуалистичная конструкция. С одной стороны, у людей есть представление о том, что они являются потомками сильных и независимых первоосновенцев, которые бросили вызов правителям континентальной Скандинавии и даже самой природе. С другой стороны, эти представления наталкиваются на травму колониализма — пусть и не такого брутального, как во многих других странах (азиатских, африканских или южноамериканских). Поэтому общество хочет подчеркнуть свою независимость, самость, силу — что достигается в том числе с помощью мощных маскулинных образов² — например, викингов (гетеро-национализм).

Иной способ продемонстрировать превосходство собственной группы — это сфокусироваться на более инклюзивных маскулинных моделях: показать, что «наша нация» потому сильна, что исповедует новые ценности, является рупором и двигателем общественного прогресса. Например, обратить внимание на социальное законодательство в сфере гендерного равноправия или на тот факт, что президентом

¹ Крупнейшее и самое длительное исследование гендерной составляющей в работе СМИ по всему миру.

² Образов, которые транслируются в медийном пространстве через артистов, спортсменов, блогеров и т. п.

государства может стать гомосексуальная женщина: это тоже метод подчеркнуть «исключительность» и «превосходство» собственного народа и государства (гомо-национализм).

Таким образом, нация конструируется («воображается») по меньшей мере двумя способами, и её окончательный образ не сформировался, а может быть, никогда не будет сформирован. Причину этого я вижу в функциональности и удобстве такого «незавершенного» состояния: попеременно используя в различных ситуациях то один, то другой миф или применяя их одновременно, можно формировать внутри государства один образ, на международной арене другой, а в мировом культурном пространстве третий.

Сначала общество принимает и восхваляет «бизнес-викингов» (и вместе с ними идею гегемонности и доминирования), потом — ниспровергает и порицает их. Но сама идея все-таки остается, ведь маскулинный дискурс (или лучше сказать — дискурс гегемонии) и национализм как элемент государственной идеологии и общественного сознания остаются в повестке, реактуализируясь в кризисные моменты.

Научная литература

- Bergmann E. *Iceland and the International Financial Crisis: Boom, Boost and Recovery*. New York, 2014. 211 p.
- Bergmann E. Sense of Sovereignty: How National Sentiments Have Influenced Iceland's European Policy // *Stjórnmál og stjórnsýsla veftímarit (fraðigreinar)*. 2009. Vol. 2. № 5. P. 203–223. https://www.academia.edu/5908869/Iceland_and_the_International_Financial_Crisis_Boom_Bust_and_Recovery
- Bergmann E. Iceland: Post-imperial Sovereignty Project // *Cooperation and Conflict*. 2014. Vol. 49. № 1. P. 33–54. <https://doi.org/10.1177/0010836713514152>
- Gremaud A.-S.N. The Vikings are coming! A Modern Icelandic Self-image in the Light of the Economic Crisis // *Nordeuropa forum* 20. 2010. Vol. 1. № 2. P. 87–106. https://www.researchgate.net/publication/49617312_The_Vikings_are_coming
- Halfdanarson G. Social Distinctions and National Unity: on Politics of Nationalism in Nineteenth-century Iceland // *History of European Ideas*. 1995. Vol. 21. № 6. P. 763–779. <https://rafladan.is/bitstream/handle/10802/11862/Social%20distinctions>
- Jóhannsdóttir V., Einarsdóttir T. Gender Bias in the Media: The Case of Iceland // *Icelandic Review of Politics and Administration*. 2015. Vol. 11. № 2. P. 207–230 <https://doi.org/10.13177/irpa.a.2015.11.2.5>
- Kjartansdóttir K. The New Viking Wave: Cultural Heritage and Capitalism // *Iceland and Images of the North*, ed. by Sumarliði Ísliefsson. Quebec: Presses de l'Université du Québec, 2011. P. 461–480. <https://doi.org/10.2307/j.ctv18pgjb2.22>
- Koester D. Gender Ideology and Nationalism in the Culture and Politics of Iceland // *American Ethnologist*. 1995, August. Vol. 22. № 3. P. 55–63. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.3.02a00060>
- Loftsdóttir K. Finding a place in the world: Political Subjectivities and the Imagination of Iceland after the Economic Crash // *Focaal — Journal of Global and Historical Anthropology*. 2018. № 80. P. 63–76. <https://doi.org/10.3167/fcl.2018.800105>
- Loftsdóttir K. Vikings Invade Present-Day Iceland // *Gambling Debt: Iceland's Rise and Fall in the Global Economy*. Colorado: University press of Colorado, 2015. P. 3–14. <https://upcolorado.com/excerpts/9781607323358.pdf>
- Puar J. K. *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*. Durham: Duke University Press. 2007. 336 p. https://static1.squarespace.com/static/550a1c94e4b0545b6579edde/t/5ad37225aa4a99046700bd88/1523806764097/Terrorist_Assemblages

Slootmaeckers K. Nationalism as Competing Masculinities: Homophobia as a Technology of Othering for Hetero- and Homonationalism // *Theory and Society*. 2019. № 48. <https://doi.org/10.1007/s11186-019-09346-4>

References

- Bergmann, E. 2014. *Iceland and the International Financial Crisis: Boom, Boost and Recovery*. New York. 211 p. https://www.academia.edu/5908869/Iceland_and_the_International_Financial_Crisis_Boom_Bust_and_Recovery
- Bergmann, E. 2014. Sense of Sovereignty: How National Sentiments Have Influenced Iceland's European Policy. *Stjórnmál og stjórnsýsla veftímarit (fraðigreinar)* [Politics and Administration Web Magazine (Discipline)] 2(5): 203–223. http://www.ipa.is/article/view/a.2009.5.2.1/pdf_146
- Bergmann, E. 2014. Iceland: Post-imperial Sovereignty Project. *Cooperation and Conflict* 49(1): 33–54. <https://doi.org/10.1177/0010836713514152>
- Gremaud, A.-S. N. 2010. The Vikings are coming! A Modern Icelandic Self-image in the Light of the Economic Crisis. *Nordeuropa forum* 20(1–2): 87–106. https://www.researchgate.net/publication/49617312_The_Vikings_are_coming
- Halfdanarson, G. 1995. Social Distinctions and National Unity: on Politics of Nationalism in Nineteenth-century Iceland. *History of European Ideas* 21(6): 763–779. <https://rafladan.is/bitstream/handle/10802/11862/Social%20distinctions>
- Jóhannsdóttir, V. and T. Einarsdóttir. 2015. Gender Bias in the Media: The Case of Iceland, *Icelandic Review of Politics and Administration* 11(2): 207–230. <https://doi.org/10.13177/irpa.a.2015.11.2.5>
- Kjartansdóttir, K. 2011. The New Viking Wave: Cultural Heritage and Capitalism. In *Iceland and Images of the North*, ed. by Sumarliði Ísliefsson. Quebec: Presses de l'Université du Québec. 461–480. <https://doi.org/10.2307/j.ctv18pgjb2.22>
- Koester, D. 1995. Gender Ideology and Nationalism in the Culture and Politics of Iceland. *American Ethnologist* 22(3): 55–63. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.3.02a00060>
- Loftsdóttir, K. 2018. Finding a place in the world: Political Subjectivities and the Imagination of Iceland after the Economic Crash. *Focaal — Journal of Global and Historical Anthropology* 80: 63–76. <https://doi.org/10.3167/fcl.2018.800105>
- Loftsdóttir, K. 2015. Vikings Invade Present-Day Iceland. In *Gambling Debt: Iceland's Rise and Fall in the Global Economy*. Colorado: University press of Colorado. 3–14. <https://upcolorado.com/excerpts/9781607323358.pdf>
- Puar, J. K. 2007. *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*. Durham: Duke University Press. 336 p. https://static1.squarespace.com/static/550a1c94e4b0545b6579edde/t/5ad37225aa4a99046700bd88/1523806764097/Terrorist_Assemblages
- Slootmaeckers, K. 2019. Nationalism as Competing Masculinities: Homophobia as a Technology of Othering for Hetero- and Homonationalism. *Theory and Society* 48: 239–265. <https://doi.org/10.1007/s11186-019-09346-4>

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/270-287
 Научная статья

© E. N. Квилинкова

РОССИЙСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ ВЕКТОРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГАГАУЗИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ ГАГАУЗОВ

В статье рассматриваются прикладываемые Гагаузской автономией усилия по реализации своей стратегической политики и выбор ее внешних союзников. Отмечается, что политика гагаузского руководства основана на стратегии балансирования между двумя векторами — Россией (исторический союзник) и Турцией (естественный союзник). Анализируются выстраиваемые Гагаузией приоритеты сотрудничества. Автор рассматривает их в связи с особенностями культурно-цивилизационных ориентиров гагаузов, а также через призму результатов турецкого влияния на национальную идентичность гагаузов. Констатируется, что гагаузы жизненно заинтересованы в сохранении Республики Молдова суверенитета, так как он во многом является гарантом существования их автономного образования — Гагауз Ери. Подчеркивается, что только в рамках автономии гагаузы могут развиваться как отдельный этнос и сохранять свою эксклюзивность — тюркскость и православие. Делается вывод о том, что сложившиеся в регионе социально-экономические условия и политическая обстановка заставляют Гагаузию проводить двувекторную внешнюю политику.

Ключевые слова: стратегия, внешняя политика, культурно-цивилизационные ориентиры, Гагаузия, Молдова, Россия, Турция

Ссылка при цитировании: Квилинкова Е. Н. Российский и турецкий векторы стратегической политики Гагаузии в контексте культурно-цивилизационных ориентиров гагаузов // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 270–287.

Квилинкова Елизавета Николаевна — д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Национальная академия наук Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2). Эл. почта: civilincova@mail.ru
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/270-287
 Original Article

© Elizaveta Kvilinekova

RUSSIAN AND TURKISH VECTORS OF THE STRATEGIC POLICY OF GAGAUZIA IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL ORIENTATIONS

The article examines the efforts made by the Gagauz autonomy to implement its strategic policy and its choice of external allies. The policy of the Gagauz authorities is based on a strategy of balancing between two vectors — Russia (historical ally) and Turkey (natural ally). The article analyzes the priorities of cooperation developed by Gagauzia. The author examines them in connection with the cultural and civilizational orientations of the Gagauz, and through the prism of the Turkish influence on the Gagauz national identity. The Gagauz people are vitally interested in the preservation of the Republic of Moldova's sovereignty, as it guarantees the existence of their autonomous entity — Gagauz Yeri. Only within the autonomy the Gagauz can develop as a separate ethnic group and maintain their exclusivity manifested through Turkic identity and Orthodox religion. It is concluded that the social and economic conditions and political situation in the region forces Gagauzia to pursue a two-vector foreign policy.

Keywords: strategy, foreign policy, cultural and civilizational landmarks, Gagauzia, Moldova, Russia, Turkey

Author Info: Kvilinekova, Elizaveta N. — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, National Academy of Sciences of Belarus (Republic of Belarus, Minsk). E-mail: civilincova@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

For Citation: Kvilinekova, E. N. 2023. Russian and Turkish Vectors of the Strategic Policy of Gagauzia in the Context of Cultural and Civilizational Orientations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 270–287.

О диалоге между Кишиневом и Комратом в связи с вопросом о компромиссе, доверии и достигнутых результатах

Национальная безопасность государства в немалой степени зависит от межэтнического согласия и консолидации гражданского общества, способности их к успешной мобилизации для сохранения своей государственности. Республика Молдова — полигэтническое государство, особенностью которого является длительное проживание и компактное расселение на этой территории этнических меньшинств. Несмотря на 30-летний период независимости, ей не только не удалось сформировать единой национальной / гражданской идентичности, но и не удалось обеспечить функциональность и привлекательность для Приднестровья гагаузской автономии, что могло бы стать одной из ключевых предпосылок для реинтеграции страны.

В начале 90-х гг. XX в. гагаузы Молдовы прошли этап признания своего права на самоопределение. Борьба за автономию явилась результатом «оборонного» типа этнической мобилизации. Это была ответная реакция этнической группы на ущемление ее политических прав и социально-культурных интересов. В начальный период становления государственности большая поддержка Гагаузии была оказана Россией, а затем и Турцией. В декабре 1994 г. было создано автономно-территориальное образование Гагауз Ери в составе Республики Молдова. Тем самым народ Гагаузии продемонстрировал свою готовность интегрироваться в общественно-политическое пространство Молдовы.

Так, после четырех лет противостояния, в течение которых Гагаузия де-юре считалась непризнанной республикой, но фактически являлась независимым государством, парламентом Молдовы был принят закон «Об особом правовом статусе Гагаузии», который наделял ее статусом автономии. Данное решение являлось компромиссным между Кишиневом и Комратом: Гагаузия соглашалась на статус автономии, в связи с чем правительству и парламенту Молдовы было предписано в шестимесячный срок привести законодательную базу республики в соответствие с законом о Гагаузской автономии. Однако этого не было сделано. В результате большая часть законодательства страны до сих пор не учитывает, что в составе Молдовы есть автономия с особыми правами и полномочиями.

Кратко остановимся на том, с чем до настоящего времени не согласна Гагаузия и на ее требованиях (Глава Гагаузии 2015; Шоларь 2017):

1. Гагаузия выступает за создание в системе административного деления Молдовы третьего уровня — регионального, так как закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» низводит автономию до уровня обычного района, уравнивая их в правах. Пока же в пределах своей автономии власти не могут решать вопросы территориального устройства: они не вправе изменять категории населенных пунктов, границы своих районов и сел, а также их названия, в том числе не могут переименовывать их. Гагаузия настаивает на том, чтобы эти и другие вопросы относились к компетенции Народного собрания Гагаузии (НСГ).

2. Гагаузия выступает за внесение поправок в Закон о местном публичном управлении, согласно которому порядок организации и функционирования органов местного публичного управления особого уровня регулируется этим законом в той части, которая не противоречит нормам Закона «Об особом правовом статусе Гагаузии».

3. Автономия имеет неопределенное место в структуре органов публичного управления Молдовы, поскольку нет четкого механизма разделения полномочий между центральными органами власти Молдовы и руководством Гагаузии. Это касается порядка назначения и субординации высших должностных лиц в правоохранительных и силовых структурах, внешнеэкономической деятельности, распределении публичных финансов и иностранной помощи.

4. Автономия настаивает на адекватной представленности в парламенте Республики Молдова, которая должна учитывать пропорциональную численность населения. Разрешение данного вопроса Гагаузия видит в обеспечении квоты в парламенте страны (не менее пяти депутатов) при введении смешанной избирательной системы в Молдове, а также в признании права «вето» по вопросам, касающимся ее интересов. Данная мера рассматривается как один из действенных политических инструментов защиты автономией своих интересов.

5. У Гагаузии, являющейся автономным образованием, должно быть право на участие в формировании внутренней и внешней политики Молдовы в вопросах, касающихся интересов автономии. При назначении судей, прокуроров, ответственных работников полиции и специальных служб, функционирующих на ее территории, мнение властей Гагаузии должно быть определяющим.

6. Гагаузия обращает внимание молдавского правительства на то, что изучение гагаузского языка в образовательных учреждениях *Гагауз Ери* должно финансироваться на должном уровне из центрального компонента бюджета Республики Молдова.

7. Принципиальным для автономии является вопрос о внесении поправки в закон «Об особом правовом статусе Гагаузии», согласно которой любое изменение этого закона возможно только по согласованию с Народным собранием Гагаузии. Это позволит обеспечить незыблемость статуса Гагаузии и исключить возможность самовольного вмешательства в закон об автономии. Кроме того, Гагаузия выступает за внесение более глубоких изменений в законодательство, в том числе за закрепление статуса автономии в статье 111 Конституции Республики Молдова.

8. Национальное собрание Гагаузии вынесло на рассмотрение и обсуждение проект изменений в Конституцию Республики Молдова с целью законодательного закрепления не только статуса автономии, но и права гагаузов на самоопределение, а также расширения полномочий Национального собрания в части принятия местных законов. Право на самоопределение подразумевает возможность выхода Гагаузии из состава Молдовы в случае, если страна утратит свой суверенитет, например, в случае объединения с Румынией.

Очевидно, что большинство противоречий и законодательных конфликтов в отношениях Комрата и Кишинева происходят потому, что статус Гагаузии не имеет должного конституционного закрепления. Решение вопроса, по мнению властей автономии, лежит в двух плоскостях: приданье закону «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» статуса конституционного или специального органического закона; закрепление основных полномочий Гагаузии в конституции Республики Молдова.

Возникающие проблемы и давление со стороны Кишинева, игнорирование интересов автономии и нерешенность вопроса о ее статусе является постоянным источником обострения отношений между ними. Гагаузские политики обвиняют центральные власти в ущемлении прав автономии, а Кишинев видит в требованиях Комрата противоречие государственному устройству Молдовы, построенному по принципу унитаризма, и рассматривает действия Гагаузии как проявления сепаратизма. «По мнению молдавской оппозиции, принятие „гагаузских законов“ грозит федерализацией, что угрожает национальной безопасности страны» (Молдавская оппозиция 2020).

Вот уже более четверти века по этим и другим направлениям ведутся переговоры, работают парламентские комиссии, разрабатываются законопроекты по определению статуса Гагаузии и внесению изменений в законодательство Республики Молдова. Но до настоящего времени все усилия так и не дали реального результата. «Вряд ли можно надеяться на успех диалога, преследующего цель установления доверия, если в переговорном процессе будут принимать участие политики и эксперты, по каким-либо мотивам не готовые идти на компромисс и на внимательное отношение к интересам сторон. <...> Продолжающееся недоверие между Кишиневом и Комратом требует проведения большой организационной работы...» (Губог-

ло 2014). Может быть и не со всеми требованиями автономии можно согласиться (Права Гагаузии 2015), однако продолжающаяся полная неопределенность вызывает у Гагаузии не только беспокойство и тревогу. Она видит в этом угрозу для существования как автономии, так и самого гагаузского этноса.

Последовательный курс центральных властей по урезанию полномочий автономии (Гагаузский правозащитник 2006), «дрейф» в сторону Румынии и угроза поглощения ею Молдовы вынуждает Гагаузию искать собственные пути с целью защитить свой статус и свои права.

Гагаузское руководство оказалось перед необходимостью определения собственных векторов стратегической политики или выбора пути для сохранения автономии. Учитывая сложившиеся условия, это возможно при помощи двух демократических способов: поддержание у населения состояния этнической мобилизации и гражданской активности, а также поиск внешних союзников в лице крупных государств, могущих выступить в качестве стран-гарантов. Таковыми являются Россия и Турция.

У гагаузов отношение к России и к русским особое — это давний и надежный союзник, а также братский по вере народ. Для Гагаузии Россия — исторический союзник. Благодаря заботе российских императоров гагаузам (как и другим задунайским переселенцам, бежавшим с Балкан в результате русско-турецких войн) предоставили в Бессарабской губернии земельные наделы в наследственное пользование. Эта земля стала их Родиной. Свою благодарность и преданность России они пронесли через века. Можно сказать, что она у них на генном уровне, в крови. Более двух веков гагаузы находятся в культурном и ментальном пространстве Российской империи и СССР, в рамках которых были созданы условия для развития этноса (официального его признания, издания книг на гагаузском языке, утверждение гагаузской письменности и др.) и этнической мобилизации. Исторические условия способствовали формированию у гагаузов *российской культурно-цивилизационной идентичности*, основанной на русской культуре, языке и на восточно-православных традициях. В результате происходивших в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. этнополитических процессов была образована гагаузская этно-территориальная автономия.

Вместе с тем *турецкая идентичность* всегда сохраняла для гагаузов особую значимость, так как язык оказывает существенное влияние не только на культуру и менталитет. Известно, что, наряду с другими компонентами культуры, язык является одним из важных этнодифференцирующих признаков, выступает в качестве значимого маркера этнической идентичности. Именно он дает возможность человеку отождествлять себя как члена своей этнической группы и одновременно позволяет идентифицировать другого как чужого, как не принадлежащего к его собственной группе. В активизации этнического самосознания бессарабских гагаузов значительную роль сыграл именно язык. В результате произошедших в конце XIX — начале XX вв. в данной области процессов гагаузов перестали идентифицировать как «болгары, говорящие на турецком языке». Официально утвердился этоним «гагаузы» и глоттоним «гагаузский язык».

Мощную помощь в вопросе признания в 1994 г. гагаузской автономии оказала Турция и непосредственно ее Президент — Сулейман Демирель. *Турция для Гагаузии — это важный и естественный союзник*. С ней гагаузов связывает языковая общность и тюркское происхождение (по одной из наиболее распространенных гипотез). Предложенная Турцией помощь «братьскому тюркскому народу» по реализации соци-

ально и экономически значимых проектов является в Гагаузии чрезвычайно востребованной. Кроме того, сохранение и развитие гагаузского языка во многом связано с включением гагаузов в тюркский мир, чему также активно способствует Турция.

Целью данной статьи является анализ прикладываемых Гагаузией усилий по реализации своей внешней политики, основанной на стратегии балансирования между двумя векторами — Россией и Турцией. Выбор союзников и выстраиваемые Гагаузией приоритеты сотрудничества рассматриваются нами в связи с особенностями культурно-цивилизационных ориентиров гагаузов, а также результатов турецкого влияния на их этническую идентичность.

О двувекторной политике Гагаузии в связи с этнокультурными особенностями и культурно-цивилизационными ориентирами гагаузов

Как отмечалось выше, прикладываемые Гагаузией усилия по поиску стратегических партнеров и взаимодействию со странами-гарантами объясняются желанием сохранить свою автономию ввиду отсутствия действенного диалога с руководством Молдовы о статусе автономии и угрозой объединения с Румынией. В связи с этим в 2013 г. башкан Гагаузии М. М. Формузал констатировал, что «сложившаяся в Республике Молдова ситуация и наличие государственных институтов в автономии не являются достаточным условием сохранения и национального развития малочисленного народа» (Глава Гагаузии 2013).

Разработанная в Гагаузии концепция по сохранению этнической идентичности гагаузского народа представляет собой систему принципов, целей и задач, направленных на создание условий для поддержания и развития самобытности, культуры и языка гагаузов, проживающих как в АТО Гагаузия (*Гагауз Ери*) Республики Молдова, так и за ее пределами. Одним из элементов гарантии сохранения гагаузов в будущем, по мнению руководства автономии, является развитие отношений с уже определившимися государствами-союзниками Турцией и Россией (Глава Гагаузии 2013).

Сложность реализации Гагаузией своих внешних стратегических интересов объясняется не только тем, что гагаузы — это малочисленный этнос с признанной автономией, но урезанными ее правами, у которого вот уже несколько десятилетий конструктивный диалог с титульной нацией не выстраивается. Причина в том, что их культурно-цивилизационные ориентиры (туркоязычные и православные) и сложившаяся политическая реальность «диктует» гагаузам проведение внешней двувекторной политики, в которой странами-гарантами существования автономии (и гагаузского народа в целом) выступают два государства — Россия и Турция, принципиально различающиеся не только по культурно-цивилизационному типу, но и по геополитическим интересам в этом регионе. Несмотря на то, что в настоящее время прикладываемые Россией и Турцией усилия по поддержке автономии существенно различаются, тем не менее факторы и степень тяготения к этим двум полюсам принципиально различные.

С признанием автономии процесс этноязыковой и этнокультурной самоидентификации приобрел у гагаузов свою специфику. С одной стороны, это связано с их этнокультурными особенностями (Квиликова 2007; 2013; 2016): гагаузы — это народ, сформировавшийся под влиянием нескольких цивилизационных миров. Они относят себя одновременно и к тюркской общности, и к славянско-православному миру,

но при этом глубинной составляющей их культурно-исторической памяти является балканская идентичность. С другой стороны, опора на страны-гаранты — Россию и Турцию, которые имеют в этом регионе свои геополитические интересы, актуализировала для Гагаузии выбор в своей внешней политике стратегии балансирования.

Выбор данной стратегии обусловлен существующей реальностью: гагаузы — малочисленный народ, компактно проживающий в южной части Республики Молдова и являющийся «составной частью Тюркского и Славянского миров». Ввиду того, что в ходе происходивших этноисторических процессов гагаузы оказались разбросанными по разным странам мира, они, по убеждению М. М. Формузала, на протяжении веков «проводили линию по самосохранению и развитию путем так называемых „малых шагов“» (Глава Гагаузии 2013).

Выступая в Турции на I конгрессе по международной безопасности и стратегии, организованном при Стамбульском университете «Айдын», башкан Гагаузии обозначил вопрос, актуальный для всех малочисленных этносов, в том числе для гагаузов. Очерчивая проблему геополитических интересов малых народов в глобальном и региональном контексте, он отметил: чтобы сохраниться на карте мира в современный период не только ведущим державам, но и малым народам необходимо определить для себя круг геополитических интересов и стратегических партнеров. Далее М. М. Формузал подчеркнул, что ежегодно в мире исчезает по несколько десятков народностей и этнических групп, а с ними умирают языки, культуры, традиции и обычаи. В связи с этим он заключил: «Главной стратегической целью всех малых народов должно быть противодействие этим ассимиляционным процессам, а также построение мирного диалога с титульной нацией или конструктивное партнерское взаимодействие со странами гарантаами (крупными державами, которые оказывают помощь и поддержку малым народам)» (Глава Гагаузии 2013).

В области внешнего сотрудничества Гагаузия придерживается следующего правила: «Мы не ищем врагов, мы ищем друзей» (Единая Гагаузия 2014). В данной сфере автономии удалось наладить связи с рядом тюркских республик — Казахстаном, Татарстаном, Туркменистаном, Кыргызстаном, а также с Беларусью, Украиной, Венгрией, Болгарией.

При определении своей внешней стратегической политики гагаузская автономия ориентируется на «равновесное сотрудничество с Турцией и Россией», что, по убеждению ее руководства, будет способствовать сохранению стабильности в черноморском регионе. Гагаузия позиционирует себя как площадку для взаимодействия между Россией и Турцией, выступая за славяно-туркское единство (Гагаузия 2022). Несомненно, Гагаузия и в будущем заинтересована в таком сотрудничестве, поскольку оно обеспечивало бы автономии надежное развитие и учитывало бы особенности этнокультурной специфики гагаузов. Однако, как показывает практика, взаимодействия между Россией и Турцией относительно вопроса по дальнейшему развитию Гагаузии не происходит, так как у каждой из этих великих держав в данном регионе свои геополитические интересы. Турки рассматривают Гагаузию как островок тюркского мира, благодаря которому можно заявить о своем присутствии в данной части Европы, а также как мост, связывающий Турцию и Молдову (Единая Гагаузия 2014), а Россия — как русскоязычный регион Молдовы, выступающий за Таможенный / Евразийский союз и против вступления Молдовы в НАТО.

Можно констатировать, что в настоящее время взоры гагаузов обращены и к России, и к Турции. В своей внешней политике Гагаузия стремится придерживаться двувекторной направленности. Ее главными стратегическими союзниками по-прежнему являются Россия и Турция. Миротворческую миссию этих двух государств гагаузы помнят и ценят, рассматривая их как страны-гаранты существования самой автономии и гагаузского этноса в целом. При этом руководство автономии использует любые возможности для того, чтобы заручиться поддержкой и других стран — в основном тюркоязычных. Так, например, Азербайджан рассматривается Гагаузией в качестве «запасного» или дополнительного союзника (Единая Гагаузия 2014).

Что касается Турции, то она оказывает автономии мощную поддержку. Ею в Гагаузии реализуется много значительных социальных и экономических проектов, которые у населения автономии на виду. Турецкой стороной или при ее участии построены детские сады, отремонтированы школы и дома культуры (более 10), а также больница в Вулканештах. При поддержке официальной Анкары и муниципалитетов Турции в автономии построен ряд зданий: Центр скорой помощи и Дом творчества для детей (в Комрате); Дом для престарелых (в Чадыр-Лунге); в столице Гагаузии активно идет строительство крупного спортивного комплекса с крытым стадионом стоимостью в 10 млн. евро; в с. Конгаз открыт молдо-турецкий лицей, в котором бесплатно обучаются гагаузские дети; общественное телевидение Гагаузской автономии в дар от турецкого телеканала TRT получило современное дорогостоящее оборудование и т. д. (Казуистика цифр 2018; Влах 2018). В качестве политической поддержки автономии со стороны Турции в настоящее время можно считать открытие в 2020 г. в Комрате турецкого консульства. Посильную помощь Гагаузии оказывают многие страны и регионы тюркского мира: Татарстан, Туркменистан и др.

Все теснее сближаясь с Турцией и другими тюркскими государствами, руководство автономии одновременно поддерживает и российское направление, то есть пытается сохранять двувекторную политику. Свое отношение к России и российской культурно-цивилизационной идентичности гагаузы ярко продемонстрировали в ходе референдума 2 февраля 2014 г. На нем 98,47% его участников проголосовали за вступление в Таможенный союз и 98,09% — за то, чтобы Гагаузия автоматически стала независимым государством в случае утраты Молдавской суверенитета (Единая Гагаузия 2014). Референдум является наглядным отражением отношения гагаузов к России. Его результаты следует рассматривать как одну из форм коллективной памяти и как показатель значимости для гагаузов российской культурно-цивилизационной идентичности. По мнению российского этносоциолога и этнополитолога М. Н. Губогло, «в атмосфере, наэлектризованной гагаузским референдумом 02.02.2014, чрезвычайно важным представляется институциональная фиксация (конституирование) достигнутых успехов и порожденную ими энергию для практического воплощения стратегии доверия» (Губогло 2014).

Поскольку Россия, в отличие от Турции, воспринимается правительством Молдовы сложно и неоднозначно, в вопросе отстаивания интересов автономии и ее статуса Гагаузия ждет содействия от Турции, рассматривая ее помощь как защиту «интересов тюркского братства», что на практике происходит далеко не всегда. Например, в политической сфере автономия рассчитывала получить от Турции поддержку ее требования о представлении Гагаузии квоты в молдавском парламенте. Когда

от Турции этого не последовало, со стороны гагаузов зазвучали слова о «предательстве интересов тюркского братства» (Единая Гагаузия 2014).

Более того, руководство Турции однозначно демонстрировало Гагаузии свое неудовольствие по отношению к проводимой ею политике двувекторности. Так, в 2013 г. Турция неоднократно высказывалась в поддержку курса Молдовы на «евроинтеграцию», чем вызывала у политиков Гагаузии неодобрительную реакцию вплоть до обвинений Анкары в предательстве «братьев-гагаузов», поскольку евроинтеграция рассматривается гагаузами как путь к их полной ассимиляции. Несмотря на то, что в ходе референдума за вступление в ЕС высказались только 2,57% жителей, от числа принявших участие в плебисците, тем не менее некоторые турецкие деятели и политики стали навязывать Гагаузии «нужную» модель поведения. Прибывший в мае 2014 г. с визитом в Молдову председатель Великого национального собрания Турции Джемиль Чичек призвал гагаузов следовать за Молдовой в Европу и в НАТО. То есть Гагаузии был указан курс, которого ей необходимо придерживаться. Данная политика стала для населения автономии лакмусовой бумажкой, свидетельствующей о том, что Турция, вместе с румыноориентированной частью руководства Молдовы, стремится оторвать Гагаузию от России.

Политическая элита Гагаузии на время прозрела и более конкретно выразила Турции свое мнение. Прежде всего, высказывания Джемиль Чичека и его визит в автономию сочли оскорблением выбора 98,47% населения, так как турецкий деятель назвал его «ошибочным». В связи с этим политический истеблишмент Гагаузии четко обозначил свою позицию: «До сих пор ситуация складывалась иначе. Турецкая сторона всегда относилась к гагаузам по-братьски, помогая на пути становления автономии, на пути получения большей самостоятельности, развития демократических процессов. Турция нам никогда прежде не диктовала: как жить, с кем дружить, кого любить, в кого верить. <...> Когда дают прямые указания куда идти, кому подчиняться и с кем дружить — это уже не забота. И это уже не разговор на равных, это не разговор двух братьев». Ввиду того, что Джемиль Чичек является представителем партии Эрдогана, то и «ошибки», которые допустил гость, были возложены в том числе на самого Эрдогана (Единая Гагаузия 2014).

И все же, следуя своей внешнеполитической стратегии, Гагаузия старалась не рассориться с Турцией, пытаясь мягко объяснить ее политикам, что гагаузы живут в Европе «в век демократии, когда все решается народным волеизъявлением, референдумом» (Молдавская оппозиция 2020). Однако, вкладывая немалые деньги в экономические, гуманитарные и культурные проекты Турция все настойчивее стала диктовать Гагаузии свои условия, проводить свои интересы в данном регионе. Так, несмотря на негативное отношение в Гагаузии к блоку НАТО (согласно соцопросам, близко к 100%), тем не менее в июне 2015 г. посольство Турции в Молдове открыло в Комратском госуниверситете «информационный центр» НАТО (Гагаузия 2016).

В духе принятого у восточных народов искусства красноречия, Гагаузия попыталась объяснить Турции свою внешнюю стратегию сотрудничества тем, что гагаузы и Гагаузия, будучи «маленьким народом» и «маленьким государственным образованием», нуждаются «в защите и в любящем „родительском глазе“», причем не в одном родителе, а в двух. При обосновании внешнеполитической двувекторности опять делалась ссылка на исторически сложившиеся этнокультурные особенности: «Такова уж судьба этого тюркского православного народа: быть с двумя

„родителями“». Попытка снять напряженные моменты с Турцией из-за проводимого внешнеполитического курса на двувекторность также делалась и делается Гагаузией в восточном духе, с учетом принципа субординации: «Как в любой хорошей семье, между ними (то есть родителями — Е.К.) не может быть соперничества и ревности по поводу того, кого „больше любят“ младшенький» (Единая Гагаузия 2014). При этом Турции отводится главенствующее положение, а Сулейману Демирелю (который в 1993–1994 гг. выступил посредником в переговорах между Республикой Молдова и Гагаузской Республикой о вхождении Гагаузии в состав Молдовы на правах автономии) — роль отца.

Очевидно, что здесь вопрос заключается не только в том, что в Молдове столкнулись политico-экономические интересы Запада и России, но и в том, что через Гагаузию Турция пытается проводить свои интересы и политику, которые согласуются с западным вектором молдавского правительства и Румынии. Но не только в этом совпали интересы Турции и Молдовы.

Вторым важным моментом, по которому Турция вместе с Молдовой оказывают мощное давление на Гагаузию, пытаясь сместь их культурно-цивилизационные ориентиры для активизации процесса на евроинтеграцию и беспроблемному вхождению в Евросоюз путем объединения с Румынией, является выдавливание русского языка из системы образования и коммуникаций. Турецкие политики «указывают» гагаузам на то, что им следует больше изучать государственный язык и свой родной язык (Единая Гагаузия 2014), против чего гагаузы никогда не возражали.

Принятый молдавским правительством в 2017 г. запрет на трансляцию российских телевизионных каналов рассматривался Гагаузией как часть мер, предпринятых «демократами» по урезанию прав автономии, в связи с чем отношения Комраты с Кишиневом опять осложнились. В поддержку своего народа, отказавшегося «бороться с российской пропагандой», башкан Гагаузии И. Ф. Влах заявила, что «гагаузы будут смотреть, слушать и говорить по-русски». Она сослалась на Уложение автономии, которое позволяет это делать. В результате гагаузы продолжили транслировать российские каналы «в полном объеме» (Андреева 2018).

Однако следует заметить, что гагаузское общество не просто ориентировано на Россию, на поддержание традиционных связей с российским пространством и на сохранение русского языка. В основе тяготения гагаузов к России лежит культурно-цивилизационная общность, основывающаяся как на восприятии русской культуры и сложившихся на этом пространстве сверхлокальных ценностей, так и на религиозной идентичности — чувстве принадлежности к восточному христианству или русскому православию. На протяжении двух веков у гагаузов используются религиозные книги и совершаются богослужение на церковно-славянском и русском языках. Русский язык — это также язык образования и межнационального общения. И в настоящее время он обеспечивает доступ представителям народа к мировым культурным достижениям и ценностям. В Гагаузии обучение детей и студентов в школах и вузах проходит на русском языке. Для большинства гагаузов русский является вторым родным языком. Они на нем думают, мечтают, профессионально реализуются.

Упомянутые выше трения с Турцией — это лишь первые звоночки, указывающие на осуществляющийся этим государством процесс замены гагаузской этнической идентичности на турецкую. В ходе состоявшихся в Кишиневе встреч официальная Анкара показала, что открыто поддерживает на пост башкана Гагаузии прорумын-

ски настроенного политического деятеля (Единая Гагаузия 2014), что рассматривалось гагаузами как вмешательство во внутренние дела автономии.

Ввиду того, что Турция, через различные механизмы и организации осуществляет большую поддержку Гагаузии в гуманитарной сфере, она продолжает усиливать свое воздействие и влияние в автономии на политические процессы, в том числе касающиеся отношений с Россией. Как выяснилось, проводимая Турцией политика позволила ей не только автоматически распространять свое влияние на процессы внутри Гагаузии, но и оказывать на нее давление в проводимом ею внешнеполитическом курсе. С этой целью политическая элита Турции на протяжении уже довольно длительного периода времени различными способами стремится выдавить в Гагаузии пророссийские настроения, которые подпитываются продолжающей сохраняться значимостью русского языка.

Из приведенного выше материала видно, что у России больший кредит доверия среди населения Гагаузии, хотя он во многом сохраняется по инерции, а также благодаря религиозной общности и российской культурно-цивилизационной идентичности. Это связано с тем, что со стороны гагаузов по отношению к туркам и к Турции проявляется определенное недоверие, которое передается через такие выражения как «турецкая обработка гагаузского народа», «турки не обманут Гагаузию. Она за Россию» и др. По-видимому, оно объясняется и сохраняющейся исторической памятью народа, связанной с балканским периодом и османским завоеванием, а также конфессиональными различиями. Но активная социальная и экономическая поддержка Турцией гагаузской автономии и гагаузов, как турских братьев, трудовая и студенческая миграция гагаузов в Турцию, ретрансляция турецкого телеканала TRT, культтивирование в гагаузском пространстве турецкого языка, имен и культуры создала у части гагаузов Молдовы (и юга Украины) восприятие образа турок как Своих.

Исследователи отмечают, что «сегодня гагаузский язык подвергается значительному влиянию со стороны турецкого языка, так как Турецкая Республика стремится развивать политические и культурные связи с Гагаузской Автономией. Кроме того, в Турции распространено мнение, что гагаузский — это диалект турецкого языка. Тем не менее, отождествлять данные языки представляется неправомерным...» (Погуляева 2019: 156).

С начала 2000-х гг. «турецко-гагаузские отношения приняли более сдержанный характер. Тем не менее реализуется серия программ в области образования, функционируют летние курсы в Турции для студентов и преподавателей, в Комратский государственный университет направляются турецкие преподаватели и литература, между школами Бурсы и Чадыр-Лунги установлены партнерские отношения. Оказывается и материальная помощь...» (Иванова 2013: 266).

В русле проводимой Турцией политики в последние десятилетия значительной частью гагаузской интеллигенции акцент делается на турском единстве, основанном на языковой общности. В связи с этим с научной точки зрения представляется важным изучение вопроса о приоритете идентичностей в области традиционной-бытовой культуры и менталитете гагаузов, поскольку от сделанного выбора зависит судьба этноса. Какова роль и ответственность части гагаузской интеллигенции в конструировании турецкой национальной идентичности и в формировании новой политики памяти? Чем грозит выбор «восточного» внешнеполитического вектора

развития при нивелировке собственных этнокультурных особенностей и игнорировании культурно-цивилизационных ориентиров?

Есть основания говорить о том, что переформатирование гагаузского национального сознания происходит как путем привнесения турецких имен и культуры в гагаузское пространство, так и путем конструирования общей истории как прошлой, так и настоящей. Так, действующий в с. Конгаз молдо-турецкий лицей назван именем Сулеймана Демиреля. Построенный турками в Чадыр-Лунге дом престарелых назван именем супруги президента Турции — Эмине Эрдоган. Идет строительство образовательного центра, который будет носить имя Реджепа Эрдогана.

В центре Комрата на Аллее Славы установлен памятник Сулейману Демирелю, а также некоторым другим политическим лидерам тюркских стран. Они устанавливаются «в знак признательности и будут символизировать заслуги тюркских лидеров в области развития культурно-общественных и политических связей тюркского мира» (Пантюркизм 2008).

Возле одной из комратских библиотек, носящей имя османского и турецкого реформатора, политика и первого президента Турецкой Республики — Мустафы Кемаль Ататюрка, установлен бюст этого видного турецкого деятеля. На его торжественном открытии, которое состоялось 30 августа 2016 г., посол Турции в Молдове Мехмет Селим Картал отметил, что «это тот человек, который в 1919 году собрал нашу страну воедино, провел множество реформ, создал нашу государственность. Я благодарен гагаузскому народу за то, что он помогает нам увековечить память Ататюрка» (Бюст Мустафы 2016а; Бюст Мустафы 2016б).

В данном мероприятии приняли также участие координатор ТИКА в Молдове Джанан Альпаслан, председатель Народного собрания Гагаузии — Дмитрий Константинов, представители Исполкома, мэр Комрата — Сергей Анастасов и другие представители протурецкой гагаузской элиты (Бюст Мустафы 2016).

Анализ происходящих в Гагаузии социокультурных процессов, а также речи некоторых представителей гагаузской местной и национальной элиты на официальных мероприятиях свидетельствуют о том, что взамен гагаузской они продвигают турецкую идентичность, о чем можно судить из речей ряда гагаузских политиков. Так, выступая при открытии бюста упомянутому политику, председатель Народного собрания Гагаузии Д. Константинов подчеркнул, что Ататюрк внес огромный вклад в развитие «не только Турции и мировой истории, но и гагаузского народа», и потому «мы обязаны чтить его добрую память» (Бюст Мустафы 2016б).

При этом Д. Константинов не уточнил, какой вклад внес Ататюрк в развитие гагаузского народа. Но если даже просто сопоставить исторический факт, приведенный на основном информационном портале Гагаузии *gagaiz.md*, то станет очевидно, что 30 августа (день, когда торжественно был открыт бюст), отмечаемый в Турции как праздник Победы (*Zafer Bayramı*) в честь разгрома иностранных интервентов в сражении при Думлупынаре, является одной из страниц трагедии греческого народа и гагаузов, живших на территории Турции. «Битва при Думлупынаре была последней в греко-турецкой войне 1919–1922 годов, которая, в свою очередь, являлась частью войны за независимость Турции. Турецкой армией руководил Мустафа Кемаль <...> — турецкий политик, первый президент Турецкой Республики» (В Комрате 2016).

Неужели руководство Гагаузии не знает того, что результатом отмечаемых ими исторических событий (в честь которых состоялось тожественное открытие бюста

в «знаменательный» день) являлось поражение Греции в этой войне. Более того, по окончании указанной войны — в 1923 г. был заключен Лозаннский мирный договор, по которому был осуществлен принудительный обмен приграничного населения Греции, Болгарии и Турции. Это событие считается последним этапом Малоазийской катастрофы. Тогда жившие на территории Турции греки, болгары и гагаузы, как православные, вынуждены были покинуть свои дома и переселиться в Грецию и в Болгарию.

Вряд ли только отсутствие исторического образования проявляется в выступлении председателя Комратского района Владимира Гарчева, который при открытии бюста Ататюрку заявил, что «В самый тяжелый период времени турецкий народ всегда был рядом с нами, помогал нам. Открытие этого памятника говорит о том, что мы помним, чтили великого отца тюркского мира». А день открытия бюста Ататюрку в Комрате, по его убеждению, еще больше укрепит дружественные связи турецкого и гагаузского народа (Бюст Мустафы 2016б).

Начальник управления внешних связей Гагаузии Виталий Влах пошел еще дальше. Поздравив турецких гостей с праздником «Зафер байрам», он предложил воздвигнуть бюст Ататюрка и на Алее славы в Комрате. Это предложение поддержала координатор программ ТИКА в Молдове Джанан Альпаслан, которая добавила: «Предложение Виталия Влах нам очень понравилось, потому что эту тему мы уже обсуждали. Считаю, что будет очень правильно, если в Комрате, рядом с Сулейманом Демирелем будет и бюст Ататюрка» (Бюст Мустафы 2016б).

За последние почти три десятка лет гагаузско-турецкого сотрудничества и помощи Гагаузии со стороны Турции в автономии выросло новое поколение. Определенная их часть полагает, что языковое и, возможно, генетическое родство с турками имеет большее значение, чем культурно-цивилизационная общность с христианскими народами. И поскольку религия в демократичном обществе считается личным делом каждого, то религиозные отличия стали отходить у части гагаузской молодежи и бизнесменов, озабоченной исключительно материальным благополучием, в разряд непринципиальных, а ментальные различия воспринимаются ими как не очень значительные. Нет сомнения, что это прямой путь к ассимиляции.

Хочется надеяться, что по отношению к предпринимаемым Турцией усилиям, которые большинством гагаузского населения рассматриваются как «турецкая обработка гагаузского народа», гагаузская политическая, творческая и научная элита взглянет с точки зрения сохранности своей этнокультурной идентичности. Надо сказать, что на смену эйфории от турецкой поддержки к гагаузской интеллигенции постепенно приходит осознание необходимости платы за эту дружбу, о чем можно судить по публикациям, размещенным на различных сайтах, и мнениям, высказываемым на страницах форумов и интернет-сообществ: *Gagauzlar* — Гагаузы «ВКонтакте» (Гагаузо-Турецкие отношения), Гагаузский Угол / *Gagauz Kölesi* и др. (Gagauzlar 2010–2014; Гагаузский Угол 2015).

Некоторые наши студенты, прошедшие обучение в турецких вузах, обращают внимание гагаузской общественности на то, что Турция проводит в тюркских странах, в том числе среди гагаузов, «политику нео-пантюркизма». «На протяжении всего XX в. и в начале XXI в. разрабатываются эффективные стратегии включения гагаузов в культурное тюрко-турецкое пространство. Причем культурное и языковое взаимодействие способствует трансформации этнического сознания гагаузов, влияя

и на собственно турецкий дискурс. В частности, в рамках утверждения концепции тюрко-исламского синтеза разворачивается острая полемика о возможности включения православных тюрок в ареал Тюркского мира и признания их „истинными“ турками» (Иванова 2013: 266).

В ответ на это от здравомыслящей гагаузской творческой и научной интеллигенции звучат призывы к своему народу не дать себя обмануть, «знать и помнить историю своего народа и не питать иллюзий в адрес волхвов, дары приносящих». Делается акцент на значимости ментальной общности с исторически самыми близкими и проверенными временем и судьбой соседями — болгарами, которые противопоставляются туркам (Gagauzlar 2010–2014). В качестве мощного объединяющего фактора указывается на роль православия.

На форумах нередко довольно эмоционально гагаузы противопоставляют себя туркам как по этнической принадлежности («Мы не тюрки, а огузы; Турки — это одна из ветвей огузов»), так и по языку (ставить знак равенства между гагаузским и турецким языками нельзя, т. к. «по всем уровням языка заметны расхождения»). Об имеющихся в языках различиях говорят и лингвисты: «Так, по классификации Н. А. Баскакова гагаузский язык, наряду с мертвыми печенежским и узким, входит в огузо-булгарскую подгруппу огузских языков, а современный турецкий, в свою очередь, в огузо-сельджукскую подгруппу; А. Н. Самойлович относит турецкий и гагаузский к западно-огузским языкам... Турецкий язык схож с гагаузским на уровнях фонологии, морфонологии, морфологии и лексики, но он не в такой степени подвергся влиянию индоевропейских языков. Близость турецкого и гагаузского языков позволяет выявить отличия структуры гагаузского языка от традиционной тюркской структуры и засвидетельствовать значительные изменения в гагаузском языке именно на уровне синтаксиса» (цит. по: Погуляева 2019: 155–156).

Проводимая турками политика и прилагаемые ею усилия по включению гагаузов в тюркский мир вызывают у части гагаузской общественности нескрываемое раздражение: «И кто их просит вносить нас в ареал тюркского мира!» (Гагаузский Угол 2015).

Ситуация с воздействием Турции на гагаузскую национальную идентичность рассматривается как аналогичная политике Румынии по отношению к молдаванам: «Здесь похожая ситуация с Молдовой и румынами, которые живут в Молдове и считают свой язык и страну Румынией. Этого хотят и турки — загрузить гагаузам на подсознание, что они турки» (Гагаузский Угол 2015). Оказываемая Турцией экономическая помощь воспринимается как попытка обмануть гагаузов и Гагаузию с целью переформатировать гагаузскую идентичность. Чтобы этого не произошло, участники форумов призывают не забывать историю своего народа и говорить правду: «Надо просто говорить по факту и называть веци своими именами...» (Гагаузский Угол 2015).

Современные гагаузы, интересующиеся и научными публикациями по данной проблематике, высказывают озабоченность разрабатывающимися Турцией эффективными стратегиями по вовлечению гагаузов в культурное тюрко-турецкое пространство, а также полемикой вокруг идеи о возможности включения православных тюрок в ареал тюркского мира и признания их «истинными турками» в рамках концепции тюрко-исламского синтеза и т. д. Соотечественники рассматриваются ими как заложники чужих интересов, в которые «сильные мира сего» их просто не по-

свящают. Публикуемые на форумах сведения заставляют и других патриотично настроенных гагаузов довольно резко реагировать на возможность такой манипуляции с национальным сознанием: «*Да я не думаю, что так оно все есть, но если это и так, то не бывать этому никогда...*» (Гагаузский Угол 2015).

Представители гагаузского политического сообщества время от времени не только задаются вопросом о том, «чей заказ выполняет Турция в Гагаузии, предавая интересы тюркского братства?», но и озвучивают его в интернет-пространстве и на страницах интернет-сообществ.

Пока православие как опора гагаузов, как спасательный круг видится в основном только гагаузскому православному духовенству, хотя эти настроения в современном обществе имеют немало своих сторонников. Гагаузский общественный деятель Иван Бургуджи называет Гагаузию историческим «оханным отрядом Византии» (Полонский 2014).

Заключение

Таким образом, как бы много и долго гагаузские политики не говорили о том, что политico-экономические партнерство России и Турции все более приобретает обоюдовыгодное идеологическое оформление в виде идеологии «евразийства», в которую вкладывается свой смысл — «славяно-туркское евразийское единство», тем не менее реальная ситуация далека от этого. Российское и турецкое понимание евразийства — принципиально различаются. Кроме того, у каждого из двух государств сохраняются свои geopolитические интересы в регионе, которые не являются предметом ни двух- ни трехсторонних взаимодействий. Соответственно, ожидать, что в контексте этих процессов Гагаузия станет моделью или площадкой партнерства тюркского и славянского миров в лице России и Турции — нет никаких оснований.

Процессы, происходящие в тюркских государствах, свидетельствуют о том, что Турция, благодаря своему экономическому и военному потенциалу, а также политическим амбициям, будет играть ключевую роль как в тюркском мире, так и в Гагаузии. Очевидно, что Турция не ограничится концентрацией усилий только в области гуманитарной и экономической интеграции или помощи, как, возможно, устроило бы Гагаузию.

Дувекторная внешняя политика автономии хоть и сохраняется, но не выглядит в настоящее время устойчивой с точки зрения стратегии, направленной на решение задач автономии по гармоничному этнокультурному развитию. Очевидно, что в скором времени руководство Гагаузии окажется перед необходимостью сделать реальный геополитический выбор в пользу одной или другой страны-гаранта — России или Турции.

Надо сказать, что попытка вытеснить одну из сторон взаимовыгодного сотрудничества не будет принята гагаузским обществом. И особенно болезненным окажется процесс смены гагаузской идентичности. Хочется надеяться, что данный выбор будет зависеть не только от того, какая из этих двух стран оказывает большую экономическую помощь или какая из них займет доминирующую позицию в Евразии, но и от понимания гагаузской элитой значимости национальной идентичности. Крен в сторону тюркского единства, результатом которого является приоритет в развитии турецкой составляющей, — это одна из попыток подменить историческую

и культурную память, а также изменить менталитет гагаузов посредством отрыва ее от России и создания в Молдове островка тюркского мира, целиком отражающего интересы Турции. Не сложно предположить к каким результатам это может привести — к утрате гагаузами своей этнической идентичности и растворении в другом этносе и цивилизационном пространстве. Однако еще более плачевной для гагаузского народа является «перспектива» вхождения Молдовы в состав Румынии, которая, как показала история, эффективно проводит политику ассимиляции национальных меньшинств.

В заключение отметим, что гагаузы жизненно заинтересованы в сохранении Республики Молдова суверенитета, который во многом является гарантом существования их автономного образования — *Гагауз Ери*. Только в рамках автономии они могут развиваться как отдельный этнос и сохранять свою эксклюзивность — тюркость и православие. Именно это и заставляет Гагаузию проводить дувекторную внешнюю политику. Вместе с тем для сохранения у гагаузов собственного этнического самосознания важным является формирование у них исторической памяти, основанной на реальных исторических источниках, что позволит культивировать в обществе объективные коллективные представления о прошлом своего народа. Непредвзятая оценка значимости наследия предков, собственных этнокультурных особенностей, а также культурно-цивилизационных ориентиров является основой для самосохранения народа.

Источники и материалы

- Андреева 2018 — Андреева Д. Гагаузы: «Мы говорим на гагаузском, а думаем на русском». 23.04.2018. <https://zvezdaweekly.ru/news/20184222127-DFZXo.html> (дата обращения: 10.11.2020).
- Бюст Мустафы 2016а — Бюст Мустафы Кемаль Ататюрка открыли в Комрате. 2016. <https://www.gagauzinfo.md/top1/27763-byust-mustafy-kemal-atatyurka-otkryli-v-komrate.html> (дата обращения: 24.10.2020).
- Бюст Мустафы 2016б — Бюст Мустафы Кемаль Ататюрка открыли в Комрате. 30.08.2016. <https://comrat.md/418-byust-mustafy-kemal-atatyurka-otkryli-v-komrate.html> (дата обращения: 10.11.2020).
- В Комрате состоялось 2016 — В Комрате состоялось открытие бюста Мустафы Кемаля Ататюрка. 30.08.2016. <https://www.gagauz.md/2016/08/v-komrate-sostoyatos-otkrytie-byusta-mustafy-kemalya-atatyurka/> (дата обращения: 10.11.2020).
- Влах 2018 — Влах И.: «Гагаузия ломает патриархальные стереотипы». 14.11.2018. <http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/forum/irina-vlakh-gagauziya-lomaet-patriarkhalnye-stereotipy/> (дата обращения: 24.10.2020).
- Гагаузия 2016 — Гагаузия: Почему Турция отказалась гагаузам в «особом отношении»? 25.05.2016. https://news.rambler.ru/middleeast/33724224/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 24.10.2020).
- Гагаузия 2022 — Гагаузия за славяно-туркское единство. 2022. <http://www.rustyurks.ru/novosti/gagauziya-za-slavyano-tyurkskoe-edinstvo/> (дата обращения: 24.02.2021).
- Гагаузский правозащитник 2006 — Гагаузский правозащитник: власти Молдавии систематически урезают права Гагаузской автономии. 25.07.2006. <https://regnum.ru/news/polit/679056.html> (дата обращения: 24.10.2020).
- Гагаузский Угол 2015 — Гагаузский Угол / Gagauz Köşesi. 22.12.2015. <https://ok.ru/gagauzskiiugol/topic/64692462764095> (дата обращения: 24.10.2020).

Глава Гагаузии 2013 — Глава Гагаузии: Россия и Турция должны выступить странами-гарантами существования гагаузов. 26.03.2013. <https://vseruss.com/index.php?catId=4&newsId=2847&p=4> (дата обращения: 17.12.2020).

Глава Гагаузии 2015 — Глава Гагаузии рассказала в ПАСЕ о накоплении противоречий с Молдавией. 04.11.2015. <https://regnum.ru/news/polit/2004630.html> (дата обращения: 24.10.2020).

Единая Гагаузия 2014 — Единая Гагаузия: Чей заказ выполняет Турция в Гагаузии, предавая интересы тюркского братства? 13.05.2014. <https://regnum.ru/news/romania/1800820.html> (дата обращения: 22.11.2019).

Казуистика цифр 2018 — Казуистика цифр: как помочь Турции оказалась в Гагаузии «малозначительной». 26.04.2018. <https://gagauzinfo.md/index.php?newsid=40133> (дата обращения: 24.10.2020).

Крачун 2015 — Крачун В. Евразийская Гагаузия, как площадка для взаимодействия России и Турции. 10.09.2015. <https://politinform.su/37386-evraziyskaya-gagauziya-kak-ploschadka-dlya-vzaimodeystviya-rossii-i-turci.html> (дата обращения: 24.10.2020).

Молдавская оппозиция 2020 — Молдавская оппозиция против автономии Гагаузии. 01.08.2020. <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/01/moldavskaja-oppozicia-protiv-avtonomii-gagauzii-51521.html> (дата обращения: 24.10.2020).

Пантюркизм 2008 — Пантюркизм: Турция-Азербайджан-Гагаузия. 2008. <https://tevyants.livejournal.com/8324.html> (дата обращения: 24.10.2020).

Полонский 2014 — Полонский И. Гагаузия — тюркская крепость Русского мира. 31.05.2014. https://rusvesna.su/recent_opinions/1401522241 (дата обращения: 24.10.2020).

Права Гагаузии 2015 — Права Гагаузии: защищать малое или требовать невозможного? 06.11.2015. <http://edingagauz.md/mneniya/prava-gagauzii-zaschischat-maloe-ili-trebo/> (дата обращения: 24.10.2020).

Россия и Турция 2013 — Россия и Турция должны выступить странами-гарантами существования гагаузов. 26.03.2013. <https://vseruss.com/index.php?catId=4&newsId=2847&p=4> (дата обращения: 24.10.2020).

Шоларь 2017 — Шоларь Е. Гагаузия поставлена на закон. Парламент рассмотрит долгожданные законопроекты об автономии. 2.06.2017. <https://newsmaker.md/rus/novosti/gagauziya-postavlena-na-zakon-parlament-rassmotrit-dolgozhdannye-zakonoproekty-ob-31698/> (дата обращения: 14.11.2020).

Gagauzlar 2010–2014 — Гагаузы. «ВКонтакте». Гагаузо-Турецкие отношения. 2010–2014. https://vk.com/topic-117652_23554911 (дата обращения: 24.01.2021).

Научная литература

Губогло М. Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014. 214 с. https://static.iea.ras.ru/books/Guboglo_strasti_po_doveriu.pdf

Иванова В. В. Стратегии включения гагаузов в тюрко-турецкое культурное пространство (XX–XXI вв.) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб, 2013. С. 263–267. https://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_35.pdf

Квилинкова Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.

Квилинкова Е. Н. Православие — стержень гагаузской этничности. Комрат; София, 2013. Tip. Centrală, 2013. 872 с.

Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.

Погуляева Е. В. Особенности гагаузского языка и его отличия от других тюркских языков (в сравнении с турецким) // Гуманитарные и социальные науки, 2019. № 5. С. 155–168.

References

- Guboglo, M. N. 2014. *Strasti po doveriyu. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya referendumu v Gagauzii*. [Passion for Trust. Experience of Ethnopolitical Research of the Referendum in Gagauzia]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 214 p. https://static.iea.ras.ru/books/Guboglo_strasti_po_doveriu.pdf
- Ivanova, V. V. 2013. Strategii vklucheniya gagauzov v tyurko-tureckoe kulturnoe prostranstvo (XX–XXI vv.) [Strategies for the Inclusion of the Gagauz in the Turkic-Turkish Cultural Space (20–21 centuries)]. *Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS in 2012.], ed. by Yu. K. Chistov. Saint Petersburg: MAE RAS. 263–267. https://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_35.pdf
- Kvilinkova, E. N. 2007. *Traditsionnaya dukhovnaya kultura gagauzov: etnoregionalnye osobennosti* [Traditional Spiritual Culture of the Gagauz People: Ethnoregional Features]. Kishinev: Business-Elita. 732 p.
- Kvilinkova, E. N. 2013. *Pravoslavie — sterzhen gagauzskoy etnichnosti* [Orthodoxy is the Core of the Gagauz Ethnicity]. Komrat, Sofiya: Tip. Centrală. 872 p.
- Kvilinkova, E. N. 2016. *Gagauzy v etnokulturnom prostranstve Moldovy (Narodnaya kultura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz prizmu svyazi vremen)* [Gagauz in the Ethnocultural Space of Moldova (Folk Culture and Ethnic Identity of the Gagauz Through the Prism of the Connection of Times)]. Kishinev: Tipogr. Centrală. 840 p.
- Pogulyaeva, E. V. 2019. *Osobennosti gagauzskogo jazyka i ego otlichiya ot drugih tyurkskikh jazykov (v sravnenii s tureckim)* [Peculiarities of the Gagauz Language and its Differences from Other Turkic Languages (In Comparison to Turkish)]. *Gumanitarnye i socialnye nauki*. 5: 155–168.

УДК 39+94(474)
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/288-302
 Научная статья

© K. A. Зверев

**ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
 СМЕНА СОВЕТСКОГО МИФА НАЦИОНАЛЬНЫМ
 (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Предметом изучения в статье является определение изменений в исторических оценках русскоязычных жителей Эстонии, Латвии, Литвы и России в сравнении, в период 1990-х — 2010-х гг. Цель исследования состоит в анализе сущности исторической парадигмы стран Балтии, степени её восприятия местным титульным и русскоязычным населением, а также сопоставление с историческими воззрениями жителей самой Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности. При подготовке работы использованы также специальные исторические методы — хронологический, периодизация, ретроспекции и актуализации, а также отдельные прикладные методы социальных (социологический опрос, социологическое наблюдение, контент-анализ) наук. В результате анализа комплекса составляющих государственной исторической политики стран Балтии и Российской Федерации, а также привлечения широкого круга источников по измерению общественного мнения (социологические исследования, опросы населения) удалось выявить различия в оценках прошлого русскоязычным населением Эстонии, Латвии, Литвы и жителями РФ применительно к конкретным историческим отрезкам и личностям. При этом более значительные расхождения относятся к восприятию советского периода и присущи молодому поколению, получившему образование уже после распада СССР.

Ключевые слова: русскоязычное население стран Балтии, политика памяти, государственная историческая политика, исторические оценки

Ссылка при цитировании: Зверев К. А. Идентичность на постсоветском пространстве: смена советского мифа национальным (по материалам социологических исследований) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 288–302.

Зверев Кирилл Александрович — к. и. н., доцент, доцент кафедры истории Института гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет (Российская Федерация, 156005 Кострома, ул. Дзержинского, 17). Эл. почта: zwerew.kir@yandex.ru
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

УДК 39+94(474)
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/288-302
 Original Article

© Kirill Zverev

**THE IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE: THE
 REPLACEMENT OF THE SOVIET MYTH BY THE NATIONAL ONE:
 ON THE DATA OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH**

The subject of the study in the article is to determine the changes in the historical assessments of the Russian-speaking residents of Estonia, Latvia, Lithuania and Russia in comparison, in the period of the 1990s — 2010s. The purpose of the study is to analyze the essence of the historical paradigm of the Baltic countries, the degree of its perception by the local titular and Russian-speaking population, as well as comparison with the historical views of the inhabitants of the Russian Federation itself. The methodological basis of the study is the principles of historicism, objectivity, and consistency. In preparing the work, special historical methods were also used — chronological, periodization, retrospection and actualization, as well as individual applied methods of social (sociological survey, sociological observation, content analysis) sciences. As a result of the analysis of the complex components of the state historical policy of the Baltic countries and the Russian Federation, as well as the involvement of a wide range of sources for measuring public opinion (sociological studies, population surveys), it was possible to identify differences in the assessments of the past by the Russian-speaking population of Estonia and Latvia. Lithuania and the inhabitants of the Russian Federation in relation to specific historical periods and personalities. At the same time, more significant differences relate to the perception of the Soviet period and are inherent in the younger generation, who received their education after the collapse of the USSR.

Keywords: Russian-speaking population of the Baltic countries, politics of memory, state historical policy, historical assessments

Author Info: Zverev, Kirill A. — Ph. D. in History, Associate Professor, Kostroma State University (Russian Federation, Kostroma). E-mail: zwerew.kir@yandex.ru
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

For citation: Zverev, K. A. 2023. The Identity in the Post-Soviet Space: The Replacement of the Soviet Myth by the National One: On the Data of the Sociological Research. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 288–302.

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. породил для вновь образованных государств не только потребность в собственном институциональном оформлении, но и поставил их перед необходимостью конструирования новой национальной идентичности, кардинально отличавшейся от советского варианта. Всё это обусловило пристальное внимание национальных элит к вопросам местного исторического дискурса, в осо-

бенности касательно событий XX в. В данной статье, опираясь на широкий круг социологических исследований и других источников, мы попытаемся проследить динамику изменений в отношении общего исторического прошлого и проанализировать появление новых национальных исторических установок.

Прибалтийская политика памяти

Из пятнадцати постсоветских государств, мы бы хотели выделить Прибалтийские республики (Эстонию, Латвию, Литву), где наиболее последовательно с начала 1990-х гг. шло размежевание с советским нарративом. Здесь активное отторжение советского прошлого проявилось ещё в конце 1980-х гг. — в период «Поющей революции 1987–1991 гг.», на фоне роста националистических и сепаратистских настроений, а также обострения социально-политического и экономического кризиса. Именно тогда в обществе начал активно продвигаться тезис о незаконности инкорпорации Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР в 1940 г. Деятельное участие в распространении данных взглядов сыграли представители Геттингенской рабочей группы учёных, в том числе Борис Мейснер и Дитрих Лёбер, создатели «концепции оккупации стран Балтии» (Meissner; Loeber 1995: 319). В частности, Дитрих Лёбер выступал на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюодис Литвы), проходившей в Таллине 13–14 мая 1989 г. (Балтийская ассамблея 1989: 15). Помимо прочего, на конференции обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения Республик в состав СССР в 1940 г. В этой части мероприятия советолог из ФРГ Д. Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа (Graf 2012: 104–105), доказывая тем самым факт «незаконности» и насилиственного присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу.

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменование 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему) — 23 августа 1989 г. Народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь», которая была призвана привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников тезиса о «советской оккупации» и популяризации идеи «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик.

Концепция оккупации стран Балтии позволяла прибалтийскому истеблишменту обосновать состоятельность идеи непрерывного существования Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, провозглашённых в 1918 г. (затем, подвергшихся «советской оккупации с 1940 по 1991 г.») и их политическое и правовое возрождение, восстановление в 1991 г. В частности же, принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, на активы Республик за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях, на безоговорочный вывод советских/российских войск со своей территории и требование компенсаций за «оккупацию». Кроме того, применительно к Эстонии и Латвии не следует забывать и о национальном вопросе, — а именно о статусе местного русскоязычного населения, подавляющая часть которого прибы-

ла сюда именно в советский период и, таким образом, не могла претендовать на восстановление гражданства. К 1991 г. русскоязычное население составляло до 35% жителей Эстонии (2000 aasta rahva ja eluruumide loendus), до 45% населения Латвии (Latvijas tauta 2002), до 9% жителей Литвы. Применительно к Литве следует упомянуть и о польском меньшинстве в 7% (Ambrozaitienė 2006: 178).

Однако, не следует отождествлять с прибалтийской политикой памяти исключительно тезис о «советской оккупации». Вторым её важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал «принцип этноцентризма», под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульных наций во внутрисоциальной жизни Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом местной политики памяти стал принцип антисоветизма, направленный на развенчание «преступлений коммунизма» против эстонского народа. По нашему мнению, данный принцип не столько характерен для Прибалтики, сколько для государств Восточной Европы в целом. В странах Балтии он применялся в большей степени для достижения внешнеполитических целей и заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг.

Разумеется, новые взгляды на события прошлого начали активно популяризоваться на всех уровнях — от преподавания истории в школе и выпуска научных трудов, до создания исторических фильмов, музеев, памятников, вписывающихся в новую историческую концепцию (Зверев 2019: 79–81; Зверев 2020: 03–13).

Что же касается Российской Федерации, то здесь в 1990-е гг. официальные власти устранились от какого-либо влияния на историческую парадигму, и лишь со второй половине 2000-х гг. ситуация стала меняться — был получен «государственный заказ» на создание нового учебника по Отечественной истории — под редакцией А. А. Данилова, А. В. Филиппова (История России 2008). Кроме того, на уровне высшего руководства страны активизировалась борьба с попытками фальсификации истории, в особенности событий Второй мировой войны и периода существования Советского Союза (Миллер 2009: 6–23).

Тем не менее, процессы трансформации исторического сознания, запущенные в годы Перестройки и период становления национальной государственности на постсоветском пространстве не прошли бесследно. Наиболее значительные изменения оценок прошлого (в первую очередь событий XX в.) по вышеозначенным причинам произошли в Прибалтийских республиках. Затронули они и местное русскоязычное население, которое также оказалось вовлечено в национальную политику памяти. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований и опросов. При этом, наиболее показательны опросы, характеризующие отношение к событиям XX в. (а именно, к межвоенному периоду, советской власти, событиям Второй мировой и Великой Отечественной войны).

В связи со специфичностью рассматриваемой темы, особый интерес для нас представляет социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», проводившееся в апреле — мае 2009 г. и охватившее, помимо прочих, с идентичными вопросами Эстонию, Латвию,

Литву, Россию (с выборкой интервьюируемых в количестве от 1000 до 1600 человек в каждом из государств) (Ajalooteadvus eelmise sajandi 2009). Применительно к Латвии следует упомянуть о «Мониторинге социальной памяти Латвии» («Latvijas sociālās atmiņas monitorings»), проведённом в 2010–2013 гг. учёными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской (Kaprāns, Procevska 2013: 55), а также практически аналогичный мониторинг 2017 г. того же Мартина Капранса и Андриса Саулитиса (Kaprāns, Saulītis 2017: 72). Также в данной работе используются социологические опросы и исследования, проводившиеся в различное время по заказу государственных учреждений, частных информационных агентств и СМИ.

Степень восприятия новых трактовок истории жителями Прибалтики

В случае с Прибалтийскими республиками и особенностями местной государственной исторической парадигмы (обозначенной выше) весьма важное значение приобретает общественная оценка периода существования независимых буржуазных республик межвоенного периода. На наш взгляд, со стороны официальных Таллина, Риги, Вильнюса удалось «привить» русскоязычным в целом положительное или нейтральное отношение к данному историческому периоду. В частности, применительно к первой Латвийской Республике 1920-х — 1930-х гг. и правлению Карлиса Улманиса (латвийский политический деятель, авторитарный правитель Латвийской Республики в 1934–1940 гг.) — лишь 12% нелатышей дали негативную оценку, 73% регулярно отмечают 18 ноября 1918 г. — День провозглашения независимости (Kaprāns, Saulītis 2017: 10). В Эстонии схожая ситуация — 70% русскоязычных респондентов высказали положительное отношение к Первой Республике и Константину Пятсу (эстонский политический деятель, авторитарный правитель Эстонской Республики в 1934–1940 гг.). При этом оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии — Виктора Кингисеппа (российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940 г., председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946 гг.), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). При этом поддержку первому президенту новой Эстонии — Леннарту Мери высказали лишь 76% неэстонцев, среди коренных жителей таковых было 90% (Ajalooteadvus eelmise sajandi 2009). Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом, мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны), касательно большей части исторических событий, что говорит об отсутствии поляризации общества, о существовании своеобразного диалога в эстонском и латвийском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй Мировой войны). Литва же в данном контексте имеет собственную специфику, заключающуюся в более однородном эт-

ническом составе населения, а также в ставке местного истеблишмента на литуанизацию истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) (Зверев 2020: 03–13). Так, по заказу литовского информационного портала DELFI компанией по исследованию общественного мнения и рынка Spinter tūrimai было проведено социологическое исследование в январе 2012 г., согласно которому с государственностью у жителей Литвы в наибольшей степени ассоциируется праздничный день 16 февраля (1918 г.) — провозглашение независимости первой Литовской Республики (поддержали 45,6% респондентов), в то время как День коронации короля Миндаугаса и знаменующееся этим создание Великого княжества Литовского (22,2% опрошенных), 11 марта (20,3%) или нынешний День Конституции (1,6%) в сознании жителей Литвы утверждались гораздо слабее (Для жителей Литвы...). Другими словами, Вильнюсу, наряду с северными прибалтийскими соседями, удалось достичнуть консенсуса в обществе относительно принципа правопреемственности новых государств к Республикам 1918–1940 гг., а также положительного (либо, по меньшей мере нейтрального) отношения к ним со стороны национальных меньшинств.

Однако, как уже упоминалось ранее, основным камнем преткновения в историческом дискурсе стран Балтии является вопрос о правомерности инкорпорации Республик в состав СССР и само отношение к советскому прошлому. Так, согласно данным эстонских социологов, в 2007 г. в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г., аналогичное утверждение поддержали 56% (Всего 7 процентов 2007). Весьма показателен и социологический опрос, проведённый по заказу правительства города Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. Причём доля неэстонцев, критически воспринимающая тезис о «советской оккупации» постоянно растёт (Тамм 2009). По нашему мнению, данные настроения — не отвечающие основным устремлениям местной государственной исторической политики — могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж памятника «Павшим во Второй мировой войне» в Таллине и вызванные этим массовые беспорядки), но и отчуждённости местного русскоязычного населения от ЭР вследствие языковой политики, ущербного правового статуса (из-за отсутствия гражданства) (Зверев 2015: 298).

В соседней Латвии оценочные суждения русскоязычного населения во многом совпадают с мнением эстонских русских. Об этом свидетельствуют результаты упомянутого выше «Мониторинга социальной памяти Латвии» («Latvijas sociālās atmiņas monitorings») 2010–2013 гг. (Kaprāns, Procevska 2013: 55), а также аналогичного мониторинга 2017 г. (Kaprāns, Saulītis 2017: 72). Исследование показало достаточно низкий общественный интерес к истории Латвии до XX в. — как у латышей, так и у русскоязычных менее половины респондентов не выработали какое-либо отношение к раннему периоду отечественной истории. Интерес нелатышей возрастает к этапу развития Латвии в составе Российской империи и, особенно, к Латвийской ССР — именно применительно к данным периодам было высказано наиболее положительное отношение. Не меньший интерес русскоязычные проявляют и к «Появившейся революции 1987–1991 гг.», новейшей истории Латвии (с 1991 г.), однако здесь наблюдается доминирование негативных оценок у 60% респондентов, чьим родным

языком является русский (*Kaprāns, Saulītis 2017: 10*). Это явно указывает на преобладание в местном политическом и информационном поле дискуссий именно о XX в. — как и предусмотрено латвийской политикой памяти.

Основные же противоречия, как и в соседней Эстонии, вызывают события Второй мировой войны и обстоятельства вхождения Республики в состав Советского Союза. Именно данный период является доминирующим в современном латвийском историческом дискурсе с подачи официальной Риги на протяжении всех 1990-х — 2010-х гг. Однако, в обществе уже наблюдается усталость от постоянного муссирования тем «советской оккупации». Так, 69,2% русскоязычных считают тему событий 1940 г. (инкорпорация Латвийской Республики в состав СССР) не актуальной, среди латышей таковых — 43% (*Kaprāns, Procevska 2013: 21*). При этом, события 1940-х гг. продолжают разделять общество. Согласно исследованию, проведённому при поддержке «Фонда Сороса — Латвия» в начале 2019 г. «лишь 5% русскоязычных школьников считают, что в 1944 г. СССР оккупировал Латвию (среди латышей таковых 62%). 23% учащихся из числа нелатышей уверены, что российский народ должен взять на себя ответственность за репрессии и депортации (среди представителей титульной нации так думают 72%). Объективными учебники истории считают 26% русскоязычных школьников и 65% латышских учащихся» (цит. по: В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ...). В опросе принимали участие 400 учеников 12-х классов латышских и русскоязычных школ. Согласно другому исследованию общественного мнения, проведённому в 2013 г. (Латвия: как пишут учебники истории 2013), интерпретация событий XX в. в школьных учебниках истории также не вызывает доверия у русскоязычных учеников.

Вместе с тем, упомянутый выше «Мониторинг социальной памяти Латвии» («Latvijas sociālās atmiņas monitorings») 2017 г. продемонстрировал настораживающую для официальной Риги тенденцию — 1/3 русскоязычных хочет возвращения назад времён Советского Союза, и их число по сравнению с 2013 увеличилось (*Kaprāns, Saulītis 2017: 72*). Среди русскоязычных, которые считают себя более информированными, меньше тех, кто думает, что Латвия была оккупирована, а среди латышей — наоборот. Это свидетельствует о том, что у этих людей очевидно разные источники информации (Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам 2013). Данные другого исследования — SKDS «Внешнеполитические мифы в Латвии: ЕС и Россия», — заказанного фондом поддержки Малой исторической библиотеки Латвии и проведенного в июне 2012 г., показали, что более половины, или 54,4% латвийцев полагают, что Латвии было хорошо в составе СССР. В то же время, почти половина, или 46,8%, позитивно оценивают распад Советского Союза (Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам 2013). Схожие результаты показал и опрос, проведённый в конце 2012 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Латвии. Согласно его данным 57% опрошенных считают советские времена хорошими, что на 2,5 процентных пункта больше, чем было в 2010 г. Удельный вес отрицательно относящихся к этому периоду уменьшился на 1,7% — до 26,8%. В свою очередь 19% респондентов, в основном русскоязычных, хотели бы восстановления советского режима в Латвии, а 65% — не хотели бы этого. Большинство респондентов по-прежнему признает, что подписанное 23 августа 1939 г. соглашение между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова — Риббентропа) повлияло на превращение Латвии в состав-

ную часть СССР. В 2004 г. с этим утверждением были согласны 56% опрошенных, а в 2012 г. — 63,8% (Сергиенко 2013).

Другими словами, эстонское и латвийское общество расколото по этно-национальному признаку в оценках событий Второй мировой войны и советского прошлого. При этом, по мере углубления противоречий, русскоязычное население всё более дистанцируется от позиций официальных Таллина и Риги в данном вопросе, поляризация мнений возрастает. Однако, о незыблемости взглядов нелатышей и неэстонцев также нельзя однозначно утверждать. Так, в упомянутом выше «Мониторинге социальной памяти Латвии» за 2012 г. содержится вопрос об отношении жителей Латвии к основным праздничным датам — день памяти латышских легионеров СС поддерживают 55,8% латышей, но удивительно, что среди местных русскоязычных положительное отношение к данному торжеству высказали 31%. При этом 9 мая — День Победы в Великой Отечественной войне отмечают 38,8% латышей и 77,1% русскоязычных (*Kaprāns, Saulītis 2017: 72*). По мнению латвийского исследователя Виктора Макарова «День Победы стал знаковым <для русскоязычных жителей Латвии>, как и для России, именно в последние годы. Десять лет назад такого количества молодежи в Риге к памятнику Победы не приходило» [цит. по: Макаров 2009: 150]. Здесь В. Макаров солидарен с мнением исследователей Института истории Латвии Мартина Капранса, Ольги Прочевской, Андриса Саулитиса о существовании в Республике как минимум двух параллельных информационных полей — латышскоязычного и русскоязычного, каждое из которых рассчитано исключительно на свою аудиторию. Понимая это, латвийский истеблишмент с 2015 г. начинает активное наступление на русскоязычные СМИ — в 2015 г. «Первый Балтийский Канал» оштрафован за «необъективное освещение военного конфликта на Востоке Украины» («Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе 2015), в 2019 г. приостановлено вещание девяти российских каналов (Волков 2020), возрастает давление на пророссийское информационное поле. Запрет российских каналов говорит об их действенности и влиянии на местное русскоязычное население, а значит недостаточное восприятие латвийской государственной исторической парадигмы со стороны национальных меньшинств.

Настроения национальных меньшинств Литвы также удалось выяснить благодаря социологическим исследованиям — в частности, представляет интерес опрос компании по изучению общественного мнения *Baltijos tyrimai* (рус. Балтийские исследования), проведённый 27 июня — 12 июля 2016 г. Состав респондентов был исключительно из числа нелитовцев: 46% — поляки, 35% — русские, 8% — белорусы, 6% — украинцы, 2% — евреи и 3% — представители других национальностей. 64,8% участников исследования положительно ответили на вопрос, защищали бы они Литву, если бы на неё напали. В 2014 г. в Литве (Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы...) высказались утвердительно по аналогичному вопросу 57% населения, в 2005 г. — 32% (*Kerkudu Barbambia 2016*). Другими словами, степень лояльности к официальному Вильнюсу среди национальных меньшинств за 10 лет практически удвоилась. В том же 2016 г., с утверждением, что граждане Литвы стали бы защищать свою страну в случае агрессии больше соглашались русские — 65%, в числе поляков таковых было меньше — 59,9%. «В вопросе обороны страны русские всегда были активнее, особенно жители младшего возраста, которые отождествляют себя с этим го-

сударством», — отметил заместитель директора *Baltijos tyrimai* Ромас Мачюнас (цит. по: *Kerkudu Barbambia* 2016).

Однако, при этом, только 42,8% участников опроса согласны с утверждением, что для безопасности Литвы важны членство в ЕС и НАТО. Между тем, утверждение, что часть представителей нацменьшинств нелояльны по отношению к Литве, были оценены следующим образом — меньше трети с этим согласились, 33,4% не сказали ни да, ни нет, 31,2% не согласились. Интересные результаты показали и вопросы о международной политике. К примеру, больше половины — 52,8% — участников опроса согласны с утверждением, что российская политика — адекватная реакция на направленные против неё действия США и НАТО. Кроме того, присоединение Крыма к РФ законным действием считают 42,8% участников опроса. Больше всего это утверждение поддерживали выпускники русскоязычных школ — 48,3%, среди выпускников польских школ — 39,5%. Наконец, 40,8% участников опроса согласились с мнением, что «развал СССР — это самая большая geopolитическая катастрофа». Интересно, что с этим были склонны согласиться воспитанники польских школ (43,4%), учащихся русских школ с таким мнением было немного меньше (41,2%) (*Kerkudu Barbambia* 2016).

Степень восприятия трактовок истории жителями России

Если обратиться к историческим оценкам в российском обществе, то россияне в целом проявляют не меньший (по сравнению с жителями Прибалтики) интерес к отечественной истории. По утверждению респондентов, 71% из них интересуются историей своей страны и две трети полагают, что знают новейшую историю государства (*Каменчук, Федоров* 2009: 311–318). Это даже более высокий показатель, нежели среди русскоязычного населения стран Балтии (*Ajalooteadvus eelmise sajandi* 2009). Кроме того, в России также имеет место быть более выраженная ностальгия по Советскому Союзу — 56% респондентов сожалеют о распаде СССР (*Белуза* 2016: 3). Три четверти граждан РФ (75%) считают советскую эпоху лучшим временем в развитии страны (*Мухаметшина* 2020). При этом, можно смело констатировать, что в отечественном историческом дискурсе обстоятельства присоединения Прибалтийских республик к СССР по понятным причинам не занимают значительного места. Не является центральной и тема советско-германского договора о ненападении (так называемого пакта «Молотова-Риббентропа») и секретных протоколов к нему о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Само существование данных секретных протоколов было осуждено ещё в 1989 г. на II-м Съезде народных депутатов СССР (Постановление Съезда народных депутатов СССР 1989), обнародованы они были в 1993 г. и после этого неоднократно публиковались. Однако осведомлённость об этих документах в российском обществе остаётся достаточно низкой. В частности, в 2017 г. 38% россиян вообще не знали о существовании пакта «Молотова-Риббентропа» (в 2010 г. таковых было 46%). В существование секретных протоколов к пакту верят 40% респондентов, 17% полагают, что протоколы — фальшивка, 33% опрошенных признались, что даже не слышали об этих документах (Почти 40% россиян не вспомнили о существовании пакта «Молотова-Риббентропа» 2017). Даные цифры свидетельствуют об отсутствии значительного общественного интереса

к обозначенной проблематике. Хотя, безусловно, события Второй мировой и, особенно, Великой Отечественной войны являются центральными в российской политике памяти и историческом дискурсе. Это можно подтвердить и на основе результатов упомянутого выше исследования «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов» — более 95% россиян оценили негативно нападение Германии на СССР (*Задорин и др.* 2009: 21). Для сравнения, в Эстонии, Латвии, Литве данное событие вызывает отрицательный отклик у 80–89% (*Задорин и др.* 2009: 15). При этом к капитуляции Германии в 1945 г. положительно относятся 90% жителей РФ и лишь половина населения стран Балтии (*Ajalooteadvus eelmise sajandi* 2009).

Если же обратиться к общественным оценкам исторических событий и персоналиям XX в. вне контекста Второй мировой войны, то здесь расхождения между государствами также весьма значительны. Например, личность Николая II, Владимира Ленина, Феликса Дзержинского, Иосифа Сталина жителями России оцениваются в среднем на 25–30% более положительно, нежели в странах Балтии. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношениях к Октябрьской Революции 1917 г. При этом возвретия молодого поколения (респондентов младше 25 лет) в Эстонии, Латвии, Литве являются более радикальными (на 5–10%), нежели у более возрастных респондентов. В России же наблюдается обратная тенденция (*Задорин и др.* 2009: 21–29; *Ajalooteadvus eelmise sajandi* 2009). По нашему мнению, данные особенности свидетельствуют о принципиально разных подходах в государственной исторической политике. Если в Прибалтийских республиках делается ставка на антисоветскую/антироссийскую риторику и «национализацию» истории (написание истории эстонцев, латышей, литовцев), то в РФ, наоборот, сказывается отсутствующая линия исторической парадигмы, в которой прослеживается лишь ставка на Великую Отечественную войну.

Выводы

Таким образом, можно констатировать что исторические оценки русскоязычных жителей Прибалтийских республик и россиян, имеют различия в зависимости от того или иного периода. Наименьшие расхождения вызывают события ранней, Средневековой истории, периода Российской империи и Великой Отечественной войны. Наибольшие различия связаны с оценкой советского периода развития.

Анализируя данные социологических исследований, проведённых в 2000-х — 2010-х гг. в Эстонии, Латвии, Литве можно прийти к выводу, что титульное население, в особенности молодёжь младше 30 лет, поддержало и восприняло основные постулаты местной государственного исторического дискурса в части идеализации буржуазных республик межвоенного периода, тезиса о «советской оккупации» и принципа исторической правопреемственности нынешних государств республикам 1920-х — 1930-х гг. Доминирование антикоммунистических и антисоветских оценок также является общим трендом в данном регионе. При этом, наибольший интерес к истории и осведомлённость в данном вопросе по результатам социологических исследований, демонстрируют эстонцы, в отличие от латышей и литовцев. Это обстоятельство обусловило большую значимость политики памяти для официального Таллина и больший накал страстей вокруг исторических трактовок, хотя бы

на примере так называемой «войны памятников» и событий «бронзовой ночи» апреля 2007 г. — вылившихся в массовые беспорядки.

Кроме того, исторический дискурс в известной степени способствовал складыванию негативного образа России в Прибалтике, что обеспечило поддержку правительства со стороны общественности (в первую очередь из числа титульного населения) в вопросах разрыва связей с РФ и евроатлантической интеграции. Таким образом, можно констатировать, что ключевые постулаты государственной исторической политики стран Балтии в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным населением.

Если обратиться к русскоязычным жителям Прибалтийских республик, то их возвретия на местную историю весьма схожи — нейтральное восприятие периода Средневековья, возрастающий интерес к эпохе Нового времени (особенно с этапа вхождения территории Прибалтики в состав Российской империи), доминирование в историческом дискурсе XX в. При этом нетитульные жители стран Балтии, в целом, восприняли позитивные оценки независимых буржуазных республик 1920-х — 1930-х гг. и их политических лидеров, но не приняли тезисы о «советской оккупации». Хотя оценочные суждения молодого поколения (младше 30 лет) и отличаются от мнения более возрастных респондентов в сторону более критичного отношения к советскому прошлому, тем не менее, и здесь не произошло перехода к доминированию антисоветских взглядов и поддержки тезисов об «оккупации». Таким образом, ключевые аспекты местной политики памяти всё-таки не нашли сочувствия среди русскоязычного населения Прибалтийских республик. Однако, социологические исследования показывают тенденцию к сближению точек зрения местных национальных меньшинств с историческими возвретиями титульного населения. Вследствие активизации политики памяти в 2000-е — 2010-е гг. мы можем предположить, что в ближайшие десятилетия основные постулаты, продвигаемые политикой памяти стран Балтии, станут доминирующими среди местного русскоязычного населения.

Однако в Эстонии и Латвии, государственная историческая политика не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональных Республик и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения. В результате, комплекс правовых, языковых и исторических подходов к проблеме русскоязычных жителей Эстонии и Латвии привёл к росту отчуждённости меньшинств от государства и коренных жителей. При этом, в Литве, реализовывавшей менее националистический курс в 1990-х, данного отчуждения не наблюдалось.

Источники и материалы

Балтийская ассамблея 1989 — Балтийская ассамблея: Сборник докладов. Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

Белуза 2016 — Белуза А. Союз ностальгии. О распаде СССР сожалеют больше половины россиян // Российская газета — Федеральный выпуск. 2016. 5 декабря. № 276(7144). С. 3.

В Латвии запретили девять российских телеканалов 2019 — В Латвии запретили девять российских телеканалов // Спутник Латвия [Электронный ресурс]. <https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20191120/12790199/V-Latvii-zapretili-devyat-rossiyskikh-telekanalov.html> (дата обращения 25.11.2020).

В Латвии решили приостановить вещание 2019 — В Латвии решили приостановить вещание девяти российских телеканалов // РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20191120/1561168063.html> (дата обращения 25.11.2020).

Волков 2020 — Волков К. В Латвии запретили вещание семи телеканалов RT // Российская газета. 2020. 30 июня. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html> (дата обращения 25.11.2020).

В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ — В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ // rus.DELFI.lv [Электронный ресурс]. <https://www.delfi.lt/ru/news/live/v-okkupaciyu-latvii-verit5uchenikov-russikh-shkol-20454266> (дата обращения 08.09.2019).

Восприятие населением — Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Альбом диаграмм // Евразийский Монитор [Электронный ресурс]. <https://eurasiamonitor.org/issledovaniia> (дата обращения 02.12.2020).

Всего 7 процентов — Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt 2007. 21 мая. [Электронный ресурс]. <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-procestijos-rusu-tiki-jos-okupacija> (дата обращения 28.11.2020).

Для жителей Литвы — Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv [Электронный ресурс]. <https://www.delfi.lt/ru/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta-55573301> (дата обращения 24.10.2020).

Иванов 2006 — Иванов В. В. Гекатомба. Трилогия. Часть 2. Страшная ночь. К вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Сборник документов. Вильнюс, 2006. [Электронный ресурс]. <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения 08.12.2019).

Латвия: как пишут учебники истории 2013 — Латвия: как пишут учебники истории // Русская служба BBC. [Электронный ресурс]. https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (дата обращения 08.09.2019).

Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам 2013 — Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. 16 марта, 2013. <https://regnum.ru/news/1636769> (дата обращения 28.10.2020).

Первый Балтийский Канал обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе 2015 — «Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе // РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20151023/1307120312.html> (дата обращения 25.11.2020).

Постановление Съезда народных депутатов СССР 1989 — Постановление Съезда народных депутатов СССР о пакте Молотова-Риббентропа от 24.09.1989 г. // Правда. 1989 г. 28 декабря.

Почти 40% россиян не вспомнили 2017 — Почти 40% россиян не вспомнили о существовании пакта «Молотова-Риббентропа» // Интерфакс. 2017. 13 сентября. [Электронный ресурс]. <https://www.interfax.ru/russia/578864> (дата обращения 10.02.2021).

Фелдманис — Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты // МИД Латвии [Электронный ресурс]. <https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd> (дата обращения 04.07.2019).

Latvijas tauta 2002 — Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites [The People of Latvia After the 2000 Census] // Latvijas Vēstnesis. 30.04.2002. N 65. <https://www.vestnesis.lv/ta/id/61710>

2000 aasta rahva ja eluruumide loendus — 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus // Statistikaamet (Департамент статистики). [Электронный ресурс]. <http://www.stat.ee/dokumendid/26769> (дата обращения 29.01.2021).

Научная литература

Задорин И. В. (рук.) и др. Исследовательский проект «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель–май 2009 г. Краткий аналитический отчёт. М.: НП «Евразийский монитор», АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2009. eurasiamonitor.org

Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Кострома, 2015. 298 с.

- Зверев К. А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е — 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 25. № 1. С. 79–81.
- Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
- Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
- История России, 1945–2007 гг. 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина, А. В. Филиппова. М.: Просвещение, 2008. 367 с.
- Каменчук О. Н., Федоров В. В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 311–318.
- Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве — II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 150–151.
- Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. Т. 13. С. 6–23.
- Мухаметшина Е. Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости 2020. 24 марта. [Электронный ресурс]. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения 07.02.2021).
- Сергиенко В. Исследование: латыши стали менее негативно относиться к советскому периоду // rus.DELFI.lv 2013. 15 марта. [Электронный ресурс]. <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latysi-stali-menее-negativno-otnositся-k-sovetskому-periodu.d?id=43149554> (дата обращения 23.11.2020).
- Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 октября. [Электронный ресурс]. <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения 28.11.2020).
- Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. “Euraasia Monitooring”, aprill-mai 2009. SAAR POLL (Саар Полл). September 2009. 55 p. http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020).
- Ambrozaitienė D., redaktoriai. Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development). Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.
- Graf M. Imperium lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo, 2012. L. 104–105.
- Kaprāns, M. and O. Procevska, eds. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 1 / redīgēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. 55 lpp.
- Kaprāns, M. and A. Saulītis, eds. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 2 / redīgēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. 72 lpp.
- Kerkudu Barbambia. Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv 2016. 8 августа. [Электронный ресурс]. <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-ctho-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения 27.11.2020).
- Laar M. Estonia's way / translation by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutükikoda, 2006. 296 lk.
- Meissner B., Loeber D. A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 lk.

References

- Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel [Historical Awareness of the Most Important Events of the Last Century in Eastern Europe]. “Euraasia Monitooring”, aprill-mai 2009. Saar Poll. September 2009. 55 p. http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitus_23_09_2009.pdf (accessed 08 November 2020).
- Ambrozaitienė, D. (ed.). 2006. *Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida* [Population of Lithuania: Composition and Demographic Development]. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės. 178 p.
- Astrov, A. 2012. *Istoricheskaja politika i «ontologicheskaja ozabochennost'» malykh central'no-evropeiskikh gosudarstv (na pri, mere Estonii)* [Historical Politics and “Ontological Concerns” of Small Central European States (On the example of Estonia)]. In *Istoricheskaja politika v XXI veke: Sbornik statei* [Historical Politics in the 21st Century: A Collection of Articles], ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 184–216.
- Danilov, A. A., A. I. Utkin and A. V. Filippov. 2008. *Istoriia Rossii, 1945–2007 gg. 11 klass: uchebnik dlja uchashchikhsia obshheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [History of Russia, 1945–2007. Grade 11: Textbook for Students of Educational Institutions]. Moscow: Prosveshhenie. 367 p.
- Diukov, A. R. 2008. *Vtorostepennyj vrag. OUN, UPA i reshenie «evreiskogo voprosa»* [Secondary Enemy. OUN, UPA and the Solution of the «Jewish Question»]. Moscow: Regnum. 152 p.
- Diukov, A. R. 2010. *Istoricheskaja politika ili istoricheskaja pamiat'* [Historical Politics or Historical Memory]. *Mezhdunarodnaia zhizn'* 1: 133–148.
- Diukov, A. and V. Simin dej. 2011. *Gosudarstvennaja istoricheskaja politika Latvii: materialy k izucheniju* [State Historical Policy of Latvia: Materials for Study]. Moscow: Fond «Istoricheskaja pamiat'». 264 p.
- Graf, M. 2012. *Impeeriumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991* [The End of the Empire and the Re-independence of Estonia in 1988–1991]. Tallinn: Argo. 456 p.
- Kamenchuk, O. N. and V. V. Fedorov. 2009. *Voina, stavshaia Velikoi i Otechestvennoi: o vospriятиi Vtoroi mirovoi voiny v rossiiskom obshhestve* [The War That Became the Great and Patriotic War: On the Perception of World War II in Russian Society]. *Vestnik MGIMO Universiteta* 4: 311–318.
- Kaprāns, M. and O. Procevska (eds.). 2013. *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 1* [Monitoring of Latvian Social Memory Report No.1]. Riga. 55 p. https://saliedetiba.saeima.lv/attachments/263_sociaлас_atminas_monitorings.pdf
- Kaprāns, M. and A. Saulītis (eds.). 2017. *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 2* [Monitoring of Latvian Social Memory. Report No. 2]. Rīga. 72 p.
- Kerkudu, Barbambia. 2016. Issledovanie: chto delali bi russkie i poljaki Litvi, esli by na strany Baltii napala Rossija? [Research: What Would the Russians and the Poles of Lithuania Do if the Baltic States Would Be Attacked by Russia?]. rus.DELFI.lv 8 August. <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-ctho-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (accessed 27 November 2020).
- Laar, M. 2006. *Estonia's Way*. Translation by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutükikoda. 296 p.
- Makarov, V. 2009. «Boi za istoriju» v Latvii [«Fights for History» in Latvia]. In *Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve — II* [National Histories in the Post-Soviet Space — II], ed. by F. Bomsdorf, G. Bordjugov, Moscow: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-HHI. 150–151.
- Meissner, B. and D. A. Loeber. 1995. *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994* [The Baltic States in Global Political and International Law Change: Contributions 1954–1994]. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu. 319 p.
- Miller, A. 2009. *Rossija: vlast' i istorija* [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*. 13(3–4): 6–23.

- Miller A. and M. Lipman (eds.). 2012. *Istoricheskaiia politika v XXI veke: Sbornik statej* [Historical Politics in the 21 Century: a Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 648 p.
- Muhametshina, E. 2020. Tri chetverti rossiian schitaiut sovetskuju jepohu luchshei v istorii strany [Three-Quarters of Russians Consider the Soviet Era the Best in the History of the Country]. *Vedomosti*. 24 Mart. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (accessed 07 February 2021).
- Sergijenko, V. 2013. Issledovanie: latyshi stali menee negativno otnosit'sja k sovetskому period [Research: Latvians Have Become Less Negative About the Soviet Period]. *rus.DELFI.lv* 15 Mart. <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshi-stali-menee-negativno-otnosit-sya-k-sovetskому-periodu.d?id=43149554> (accessed 23 November 2020).
- Tamm, M. 2009. Narva: Jestonija dobrovol'no prisoedinilas' k Sovetskemu Sojuzu [Narva: Estonia Voluntarily Joined the Soviet Union]. *Postimees*. 7 October. <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (accessed 28 November 2020).
- Zadorin, I. V., et. al. 2009. *Issledovatel'skij proekt «Vosprijatie molodjozh'ju novyh nezavisimyh gosudarstv istorii sovetskogo i postsovetskogo periodov». Kratkij analiticheskij otchet*. [Research project «Youth perception of the newly independent states of the history of the Soviet and post-Soviet periods». Summary Analytical Report]. April–May, 2009. Moscow: NP «Evrazijskij monitor», ANO «Sociologicheskaja masterskaja Zadorina». 52 p. eurasiamonitor.org
- Zverev, K. A. 2015. *Russkoiazychnoe naselenie Estonskoi Respubliki v kontekste gosudarstvennoi natsional'noi politiki (1992–2007 gg.)*. [Russian-Speaking Population of the Republic of Estonia in the Context of State National Policy (1992–2007)]. Ph. D. dissertation, N. A. Nekrasov Kostroma State University. 298 p.
- Zverev, K. A. 2019. Iстория как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е — 2000-е гг. [History as a Propaganda Tool in the Political Struggle of the Baltic Republics in the 1990s — 2000s.]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* 25(1): 79–81.
- Zverev, K. A. 2020. Formirovanie oficial'noi istoricheskoi paradigm nezavisimoi Litvy [Formation of the Official Historical Paradigm of Independent Lithuania]. *Vseobshchaia istoriia*. 3: 3–13.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/303-318
Научная статья

© Т. А. Титова, Е. В. Фролова

**РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЗАНИ:
ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРАКТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения особенностей конфессионального пространства крупных полигэтнических городов Российской Федерации. Статья написана на материалах этносоциологического исследования, проведенного в г. Казань в 2021 г. Цель работы заключается в анализе идентичности и практик трех численно преобладающих в конфессиональном пространстве Казани социальных групп — мусульман, православных и неверующих (атеистов). Авторами рассмотрена содержательная сторона восприятия верующими своей конфессиональной идентичности, описана динамика состояния внутри- и межгрупповых (межконфессиональных) отношений в оценках верующих и неверующих. Проанализирован общий социально-психологический настрой в изучаемых группах. Сделан вывод о том, что тренд на «мирное сосуществование» разных мировоззрений подкрепляется ростом в группах верующих численности тех, кто занимает позицию осознанного выбора религии самим человеком и самостоятельным приходом к вере. Показано, что неверующие горожане чаще настроены более критично, чаще высказываются против усиления роли религии в различных сферах общественной и политической жизни. Материалы статьи могут быть полезными для социологов, психологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы политики в этнической и религиозной сферах.

Ключевые слова: идентичность, религиозность, этничность, трансмиссия ценностей, практики

Ссылка при цитировании: Титова Т. А., Фролова Е. В. Религиозное пространство Казани: идентичности и практики (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 303–318.

Титова Татьяна Алексеевна — профессор, д. и. н., профессор кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: tatiana.titova@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5921-3287>

Фролова Елена Валерьевна — доцент, к. и. н., доцент кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: elenaeup@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2125-5443>

© Tatiana Titova and Elena Frolova

RELIGIOUS SPACE OF KAZAN: IDENTITIES AND PRACTICES (THE RESULTS OF ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH)

This article seeks to contribute to the trend of studying the confessional space of large multi-ethnic cities of the Russian Federation. It is based on the ethnoscio-logical study conducted in Kazan in 2021. The purpose is to analyze the identity and practices of three numerically predominant social groups in the confession-al space of Kazan — Muslims, Orthodox and non-believers (atheists). The authors studied the content of believers' perception of their confessional identity, described the dynamics of intra- and inter-confessional relations in the assessments of believ-ers and non-believers, analyzed the general socio-psychological atmosphere in the studied groups. It is concluded that the trend towards "peaceful coexistence" of different worldviews is supported by the growing number of believers who propa-gate conscious choice of religion and independent coming to faith. It is shown that non-believers more often speak out against the strengthening role of religion in var-iious spheres of public and political life. The results may be useful for sociologists, psychologists, social and cultural anthropologists, political scientists, and bodies in charge of ethnic and religious policy.

Keywords: identity, religiosity, ethnicity, transmission of values, practices

Authors Info: Titova, Tatiana A. — Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Russian Federation, Kazan). E-mail: tatiana.titova@rambler.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5921-3287>

Frolova, Elena V. — Ph. D. in History, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: elenaeup@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2125-5443>

For citation: Titova, T. A. and E. V. Frolova, 2023. Religious Space of Kazan: Identities and Practices (the Results of Ethnoscioiological Research). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 303–318.

Конфессиональное пространство Казани сложносоставное и характеризуется разнообразием его представителей с очевидным численным доминированием по-следователей православия и ислама. В настоящее время в городе действуют 136 религиозных учреждений: 70 мечетей, 45 православных храмов, 5 старообрядческих культовых объектов, 1 католический собор, 12 церквей протестантских направле-ний и деноминаций, 1 синагога, молельные дома веры Бахай и Общества сознания Кришны (Официальный портал мэрии города Казани). При этом важной частью религиозного пространства города выступают и неверующие горожане (атеисты). Таким образом, исследовательское обращение к тематике религиозности казанцев

Titova T. A., Frolova E. V. Религиозное пространство Казани

305

неслучайно. Его актуальность подтверждает и то, что исследование особенностей конфессионального состава населения крупных полигэтнических городов является важной составной частью предметного поля антропологии города (см., например: Будина 1977; Шабаев 2013; Мартынова 2013). Наше исследование подразумевает решение нескольких задач при изучении трех численно преобладающих социальных групп — мусульман, православных и неверующих (атеистов):

- рассмотреть содержательную сторону восприятия верующими своей конфес-sиональной идентичности и религиозных практик;
- проследить динамику состояния внутри- и межгрупповых (межконфессио-нальных) отношений в оценках верующих и неверующих;
- охарактеризовать общий социально-психологический настрой в изучаемых группах.

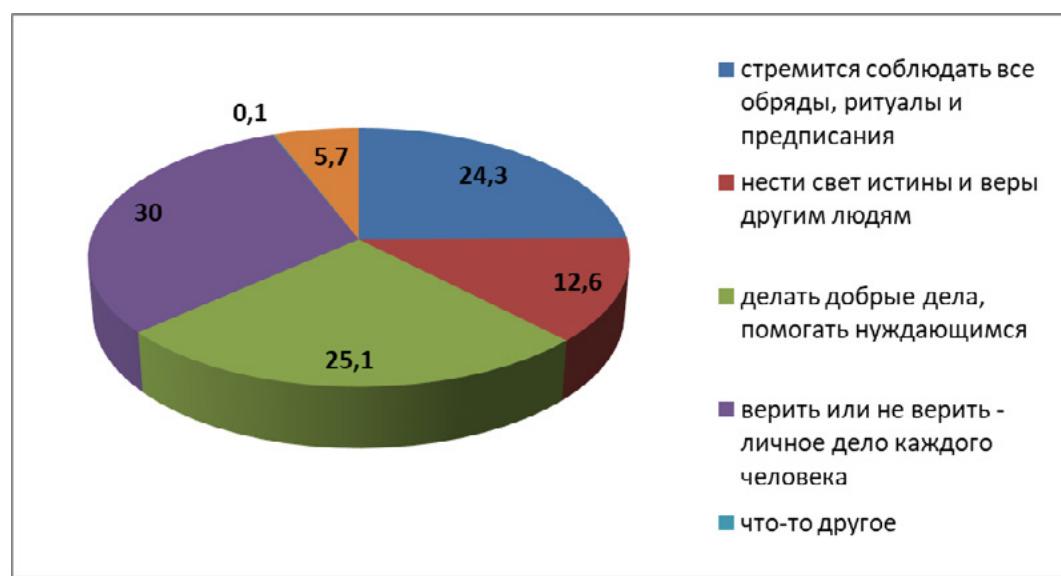
Стоит обратить внимание, что объективных полновесных статистических данных по количеству религиозных / (не)верующих горожан в официальных источниках нет, так как в листах проводимых переписей населения данный вопрос не отражается. Для исследовательской практики возможно использование лишь косвенных данных и/или личных полевых материалов на основе репрезентативной выборки. В насто-ящем очерке отражены некоторые выводы и обобщения по картине религиозности жителей г. Казани на основе ежегодных комплексных этносоциологических иссле-дований населения Республики Татарстан за период 2018–2021 гг. Так, в последнем исследовании религиозности жителей Казани, проводившемся в 2021 г., приняли участие 840 горожан, из них 42,1% — мужчины; 57,9% — женщины. Возрастные когорты представлены следующим образом: от 18 до 30 лет — 33,2%; 31–50 лет — 39%; 51 год и старше — 27,7%. В этническом плане респонденты — татары (38,7%), русские — (50%), представители иных этнических групп (башкиры, чуваши, мари-цы, мордва, удмурты, казахи, таджики, узбеки, азербайджанцы и др. — 11,3%).

Опрошенные были разделены на три численно равные группы — мусульмане, православные и атеисты.

В контексте изучения содержательной стороны конфессиональной идентичности важно проследить динамику религиозного мировоззрения и поведенческих аспектов религиозности, а также выявить динамику отношения казанцев из изучаемых групп к механизмам трансмиссии религиозных ценностей. Так, для горожан-татар и горо-жан-русских сохраняется роль религии как важного солидаризирующего и иденти-фикационного фактора. Этническая и конфессиональная идентичность в сознании респондентов, органично переплетаясь, дополняют друг друга, а религия выступает одним из маркеров этнической идентичности — соответственно, ислама для татар, православия для русских. Вместе с тем, среди неверующих казанцев доля русских почти вдвое больше, чем доля татар, что может говорить о несколько меньшей зна-чимости однозначной религиозной идентификации для русских г. Казани по сравне-нию с татарами.

Содержательная сторона религиозной идентичности горожан не претерпевает существенных изменений за последние годы и остается достаточно стабильной. В общем, казанцы делают акцент не на догматической стороне религиозности (не-обходности максимально строгого выполнения предписываемых религией норм и ритуалов), а на предписываемой религией определенной модели нравственного поведения («делать добрые дела», «помогать нуждающимся») (см. Рис. 1).

«Что значит быть верующим человеком?» (г. Казань, 2021 г., %)

При этом все-таки чуть более ярко выраженная догматическая ориентация на стремление соблюдать предписанные религиозные обряды и ритуалы остается характерной для горожан-мусульман. Поэтому не случайно, что казанцы-мусульмане критично и острее воспринимают отход от выполнения предписываемых религией норм и правил, что находит выражение в определенном беспокойстве и недовольстве:

«Ислам в Татарстане как догма для большинства семей, даже не особо верующих. Сейчас очень часто, например, мои ровесники с этим сталкиваются, что им дали имя при рождении муллой, да, значит мусульманин. Но не потому, что родители «гиперверующие», а просто потому, что «так надо», потому что «мы же тоже мусульмане». Мусульмане, которые а) не держат пост, б) не ходят в мечети, в) не читают намаз, г) едят все, что хотят, даже свинину, даже сало, я уж молчу про алкоголь и д) ходят, как хотят, в плане одежды. Но при этом при разговорах такое сильное самосознание себя мусульманами, что «жену надо мусульманку», «обязательно никах, нечего жить в грехе» и так далее. И порождают такие «мусульмане» таких же «мусульман». Ну и зачем?» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Таким образом, и для многих непрактикующих мусульман их религиозная идентичность может носить поверхностный, событийный характер и основана, в первую очередь, на (само)идентификации.

Вместе с тем, у респондентов-мусульман в большей степени выражена ориентация на религию как на этноинтегрирующий признак, религия для татар-мусульман — один из ключевых факторов сохранения и этнической (само)идентификации, усиливающей этнические чувства и способствующей межпоколенной этнокультурной трансмиссии:

«Я думаю, что это (исламские традиции среди татар — прим.) позволило сохранить целостность народа. Потому что, если мы говорим про ислам, то в первую очередь это способствует целостности народа, а также чести семьи, чести женщины в особенности. Это позволило сохранить культуру, и, в частности, язык на том уровне, который мы сейчас имеем. Но, к сожалению, теряем, как и теряют веру люди» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Но, конечно, в Татарстане играют [большую роль] духовные учреждения. Не только благотворительность или там чтение молитв. Здесь еще есть такие тонкости сохранения татарского народа. То есть проводятся курсы при мечетях, сохранение татарского языка, татарской культуры. В курсах для посетителей можно узнать об истории Татарстана, об истории татарского народа, курсы также есть каллиграфия, так как наши предки любили заниматься каллиграфией. Есть такие курсы ахляка (исламские этические нормы и правила поведения — прим.) для детей» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Доля респондентов, рассматривающих собственную религиозность в контексте социально значимой деятельности («делать добрые дела, помогать нуждающимся, не ожидая в ответ благодарности») остается стабильным на протяжении последних лет у мусульман (более трети респондентов) и снижается у православных. Половина неверующих стабильно придерживаются теории личного выбора («верить или не верить — личное дело каждого человека»). Также можно отметить факт отсутствия среди верующих значительного запроса на прозелитизм и обязательное распространение своего учения верующим человеком («нести свет истины и веры другим людям» — около 10% в среднем по годам у обеих верующих групп и 3–5% среди неверующих). Вера, по большей части, остается внутренним (самой личности или микрогруппы — семьи, родных, близких) делом, которое должно подкрепляться очевидно положительными действиями, под которым чаще всего понимается благотворительность и общественное признание. Среди всех трех групп (мусульмане, православные, неверующие) высказываются схожие мнения, что религиозные институты в современном обществе должны выполнять социальные и гуманитарные функции, прежде всего, просветительские, интегрирующие, благотворительные, компенсаторные («психотерапевтические»):

«Какая-то просветительская, наверное, функция, а именно рассказывать о религии. И вторая — это, конечно, поддержка ценностей общества, которые в принципе должны быть и в светском обществе, но именно религия как-то упорядочивает. И также вот сейчас очень часто всплывает такого рода вопрос, как благотворительность. И именно почему-то связывают чаще всего с религией, что с православием у нас в республике, что с исламом. И это тоже очень полезная для общества функция, которая приносит пользу обществу. Так, а почему нет, только всеми руками «за», то есть это помочь нуждающимся с той же самой едой, кровом. Очень такая полезная, хорошая функция, которая реализуется не только у нас в Казани, но и во многих других городах республики» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Основная роль церкви в республике — это все-таки духовная составляющая, это молитва, некие обряды религиозные. Есть у нее функция объединения, потому что именно в церкви ты можешь познакомиться с людьми любого слоя общества. Из любой профессии, из интересов совершенно различных. Церковь — это такое место, куда может прийти совершенно любой человек. Соответственно, там ты можешь встретить кого угодно. По своему опыту могу сказать, что именно в церкви я с очень многими людьми познакомилась. Еще есть частое мнение, что функция религии — помогать нуждающимся, людям в тяжелой жизненной ситуации» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

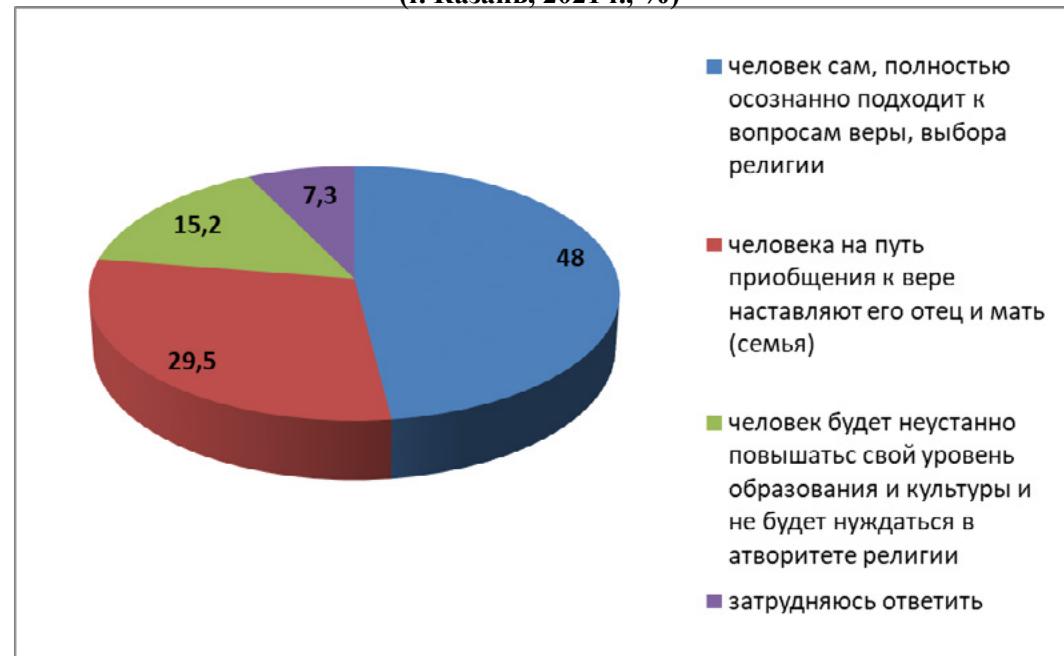
«Религия и религиозные институты должны выступать скорее какой-то психологической помощью для определенных слоев населения, то есть можно рассмотреть опять влияние двойкое. С одной стороны, как вербуют разные террористические организации в свои ряды как раз тех людей, у которых сложная психологическая ситуация. Они пользуются этим и вербуют в свои ряды как раз таких, у кого надломлен внутренний стержень. С другой стороны, я наблюдал видео из конца 90-х — начала 00-х, когда как раз разные религиозные организации помогают выбираться из сложной ситуации разным наркоманам. И пусть это выглядит как-то неприятно, когда наркоман излечился или только лечится, и он во всем благодарит только Бога, несмотря на то, что там возможно применялись другие какие-то лекарства или еще что-то. Но в целом, если религия и религиозные организации могут помочь людям в борьбе с этим, с такими тяжелыми ситуациями, как наркомания и алкоголизм, то я думаю, что в принципе это хорошие функции. Но опять-таки, те функции, что я указал в начале, они не соответствуют идеальному такому видению» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

Верующие респонденты демонстрируют схожие позиции в вопросах, касающихся религиозной социализации и трансмиссии религиозных ценностей. Среди как мусульман, так и православных по сравнению с предыдущими годами увеличилось количество тех, кто занимает позицию осознанного выбора религии самим человеком («человек сам, полностью осознанно, подходит к вопросам веры, выбора религии»). В среднем это половина из обеих групп. А вот число верующих, представляющих семью инструментом трансмиссии религиозных ценностей («человека на путь приобщения к вере наставляют его отец и мать (семья)», поскольку религию не выбирают), в обеих группах за последние годы незначительно уменьшилось: у мусульман с 46,1% в 2020 г. до 44,3% в 2021 г., а у православных с 41,4% в 2020 г. до 38% в 2021 г. соответственно. Схожая картина представляется при анализе ситуации в целом по городу без разделения по группам (не)верующих (см. Рис. 2).

Среди неверующих вполне логично возрастает число считающих, что поступательное социально-гуманитарное и техническое развитие человека и общества постепенно приведет к отсутствию потребности человека в религии («человек будет неустанно повышать свой уровень образования и культуры, и не будет нуждаться в авторитете религии») — уже более 38%. Среди верующих эта позиция логично не получает распространения — не более 5% по группам.

При оценке собственного уровня религиозных знаний респондентам свойственна определенная критика своей теоретической подготовленности:

Рисунок 2.
«Как в современном обществе происходит передача религиозных ценностей?»
(г. Казань, 2021 г., %)

«Мне кажется, сколько ты не идешь, все кажется, что ты в начале пути. Столько всего написано, что не перечесть. Хоть я и давно в церкви, но такой вопрос субъективный, как оценить свои знания. Порой даже чего-то элементарного не знаешь» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

В контексте трансмиссии религиозных традиций и соответствующих им практик интересен также факт более лояльного отношения у респондентов-православных к интернет-источникам, как средству (подчас единственному доступному и авторитетному) получения информации, чем у респондентов-мусульман, оказавшихся более консервативно настроенными:

«Сейчас в церкви на службе верующие стоят не только с книгами, но и с телефонами — потому как так некоторым удобнее. И это не есть что-то плохое. Это допустимо. Главное, что человек пришёл, и человек молится. А посредством бумажной книги или электронного приложения он исполняет свои духовные потребности это уже не важно. Есть блоги батюшек, беседы с пастором, в конце концов, есть целый телеканал «Спас», а также каналы на Ютуб. Интернет сейчас такой же инструмент в руках Церкви, как бумажные книги ранее» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

«Считаю, что искать информацию в Интернете о вопросах, касающихся религии, возможно, но сама я к такому не прибегала. Я считаю, что проще и надежнее спросить об интересующих меня вещах именно у тех, кто об этом знает вживую. У того же муллы, у бабушки или в книге где-то прочитать. То есть я не прибегала к поиску в Интернет-ресурсах. Я думаю, что это желание пере-

далось мне от бабушки, которая заботилась обо мне. И желала мне только самого наилучшего. И говорила читать молитвы иходить в мечеть» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Казанцы признают значительные коммуникационные возможности Интернета как доступного хранилища неограниченного количества религиозной информации. Вместе с тем, отношение к Интернету, как к источнику религиозных знаний, достаточно осторожное из-за возможного наличия непроверенных (ложных) и прямо деструктивных сведений:

«Лучше обратиться по тем источникам, которые официальные, подтвержденные ДУМ РТ (Духовное управление мусульман Республики Татарстан — прим.). Конечно это «Ислам today», как минимум. Эти сайты наиболее проверены. Поэтому что в Интернете сейчас много всяких форумов, сайтов. Но не стоит забывать, что есть и ваххабитские, салафитские, их особо не отличить в плане того, что вопросы то те же самые. Но может быть искажено некоторое толкование, объяснение. Например, по поводу чтения каких-то молитв и так далее. Сам я, конечно, [получаю религиозную информацию] по книгам или по источникам ДУМ» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«В Интернете неоднократно встречала не то, чтобы даже какую-то обширную литературу по этому вопросу, а сообщества типа «Православие и вера», «Подслушано у православных» и так далее. Конечно, в этих сообществах нужно быть осторожным и смотреть внимательно, кто, что, по поводу чего говорит. А по поводу литературы, я думаю, что в Интернете можно найти по этому вопросу хорошие и стоящие источники. Конечно, на бытовом уровне можно в каких-то сообществах что-то уточнить, но всегда надо критично относиться» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Говоря о динамике состояния внутри- и межгрупповых (межконфессиональных) отношений, можно отметить, что во всех изучаемых группах по сравнению с предыдущими годами увеличилось количество респондентов, оценивающих ситуацию в религиозной сфере Республики Татарстан как «в целом, спокойную, стабильную». У мусульман это 78,9%, у православных — 70,9%, у неверующих — 67,3%.

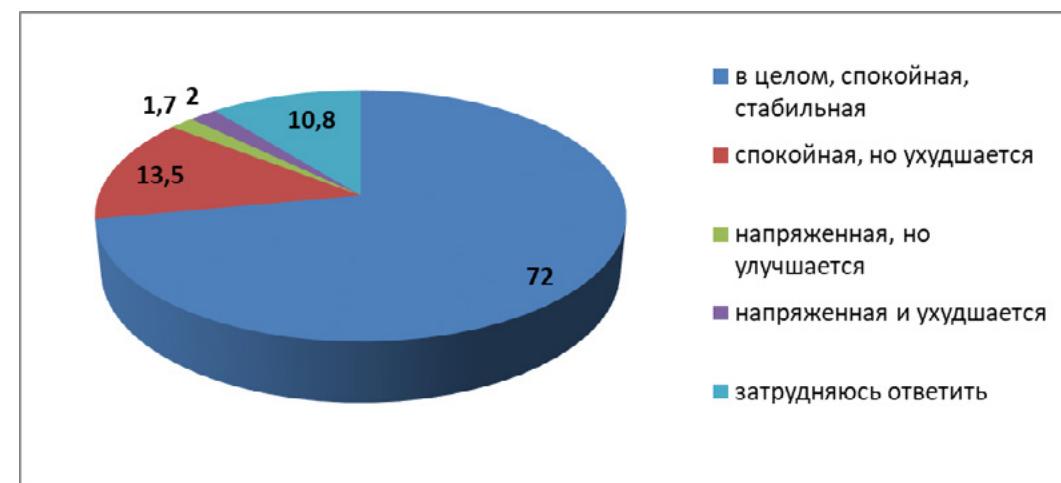
Также уменьшилась доля респондентов, выбирающих умеренную позицию, но с негативной тенденцией «ситуация спокойная, но ухудшается». Как и ранее, более позитивно оценивают ситуацию мусульмане: среди них наибольшее количество респондентов оценивает ситуацию как «спокойную, стабильную». Выбор позиций негативного характера («напряженная, но улучшается», «напряженная и ухудшается») носят эпизодический характер в пределах статической погрешности. Также стоит отметить, что неверующим сложнее оценивать (пусть даже субъективно) религиозную ситуацию: выбор позиции «затрудняюсь ответить» среди них встречается в среднем в полтора раза чаще, чем в группах верующих.

Сходную в целом позитивную картину религиозного фона демонстрируют результаты и в срезе локализации, то есть данные по самому городу Казани, а не по изучаемым группам. Если в 2020 г. казанцы вне зависимости от религиозной принадлежности оценивали религиозную ситуацию как «в целом, спокойную, стабильную» на «спо-

койной, но ухудшается» считали ситуацию 17% горожан, то в 2021 г. эти показатели изменились в позитивную сторону до 72% и 13,5% соответственно (см. Рис. 3).

Рисунок 3.

«Как Вы оцениваете ситуацию в религиозной сфере Республики?»
(г. Казань, 2021 г., %)

Оценка ситуации в сфере межэтнических (межнациональных) отношений в 2021 г. стала несколько более позитивной, чем в 2020 г. Количество респондентов, считающих, что «напряженность начитает расти» снизилась у представителей всех исследуемых групп, но особенно заметно у православных и неверующих — почти в два раза. Сейчас стабильной и спокойной ситуацию считают 70–80% во всех группах. Если в 2020 г. фиксировалось небольшое ухудшение оценок ситуации в межэтнической сфере в Казани, то в 2021 г. ситуация изменилась. В Казани оценки ситуации в межэтнической сфере стали, с одной стороны, позитивнее: количество респондентов, выбирающих позицию «в целом, спокойная, стабильная» выросло с 68,3% до 70%. Но с другой стороны в три раза возросло и число горожан, выбирающий пункт «ситуация в целом, напряженная, конфликтная» — с 2,3% до 7,1%.

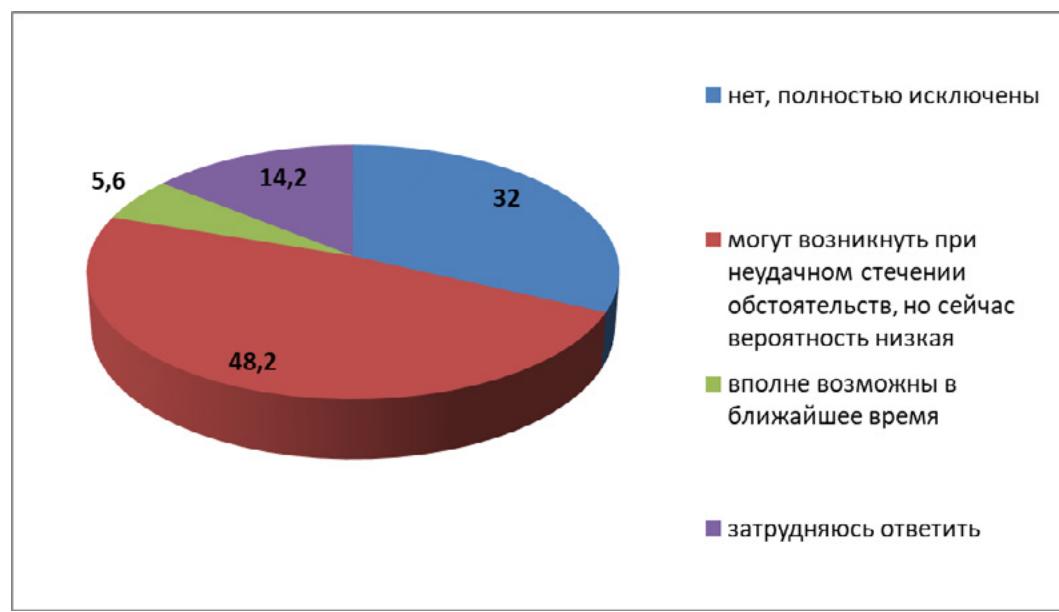
Вместе с тем, большинство респондентов либо полностью исключают вероятность локальных конфликтов на религиозной почве, либо считают ее маловероятной:

«Да, я думаю, в целом, [характер межрелигиозных отношений] носит позитивный характер. Главные положительные моменты — баланс между двумя преобладающими религиями: православием и мусульманством. То есть если праздники, то освящение в прессе и тех и других главных праздников. Глава Республики поздравляет с праздниками людей обоих конфессий. При угрозе распространения коронавируса — единое выступление митрополита Казанского и муфтия Татарстана с обращением к народу Республики. В дни поста в предприятиях общепита можно встретить постные блюда. Всё это создает картину целостности народа и её неделения по конфессиональному признаку» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

«Ради интереса решил посмотреть количество церквей и мечетей по Татарстану, по Набережным Челнам, там друзья живут. На удивление, это было практически равное количество, но в зависимости от района изменялось немножко, но примерно было равным. Это очень интересно в плане, что Татарстан преимущественно нетатарстанцами считается мусульманской республикой. Но как видим, у тех же православных есть вполне все условия. И праздники православные тоже прекрасно в республике отмечаются, и трансляции из храмов ведутся. И каналы ТВ тоже тут прекрасно ловят, вещают. Другой вопрос, что как будто бы во всем этом притесняют людей, кто не принадлежит ни к одной конфессии» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

Количество респондентов, считающих, что такая негативная возможность вероятна, обычно невелико и составляет чуть больший процент среди неверующих жителей — 7,4% против 4,1% у православных и 2,9% у мусульман. Почти половина респондентов из трех групп выбирают ответ, что конфликты «могут возникнуть при неудачном стечении обстоятельств, однако маловероятны». Казанцы вне зависимости от религиозной принадлежности считают маловероятным конфликт на религиозной почве в своем населённом пункте (см. Рис. 4).

Рисунок 4.
«Возможны ли в Вашем городе конфликты на религиозной почве?»
(г. Казань, 2021 г., %)

Вместе с тем, несмотря на общую положительную оценку ситуации во внутривероисповедной и межконфессиональной сферах, полевые материалы показывают присутствие определенных противоречий, носящих скорее не явный конфликтогенный характер, а демонстрирующих определенное вполне преодолимое непонимание между группами. Во-первых, это существующие противоречия между верующими и атеистами:

«Ссора между православным человеком и мусульманином не повлечет за собой кого-то масштабного конфликта. Другое дело, что сейчас ситуация осложнена, не как в целом в Татарстане, но в Казани: атеистично настроенная молодежь выступает против расширения роли религии. Мне кажется, больше всего вероятен в этом конфликт: между религиозными и нерелигиозными» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«И всё чаще в социальных сетях, да вообще в Интернете много различных паблик и мемов [высмеивающих религию и верующих людей]. Я считаю, это связано с тем, что в частности люди боятся перегибов, появления фанатиков, и что будут навязывать своё мнение. У каждого должно быть своё мнение. Но я считаю, что твое мнение не должно касаться посторонних людей. Как вот эта ситуация на марафоне, когда фотографировались эти бедные девушки на фоне мечети. (В мае 2021 г. перед началом Казанского марафона участницы забега в обтягивающей спортивной одежде устроили разминку на фоне мечети Кул-Шариф; заместитель муфтия Татарстана назвал инцидент неприемлемым — прим.) Это тоже такой двоякий вопрос. Может быть, никто и не собирался оскорблять, кого-то задеть» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«В целом, я в религии не вижу ничего плохого. Единственное, меня раздражают люди, которые делают из этого какой-то культ, начинают быть не просто религиозными, а какими-то фанатиками. Например, разговаривать с человеком, а потом резко время намаза, и они начинают читать, то есть видно, что они мешают людям, говорят, что «у нас по времени все». И меня такие проявления очень бесят. Ведь из-за таких людей представления обо всем исламе же складывается в негатив. Так же из-за христиан, которые ходят там, собирают деньги, тоже в целом обо всей религии изменяется мнение» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

Во-вторых, это беспокойство мусульман из-за возможного обострения противоречий между различными течениями ислама, в том числе вследствие агрессивного прозелитизма радикальных фундаменталистских идей, импортируемых из-за рубежа и входящих в противоречие с так называемым «традиционным для татар исламом»:

«Республика Татарстан становится в пример как многоконфессиональная территория с высоким уровнем доверия разных конфессий друг к другу и уровнем дружбы. Я даже считаю, что тут скорее возможен конфликт между различного рода группировками в самом исламе. Опять же взять тех же самых саляфитов и суфийские какие-то движения. Я думаю, что да, такое имеет место быть. Если одна группа начнет притеснять другую» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Конфликт невозможен между так называемыми традиционными религиями, а [может быть] связан с активными действиями тех религиозных организаций, которые являются запрещенными в Российской Федерации. Радикального характера, потому они и запрещены. Почему-то при вопросе о конфликтах мы всегда думаем о противодействии православия и ислама. Но мне кажется, что гораздо более опасные — это как раз таки эти организации экстремистского

толка. И дело не в том, что они не верят так, как православные и мусульмане, и поэтому они деструктивными резко стали. Но как практика показывает, именно в их рядах появляются люди с такими идеями. Но их взгляды и так подразумевают неравенство в религиозной сфере» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Также практикующие мусульмане обеспокоены созданием негативного имиджа ислама в общественном пространстве страны и высказывали опасения, что деятельность обобщённых «православных активистов» приводит к дискриминируемому положению ислама в стране:

«Если сравнивать с положением [ислама и мусульман] в Российской Федерации, то в Татарстане оно намного лучше, конечно, в плане соблюдения каких-то норм и свободы вероисповедания. На уровне России ислам воспринимается как некое маргинальное движение, секта даже, можно сказать. И в этом плане у нас очень хорошо «работают» православные активисты. К сожалению, в Татарстане я наблюдаю очень низкий уровень этнических мусульман из тех, кто причисляет себя к исламу. И меня радует, не может не радовать, опять же, что среди русских очень много тех, кто задает вопросы и выбирает в качестве своей религии ислам» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

Ощущаемый респондентами уровень социально-психологического самочувствия и комфорта в конфессиональном пространстве города и республики остается достаточно стабильным за последние несколько лет. Большинство представителей конфессиональных групп отмечают, что чувствуют себя вполне комфортно. Суммарно пункты «абсолютно комфортно» и «скорее комфортно» набирают до 90%. Количество респондентов, выбирающих позицию «абсолютно комфортно» значительно увеличилось среди неверующих и осталось почти неизменным среди православных. Таким образом, сохраняется тенденция, что респонденты-мусульмане несколько чаще выбирают позицию «абсолютно комфортно», чем православные. В 2021 г. эту позицию существенно чаще стали выбирать неверующие респонденты. Но вместе с тем, они же по-прежнему чаще верующих групп (в три-четыре раза) выбирают позицию «скорее некомфортно» (см. Рис. 5).

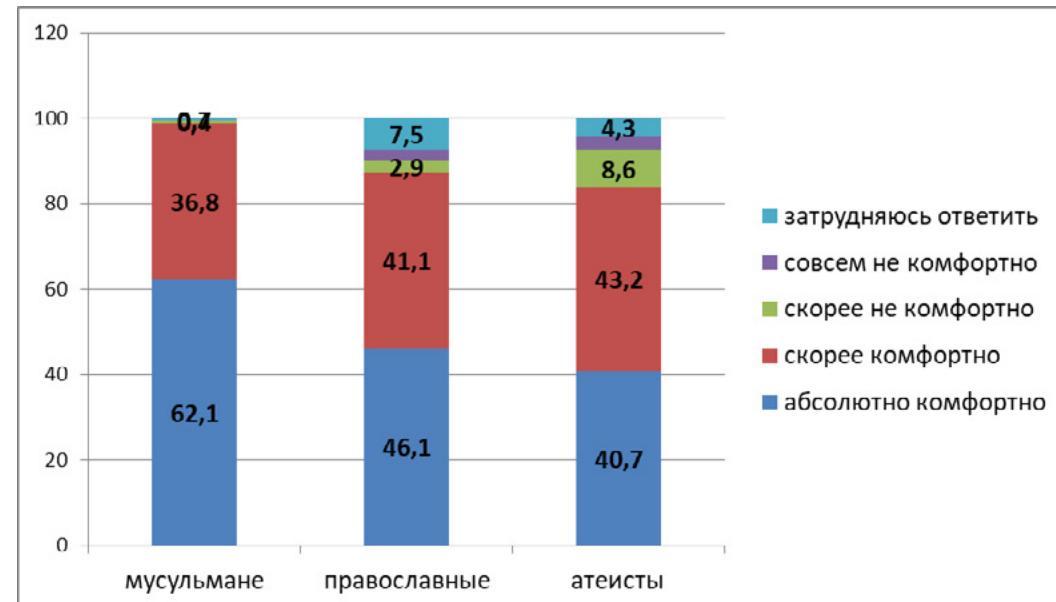
Вместе с тем, неверующие горожане также высказывают мнение, что верующие группы чувствуют себя более комфортно, что связано с более привилегированным отношением со стороны государства, особенно в контексте закона об оскорблении чувств верующих:

«Разделять людей на верующих и неверующих, и при этом давать одним больше, а другим меньше — такого быть не должно. Но если смотреть даже по правовой ситуации в России сейчас, то это закон об оскорблении чувств верующих — это просто... это нечто. Это перевес чаши весов, он просто очевиден. Так не должно быть» (ПМА 2021, фокус-группа — неверующие).

В сфере неформального бытового взаимодействия можно отметить следующие особенности. Так, религиозные практикующие горожане четко ориентированы на монорелигиозные браки, что индуцируется не столько предубеждением к иной

Рисунок 5.

«Насколько следующим группам комфортно в Татарстане?»
(г. Казань, 2021 г., %)

вере (по крайней мере, декларативно), сколько тем, что люди одних религиозных убеждений лучше понимают друг друга в жизненных обстоятельствах:

«Лучие конечно брать [брачного партнера] из ислама, в плане того, что вместе держась друг за друга и так далее. Какие-то вопросы друг другу пояснять и поддерживать. Но я, конечно, могу привести пример моих бабушки и дедушки. Бабушка у меня православная, а дед — мусульманин, в одной комнате иконы висят, в другой Коран стоит. Но тут возникает большой и сложный вопрос — дети. Потому что детям будет сложно определиться с религией. Вот мой папа как раз поэтому ходит и в мечеть, и в церковь. Он все еще до конца не определился» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Для меня выбор супруга в зависимости от религиозного мировоззрения был важен. Это произошло в момент, когда у меня происходило возвращение. И да, я хотела выйти замуж за православного человека. Живя с мужем уже 14 лет, я считаю, что это правильный выбор. Я бы не смогла, скорее всего, жить с человеком другого вероисповедания. То есть, если бы у меня было более поверхностное восприятие религии, то возможно было бы — всестерпится, слюбится. Все-таки для православных это важно: выбор супруга, крещение детей, обрядовость, таинства — это все должно присутствовать» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

«Касаемо семьи, я скажу всем известную вещь, что брак с иноверцами запрещен. То есть, если человек является верующим, православным, то брак с иноверцами запрещен. В этом не будет никакого смысла, да и пользы тоже не будет. И это

совпадает с моим мнением. Если я православный, то я буду искать православную жену себе. И я знаю позицию исламских духовных лидеров на этот счет, и православных. Все говорят, что нужно брать себе в жену/мужья человека одной веры» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Мусульмане чаще отмечают важность фактора религиозной принадлежности в повседневной жизни, при получении медицинских, образовательных и других потребительских услуг:

«Фактор религиозной принадлежности, конечно, определенную роль играет. По поводу образовательных, медицинских услуг. Единственное ограничение в плане медицинских услуг, это чтобы врач была женщина. Но я не имею в виду всех врачей, но хотя бы «женский» специалист, чтобы была женщина. Потому что когда ты входишь в кабинет и видишь, что там мужчина, то ты так разворачиваешься медленно и выходишь, думаешь «Не сегодня», как-то некомфортно. В плане тех же потребительских услуг, это опять-таки продукция «Халяль» (ПМА 2021, фокус-группа — мусульмане).

«Если говорить об услугах, то у нас меньше таких проблем, чем у тех же мусульман, у которых халяльная продукция, особые требования к женским врачам. В православии, может быть, я плохо так знаю религию, но я такого не встречала. Конечно, есть посты, но продукты, которые ты в них ешь, можно купить везде, нет каких-то особых требований. По поводу других услуг, лично для меня никакой роли вообще не играет, потому что я не вижу никакого различия. В плане образования, это вопрос нашего отношения. Мне, в принципе, без разницы. Главное, чтобы не было перегибов» (ПМА 2021, фокус-группа — православные).

Таким образом, имеющее богатый кросс-культурный опыт религиозное пространство Казани можно охарактеризовать следующим образом. Религиозная идентичность является важной частью социальной идентичности жителей Казани. Верующие горожане, независимо от религиозной принадлежности, демонстрируют схожие взгляды в вопросах религиозного мировоззрения и религиозных практик, роли религии в обществе, реализации прав верующих и формата взаимоотношений религии и государства. Неверующие горожане чаще настроены более критично, чаще высказываются против усиления роли религии в различных сферах общественной и политической жизни.

Для верующих горожан сохраняется роль религии как важного солидаризующего фактора и интегрирующего признака, она выступает значительным инструментом поддержания этнической идентичности православных русских и татар-мусульман. Среди последних более выражена догматическая ориентация на стремление соблюдать предписанные исламом обряды и практики, что, в свою очередь, заставляет мусульман острее воспринимать отход от выполнения необходимых для «истинно верующего» норм.

У обеих верующих групп в большинстве своём отсутствует артикулированный запрос на прозелитизм и обязательное распространение своего учения в аут-группах. Вера остается внутренним (самой личности или микрогруппы — семьи, род-

ных, близких) делом, которое должно подкрепляться социальной значимостью (добрими делами, благотворительностью и т. д.). Этот тренд на «мирное сосуществование» разных мировоззрений подкрепляется и ростом в обеих группах численности тех, кто занимает позицию осознанного выбора религии самим человеком и самостоятельным приходом к вере.

Во всех изучаемых группах значительно количество респондентов, оценивающих ситуацию в религиозной сфере Республики Татарстан как «в целом, спокойную, стабильную». Более позитивно оценивают ситуацию мусульмане, неверующим сложнее оценивать религиозную ситуацию: выбор позиции «затрудняюсь ответить» среди них встречается в среднем в полтора раза чаще, чем в группах верующих. Эта же позитивная оценка в изучаемых группах сохраняется и при анализе межэтнических отношений. Большинство респондентов либо полностью исключают вероятность локальных конфликтов на религиозной почве, либо считают ее маловероятной. Вместе с тем, в религиозном пространстве казанцы выделяют определённые риски и угрозы, которые при попустительстве регулирующих институтов или сознательном негативном вмешательстве могут привести к дисбалансу тонко настроенную конфессиональную гармонию. Среди них противоречия между верующими и атеистами, конфронтация между различными течениями ислама, в том числе между импортируемыми фундаменталистскими идеями и так называемым «традиционным для татар исламом», создание негативного имиджа ислама в общественном пространстве страны.

Социально-психологическое самочувствие во всех исследуемых группах на протяжении последних лет стабильно хорошее. Большинство респондентов отмечают, что чувствуют себя социально комфортно. Среди практикующих верующих сохраняется долгосрочный и четкий тренд на конфессионально однородные браки. Стабильно высока и доля респондентов, считающих, что все жители республики обладают равными возможностями независимо от вероисповедания: позицию о равенстве возможностей разделяет каждый второй респондент во всех изучаемых группах.

Источники и материалы

ПМА 2021 Ф. 1 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 1. Опись 1. Фокус-группы с жителями города Казань. Количество: 15 единиц. 2021 год.
 ПМА 2021 Ф. 2 — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Опись 1. Опрос жителей Республики Татарстан 18–70 лет. Количество: 840 единиц. 2021 год.
 Официальный портал мэрии города Казани. <https://kzn.ru/o-kazani/> (дата обращение 20.08.2022)

Научная литература

Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / Под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.
 Будина О. Р., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. № 6. С. 21–31.
 Современный город и социально-культурная модернизация России: X Конгресс этнографов и антропологов России, г. Москва, 2–5 июля 2013 г.: тезисы докладов / *редкол.: М. Ю. Мартынова (отв. ред.), Н. А. Лопуленко, Н. А. Белова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2013. 301 с.*

References

- Budina O. R. and M. N. Shmeleva. 1977. Etnograficheskoe izuchenie goroda v SSSR [Ethnographic Study of a City in the USSR]. *Sovetskaia etnografia* 6: 21–31.
- Shabaev, Yu. P. and I. L. Zhrebtssov (eds). 2013. Antropologiya goroda. Issue 1: *Kul'turnye simvolы i obrazy v gorodskom prostranstve. Etnichnost' i gorodskaya identichnost'* [Anthropology of the City. Issue 1: Cultural Symbols and Images in Urban Space. Ethnicity and Urban Identity]. Syktyvkar: Institut Yazika, literature i istorii UrO RAN. 192 s.
- Martynova, M. Yu., N. A. Lopulenka and N. A. Belova (eds.). 2013. *Sovremennyi gorod i sotsial'no-kul'turnaya modernizatsiya Rossii: X Kongress etnografov i antropologov Rossii, g. Moskva, 2–5 iiulia 2013 g.: tezisy dokladov* [Modern City and Socio-Cultural Modernization of Russia: X Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. Abstracts] Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 301 p.

УДК 314.156

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/319-337

Научная статья

© Ф. Г. Сафин, Ф. Р. Кульшарипов, С. В. Скогорев

КОНТРАДИКТОРНОСТЬ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В БАШКОРТОСТАНЕ (1979–2020 ГГ.)*

В статье, на основе данных переписей населения, раскрыта динамика изменения численности этнических групп в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI вв. В Башкортостане вот уже более 40 лет не утихают споры относительно идентичности населения западного и северо-западного районов. Если в ряде переписей населения (1979, 2002 гг.) в указанных районах преобладает башкирское, то в других (1989) — татарское население. Абсолютное большинство местных жителей в этих районах своим родным языком считает татарский. Исходя из проявляющейся тенденции, в данной статье нами предпринята попытка анализа этнодемографической и этноязыковой ситуации в республике по ареалам компактного расселения татар и башкир. Отмечается, что часть населения западного и северо-западного районов Башкортостана еще в начале XX в. родным языком считала татарский, несмотря на то, что они в переписных материалах учитывались как башкиры. Перепись 1989 г., прошедшая в поздний советский период, показала существенный рост татар в Башкортостане. Однако, первая постсоветская перепись 2002 г. выдала рост башкир на 357 тыс. чел., при существенном сокращении татарского населения в республике, что, в свою очередь, вызвало определенные споры по ее итогам. Данные парадоксы последних переписей, для наиболее полного раскрытия суть происходящих тенденций, представлены в разрезе районов по ареалам компактного расселения башкирской и татарской этнических групп, что позволило бы наиболее объективно понять суть данных этнодемографических процессов в Башкортостане. В свете прошедшей в 2020 г. переписи также раскрываются этнодемографические

Сафин Фаиль Габдуллович — д. и. н., проф., главный научный сотрудник, зав. отделом этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева — ОСП ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН» (Российская Федерация, 450077 Уфа, ул. Карла Маркса, 6); профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет». Эл. почта: failsafin@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4862-1386>

Кульшарипов Фаниль Рамилевич — аспирант отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева — ОСП ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН» (Российская Федерация, 450077 Уфа, ул. Карла Маркса, 6). Эл. почта: hitry88@gmail.com

Скогорев Сергей Васильевич — аспирант отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева — ОСП ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН» (450077 Уфа, ул. Карла Маркса, 6). Эл. почта: svsko@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН, № ААА–А21–121012290085–3

изменения, имеющие место в городах республики, а именно, в башкиро-татарской численности.

Ключевые слова: этнодемография, Урало-Поволжье, Башкортостан, этнические группы, идентичность, родной язык, этноязыковая среда, ареалы расселения

Ссылка при цитировании: Сафин Ф. Г., Кульшарипов Ф. Р., Скогорев С. В. Контрадикторность этнодемографических процессов в Башкортостане (1979–2020 гг.) // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 319–337.

UDC 314.156

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/319-337

Научная статья

© Fail Safin, Fanil Kulsharipov and Sergey Skogorev

THE CONTRADICTION ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN BASHKORTOSTAN (1979–2020)

The article, based on population census data, reveals the dynamics of changes in the number of ethnic groups in the Republic of Bashkortostan at the turn of the 20th-21st centuries. The ethnic identity of the population of the Western and North-Western districts has been a subject of disputes for more than 40 years in Bashkortostan. According to the population censuses of 1979 and 2002, Bashkirs prevail in these areas, while the censuses of 1989 and 2010 reflect the prevalence of Tatars. The absolute majority of the local population in these areas consider Tatar their native language. In this article we attempted to analyze the ethno-demographic and ethno-linguistic situation in the republic by the areas of compact settlement of the Tatar and Bashkir population. A part of the population of the Western and North-Western districts of Bashkortostan at the beginning of the 20th century considered Tatar their native language, although the census materials registered them as ethnic Bashkirs. The 1989 census, which took place in the late Soviet period, showed a significant increase in the number of Tatars in Bashkortostan. However, the first post-Soviet census of 2002 showed the growth of 357 thousand people in Bashkir population, with a significant reduction in the Tatar population in the republic, which, caused some controversy over its results. The article presents these paradoxes of recent censuses in the context of districts by areas of compact settlement of ethnic Bashkirs and Tatars for the most complete disclosure of the ongoing trends. This allowed for a more objective understanding of the essence of these ethno-demographic processes in Bashkortostan. The study also revealed the ethno-demographic changes taking place in the cities of the republic, and, consequently, in the Bashkir-Tatar population in them in the light of the last census of 2020.

Keywords: ethnodemography, Ural-Volga region, Bashkortostan, ethnic groups, Identity, native language, ethno-linguistic environment, areas of settlement

Authors Info: Safin, Fail G. — Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Ethnopolitology, Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev — the Russian Academy of Sciences Ufa Federal Research Center; Professor of the Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Petroleum Technical University (Russian Federation, Ufa). E-mail: failsafin@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4862-1386>

Kulsharipov, Fanil R. — postgraduate student of the Department of Ethnopolitology, the Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev — the Russian Academy of Sciences Ufa Federal Research Center (Russian Federation, Ufa). E-mail: hitry88@gmail.com

Skogorev, Sergey V. — Postgraduate student of the Department of Ethnopolitology, the Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev — the Russian Academy of Sciences Ufa Federal Research Center (Russian Federation, Ufa). E-mail: svsko@yandex.ru

For citation: Safin, F. G., F. R. Kulsharipov and S. V. Skogorev. 2023. The Contradictory of Ethnodemographic Processes in Bashkortostan (1979–2020). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 319–337.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences Ufa Federal Research Center, project № AAAA-A21-121012290085-3.

Перепись 2020 г. преподнесла новые сюрпризы относительно численности многих народов страны. В этом смысле не избежали парадоксов народы, проживающие в республиках Волго-Уральского региона. За межпереписной период, с 2010 по 2020 гг. численность населения в них, за исключением Башкортостана и Татарстана имела тенденцию сокращения. Если в Башкортостане за эти годы численность населения увеличилась минимально, всего лишь на 19 131 чел., то в Татарстане она выросла на 218 321 чел., превысив 4 млн. рубеж. Правда, уже через год в информационных сообщениях Росстата отмечалось, что численность постоянного населения в Татарстане на 1 мая 2023 г. составляла 3 902 888 чел. (Население РТ 2023), т. е. уже на 100 тыс. чел. меньше.

Наибольшее сокращение численности населения было отмечено в республиках Удмуртия — на 68,5 тыс. чел., Чувашия — на 64,8 тыс. чел., Мордовия — на 51,2 тыс. чел. и Марий Эл — на 19,3 тыс. чел. (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 1). В целом по стране численность татар сократилась более чем на 600 тыс. чел. По этому поводу много было рассуждений на тему «Куда пропало столько татар по стране?» (Кашафутдинова 2022, Исхаков 2023, Тищков 2023, Политика 2023).

Среди титульных этнических групп в республиках увеличение численности отмечалось у башкир в Башкортостане — на 96,5 тыс. при их общей численности 1 268,8 тыс. чел. и у татар в Татарстане — 78,6 чел., которые составили 2 091,1 тыс. чел. Среди других национальных республик региона наибольшее сокращение титульной этнической группы отмечено в Чувашии — на 129,8 тыс. и в Удмуртии — на 110,7 тыс. чел., в меньшей степени в Марий Эл — на 44,3 тыс. и в Мордовии — на 42,3 тыс. чел. (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 1). Особый интерес среди этих республик вызывают Башкортостан и Мордовия. В Мордовии численность титульной группы мордвы с 283 861 чел. в 2002 г. увеличилась в 2010 г. на 55 740 чел. и достигла 333 112 чел. К 2020 г. она

имела тенденцию сокращения на 42 362 чел., составляя 290 750 чел. В Башкортостане, наоборот, в ходе Всероссийской переписи 2002 г. численность башкир в республике увеличилась на 357 тыс. чел., а в 2010 г. наблюдалось сокращение на 49 тыс. чел. В 2020 г. численность башкир уже увеличивается на 96 тыс. чел. и доходит впервые за всю историю республики до 1 268,8 тыс. чел. (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 1.). Удельный вес башкир в республике составил 31,5%. В целом по стране башкиры сократились на 12 677 чел. Положительное сальдо титульных этнических групп в республиках за все эти годы без скачков стабильно оставалось только в Татарстане.

Одним из главных маркеров этнической идентичности выступает признание родным языка своей национальности. Следующим парадоксом в этом смысле представляется увеличение доли родного языка у титульных этнических групп Урало-Поволжского региона. Например, если по переписи 2010 г. из 5 310 649 татар по стране 4 202 096 признали родным татарский язык, что составляло 79,1%, то по данным 2020 г. доля с родным татарским была отмечена на уровне 83,2%. Аналогичная ситуация зафиксирована и среди башкирского населения страны в целом. В 2010 г. 71,5% башкир признали родным языком башкирский (Национальный состав 2013: 80), а в 2020 г. доля таковых была существенно выше — 83,0%. Соответственно, признание родного языка составляло: среди чувашского — 71,1% и 74,4%, марийского — 70,5% и 74,8%, удмуртского населения — 62,1% и 69,1% (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 4). Из шести титульных этнических групп лишь у мордвы России показатели родного языка своей национальности в 2020 г. были ниже (55,3%), чем в 2010 г. (59,0%). Данные предыдущих переписей населения показывали сокращение родного языка своей национальности практически у всех этнических групп в пользу русского. По данным переписи 2020 г. в целом по стране среди чувашей 25,5% в качестве родного отметили русский язык, марийцев — 20,4%, удмуртов — 30,7%, мордвы — 30,3%. Самый низкий показатель с родным русским языком отмечен среди татар — 16,3% и башкир — 9,9% (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 4).

Анализ этнодемографического развития в национальных республиках на рубеже XX–XXI вв. по данным переписей населения показывает о периодическом колебании численности титульных этнических групп. В этом смысле своеобразные скачки численности населения происходят в Башкортостане, особенно между башкирами и татарами. Поэтому цель данной статьи направлена на раскрытие парадоксов этнодемографического и этноязыкового развития этнических групп в Башкортостане.

Общая численность населения Республики Башкортостан с 2010 по 2020 гг. увеличилась на 19 131 чел. При этом рост численности имели только башкиры, русские, а также узбеки (10 148) — в 1,3 раза и таджики (8 073 чел.) — в 2 раза. Численность башкир в 2020 г. по сравнению с 2010 г. увеличилась на 96 519 чел., русских — на 76 320 чел. (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 1). Хотя, ряд экспертов прогнозировали «далнейшее сокращение абсолютной и относительной численности русских в республике» (Габдрахиков 2021: 21). При этом существенно сократилась численность татар — на 34 762 чел. Имеющие более 100 тыс. чел. чуваши и марийцы впервые оказались за чертой стотысячного показателя. Численность чувашей со 107 450 чел. в 2010 г. уменьшилась до 79 950 чел. в 2020 г., сократившись на 27 500 чел. Численность марийцев также имела тенденцию существенного сокращения: с 103 658 до 84 988 чел., уменьшение составило 18 650 чел. При этом следует отметить, что самый высокий показатель среднего числа рождений в Республике Башкортостан

отмечен у мариек — 2,132, чувашек — 2,078 и башкирок — 2,035 (Баймухаметова и др. 2014: 38).

Таблица 1.
Динамика национального состава населения Республики Башкортостан
1979–2010 гг.*

Национальности	1979	1989	2002	2010	2020
	Численность, чел./%				
Все население	3 844 280	3 943 113	4 104 336	4 072 292	4 091 423
башкиры	935 880 24,3	863 808 21,9	1 221 302 29,8	1 172 287 29,5	1 268 808 31,5
татары	940 446 24,5	1 120 702 28,4	990 702 24,1	1 009 295 25,4	974 533 24,2
русские	1 547 893 40,3	1 548 291 39,3	1 490 713 36,3	1 432 906 36,0	1 509 246 37,5
чуваши	122 344 3,2	118 509 3,0	117 317 2,9	107 450 2,7	79 950 3,0
марийцы	106 793 2,8	105 768 2,7	105 829 2,6	103 658 2,6	84 988 2,1
украинцы	75 571 2,0	74 990 1,9	55 249 1,3	39 875 1,0	14 876 0,4
мордва	35 900 0,9	31 923 0,8	26 020 0,6	20 300 0,5	10 970 0,3
удмурты	25 906 0,7	23 696 0,6	22 625 0,5	21 477 0,5	17 149 0,4
белорусы	17 393 0,4	17 038 0,4	17 117 0,4	11 680 0,3	3 753 0,1
немцы	11 316 0,3	11 023 0,3	8 250 0,2	5 909 0,1	2 845 0,07
азербайджанцы	1 103 0,03	2 373 0,06	5 026 0,1	5 737 0,1	4 928 0,1
армяне	1 517 0,04	2 258 0,06	8 784 0,2	9 407 0,2	9 128 0,2
таджики	292 0,01	735 0,02	2 939 0,07	4 127 0,1	8 073 0,2
казахи	2 876 0,07	3 564 0,09	4 092 0,1	4 373 0,1	3 796 0,09
узбеки	1 386 0,04	2 282 0,06	5 145 0,1	7 945 0,2	10 148 0,2
латыши	2 604 0,07	1 956 0,05	1 508 0,04	1 117 0,03	465 0,01

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

Постоянно проживающие в республике этнические группы, имеющие «подпитку» из села, также претерпели существенное сокращение. Например, в 2020 г. удмурты по сравнению с 2010 г. сократились на 4 328 чел., мордва — на 9 330 чел., украинцы — на 24 999 чел., белорусы — на 7 927 чел., немцы — на 3 064, латыши — на 652 чел. (ТА ТОФСГС по РБ 2020).

Существенно выросло число узбеков — до 10 148 чел. и таджиков — 8 073 чел. (почти в 2 раза). Незначительно сократилась численность армян, составив 9 128 чел., азербайджанцев — 4 928 чел., казахов — 3 796 чел., грузин — 1 005 чел. (ТА ТОФГС по РБ 2020).

По Республике Башкортостан из 1 268 806 башкир свое владение башкирским языком признали 940 315 чел. (74,1%), использование его в повседневной жизни отметили 828 328 чел. (65,3%). Из всех башкир по данным переписи 2020 г. 578 682 или 45,6% проживало в городах и 690 124 (54,4%) в сельской местности. В городах о своем владении башкирским языком сообщили 336 103 чел. (58,1%) и о его использовании в повседневной жизни 300 992 чел., соответственно, в сельской местности — 604 212 (87,5%) и 527 336 чел. (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 6.)

Всего по республике башкирский язык родным признало 1 116 849 чел., что составило 88,0% от всех башкир. Но, помимо башкир, здесь учтены и представители других национальностей, считающих родным башкирский (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 6).

Владение русским языком отметило 4 030 888 чел. населения республики или 98,5%. Из них используют его в повседневной жизни 3 856 676 чел. (94,3%). Среди горожан 2 497 430 чел. признают родным русский язык (60,5%), из них используют его в повседневной жизни 2 476 065 чел. На селе 1 533 458 чел. (38,0%) отметили родным русский язык, из них 1 380 611 используют его в повседневной жизни. Если учесть то, что всего русских на селе проживает 355 938 чел. (23,6%), то доля русских с родным русским языком в данном контексте составила лишь немногим менее трети (30,2%) русскоязычного населения. Иными словами, 1 177 520 чел. нерусского населения на селе признало в качестве родного русский язык (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 6).

Татарский язык в Республике Башкортостан из 974 533 чел. в качестве родного признали 822 919 чел. (84,4%), из них 737 941 (75,7%) использует его в повседневной жизни. В городах проживает 618 402 чел. татарской национальности, что составляет 63,4% всех татар республики. Из них лишь 347 512 чел. родным признали татарский язык, т. е. немногим более половины (56,2%) горожан-татар. Из них 309 679 чел. используют его в повседневной жизни. Среди сельчан количество признавших в качестве родного языка составило 475 407 чел., из них 428 262 используют его в повседневной жизни (ВПН 2020: Т. 5. Табл. 6). Но на селе численность татар составила в 2020 г. 356 131 чел., а родным татарский язык признали 475 407 чел., т. е. на 119 276 чел. больше, чем все татарское население, проживающее в сельской местности. Иными словами, большая часть из них «северо-западные» башкиры, некоторая часть — марийцы, удмурты и весьма незначительная — чуваши. Получается, что около 10% башкир в качестве родного отметили татарский язык.

Следующий момент заключается в том, что по данным переписи населения 2002 г. численность башкир, владеющих марийским языком составила 3 126 чел. (Национальный состав 2006: 62), а в 2010 г. 1 309 чел. (Национальный состав 2013: 60). В данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. численность башкир, владеющих другими языками, составила 592 чел. (Национальный состав 1990: 29). Всего по республике владеющих марийским в качестве второго языка было 917 чел. Иными словами, сравнивая данные трех переписей населения, можно констатировать, что количество башкир с родным марийским и владеющих марийским в качестве второго языка, в таких масштабах нисколько не вписываются в тенденции развития этноязыковых процессов в полиглоссических регионах. Более того, у башкир помимо

марийского, по данным 2002 г. отмечено владение казахским — 2 162 чел., чувашским — 1 909 чел., удмуртским — 1 336 чел. и узбекским — 5 151 чел. Иными словами, можно предположить, что в составе башкир были учтены не только татары, но и марийцы, удмурты, чуваши, узбеки, казахи и ряд представителей других национальностей (Национальный состав 2006: 61–63).

Как уже отмечалось в ряде предыдущих работ, основным источником роста титульного населения в Башкортостане в 2002 г. было включение в их состав татароязычных жителей северо-западных районов республики (Габдрафиков 2004, Габдрафиков и др. 2013, Сафин 2005), а также высокая рождаемость среди башкир восточных районов (Прогноз 2003).

Однако к 2010 г. часть татароязычного населения западных и северо-западных районов снова вернулась в татарскую идентичность и численность татар в республике снова превысила миллионный рубеж, а башкиры сократились на 49 тыс. чел. Столь резкий скачок численности татарского и башкирского населения снова стал одним из дискуссионных тем в научной и публицистической литературе (Габдрафиков и др. 2013). Академик РАН В. А. Тишков по поводу результатов переписи 2002 г. в Башкортостане заявил, что в Башкирии не менее 100 татар были включены в состав башкирского населения (Тишков 2016). Отмечая этническую мобилизацию в момент проведения переписи 2020 г., он объяснял эту ситуацию, «не только объективными процессами», а и (прежде всего), конструированием этничности через политические и морально-эмоциональное воздействия. Только этими факторами можно объяснить почти двойное увеличение, очень значительный (почти на 100 тысяч) рост численности башкир в Башкортостане и причины того, почему башкиры оказались единственным из поволжских народов, который при выше отмеченном недоучете сохранил свою численность при одинаковой среди них демографической и миграционной ситуации (Бизнес-газета 2021).

Для более полного раскрытия данного парадокса необходимо провести анализ динамики численности населения по ареалам расселения этнических групп в Башкортостане. Наиболее компактно башкиры расселены в юго-восточном и северо-восточном регионах республики, в которых их доля превышает 50% в национальном составе районов. Татарское население компактно проживает в западных и северо-западных районах, а также высокой долей представлено в городах республики. Марийцы и удмурты расселены переселенчески в основном в западных и северо-западных районах. Чуваши проживают повсеместно, особенно высоким удельным весом они были представлены в центральном (Аургазинском — 29,2%, Кармаскалинском — 9,2%), в западном и юго-западном (Бижбуляцком — 35,3%) районах республики. Перепись 2020 г. показала существенное сокращение чувашей как в абсолютной, так и в относительной величине.

Одним из факторов стабильной численности башкир в юго-восточном и северо-восточном регионах является высокая рождаемость среди них. Если средний коэффициент рождаемости по республике в 2002 г. составлял 1,767 детей на 1 тыс. женщин, то среди башкирских он был отмечен на уровне — 2,035 детей (Баймухаметова и др. 2014: 37).

Некоторое сокращение башкирского населения в Баймакском, Ишимбайском и в ряде других районов можно объяснить миграцией башкир в районные центры-города: в Баймак, Сибай, Ишимбай и Учалы, находящиеся в юго-восточном регионе республики.

В районах данного региона высокой остается доля признания башкирами языка своей национальности, которая практически за весь рассматриваемый период остается стабильно высокой. Самый высокий показатель признания родного языка отмечен среди башкир Бурзянского — 99,8% и Зианчуринского районов — 99,4%, самый «низкий» в Белорецком — 97,4%. Одним из факторов, влияющих на сохранение родного языка в районах данного региона, является то, что здесь преобладающее сельское башкирское население в основном общается на родном башкирском языке. В школах и в детских дошкольных учреждениях языком воспитания и обучения выступает башкирский язык. Все это в той или иной степени способствует сохранению родного башкирского языка местным населением на высоком уровне.

Таблица 2.
Башкирское население, признающее в качестве родного язык своего этноса*

Районы	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир, чел. / %	Из них с родным башкир. чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Из них с родным башкир. чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Из них с родным башкир. чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Из них с родным башкир. чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Из них с родным башкир. чел. / %
Абзелиловский	31 053 80,7	30 704 98,9	32 936 84,8	32 770 99,5	38 061 87,9	36 608 96,1	40 200 88,2	39 825 99,1	41 209 91,2	
Баймакский	42 568 76,1	42 394 99,6	46 583 79,6	46 044 98,8	38 795 87,7	38 195 98,5	36 006 88,1	35 839 99,5	34 174 92,1	
Белорецкий	19 185 54,4	19 099 99,6	18 941 57,5	18 548 97,9	18 292 62,8	17 586 96,1	19 854 51,6	19 334 97,4	18 890 54,7	
Бурзянский	12 849 92,3	12 794 99,6	13 525 95,3	13 479 99,7	16 277 96,6	16 051 98,6	16 040 96,1	16 013 99,8	17 201 97,9	
Зианчуринский	18 430 61,2	18 269 99,1	17 843 65,7	17 669 99,0	21 516 71,5	20 559 95,5	19 328 70,0	19 085 98,4	17 690 72,3	
Зилаирский	9 081 42,1	9 034 99,5	9 048 48,4	8 980 99,2	10 555 55,7	10 233 96,6	9 348 56,3	9 295 99,4	8 844 58,7	
Учалинский	28 817 78,0	28 364 98,4	24 122 75,4	23 814 98,7	29 842 83,7	28 749 96,3	28 083 79,1	27 483 97,9	27 468 80,8	
Хайбуллинский	18 087 59,1	17 856 98,7	19 888 66,0	19 536 98,2	25 840 78,1	25 305 97,9	25 863 77,4	25 575 98,9	25 394 82,9	

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения. Данные по языку за 2020 год пока не опубликованы.

Как показали итоги Всероссийской переписи 2020 г. в сельских районах, с преобладающим башкирским населением, потенциал их увеличения практически «иссяк». Из всех районов, в которых преобладает башкирское население, лишь в Абзелиловском и Бурзянском, было отмечено увеличение их численности немногим более на 1 тыс. чел., при их доле 91,2% и 97,9% в составе населения районов.

В городах юго-восточного региона численность и доля башкирского населения с 1979 по 2010 гг. существенно выросли, особенно в гг. Баймак и Сибай. Численность башкир в г. Сибай за этот период повысилась почти в 2 раза, увеличившись почти на 15 тыс. чел. Темпы роста башкир в г. Баймак и Учалы составили 1,8 раза.

Поскромнее было увеличение численности башкир, в населенных пунктах, входящих в Белорецкий горсовет — лишь немногим более на 1 тыс. чел., поскольку на базе двух поселков, входящих в Белорецкий горсовет, было образовано новое городское поселение Межгорье, в котором доля башкир составила 24,0% с численностью 4 165 чел. Несмотря на высокую долю русскоязычного населения в данном населенном пункте, среди башкир высоким остается признание в качестве родного башкирского языка. Несмотря на некоторое снижение родного башкирского языка по сравнению с данными предыдущих переписей в г. Белорецке данный показатель составил 85,1%, в г. Баймак — 98,2% (Табл. 2).

Таким образом, практически во всех городах юго-восточного региона республики, где компактно проживают башкиры их численность с 2010 по 2020 г. увеличилась от 1,5 тыс. до более чем на 2 тыс. чел. Но при этом, в одинаковых социально-культурных условиях существенно сократилась численность татарского населения.

В районах, расположенных на юге республики, лишь в Стерлитамакском выросла численность как башкир (на 3 тыс.), так и татар (на 1,7 тыс. чел.).

Если по переписи 1989 г. для южных районов была характерна тенденция к уменьшению численности башкир, то в ходе Всероссийской переписи 2002 г. наоборот, резкое увеличение, что рельефно отражалось на примере Куюргазинского, Мелеузовского, Стерлибашевского, Стерлитамакского и Федоровского районов. При этом лишь в Ишимбайском районе доля башкир составляла более половины жителей района (71,2%).

Наиболее высокий темп роста башкирского населения в указанный период наблюдался в Стерлитамакском районе — 2,2 раза, при существенном увеличении его доли в составе жителей с 11,9% до 21,6%. В остальных районах численность башкир в 2020 г. имела тенденцию сокращения.

Таблица 3.
Численность башкирского и татарского населения
в южных районах Башкортостана*

Районы	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир, чел. / %	Всего татар, чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Всего татар, чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Всего татар, чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Всего татар, чел. / %	Всего башкир, чел. / %	Всего татар, чел. / %
Стерлитамакский	3 880 11,9	7346 22,6	4 537 13,5	8 946 26,6	8 141 21,6	8 138 21,6	8 719 21,6	9 329 23,2	11 847 24,9	11 062 23,2
Стерлибашевский	7 233 27,1	16 195 60,8	5 935 27,3	13 534 62,4	7 321 33,3	12 505 56,8	7 300 36,1	10 958 54,3	6 081 35,1	9 547 55,1
Федоровский	3 076 13,4	7 783 33,9	2 772 14,1	6 895 35,0	3 476 17,7	6 527 33,2	3 687 19,8	5 879 31,9	3 536 21,8	5 159 31,9
Ишимбайский	23 312 69,3	1 882 5,6	17 965 69,7	1 671 6,5	18 335 71,5	1 499 5,9	17 843 71,2	1 498 5,9	15 565 72,6	9 304 4,3
Куюргазинский	9 361 32,3	4 027 14,8	8 401 35,8	3 901 16,6	11 033 43,1	3 501 13,7	10 707 42,6	3 675 14,6	9 744 46,0	2 680 12,6
Мелеузовский	9 706 32,1	3 487 11,5	9 154 34,5	3 936 14,8	10 948 40,9	3 111 11,6	11 365 41,8	3 505 12,9	10 000 39,4	3 343 13,1

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

Аналогичная тенденция проявляется и в городах данного региона, где численность башкир существенно увеличилась за исключением г. Мелеуз (сокращение на 747 чел.). Несмотря на преобладание в городах здесь русскоязычной среды, доля башкир, считающих родным башкирский язык остается стабильно высокой (90%). Вместе с тем, темпы роста башкир с 1979 по 2010 гг. составили в г. Кумертау 6,7%, в г. Ишимбай — 10,1%, в г. Мелеуз — почти 15%. В г. Стерлитамак, несмотря на увеличение удельного веса башкирского населения всего на 5,8%, его численность выросла более чем на 21 тыс. чел., т. е. в 2 раза, а в г. Мелеуз более, чем в 3 раза, при высоком уровне родного башкирского языка (более 90%) (Национальный состав 2013: 80).

Таблица 4.
Численность башкирского и татарского населения
в городах южного региона РБ*

Города	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%
Ишимбай	10 614 18,6	7 525 13,2	16 107 22,9	10 388 14,8	19 964 28,4	10 436 14,9	18 991 28,7	9 411 14,7	22 104 34,8	9 413 14,8
Кумертауский горсовет	6 371 11,2	7 031 12,3	9 136 13,4	8 670 12,7	11 426 16,4	9 004 12,9	11 496 17,1	8 302 13,0	12 745 21,0	6 035 9,9
Мелеуз	5 131 13,3	5 752 14,9	10 632 20,0	8 556 16,1	17 142 27,1	9 513 15,1	17 558 28,6	9 514 15,8	16 811 30,1	7 771 13,9
Салават	18 015 13,1	28 351 20,5	22 858 15,2	30 212 20,0	28 062 17,7	32 214 20,3	27 890 17,9	32 351 20,8	35 621 24,6	28 270 19,5
Стерлитамак	21 299 9,7	52 075 23,6	27 663 11,2	60 947 24,6	41 208 15,6	60 770 23,0	42 497 15,5	64 310 23,9	49 846 18,4	59 713 22,1

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

С 2010 по 2020 гг. в гг. Салават и Стерлитамак рост башкир составлял более 7 тыс. чел., при параллельном сокращении татар, соответственно — более, чем на 4 тыс. чел. В городах южного региона лишь в г. Ишимбай численность татар осталась на прежнем уровне, а в остальных, в отличие от башкир, имела тенденцию существенного сокращения.

В ряде центральных районов наблюдалась тенденция значительного увеличения численности башкир. Например, в Уфимском районе в 2010 г. численность башкир составила 9 318 чел., к 2020 г. она выросла на 14 751 чел. и достигла 24 069 чел., занимая 22,9% в удельном весе этнической структуры района. В Иглинском районе численность башкир увеличилась на 7 тыс., при параллельном росте татар на 3,4 тыс. чел. В Кармаскалинском районе численность башкир возросла на 3 340 чел., татар уменьшилась на 1 561 чел. В Чишминском районе, численность татар в 2010 г. по сравнению с 2002 г. имела тенденцию небольшого роста. Но к 2020 г. число татар сократилось еще на 3 051 чел., при росте башкирского населения на 1 181 чел. Кстати, в данном районе численность татарского населения является одной из высокой по республике (Табл. 5).

Таблица 5.
Численность башкирского и татарского населения в центральных районах Башкортостана*

Районы	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%
Архангельский	9 522 38,0	2 529 10,1	8 508 41,3	2 238 10,9	9 276 46,0	1 860 9,2	8 362 45,2	1 960 10,6	8 108 47,7	1 434 8,4
Аургазинский	5 010 10,6	21 979 46,4	4 173 10,7	18 773 48,2	6 748 17,3	11 740 30,1	6 986 18,9	10 816 29,3	6 421 20,7	8 450 27,2
Благовещенский	2 943 6,6	4 527 19,8	3 491 7,5	4 135 21,8	3 132 19,7	1 643 10,4	2 911 18,8	1 604 10,3	2 801 19,8	1 789 12,7
Гафурийский	18 309 42,1	10 218 23,7	14 816 41,6	8 448 23,7	18 325 49,8	6 474 17,6	15 474 45,7	7 281 21,7	16 234 52,9	5 322 17,3
Иглинский	8 105 16,9	9 007 18,	7 789 17,8	8 249 18,9	15 177 33,4	3 394 7,5	15 830 31,9	6 147 12,4	22 516 33,3	9 618 14,2
Кармаскалинский	11 208 22,3	23 229 46,1	10 471 22,9	21 756 47,6	23 296 42,7	15 811 29,0	20 236 39,3	16 318 31,9	23 676 45,1	14 757 28,1
Нуримановский	8 854 31,5	10 001 35,6	6 574 28,6	8 735 38,0	7 526 34,3	6 863 31,3	7 786 37,4	5 824 28,0	7 825 38,3	5 105 25,0
Уфимский	2 624 5,7	10 680 23,3	4 381 8,3	14 981 28,4	7 711 13,7	17 926 31,8	9 318 13,9	22 568 33,9	24 069 22,9	32 201 30,7
Чишминский	5 518 11,5	28 299 596	5 760 12,7	27 618 60,8	9 934 18,9	27 889 53,0	9 735 18,7	28 599 55,0	10 916 21,5	25 548 50,3

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

Также следует рассмотреть этнический состав двух городов данной части региона, столицы республики Уфы и Благовещенска. С 1979 по 2020 гг. численность башкирского населения в столице выросла в 2,5 раза и его доля достигла 16,1%, что в свою очередь привело к снижению удельного веса русских в столице. Если в 2002 г. русские составили более половины всех жителей столицы, то в 2020 г. их доля снизилась до 48,9%. В период с 2010 по 2020 гг. численность башкир в столице республики выросла на 60 334 чел., русских — на 62 769 чел., тогда как татар только на 21 972 чел. Представляется, что в ходе переписи 2020 г., как это было в 2002 г., определенная часть представителей других тюркских народов была включена в состав башкир. Помимо этого, часть украинцев, чувашей, мордва, белорусов, православные по вероисповеданию и с родным русским языком была инкорпорирована в состав русского населения, т. к. численность русских в республике за этот межпереписной период увеличилась на 76,3 тыс. чел., тогда как за предыдущие межпереписные годы (с 1989 по 2002 и с 2002 по 2010 гг.) наблюдалось сокращение русских на 57 тыс. чел. С 2010 по 2020 гг. численность украинцев в г. Уфе сократилась с 12 845 до 4 543 чел. т. е. в 2,8 раза, чувашей — с 9 420 до 5 818 чел., т. е. 1,6 раза, марийцев с 9 134 до 5 561 чел., т. е. в 1,6 раза, белорусов и мордвы в 3 раза.

За рассматриваемый период в условиях столичной жизни с преобладанием русскоязычной речи доля признания башкирского языка в качестве родного среди башкир имела тенденцию сокращения с 75,0% до 69,3%. В г. Благовещенске пре-

обладающей этнической группой являются русские (56,2%), удельный вес башкир составляет — 13,8%. При этом 86,3% башкир города в 2010 г. в качестве родного признали башкирский язык (Национальный состав 2013: 114).

Таким образом, из рассмотренных девяти районов центрального региона республики в трех наблюдалось сокращение, а в шести — увеличение численности башкир. В трех районах увеличилась численность татар: в Благовещенском — на 185 чел., Иглинском — на 3 471 чел. и Уфимском — на 9 633 чел. (Табл. 5).

В пяти районах юго-западного региона с 1979 по 2010 гг. численность башкир значительно прибавилась в Альшеевском — на 4 тыс. чел., в Бижбуляцком — на 2 тыс., в Миякинском — на 1 тыс. чел. Определенное сокращение численности башкир в Давлекановском районе объясняется тем, что до и во время Всесоюзной переписи населения 1989 г. данные по району и городу учитывались вместе. Начиная со Всероссийской переписи 2002 г. они даются раздельно. В данном районе, как башкирское, так и татарское население, хотя и незначительно, но имело тенденцию сокращения. В 2020 г. существенное сокращение произошло в Альшеевском: татар — на 3 313 чел., башкир — на 2 284 чел., в Давлекановском: татар — на 573 чел., башкир — на 1 352 чел., в Миякинском: татар — на 1 593 чел., башкир — на 1 490 чел. Иными словами, в данном регионе произошло сокращение численности всех национальностей.

Таблица 6.

Численность башкирского и татарского населения на юго-западе Башкортостана*

Районы	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%
Альшеевский	13 009 25,7	1 881 39,3	12 364 26,5	18 927 40,5	17 930 37,0	16 290 33,7	17 001 38,9	14 030 32,4	14 717 40,2	10 717 29,2
Бижбуляцкий	3 441 10,6	10 727 33,0	2 896 10,4	9 722 5,0	6 009 21,5	7 374 26,3	5 730 22,0	6 805 26,1	4 032 18,3	6 642 30,1
Давлекановский**	11 105 26,6	9 679 23,1	10 455 27,0	8 764 22,6	8 365 45,8	8 505 20,2	9 070 49,3	7 321 17,5	7 718 50,4	6 748 18,2
Ермекеевский	9 108 40,4	5 582 24,8	2 057 11,3	9 877 54,4	8 428 46,3	3 699 20,3	4 898 28,6	6 232 36,4	4 729 31,0	5 483 36,0
Миякинский	11 011 32,2	15 079 44,1	7 708 25,5	16 731 55,3	14 126 44,4	12 116 38,1	12 047 42,7	11 091 39,6	10 557 43,7	9 498 39,3

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

** По переписи 2002 г. г. Давлеканово и район даны отдельно.

В северо-восточный регион республики входят 5 районов, в двух из которых в 2020 г. — Салаватском (69,6%) и Мечетлинском (65,5%), башкиры составляют свыше половины жителей. В Дуванском (63,2%) и Белокатайском (48,7%) преобладают русские, а в Кигинском (52,9%) — татары. Несмотря на смешанный состав населения в указанных районах, доля башкир с родным башкирским остается высокой. Данный показатель снизился лишь в Белокатайском районе, в котором долгие годы русские занимали преобладающую часть населения, особенно в районном центре. Численность русских с 2010 г. сократилась на 1 тыс. чел., т. о. они составили немногим менее половины (48,7%) жителей района.

Таблица 7.

Численность башкирского и татарского населения в северо-восточной части РБ*

Районы	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020	
	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%
Белокатайский	9 678 38,8	1 302 5,2	8 909 40,4	1 068 4,9	9 836 43,5	1 124 5,0	8 588 42,6	1 059 5,2	8 479 47,2	537 3,0
Дуванский	5 048 16,3	4 237 13,7	5 447 18,2	4 240 14,2	6 457 20,2	4 249 13,3	6 288 20,3	3 946 12,7	6 490 21,1	4 022 13,1
Кигинский	7 725 37,4	11 096 53,7	6 791 35,9	10 841 57,4	8 192 41,3	10 306 52,0	7 924 41,4	9 825 51,3	6 652 39,5	8 922 52,9
Мечетлинский	12 866 50,7	7 372 29,0	12 042 51,4	6 983 29,8	14 961 58,4	6 052 23,6	14 926 59,6	5 886 23,5	14 781 65,5	3 782 16,8
Салаватский	15 542 55,3	8 460 30,1	15 533 58,9	7 635 28,9	19 091 66,9	6 306 22,1	17 646 66,4	5 934 22,3	16 855 69,6	4 593 19,0

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

Численность русских, помимо этих районов, также сократилась в Благовещенском — на 500 чел., в Дуванском — на 215 чел. и в Бирском — на 930 чел. Наибольшая численность русских отмечена в Уфимском районе (44 868 чел.), рост с 2010 г. составил 14 863 чел. Несмотря на это, доля русских в составе населения Уфимского района каждым разом сокращалась (Табл. 5). Проживание нерусского населения в русскоязычном окружении в свою очередь способствовало росту их доли с родным русским языком. В условиях полигэтнического Башкортостана одним из высоких остаются межэтнические смешанные браки. В таких семьях языком общения часто выступает русский, и в них дети в своем большинстве социализацию проходят на русском языке, и первым разговорным языком, естественно, является русский.

Для районов западного и северо-западного регионов республики характерно периодическое изменение идентичности населения, которое варьируется между башкирами и татарами. В ходе переписи 2002 г. в этих районах произошло основное увеличение численности башкирского населения за счет сокращения татар (Табл. 8).

Например, численность башкирского населения Балтачевского района в 2002 г., в сравнении с 1989 г. возросла на 11 797 чел., то есть в 3,1 раза, а количество татар сократилось на 11 092 чел., то есть в 4 раза. Башкиры Бураевского района за тот же период показали общий рост на 11 307 чел., то есть в 2 раза. Численность лиц татарской национальности сократилась на 12 413 чел., то есть в 5,6 раза. В процентном отношении в 1989 г. доля татар среди жителей Бураевского района составляла 50,8%, а в 2002 г. она сократилась до 9,5% (Табл. 8). Примечательно, такое аномальное возрастание численности башкир было характерно для Кушнаренковского района — 11 121 чел., или приблизительно в 8 раз. Аналогичный скачок наблюдался и в Благоварском районе, где башкирское население с численностью 1 899 чел. в 1989 г., увеличилось до 12 472 чел. в 2002 г., т. е. рост составил 6,6 раз. В то же время, в этих районах обратно пропорционально росту башкир уменьшилась численность татар. В Кушнаренковском районе сокращение татар составило 10 591 чел., в Благоварском районе — 8 565 чел. (Табл. 8).

Таблица 8.
Численность татарского и башкирского населения в западных и северо-западных районах Башкортостана по переписям населения*

	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир. чел. / %	Всего татар. чел. / %	Всего башкир. чел. / %	Всего татар. чел. / %	Всего башкир. чел. / %	Всего татар. чел. / %	Всего башкир. чел. / %	Всего татар. чел. / %	Всего башкир. чел. / %	Всего татар. чел. / %
Аскинский	17 489 61,4	6 027 16,1	14 842 63,3	5 610 23,9	16 959 70,9	4 212 17,6	14 642 68,9	4 125 19,4	13 256 72,9	2 770 15,2
Бакалин-ский	6 829 17,4	2 0305 51,7	2 716 8,4	2 0093 62,2	6 276 19,4	16 710 51,7	4 964 17,3	15 360 53,4	4 527 17,7	13 207 51,6
Балтачев-ский	23 793 73,7	1 942 6,0	5 500 22,1	14 728 59,2	17 297 70,0	3 636 14,7	10 962 51,1	6 701 31,2	9 590 51,7	6 466 34,9
Благовар-ский	11 742 44,9	6 048 23,3	1 899 7,8	14 520 59,8	12 472 48,4	5 955 23,1	11 131 42,8	7 361 28,3	12 414 50,4	6 200 25,2
Бузякский	10 291 30,3	19 902 58,7	8 001 26,2	19 756 64,7	12 528 40,2	15 833 50,8	9 213 30,4	18 239 60,2	8 872 33,8	14 569 55,5
Бураевский	28 624 73,0	6 442 16,4	11 738 39,5	15 102 50,8	23 045 81,4	2 689 9,5	17 401 69,5	5 458 21,8	15 277 70,2	4 687 21,5
г. Дюртюли и район	21 196 38,6	23 133 42,1	13 652 24,2	33 262 59,1	22 899 36,4	30 841 49,0	22 965 35,6	31 430 49,3	21 082 35,9	29 670 50,5
Ермекеев-ский	9 108 40,4	5 582 24,8	2 057 11,3	9 877 54,4	8 428 46,3	3 699 20,3	4 898 28,6	6 232 36,4	4 729 31,0	5 483 36,0
Илишев-ский	33 576 78,8	5 468 12,9	22 946 63,2	11 007 30,3	29 217 80,5	4 958 13,7	27 281 78,8	5 312 15,3	24 496 78,6	5 224 16,8
Калтасин-ский	1 662 5,1	6 203 18,9	885 3,2	5 855 21,1	3 216 11,1	4 568 15,8	2 644 10,2	3 646 14,0	2 755 12,5	3 448 15,6
Караидель-ский	12 530 32,7	14 155 36,9	10 524 34,8	11 109 36,7	12 721 45,0	8 000 28,3	13 120 47,0	7 495 26,9	11 990 49,6	5 719 23,7
Краснокам-ский	10 324 32,4	7 306 23,0	5 771 22,3	9 241 35,7	9 668 35,1	6 176 22,4	8 752 31,3	7 220 25,8	8 241 31,7	5 986 23,1
Кушнарен-ковский	12 115 38,1	14 020 44,1	1 582 5,5	22 232 78,0	12 703 43,3	11 641 39,7	8 950 32,5	13 568 49,5	9 527 35,1	12 029 44,3
Мишкин-ский	2 611 8,0	6 191 18,9	1 523 5,3	5 296 18,5	1 754 6,5	4 291 15,8	1 230 4,9	4 027 16,0	1 126 5,3	3 265 15,5
Татышлин-ский	20 298 67,3	2 076 6,9	13 967 53,6	5 487 21,1	18 770 70,0	1 465 5,5	15 114 60,1	3 754 14,9	15 070 69,5	1 476 6,8
Туймазин-ский**	24 010 61,8	9 719 25,0	9 588 31,3	17 252 56,3	18 515 59,9	8 381 27,1	29 403 45,7	19 305 30,0	27 972 44,1	20 266 32,0
Чекмагу-шевский	13 558 34,1	22 361 56,3	6 107 18,7	24 695 75,6	11 445 34,6	19 510 59,1	9 429 30,7	19 308 62,8	9 943 34,8	16 720 58,6
Шаранский	7 747 26,8	8 114 28,1	1 525 6,4	12 160 51,0	7 614 31,1	6 675 27,3	5 589 24,9	7 404 33,0	4 509 22,9	7 105 36,0
Янаульский	24 380 45,4	10 323 19,3	17 611 36,3	6 070 25,1	23 295 46,0	10 803 21,3	10 231 48,3	2 916 13,8	7 894 44,6	3 040 17,2

* Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

** С 2002 г. пгт. по Туймазинскому району входят в разряд сельских поселений.

Существенное возрастание численности башкир и сокращение татар отмечено в Туймазинском, соответственно: на — 8 927 и 8 871 чел., Чекмагушевском — 5 338 и 5 685 чел., Шаранском — 6 089 и 5 485 чел., Ермекеевском — 6 371 и 6 178 чел., Илишевском — 6 271 и 6 049 чел. районах (Табл. 8).

Таким образом, исследование этнодемографических процессов в западных и северо-западных районах показывает, что возрастание общего числа и удельного веса башкирского населения происходили за счет сокращения татар. Рост башкир вызвал обратно пропорциональное уменьшение татарского населения региона. Если указанную тенденцию ряд исследователей характеризовал, как возврат башкир в прежнюю этническую идентичность (Прогноз 2003), то другие отмечали масштабную фальсификацию данных переписи в пользу башкир, осуществленную манипуляцией результатов и включением в состав башкир татарского населения данного региона административным путем (Габдрахиков 2004, Богоявленский 2008, Исхаков 2005: 36, Тишкин 2016).

В целях понимания более целостной картины этнических процессов на западе и северо-западе республики наряду с этнодемографическими отметим и этнолингвистические аспекты развития ситуации (с 1979 по 2002 гг.) в районах западного и северо-западного регионов (Аскинский, Балтачевский, Бураевский, Илишевский, Татышлинский и Туймазинский районы). Согласно материалам переписи, проведенной в 1979 г., в Балтачевском районе проживало 23 793 лиц башкирской национальности, что составляло 73,7% населения района. В то же время, из них только 583 чел., т. е. 2,5% от общей численности башкир признали родным башкирский язык. В соседнем — Бураевском, из 28 624 башкир лишь 2 190 чел. или 7,7% в качестве родного признали башкирский язык. Этот же показатель в Илишевском и Аскинском районах составил — 5,1%, Татышлинском — 3,7%, Туймазинском — 4,3% (Национальный состав 1981).

С 1979 по 2002 гг. произошло значительное возрастание численности башкир Аскинского района, признающих родным башкирский язык. Так, согласно материалам переписи 1979 г. только 887 чел. (5,1%) башкирского населения признали родным башкирский язык (Национальный состав 1981: 172). В 1989 г. этот показатель вырос до 41,0% (Национальный состав 1990: 57), а в 2010 г. составил 78,1% (Национальный состав 2013: 93). Подобное значительное изменение параметра признания родным башкирского языка наблюдалось, кроме Аскинского, только в Татышлинском районе РБ. Согласно документам переписи, проведенной в 1979 г. в Аскинском районе из 17 489 представителей башкирского населения района, или 94,6% отметили в качестве родного татарский язык (Национальный состав 1981: 172). В последующие переписи доля башкир с родным татарским постепенно сокращалась: в 1989 г. до 58,6%, в 2002 г. — до 12,3%. Перепись 2010 г. показала некоторое увеличение башкир с родным татарским языком. Из 14 642 башкир уже 20,9% стали снова татароязычными (Национальный состав 2013: 93). С точки зрения видного языковеда республики, академика АН РБ З. Г. Ураксина, «ситуация в регионе в этноязыковом плане формировалась под долгим воздействием комплекса факторов, среди которых социально-экономические, этнодемографические, этноязыковые и другие факторы» (Ураксин 1987: 9). Более того этноязыковая ситуация формируется не за одно десятилетие, а в течение нескольких столетий и даже тысячелетиями. Так, данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., которая прошла 100 лет назад, являются тому подтверждением, согласно ей, в Бирском кантоне 55,1% населения было татароязычным, 27,8% — русскоязычным, 12,0% — мариязычным, 3,9% — удмуртоязычным и лишь 0,9% — башкироязычным. В Белебеевском кантоне

не более половины (50,8%) населения были с родным татарским, 26,8% — русским, 7,2% — чувашским и 5,2% — родным башкирским, хотя из 118 152 башкир, родным башкирским отметили 28 807 чел. (24,4%). Иными словами, еще 100 лет назад свыше половины жителей этих регионов были татароязычными, немногим более четверти — русскоязычными (ВПН 1926: 316–345, Сафин 2005:102–122).

Анализ этнодемографического развития по переписи 2020 г. в этих районах показывает, что потенциал для увеличения башкир в них почти «исчерпан». Лишь в ряде сельских районов имело место увеличения численности представителей титульной этнической группы. К таким районам относятся: Благоварский — рост на 1 283 чел., при сокращении татар на 1 161 чел., Кушнаренковский — рост башкир на 577 чел., при сокращении татар на 1 539 чел., Чекмагушевский — рост башкир на 514, сокращение татар — на 2 588 чел. (ТА ТО ФСГС по РБ 2020).

Основным источником увеличения башкир в ходе переписи 2020 г. стали города, особенно, расположенные в западном регионе. В ряде городов, например, в г. Туймазы, численность башкир увеличилась более, чем на 7 тыс., при сокращении татар на 4 тыс. чел. В гг. Агидель и Янаул также наблюдалась аналогичная ситуация, незначительный рост численности башкир на 752 и 793 чел. и соответственно, сокращение татар на 1 160 и 479 чел. Во всех городах данного региона, кроме г. Бирска, численность башкир увеличилась.

Таблица 9.
Численность башкирского и татарского населения, признающего в качестве родного язык своего этноса, в городах РБ*

Города	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%	Всего башкир, чел. /%	Всего татар, чел. /%
Белебеевский горсовет	3 344 5,0	15 786 23,7	4 155 5,5	18 026 23,9	9 427 11,0	20 282 23,6	9 952 12,3	19 128 23,6	9 851 12,5	18 180 23,1
Бирск	2 178 7,2	4 925 16,2	2 780 8,0	6 235 18,0	4 345 10,9	7 683 19,2	6 305 14,5	7 270 16,8	5 698 12,4	9 001 19,5
Нефтекамск	12 736 16,8	23 547 30,0	22 601 20,9	36 075 31,4	32 877 26,9	39 606 30,5	34 136 25,6	41 701 31,5	37 214 26,5	45 057 32,0
Октябрьский	7 883 8,9	29 210 33,1	9 822 9,4	38 600 36,9	14 235 13,1	40 306 37,1	14 406 13,1	41 346 38,1	16 054 14,3	43 044 38,2
Туймазы	5 643 12,9	20 039 45,9	7 666 13,1	29 315 50,2	15 315 23,0	29 724 44,6	14 500 22,0	30 900 46,8	22 282 32,8	26 717 39,3
Агидель			4 502 26,9	7 419 44,3	7 806 41,7	6 681 35,7	3 165 19,3	7 662 53,6	3 917 27,8	6 502 46,1
Благовещенск	965 4,5	2 654 12,3	1 719 6,2	4 097 14,8	6 352 19,3	3 308 10,0	4 712 13,8	5 216 15,5	6 008 17,0	5 489 15,6
Янаул	7 211 34,0	6 163 29,1	8 004 32,8	8 129 33,3	11 990 43,0	7 760 27,8	10 574 39,3	8 034 29,9	11 367 44,2	7 555 29,4

Источник: Таблица составлена по данным переписей населения.

По данным Всероссийской переписи 1989 г. из 54 районов республики в 10-ти башкирское население составляло более половины жителей. Свыше половины жителей башкиры составляют в гг. Баймак, Сибай и Учалы, расположенных в юго-вост-

точном регионе республики. Татароязычное население большинством представлено в 18 районах, а еще в семи занимает по численности первое место. В 5 городах западного и северо-западного регионов удельный вес татароязычного населения составляет более половины их национального состава (Национальный состав 1990).

Таким образом, анализ этнодемографического развития населения Республики Башкортостан показывает, что данная проблема в современных условиях носит не только социальный характер, но и приобретает этнополитическое звучание. Ибо повышенное внимание этнических групп к численности своей национальности воспринимается через политическую призму. Вместе с тем, рассмотрение этнической идентичности титульной этнической группы — башкир в контексте этноязыковой составляющей показывает, что этим процессам присущи неоднозначность и противоречивость. В то же время рельефно обозначены факторы нестабильности демографического развития башкир в одноименной республике, связанного с неустойчивостью этнической идентичности в северо-западных, западных и юго-западных районах, в которых, несмотря на башкирскую самоидентификацию, местное население своим родным признает татарский язык. Иными словами, этноязыковая идентичность населения этих районов различается.

Несмотря на раздвоение идентичности, из переписи в перепись общая численность и удельный вес башкирского населения в составе республики увеличиваются. К тому же, прослеживается возрастание численности башкир с родным башкирским языком, что особенно ярко выражено в районах на северо-востоке и юго-востоке республики.

Учитывая высокий уровень воспроизводства башкирского населения, т. к. рождаемость среди башкирских женщин является одной из высоких в республике, предполагалось увеличение численности башкирского населения за счет естественного прироста. Однако перепись 2020 г. не подтвердила увеличение башкир за счет естественного прироста. Весьма высокое увеличение башкир в республике было осуществлено за счет включения в его состав части тюркоязычных и других этнических групп.

Источники и материалы

Бизнес-газета 2021 — [Линар Фархутдинов, Алексей Лучников](#). «Вот они, красавчики! Это они насаждали «башкиризацию»: Тишков возмущен башкирскими экспертами нацсовета // Бизнес-газета. 21.11.2021. <https://www.business-gazeta.ru/article/530072> (дата обращения 15.06.2023).

ВПН 1926 — Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. I V. M., 1928.

ВПН 2020 — Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Табл. 1, Табл. 4, Табл. 6. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Кашафутдинова 2022 — Кашафутдинова Р. Перепись-2020: татар и русских в России за десять лет стало меньше // Реальное время [Электронный ресурс]. 31.12.22 <https://realnoevremya.ru/articles/269763-tatar-v-rossii-stalo-menshe> (дата обращения 06.03.2023).

Население РТ 2023 — Население Республики Татарстан // BDEX [Электронный ресурс]. <https://bdex.ru/naselenie/respublika-tatarstan/> (дата обращения: 02.07.2023).

Национальный состав 1981 — Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г. Уфа, 1981. 189 с.

Национальный состав 1990 — Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 104 с.

Национальный состав 2006 — Национальный состав населения РБ (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): Статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2006. 198 с.

Национальный состав 2013 — Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник / отв. за вып.: И. Б. Утяшева. В 2 ч. Ч. 2. Уфа: Башкортостанстат, 2013. 189 с.

Политика 2023 — «Где наши 600 тыс. татар, куда они ушли?»: в Штабе татар Москвы обсудили итоги переписи // Новости [Электронный ресурс]. 23.02.23 <https://news.mail.ru/politics/54911549> (дата обращения: 12.05.2023).

Прогноз 2003 — О прогнозируемом росте численности башкирского населения // Республика Башкортостан. 2003. 13 мая.

ТА ТОФСГС по РБ 2002 — Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Население по национальности и родному языку. Табл. 34 С (Абсолютные данные).

ТА ТОФСГС по РБ 2020 — Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Население по национальности и родному языку.

Научная литература

Баймухаметова Г. Р., Сафин Ф. Г., Фатхутдинова А. И. Особенности этнодемографических процессов в Республике Башкортостан (1989–2002 гг.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2014. 144 с.

Богоявленский Д. Все ли российские народы верно посчитали? // Демоскоп Weekly. № 319–320. 4–17 февраля 2008. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета — Высшей школы экономики. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema05.php> (дата обращения 15.06.2020).

Габдрафиков И. М. Переписи населения в татаро-башкирском пограничье: политизация этностатистики // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/17-23>

Габдрафиков И. М. Чудовищная фальсификация или геноцид народов? К итогам переписи населения 2002 г. в Башкирии // Халык ихтыяры (Воля народа). 2004. Ноябрь. № 10.

Габдрафиков И. М., Сафин Ф. Г., Фатхутдинова А. И. Этническая и языковая идентичность: парадигмы и парадоксы результатов переписей населения (на примере Республики Башкортостан) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. 2013. Вып. 15. Т. 1. С. 202–208. https://vek21.penzgtu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2013_15_1.pdf

Исхаков Д. М. Перепись 2002 года в Башкортостане: историко-демографический комментарий к итогам. Казань: Центр этнополитического мониторинга, 2005. 60 с.

Исхаков Д. М. «Татар стали не очень любить»: татарстанский ученый — о переписи населения и палках в колеса от башкир // 116.Ru.КазаньОнлайн. 23.01.23 <https://116.ru/text/politics/2023/01/23/71992490/> (дата обращения: 17.06.2023).

Сафин Ф. Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект Казань: Магариф, 2004. 543 с.

Сафин Ф. Г. Этнодемографические и этноязыковые процессы в современном Башкортостане // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М.: Старый сад, 2005. С. 102–122.

Тищиков В. А. При Рахимове в переписи 2002 года наверняка не менее 100 тыс. татар переписали в башкиры // Реальное время. 22.09.2016. <https://realnoevremya.ru/articles/43432> (дата обращения: 20.06.2023).

Тищиков В. А. Как менялась численность населения России в последние десятилетия. Интервью В. А. Тищкова корр. «Российской газеты» // Российская газета — Федеральный выпуск. 26 февраля 2023 г. № 41 (8986) <https://rucont.ru/efd/803186> (дата обращения: 03.07.2023)

Ураксин З. Г. Некоторые проблемы социологического изучения языков // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 4–16.

References

- Bajmuhametova, G. R., F. G. Safin and A. I. Fathutdinova. 2014. *Osobennosti etnodemograficheskikh protsessov v Respublike Bashkortostan* [Peculiarities of Ethno-demographic Processes in the Republic of Bashkortostan (1989–2002)]. Ufa, IEI UNC RAS. 144 p.
- Bogoyavlenskii, D. 2008. Vse li rossiiskie narody verno poschitali? [Were All the Russian Peoples Counted Correctly?] *Demoskop Weekly. Elektronnaya versiya byulletenya Naselenie i obshchestvo. Institut demografii Gosudarstvennogo universiteta — Vysshej shkoly ekonomiki* [Demoscope Weekly. Electronic Version of the Bulletin Population and Society. Institute of Demography of the State University — Higher School of Economics] 319–320: 4–17. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema05.php>
- Gabdrafikov, I. M. 2021. *Perepisi naseleniiia v tataro-bashkirskom pogranich'e: politizatsiia etnostatistiki* [Population Censuses in the Tatar-Bashkir Borderlands: The Politicization of Ethnostatistics]. *Vestnik antropologii* 3: 17–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/17-23>
- Gabdrafikov, I. M. 2004. Chudovishchnaia fal'sifikatsiia ili genotsid narodov? K itogam perepisi naseleniiia 2002 g. v Bashkirii [Monstrous Falsification or Genocide of Peoples? To the Results of the 2002 Census in Bashkiria]. *Halyl ihyyyar (Volya naroda)* 10: 4–5.
- Gabdrafikov, I. M., F. G. Safin and A. I. Fathutdinova. 2013. *Etnicheskaiia i yazykovaiia identichnosti: paradigmy i paradoksy rezul'tatov perepisei naseleniiia (na primere Respubliki Bashkortostan)* [Ethnic and Linguistic Identity: Paradigms and Paradoxes of the Results of Population Censuses (On the Example of the Republic of Bashkortostan)]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego* 15(1): 202–208. https://vek21.penzgtu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2013_15_1.pdf
- Iskhakov, D. M. 2005. *Perepis' 2002 goda v Bashkortostane: istoriko-demograficheskii kommentarii k itogam* [The 2002 Census in Bashkortostan: Historical and Demographic Commentary on the Results]. Kazan: Centr Etnopoliticheskogo Monitoringa. 60 p.
- Iskhakov, D. M. 2023. «Tatar stali ne ochen' liubit'»: tatarstanskii uchenyi — o perepisi naseleniya i palkakh v kolesa ot Bashkir [“Tatars Have Become Not Very Loved”: the Tatarstan Scientist About the Census and Spokes in the Wheel from the Bashkirs]. *116.Ru.Kazan' onLine*. 23.01.23 <https://116.ru/text/politics/2023/01/23/71992490>
- Safin, F. G. 2004. *Etnopoliticheskoe razvitiie Bashkortostana v XX veke: sotsiolingvisticheskii aspekt* [Ethnopolitical Development of Bashkortostan in the XX Century: Sociolinguistic Aspect]. Kazan: Magarif. 543 p.
- Safin, F. G. 2005. *Etnodemograficheskie i etnoiazykovye protsessy v sovremennom Bashkortostane* [Ethno-demographic and Ethno-linguistic Processes in Modern Bashkortostan]. In *Russkii yazyk v tiurko-slavyanskikh etnokul'turnykh vzaimodeistviyakh* [Russian Language in Turkic-Slavic Ethno-cultural Interactions]. Moscow: Starii Sad. P. 102–122.
- Tishkov, V. 2016. Pri Rakhimove v perepisi 2002 goda naverniaka ne menee 100 tys. tatar perepisali v bashkiy [Valery Tishkov: Under Rakhimov, in the 2002 Census, at Least 100 Thousand Tatars Were Probably Rewritten as Bashkirs]. *Real'noe vremya*. September, 22. <https://realnoevremya.ru/articles/43432>
- Tishkov, V. 2023. Kak menialas' chislennost' naseleniiia Rossii v poslednie desiatiletii. Interv'iui V. A. Tishkova korr. «Rossiiskoi gazety» [How the Population of Russia Has Changed in Recent Decades. Interview with V. A. Tishkov to “Rossiiskaya Gazeta”]. *Rossiiskaya gazeta — Federal'nyj vypusk* [Rossiiskaya Gazeta — Federal issue]. February 26. No. 41 (8986) <https://rucont.ru/efd/803186>
- Uraksin, Z. G. 1987. Nekotorye problemy sociologicheskogo izucheniiya yazykov [Some Problems of the Sociological Study of Languages]. In *Razvitiie obshchestvennyh funkciy bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Development of Social Functions of the Bashkir Literary Language], ed. by E. F. Ishberdin, Z. G. Urazbaeva, Z. G. Uraksin. Ufa: BFAN SSSR. P. 4–16.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/338-353

Научная статья

© Н. Х. Спицына, Н. В. Балинова

АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОПУЛЯЦИЯХ ЭВЕНКОВ

В статье представлены результаты антропогенетических исследований эвенков — уникального малочисленного, в прошлом кочевого народа. Современные эвенки проживают в России, Китае и Монголии. Исследования популяционно-генетической структуры эвенков Средней Сибири проводились с 60-х годов XX века. Изучены классические биохимические маркеры генов *Alb*, *Tf*, *Gc*, *Hp*, *GLO*, *PGM*, *EsD* и *AcP* в популяциях коренного населения Эвенкийского автономного округа. Установлено, что население обладает нехарактерным для монголоидов сочетанием изученных генетических частот. Данный среднесибирский комплекс сформировался в процессе адаптации к условиям окружающей среды. Более поздние исследования различий на уровне ДНК-маркеров ввели в научный оборот новую ценную генетическую информацию. Результаты показали, что широта расселения, обилие межэтнических контактов и территориальная удаленность популяций эвенков друг от друга привели к формированию значительных генетических различий между ними. Однако память эвенков о прародине и едином происхождении оказалась устойчивее и сильнее, чем произошедшие в поколениях генетические изменения. Социальная память народа оказалась устойчивее биологической.

Ключевые слова: эвенки, популяция, биохимические маркеры генов, ДНК-маркеры, адаптация, социальная и биологическая память

Ссылка при цитировании: Спицына Н. Х., Балинова Н. В. Антропогенетические исследования в популяциях эвенков // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 338–353.

Спицына Наиля Хаджиевна — д. б. н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32а). Эл. почта: nailya.47@mail.ru

Балинова Наталья Владимировна — к. б. н., старший научный сотрудник, ФБГНУ Медико-генетический научный центр имени академика Н. П. Бочкова (Российская Федерация, 115522 Москва, Москворечье, 1). Эл. почта: balinovs@mail.ru

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/338-353

Original Article

© Nailya Spitsyna and Natalia Balinova

ANTHROPOGENETIC STUDIES OF EVENK POPULATIONS

The article presents the results of anthropogenetic studies of the Evenks — a unique, small ethnic group of people who were nomadic in the past. Modern Evenks live in Russia, China, and Mongolia. Population and genetic structure of the Evenks of Central Siberia have been studied since the 1960s. Our study focused on the classic biochemical markers of *Alb*, *Tf*, *Gc*, *Hp*, *GLO*, *PGM*, *EsD* and *AcP* genes in the populations of the indigenous peoples of the Evenk Autonomous District. It has been established that the combination of the gene frequencies in the studied population is uncharacteristic for groups of Asian ancestry. This Middle Siberian complex was shaped as a result of adaptation to environmental conditions. More recent studies of differences in the DNA markers have introduced new valuable genetic information. Their results suggest that the settlement of Evenks on vast territories, their intensive contacts with different populations, and the territorial remoteness of Evenk populations from each other led to significant genetic differences between them. However, the Evenks' memory of their ancestral homeland and common origin proved more stable than their genetic structure. The social memory of the people turned out to be longer than biological memory.

Keywords: Evenks, population, biochemical gene markers, DNA markers, adaptation, social and biological memory

Authors Info: Spitsyna, Nailya H. — Dr. in Biology, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: nailya.47@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7363-8393>

Balinova, Natalia V. — Ph. D. in Biology, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution "Research Centre for Medical Genetics" (Russian Federation, Moscow). E-mail: balinovs@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9493-6544>

For Citation: Spitsyna, N. H. and N. V. Balinova. 2023. Anthropogenetic Studies of Evenk Populations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 338–353.

Введение

Эвенки (тунгусы) — один из коренных малочисленных народов Сибири, отличающийся обширной территорией расселения — от междуречья Оби и Енисея на западе до Охотского моря на востоке, от Северного Ледовитого океана до Амура и Ангары на юге. Эвенки проживают также на северо-востоке Китая и в Монголии. Ни один из аборигенных народов Сибири не имеет столь обширной этнической

территории. В сочетании с небольшой численностью широкое расселение тунгусов представляет собой уникальное явление в человеческой истории (Туголуков 1980: 152–177). По антропологическим характеристикам основная часть эвенков относится к байкальскому типу, сформировавшемуся в южных районах Восточной Сибири. Байкальский антропологический тип был характерен для древнего юкагирского населения, ассимилированного позже тунгусоязычными племенами, получившими от юкагиров особенности антропологического типа, многие элементы культуры и оленеводческий тип хозяйства (Левин 1961: 41–51). Большинство исследователей считают прародиной древних племен тунгусов территории, прилегающие к озеру Байкал с востока, и Верхнее Приамурье (Окладников 1955: 432; Василевич 1969: 304; Туголуков 1985: 284). Некоторыми авторами формирование эвенков рассматривается как взаимодействие древних праюкагирских племен Прибайкалья с южными скотоводческими племенами (Туголуков 1980: 152–177; 1985: 284; Левин 1961: 41–51). Направление миграций тунгусов, по-видимому, происходило с востока на запад и с юга на север из мест исходного проживания (Левин 1958: 359). Исходя из этого, можно полагать, что Западная Сибирь была освоена тунгусами позже других регионов.

Территория Якутии, непосредственно примыкающая к регионам Байкала и Амура, издавна была освоена тунгусскими племенами. Время появления тунгусов в Якутии оценивается по-разному — с эпохи неолита (Окладников 1955: 432; Федосеева 1968: 190), бронзы (Хлобыстин 1969: 133–135), раннего железного века (Мочанов 1970: 40–64; Константинов 1970: 106–173), в эпоху средневековья с конца I тыс. н. э. (Алексеев 1996: 143).

Эвенкийский язык относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи и делится на восточные и западные группы говоров. По данным антропологии восточные эвенки относятся к байкальскому типу североазиатской расы, западные — к катангскому (промежуточному между байкальским и центральноазиатским типами). Широкое расселение тунгусских племен способствовало тому, что линии тунгусов вошли в состав многих современных этносов Сибири (буряты, монголы, энцы, ногасаны, якуты) и Дальнего Востока (чжурчжены, маньчжуры, ороки, ульчи) (Василевич 1969: 304; Миссонова 2022). Ареал расселения эвенков принято делить по условной границе Байкал — Лена на западный и восточный. Различия между ними весьма существенны и фиксируются во многих культурных составляющих: тип оленеводства, орудия труда, утварь, традиции татуировки и т. п., данные антропологии (байкальский антропологический тип на востоке и катангский на западе) и языка (западные и восточные группы говоров). По мнению лингвистов, более древним является восточный говор эвенкийского языка, что позволило М. П. Левину предположить, что область первоначального формирования тунгусского языка находилась в восточной части, откуда расселение эвенков шло на запад — Прибайкалье и Енисей (Левин 1958: 359). По мнению В. А. Туголукова направление миграций тунгусов происходило с юга на север (с Забайкалья) и с востока на запад (с Якутии). Прародиной западных эвенков он считает восточную часть Северного Забайкалья и северные районы Алдано-Амурского региона (Туголуков 1985: 284).

Относительно времени появления тунгусоязычных племен в Якутии мнения исследователей сильно расходятся. Здесь следует отметить, что к приходу русских ка-

заков на Колыму в 40-е гг. XVII в. тунгусов в этом регионе не было, они появились только во второй половине XVII в. Верхоянский хребет был заселен ими раньше — с XIV века. Помимо Верхоянья эвенки проживают на территории Якутии также на Вилюе, Алдане и Олекминском улусе. Активное расселение тунгусов по Северной Азии и Якутии началось в конце I тыс. н. э. и связано с политическими событиями в Центральной Азии, Забайкалье и Прибайкалье, демографическим ростом населения, а также с развитием верхового и выночного оленеводства и необходимостью освоения новых пастбищ (Алексеев 1996: 143). Тунгусы заселили территорию Якутии в два этапа. На первом они проникли из Забайкалья и Приамурья в южные районы Якутии, с приходом племен якутов на среднюю Лену, были оттеснены в XIII–XIV вв. в более высокие широты Восточной Сибири, вплоть до Ледовитого океана (Туголуков 1980: 152–177).

Коренное население Эвенкии неоднородно и включает кроме эвенков также якутов, проживающих на крайнем севере округа. Несмотря на выраженные этнические различия, они сходны по традиционному хозяйственно-культурному укладу таежных охотников и оленеводов. Данный тип взаимодействия населения с окружающей средой был принят во внимание при популяционно-генетическом исследовании структуры эвенков Средней Сибири (Рычков 1974а: 3–26; 1974б: 3–17; 1976: 38–56; 1984: 1701–1707; Тарская и др. 2009: 271; Федорова и др. 2015: 11–32; Спицына 2018: 219–224; 2022: 129–133). Экологические условия, а также главная особенность эвенкийской популяции — система микроизолятов, распределенных по огромной территории (плотность населения $<0,025$ человека на 1 км²), благоприятствовала изучению эволюционных процессов.

Современные процессы в группах эвенков, проживающих в РФ, Монголии и Китае были исследованы с помощью высокополимерных генетических систем митохондриальной ДНК (мтДНК) и нерекомбинирующих участков Ухромосомы. Изучение геномного разнообразия открыло для исследователей новые возможности реконструкции основных этапов прошлой истории и анализа генетических процессов в популяциях (подробный анализ работ изложен в разделе Результаты и обсуждение).

Материалы и методы

Для определения генофонда населения Эвенкии в отношении биохимических маркеров генов, выяснения степени общности этнических групп коренного населения и определения вклада эволюционных факторов были исследованы эвенки Илимпийского и Байкитского районов Красноярского края, якуты пос. Ессей и якутско-эвенкийские метисы. Работы проводились сотрудниками лаборатории генетики человека Института общей генетики АН СССР и кафедры антропологии МГУ под руководством Ю. Г. Рычкова с 1974 г. (Рис. 1). Доли выборок от численности населения составили 4,3; 6,0 и 4,8% для эвенкийской, якутской и общей популяции соответственно. Образцы типированы по системам альбумина (Alb), трансферрина (Tf), гаптоглобина (Hp), группоспецифического компонента (Gc), глиоксалазы 1 (GLO₁), фосфоглюкомутазы 1 (PGM₁), эстеразы D (EsD) и кислой фосфатазы (AcP) методами электрофореза в крахмальном и полиакриламидном гелях.

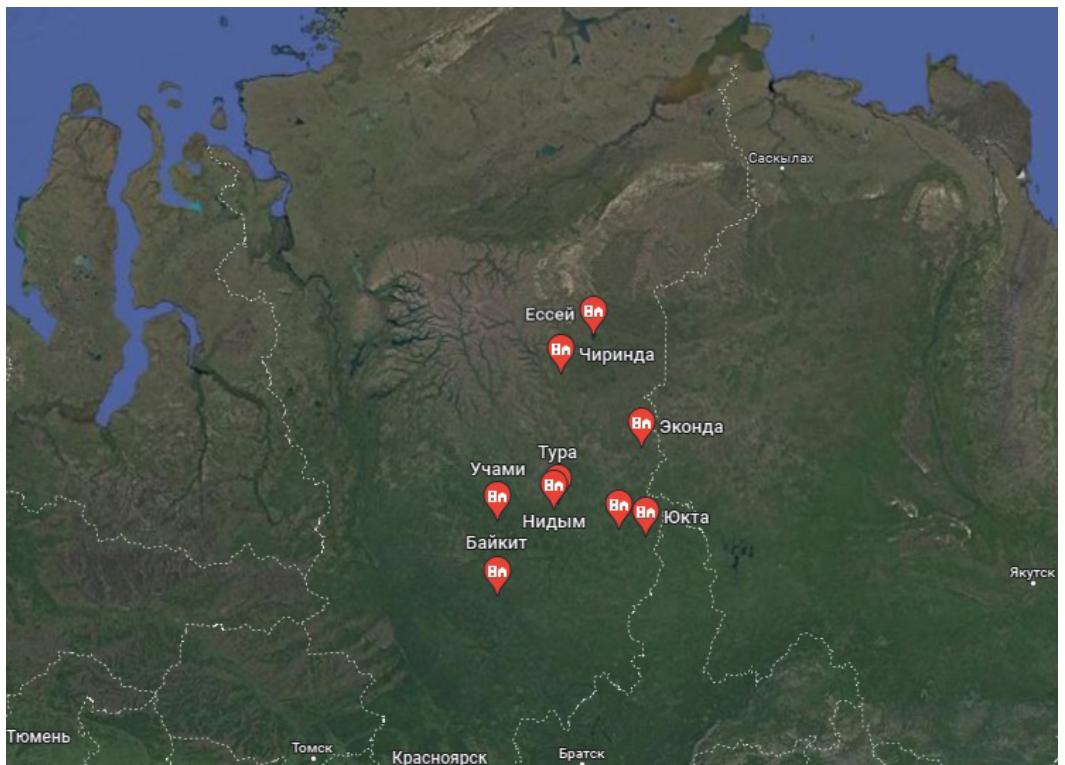

Рис. 1. Карта района исследования.

Результаты последних десятилетий в исследованиях геномного полиморфизма в популяциях эвенков Якутии, Китая и Западной Сибири на уровне митохондриальной ДНК (мтДНК) и нерекомбинирующих участков Хромосомы явились новым шагом в развитии молекулярной филогеографии (Torroni *et al.*, 1993: 591–698; Kong *et al.*, 2003: 391–405; Karafet *et al.*, 2002: 761–789; Pakendorf *et al.*, 2006: 334–353; Derenko *et al.*, 2006: 591–604; Деренко, Малярчук 2010; Тарская и др. 2009: 271; Кутуев и др. 2011: 239; Федорова и др. 2008: 445–452; 2015: 236; Fedorova *et. al.* 2013: 127; Степанов 2002: 244; Агджаян 2019: 67–76; Балановская 2020: 113–125).

Результаты и обсуждение

Анализ распределения частот фенотипов и генов в группах эвенков и якутов поселка Ессея не обнаружил отклонений от равновесия Харди—Вайнберга. При объединении эвенков, якутов и эвенкско-якутских метисов в одну группу равновесие сохранилось, что позволило анализировать обобщенную группу как выборку из единой тотальной популяции. Для выявления особенностей ее генофонда проведено сравнение с населением Европы, несущим комплекс генов, характерный для европеоидных популяций, с населением Юго-Восточной Азии (включая Китай, Корею, Японию и Индокитай), обладающим монголоидным генофондом, а также с населением арктической зоны — скандинавскими лопарями и американскими эскимосами. Сравнение проведено методом угловых генетических расстояний по Эдвардсу и Кавалли-Сфорца (Edwards, Cavalli-Sforza 1964: 67; Cavalli-Sforza 1969: 252). Для

вычисления использованы средние частоты генов локусов Hp, Gc, GLO₁, AcP, PGM₁ и EsD по представительной группе популяций из сравниваемых регионов. Результаты показывают, что по исследованным локусам коренное население Эвенкии вопреки географическому положению генетически отстоит далеко от народов палеоарктической зоны и, будучи несколько ближе к народам Европы и Юго-Восточной Азии, находится на примерно равных от них генетических расстояниях (Табл. 1).

Таблица 1.
Генетические расстояния между популяциями

Популяция	Народы Европы	Народы Юго-Восточной Азии	Народы Арктики	
			лопари	эскимосы
Эвенки	0,1625±0,0375	0,1481±0,0361	0,1825±0,0258	0,2242±0,0462
Якуты (пос. Ессея)	0,2006±0,0213	0,1811±0,0373	0,2864±0,0726	0,2694±0,0753
Тотальная популяция Эвенкии	0,1593±0,0283	0,1760±0,0411	0,1940±0,0300	0,2235±0,0482
Народы Европы	—	0,2753±0,0375	—	—

Это противоречит антропологическим данным, согласно которым население Эвенкии и Якутии является выражению монголоидным, хотя и относится в отличие от народов Юго-Восточной Азии к североазиатскому антропологическому типу (Рогинский, Левин 1978: 528).

Сходство генетических расстояний между населением Эвенкии и народами Европы и Юго-Восточной Азии не является результатом простого смешения европеоидных и монголоидных генов, как можно было бы считать исходя из промежуточного географического положения Эвенкии (Рис. 2) по отношению к Европе и Юго-Восточной Азии. На это указывают результаты корреляционного анализа, не выявившего статистически достоверной связи между географическими и генетическими расстояниями от населения Эвенкии до народов Европы ($r=-0,1098$, $d.f.=193$) и Юго-Восточной Азии ($r=0,0476$, $d.f.=66$), а также до коренного населения Северной Америки ($r=-0,0642$, $d.f.=87$). Генетическая равноудаленность населения Эвенкии от сравниваемых групп по совокупности полиморфных биохимических признаков указывает на уникальный генный комплекс в котором представлены гены с частотами, характерными для народов Европы (GLO-1), Юго-Восточной Азии (AcP^a, AcP^b), а также с промежуточными между ними значениями (Hp, PGM₁, EsD, AcP^c), и с частотами, не свойственными ни народам Европы, ни народам Юго-Восточной Азии (Gc)

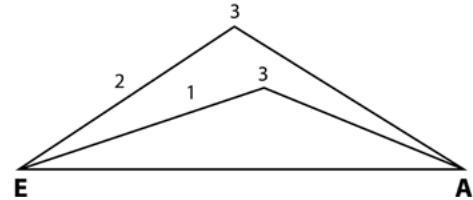

Рис. 2. Географические (1) и генетические (2) расстояния от населения Эвенкии (Э) до народов Европы (Е) и Юго-Восточной Азии (А). Географические и генетические расстояния между народами Европы и Юго-Восточной Азии приравнены друг к другу (Е-А).

(Рис. 3). По-видимому, он сложился у населения Эвенкии позднее, чем сформировался монголоидный антропологический тип. Не исключена возможность, что данный комплекс сложился в результате генетической адаптации населения к локальным средовым условиям района. Альтернативными факторами возникновения своеобразия генного комплекса могли быть генетико-автоматические процессы, которые всегда сопровождаются некоторой потерей гетерозиготности. Однако, снижения гетерозиготности в популяции не наблюдается (Табл. 2). Поэтому более вероятным представляется адаптивный путь возникновения генетического своеобразия населения Эвенкии (Рычков и др., 1984: 1701–1707).

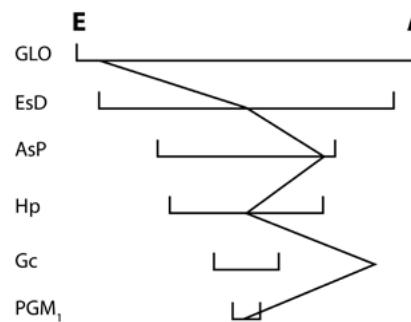

Рис. 3. Генетические особенности населения Эвенкии, представленные в масштабе различий между народами Европы (E) и Юго-Восточной Азии (A).

Таблица 2.

Гетерозиготность населения Эвенкии по изученным локусам в сравнении с гетерозиготностью других групп населения

Локус	Эвенки	Якуты	Тотальная популяция	Народы Европы	Народы Юго-Восточной Азии
Tf	0,0322±0,0197	0,0223±0,0299	0,0332±0,0171	0,0013±0,005	0,016±0,004
Hp	0,4542±0,0236	0,4339±0,0512	0,4476±0,0303	0,484±0,011	0,399±0,010
Gc	0,2334±0,0404	0,2828±0,0727	0,2409±0,0489	0,421±0,015	0,387±0,009
GLO ₁	0,4800±0,0182	0,4446±0,0539	0,4760±0,0168	0,493±0,004	0,427±0,007
EsD	0,3774±0,0426	0,3751±0,0699	0,3716±0,0359	0,472±0,011	0,213±0,004
AcP	0,3871±0,0447	0,3324±0,0840	0,3728±0,0408	0,542±0,013	0,322±0,014
PGM ₁	0,3995±0,0378	0,1928±0,0782	0,3613±0,0376	0,354±0,019	0,354±0,006
Средняя	0,3377±0,0613	0,2977±0,0591	0,3291±0,0598	0,3541	0,3049

Проверка на однородность частот генов эвенков и ессеевских якутов показала, что неоднородность имеет место лишь по локусу PGM₁, и это вызвано сдвигом у якутов пос. Ессея значений генных частот до величин, гораздо более «монголоидных», чем у эвенков и большинства народов Юго-Восточной Азии. Таким образом, генетико-биохимическое своеобразие, выявившееся в тотальной популяции Эвенкии, у ессеевских якутов как крайней северной группы выражено еще значительнее. Для определения, связано ли это с более экстремальными условиями Заполярья, или же является следствием их родства с другими якутскими группами, была проведена оценка угловых генетических расстояний между эвенками и ессеевскими якутами,

а также между обеими группами и вилюйскими якутами по сопоставимым локусам Hp, Gc, GLO₁, PGM₁ и AcP (Табл. 3).

Генетические расстояния между эвенками и якутами

Популяция	Якуты	
	ессеевские	вилюйские
Эвенки	0,1276±0,0184	0,1753±0,0375
Якуты ессеевские	—	0,1835±0,0311
Тотальная	—	0,1692±0,0370

Полученные результаты (Табл. 3) свидетельствуют о большей генетической близости ессеевских якутов к эвенкам ($d=0,1276\pm0,0184$), чем к вилюйским якутам ($d=0,1835\pm0,0311$). Величина углового генетического расстояния между ессеевскими якутами и эвенками примерно соответствует величине генетических расстояний между населением отдельных эвенкийских поселков ($d=0,1335\pm0,0217$ в среднем). По-видимому, генетическое сходство якутов пос. Ессея с эвенками сложилось в результате значительной изолированности этой группы якутов от других якутских групп и постоянного притока генов из соседних эвенкийских популяций. Такой приток, учитывая патрилинейность наследования якутских и эвенкийских родовых названий, мог происходить за счет браков якутов пос. Ессея с эвенкийскими женщинами. В противном случае следовало бы ожидать наличия в пос. Ессее эвенкийских родовых названий, чего на самом деле не наблюдается. О том, что якуты пос. Ессея, являясь якутами по языку и родовому составу, генетически в значительной степени имеют эвенкийскую основу, свидетельствуют и исторические данные (Туголуков 1985: 284).

Несколько большая изоляция якутов пос. Ессея, чем эвенкийских популяций друг от друга, нашла отражение в снижении уровня гетерозиготности по сравнению с эвенками, но не повлияла на особенности комплекса биохимических маркеров генов, который в полной мере свойствен и тотальной и ессеевской локальной популяциям Эвенкии. Специфика генофонда коренного населения Среднесибирского плоскогорья проявилась при сравнении с генофондами населения Европы и Юго-Восточной Азии. Среднесибирский комплекс возник в ходе адаптации к условиям среды среднесибирского географического региона (Рычков и др. 1974: 3–26; 1976: 38–56; 1984: 1701–1707).

Новую ценную научную информацию внесли исследования генетических различий на уровне ДНК-маркеров. Так, данные сравнительного анализа частот гаплогрупп мтДНК эвенков Якутии, Китая и Западной Сибири показали, что содержание мажорных гаплогрупп С и D варьирует от 19% у китайских эвенков до 84% у западных эвенков по гаплогруппе С, и от 10% у западных эвенков до 32% у китайских эвенков по гаплогруппе D (Kong et al. 2003: 391–405; Torroni et al. 1993a: 591–608). Митохондриальный пул эвенков Китая отличается повышенным содержанием гаплогрупп B, G, H и J (8–11%) в сравнении с другими группами и более низкой частотой гаплогруппы С (19%). Западные эвенки отличаются крайней бедностью спектра митохондриальных гаплогрупп — A, C, D, F, которая может свидетельствовать о более позднем времени заселения тунгусами Западной Сибири. Основная доля (84%) представлена

гаплогруппой С. Эвенки Якутии по частоте и составу mt-гаплогрупп занимает промежуточное положение между эвенками Китая и Западной Сибири. В митохондриальном генофонде эвенков Якутии выявлены гаплогруппы U, M7, G1, G2a, которые отсутствуют в двух других группах. Что касается гаплогрупп Z, J, G, H, то они представлены только в популяциях эвенков Якутии и Китая. Сравнение ГВСI-типов mtДНК трех этногеографических групп эвенков выявлено всего 4 общих линии, относящиеся к базовым ветвям гаплогруппы С (*Федорова и др.* 2015: 39–83).

Таким образом, митохондриальный пул эвенков значительно отличается и в женском генофонде трех популяций эвенков не обнаружено ярко выраженных особенностей, которые могли бы характеризовать этнос в целом. Сравнение спектра отцовских линий между популяциями эвенков выявило главную особенность, общую для всех изученных групп — высокое содержание кластера С3с: от 33% у эвенков Китая до 70% у западных эвенков (*Karafet et al.* 2002: 761–789; *Pakendorf et al.* 2006: 334–353; Агдоян 2019: 67–76). По частотам отцовских линий эвенки Якутии дистанцированы от двух других популяций из-за большего содержания гаплогруппы N3 (33,3%). Для эвенков Китая характерно присутствие линий гаплогруппы O (38%), широко распространенной в Восточной и Юго-Восточной Азии. В генофонде эвенков Китая и в 2-х субпопуляциях западных эвенков не обнаружена гаплогруппа N3 (*Karafet et al.* 2002: 761–789; *Pakendorf et al.* 2006: 334–353). По другим данным, содержание гаплогруппы N3 у западных эвенков составляет 16% (*Деренко и др.* 2006: 273–277). Отличительной особенностью пула Y хромосом западных эвенков является высокое содержание гаплогруппы N2, характерной для популяций Западной Сибири от 17% до 27,5% (*Karafet et al.*, 2002: 761–789; *Pakendorf et al.* 2006: 334–353; *Балановская* 2020: 113–125).

Основной характеристикой отличающей мужской генофонд всех популяций эвенков является высокое содержание гаплогруппы С3с. Гаплогруппы N2, O и N3, являются маркерными для соответствующих регионов Западной Сибири, Китая и Якутии, где проживают эвенки. Вполне вероятно, что линии этих гаплогрупп могли войти в состав генофонда популяций эвенков в более позднее время, после распространения отдельных групп эвенков по территории Сибири. Не исключается также вариант «потери» некоторых линий под влиянием эффекта генетического дрейфа. Высокое содержание гаплогруппы С3с сближает эвенков с другими народами тунгусо-маньчжурской: орокены — 78%, удэгейцы — 60%, ульчи — 38%, негидальцы — 20–100%; монгольской: монголы — 17%, уранхай — 33%, закшин — 30%; групп алтайской языковой семьи, с казахами — 27–57%; коряками — 33%; ительменами — 39% (*Wells et al.* 2001: 10244–10249; *Lell et al.* 2002: 192–206; *Karafet et al.* 2002: 761–789).

Следует заметить, что для приближения к пониманию места формирования основного ядра эвенков и периода времени наиболее вероятного для экспансии предковой популяции по территории Сибири, требуются дополнительные исследования микросателлитных маркеров гаплогруппы С3с в различных популяциях эвенков и других народов.

В целом, анализ материнских и отцовских линий свидетельствует о произошедшей значительной дифференциации популяций эвенков. Наибольшая степень генетического разнообразия гаплогрупп по обеим маркерным системам наблюдается у китайских эвенков, наименьшая — у западносибирских. Сложная этническая исто-

рия малочисленных групп кочевых в прошлом эвенков, а также необычайная широта расселения, с обилием межэтнических контактов и удаленностью популяций друг от друга способствовали накоплению в поколениях больших генетических различий. Уровень генетической подразделенности эвенков значительно выше, чем в популяциях якутов как по частотам гаплогрупп mtДНК, так и Y-хромосомы (Табл. 4).

Таблица 4.

Генетическая дифференциация популяций якутов и эвенков по гаплогруппам mtДНК и Y хромосомы

Этносы	Субпопуляции	Fst	H
mtДНК			
Якуты	Якуты центральные (n=246)	0,0075	0,73±0,02
	Якуты вилюйские (n=228)		0,81±0,02
	Якуты северные (n=145)		0,79±0,03
Эвенки	Эвенки восточные — Якутия (n=125)	0,0797	0,72±0,03
	Эвенки Северного Китая (n=47) [Kong et al., 2003]		0,88±0,03
	Эвенки западные (n=39) [Pakendorf et al., 2006]		0,39±0,09
Y хромосома			
Якуты	Якуты центральные (n=92)	0,0441	0,26±0,06
	Якуты вилюйские (n=58)		0,13±0,06
	Якуты северные (n=66)		0,48±0,07
Эвенки	Эвенки восточные — Якутия (n=135)	0,1365	0,70±0,02
	Эвенки Северного Китая (n=40) [Karafet et al., 2002]		0,75±0,04
	Эвенки западные (n=39) [Pakendorf et al., 2006]		0,65±0,10
	Эвенки западные (n=18) [Karafet et al., 2002]		0,44±0,07

Также степень генетической дифференциации популяций эвенков по частотам dialлельных групп Y хромосомы (0,137) намного выше в сравнении с тувинцами (0,054), южными алтайцами (0,009), киргизами (0,032), русскими (0,033), но меньше, чем у бурятов (0,373) (Степанов 2002: 244). Полученные результаты соответствуют представлениям лингвистов, антропологов и этнографов, согласно которым между популяциями эвенков наблюдаются настолько существенные отличия, которые позволяют говорить об отсутствии у них этнического единства (Шренк 1883: 324; Василевич 1969: 304; Туголуков 1980: 152–177; Левин 1958: 359).

Заключение

Таким образом, проведенный антропогенетический анализ групп эвенков выявил их уникальность. Исследователи столкнулись с редчайшим случаем в истории, когда малочисленные группы, проживающие на огромных просторах Сибири, Китая, Монголии не только не растворились в иноэтническом окружении, но и сохранили память о своей этнической идентичности. Историческая память эвенкийского народа о прародине и едином происхождении оказалась устойчивее и сильнее, чем произошедшие в поколениях значительные генетические различия. Социальная память народа оказалось устойчивее биологической.

Научная литература

- Агдоян А. Т., Богунов Ю. В., Богунова А. А., Каменицкова Е. Н., Запорожченко В. В., Пыльев В. Ю., Короткова Н. А., Утреван С. А., Схаяхко Р. А., Кошель С. М., Балановский О. П., Балановская Е. В. Мозаика генофонда эвенков: забайкальский и амурский сегменты // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 3. С. 67–76.
- Алексеев А. Н. Древняя Якутия: Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 143 с. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.3.067-076>
- Балановская Е. В., Агдоян А. Т., Богунов Ю. В., Богунова А. А., Каменицкова Е. Н., Кагазежева Ж. А., Чернышенко Д. Н., Пыльев В. Ю., Жабагин М. К., Балановский О. П. Генетические переплетения тунгусо-язычных народов Дальнего Востока: эвены, эвенки, нанайцы // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 2. С. 113–125.
- Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Деренко М. В., Малярчук Б. А., Возняк М., Дамбуева И. К., Доржсу Ч. М., Лузина Ф. А., Ли Х. К., Мишицкая-Шликова Д., Захаров И. А. Разнообразие линий Y-хромосомы у коренного населения Южной Сибири // Доклады РАН. 2006. Т. 411. № 2. С. 273–277.
- Деренко М. В., Малярчук Б. А. Молекулярная филогеография Северной Евразии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК / отв. ред. И. А. Захаров-Гезехус. Магадан: Издательство Северо-восточного научного центра Дальневосточного отделения РАН, 2010. 375 с.
- Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск: Издательство Якутского филиала СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Издательство АН СССР, 1958. 359 с.
- Левин М. Г. Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Издательство СО АН СССР, 1961. С. 41–51.
- Миссонова Л. И. Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Ороши. Тазы / отв. ред. Л. И. Миссонова, А. А. Сирина. М.: Наука, 2022.
- Мочанов Ю. А. Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск: Книжное издательство, 1970. С. 40–64.
- Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 432 с.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
- Рычков Ю. Г., Таусик Н. Е., Таусик Т. Н., Жукова О. В., Бородина С. Р., Шереметьева В. А. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленеводов Сибири (эвенки Средней Сибири). Сообщение I. Родовая структура, субизоляты, и инбридинг в эвенкийской популяции // Вопросы антропологии. 1974а. Вып. 47. С. 3–26.
- Рычков Ю. Г., Таусик Н. Е., Таусик Т. Н., Жукова О. В., Бородина С. Р., Шереметьева В. А. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленеводов Сибири (эвенки Средней Сибири). Сообщение II. Эффективный размер, временная пространственная структура популяции и интенсивность миграции генов // Вопросы антропологии. 1974б. Вып. 48. С. 3–17.
- Рычков Ю. Г., Таусик Н. Е., Таусик Т. Н., Жукова О. В., Бородина С. Р., Шереметьева В. А. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленеводов Сибири (эвенки Средней Сибири). Сообщение III. Генетические маркеры и генетическая дифференциация в популяциях эвенков Средней Сибири // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 53. С. 38–56.

- Рычков Ю. Г., Спицын В. А., Шнейдер Ю. В., Назарова А. Ф., Боеva С. Б., Новородовский А. Г., Тихомирова Е. В. Генетика популяций таежных охотников-оленеводов Средней Сибири. Биохимические маркеры генов HP, TF, GC, Alb, GLO 1, PGM 1, AcP и EsD // Генетика. 1984. Т. 20. № 10. С. 1701–1707.
- Спицына Н. Х., Спицын В. А. Проблемы адаптации эвенков Средней Сибири. Антропогенетические аспекты // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 219–224.
- Спицына Н. Х. Антропогенетические аспекты адаптации эвенков Средней Сибири // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Ороши. Тазы / отв. ред. Л. И. Миссонова, А. А. Сирина. М.: Наука, 2022. С. 117–133.
- Степанов В. А. Этногеномика населения Северной Евразии. Томск: «Печатная мануфактура», 2002. 244 с.
- Тарская Л. А., Гоголев А. И., Ельчина Г. И., Лимборская С. А. Этническая геномика якутов (народа саха): генетические особенности и популяционная история. М.: Наука, 2009. 271 с.
- Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера / под ред. И. С. Гурвича. М.: Наука, 1980. С. 152–177.
- Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 286 с.
- Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 170 с.
- Федорова С. А., Степанов А. Д., Адоян М., Парик Ю., Аргунов В. А. Ozawa T., Хуснутдинова Э. К., Виллемс Р. Анализ линий древней митохондриальной ДНК в Якутии // Молекулярная биология. 2008. Т. 42. № 3. С. 445–453.
- Федорова С. А., Ушницкий В. В., Бравина Р. И., Алексеев А. Н. История населения Якутии. // Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни. Новосибирск: Наука, 2015. С. 11–32.
- Федорова С. А., Рейдла М., Степанов А. Д., Бермешева М. А., Томский М. И., Хуснутдинова Э. К., Виллемс Р. Генетическая история населения Якутии // Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни. Новосибирск: Наука, 2015. С. 39–83.
- Хлюбыстин Л. П. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 133–135.
- Хуснутдинова, Э. К., Федорова С. А. Этногеномика населения Евразии: состояние, проблемы и перспективы // Вестник физико-химической биологии. 2010. Т. 6. № 1. С. 40–49.
- Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883–1903. Т. 1. 324 с.
- Cavalli-Sforza L. L., Zonta L. A., Nuzzo F., Bernini L., W.W. de Jong, Meera Khan P., Ray A. K., Went L. N., Siniscalco M., Nijenhuis L. E., van Loghem E., Modiano G. Studies on African Pygmies. I. A pilot investigation of Babinga Pygmies in the Central African Republic (with an analysis of genetic distances) // American Journal of Human Genetics. 1969. May. 21(3): 252–74. PMID: 4978429.
- Derenko M., Malyarchuk B., Denisova G. A., Woznyak M., Dambueva I., Dorzhu C., Luzina F., Miśnicka-Sliwka D., Zakharov I. Contrasting patterns of Y-chromosome variation in South Siberian populations from Baikal and Altai-Sayan regions // Human Genetics. 2006. January. 118(5): 591–604. <https://doi.org/10.1007/s00439-005-0076-y>
- Edwards A. W. F., Cavalli-Sforza L. L. Reconstruction of evolutionary trees // Phenetic and Phylogenetic Classification, ed. V. H. Heywood and J. McNeill. Systematics Association, London. 1964. 6: 67–76.

Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu E., Metspalu M., Roots S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Hooshiar Kashani B., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsky M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villemans R. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of Northeast Eurasia // *BMC Evolutionary Biology*. 2013. June 19; 13: 127. <https://doi.org/10.1186/1471-2148-13-127>

Karafet T. M., Osipova L. P., Gubina M. A., Posukh O. L., Zegura S. L., M. F. Hammer High levels of Y-chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // *Human Biology*. 2002. December. 74(6): 761–89. <https://doi.org/10.1353/hub.2003.0006>

Lell J. T., Sukernik R. I., Starikovskaya Y. B., Su B., Jin L., Schurr T. G., Underhill P. A., Wallace D. C. The dual origin and Siberian affinities of Native American Y chromosomes // *American Journal of Human Genetics*. 2002. January. 70(1): 192–206. <https://doi.org/10.1086/338457>

Pakendorf B., Novgorodov I. N., Osakovskij V. L., Danilova A. P., Protod'jakonov A. P., Stoneking M. Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // *Human genetics*. 2006. 120(3): 334–353. <https://doi.org/10.1007/s00439-006-0213-2>

Torroni A., Sukernik R. I., Schurr T. G., Starikovskaya Y. B., Cabell M. F., Crawford M. H., Comuzzie A. G., Wallace D. C. mtDNA variation of aboriginal Siberians reveals distinct genetic affinities with Native Americans // *American Journal of Human Genetics*. 1993. September. 53(3): 591–608.

References

- Agdzhoyan, A. T., Yu. V. Bogunov, A. A. Bogunova, E. N. Kamenshchikova, V. V. Zaporozhchenko, V. Yu. Pylev, N. A. Korotkova, S. A. Utrivan, R. A. Skhalyakho, S. M. Koshel', O. P. Balanovskyi, and E. V. Balanovskaya. 2019. Mozaika genofonda evenkov: zabaikal'skii i amurskii segmenty [The Mosaic of the Evenks Gene Pool: Transbaikalian and Amur Segments]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* 3: 67–76. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.3.067-076>
- Alekseev, A. N. 1996. *Drevnyaya Yakutiya: Neolit i epokha bronzy* [Ancient Yakutia: The Neolithic and Bronze Age]. Novosibirsk: Izdatel'stvo instituta arkheologii i etnografii sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 143 p.
- Balanovskaya, E. V., A. T. Agdzhoyan, Yu. V. Bogunov, A. A. Bogunova, E. N. Kamenshchikova, Zh. A. Kagazezheva, D. N. Chernyshenko, V. Yu. Pylev, M. K. Zhabagin, and O. P. Balanovskyi. 2020. Genetichekie perepleteniya tungusoyazychnykh narodov Dal'nego Vostoka: eveny, evenki, nanaitsy [Genetic Intertwining of the Tungus-speaking Peoples of the Far East: Even, Evenki, and Nanai peoples]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* 2: 113–125. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.2.113-125>
- Cavalli-Sforza, L. L., L. A. Zonta, F. Nuzzo, L. Bernini, W. W. de Jong, P. Meera Khan, A. K. Ray, L. N. Went, M. Siniscalco, L. E. Nijenhuis, E. van Loghem and G. Modiano. 1969. Studies on African Pygmies. I. A Pilot Investigation of Babinga Pygmies in the Central African Republic (with an analysis of genetic distances). *American Journal of Human Genetics* 21(3): 252–74. PMID: 4978429.
- Derenko, M., B. Malyarchuk, G. A. Denisova, M. Woznyak, I. Dambueva, C. Dorzhu, F. Luzina, D. Miścicka-Sliwka and I. Zakharov. 2006. Contrasting Patterns of Y-chromosome Variation in South Siberian Populations from Baikal and Altai-Sayan Regions. *Human Genetics* 118(5): 591–604. <https://doi.org/10.1007/s00439-005-0076-y>
- Derenko, M. V. and B. A. Malyarchuk. 2010. *Molekulyarnaya filogeografiya Severnoi Evrazii po danym ob izmenchivosti mitokhondrial'noi DNK* [Molecular Phylogeography of Northern Eurasia Based on Data on Mitochondrial DNA Variability]. Magadan: Izdatel'stvo Severo-vostochnogo nauchnogo tsentra dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 375 p.

- Derenko, M. V., B. A. Malyarchuk, M. Voznyak, I. K. Dambueva, Ch. M. Dorzhu, F. A. Luzina, Kh. K. Li, D. Mishchitska-Shlivka and I. A. Zakharov. 2006. Raznoobrazie linii Y-khromosomy u korennoogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri [Diversity of Y-chromosome Lineages in the Indigenous Population of South Siberia]. *Doklady Rossiiskoi akademii nauk* 411(2): 273–277.
- Edwards, A. W. F. and L. L. Cavalli-Sforza. 1964. Reconstruction of Evolutionary Trees. In *Phenetic and Phylogenetic Classification*, ed. by V. H. Heywood, J. McNeill. London: Systematics Association. 6: 67–76.
- Fedorova, S. A., M. Reidla, A. D. Stepanov, M. A. Bermisheva, M. I. Tomskii, E. K. Khusnutdinova and R. Villemans. 2015. Geneticheskaya istoriya naseleniya Yakutii [Genetic History of Yakutia's Population]. In *Geneticheskaya istoriya narodov Yakutii i nasledstvenno obuslovlennye bolezni* [Genetic History of the Peoples of Yakutia and Hereditary Diseases], ed. by S. A. Fedorova, E. K. Khusnutdinova. Novosibirsk: Nauka. 39–83.
- Fedorova, S. A., A. D. Stepanov, M. Adoyan, Yu. Parik, V. A. Argunov T. Ozawa, E. K. Khusnutdinova and R. Villemans. 2008. Analiz linii drevnei mitokhondrial'noi DNK v Yakutii [Analysis of Ancient Mitochondrial DNA Lines in Yakutia]. *Molekulyarnaya biologiya* 42(3): 445–453.
- Fedorova, S. A., V. V. Ushnitskii, R. I. Bravina and A. N. Alekseev. 2015. Istorya naseleniya Yakutii [History of the Population of Yakutia]. In *Geneticheskaya istoriya narodov Yakutii i nasledstvenno obuslovlennye bolezni* [Genetic History of the Peoples of Yakutia and Hereditary Diseases], ed. by S. A. Fedorova, E. K. Khusnutdinova. Novosibirsk: Nauka. 11–32.
- Fedorova, S. A., M. Reidla, E. Metspalu, M. Metspalu, S. Roots, K. Tambets, N. Trofimova, S. I. Zhadanov, B. Hooshiar Kashani, A. Olivieri, M. I. Voevoda, L. P. Osipova, F. A. Platonov, M. I. Tomsky, E. K. Khusnutdinova, A. Torroni and R. Villemans. 2013. Autosomal and Uniparental Portraits of the Native Populations of Sakha (Yakutia): Implications for the Peopling of Northeast Eurasia. *BMC Evolutionary Biology* 13: 127. <https://doi.org/10.1186/1471-2148-13-127>
- Fedoseeva, S. A. 1968. *Drevnie kul'tury Verkhnego Vilyuya* [Ancient Cultures of the Upper Vilyui]. Moscow: Nauka. 170 p.
- Karafet, T. M., L. P. Osipova, M. A. Gubina, O. L. Posukh, S. L. Zegura and M. F. Hammer. 2002. High Levels of Y-chromosome Differentiation among Native Siberian Populations and the Genetic Signature of a Boreal Hunter-Gatherer Way of Life. *Human Biology* 74(6): 761–89. <https://doi.org/10.1353/hub.2003.0006>
- Khlobystin, L. P. 1969. O rasselenii predkov samodiiskikh narodov v epokhu bronzy (II tysyacheletie do n. e.) [On the Settlement of the Ancestors of the Samoyedic Peoples in the Bronze Age (II millennium BC)]. *Materialy konferentsii "Etnogenез narodov Severnoi Azii"* [Proceedings of the conference "Ethnogenesis of the Peoples of North Asia"], ed. by E. I. Ubriatova. Issue 1. Novosibirsk. 133–135.
- Khusnutdinova, E. K. and S. A. Fedorova. 2010. Etnogenomika naseleniya Evrazii: sostoyanie, problemy i perspektivy [Ethnogenomics of the Eurasian Population: State, Problems, and Prospects]. *Vestnik fiziko-khimicheskoi biologii* 6(1): 40–49.
- Konstantinov, I. V. 1975. Proiskhozhdenie Yakutskogo naroda i ego kul'tury [Origins of the Yakut People and Culture]. In *Yakutiya i ee sosedyi v drevnosti* [Yakutia and its Neighbors in Antiquity]. Yakutsk: Izdatel'stvo Yakutskogo filiala sibirskogo otdeleniya akademii nauk SSSR. 106–173.
- Lell, J. T., R. I. Sukernik, Y. B. Starikovskaya, B. Su, L. Jin, T. G. Schurr, P. A. Underhill and D. C. Wallace. 2002. The Dual Origin and Siberian Affinities of Native American Y chromosomes. *American Journal of Human Genetics* 70 (1): 192–206. <https://doi.org/10.1086/338457>
- Levin, M. G. 1958. *Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic Anthropology and the Problems of Ethnogenesis of the Peoples of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 359 p.
- Levin, M. G. 1961. Osnovnye itogi i ocherednye zadachi antropologicheskogo izucheniya Sibiri v sviazi s etnogeneticheskimi issledovaniiami [The Main Results and the Next Tasks of Anthropological Study of Siberia in Connection with Ethnogenetic Research]. In *Voprosy istorii Sibiri*

- i Dal'nego Vostoka* [Questions of the History of Siberia and the Far East], ed. by V. I. Dulov. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. 41–51.
- Missonova, L. I. 2022. *Tunguso-man'chzhurskie narody Sibiri i Dal'nego vostoka: Evenki. Eveny. Negidal'tsy. Uil'ta. Nanaitsy. Ul'chi. Udegeitsy. Orochi. Tazy* [Tungus-Manchzhurian Peoples of Siberia and the Far East: Evenki. Evenks. Negidalsky. Uilta. Nanai people. Ulchi. Udege. Orochi. Tazy], ed. by L. I. Missonova and A. A. Sirina. Moscow: Nauka. 1031 p.
- Mochanov, Yu. A. 1970. Dyuktaiskaya peshchera — novyi paleoliticheskii pamyatnik Severo-Vostochnoi Azii [Dyuktai Cave — a New Paleolithic Monument of North-East Asia]. In *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii (Trudy Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [On the Traces of Ancient Cultures of Yakutia (Proceedings of the Prilenskaya Archaeological Expedition)]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. 40–64.
- Okladnikov, A. P. 1955. *Istoriya Yakutskoi ASSR. T.1. Yakutiya do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu* [History of the Yakut ASSR. Vol. 1. Yakutia before Joining the Russian state]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR. 432 p.
- Pakendorf, B., I. N. Novgorodov, V. L. Osakovskij, A. P. Danilova, A. P. Protod'jakonov and M. Stoneking. 2006. Investigating the Effects of Prehistoric Migrations in Siberia: Genetic Variation and the Origins of Yakuts. *Human genetics* 120(3): 334–353. <https://doi.org/10.1007/s00439-006-0213-2>
- Roginskii, Ya. Ya., and M. G. Levin. 1978. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola. 528 p.
- Rychkov, Yu. G., V. A. Spitsyn, Yu. V. Shneider, A. F. Nazarova, S. B. Boeva, A. G. Novoradovskii and E. V. Tikhomirova. 1984. Genetika populyatsii taezhnykh okhotnikov-olenevodov Srednei Sibiri. Biokhimicheskie markery genov HP, TF, GC, Alb, GLO 1, PGM 1, AcP i EsD [Genetics of Populations of Taiga Deer Hunters of Central Siberia. Biochemical Markers of HP, TF, GC, Alb, GLO 1, PGM 1, AcP, and EsD Genes]. *Genetika* 20 (10): 1701–1707.
- Rychkov, Yu. G., N. E. Tausik, T. N. Tausik, O. V. Zhukova, S. R. Borodina, and V. A. Sheremet'eva. 1974a. Genetika i antropologiya populyatsii taezhnykh okhotnikov-olenevodov Sibiri (evenki Srednei Sibiri). Soobshchenie I. Rodovaya struktura, subizolyaty, i inbreeding v evenkiiskoi populyatsii [Genetics and Anthropology of the Population of Taiga Hunters-Reindeer Breeders of Siberia (Evenks of Central Siberia). Message I. Genus Structure, Subisolates, and Inbreeding in the Evenki population]. *Voprosy antropologii* 47: 3–26.
- Rychkov, Yu. G., N. E. Tausik, T. N. Tausik, O. V. Zhukova, S. R. Borodina, and V. A. Sheremet'eva. 1974b. Genetika i antropologiya populyatsii taezhnykh okhotnikov-olenevodov Sibiri (evenki Srednei Sibiri). Soobshchenie II. Effektivnyi razmer, vremennaya prostranstvennaya struktura populyatsii i intensivnost' migratsii genov [Genetics and Anthropology of the Population of Taiga Hunters-Reindeer Breeders of Siberia (Evenks of Central Siberia). Message II. Effective Size, Temporal Spatial Structure of the Population, and Intensity of Gene Migration]. *Voprosy antropologii* 48: 3–17.
- Rychkov, Yu. G., N. E. Tausik, T. N. Tausik, O. V. Zhukova, S. R. Borodina, and V. A. Sheremet'eva. 1976. Genetika i antropologiya populyatsii taezhnykh okhotnikov-olenevodov Sibiri (evenki Srednei Sibiri). Soobshchenie III. Geneticheskie markery i geneticheskaya differentsiatsiya v populyatsiyakh evenkov Srednei Sibiri [Genetics and Anthropology of the Population of Taiga Hunters-Reindeer Breeders of Siberia (Evenks of Central Siberia). Message III. Genetic Markers and Genetic Differentiation in Populations of Evenks of Middle Siberia]. *Voprosy antropologii* 53: 38–56.
- Shrenk, L. I. 1883–1903. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya* [On the Foreigners of the Amur Region]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 324 p.
- Spitsyna, N. Kh. 2022. Antropogeneticheskie aspekty adaptatsii evenkov Srednei Sibiri [Anthropogenetic Aspects of the Adaptation of the Evenks of Middle Siberia]. In *Tunguso-man'chzhurskie narody Sibiri i Dal'nego vostoka: Evenki. Eveny. Negidal'tsy. Uil'ta. Nanaitsy. Ul'chi. Udegeitsy. Orochi. Tazy* [Tungus-Manchzhurian Peoples of Siberia and the Far East: Evenki.

- Evenks. Negidalsky. Uilta. Nanai people. Ulchi. Udege. Orochi. Tazy], ed. by L. I. Missonova and A. A. Sirina. Moscow: Nauka. 117–133.
- Spitsyna, N. Kh. and V. A. Spitsyn. 2018. Problemy adaptatsii evenkov Srednei Sibiri. Antropogeneticheskie aspekty [Problems of Adaptation of the Evenks of Middle Siberia. Anthropogenetic Aspects]. In *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Tyumen', 2–6 aprelya 2018 g.* [Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology: Materials of the All-Russian Conference, Tyumen, 2–6 April 2018], ed. by A. N. Bagashev et al.. Tyumen': Tyumenskii nauchnyi tsentr sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk 4: 219–224.
- Stepanov, V. A. 2002. *Etnogenomika naseleniya Severnoi Evrazii* [Ethnogenomics of the Population of Northern Eurasia]. Tomsk: «Pechatnaya manufaktura». 244 p.
- Tarskaya, L. A., A. I. Gogolev, G. I. El'chinova and S. A. Limborskaya. 2009. *Etnicheskaya genomika yakutov (naroda sakha): geneticheskie osobennosti i populyatsionnaya istoriya* [Yakut (Sakha) Ethnic Genomics: Genetic Features and Population History]. Moscow: Nauka. 271 p.
- Torroni, A., R. I. Sukernik, T. G. Schurr, Y. B. Starikorskaya, M. F. Cabell, M. H. Crawford, A. G. Comuzzie and D. C. Wallace. 1993. MtDNA Variation of Aboriginal Siberians Reveals Distinct Genetic Affinities with Native Americans. *American Journal of Human Genetics* 53(3): 591–608.
- Tugolukov, V. A. 1985. *Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [The Tungus (Evenks and Evenks) of Central and Western Siberia]. Moscow: Nauka. 286 p.
- Tugolukov, V. A. 1980. Etnicheskie korni tungusov [Ethnic Roots of the Tungus]. In *Etnogenез narodov Severa* [Ethnogenesis of the Peoples of the North], ed. by I. S. Gurvich. Moscow: Nauka. 152–177.
- Vasilevich, G. M. 1969. *Evenki: Istoriko-ethnograficheskie ocherki (XVIII–nachalo XX vv.)* [Evenks: Historical and Ethnographic Sketches (18th—early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka. 304 p.

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/354-364

Научная статья

© С. Б. Боруцкая, С. В. Васильев

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЯ ПСЕБЕПС-3 КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Проведено палеодемографическое исследование некрополя XIV — начала XV вв. на территории объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» в Крымском районе Краснодарского края в 2016 г. Общее количество индивидов — 381. Группа весьма представительна, при этом кладбище формировалось немногим более века. Процентное соотношение взрослых мужчин и женщин составило 65,46% и 34,54%. Столь малое количество женщин по сравнению с мужчинами можно было бы объяснить тем, что вероятно женщины чаще умирали в детском возрасте. Средняя продолжительность жизни в группе оказалась равной 25,7 лет. Средняя продолжительность жизни взрослых женщин оказалась примерно на 5 лет меньше, чем у мужчин, что связано с высокой смертностью женщин в возрасте до 25 лет. Финальная возрастная когорта всей группы, так же, как и только женщин, не представительна. Высок процент индивидов в возрастной когорте 50+ лет у мужчин — 12,3%. Процент детской смертности — средний и составляет 31,23%. При этом почти половина детей умерли в первые пять лет жизни, а пятая часть детей умерли в возрасте до 1 года.

Ключевые слова: археология, палеодемография, некрополь, возрастная когорта, средняя продолжительность жизни, процент детской смертности, пик смертности

Ссылка при цитировании: Боруцкая С. Б., Васильев С. В. Палеодемографическое исследование некрополя Псебепс-3 Краснодарского края // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 354–364.

Боруцкая Светлана Борисовна — к. б. н., доцент, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 12). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

Васильев Сергей Владимирович — д. и. н., главный научный сотрудник, заведующий Центром физической антропологии, Институтом этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр. 32А); ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН (Российская Федерация, 119071 Москва, Ленинский пр. 29, с. 8). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

* Работа выполнена по проекту НИР «Формирование некоторых морфофункциональных особенностей человека в фило- и онтогенезе» кафедры антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова, 01–1–21, номер ЦИТИС 121031600200–2.

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций».

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/354-364

Original Article

© Svetlana Borutskaya and Sergey Vasilyev

PALEODEMOGRAPHIC STUDIES OF THE “PSEBEPS-3” NECROPOLIS IN KRASNODAR KRAI

The “Psebeps-3” necropolis is located at the archaeological heritage site “Settlement Psebeps-3” in the Krymsky district of the Krasnodar Krai and dates back to the XIV—early XV centuries. A paleodemographic study of the necropolis was conducted in 2016. The studied sample is very representative (a total of 381 individuals), although the cemetery functioned for a short period of time—a little more than a century. The ratio of adult males and females was 65.46% and 34.54%. Such a small number of females compared to males could be explained by the frequency of early deaths among women. The average life expectancy in the group was 25.7 years. The average life expectancy of adult women was found to be about 5 years less than that of men, which is associated with a high mortality rate for women under the age of 25. The final age cohort of the whole group, as well as only women, is very small in number. The percentage of individuals in the age cohort of 50+ years among men is high—12.3%. The child mortality in the group is average and amounts to 31.23%. Almost half of the children died in the first 5 years of life, and a fifth of the children died under the age of 1 year.

Keywords: archeology, paleodemography, necropolis, age cohort, average life expectancy, infant mortality, peak mortality

Author Info: Borutskaya, Svetlana B. — Ph. D. in Biology, Researcher of the Department of Anthropology of the Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Vasilyev, Sergey V. — Doctor of History, Chief Researcher of the Center for Physical Anthropology, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow); Leading Researcher of the Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow). E-mail: vasbor1@yandex.ru

For Citation: Borutskaya, S. B. and S. V. Vasilyev. 2023. Paleodemographic Studies of the necropolis “Psebeps-3” in Krasnodar Krai. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 354–364.

Funding: The work was carried out according to the research project “Formation of Some Morphofunctional Human Features in Philo- and Ontogenesis” of the Department of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, 01–1–21, CITIS number 121031600200–2 and within the framework of the research topic “The evolutionary continuum of the genus Homo”. Sub-topic “Anthropology of ancient and modern populations”.

Введение

Исследования некрополя на территории объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» были проведены весной 2016 г. в Крымском районе Краснодарского края под руководством к. и. н. Л. И. Красильниковой. Поселение расположено на левом пойменном берегу р. Псебепс в 1,33 км к Ю-ЮВ от здания ж/д станции Варениковская.

В ходе работ была исследована площадь 8680 м². Выявлено 154 бытовых, 160 погребальных комплексов, 5 скоплений керамики и 6 скоплений антропологического материала. Получена значительная керамическая серия и несколько сотен находок из металла, кости, стекла и глины. Всего обнаружено 24331 находка, из них 11199 единиц остеологического материала. Антропологическая коллекция представлена останками 381 человека. Ориентировочная площадь могильника составляет около 1260 м², территория жилых и хозяйственных комплексов отделена от могильника примерно 25-метровой «чистой зоной» на севере и 13–14 м на юге.

Могильник представлен каменными ящиками и грунтовыми погребениями без организации могильной ямы (Рис. 1). В целом погребальный обряд можно отнести к языческому обряду, с чертами традиций народов Кавказа в монгольское время. Наиболее вероятно, что данные погребения и поселение принадлежат адыгам (черкесам), говорящим на адыгских языках абхазо-адыгской языковой группы. Трупоположение — и в каменных ящиках, и в грунтовых могильниках, лежа на спине, вытянуто; ориентация головы — на запад или юго-запад, в основном без поворота головы (Рис. 2). Единичные погребения были ориентированы на северо-запад. Руки погребенных были или согнуты в локтях и располагались в области живота, или иногда были вытянуты вдоль тела. В каменных ящиках или грунтовых могильниках были похоронены от одного до нескольких человек.

Проведенный анализ археологического материала позволил датировать могильник серединой XIV — началом XV вв., который имеет аналогии с артефактами, относящимися к Белореченской культуре.

Рис. 1. Захоронения в каменных ящиках на территории некрополя Псебепс-3.

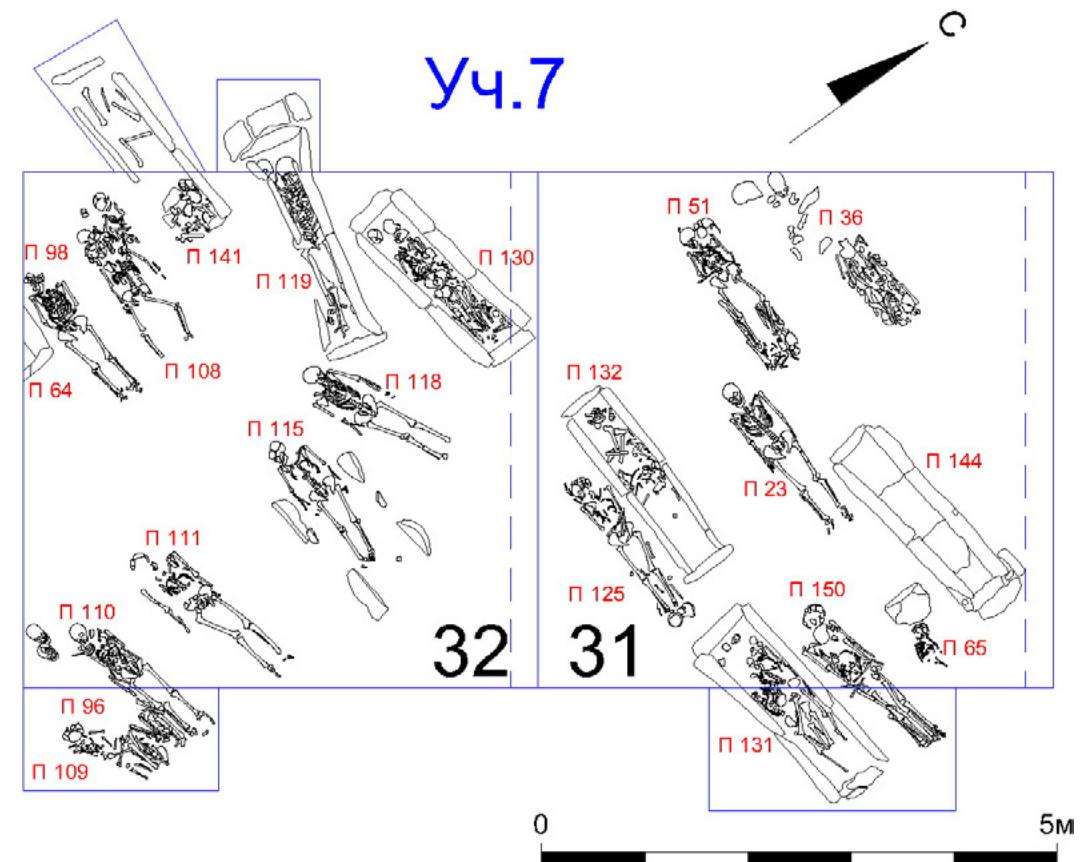

Рис. 2. Чертеж одного из участков (участка № 7) некрополя Псебепс-3.

Проведенное краниологическое исследование позволило сделать вывод, что в целом мужская выборка характеризуется гипermорфией, мозговая коробка долихокранная, при очень больших продольном и высотном диаметрах и среднем попечерном, лицевой скелет высокий и широкий, резко профилированный, нос высокий и среднеширокий, сильно выступающий, орбиты низкие и среднеширокие. Женская выборка оказалась слишком малочисленной для проведения внутригруппового анализа, но также достаточно однородна и, с учетом полового диморфизма, в целом, характеризуется теми же особенностями, что и мужская, отличаясь средним продольным диаметром и, соответственно, мезокранией и относительно несколько более высоким и узким лицом (Герасимова, Фризен, Васильев 2018).

Методы исследования

Методика расчета палеодемографических индексов и их последующего анализа базировалась на программе J. Angel (1969) (Алексеева, Богатенков, Лебединская 2003; Angel 1969).

Определение пола в нашей работе проводилось у индивидов старше 15 лет. В палеодемографии эти люди считаются взрослыми. Сохранность материала позволила

определить половую принадлежность у небольшой части индивидов возрастом 15–20 лет. Эти индивиды учитывались только в общегрупповом анализе. Определение пола и возраста проходило согласно традиционным антропологическим методам, учитывающим процесс развития морфологических особенностей черепа и посткраниального скелета, а также зубной системы (Никитюк 1960а; Никитюк 1960б; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Добряк 1960; Пашкова 1963; Ubelaker 1978). Общее число идентифицированных индивидов составило 381 человек.

Все индивиды (скелетные останки) после определения пола и возраста были распределены по пятилетним возрастным когортам. Для детей до 15 лет пол не определялся. В том случае, если возраст человека определялся в десятилетнем интервале (если не удавалось оценить возраст в пределах пяти лет, например, если скелет имел очень плохую сохранность), индивид как бы наполовину распределялся между соответствующими соседними пятилетними возрастными когортами. Использовался метод простой скользящей средней. Такое в палеодемографии допускается, так как в итоге нужно рассчитать различные показатели в процентах или в годах. Индивиды старше 50 лет все относились к последнему возрастному интервалу «50+ лет». Индивиды возрастного интервала 0–1 лет выделены и исследованы отдельно, но при этом они также входили в возрастную когорту «0–5 лет».

Был проведен палеодемографический анализ группы в целом, а также в отдельности детей, взрослых мужчин и женщин. В ходе работы были рассчитаны следующие палеодемографические индексы:

Nr — число индивидов группы, для которых был определен хотя бы возраст,

Na — объем взрослой выборки,

Ne — объем детской выборки,

Nm — объем взрослой мужской выборки,

Nf — объем взрослой женской выборки,

Dx — число индивидов в возрастной когорте,

Cx — процент индивидов в возрастной когорте,

Lx — процент индивидов, доживших до соответствующей возрастной когорты,

qx — вероятность смерти индивида в конкретной возрастной когорте,

A — средний возраст смерти в группе (средняя продолжительность жизни),

AA — средний возраст смерти взрослых индивидов группы, в том числе мужчин (AAm) и женщин (AAf),

PCD — процент детской смертности,

PBD — процент детей, умерших в первый год жизни. Этот индекс был рассчитан тремя способами:

PBD(0–50+) — процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех индивидов группы;

PBD(0–15) — процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех детей группы (то есть индивидов от 0 до 15 лет);

PBD(0–5) — процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно детей первого пятилетнего возрастного интервала (0–5 лет), в который дети до 1 года тоже входят;

Cm: Cf — процентное соотношение взрослых мужчин и женщин группы,

C50+ — процент индивидов в последней, или финальной, возрастной когорте,

Cm50+ — процент мужчин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых мужчин),

Cf50+ — процент женщин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых женщин).

Результаты расчета этих индексов представлены в таблицах 1–5, а также на диаграмме, рисунок 3.

В таблице 1 и на диаграмме рисунка 3 представлены результаты общего палеодемографического анализа группы из Псебепса-3. На основе данных этой таблицы далее были рассчитаны общие палеодемографические индексы.

Таблица 1.

Демографические показатели для разных возрастных когорт группы из некрополя Псебепс-3

Возрастная когорта	Dx (чел)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0–1 лет*	24	6,30	100,00	0,063
0–5 лет	57	14,96	100,00	0,150
5–10 лет	36	9,45	85,04	0,111
10–15 лет	26	6,82	75,59	0,090
15–20 лет	16	4,20	68,77	0,061
20–25 лет	43	11,29	64,57	0,175
25–30 лет	22	5,77	53,28	0,108
30–35 лет	60	15,75	47,51	0,332
35–40 лет	43	11,29	31,76	0,356
40–45 лет	41	10,76	20,47	0,526
45–50 лет	10	2,62	9,71	0,270
50+ лет	27	7,09	7,09	1,000
Σ	381 чел.	100%		

Примечание: 0–1 лет* — индивиды этого интервала также входят в когорту 0–5 лет.

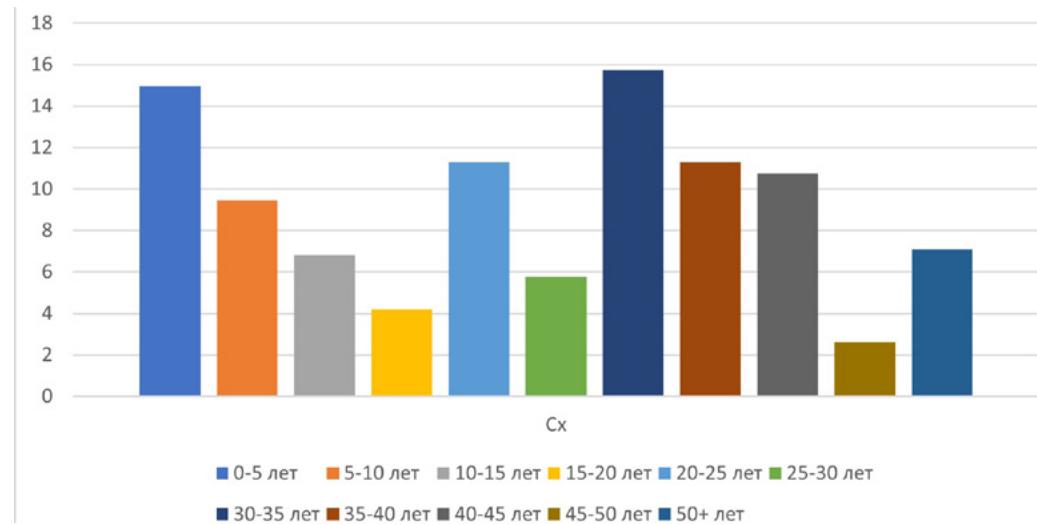

Рис. 3. Распределение индивидов группы Псебепс-3 по возрастным когортам (в %).

Исследование распределения индивидов по возрастным когортам выявило два основных пика смертности в группе. Первый и основной приходится на возрастной интервал 30–35 лет. В этот возрастной период умерло почти 16% населения. Второй пик (умерло почти 15%) приходится на первую возрастную когорту 0–5 лет. В более поздних средневековых сериях или сериях нового времени обычно главный пик смертности как раз приходится на эту возрастную когорту.

Наблюдается определенная закономерность в распределении по возрастным когортам детей и молодых людей, а именно постепенное снижение вероятности смертности в когортах от 0–5 лет до 15–20 лет. В дальнейшем определенной закономерности не наблюдается. Меньше всего умирало людей группы в возрасте 45–50 лет. До глубокой старости (по крайней мере до возраста 50 лет) дожило около 7% населения. Процент индивидов, умерших в детском возрасте, то есть, до 15 лет, составил 31,23%. Таким образом, примерно треть индивидов группы умерли в детском возрасте. Это — среднее значение индекса. Не малое, но соответствующее нормальной демографической обстановке. В таблице 2 приведены результаты расчета палеодемографических индексов для детских когорт относительно всей группы детей.

Таблица 2.

Демографические показатели детской части группы из некрополя Псебепс-3

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0–1 лет*	24	20,17	100%	0,202
0–5 лет	57	47,90	100%	0,479
5–10 лет	36	30,25	52,10	0,581
10–15 лет	26	21,85	21,85	1,000
Σ	119 чел.	100%		

Примечание: 0–1 лет* — индивиды этого интервала также входят в когорту 0–5 лет.

Как говорилось выше, с возрастом умирало все меньше детей. Больше всего — в возрасте 0–5 лет, меньше всего — в возрасте 10–15 лет. Интересно, что в первый год жизни умерло чуть больше 20% детей ($PBD(0-15)=20,17\%$), что от всей группы Псебепс-3 составило только 6,3% ($PBD(0-50+)=6,3\%$), но от непосредственно первой возрастной когорты — очень большую величину ($PBD(0-5)=42,11\%$). То есть немногим меньше половины детей первой условной возрастной когорты (0–5 лет) умерли до года, причем немалое количество — это были новорожденные. Высокая смертность детей и особенно самых маленьких объясняется отсутствием адекватной медицинской помощи, отсутствием антибиотиков, плохих условий жизни, недостаточностью питания.

В таблице 3 и на диаграмме рисунка 4 представлены результаты расчета палеодемографических индексов для мужчин группы.

Пик смертности мужчин группы аналогичен этому пику в группе вообще. Вероятно, наибольший вклад в образование этого пика смертности группы вносили именно мужчины. В целом характер диаграммы распределения по когортам мужчин очень схож с таковым всей группы. При этом следует заметить, что не идентифицированы мужчины возрастом 15–20 лет. Однако 13-ти индивидам возрастом 15–20 лет не удалось определить пол. Большая вероятность, что среди них были и молодые мужчины.

Таблица 3.

Палеодемографические показатели для мужской части группы из некрополя Псебепс-3

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20	0	0	100%	0
20–25	17	10,429	100%	0
25–30	13	7,976	89,571	0,089
30–35	45	27,607	81,595	0,338
35–40	31	19,018	53,988	0,352
40–45	28	17,178	34,970	0,491
45–50	9	5,522	17,792	0,310
50+	20	12,270	12,270	1,00
Σ	163 чел.	100%		

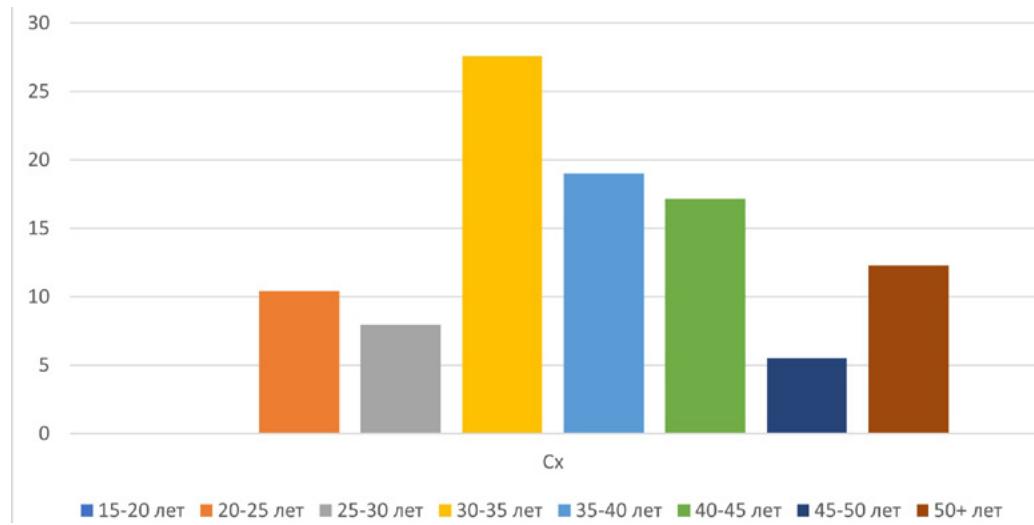

Рис. 4. Распределение мужских индивидов группы Псебепс-3 по возрастным когортам (в %).

Обращает на себя внимание высокая представительность финальной возрастной когорты мужчин — более 12%, что говорит о возможно особо внимательном отношении членов группы к старикам, особенно пожилым мужчинам.

В таблице 4 и на диаграмме рисунка 5 (стр. 362) представлены результаты расчета индексов процента индивидов в возрастных когортах, индексов долговечности до определенных когорт и индексов вероятности смерти в конкретных когортах женщин группы.

Пик смертности женщин приходится на возраст 20–25 лет. Можно предположить причину того, что женщины очень часто умирали именно в этом возрасте. Возможно, это было связано с началом семейной жизни и активной репродуктивной деятельностью, а также отсутствием необходимых медицинских услуг и антибиотиков, обеспечивающих выживание женщин в случае возникновения проблем во время родов. Реже всего женщины умирали в возрасте 45–50 лет. Не особенно высок процент женщин в финальной возрастной когорте. Низкий показатель смертности и в возрасте 15–20 лет, хотя именно в этот период должна была начинаться активная

Палеодемографические показатели женщин из некрополя Псебепс-3

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20	3	3,488	100%	0,035
20–25	26	30,233	96,512	0,313
25–30	9	10,465	66,279	0,158
30–35	15	17,442	55,814	0,313
35–40	12	13,953	38,372	0,363
40–45	13	15,116	24,419	0,619
45–50	1	1,163	9,303	0,125
50+	7	8,140	8,140	1,000
Σ	86 чел.	100%		

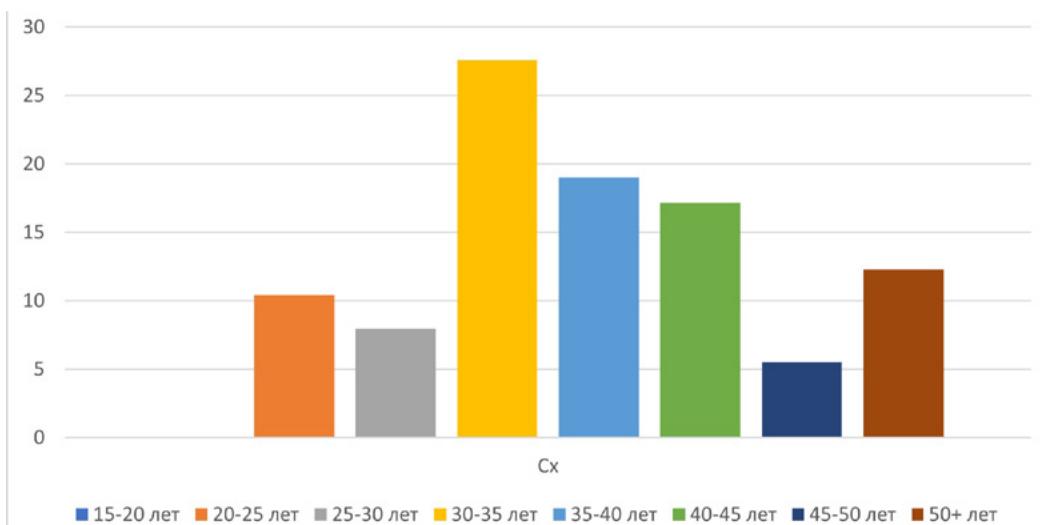

Рис. 5. Распределение женщин группы Псебепс-3 по возрастным когортам (в %).

репродуктивная деятельность женщин. В целом в группе вообще немного идентифицировано индивидов, умерших в этом возрасте.

В таблице 5 представлены результаты расчета главных палеодемографических индексов, позволяющих оценить демографическую ситуацию в группе Псебепс-3.

Общие палеодемографические индексы группы людей из некрополя Псебепс-3 XIV — начала XV вв

индекс	значение	индекс	значение
Nr	381 чел.	C(50+)	7,09%
Na	249+13=262 чел.	C(50+)m	12,27%
Nc	119 чел.	C(50+)f	8,14%
DX(m): Dx(f)	163 чел.: 86 чел.	Cm: Cf	65,46%: 34,54%
A	25,7 лет	PCD	31,23%
AA	34,5 лет	PBD (0–50+)	6,3%
AAm	37,0 лет	PBD (0–15)	20,17%
AAf	32,4 лет	PBD (0–5)	42,11%

Таблица 4.

По общим показателям палеодемографии группы из Псебепс-3 XIV — начала XV вв. можно сделать следующие заключения. Группа весьма представительна — 381 индивид. При этом кладбище, по археологическим данным, формировалось немногим более века. Следовательно, показатели демографии этой группы являются репрезентативными.

Процентное соотношение взрослых мужчин и женщин соответствует 65,46% и 34,54%. Таким образом, останков взрослых мужчин обнаружено в некрополе почти в два раза больше, чем женщин. Для средневековых популяций России такое соотношение было бы крайне необычным. Для группы из Псебепс-3 мы констатируем этот факт. В дальнейшем интересно будет сравнить соотношение по полу с синхронными группами с территорий, например, Северного Кавказа и Предкавказья. Столь малое количество женщин по сравнению с мужчинами можно было бы объяснить тем, что вероятно женщины чаще умирали в детском возрасте. Возможно, их хуже кормили, чем мальчиков, меньше о них заботились, не особенно пытались вылечить в случае болезней. Не исключено, что были и какие-то другие причины такого соотношения по полу. При этом точно можно утверждать, что здесь не было захоронений воинов, так как на скелетах мужчин, как и женщин не обнаружено следов боевого травматизма. Это была группа, которая вела относительно мирный образ жизни.

Средняя продолжительность жизни в группе (или средний возраст смерти) оказалась равной 25,7 лет. Показатель для средневековых групп средний или даже ниже среднего. Средняя продолжительность жизни взрослых женщин оказалась примерно на 5 лет меньше, чем у мужчин, что связано с высокой смертностью женщин в возрасте до 25 лет.

Финальная возрастная когорта представительна только у мужчин, что, вероятно, было связано с особой заботой о старцах, почтении и уважении. В целом же финальная возрастная когорта всей группы, так же, как и только женщин, не представительна.

Процент детской смертности — средний и составляет 31,23%. При этом почти половина детей умерли в первые пять лет жизни, а пятая часть детей умерли в возрасте до 1 года.

Научная литература

- Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Богатенков Д. В. Палеодемография Мистихали // Т. И. Алексеева, Д. В. Богатенков, Г. В. Лебединская. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. С. 19–49.
- Герасимова М. М., Фризен С. Ю., Васильев С. В. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 108–119. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-108-119>
- Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Госмединздат УССР, 1960. 192 с.
- Никитюк Б. А. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // Вопросы антропологии. 1960. Вып. 2. С. 115–121.
- Никитюк Б. А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии. 1960. Вып. 3. С. 118–129.
- Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 153 с.

- Angel J. L. The Bases of Paleodemography // American Journal of Physical Anthropology. 1969. Vol. 30. P. 427–438. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330300314>
- Ubelaker D. H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 172 p.

References

- Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Anthropologic Research Technique]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Alekseev, V. P. and, G. F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Anthropologic Research Technique]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Angel, J. L. 1969. The Bases of Paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology* 30: 427–438. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330300314>
- Bogatenkov, D. V. 2003. Paleodemografija Mistikhali [Paleodemography of Mistikhali]. In *Vlakhi. Antropoekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolja Mistikhali)* [(The Vlakhs. Anthropological — Ecological Research (on Materials from the Medieval Necropolis of Mistikhaly)], ed. by T. I. Alekseeva, D. V. Bogatenkov, G. V. Lebedinskaya. Moscow: Nauchnii mir. 19–49.
- Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa* [Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver]. Kiev: State Medical House of the Ukrainian SSR. 192 p.
- Gerasimova, M. M., S. Yu. Frizen and S. V. Vasilyev. 2018. Craniologicheskie materialy iz srednevekovykh mogilnikov Krasnodarskogo kraja [Craniological Materials from Medieval Grave Fields in Krasnodar Krai]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 4(43): 108–119. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-108-119>
- Nikitiuk, B. A. 1960. O zakonomernostyakh obliteratsii shvov na naruzhnoj poverkhnosti mozgovogo otdela cherepa cheloveka [On the Regularities of Obliteration of Sutures on the Outer Surface of the Cerebral Part of the Human Skull]. *Voprosy antropologii* 2: 115–121.
- Nikitiuk, B. A. 1960. Opredelenie vozrasta cheloveka po skeletu i zubam [Determining the Age of a Person by Skeleton and Teeth]. *Voprosy antropologii* 3: 118–129.
- Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii* [Essays on Forensic Osteology]. Moscow: Medgiz. 153 p.
- Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Adline publishing company: 172 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/365-369
Рецензия

© Р. Ю. Федоров

НОВЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ РУССКИХ

Рецензия на книгу: Жигунова М. А. *Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции*. Омск, Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 232 с.

В представленной к рецензии монографии М. А. Жигуновой опубликованы результаты многолетних исследований автора антропологии и этнографии современного сибирского города на примере Омска. Автор характеризует этническое, национальное, гражданское, региональное и религиозное самосознание, основные черты характера русских, их представления о семье и браке, обряды жизненного цикла. Впервые специфика культуры анализируется через этнокультурные предпочтения: любимые праздники, блюда и напитки национальной кухни, фольклор и музыкальные предпочтения, учреждения культуры и творческие коллективы. Рецензент кратко охарактеризовал содержание, источниковую базу и методологию работы, выделив элементы их новизны в контексте современных исследований русского населения Сибири.

Ключевые слова: русские, Сибирь, Омск, идентичность, семья и семейная обрядность, этнокультурные предпочтения

Ссылка при цитировании: Федоров Р. Ю. Новый вклад в изучение самосознания и культуры русских. Рецензия на книгу: Жигунова М. А. *Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции*. Омск, Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 232 с. // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 365–369.

UDC 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/365-369
 Book Review

© Roman Fedorov

A NEW CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE IDENTITY AND CULTURE OF RUSSIANS

Book Review: M. A. Zhigunova. *The Russian Population of the City of Omsk: Identity, Culture, Traditions*

The reviewed monograph by M. A. Zhigunova presents the results of the author's long-term anthropological and ethnographic research of the modern Siberian city on the example of Omsk. The author characterizes ethnic, national, regional and religious identity, the personality traits associated with Russians, their understanding of family and marriage, and the life cycle rituals. For the first time, the specificity of culture is analyzed through ethnocultural preferences: favourite holidays, dishes and drinks of national cuisine, folklore and musical preferences, cultural institutions and folk groups. The reviewer briefly describes the content, source base and methodology of the work, highlighting the novel elements in the context of modern studies of the Siberian Russian population.

Keywords: Russians, Siberia, Omsk, identity, family and family ritualism, ethnocultural preferences

Author Info: Fedorov, Roman Yu. — Ph. D. in History, Chief Researcher of the Ethnology and Social Anthropology Department, Institute of the Problems of Northern Development of Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, 625026 Tyumen, 86 Malygina str.). E-mail: r_fedorov@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

For citation: Fedorov, R. Yu. 2023. A New Contribution to the Study of the Identity and Culture of Russians. Book Review: M. A. Zhigunova. The Russian Population of the City of Omsk: Identity, Culture, Traditions *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 365–369.

В новой монографии известного российского этнографа, старшего научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН, кандидата исторических наук М. А. Жигуновой представлены результаты проведенных ею многолетних исследований антропологии и этнографии современного сибирского города на примере Омска. Учитывая тот факт, что большинство этнографических исследований русского населения Сибири ограничены хронологическими рамками до начала XX в. и посвящено сельскому населению с акцентом на изучение его традиционной культуры, представленную в этой рецензии монографию можно рассматривать как во многих отношениях неординарное и заслуживающее особого внимания научное событие.

Как справедливо отмечает автор во введении, актуальность исследования обусловлена социальной востребованностью изучения современных процессов, про-

М. А. Жигунова

УДК 930.85-39(571.13)
 ИДБ 63.5ст1-7(253.5)
 ЗК68
 ISBN 978-5-85383-905-2

Жигунова М. А.
Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции : монография. – Институт археологии и этнографии СО РАН / отв. ред. П. П. Вибе, Н. А. Томилов. – Омск : Екатеринбург : Уральский рабочий, 2022. – 232 с. : ил.
 Книга является первым опытом комплексного изучения антропологии и этнографии современного сибирского города на примере Омска. Используя междисциплинарный подход, автор характеризует этническую, национальную, гражданскую, региональные и религиозные самосознания, основные черты русской культуры и ее традиций, а также особенности быта и бытового пространства. Внутренняя специфика культуры анализируется через этнокультурные представления в фольклоре, праздниках и иных. Отдельное внимание уделяется межэтническим и межрелигиозным взаимоотношениям.

Издание рассчитано на историков, этнографов, культурологов, социологов, фольклористов, религиоведов, краеведов, а также всех, кто интересуется историей русской культуры.

БДК 63.5ст1-7(253.5)

Оглавление:
 автор исторических наук П. П. Вибе (Омск), доктор исторических наук П. А. Томилов (Омск)

Рецензенты:
 доктор исторических наук Л. А. Давид (Омск), доктор исторических наук В. Г. Рождественский (Омск),
 доктор исторических наук Е. В. Фролова (Новосибирск)

На 1-й стр. обложки: Омские деревни. Картина С. Е. Сорокина (холст, масло, 70×120 см). Омск, 2019 г.

На 2-й стр. обложки: Сибирь Новая год. Картина С. Е. Сорокина (холст, масло, 90×130 см). Омск, 2022 г.

М. А. Жигунова
The Russian population of the city of Omsk: identity, culture, traditions: monograph / M. A. Zhigunova. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS / Ed. P. P. Vib, N. A. Tomilov. – Omsk : Yekaterinburg : Publishing polygraphic enterprise The Ural Worker, 2022. – 232 s. : ill.

This book is the first experience of a comprehensive study of the anthropology and ethnography of a modern Siberian city (on the example of Omsk). The author uses an interdisciplinary approach in the work, characterizes ethnic, national, civil, regional Siberian and religious self-consciousness, the main character traits of Russian people, ideas about family and marriage, rituals of the life cycle. Also, for the first time, the specificity of culture is analyzed through ethno-cultural preferences: favorite songs and sayings, holidays, dishes and other ethno-cultural customs. Special attention paid to the mutual influence of Russian residents with representatives of other people, religious cultures.

This book will be interesting for historians, ethnographers, cultural scientists, sociologists, folklorists, religious scholars, local historians, as well as anyone interested in the history of Russian culture.

ISBN 978-5-85383-905-2

© М. А. Жигунова, 2022

© M. A. Zhigunova, 2022

исходящих в самосознании и культуре русских — крупнейшей этнической общности Сибири на фоне крайне малого числа работ, посвященных этой теме. Научная значимость работы обусловлена тем, что в настоящее время, в связи с процессами урбанизации, модернизации жизненного уклада и депопуляции сибирской деревни основная арена этнокультурных процессов у русского населения Сибири сместилась в городскую среду. Во многом этому способствовала начавшаяся в 1990-е гг. институционализация этно-ренессанса, нашедшая свое выражение в создании в крупных городах национальных культурных объединений, фольклорных коллективов, возрождении казачества и т. д. Однако в отечественной антропологии остается много «белых пятен», связанных с изучением современных этнокультурных процессов в городской среде. В монографии М. А. Жигуновой сделан акцент на изучение с этих позиций современного сибирского города, что восполняет ряд важных пробелов в данной исследовательской проблеме как с точки зрения разработки адекватной для нее методологии, так и в плане введения в научный оборот ряда уникальных этнографических, музееведческих и социально-антропологических материалов.

Приводя характеристику объекта исследования, автор отмечает, что «современное понятие «русский» не всегда соответствует русской этничности. Зачастую так определяют себя люди самого разного этнического происхождения: те, кто живет в России, считает русский язык родным и является, по сути, носителем русской культуры. В настоящее время зачастую гражданская идентичность — «россияне» — выступает в восприятии народа как своеобразная замена этнической. Существует понимание российского народа как особой гражданской нации, объединяющей всех россиян» (Жигунова 2022: 171). Таким образом, автор выходит далеко за рамки при-

мордиалистской трактовки понятия «русские», отмечая, что современная идентичность русских омичей характеризуется многоуровневостью и множественностью вариантов этнического и национального самоопределения.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, списков источников и литературы, иллюстраций и сокращений. Первая глава посвящена изучению основных граней самосознания современного русского населения г. Омска. В ней автор анализирует такие универсальные понятия, как этническая, национальная и гражданская идентичности. Большой интерес представляет параграф, посвященный региональной сибирской идентичности — теме, которая получила в предыдущих исследованиях М. А. Жигуновой свою оригинальную трактовку и глубокую проработку. Помимо этого, глава содержит параграфы, посвященные религиозной идентичности, а также национальной гордости и патриотизму. Отдельное внимание уделяется межэтническим и межрелигиозным взаимовлияниям в современном сибирском городе. В целом, опираясь на лично собранные с середины 1980-х гг. полевые материалы и анализ разносторонних статистических и документальных источников, автор делает акцент на многоуровневости, сложности и изменчивости идентичности русского населения Омска. Вторая глава посвящена русской семье и обрядам жизненного цикла. Она включает параграфы, в которых подвергнуты анализу базовые характеристики и представления о семье и браке (термины родства, качества идеальных супругов, причины и возраст вступления в брак и др.), представлены традиции и инновации в родильно-крестильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности жителей Омска. Тематика и исследовательская оптика третьей главы монографии во многом имеет новаторский характер. В ней автор впервые вводит в научный оборот понятие «этнокультурные предпочтения», среди которых рассматриваются любимые праздники русских, блюда и напитки национальной кухни, музыкальные и фольклорные произведения, а также учреждения культуры и творческие коллективы.

Работа М. А. Жигуновой имеет высокую научную обоснованность, опирается на большой массив многолетних исследований, тематического анкетирования, глубинных интервью и анализ письменных источников. Учитывая многолетнее активное сотрудничество М. А. Жигуновой в качестве эксперта с музеями, театрами и национально-культурными объединениями г. Омска, опыт которого отражен в монографии, к одному из основных методов исследования также можно отнести включенное наблюдение.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на вкладыш монографии с 50 цветными иллюстрациями. В нем представлены не только уникальные музейные экспонаты XVIII — середины XX вв., но и публикуемые впервые фотографии предметов быта, образцов декоративно-прикладного искусства и сюжетов, характеризующих особенности обрядово-праздничной культуры современных жителей Омска. Следует отметить и довольно эстетичное оформление книги в целом, в котором автор использовала картины известного омского художника С. Е. Сочивко.

К дискуссионным моментам исследования следует отнести утверждение автора о том, что омичей можно характеризовать как этнотERRиториальную группу русских Сибири. В связи с этим возникает несколько вопросов: Насколько в целом правомерно причислять городские общности к этнотERRиториальным группам? Какими базовыми критериями идентичности должны обладать подобные сообщества? Ответ на последний вопрос в данном случае особенно актуален ввиду того, что автор от-

мечает высокую степень гетерогенности русского населения Омска (Жигунова 2022: 170). Жаль, что в издании слабо представлена этнокультурная динамика в сфере материальной культуры (кроме пищи), тем более, что у автора имеются публикации, посвященные этой теме.

Среди преимуществ монографии следует отметить неповторимый авторский стиль М. А. Жигуновой, для которого характерно сочетание академичности с эмоциональностью, образностью и легкостью литературного языка. Эта особенность делает книгу в равной степени интересной как для специалистов — этнологов и антропологов, так и для широкого круга читателей.

В завершении хотелось бы отметить то, что важной отличительной особенностью исследования М. А. Жигуновой является его самобытность. В отличие от некоторых отечественных исследователей, идущих по наиболее простому пути, автор не пытается исследовать происходящие в России современные этнокультурные процессы с помощью апробированных ранее и уже ставших мейнстримом за рубежом подходов, а опирается на свои оригинальные авторские методы и стиль изложения, за которыми стоят искреннее неравнодушие и глубокая вовлеченность в мир традиций и современную культурную жизнь русского населения Сибири.

Научная литература

Жигунова М. А. Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции: монография. Институт археологии и этнографии СО РАН / отв. ред. П. П. Вибе, Н. А. Томилов. Омск, Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 232 с.

References

Zhigunova, M. A. 2022. *Russkoe naselenie goroda Omska: identichnost', kul'tura, traditsii* [Russian Population of the City of Omsk: Identity, Culture, Traditions]. Institute of archeology and ethnography SB RAS / P. P. Vibe and N. A. Tomilov (eds). Omsk, Yekaterinburg: Ural Worker. 232 p.

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/370-375
 Рецензия

© Т. С. Каландаров

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: DAGIEV DAGIKHUDO. CENTRAL ASIAN ISMAILIS. AN ANNOTATED BIBLIOGRAPHY OF RUSSIAN, TAJIK AND OTHER SOURCES. LONDON: I. B. TAURIS, 2022. 278 P.

В рецензии на книгу Дагихудо Дагиева «Central Asian Ismailis. An annotated bibliography of Russian, Tajik and other sources» дается в целом высокая оценка этому научному труду. Рецензент в краткой форме анализирует все три главы книги, показывая слабые и сильные стороны монографии. Несмотря на то, что исмаилитское сообщество Средней Азии имеет тысячелетнюю историю, подготовленных исследований еще мало. Что касается опубликованных работ на английском языке, то их еще меньше. В этой связи рецензируемая книга особенно ценна, потому что обзорно знакомит англоязычных читателей с историей исмаилитов Средней Азии и дает историографию проблемы. Несмотря на то, что автор рецензируемого труда собрал впечатительный библиографический список работ по истории и доктринах исмаилитов (собственно библиография и составляет содержание третьей главы), тем не менее он не охватил абсолютно все исследования по данной теме, на что указывает рецензент. Однако аннотации к более 700 публикациям на таджикском, русском и английском языках являются хорошим ресурсом для исследователей, которые занимаются проблематикой, связанной с исмаилитизмом.

Ключевые слова: исмаилиты, Таджикистан, историография, источниковедение

Ссылка при цитировании: Каландаров Т. С. Рецензия на книгу: Dagiev Dagikhudo. Central Asian Ismailis. An Annotated Bibliography of Russian, Tajik and Other Sources. London: I. B. Tauris, 2022. 278 p. // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 370–375.

Каландаров Тохир Сафарбекович — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а).
 Эл. адрес: tohir_s70@mail.ru

УДК 39
 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/370-375
 Book Review

© Tokhir Kalandarov

BOOK REVIEW: DAGIEV DAGIKHUDO. CENTRAL ASIAN ISMAILIS. AN ANNOTATED BIBLIOGRAPHY OF RUSSIAN, TAJIK AND OTHER SOURCES. LONDON: I. B. TAURIS, 2022. 278 P.

In the book review of Dagikhudo Dagiev's "Central Asian Ismailis. An annotated bibliography of Russian, Tajik and other sources", the reviewer expresses his high appreciation with the regard to this academic work in general. The reviewer briefly analyses all three chapters of the book, highlighting the strengths and weaknesses of the monograph. Despite the fact that the Ismaili community of Central Asia has a thousand-year history, there are still few studies conducted in this area. This is especially true for the published works in English. In this regard, the reviewed work is particularly valuable as it introduces English-speaking readers to the history of the Ismailis of Central Asia and provides a historiography of this issue. The author has compiled an impressive bibliographic list (the third chapter is entirely dedicated to the bibliography) of works on the history and doctrine of the Ismailis, nevertheless, it has not covered all published works on this issue. However, the abstracts of more than 700 works in Tajik, Russian and English are a decent resource for researchers who work in this area.

Keywords: Ismailis, Tajikistan, historiography, source studies

Author Info: Kalandarov, Tokhir S. — Ph. D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: tohir_s70@mail.ru

For Citation: Kalandarov, T. S. 2023. Book Review: Dagiev Dagikhudo. Central Asian Ismailis. An Annotated Bibliography of Russian, Tajik and Other Sources. London: I. B. Tauris, 2022. 278 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 370–375.

Книга научного сотрудника Института исмаилитских исследований Лондона доктора Дагихудо Дагиева «Исмаилиты Средней Азии. Аннотированная библиография русских, таджикских и других источников» вышла в издательстве I. B. Tauris в Лондоне в 2022 г. Она состоит из трех глав. Первая глава называется «История исмаилитов в Центральной Азии». Вторая глава носит название «Исмаилитское изучение со стороны русских, советских и постсоветских исследователей». Третья глава посвящена описанию библиографических работ об исмаилитах времен Царской России, советского и постсоветского периодов.

Отметим прежде всего, что это реферативная книга, которая знакомит англоязычного читателя на Западе с тем, как источники на русском, таджикском, персидском языках анализировали историю и доктрину исмаилитов, живущих в Средней Азии, а точнее — в нынешнем Таджикистане. Безусловно, история исмаилитов Средней

Азии имеет очень глубокие корни и автору рецензируемой книги, на наш взгляд, стоило больших усилий изложить столь обширную информацию в рамках одной (первой) главы книги. В принципе, Д. Дагиеву удалось пунктирно показать историю появления и развития исмаилизма на территории нынешнего Таджикистана. Все достоинства текста читатели оценят сами. В данной рецензии хотелось хотя бы кратко высказать некоторые свои мысли и замечания относительно этой главы.

Этимология топонима Бадахшан как страны шахов является очень спорной. Автор рецензируемой книги ссылается на монографию Т. Н. Пахалиной «Памирские языки», однако в ней не проводится этимология данного топонима. Также гипотеза о происхождении топонима «Памир» от фантастического как «страна ариев» до «подножия Митры» является малоубедительной, и автору надо было рассмотреть другие варианты объяснения этимологии Памира. На мой взгляд, наиболее приемлемой можно считать версию, предложенную Л. Г. Герценбергом. По его мнению, «обозначение Памира как “границы”, “предела” иранских земель представляется совершенно естественным... Первая часть топонима остается не совсем ясной, очень возможно *рага — “далекий”, “верхний”... со значением “дальняя (или верхняя) по-граничная (страна)”» (Герценберг 1972: 48).

На стр. 52 рецензируемой книги Д. Дагиев ссылается на публикацию в Интернете под названием «История Памира», в которой говорится о том, что Ага-Хан III (духовный лидер исмаилитов, Т.К.) был приглашен императором Николаем II в Россию. На самом деле это было не так. Сам Ага-Хан III в своих мемуарах пишет о том, что его пригласил великий князь Михаил Александрович — брат императора Николая II (The Memoirs 1954: 122). Именно поэтому, когда Ага-Хан III находился в Санкт-Петербурге, он не встретился с императором. Некоторые ссылки автора на интернет-издания вызывают удивление. Например, говоря об установлении Советской власти на Памире, автор ссылается на анонимного автора реферата (Dagiev 2022: 54).

Говоря о нациестроительстве советского периода, Д. Дагиев использует термин *хомо советикус* (*Homo Sovieticus*) (Dagiev 2022: 58). На наш взгляд, данный термин является достаточно спорным, хотя бы уже, потому что сами основатели Советского государства не использовали данный термин, который вошёл в широкое обращение значительно позже. Кроме того, смысл термина «советский человек» не передается термином *хомо советикус*, тем более не является его синонимом (Зиновьев 1982: 37; Zinoviev 1986: 13).

Вторая глава книги, как уже было отмечено, посвящена историографии изучаемой темы. Автор справедливо как одного из первых исследователей, писавших об исмаилитах, называет А. А. Бобринского. Только почему-то говоря о встрече А. А. Бобринского с исмаилитскими пирами (местные религиозные авторитеты — Т.К.) Бадахшана, Дагиев вторым и третьим пирами называет Саида Казима и Али Мардан Шаха (Dagiev 2022: 66), хотя сам Бобринской второго и третьего пира называет Саид Ахмад Шах и Саид Мурсал (Бобринской 1902: 11–15). Д. Дагиев, анализируя работы советских ученых, справедливо отмечает политический контекст того периода. Надо констатировать, что не один из советских исследователей занимающиеся исмаилизмом не остался без внимания автора. Он скрупулезнно анализирует труды советских исследователей.

Отдельно автор описывает рукописи, найденные на территории Таджикистана, и справедливо отмечает большую роль в их обнаружении со стороны участников

научной экспедиции 1959–1963 гг. в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикистана (Бертельс, Бакоев 1967).

Говоря о постсоветских исследованиях исмаилизма, Дагиев отмечает заслуги Института исмаилитских исследований Лондона и его сотрудников. Можно согласиться с мнением, что важное место среди исследователей этого института занимает доктор Фархад Дафтари, который многие годы являлся директором данного научного учреждения. Дагиев также особо выделяет достижения Отдела рукописей Института исмаилитских исследований. Он подчеркивает его роль в нахождении и копировании исмаилитских рукописей, как на стороне таджикского Бадахшана, так и в афганском Бадахшане. Наряду с рукописями религиозного характера были найдены и описаны рукописи классиков таджикско-персидской литературы, такие как сборники стихов (диваны) Хафиза, Руми, Аттара и других классиков.

В постсоветскую эпоху появилось множество новых исследований по истории, религии, культуре и традициям исмаилитов Средней Азии. Среди таджикских ученых Дагиев отмечает работы Хаелбека Додихудоева, Абусаида Шохуморова, Ниёзбека Давлатбекова, Кудратбека Эльчибекова, Эльбона Ходжибекова, Сунатулло Джонбобоева, Тохира Каландарова, Хокима Каландарова, Давлата Ниёзбекова, Абдулмамада Илолиева, Музаффара Зоолшоева, Нурмамадшо Нурмамадшоева, Отамбека Мастибекова, Шафтому Гуламадова, а также некоторых западных ученых, таких как Алиса Хансбергер, Даниэл Бебен и Джо-Энн Гросс.

Ученых и их исследования исмаилитов в постсоветскую эпоху автор разделяет на три категории: (1) ученые, находившиеся под влиянием советского или марксистского исторического материализма, несмотря на крах коммунистического режима; (2) ученые, которые занялись исмаилитскими исследованиями после распада Советского Союза — на них советская наука не оказала большого влияния, а также те, кто может получить доступ к соответствующей литературе на западных языках; и (3) ученые, подходящие к исмаилитским исследованиям с точки зрения Запада — западные ученые и ученые таджикского происхождения, родившиеся в Таджикистане и получившие западное образование. Несмотря на условность такого разделения, тем не менее, в какой-то мере можно признать его закономерным.

Третья глава книги охватывает список работ ученых со времен царской России до современных, которые пишут на русском, таджикском и английском языках об истории и вере исмаилитов. Примечательно, что каждое библиографическое описание сопровождается краткой аннотацией, которая дает возможность англоязычным читателям и исследователям понять суть трудов, опубликованных на таджикском или русском языках. Список работ включает 722 наименования как монографий, так и научных статей. Конечно, это чрезвычайно сложная работа сформировать столь обширный список публикаций, посвященных тому или иному религиозному течению. И тем не менее, несмотря на внушительный список, автором всё же были упущены несколько важных публикаций об исмаилитах, а именно — небольшие исследовательские статьи, которые имеют очевидную научную значимость. Для примера отметим только некоторые из них. Это интереснейшие работы академика И. М. Стеблина-Каменского относительно прижизненных поминок исмаилитов (Стеблин-Каменский 1995) и ритуальной пищи у исмаилитов ГБАО (Стеблин-Каменский 1975). Таджикские исследователи Н. Бабаева и Л. Бахтоваршоева написали прекрасную статью про саван — ритуальное одеяние покойников, которая также

не вошла в данный список Дагиева (Бабаева, Бахтоваршоева 1979). Статья лингвиста Р. Х. Додыхудоева, посвященная духовной культуре в топонимике ГБАО, также осталась вне поля зрения автора (Додыхудоев 1985). Данный перечень можно продолжить. Однако несмотря на некоторые упущения, список является хорошим библиографическим указателем для молодых исследователей, только начинающих изучать таджикское исмаилитское сообщество.

Подводя итог, можно сказать, что книга Дагиудо Дагиева в исламоведческой науке дает целостное представление о важнейших вехах истории исмаилитов региона. Важным аргументом в пользу её значимости является то, что она написана на английском языке, и это позволяет сделать доступной содержащуюся в ней информацию об исмаилитах современного Таджикистана для широкого круга читателей, в первую очередь англоязычных специалистов и любителей Востока. Книга найдет свое достойное место в библиотеке ученых не только бывшего Советского Союза, но и их коллег по всему миру. В этой связи хочется поздравить автора и пожелать ему новых научных трудов.

Научная литература

- Бабаева Н., Бахтоваршоева Л. Саван // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 127–133.
- Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959–1963 гг. М.: Наука, 1967. 120 с.
- Бобринской А. А. Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М., 1902. 18 с.
- Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.: Наука, 1972. 274 с.
- Додыхудоев Р. Х. Термины материальной и духовной культуры в топонимике Памира // Вопросы памирской филологии. Вып. 3. Душанбе, 1985. С. 108–120.
- Зиновьев А. Гомо советикус. Лозанна: L'Age D'Homme, 1982. 192 с.
- Стеблин-Каменский И. М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. М., 1975. С. 192–209.
- Стеблин-Каменский И. М. Прижизненные поминки — зороастрейский обряд в мусульманском обиходе // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов. Памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 101–105.
- Maughan S. (ed.) The Memoirs of Aga Khan. World enough and time. London: Cassel and Company LTD, 1954. 350 p.
- Zinoviev A. Homo Sovieticus. Boulder: Paladin Grafton Book, 1986. 206 p.

References

- Babaeva, N. and L. Bakhtovarshoeva. 1979. Savan [Shroud]. In *Kostium narodov Srednei Azii* [Costume of the Peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka. 127–133.
- Bertel's, A. and M. Bakoev. 1967. *Alfabitnyi katalog rukopisei, obnaruzhennykh v Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti ekspeditsiei 1959–1963 gg.* [Alphabetical Catalog of Manuscripts Discovered in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region by the Expedition of 1959–1963]. Moscow: Nauka. 120 p.
- Bobrinskoi, A. A. 1902. *Sekta Ismail'ia v russkikh i bukharskikh predelakh Srednei Azii. Geograficheskoe rasprostranenie i organizatsiya.* [Ismailia Sect in the Russian and Bukhara Borders of Central Asia. Geographic Distribution and Organization]. Moscow. 18 p.

- Dodykhudoev, R. Kh. 1985. Terminy material'noi i duchovnoi kul'tury v toponimike Pamira [Terms of Material and Spiritual Culture in the Toponymy of the Pamir]. *Voprosy pamirskoi filologii* 3: 108–120.
- Gertsenberg, L. G. 1972. *Morfologicheskai struktura slova v drevnikh indoiranskikh iazykakh* [Morphological Structure of the Word in the Ancient Indo-Iranian Languages]. Leningrad: Nauka. 274 p.
- Maughan, S. (ed.). 1954. *The Memoirs of Aga Khan. World enough and time.* London: Cassel and Company LTD. 350 p.
- Steblin-Kamenskii, I. M. 1975. Povsednevnaia i ritual'naia pishcha vakhantsev [Daily and Ritual Food of the Wakhi]. In *Strany i narody Vostoka. Vyp. XVI. Pamir* [Countries and Peoples of the East. Issue. XVI. Pamir], ed. by D. A. Ol'derogge. Moscow: Nauka. 192–209.
- Steblin-Kamenskii, I. M. 1995. Prizhiznennye pominki — zoroastriiskii obriad v musul'manskom obiходe [Lifetime Commemoration — a Zoroastrian Rite in Muslim Everyday Life]. In *Ermitazhnye chteniiia 1986–1994 godov. Pamiati V. G. Lukonina* [Hermitage Readings 1986–1994. In Memory of V. G. Lukonin], ed. by E. V. Zeimal'. Saint Petersburg. 101–105.
- Zinov'ev, A. 1982. *Gomo sovetikus* [Homo Sovieticus]. Lausanne: L'Age D'Homme. 192 p.
- Zinoviev, A. 1986. *Homo Sovieticus*. Boulder: Paladin Grafton Book. 206 p.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2023. № 3

HERALD OF ANTHROPOLOGY
(Vestnik Antropologii)

Выпускающий редактор — М. Ю. Мартынова

Редакторы текстов по этнологии, социокультурной антропологии —
М. Ю. Мартынова, О. А. Зыкина

Редактор английских текстов — Т. А. Сюткина

Редактор текстов по физической антропологии — О. М. Григорьева

Компьютерная верстка — В. О. Березин
Художественное оформление обложки — Е. В. Орлова

Подписано к печати 1.09.2023 Формат 70 x 108/16

Усл.-печ. л. 32,9 Заказ № 227

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А